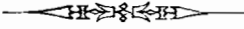

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

III

06
У
А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Том III

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1951

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
академик Б. Д. ГРЕКОВ

06
П. 5373
БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ ФИЗИКИ
АКДЕМИИ НАУК СССР
п. 5486

СТАТЪИ

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В СВЕТЕ ТРУДОВ И. В. СТАЛИНА ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ

1

После продолжительного периода застоя советское языкознание переживает теперь бурный подъем. Предпосылкой этого подъема явились гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания, которые определяют дальнейшее развитие всей нашей науки.

Классики марксизма-ленинизма уделяли большое внимание вопросам языка. В их трудах мы находим много ценных и важных для построения марксистско-ленинского языкознания высказываний о природе языка, о его происхождении, о взаимоотношении языка и мышления, о сравнительно-историческом методе, о родстве языков, о развитии языков в эпоху родового строя, о национальных языках, о характере развития языков после победы социализма. Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания дали советским лингвистам общую теорию марксистско-ленинского языкознания.

Товарищ Сталин показал, как нужно бороться с вульгаризаторами марксизма, с начетчиками и талмудистами, рассматривающими «марксизм, отдельные выводы и формулы марксизма, как собрание догматов, которые „никогда“ не изменяются, несмотря на изменение условий развития общества».¹ Он блестяще вскрыл антимарксистскую сущность так называемого „нового учения о языке“, показал, что Н. Я. Марр «был всего лишь упростиателем и вульгаризатором марксизма, вроде „пролеткультовцев“ или „рапповцев“».²

Товарищ Сталин поставил перед советскими лингвистами задачу внедрения марксизма в языкознание. Она успешно может быть решена только при глубоком, творческом овладении марксистской теорией, методом диалектического материализма, только при условии упорной борьбы советских лингвистов со всякого рода вульгаризацией марксизма и, прежде всего, с наследием Н. Я. Марра, его

¹ И. С т а л и н. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 54.—
Ниже ссылки всюду на это издание.

² И. С т а л и н. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33.

последователей и „учеников“, которые внесли в языкознание антинаучные идеи, вызвавшие глубокий застой в этой науке.

Успешное развитие языкознания (как и каждой науки) возможно лишь при всемерном развитии критики и самокритики. Именно отсутствие критики и самокритики, глубокой, воинствующей принципиальной и привело к тому, что «в органах языкознания, как в центре, так и в республиках, господствовал режим, не свойственный науке и людям науки. Малейшая критика положения дел в советском языкознании, даже самые робкие попытки критики так называемого „нового учения“ в языкознании преследовались и пресекались со стороны руководящих кругов языкознания».¹ В связи с этим товарищ Сталин напомнил всем ученым, что „никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики“.²

Бесспорно, что в области советского языкознания³ были известные достижения. За три десятилетия советские лингвисты много сделали в области изучения русского языка, создали ряд ценных работ по истории отдельных языков, изучили и дали научное описание многих, прежде неизвестных, языков. При деятельном участии советских лингвистов создавалась письменность для многих народов нашей родины, велась большая работа по созданию терминологии. „Достижения советских ученых в этой области (в языкознании. — С. Б.) значительны и не идут ни в какое сравнение с тем, что представляет лингвистика в буржуазных странах. . . Но из-за того, что за последние годы среди советских языковедов не развернулась научная критика и самокритика, — в науке о языке проявился застой. . .“³

Известные достижения в области советского языкознания имели место не в результате господства так наз. „нового учения о языке“, а вопреки этому. Последователи Н. Я. Марра не смогли создать ничего значительного и ценного, когда они следовали за Марром. И это понятно — Марр толкал их на путь вульгаризации и извращения марксизма, полного отрицания всех достижений науки за весь предшествующий период. „Новое учение“ было совершенно оторвано и от практических задач национально-языкового строительства. Лучшим доказательством этого является марровский аналитический алфавит, лишенный всякой практической ценности.

Особенно вредоносным влияние Марра было в области теоретического языкознания. Именно он явился автором в советском языкознании антимарксистской теории о языке как надстройке. Развивая эту теорию, Марр создал порочное учение о классовости языка, который якобы развивается не по своим внутренним законам, а в связи с развитием базиса. Поэтому в языке важнейшими элементами марристы признавали не грамматический строй и основной словарный фонд, а те лексические новообразования, в которых якобы отражается классовая идеология. Отсюда нигилистическое отношение к фонетике и морфологии, которые объявляются лишь голой техникой, переоценка семантики, третирование лингвистов, занимающихся изучением форм языка.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 31.

² Там же.

³ „За творческое развитие передовой науки“. — „Большевик“, 1950, № 11, стр. 10.

«Н. Я. Марр считал грамматику пустой „формальностью“, а людей, считающих грамматический строй основой языка — формалистами».¹

В период господства „нового учения о языке“ грамматика — этот важнейший раздел языкознания — подвергалась различным извращениям и искажениям. Марр выдвинул лозунг: „Грамматика должна быть идеологической“.² „Для Марра роль грамматики — чисто служебная; грамматика подчинена семантике, которая и представляет ведущую дисциплину языкознания, определяющую удельный вес всех остальных лингвистических дисциплин“.³ Это „учение“ нанесло серьезный ущерб советскому языкознанию и нашей средней школе. За последние годы у нас почти не появлялось значительных грамматических исследований. Не издано ни одной научной грамматики зарубежных славянских языков.

Марр и его „ученики“ фактически ликвидировали сравнительное языкознание у нас, чем нанесли огромный вред советской науке. Сравнительно-исторический метод был объявлен антинаучным, идеалистическим. Он решительно изгонялся не только из научно-исследовательской практики, но и из высшей школы.

„Сравнительно-исторический метод, изгнанный марристами из советского языкознания, в программе (в программе по введению в языкознание Н. С. Чемоданова. — С. Б.) трактуется как своеобразный реакционно-буржуазный раковый нарост“.⁴ В практике вузовской работы все это привело к значительному снижению лингвистической подготовки нашей молодежи.

Вместо сравнительно-исторического метода Марр стремился утвердить антинаучный и идеалистический метод палеонтологического анализа слов по четырем элементам. Марр и его последователи стали на путь отрицания генетического родства языков, объявив генеалогическую классификацию языков расистским измышлением. «Акад. Марр заявлял, что родство языков по происхождению, по исходному материалу и связанная с этим родством генеалогическая классификация языков — расовые понятия... „Расовая классификация“ в устах последователей Марра превращалась в расистскую. После опубликования работ И. В. Сталина следует признать бесспорным, что родство языков по происхождению не является понятием расовым, оно не имеет ничего общего с расизмом».⁵

Марр и его последователи совершенно извратили подлинную историю языков. Учение о линейном языке, стадияльная классификация языков, учение о скачкообразном развитии языков, учение о скреживании привели к отрицанию всякой закономерности в истории языков, к отрицанию внутренних законов развития языков.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 42.

² Н. С. Поспелов. Учение И. В. Сталина о грамматическом строе языка. „Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина“. М., 1950, стр. 59.

³ Там же, стр. 58.

⁴ В. В. Виноградов. Содержание и задачи курсов по языковедческим дисциплинам в свете работ И. В. Сталина по языкознанию. „Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина“, М., 1950, стр. 194.

⁵ А. С. Чикобава. Состояние и задачи советской науки о языке в свете указаний И. В. Сталина. „Известия отдел. литературы и языка АН СССР“, т. IX, вып. 2, стр. 90.

Лингвистические труды И. В. Сталина не только необыкновенно глубоко вскрыли антимарксистскую сущность взглядов Марра и его последователей, но и вывели советское языкознание из застоя, определили характер и направление всей научно-исследовательской работы советских лингвистов.

Работы товарища Сталина имеют огромное значение для дальнейшего развития славянского языкознания, которое особенно сильно пострадало в результате „деятельности“ марристов. Марр и его „ученики“ упорно, всеми средствами препятствовали изучению славянских языков. Из „школы“ Марра за все годы не вышло ни одного слависта. В институтах, руководимых марристами, не было издано ни одной работы, по сравнительному славянскому языкознанию. По настоянию Марра была ликвидирована „Энциклопедия славянской филологии“, было приостановлено печатание ряда крупных славистических работ. Многие слависты вынуждены были перейти на изучение других языков. Еще в ходе лингвистической дискуссии академик В. В. Виноградов справедливо писал, что „теории Марра и его последователей ставят исследователя истории славянских языков в тупик, и не приходится очень удивляться застою в области советского славянского языкознания“.¹

Враждебное отношение марристов к славянскому языкознанию легко понять. Поразительная близость славянских языков друг к другу сама по себе уже говорила против основных положений „нового учения“, фактически отрицающих генетическое родство языков и объяснявших близость языков только единством языкового развития. Бесплодно пытаясь с помощью своего фантастического четырехэлементного анализа установить связь русского языка с так называемыми яфетическими языками, к которым без всяких оснований причислялись многие финские и тюркские языки Восточной Европы, Марр сознательно замалчивал глубокие связи русского языка со всеми остальными славянскими языками, глумился над теми учеными, которые говорили о родстве славянских языков друг к другу. Прекрасно понимая, что факты славянских языков говорят против его теории, Марр просто изгонял из высшей школы их изучение, обязав даже аспирантов по русскому языку изучать не славянские языки, а „языки других систем“. По этому же пути шли всегда и „ученики“ Марра, лишив тем самым молодых специалистов возможности серьезного изучения прежде всего истории русского языка. За годы господства марристов у нас появилось не малое число „специалистов“ по русскому языку, которые не имеют ни малейшего представления не только о зарубежных славянских языках, но даже о белорусском и украинском.

Ликвидация сравнительной грамматики славянских языков принесла советской науке большой ущерб. „А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка“.²

¹ В. В. Виноградов. Развивать советское языкознание на основе марксистско-ленинской теории. „Правда“, 6 июня 1950 г.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33—34.

В настоящее время перед советскими славистами и, в частности, перед лингвистами Института славяноведения АН СССР стоит задача — развернуть большую систематическую работу в области сравнительной грамматики славянских языков. Только в результате этой работы можно усовершенствовать сравнительно-исторический метод, изучить внутренние законы развития славянских языков, не только эпох, близких к нам, но и древнейшего периода, установить соотносительную хронологию важнейших процессов, определить место славянских языков среди других языков индоевропейской семьи, выявить ценные факты для решения проблемы происхождения славянских народов.

Не менее важные задачи стоят перед славистами в области исторического изучения славянских языков, истории их грамматического строя и основного словарного фонда. Большое место в научно-исследовательской работе советских славистов должно занять изучение грамматики современных славянских языков.

В данной статье мы останавливаемся на проблемах сравнительной и исторической грамматики славянских языков. В связи с этим рассматриваются вопросы сравнительного метода, родства языков, истории языков в доклассовом обществе, диалектологии. Особое место уделено критике марровского „учения о скрещении языков“, которое принесло огромный вред изучению истории славянских языков.

II

Академик Марр целиком отрицал сравнительно-исторический метод и все то, что с помощью этого метода было в нашей науке установлено. Это объясняется тем, что сравнительно-исторический метод дает возможность изучить внутренние законы развития языков, а Марр и его последователи всегда решительно отрицали эти внутренние законы; сравнительно-исторический метод применяется при изучении родственных языков, а Марр и его последователи решительно отрицали генетическое родство языков; сравнительно-исторический метод обнаруживает, что современные языки сложились в глубокой древности и развивались медленно, переходя из одной общественной формации в другую, тогда как Марр и его „ученики“ выдвинули порочную идею о скачкообразном развитии языка, о ломке всей языковой структуры при переходе от одной общественной формации к другой. Вот почему марристы объявили сравнительно-историческому методу жестокую войну, признав его самым характерным признаком буржуазного языкознания. Именно по этой линии и шла в основном „борьба“ марристов с буржуазной наукой о языке, а не по линии действительной борьбы с идеализмом и с вульгарным материализмом. Работы И. В. Сталина с предельной глубиной вскрыли причины этого. Борьба с буржуазной наукой можно только с марксистских позиций.

В борьбе со сравнительно-историческим методом марристы показали себя не только начетчиками и талмудистами. Они вели открытую борьбу с Энгельсом, который сам пользовался сравнительно-историческим методом.

Широко известно заявление Энгельса в „Анти-Дюринге“ о сравнительно-историческом методе. «Но ведь „материя и форма родного

языка“ становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставить без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки».¹ Известно, что Энгельс изучил все славянские языки и хотел даже написать сравнительную грамматику славянских языков. К этой мысли он пришел еще до выхода в свет первой славянской сравнительной грамматики Ф. Миклошича (т. е. до 1852 г.), когда сравнительно-историческое языкознание делало лишь свои первые шаги. В письме к Марксу от 18 марта 1852 г. Энгельс подробно сообщает о своих занятиях в области славянского языкознания, указывая, что славянские языки представляют для него особый лингвистический интерес.² В письме к Лассалу от 14 марта 1859 г. Энгельс писал: „... я время от времени предавался своему старому излюбленному занятию — сравнительной филологии... если я некогда лелеял смелую мысль разработать сравнительную грамматику славянских языков, то теперь я уже давно отказался от этого, в особенности после того, как эту задачу с таким блестящим успехом выполнил Миклошич“.³

Все эти высказывания (кроме них имеются еще вполне определенные заявления об отношении к сравнительно-историческому языкознанию) неопровержимо свидетельствуют, что Энгельс не считал сравнительно-исторический метод методом идеалистическим. На такой же позиции стоял и Маркс. Оба они весьма сочувственно относились к молодой в то время науке о языке и считали, что сравнительный метод изучения родственных языков является основным и надежным методом.

Каждый маррист прекрасно понимал, что между взглядами Маркса и Энгельса, с одной стороны, и Марра — с другой лежит целая пропасть. Иногда, с многочисленными оговорками, они вынуждены были это признавать, отдавая, однако, предпочтение взглядам Марра. „Остается еще осветить, — писал проф. С. Д. Кацнельсон, — вопрос об отношении Энгельса к сравнительному методу индоевропейского языкознания. Раньше уже приводились высказывания Энгельса, в которых дана положительная оценка сравнительно-исторического языкознания. Эти высказывания не дожны, однако, создать иллюзию, будто Энгельс во всем (разрядка наша. — С. Б.) придерживался традиционных методов компаративистики и никаких существенных коррективов в методику лингвистического исследования не внес“.⁴ Таким образом, Кацнельсон утверждает, что в области сравнительно-исторического языкознания Энгельс „придерживался традиционных методов компаративистики“, осужденных Марром и его „учениками“.

Нужно сказать, что в большинстве случаев яфетидологи выступали не так открыто. Чаще, путем извращения цитат, замалчивания,

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1948, стр. 303.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 342.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 245. — Это очень важное письмо Энгельса Марру не включил в сборник „Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин о проблемах языка и мышления“, который под его редакцией вышел в Ленинграде в 1933 г. Цитированное письмо Энгельса к Лассалу в печати появилось в 1922 г. и было хорошо известно Марру.

⁴ С. Д. Кацнельсон. Энгельс и языкознание. — „Известия отдел. литературы и языка АН СССР“, 1941, 1, стр. 56.

они стремились исказить великое наследство Энгельса, превратить Энгельса в настоящего марриста, врага сравнительно-исторического метода, отрицающего генетическое родство языков (ср., напр., статью И. Грищенко „Маркс і Енгельс про порівняльно-історичний метод у мовознавстві“.— „Мовознавство“, 1936, № 7, стр. 11—23).¹

Бесспорно, сравнительно-исторический метод имеет серьезные недостатки. И тем не менее он „всё же лучше, чем действительно идеалистический четырёхэлементный анализ Н. Я. Марра, ибо первый толкает к работе, к изучению языков, а второй толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырёх элементов“.² Сравнительно-исторический метод в языкознании является основным методом изучения истории языков. „Надо полагать, — пишет товарищ Сталин, — что элементы современного языка были заложены ещё в глубокой древности, до эпохи рабства. Это был язык не сложный с очень скудным словарным фондом, но со своим грамматическим строем, правда, примитивным, но всё же грамматическим строем“.³ Языковеды могут восстановить, исследовать отдельные особенности этих языков только с помощью сравнительно-исторического метода.

Языки развиваются не скачкообразно, каждая новая общественная формация не создает нового языка. Любой современный язык сохраняет следы предшествующих стадий развития. „Структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох“.⁴ Выделить следы каждой эпохи в современном языке, установить соотносительную хронологию всех предшествующих процессов, вскрыть родственные связи между языками, восстановить древнейшие языковые формы и древнейший основной словарный фонд можно только с помощью сравнительно-исторического метода. Все то, что мы знаем о древнейших этапах в истории индоевропейских языков, восстановлено только с помощью сравнительно-исторического метода. Очередная задача советских лингвистов состоит в дальнейшем усовершенствовании этого метода. „Разработка более совершенного и точного сравнительно-исторического метода изучения истории различных языков и внедрение его в исследовательскую практику является первоочередной задачей советских языковедов всех специальностей“.⁵ Стоит эта задача и перед славистами.

В последнее время вышло из печати несколько статей, в которых определяются достоинства и недостатки сравнительно-исторического метода. Справедливо указано, что, несмотря на ряд существенных недостатков, он „остается на вооружении советского языкознания. Этот метод нуждается не в том, чтобы его отбросили, а в том, чтобы

¹ О различных искажениях и извращениях работ Энгельса марристами см. в статье академика В. В. Виноградова «Свободная дискуссия в „Правде“ по вопросам языкознания и ее значение для дальнейшего развития советской науки о языке». „Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина“. М., 1950, стр. 16—17.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33.

³ Там же, стр. 26.

⁴ Там же.

⁵ Б. А. Серебрянников. К вопросу о недостатках сравнительно-исторического метода в языкознании. „Известия отдел. литературы и языка АН СССР“, т. IX, вып. 3, стр. 185.

его усовершенствовали".¹ При определении недостатков сравнительно-исторического метода нужно прежде всего указать на то, что во многом он не является еще подлинно историческим методом.

В современном языкознании широко распространен взгляд, что сравнительно-исторический метод применим только для реконструкции доисторических форм языка. Действительно, нежели с помощью этого метода легче определить общее для группы родственных языков, типичное для данного языка, нежели то конкретное, что отличает его от других родственных языков. Многие лингвисты убеждены, что задача этого метода состоит только в выявлении общего в родственных языках, на основе которого и реконструируется праязыковая форма. Это объясняет искусственное противопоставление сравнительного языкознания историческому, очень характерное для современной зарубежной лингвистической науки. Именно поэтому доисторические формы рассматриваются вне исторической перспективы. Огромное большинство исследований, посвященных изучению языков древнейшей поры, представляют собой не историю языков, а в лучшем случае собрание языковых древностей. Естественно, что при таком методе изучения вскрыть законы развития языка очень трудно. Почти невозможно выявить основные, ведущие законы, определяющие развитие языка в течение значительного периода и противопоставить их частным законам, второстепенным. Отсутствие исторической перспективы не дает возможности установить взаимосвязь между различными ветвями индоевропейской семьи языков. Ярким примером этого являются работы, трактующие о балтийско-славянском языковом единстве, даже о балтийско-славянском праязыке, вопреки основным древнейшим законам славянских языков.

Опасность обособления сравнительного языкознания от исторического хорошо видели многие представители дореволюционной русской лингвистики и предостерегали против этого. Особенно часто об этой опасности писали лингвисты казанской школы (Бодуэн де Куртене, Крушевский, Богородицкий). „Таким образом, — писал В. А. Богородицкий, — по моему убеждению, в сравнительной грамматике нельзя ограничиваться только древнейшими представителями данного языкового семейства, взятыми в известный момент своей истории, но необходимо вместе с тем следить за всем ходом их развития до настоящего времени“ (разрядка наша. — С. Б.).² На эту сторону сравнительного языкознания постоянно указывал А. М. Селищев, сравнительно-исторические исследования которого являются значительным вкладом в историю славянского сравнительного языкознания. Без их учета успешно двигать вперед науку невозможно. В этом отношении особую ценность представляют многочисленные обстоятельные рецензии Селищева, в которых московский славист уделял большое внимание вопросам метода.

Противопоставление сравнительного языкознания историческому пережило уже себя. При современном состоянии лингвистики специалист по сравнительной грамматике должен быть историком языка. Историк языка, в свою очередь, должен владеть сравнительно-исто-

¹ А. С. Чикобава. Цит. соч., стр. 90.

² В. А. Богородицкий. Сравнительная грамматика арио-европейских языков. вып. 1. Казань, 1914, стр. 6.

рическим методом. Ценные наблюдения А. М. Селищева в области русской диалектологии (напр., в изучении южновеликорусского безударного вокализма) были им сделаны с помощью сравнительного изучения славянских языков.

Приведем один пример. Сравнительно-историческое изучение славянских языков дает возможность установить древнейшую систему времен славянского глагола. Многие из особенностей этой системы, утратившиеся позже, нашли отражение в древнейших памятниках (напр., формы аориста и имперфекта). Казалось бы, что история аориста и имперфекта в славянских языках не может изучаться с помощью сравнительно-исторического метода, поскольку мы изучаем эту историю в отдельных славянских языках. Но это, конечно, заблуждение.

Не только близкие языки, но и говоры одного языка развиваются неравномерно. Различаются они между собою не только различной направленностью процессов, но и тем, что одни и те же процессы находятся на различных стадиях развития. Русский язык еще в древний период полностью утратил формы аориста и имперфекта. Изучить историю этих форм в русском языке можно только на основе памятников письменности древнейшего периода, так как местные территориальные говоры в данном случае ничего не дают. Изучение живых процессов с помощью только одних памятников письменности сопряжено с очень большими трудностями, о которых хорошо знает каждый историк языка.

Вот почему историк русского языка в данном случае обязан привлечь факты тех славянских языков, в которых простые прошедшие времена употребляются до сих пор, особенно тех, где в настоящее время идет утрата аориста и имперфекта.

Подобных примеров можно привести сколько угодно. И все они будут говорить о том, что изолированное изучение истории языка в отрыве от других родственных языков невозможно. Историк каждого отдельного славянского языка должен иметь такую же общую славистическую ориентировку, как и специалист по сравнительной грамматике славянских языков.

Выдающийся историк русского языка академик А. А. Шахматов не только хорошо знал все славянские языки, но и оставил ряд значительных исследований в этой области. Уместно вспомнить, что именно он дал самый глубокий анализ истории чешского языка Яна Гебауэра. В известной монографии академика С. П. Обнорского „Именное склонение в современном русском языке“ (I, 1927; II, 1931) материал из самых различных славянских языков является той базой, на основе которой изучается история именных флексий в русском языке.

Существенным недостатком многих работ по русскому языку (главным образом кандидатских диссертаций) является то, что авторы их ограничиваются материалом только русского языка. Часто они совершенно не знают соответствующего материала других славянских языков, что весьма отрицательно сказывается на результатах их исследований.

Сравнительно-историческим методом мы пользуемся не только тогда, когда сравниваем различные языки, но и тогда, когда сравниваем различные диалекты одного языка, даже тогда, когда не выходим

за границы одного языка или одного диалекта. Объясняется это тем, что неравномерно развиваются не только различные языки и диалекты, но и отдельные явления внутри данного языка или данного диалекта. „Неравномерность языковых изменений и их темпов объясняется специфическим характером разных видов структурных объединений в языке, разной степенью абстракции и качественными различиями между лексическими и грамматическими категориями и связями... Естественно, что и в структуре языка отдельные элементы изменяются неравномерно“.¹ Именно это обстоятельство часто требует применения сравнительно-исторического метода при изучении различных явлений одного языка. Игнорирование этого может привести к серьезным ошибкам. Укажу на некоторые примеры.

В 1940 г. вышла книга Ф. П. Филина „Очерк истории русского языка до XIV столетия“, в которой автор пытался применить идеи Марра к изучению истории русского языка. Полезно остановиться на некоторых разделах этой книги, так как ее пороки очень наглядно показывают, что игнорирование сравнительно-исторического метода приводит к грубейшим ошибкам.

Филин утверждает, что изменение **к, г, х** в определенных фонетических условиях в **ц, з, с** не было известно всем восточнославянским языкам. „Не все восточнославянские говоры имели второе смягчение заднебных **к, г, х**. В современном украинском языке отмечаются *на руці, на носі, у горосі* и т. п., в современном белорусском *на руце, на носе, у гаросе*, тогда как в русском *на руке, на ноге, в горохе...* В древнерусском литературном языке второе смягчение заднебных согласных было распространено повсеместно... Позже, с усиливающейся демократизацией литературного языка, второе смягчение отступает все более и более на задний план, заменяясь соответствующим народным произношением“.² Итак, Филин утверждает, что русский язык (великорусский) никогда не знал изменения **к, г, х** в **ц, з, с**. В литературном языке древнего периода это явление было заимствованным, не русским.

Эта аргументация Филина несведущему человеку может показаться очень убедительной: привлечены народные говоры, старая письменность и даже другие славянские языки. Однако в данном случае сравнение русского с украинским и белорусским дает меньше, нежели сравнительное изучение фактов самого русского языка.

Легко заметить, что Филин фактически говорит не вообще об изменении заднебных, а только об их изменении перед флексией (*на руке, на ноге, в горохе*). В действительности же это явление не ограничивалось данной позицией. Именно поэтому в русском языке мы находим *цена* (др. рус. цѣна), *целый* (др. рус. цѣлый), *цвет* (др. рус. цвѣтъ), *звезда* (др. рус. звѣзда), *серый* (др. рус. сѣрый) и др. Игнорирование сравнительно-исторического метода привело автора

¹ В. В. Виноградов. Значение работ И. В. Сталина для развития советского языкознания. „Материалы объединенной научной сессии, посвященной трудам И. В. Сталина по языкознанию“, М., 1951, стр. 51.

² Ф. П. Филин. Очерк истории русского языка до XIV столетия. Л., 1940, стр. 63.

к грубейшим ошибкам. Он не видит внутренней взаимосвязи между судьбой **к** в слове *целый* и в слове *руцѣ* (современное *руке*).

В данном случае историку русского языка полезно познакомиться с современным словацким языком, в котором в настоящее время идет процесс аналогического выравнивания задненебных перед флексиями (ср. в дат. мест. ед. *ruke* — *ruce*, *pohe* — *podze*, *muche* — *muše*).

Филин утверждает, что большинство восточнославянских диалектов носовых гласных никогда не знало.¹ И в этом случае у автора имеется аргументация, но эта аргументация свидетельствует, что он не знает истории русского языка, не понимает состава многих русских слов и не владеет сравнительно-историческим методом. Анализ заимствованных слов Филина не удовлетворяет. Примеры *время* — *времени*, *имя* — *имена* и др. аналогичные объявляются заимствованными. „Однако, в русском литературном языке форма *времени* имеет книжное происхождение, как и множественное число *времена*. Архаические народные говоры, относительно мало подвергавшиеся влиянию литературного языка, обычно имеют *врѣми*, *пóлыми* и т. п.“² На этом и заканчивается вся аргументация. Автор и не подозревает, что самые трудные случаи остались не объясненными (ср. совр. русское *жать* — *жну*, *мять* — *мну*, *клятва* — *кленуь*, новое *клянусь*, *взять* — *возьму*, *начать* — *начну* и многие другие. Неужели все эти слова в современном русском языке заимствованы? Все указанные ошибки (число их можно было бы увеличить) свойственны не только Филину и свидетельствуют не только о существенных пробелах в лингвистической подготовке автора „Очерков истории русского языка до XIV столетия“. Они типичны для марристов, которые фактически отрицают развитие языков и отдельных явлений языка и не понимают внутренней взаимосвязи между отдельными явлениями языка, установленной с помощью сравнительно-исторического метода.

Сравнительно-историческое изучение славянских языков показало, что носовые гласные возникли совершенно закономерно в связи с общеславянским процессом утраты закрытых слогов. Этот процесс отражен во всех славянских языках (в том числе и в русском).

В годы господства „нового учения о языке“ сравнительно-историческое изучение славянских языков было почти ликвидировано. Это нанесло огромный вред нашей науке (в частности, науке о русском языке). Не случайно почти прекратилась работа по истории русского языка, так как любая работа по истории языка требует применения сравнительно-исторического метода. Сравнительная грамматика славянских языков и история отдельных славянских языков (в том числе русского) тесно связаны между собою.

III

Перед славистами стоит актуальная и важная задача изучения истории отдельных славянских языков. Как мы видели, это изучение органически связано со сравнительной грамматикой славянских языков. Историкам языка предстоит большая творческая работа. Одновременно

¹ Там же, стр. 23—24.

² Там же, стр. 23.

необходимо подвергнуть детальной критике работы представителей „нового учения“ Марра, которые в области изучения истории языков (в том числе славянских) принесли огромный вред.

Учение Марра о „скачках“ в развитии языков, о языковых стадиях связано с его учением о роли скрещивания в формировании новых языков. Создатель так наз. „нового учения о языке“ стал на путь отрицания внутреннего развития языка, сводя все к факторам внешним и в какой-то степени случайным. „В самом возникновении и естественно в дальнейшем творческом развитии языков основную роль играет скрещение“, — писал Марр.¹ Само родство языков Марр и его последователи объясняли исключительно фактором скрещивания: „Скрещивание — не аномалия, но нормальный путь, объясняющий происхождение видов и даже так наз. генетического родства“.²

От множества языков к единству через скрещивание, — вот, по Марру, путь развития языков всего земного шара во все периоды человеческой истории. Марр решительно заявлял, что иного пути нет и быть не могло. Утверждение, что возможен путь дифференциации, путь выделения ряда родственных языков из единого языка-предка Марр всегда квалифицировал как антинаучное, противоречащее естественному ходу развития языков, в основе своей расистское.

Следует указать, что переоценка роли скрещивания была характерна не только для последователей академика Марра. Эта переоценка роли скрещивания была возможна в связи с учением о надстроечном характере языка, которое, до появления гениальных работ И. В. Сталина по языку, было широко распространено среди советских лингвистов.

И. В. Сталин убедительно показал, что „главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка“.³ Историческое изучение языка на основе „учения о скрещивании“ строить невозможно.

Процессы смешения (скрещивания) языков хорошо известны лингвистам. Знают их и специалисты по славянским языкам. Но эти процессы не заложены в самой природе языков — они объясняются той реальной, конкретно-исторической обстановкой, в которой жили носители этих языков. Именно поэтому роль скрещивания в различных языках различна. Историк английского языка фактор смешения (скрещивания) должен учитывать в гораздо большей степени, нежели историк русского языка.

Однако, несмотря на существование фактов смешения языков, гораздо бóльшую роль в формировании современных языков (в частности современных славянских языков) играли процессы расщепления, дифференциации, происходившие в условиях развития языков в доклассовом обществе. Эти вопросы еще в прошлом столетии были детально изучены Ф. Энгельсом.

Уже выше на ряде примеров мы показали, как последователи и „ученики“ Марра беззастенчиво ревизовали работы Энгельса, замалчивали многие его положения, извращали его лингвистические высказыва-

¹ „По этапам развития яфетической теории“. М., 1926, стр. 280.

² „Избранные работы“, т. I. М.—Л., 1933, стр. 150.

³ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30.

вания. По тому же пути они шли и в оценке работ Энгельса, касающихся развития языков доклассового общества.

В своем гениальном труде „Происхождение семьи, частной собственности и государства“ Энгельс уделяет много внимания языку доклассового (родового) общества. Основным признаком каждого племени эпохи родового общества был особый диалект (племенной диалект). Именно этот признак прежде всего отличал одно племя от другого. „Особый, лишь этому племени свойственный диалект. В действительности племя и диалект по существу совпадают“.¹ Между территориями, которую занимали племена, была свободная, нейтральная площадь, которая была меньше, уже, если племена говорили на родственных диалектах. „Каждое племя, — говорит Энгельс, — владело, кроме места своего действительного поселения, еще значительной областью для охоты и рыбной ловли. За пределами этой последней лежала обширная нейтральная полоса, простиравшаяся вплоть до владений ближайшего племени; у племен с родственными языками эта полоса была уже; у племен, не родственных друг другу по языку, — шире. Эта полоса — то же самое, что пограничный лес германцев, пустыня, которую создали вокруг своей территории свевы Цезаря; это то же, что между датчанами и германцами isarnholt (по-датски jarnved, limes Danicus), между германцами и славянами — саксонский лес и branibor (по-славянски — „защитный лес“), от которого получил свое название Бранденбург“.²

Характерной чертой племенного диалекта эпохи расцвета родового общества является его единство. Племя едино по языку. Возможны лишь редкие исключения. „Там, где два ослабевших племени сливаются в одно, бывает, что в виде исключения в одном и том же племени говорят на двух очень родственных диалектах“.³ Подобные процессы слияния племен для родового общества являются редкими и нетипичными.

Характерным был процесс племенной и языковой дифференциации, который объясняется состоянием общества того времени и который подтверждается многочисленными фактами.

Энгельс указывает, что „новообразование племен и диалектов путем разделения происходило в Америке еще недавно и едва ли совсем прекратилось и в настоящее время“.⁴ В эпоху родового строя племена и племенные языки развивались путем дифференциации, что приводило к созданию новых родственных племен и родственных языков. „Скрещивания языков, как ведущего, при родовом строе в его самостоятельном развитии не было и быть не могло. Не желающий признать филиации языков родового строя обязан обречь их на застойность, обязан отказать им в развитии и тем самым оторвать развитие языка от развития общин, носителей этих языков“.⁵ Этими словами, направленными по адресу Марра и его „учеников“, проф. М. Г. Долобко справедливо указал на антиинторизм „нового учения“,

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. М., 1948, стр. 234.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ М. Г. Долобко. Основная языковая закономерность коммунизма родовой стадии. „Советское языковедение“, т. I, Л., 1935, стр. 60—61.

2 Ученые записки, т. III

БИБЛИОТЕКА
 АКАДЕМИИ НАУК СССР
 И. В. СТАЛИН
 1958

на „застойность“ языковых стадий Марра. Это же недавно было отмечено и проф. А. С. Чикобава: «Весь глоттогонический процесс, по теории акад. Н. Я. Марра, состоит из застывших в развитии языков (системы языков); языки (системы языков) иллюстрируют „развитие“ единого глоттогонистического процесса, но сами не развиваются».¹

Таким образом, между взглядами Энгельса и Марра на развитие языков в эпоху родового строя имеются принципиальные и глубокие расхождения. Это хорошо понимали сами марристы. Вот почему они сознательно замалчивали работы Энгельса о развитии языков родового общества и грубо шельмовали тех советских лингвистов (например, Л. П. Якубинского, М. Г. Долобко, А. М. Селищева), которые пытались опереться на работы Энгельса. «Проф. Л. П. Якубинский, — писал Ф. П. Филин, — следуя по стопам проф. М. Г. Долобко, в статье „Образование народностей и их языков“ пропагандирует гипотезу „праязыка“ весьма „своеобразным“ способом: для „прикрытия“, „дымовой завесы“ он приводит искаженные им высказывания Маркса и Энгельса об этногоническом процессе. Нужно ли говорить, что попытка „приспособить“ марксизм-ленинизм к реакционным буржуазным „теориям“ может потерпеть лишь позорный крах! Между прочим, в этой статье нет ни одного упоминания о Н. Я. Марре, который, как известно, в своих работах уделял много внимания этно- и глоттогонии народов Восточной Европы, в том числе и славянских, и открыл для науки новые перспективы, значение которых поистине велико».² И это все о работе, в которой представлен богатый материал, где дано детальное изложение взглядов Энгельса на развитие языков в эпоху родового строя и где, по причинам хорошо известным Филину, не упоминаются ошибочные работы Марра.

У Марра были предшественники. Но это был не Энгельс, а Каутский, который, как известно, не разделял взглядов Энгельса на развитие языков в эпоху родового строя. В своей работе „Национальность и международность“ он, как и Н. Я. Марр, утверждал, что языки всегда развиваются путем скрещивания.³

Существенным образом меняются условия жизни племен и племенных диалектов в эпоху разложения родового строя. И в это же время возможны отдельные случаи дальнейшей дифференциации, в результате чего диалекты могут утратить „всякий след первоначального единства“ (Энгельс). Но это для периода разложения родового строя уже не типично. В эпоху перехода от доклассового общества к классовому возникают крупные племенные союзы. Происходит объединение племен, говорящих на племенных диалектах. Энгельс подчеркивает, что обычно происходит объединение родственных племен (следовательно, родственных племенных диалектов). Судьба огромного большинства языков подтверждает эту мысль Энгельса и противоречит утверждению Марра о том, что само родство языков возникает в результате смешения племен.

Энгельс дал нам блестящий пример конкретно-исторического изучения развития языков и диалектов в эпоху родового строя. Он показал,

¹ „О некоторых вопросах советского языкознания“. „Правда“, 9 мая 1950 г.

² Ф. П. Ф и л и н. О двух направлениях в языковедении. „Известия отдела литературы и языка АН СССР“, т. VII, вып. 6, 1948, стр. 495.

³ Подробнее об этом см. в указанной статье проф. Долобко.

что историю языков нужно изучать в связи с историей общества; только тогда мы поймем характер и причины смен различных форм языка. Работы Энгельса очень глубоко иллюстрируют то положение марксизма, что „язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка“.¹

На примере развития языков в период расцвета родового строя мы видим ошибочность утверждения Марра, что в „развитии языков основную роль играет скрещивание“. Значительные эпохи в истории диалектов (племенных диалектов) характеризуются их расчленением, дифференциацией, выделением из одного диалекта (прадиалекта) ряда родственных диалектов. Можем ли мы, однако, считать, что идеи Н. Я. Марра о скрещивании языков могут оказаться плодотворными и ценными для изучения тех периодов, когда в силу новых исторических условий начался процесс племенной консолидации и в связи с ним процесс слияния племенных диалектов (обычно родственных диалектов)? Нет, не можем. Не можем не только потому, что Марр в этом случае полностью отрицает важнейший характер генетического родства, не только потому, что все доказательства Марра и вся его аргументация покоятся на фантастическом элементарном анализе. Глубоко порочна вся система взглядов Марра на взаимоотношения между языками и на характер языкового развития вообще. Марр всегда упорно и решительно настаивал на том, что язык развивается не по своим внутренним законам, а только в результате скрещивания. „Трудно представить себе что-либо более антисоциологическое!“ — восклицал Марр по адресу тех лингвистов, которые утверждали, что язык имеет свои законы развития.² Всякую попытку изучения внутренних законов развития языка Марр и его последователи всегда третировали как проявление идеализма. „Сосредоточивая все свое внимание на внутренних причинах творческого процесса в развитии речи, мы отнюдь не можем процесс этот помещать в самом языке. Язык такая же надстроечная общественная ценность, как искусство и вообще искусство“.³ И. В. Сталин блестяще, на большом конкретном материале, показал антимарксистский характер подобных утверждений Марра. Законы развития языка можно до конца понять только в том случае, если они изучаются в связи с историей общества. Это не исключает того, что язык развивается по своим внутренним законам. Это является основным положением марксистского языкознания.

В своем ответе А. Холопову товарищ Сталин показал, что характер слияния (скрещивания) языков в различных исторических условиях протекает различно. „Формула Сталина в его брошюре, в части касающейся скрещивания языков, имеет в виду эпоху до победы социализма в мировом масштабе, когда эксплуататорские классы являются господствующей силой в мире, когда национальный и колониальный гнёт остаётся в силе, когда национальная обособленность и взаимное недоверие наций закреплены государственными различиями,

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

² Н. Я. Марр. Избранные работы, т. I, стр. 267.

³ „Яфетическая теория“, стр. 130.

когда нет ещё национального равноправия, когда скрещивание языков происходит в порядке борьбы за господство одного из языков, когда нет ещё условий для мирного и дружественного сотрудничества наций и языков, когда на очереди стоит не сотрудничество и взаимное обогащение языков, а ассимиляция одних и победа других языков. Понятно, что в таких условиях могут быть лишь победившие и побеждённые языки¹. В условиях отсутствия эксплуататорских классов, национального и колониального гнета, национальной обособленности и недоверия, в условиях победы социализма в мировом масштабе развитие языков в один общий язык осуществляется иначе. „Понятно, что в этих условиях не может быть и речи о подавлении и поражении одних и победе других языков. Здесь мы будем иметь дело не с двумя языками, из которых один терпит поражение, а другой выходит из борьбы победителем, а с сотнями национальных языков, из которых в результате длительного экономического, политического и культурного сотрудничества наций будут выделяться сначала наиболее обогащённые единые зональные языки, а потом зональные языки сольются в один общий международный язык, который, конечно, не будет ни немецким, ни русским, ни английским, а новым языком, вобравшим в себя лучшие элементы национальных и зональных языков“².

На данном конкретном примере мы хорошо видим, что развитие языка нельзя изучать в отрыве от истории общества. Смешение (скрещивание) языков дает совершенно иные результаты в различной исторической обстановке. Это вовсе не исключает того положения, что сами процессы языковой ассимиляции или обогащения языков в порядке свободного сотрудничества идут по своим внутренним законам, изучение которых и составляет основную задачу лингвистов.

Вопреки многочисленным фактам Н. Я. Марр всегда утверждал, что при смешении (скрещивании) языков роль творческого фактора играет не победивший язык, а побежденный. Именно поэтому он считал, что нет победивших и побежденных языков. Вот почему исследователи истории русского языка, пытавшиеся, правда бесплодно, строить свои гипотезы на основе „нового учения“ Марра (Ф. П. Филин, Н. П. Гринкова и др.), всегда стремились, вопреки общеизвестным фактам, многие важнейшие явления современного русского языка (например, редукцию безударного вокализма) обязательно возвести к языку дославянского населения Восточной Европы. Таким образом, за русским языком отрицалась возможность самостоятельного развития. Он просто превращался в своеобразное зеркало, в котором яфетидолог обнаруживал особенности языков „древнейших типологий“. Именно эти языки, исчезнувшие в ходе исторического развития, были, по Марру, „творческой материальной силой формирования“³. Русский же язык уже не творчески, а только пассивно усваивал и бережно сохранял черты этих языков. „Даже виды языков не погибали так примитивно, языки одни не поглощались другими с той упрощенностью жизненного процесса, какой отличается ясность отвлеченной по вопросу мысли, а материально скрещивались друг с другом, и в этом скрещении уничтожаемые общественностью виды находили свое спасение, часто

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 52—53.

² Там же, стр. 53—54.

³ Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, М.—Л., 1936, стр. 306.

торжество, претворяя в свою природу, казалось бы бесследно поглотившие их языки".¹ Эти идеи Марра в отношении изучения славянских языков оказались совершенно бесплодными и изучению русского языка принесли большой вред.

В 1947 г. в издании Педагогического института им. Герцена в Ленинграде вышла большая монография проф. Н. П. Гринковой „Воронежские диалекты“, в которой автор затрагивает ряд важнейших явлений исторической фонетики русского языка. Автор является последовательным яфетидологом и пытается с помощью марровского учения выяснить генезис некоторых черт южновеликорусской фонетики.

Основное внимание проф. Гринкова обращает на аканье, палатализацию **к**, на переход **ф** в **хв** (**ж**) и на случаи утраты энентетического **л**. Я не буду касаться самого анализа языкового материала — он поражает своей беспомощностью и какой-то арханичностью. Меня в данном случае интересует основная мысль автора, которая состоит в том, что указанные нами выше фонетические явления возникли в южновеликорусских говорах в „результате скрещивания с какими-то языковыми образованиями, носителями которых могли быть предки хазар, от которых аналогичные языковые явления перешли в дальнейшем в язык чувашский и другие языки Поволжья, а также в некоторой доле попали и на Балканы. Эти лингвистические параллели фундируются параллелями этнографического порядка“.² Таким образом, различные типы изменения южновеликорусского вокализма (различные типы яканья) и наличие неорганического смягчения задненебного **к** объясняется автором воздействием языков дославянского населения Дона, а наличие схожих явлений в чувашском и болгарском языках указывает на глубокие связи древнейших дославянских племен Дона, Волги и Дуная. Обоснованию этой гипотезы посвящена седьмая глава исследования „Вопросы образования южнорусских наречий“.

В своих построениях проф. Гринкова исходит из того основного положения Марра, что внутренних законов развития языка нет. Следовательно, безударный вокализм не мог измениться в ряде русских говоров в тот период, когда эти говоры уже сложились. Аканье может быть только отражением языка „предков хазар“, которые, скрестившись со славянским населением, и были „творческой силой формирования“ этих говоров. В северовеликорусских и украинских говорах нет аканья. Это дает основание проф. Гринковой утверждать, что „оставаясь на восточнославянской почве, исследователь генезиса южнорусского наречия едва ли найдет благодарный материал для разрешения поставленного перед ним вопроса“.³

Итак, источники для изучения происхождения этого наречия нужно искать где-то вне этого наречия, во внешних влияниях, в скрещивании. Такова основная идея автора, который отрицает, вслед за своим учителем, всякое развитие языка или диалекта. Гринкова сочувственно цитирует Марра, утверждающего, что „русский язык получил

¹ Н. Я. Марр. По этапам развития яфетической теории, стр. 49.

² Н. П. Гринкова. Воронежские диалекты. Л., 1947, стр. 296.

³ Там же, стр. 243.

завершение своей формовки в среде древнейшего, также яфетического населения, от которого в настоящее время в наиболее чистом виде сохранился один чувашский язык".¹ Она считает, что задача истории русского языка состоит не в том, чтобы изучить законы развития говоров русского языка (этих законов нет), а в том, чтобы „поискать в материалах русского языка каких-либо пластов, конкретно подтверждающих намеченные соображения основоположника нового учения о языке".² Поискам таких пластов и посвящено исследование Гринковой.

Основное внимание автор „Воронежских диалектов“ уделяет вопросам редукции безударного вокализма. Автор приходит к заключению, что „оно (южнорусское аканье. — С. Б.) повидимому отражает весьма древние отслоения (так! — С. Б.) и скрещения этих восточно-русских племенных языков с языками древнейших типологий".³ На основании каких фактов проф. Гринкова приходит к такому выводу? Прежде всего на том основании, что в некоторых поволжских неславянских языках происходит ослабление безударных гласных (мордовском и чувашском). Однако сопоставления с этими языками носят в работе маловразумительный характер. Приведенные примеры остаются необъясненными и поэтому они ничего не доказывают. Очевидно, что проф. Гринкова этих языков не знает и ограничивается случайными примерами, которые не дают никакого представления о системе безударного вокализма в этих языках.

Значительно больше внимания проф. Гринкова уделяет сопоставлению аканья с изменениями безударных гласных в восточноболгарских и словенских говорах. Автор полагает, что редукция безударных гласных в восточноболгарских говорах генетически связана с аналогичными явлениями в поволжских языках и южновеликорусских говорах. „Некоторые хазаро-болгарские группы ушли на Балканы, где в процессе скрещения с южнославянскими языковыми образованиями дали славянский болгарский язык, диалекты которого имеют ряд фонетических особенностей, роднящих их с чувашскими и южнорусскими диалектами и в то же время не типичных для большинства славянских языков".⁴ Интересно, что наш автор ничего не говорит о племенных связях древних словенцев с поволжскими народами. В своих смелых и очень рискованных „гипотезах“ Гринкова все же убоилась идти дальше восточных Балкан.

Все южнославянские языковые сопоставления Н. П. Гринковой лишены научной цены, так как они совершенно произвольны и антиисторичны. Прежде чем сравнивать какие-то явления в различных языках, нужно знать их историю. Это основное положение сравнительно-исторического метода всегда произвольно нарушалось академиком Марром. Нарушает его и проф. Гринкова. Из различных диалектологических описаний Гринкова узнала, что во многих болгарских говорах представлена редукция безударных гласных. Об этом она и сообщает в своей работе, приводя кое-какой случайный материал. Проф. Гринкова даже не ставит перед собою вопроса, когда отмечен-

¹ Н. П. Гринкова. Воронежские диалекты, Л., 1947, стр. 245.

² Там же.

³ Там же, стр. 255.

⁴ Там же, стр. 296.

ное ею явление появилось в болгарском языке? Она не знает этого и знать не хочет. В работе нет ни одной ссылки на исследования по истории болгарского языка. Проф. Гринкова глубоко убеждена, что они ничего ей не дадут. Она даже не подозревает, что, относя появление редукции безударных гласных в болгарском языке к глубокой древности (к языку „хазаро-болгарских групп“), она одновременно должна ответить на ряд новых сложных вопросов. Обратим внимание на один такой вопрос.

В болгарском языке двусложные слова среднего рода представляют перенос ударения с начальных циркумфлектированных слогов на окончание (*сенó, златó, ухó, месó* и др.). Процесс этот происходил сравнительно поздно. Проф. Л. А. Булаховский убедительно доказал, что это явление могло иметь место первоначально, только при членных формах (т. е. *мéсо, но месóто*). „Господствующие теперь в литературном языке формы *месó, окó, бреговé, родовé* и т. п. возникли позднее в результате отвлечения из форм членных“.¹ До сих пор в ряде болгарских говоров мы наблюдаем *сéло, но селóто, с'áно, но сенóто* и др. Аналогичных акцентологических процессов болгарский язык пережил несколько. В результате всех подобных перемещений под ударением оказывались старые безударные гласные. Если бы редукция безударных гласных в болгарских говорах отражала особенности „хазаро-болгарского“ субстрата, то под новым ударением мы должны были бы обнаружить следы редукции. Если бы в *мéсо* конечное *о* изменилось в *у* до переноса ударения, современный болгарский язык представлял бы *месú*. Но этого нет. Все перемещения болгарского ударения происходили до редукции безударных гласных. В связи с хронологией редукции ставится вопрос и о времени появления членных форм. Проф. Селищев убедительно показал, что эти формы в болгарском языке появились в среднеболгарскую эпоху: „Членные формы современного болгарского языка нужно рассматривать в ином аспекте,— в аспекте морфологических и семантически-синтаксических процессов, пережитых болгарским языком в среднеболгарскую эпоху в связи с другими балканскими языками“.² Все эти факты свидетельствуют о том, что в древний период редукции гласных в восточноболгарских говорах не было.

В полном согласии с учением Марра проф. Гринкова отрицает существование грамматической системы языка. Она не желает видеть, что между различными явлениями языка имеется тесная связь, которую нельзя произвольно нарушать. История языка представляет собою не историю отдельных разрозненных явлений, а историю языковой системы.

В связи со своей „гипотезой“ Н. П. Гринкова должна была бы пересмотреть основные вопросы истории ударения не только для болгарского, но и для всех славянских языков. Дело в том, что редукция безударных гласных связана с экспираторным типом ударения, который пришел на смену старому тоническому (музыкальному). При

¹ Л. А. Булаховский. К болгарскому ударению „Јужнословенски филолог“, вып. II, 1921, стр. 286.

² А. М. Селищев. Критические заметки по истории русского языка. „Ученые записки Московского городского педагогического института“, т. V, вып. I. М., 1941, стр. 185.

тоническом ударении взаимоотношения между ударными слогами были принципиально иными. Говоря о глубокой древности русского аканья, Гринкова не имела права обойти этот вопрос.

Сравнивая явления редукции безударных гласных в различных славянских языках, проф. Гринкова сознательно умалчивает, что результаты этой редукции далеко не идентичны (в болгарском безударное *о* изменяется в *у*, в русском — в *а*). Эти различия нельзя игнорировать, тем более, что уканье известно и некоторым украинским говорам, которые автором исключены из своего „хазаро-болгарского мира“.

Проф. Гринкова стремится доказать, что еще до нее академик Шахматов и проф. Селищев проводили аналогичные сопоставления. Это недоразумение. Шахматов сравнивал русское и словенское аканье не для того, чтобы доказать, что это явление было уже известно праславянскому языку или отдельным его говорам. Шахматов не отрицал и не мог отрицать внутренних законов развития языка. В заключении своего исследования он определенно писал: „Но вообще среднерусское (т. е. южновеликорусское. — С. Б.) и словенское аканье имеют разное происхождение“.¹ Это и было им установлено в результате тщательного сопоставления их. Известно аканье отдельным говорам болгарского языка. Но и оно не связано ни со словенским, ни с русским аканьем. Гринкова пишет: „Мысль о связи явлений южнорусского аканья с явлениями восточноболгарскими попутно высказал и А. М. Селищев в рецензии на книгу Н. Н. Дурново“.² Это не так. Селищев говорит не о генетической связи этих явлений, а о том, что „для уяснения судьбы неударенных гласных в русском языке важно было бы изучить сходный по своему происхождению процесс, пережитый неударенными гласными в других славянских группах. В этом отношении наиболее поучительны были бы параллели восточноболгарского неударенного вокализма. Процессы восточноболгарские проще сравнительно с изменениями неударенных гласных в южновеликорусских говорах. Поэтому сущность исследуемого процесса, не затемненного другими изменениями, была бы показательна и для руссита“.³ А. М. Селищев считал, что сравнительно-исторический метод служит не только для реконструкции праславянского языка, но и для уяснения сущности поздних процессов в истории отдельных славянских языков (см. выше).

У Гринковой был предшественник, утверждавший, что редукция безударных гласных — явление исконное в славянских языках. Это Ф. П. Филин. В 1940 г. он писал: «Однако это явление (аканье. — С. Б.) может быть объяснено как древнее чередование неударяемого *а* с ударяемым *о*, возникшее в результате схождения „дославянских“ окающих и акающих языков, из которых в эпоху родового общества и сложились славянские диалекты».⁴ Это вполне соответствует взгля-

¹ А. А. Шахматов. Русское и словенское аканье. „Сборник статей, посвященных Ф. Ф. Fortunatovu“, Варшава, 1902, стр. 90.

² Н. П. Гринкова. Ук. соч., стр. 250—251.

³ „Slavia“, т. VI, вып. 2—3, стр. 456.

⁴ Ф. П. Филин. Очерк истории русского языка до XIV столетия, стр. 56. В другой работе Филин относит возникновение славянских языков даже к эпохе разложения родового строя: „Близость славянских языков друг к другу рассматри-

дам самой Гринковой и совершенно напрасно она отказывается от Филина и ищет поддержки у Шахматова и Селищева.

Несколько слов о неорганическом смягчении заднебного **к**. И это фонетическое явление, в свое время исследованное профессором Д. К. Зелениным, не дает никаких оснований для утверждений Гринковой. Говорить о том, что это „явление древнее, восходящее к племенным диалектным особенностям“, может человек, совершенно неосведомленный в исторической фонетике славянских языков. Наличие сходных явлений в украинских и болгарских говорах не может служить основанием для „хазаро-болгарских“ гипотез потому, что мягкое **к** в славянских языках могло появиться поздно. Русские *дядинька*, *Ванька*, *Манька*, *маминька*, *дароженька* явления поздние, о чем свидетельствует прежде всего их словообразование. Они не могут восходить „к племенным диалектным особенностям“, так как в таком случае мы имели бы не *Ванька*, а *Ванца* (ср. *пыльца*).

Гипотезы нужны в науке, но самые смелые гипотезы должны строиться на достоверных фактах. „Гипотезы“ Гринковой — не научные гипотезы, а беспочвенные и легкомысленные фантазии, свидетельствующие прежде всего об отсутствии метода и глубоких знаний. Они очень наглядно показывают, куда могут завести исследователя этно- и глоттогонические теории Марра.

Было бы, однако, ошибочно думать, что в славянских языках нет следов воздействия чуждых языковых систем, результатов смешения славянских языков с неславянскими. В данном случае можно указать, например, на случаи смешения свистящих и шипящих согласных, встречающиеся в различных славянских языках. Это явление (соканье, шоканье, цоканье, мазуренье и т. п.) „вызвано было воздействием иной звуковой системы“.¹ Селищев убедительно показал, что смешение согласных **ч, ж, ш** с **ц, з, с** представлено там, где славянская речь непосредственно сталкивалась с языками, в которых были иные взаимоотношения между этими согласными. Явление соканья и шоканья наблюдается в Далмации, на островах Адриатического моря, в Истрии, в некоторых словенских говорах, в Польше (так наз. мазуренье), во многих северных и переходных великорусских говорах (так наз. цоканье), в говорах Сибири. Известны эти процессы были и полабским славянам. И всюду они возникали как результат смешения славянской и неславянской речи. О различных результатах соканья и шоканья см. в указанной статье Селищева.

Наблюдения и выводы А. М. Селищева не вызывают сомнений. Однако одного указания на источник соканья и шоканья недостаточно. Почему именно здесь, в этом месте славянской языковой системы, отразился иноязычный (неславянский) элемент. „Конкретные пути языкового смешения, — пишет проф. Р. И. Аванесов, — приведшие к неразличению свистящих и шипящих в славянских языках, в недавнее время были тщательно выяснены А. М. Селищевым. Эта теория,

важется как явление историческое, возникшее относительно недавно в связи с разложением родового строя в яфетических племенах Восточной Европы“. — Ф. П. Филин. Н. Я. Марр и изучение русского языка. „Язык и мышление“, т. VIII, 1937, стр. 12.

¹ А. М. Селищев. Соканье и шоканье в славянских языках. „Slavia“, т. X, вып. 4, стр. 738.

правильная по существу, не объясняет, однако, все до конца. В самом деле: почему при смешении славянского диалекта, различающего **ч** и **ц**, с другим языком, родственным или неродственным, не различающим этих двух аффрикат, образовавшийся славянский диалект имеет цоканье, т. е. знает одну аффрикату?

Ведь фонетические системы подвергающихся смешению языков имели не одно это отличие, но и многие другие, не оставившие никакого следа в продукте языкового смешения. Ответ на это может дать функциональное изучение, учет того места, которое занимает **ч** и **ц** в фонетической системе славянских диалектов давнего времени, и ее дальнейшей эволюции.¹ Аванесов обращает внимание на то, что фонемы **ч** и **ц** почти не противопоставлены друг другу и не употребляются в аналогичных фонетических и морфологических условиях. „Даже теперь еще смыслоразличительная дифференциальная роль звуков **ч** и **ц** по отношению друг к другу в русском языке минимальна“.² Таким образом, разграничение фонем **ц** и **ч** является слабым звеном фонетической системы славянских языков. Именно такие слабые звенья и „поражаются“ прежде всего в случаях языкового смешения.

Это ценное наблюдение Р. И. Аванесова помогает уяснить многое. Оно на конкретном примере убедительно иллюстрирует то положение марксизма, что „при скрещивании один из языков обычно выходит победителем“.³ Именно закономерности победившего языка определяют результаты смешения. Именно они, а не закономерности побежденного языка являются „творческой силой формирования“. Даже „поражение“ слабых звеньев победившего языка является часто временным и локальным. Так обстоит дело с явлением соканья и шоканья. Оно нигде не проникло в литературные славянские языки. Даже польское мазуренье, характеризующее значительную часть говоров Польши, является типичным фонетическим признаком только диалектной речи. Несмотря на упорное сопротивление, которое оказывают воздействию литературного языка польское мазуренье и русское цоканье, эти особенности территориальных диалектов в конце концов исчезнут.

Итак, конкретно результаты смешения определяются прежде всего закономерностями победившего языка. Они определяют результаты смешения не только в области фонетики и грамматики, но и словаря.

Утверждая, что смешение (скрещивание) языков является основной причиной языкового развития, Марр и его „ученики“ пришли к заключению, что в результате смешения создаются совершенно новые языки, т. е. происходит полная перестройка их структуры. И. И. Мещанинов еще во время лингвистической дискуссии полагал, что это положение Марра лежит в основе советского языкознания. „Прослеживание сложного процесса смешения, дающего в своем итоге новое качественное состояние языков, а вовсе не поиски единого их первоисточника, ложится в основу советского языковедения“.⁴ Это не так. Только яфетодологи,

¹ Р. И. Аванесов. Очерки диалектологии рязанской мещеры. „Материалы к исследованию по русской диалектологии“, т. I, 1949, стр. 226.

² Там же, стр. 227.

³ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29.

⁴ „За творческое развитие наследия академика Н. Я. Марра“. „Правда“, 16 мая 1950 г.

отрицающие внутренние законы развития языка, могли стоять и стоять на такой точке зрения.

Лингвисты знают случаи, когда в результате смешения как будто возникал „новый“ язык. Так, армянские цыгане говорят на языке, лексика которого цыганская, а грамматический строй — армянский. Примером такого смешанного языка может быть „сабир“, на котором говорят в средиземноморских портах. Этот искусственный „язык“ образовался в результате смешения французского, испанского, итальянского, новогреческого и арабского языков. К подобным же языкам можно отнести „пиджин-инглиш“ и „брокен-инглиш“. Лексика „пиджин-инглиш“ — английская, а грамматический строй — китайский. В свое время акад. Владимирцев обратил внимание на то, что в Западной Монголии китайские купцы говорят на особом смешанном языке, грамматический строй и лексика которого монгольские, а фонетика китайская. Различные типы аналогичных смешений представляют многие креольские говоры.

К этой же группе можно отнести и так наз. „тайные языки“, которые представляют в значительной своей части искусственное смешение самых различных языков. Сюда же отнесем и эсперанто.

Все приведенные нами примеры (число их можно было бы увеличить) очень наглядно опровергают учение Марра о том, что в результате смешения создаются новые языки. Легко заметить, что в данном случае мы имеем дело не с языками, а с жаргонами, в большинстве случаев искусственными. Эти жаргоны не могут характеризовать процессы смешения языков и продукты этих смешений. Языки так не развивались.

Значение фактора смешения в различных языках различно. Определялось это той конкретной исторической обстановкой, в которой жили носители этих языков.

Мы знаем языки, в истории которых процессы смешения играли большую роль. К таким языкам следует отнести, например, английский язык, некоторые балканские языки.

Глубокие процессы смешения пережил румынский язык, испытавший сильное влияние со стороны славянских диалектов древней Дакии. В связи с этим процессом, который продолжался несколько веков, в румынский язык проникло большое число славянских элементов. Славянское влияние было особенно сильным в области лексики, однако было заимствовано также большое число именных и глагольных аффиксов. В современном румынском языке хорошо известны славянские глагольные префиксы **до-, за-, из-, о-, по-, под-, при-, про-, раз-**: (*domoli* — „успокаивать“, *zaminti* — „перемешивать“, *izgoni* — „преследовать“, *răsturna* — „опрокидывать“), именные суффиксы *-it ă*, *-iște, -că, -nic* и др. Имеются следы славянского влияния и в синтаксисе.¹ Значение многих слов латинского происхождения отражает следы славянского влияния. Мощное славянское влияние наложило отпечаток на весь румынский язык. И тем не менее лингвисты с полным основанием относят его к группе романских языков, с которыми румынский

¹ См. Р. А. Будагов. Славянское влияние на румынский язык. В. Л. У., 1947, 12, стр. 91—94.

язык связан прежде всего своим грамматическим строем и основным словарным фондом.

Историк румынского языка должен со всем вниманием отнестись к славяно-румынским языковым смешениям. Игнорирование их отрицательно сказалось на старых работах по истории языка. Однако отсюда никак нельзя сделать вывод, что румынский язык развивался не по своим внутренним законам, а в результате смешений (главным образом со славянскими диалектами). Именно внутренние законы румынского языка определили то, почему в одном случае славянское влияние прошло бесследно, в другом отразилось на всей территории языка, в третьем случае характеризует лишь отдельные говоры. Славянские элементы придают румынскому языку много своеобразия среди других романских языков. И тем не менее румынский язык является романским языком, а не славянским.

Румынский язык очень наглядно свидетельствует о бесплодности марровской теории скрещивания. Происходил длительный процесс интенсивного смешения, который вызвал ряд новообразований в грамматическом строе. И тем не менее, вопреки Марру, румынский язык не перешел в новую стадию, не испытал никакой коренной ломки грамматического строя и до сих пор представляет поразительные аналогии итальянскому и другим романским языкам.

„Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещённых языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно своё качество и постепенно отмирает.

Следовательно, скрещивание даёт не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков, сохраняет его грамматический строй и основной словарный фонд и даёт ему возможность развиваться по внутренним законам своего развития“.¹ Эти слова товарища Сталина подтверждаются огромным материалом из жизни самых различных языков. Именно поэтому, несмотря на различные скрещивания, мы можем проследить историю отдельных языков за большой промежуток времени. Это же объясняет и то, почему бесследно исчезло много древних языков.

Академик Марр и его последователи никогда не делали различий между слиянием (смешением) народностей и смешением языков. В действительности же это процессы различные. „Нынешняя итальянская нация, — писал И. В. Сталин, — образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племён“.²

Это место часто цитировалось яфетидологами и сопоставлялось с утверждениями Марра о том, что в результате языкового скрещи-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29—30.

² И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 293.

вания создаются новые языки.¹ Легко заметить, что в данном случае марристы показали себя начетчиками и талмудистами.

Итальянская нация, действительно, сложилась из различных этнических элементов. Но из этого никак нельзя делать вывод, что итальянский язык представляет собою новый язык, возникший в результате смешения латинского, древнегерманского, этрусского, греческого и арабского языков. При смешении победу одержал коренной язык жителей Аппенинского полуострова (народная латынь), который и должен считаться древнеитальянским языком.

В данном случае мы наблюдаем характерное для марристов смешение языка с культурой, что сыграло отрицательную роль при решении вопросов этногенеза. „Ошибка наших товарищей состоит здесь в том, что они не видят разницы между культурой и языком и не понимают, что культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития общества, тогда как язык остаётся в основном тем же языком в течение нескольких периодов, одинаково обслуживая как новую культуру, так и старую“.²

Мы видели, что Марр не только совершенно ошибочно оценивал значение смешения в развитии языков, но не понимал самого процесса языкового смешения. Он не понимал, что процесс этот весьма длительный, сложный и противоречивый, совершенно исключаящий какие бы то ни было скачки, внезапные ломки. „Скрещивание языков нельзя рассматривать как единичный акт решающего удара, дающий свои результаты в течение нескольких лет. Скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет. Поэтому ни о каких взрывах не может быть здесь речи“.³

При формировании болгарского народного языка некоторую роль сыграли туземные племенные языки Балканского полуострова (фракийские). Из всех славянских языков наиболее значительные процессы смешения пережил именно болгарский язык, что сказалось отчасти и на его грамматическом строе.⁴ Сохранив свой старый славянский грамматический строй и основной словарный фонд, болгарский язык развил в себе некоторые новые черты, имеющие аналогии в соседних неславянских балканских языках (сербский язык их не знает). Процесс этот был чрезвычайно длительным (600—700 лет). То же можно сказать и в отношении английского языка и всех тех языков, в которых процессы смешения играли большую роль.

Процессы смешения (скрещивания) языков лингвисты могут изучать и изучают непосредственно в самой жизни. Эти наблюдения полностью подтверждают слова товарища Сталина о сложности и длительности этих процессов.

Придавая огромное значение смешению языков, Марр, однако, не занимался исследованием самих процессов смешения. Он не

¹ См., напр., статью: А. Д. У д а л ь ц о в. Теоретические основы этногенетических исследований. „Ученые записки Молдавской базы АН СССР“, т. I. Кишинев, 1948, стр. 11.

² И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 21—22.

³ Там же, стр. 29.

⁴ См. А. А. Б у д а х о в с к и й. Вопросы исторического развития языка в свете работ И. В. Сталина по языкознанию. „Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина“. М., 1950, стр. 131—132.

интересовался важной проблемой двуязычия (билингизма), не изучал на конкретном материале значения его в смешении языков. Лингвистами собран большой материал по двуязычию. Он свидетельствует против теории скрещивания Марра.

„Ученики“ Марра не находили в трудах своего учителя ответа на вопросы о характере и природе языковых смешений. Может быть поэтому они искали его в трудах... биолога Менделя и его последователей. Я имею в виду прежде всего статью покойного кавказоведа А. Н. Генко „К вопросу о языковом скрещении“, напечатанную во втором выпуске „Яфетического сборника“ под редакцией Марра. Статья представляет собою доклад, прочитанный в Яфетическом институте.

Социальную проблему смешения языков Генко считает биологической проблемой. «Скрещивание языков, — пишет он, — есть контаминация в индивидуальном сознании языковых представлений, принадлежащих различным языковым системам... причем „женским“ (если можно так выразиться) началом служит при этой контаминации язык основной, на котором данный индивид воспитан, а приводящим „мужским“ — позднее усвоенный и усваиваемый».¹ Здесь дело не только в биологических терминах. Дальнейшее изложение не оставляет никаких сомнений. „Гибридологический анализ в биологии, в рамках исследования проблемы наследственности, привел, как известно, в работах августинского монаха Григория Менделя к установлению ряда интереснейших законов, в совокупности своей известных под названием менделизма. Закон расщепления признаков родителей, начиная со второго поколения полученных гибридов, проливает яркий луч света на вопрос о выработке диалектов.

Такие понятия далее, как доминирующий и рецессирующий, эпистатический и гипостатический признаки и подобные им, ценны в применении к лингвистике методологически, для уяснения целого ряда аналогичных биологических явлений языковых. Развитие брошенных намеков возможно станет в полной мере, быть может, лишь тогда, когда упрочится и получит должное признание единственно пригодный при широком генетическом анализе языков взгляд на речь, как на антропологический признак, принципиально равноценный таким чисто соматическим признакам и как характер лицевого угла и т. п.»² Генко считает, что его „гибридологическая лингвистика“ опирается не только на Менделя, но и на Марра. Термин „скрещивание“ (или „естественное скрещивание“) он понимает в том смысле, „как он выработался, напр., в работах Н. Я. Марра“.³

Яфетидолог А. Н. Генко (Марр в статье „Абхазоведение и абхазы“ писал: „наш молодой яфетидолог А. Н. Генко“) в решении проблемы смешения языков стал на антинаучный путь. Ни сам Марр, ни его последователи не выступали в печати с критикой этого ученого.

В свете исторических указаний И. В. Сталина перед лингвистами в настоящее время стоит основная задача — изучение внутренних

¹ А. Н. Генко. К вопросу о языковом скрещении. „Яфетический сборник“, т. II, 1923, стр. 121.

² Там же, стр. 123.

³ Там же, стр. 122.

законов развития языков. Только решив эту задачу, лингвисты сумеют установить настоящую периодизацию в истории изучаемого языка, вскрыть все формы взаимосвязи между родственными и неродственными языками, оценить значение фактора смешения в истории отдельных языков.

Товарищ Сталин установил важнейший, общий закон развития языков. „На самом деле развитие языка происходило не путём уничтожения существующего языка и построения нового, а путём развёртывания и совершенствования основных элементов существующего языка. При этом переход от одного качества языка к другому качеству происходил не путём взрыва, не путём разового уничтожения старого и построения нового, а путём постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путём постепенного отмирания элементов старого качества“.¹

Перед лингвистами различных специализаций в настоящее время стоит ответственная задача — на основании данного положения всесторонне изучить частные, свойственные каждой группе языков, каждому языку внутренние законы его развития.

Если мы обратимся к славянским языкам, то должны констатировать, что важнейшим внутренним законом развития этой группы языков в древнейшую пору (задолго до формирования отдельных славянских языков) был закон утраты закрытых слогов. Большинство отличительных черт славянских языков были вызваны именно этим законом: утрата конечных согласных, монофтонгизация старых дифтонгов, возникновение носовых гласных, слоговых плавных, изменения в группах *tort, tert, tolt, telt, ort, olt*, многочисленные изменения в группах согласных, вызванные изменениями слогораздела и ряд других явлений. Все эти процессы, тесно связанные между собою, происходили в течение продолжительного времени и в конце концов существенно видоизменили древнейший облик этих языков. Все вопросы соотносительной хронологии для древнейшего периода истории славянских языков могут быть решены только на основе учета закона утраты закрытых слогов и его последствий.

Последние годы многие последователи и „ученики“ Марра занимались вопросами этногенеза славян. В своих работах они опирались не только на археологический материал, но и широко привлекали данные языка. Однако привлекаемый ими славянский языковый материал решительно опровергал их же построения. Приведу несколько примеров.

В славянском слове племя (ст. сл. плѣма) Н. С. Державин видел древнейший дославянский яфетический элемент с так наз. берской основой (**peł — men*).² Если бы это было так, то в старославянском языке мы должны были бы найти плѣма, в русском языке — полногласие. Таков закон славянских языков, не знавший исключений. Лишено всякого основания сопоставление Марра славянского племя с латинским *plebs* (по Марру *p — lē — be — s*), которое „представляет в корне также племенное название“.³ Латинское *plebes (plebs)* имело корень *p(e)lē*, отраженный в слове *plēnus* — „полный, наполненный“.

¹ И. Сталин. *Марксизм и вопросы языкознания*, стр. 27.

² Н. С. Державин. „История Болгарии“, т. I, 1945, стр. 75.

³ Н. Я. Марр. „Избранные работы“, т. V, стр. 115.

plebs первоначально имело значение „масса“. Что касается славянского племя, то оно из *pledmen* (*pled* — *men*). Корень данного слова представлял обычное для славянских языков чередование *o* — *e*: *pled* — *plod* (ср. *беру* — *сбор*). Изменение *pledmen* в *племя* было совершенно закономерным в связи с законом утраты закрытых слогов. Таким образом славянские *плод*, *плодиться*, *племя* исторически имеют общий славянский корень.

А. Д. Удадьцов, вслед за Марром, утверждал, что этническое имя *склавин* возникло из *сколот*. „Среди сколотских племен, известных впоследствии под названием *склавинов* (корень **сколо**, перешедший в **скла**), во времена Геродота особенно выделялось племя *паралатов* (или *спар-алатов*), тождественное со скифами-пахарями“.¹ Корень **сколо** никогда, ни в одном славянском языке не мог перейти в **скла**. Славянские языки не только не знали подобных изменений, но для них и не было никаких оснований.

Аналогичных примеров можно было бы привести очень много. Все славянские этимологии Марра и его последователей противоречат внутренним законам развития славянских языков. А ведь нужно помнить, что все высказывания Марра о происхождении славянских языков (главным образом русского и украинского) покоятся на этих ошибочных этимологиях.

Работы последних лет, посвященные вопросам славянского этногенеза, требуют серьезной и всесторонней критики. Это необходимо, так как многие наши археологи были уверены, что Марр доказал яфетическое происхождение славянских языков, показал, как русский язык трансформировался в индоевропейский на материале загадочных яфетических языков Восточной Европы. В действительности же весь конкретный славянский языковой материал в руках Марра и его „учеников“ абсолютно не доброкачествен. Пользоваться им нельзя.

IV

Труды товарища Сталина имеют первостепенное значение для дальнейшего развития диалектологических исследований. Последователи „нового учения о языке“, претендовавшие на руководящую роль в советском языкознании, направляли диалектологическую работу по ложному пути, требуя от диалектологов прежде всего изучения классовой природы говора и диалекта, якобы отражаемой в их лексических новообразованиях. Эти требования не были случайными для яфетидологов. Они были органически связаны с основными пороками их лингвистической теории, по которой язык — надстройка и, как и все формы идеологии, он является классовым; основными элементами в языке являются не грамматический строй языка и его основной словарный фонд, а те слои лексики, которые якобы отражают классовую идеологию; язык развивается не по своим внутренним законам, а только в результате скрещивания. Все это в области диалектологии фактически привело к отрицанию существования диалектов, диалектных границ, фонетических и грамматических изоглосс.

¹ А. Д. Удадьцов. Происхождение славян. „Вопросы истории“, 1947, т. V, стр. 96.

Труды И. В. Сталина положили конец „деятельности“ марристов и в области диалектологии. Они подняли на большую принципиальную высоту значение науки о грамматическом строе и основном словарном фонде территориальных диалектов.

Товарищ Сталин указывает на ту большую роль, которую играли территориальные говоры в истории языков. Он пишет, что в отличие от классовых жаргонов, которые лишены языковой самостоятельности и обречены на прозябание, «диалекты местные („территориальные“), наоборот, обслуживают народные массы и имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд. Ввиду этого некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиться в самостоятельные национальные языки».¹ В связи с этим становится понятным, как велико значение диалектологии для изучения истории языка (в частности, для изучения процесса формирования многих национальных языков).

Основная задача диалектологов состоит в изучении грамматического строя территориальных говоров, их фонетических особенностей и основного словарного фонда. Местные говоры содержат многие особенности, уже давно утраченные литературным языком и рядом других говоров. Тщательно сопоставляя их, мы получаем возможность проследить историю фонетической и грамматической системы различных языков. Ряд крупных открытий в области исторической грамматики славянских языков был сделан на диалектологическом материале (работы А. А. Шахматова, Л. Л. Васильева, А. М. Селищева и др.).

Большое значение в диалектологии имеют монографические описания отдельных говоров. К сожалению, в этом направлении советские диалектологи последние годы работали мало. Нужно сказать, что и зарубежные славянские лингвисты мало публикуют детальных описаний отдельных говоров. Для ряда наших диалектологов (не только „учеников“ академика Марра) характерна недооценка этого вида диалектологической работы. А между тем без детальных и всесторонних описаний отдельных говоров нельзя изучить историю языка. Положение И. В. Сталина, что местные говоры имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд обязывает советских лингвистов приступить к детальному их изучению. Только такие изучения дадут полное и целостное представление о системе говоров. Уже давно прошло то время, когда диалектолог отмечал только отличное, особенное в изучаемом им говоре. Задача монографических исследований состоит, в том, чтобы дать полное и всестороннее описание говоров.

Совершенно необходимо усилить диалектологическую работу в славянских странах (особенно в Болгарии). До сих пор мы очень плохо знаем болгарские говоры. Уже много лет не появлялось серьезных работ в области болгарской диалектологии. Словацкие диалектологи большое внимание уделяют созданию атласа словацких говоров, но самый совершенный лингвистический атлас не может заменить монографических описаний уже по одному тому, что он по самой своей природе содержит только картографический материал. Для составителя атласа может оказаться чрезвычайно ценным то, что

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 43.

3 Ученые записки, т. III

в современной системе говоров существенной роли не играет. Он может и должен пройти мимо важнейших языковых черт, если они не картографируются.

Однако детальные и всесторонние исследования одного или группы говоров имеют и свои недостатки. Эти исследования не дают возможности выявить с достаточной полнотой всех дифференцирующих признаков говоров, многие из которых относятся еще к периоду доклассового общества. На основе отдельных монографических описаний невозможно полностью представить границы говоров, выявить распространение черт данного языка на всей его территории. Все это можно изучить лишь методами лингвистического картографирования.

Картографирование диалектных черт современных языков представляет собою одну из важнейших задач исторического языкознания. Оно даст возможность установить связь современных говоров с древнейшими племенными диалектами, вскрыть изменения диалектных границ в связи с различными колонизационными процессами, изучить многие языковые факты и установить их соотносительную хронологию.

Монографические описания говоров и лингвистические атласы взаимно дополняют друг друга. Каждый вид обследования вносит свое в науку о диалектах. Глубоко ошибочными представляются нам воззрения тех диалектологов, которые скептически относятся к данным лингвистического картографирования. Также нужно бороться с вредными теориями, отрицающими большое значение детальных обследований говора или группы говоров.

Создание славянских лингвистических атласов, построенных на основе методов советской лингвистической географии, является первоочередной задачей славистов-диалектологов. В этом отношении особое значение имеет атлас русских говоров, над которым уже много лет упорно работают диалектологи Института языкознания АН СССР в содружестве с большим коллективом провинциальных диалектологов и учащейся молодежи. В Институте славяноведения АН СССР завершена работа над атласом болгарских говоров СССР. В настоящее время развернулась работа по картографированию говоров ряда языков Советского Союза (украинского, белорусского и др.).

Каждая частная работа по вопросу лингвистического картографирования только в том случае будет оправдана, если она будет способствовать дальнейшему развитию нашего советского языкознания, советской лингвистической географии. Это тем более необходимо, что до сих пор теоретические основы нашей лингвистической географии еще не сформулированы в окончательном виде. Они рождаются в процессе работы над частными атласами.

Прежде всего необходимо определить свое отношение к зарубежной лингвистической географии, и в первую очередь — к лингвистической географии Жильерона. Именно это направление оказало сильное и, нужно сказать, очень отрицательное влияние на многих зарубежных славянских диалектологов. У нас, в Советском Союзе, идеи Жильерона упорно пропагандировались диалектологами „школы Марра“, так как между методологией французского диалектолога и методологией основателя яфетической теории имеется глубокая связь. Она обнаруживается в учении о смешении языков (диалектов), в отрицании

системы языка, в нигилистическом отношении к грамматическому строю, в отрицании внутренних законов развития языка. Вместо звуковых изменений (т. е. фонетических процессов) лингвистическая география Жильерона на первое место выдвигает понятие звуковой субституции, сводя, таким образом, всю историческую фонетику к звуковым заменам в результате заимствования слов. Особое внимание лингвистическая география Жильерона придает фактору смешения языков и диалектов. Как и Марр, Жильерон склонен был считать смешение основным фактором развития языка и диалекта. В результате непрерывного процесса смешения, по мнению Жильерона, диалекты фактически исчезли. Жильерон отрицает существование границ каких-либо фонетических и грамматических явлений, указывая на необходимость картографирования лишь отдельных слов.

Лингвистическая география Жильерона и его последователей принесла большой вред языкознанию. Однако влияние этой школы мало затронуло область исторического изучения языка. Никто из историков языка не пользовался лингвистическими атласами, созданными по методу Жильерона. Это легко понять, так как Жильерон отрицал всякую закономерность в развитии любого языка (прежде всего французского). „Язык в своем территориальном распространении им (т. е. последователям школы Жильерона.—С. Б.) представляется зыбким конгломератом исключений и отклонений, где господствует случайное, а не закономерное. Отрицание необходимости, преклонение [перед случайностью, бессилие в установлении закономерностей развития изучаемых явлений— все эти органические пороки буржуазной науки в полной мере относятся к представителям западноевропейской лингвистической географии. Последние не поняли, что в качестве исключений в данном диалекте служат обычно такие факты, которые в другом диалекте являются закономерными. А так как отдельные диалекты не образуют замкнутую в себе систему, а входят в состав более общей системы того или иного языка, то, следовательно, в масштабе этого языка и самые исключения закономерны“.¹

Не чужд теории Жильерона и наивный биологизм. Отсюда его „патологические“ и „терапевтические“ явления в жизни языка. Как известно, всякие звуковые изменения Жильерон относил к патологическим явлениям, т. е. к факторам, которые разрушают язык.

Большинство советских лингвистов резко отрицательно относились к идеям Жильерона. Исключение представляли последователи и „ученики“ Марра, которые справедливо усматривали в западноевропейской лингвистической географии своего союзника. Связь между школами Жильерона и Марра бесспорна. Яфетидологи всегда ставили себе в заслугу то, что они наиболее последовательно борются с буржуазными влияниями в языкознании. Но вот, что писал проф. С. Д. Кацнельсон о лингвистической географии Жильерона: «Лингвистическая география поставила перед наукой ряд новых проблем общего значения, осветив громадную роль общественно-исторических условий формирования языка, всемерно подчеркивая роль смешения в процессе образования диалектов и недостатки теории „родословного древа“, выступая

¹ Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. I. М., 1949, стр. 295—296.

против младограмматического понимания фонетических законов и т. д. Обогащение фактами шло далее по линии исследования материальных связей отдельных семей между собой». ¹

Проф. Кацнельсон считает, что „в лингвистических атласах наука получила новое могучее орудие (разрядка наша. — С. Б.) исследования конкретной истории языка, поскольку последовательное снятие исторических напластований, отложившихся в диалектах, выводит в эпохи, предшествовавшие древнейшим письменным памятникам“. ² Подобный восторженный панегирик Жильерону, написанный в 1941 г., трудно найти даже у А. Доза, который в своей популярной книжке „La géographie linguistique“ в ряде случаев критикует своего учителя.

В 1948 г. проф. С. Д. Кацнельсон более подробно изложил свое отношение к лингвистической географии в статье „Лингвистическая география и история языка“. ³ В этой статье мы уже найдем критические замечания по адресу западноевропейской лингвистической географии. Однако и здесь автор выступает защитником основных положений школы Жильерона, в частности его учения о смешении языков и диалектов. „В отличие от компаративистики, рассматривавшей историю родственных языков как процесс непрерывной филиации и происхождения, лингвистическая география в пределах доступной ей по материалу исторической эпохи выдвигает смешение и схождение языков в качестве основного фактора образования языков. С этой точки зрения каждый язык есть не столько продукт окончательного преобразования искони унаследованных и связанных между собой речевых явлений, сколько конгломерат напластований, различных по времени и по территории их происхождения. Обнаружение этих пластов, определение территории и характера их распространения и, по возможности, датировка их — такова основная проблематика диалектографических работ в отличие от младограмматиков, для которых пространство и время были абстрактными, лишенными конкретного исторического содержания понятиями“. ⁴ Таким образом, проф. Кацнельсон ставит в заслугу лингвистической географии то, что она отрицает историческую закономерность в развитии языка и, выдвигая на первый план скрещивание, рассматривает язык как „конгломерат напластований“. И это вполне естественно, так как все это полностью совпадает с учением Марра.

На этой же ошибочной позиции стоит и Ф. П. Филин. „Лингвистическая география, — утверждал он, — в описании фонетического состояния современных говоров оказалась относительно ближе к истине, чем последователи гипотезы фонетического закона“. ⁵ Вслед за Жильероном Филин также отрицает реальность диалекта. „Итак, —

¹ С. Д. Кацнельсон. Краткий очерк языкознания. Л., 1941, стр. 66.— Маррист С. Л. Быховская в особую заслугу Жильерону ставит то, что он вместо „чисто формалистического изучения по звуковым соответствиям“ выдвинул семантические взаимоотношения. С. Л. Быховская. Н. Я. Марр и северокавказские языки. „Язык и мышление“, VIII, 1937, стр. 129.

² Там же, стр. 65—66.

³ „Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка АН СССР“, вып. 4, 1948.

⁴ Там же, стр. 9.

⁵ „Некоторые проблемы русской диалектологии“. — „Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка АН СССР“, вып. 5, 1949, стр. 10.

пишет он,—современные диалектные границы в их совокупности, с точки зрения современного фактического распространения диалектных черт, не образуют наречий и диалектов“.¹ Он склонен допускать существование диалектов только до образования общерусского языка.

Нет сомнения, что диалектологи, пытавшиеся в своих исследованиях опереться на работы Марра и представителей западноевропейской лингвистической географии, нанесли советской лингвистике серьезный ущерб.

Советские диалектологи должны, руководствуясь указаниями товарища Сталина, развернуть работу по монографическому изучению отдельных говоров, по лингвистическому картографированию. Острый недостаток ощущается в серьезных теоретических работах по диалектологии, и в первую очередь, по лингвистической географии. До сих пор в диалектологии непомерно большое место занимают чисто описательные работы.

Поднятые нами в данной статье вопросы далеко не исчерпывают всех тех задач, которые в настоящее время стоят перед специалистами по славянским языкам. Большое внимание должно быть уделено всестороннему изучению грамматического строя и основного словарного фонда славянских языков. В Институте славяноведения начата работа над капитальной грамматикой современного болгарского языка. Необходимо, чтобы кафедры славянских языков наших университетов организовали соответствующую работу по другим славянским языкам.

Желательно привлечь к этому аспирантов, которые могут разрабатывать отдельные грамматические проблемы в ходе работы над своими кандидатскими диссертациями.

Учение И. В. Сталина о словарном составе и основном словарном фонде открывает новые перспективы в изучении лексики славянских языков. Оно имеет не только большое теоретическое, но и практическое значение (в частности, при составлении двуязычных славянских словарей). В дореволюционное время русские слависты много уделяли внимания изучению этимологии славянских слов. Был накоплен большой и ценный материал. Последние годы эти этимологические исследования были прерваны. Это нанесло ущерб нашему языкознанию, так как славянские этимологии дают возможность изучить ту эпоху в жизни славян, от которой не сохранилось никаких памятников. Само собою разумеется, что наши этимологические исследования славянских языков не должны быть простым продолжением дореволюционных. Они должны строиться на основе марксистского языкознания, на основе учения товарища Сталина о словарном составе и основном словарном фонде. Лингвистические институты Академии Наук СССР должны обратить самое серьезное внимание на создание общеславянского этимологического словаря, этимологических словарей отдельных славянских языков, словаря старославянского языка, отсутствие которого тормозит изучение истории всех славянских языков (в том числе и русского).

Товарищ Сталин поставил перед советскими лингвистами ответственную задачу внедрения марксизма в языкознание. Только решив эту задачу, мы сделаем языкознание подлинной наукой.

¹ Там же, стр. 18.

Борьба за марксизм в языкознании заключается не только в борьбе с вульгарным социологизмом „школы“ Марра. Перед нами стоит задача упорной борьбы не на словах, а на деле с современным буржуазным языкознанием и его наиболее реакционными представителями. Это нужно хорошо усвоить передовым лингвистам стран народной демократии, часть которых восприняла нашу борьбу с марксизмом как возврат к старому традиционному языкознанию. Советские лингвисты будут решительно бороться с подобными настроениями, наносящими большой вред делу построения марксистского языкознания.

Товарищ Сталин выразил уверенность, что советское языкознание займет первое место в мировом языкознании. Оправдать надежду партии и лично И. В. Сталина — священная обязанность всех советских лингвистов.

С. Б. Бернштейн

Л. Б. Валев

НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ БОЛГАРИЯ С 9 СЕНТЯБРЯ 1944 г. ДО КОНЦА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

9 сентября 1944 г. болгарский народ под руководством Рабочей партии (коммунистов) и при решающей помощи героической Советской Армии, освободившей Болгарию от гнета гитлеровских захватчиков, сверг монархо-фашистский режим и установил в стране народно-демократическую власть.

События 9 сентября, положившие начало новой эпохе в истории болгарского народа, коренным образом подорвали основы капиталистического строя в Болгарии, привели к радикальным изменениям в соотношении общественных сил и характере государственной власти.

Возникновение и утверждение власти народной демократии в Болгарии стало возможно прежде всего в результате исторической победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Эта победа пробила новую глубокую брешь в системе империализма, привела к ослаблению этой системы вообще, к новой расстановке классовых сил в ряде стран, в частности в Болгарии, к установлению в этих странах диктатуры пролетариата.

Освобождая порабощенные гитлеровской Германией народы, Советская Армия ставила перед собой высокие, благородные цели. „У нас, — говорил товарищ Сталин, — нет и не может быть таких целей войны, как захват чужих территорий, покорение чужих народов... У нас нет и не может быть таких целей войны, как навязывание своей воли и своего режима славянским и другим порабощенным народам Европы, ждущим от нас помощи. Наша цель состоит в том, чтобы помочь этим народам в их освободительной борьбе против гитлеровской тирании и потом предоставить им вполне свободно устроиться на своей земле так, как они хотят. Никакого вмешательства во внутренние дела других народов!“¹

Решающая роль Советского Союза в победе народно-демократического строя Болгарии не исчерпывается изгнанием из страны гитлеровских оккупантов и созданием условий, позволивших болгарским

¹ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. Госполитиздат, 1949, стр. 34.

трудящимся взять власть в свои руки. Освобождение страны еще не означало ликвидации попыток вмешательства в ее внутренние дела сил внешней контрреволюции, попыток низвержения народной власти и восстановления капитализма. Известно, что еще до 9 сентября 1944 г. американо-английские империалисты, видя приближающийся разгром гитлеровской Германии Советской Армией, усиленно готовили оккупацию Болгарии, стремясь превратить ее в свою колонию и сохранить в ней прежний антинародный режим. Попытки интервенции со стороны международной реакции не прекратились и после 9 сентября. И если в Болгарии была предотвращена эта интервенция, если поддерживаемым извне силам внутренней реакции было нанесено решительное поражение, то это произошло лишь благодаря Советскому Союзу. Советская Армия, вступившая на территорию Болгарии, оградила болгарский народ от покушений американо-английских империалистов, парализовала попытки контрреволюционной буржуазии вновь захватить власть, оказала неоценимую помощь болгарскому народу в деле его национального и социального освобождения. В борьбе за уничтожение господства капитализма и подавление сопротивления свергнутых классов болгарский пролетариат и шедшие за ним массы трудящихся прочно опирались на великие победы освободительницы Болгарии — Советской Армии.

Вождь болгарского народа Георгий Димитров подчеркивал, что если наступление внутренней и внешней реакции непосредственно после 9 сентября 1944 г. не приняло характера открытых вооруженных действий и было успешно отбито, то это объясняется не только решительными мерами народной власти, бдительностью и энергией болгарских коммунистов, но и в значительной степени наличием в стране частей Советской Армии-освободительницы, которые самым фактом своего присутствия сковывали реакцию.¹ „Присутствие братских советских войск на болгарской территории, — говорится в программе Отечественного фронта, — предотвратило оккупацию Болгарии военными силами некоторых империалистических стран, которые задушили бы народное восстание и превратили бы Болгарию в гнездо реакции“.²

Таким образом, решающим фактором победы народно-демократической революции в Болгарии явилась всемирно-историческая победа Советского Союза над объединенными силами реакции. Его действительная поддержка демократических сил болгарского народа после 9 сентября 1944 г. обеспечила возможность народным массам Болгарии самостоятельно решать свою судьбу, создать и укрепить строй народной демократии, являющийся формой диктатуры пролетариата.

Вторым решающим фактором, обеспечившим победу болгарского народа над силами реакции, явилось то обстоятельство, что во главе национально-освободительной и революционной борьбы в Болгарии стояла Рабочая партия (коммунистов).

Движение сопротивления 1941—1944 гг. и восстание 9 сентября 1944 г. ознаменовали собой крутой и решительный перелом в жизни болгар-

¹ См. Пети конгрес на Българската комунистическа партия. Стенографски протоколи, ч. 1. София, 1949, стр. 146—147.

² Програма, устав и правилник за приложение на устава на единната народна обществено-политическа организация Отечествен фронт. София, 1948, стр. 7.

ского народа, такой перелом, при котором, по определению Ленина, „становится особенно ясно видно, какие классы народа преследуют те или иные цели, какую силу они обладают, какими средствами они действуют“.¹

Эти события показали, что самым решительным и до конца последовательным революционным классом, способным поднять болгарских трудящихся и все демократические силы на борьбу против господствовавшего в стране иностранного империализма и внутренней реакции, а также довести эту борьбу до победоносного конца, является рабочий класс. Вместе с тем со всей очевидностью выявилось, что авангард рабочего класса — Рабочая партия (коммунистов), явившаяся организующей и руководящей силой в борьбе болгарского народа против фашизма и реакции, стала самой популярной и авторитетной партией в стране. „Рост влияния коммунистов, — указывает товарищ Сталин, — нельзя считать случайностью. Он представляет вполне закономерное явление. Влияние коммунистов выросло потому, что в тяжелые годы господства фашизма в Европе коммунисты оказались надежными, смелыми, самоотверженными борцами против фашистского режима, за свободу народов“.² К моменту восстания 9 сентября только БРП(к) имела организованные, до конца преданные делу народа кадры. Подавляющее большинство партизан были коммунистами и членами Рабочего союза молодежи. Комитеты Отечественного фронта, созданные в период подполья, в большинстве своем тоже состояли из коммунистов и сочувствующих им. Десятки тысяч героев, лучших членов БРП(к), отдали свою жизнь за дело народа.

Вполне естественно поэтому, что возглавившая болгарский пролетариат Рабочая партия (коммунистов) стала организующей и руководящей силой вновь установленной народно-демократической власти.

Руководимое рабочим классом бедняцкое и середняцкое крестьянство составляло одну из основных сил народно-освободительной борьбы. В ходе этой борьбы болгарский пролетариат, осуществляя свою гегемонию, все более отрывал трудовое крестьянство от буржуазии, превращая его в своего союзника и помощника. Однако и после установления власти Отечественного фронта рабочему классу и его партии пришлось вести упорную и ожесточенную борьбу с реакционной буржуазией и ее агентурой в лице Гемето, Петкова и других врагов болгарских трудящихся за крестьянские и другие мелкобуржуазные слои.

К моменту восстания 9 сентября 1944 г. крупная буржуазия, большая часть кулачества, городской средней буржуазии, чиновничества и офицерского состава армии сильно скомпрометировали себя в глазах трудящихся масс. Они стали ненавистны народу не только как его давнишние угнетатели и эксплуататоры, но и как изменники нации, поставившие себя на службу иностранному империализму. Наиболее тесно связанные с гитлеровской Германией коллаборационисты в первые же дни после восстания 9 сентября либо бежали из страны, либо были арестованы органами народной власти и понесли заслуженную кару. Однако значительной части реакционных буржуазных

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 205.

² „Правда“, 14 марта 1946 г. — Интервью товарища И. В. Сталина с корреспондентом „Правды“ относительно речи г. Черчилля.

элементов в первый период удалось избежать народной расплаты и даже сохранить известные позиции в экономике и политической жизни страны. Болгарский рабочий класс в условиях продолжавшейся войны и последовавшей затем напряженной борьбы за справедливый мирный договор был вынужден допускать в этот период к участию в управлении государством и отдельных представителей мелкой и средней буржуазии, прочно удерживая за собой господствующие позиции в государственном аппарате. При этом он ни на минуту не прекращал борьбы за вытеснение эксплуататорских классов с занимаемых ими экономических позиций и за их политическую изоляцию, вовлекая в активную политическую жизнь и борьбу широкие массы трудящихся. В ходе этой борьбы уничтожался старый буржуазный государственный аппарат и создавался новый — государственный аппарат народно-демократической власти.

Открытые попытки болгарской реакции восстановить свое прежнее господство в стране, опираясь на поддержку извне и используя свои сохранившиеся позиции в экономике и государственном аппарате, наталкивались на решительное сопротивление болгарских трудящихся масс во главе с рабочим классом и на могучую силу в лице Советской Армии, присутствие частей которой на болгарской территории, как уже было сказано, не позволило реакции разжечь в стране гражданскую войну. Здесь вновь сказалась великая прогрессивная роль героической армии советского народа, которая не только освободила болгарский народ от немецко-фашистского ига, но и явилась могучей опорой трудящихся Болгарии в их борьбе против всех попыток реставрации со стороны реакции. Последняя, скованная в своих действиях присутствием советских войск, не решалась открыто выступить против народно-демократической власти и на первых порах вынуждена была прикинуться ее лояльным сторонником. Перекрасившись в „демократов“ и „антифашистов“, эти ярые враги трудящихся стали превозносить на все лады „демократию“ и „свободу“, присовокупляя при этом, что они стоят за „чистую демократию“, за „демократию“ западного толка, за такую „демократию“, какая установлена в империалистических Англии и Америке.

На болгарском примере вновь подтвердились слова Энгельса, который писал 11 декабря 1884 г. в письме к Бебелю: „Во всяком случае, наш единственный противник в день кризиса и на следующий за ним день — объединенная реакция, группирующаяся вокруг чистой демократии...“¹

Прикрываясь демагогической фразеологией, болгарская реакция стремилась поставить болгарский народ под „опеку“ американо-английского империализма и полностью реставрировать в стране капитализм.

В процессе развития народно-демократической революции, после того как была полностью разоблачена перед широкими слоями болгарских трудящихся контрреволюционная и антипатриотическая роль средней буржуазии и ее политических представителей, а позиции рабочего класса еще более упрочились, когда при неограниченной поддержке великого Советского Союза были обеспечены территориальная целостность, национальная независимость и государственный суверенитет страны,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 437.

в ходе ожесточенной классовой борьбы буржуазия, несмотря на ее упорное сопротивление, была окончательно лишена своих экономических и политических позиций.

Такова была обстановка, в которой протекал первый этап развития народно-демократической Болгарии.

В настоящей статье, рассматривающей общее развитие народно-демократической Болгарии с 9 сентября 1944 г. до конца второй мировой войны, специальное внимание обращено на развитие и деятельность Отечественного фронта как объединения демократических сил болгарского народа под руководством БРП(к).¹

1. ОРГАНИЗАЦИЯ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В ЦЕНТРЕ И НА МЕСТАХ

Утром 9 сентября 1944 г. болгарский трудовой народ — рабочие, крестьяне, партизаны и солдаты, — заполнивший улицы и площади городов и сел, восторженно приветствовал только что созданное правительство Отечественного фронта.

Фашистские палачи, прислужники реакции, пособники свергнутой антинародной власти в панике убегали за границу или, охваченные смертельным страхом, пытались спрятаться от справедливого народного гнева. Со многими из них восставший народ 9 сентября и в последующие дни расправлялся прямо на улице.²

Кое-где фашистские элементы пытались оказать вооруженное сопротивление новой, народной власти. Так, утром 9 сентября, против болгарского народа выступила под руководством фашистских офицеров воинская часть, расквартированная в софийском пригороде Горна Баня. 11 сентября подняли мятеж артиллерийские полки в Долни Лозен (около Софии) и в г. Хасково. Попытки организации антинародных мятежей и сопротивления власти Отечественного фронта были в эти дни предприняты реакционным офицерством в гарнизонах Шумена, Пловдива, Стара-Загоры и других городов.

Но восставший народ быстро ликвидировал эти открытые выступления реакции. В армии повсюду возникли солдатские комитеты, которые занялись чисткой ее рядов от фашистских элементов. Рабочая партия (коммунистов) и руководимые ею комитеты Отечественного фронта развернули массовую политическую работу, мобилизуя трудящихся на борьбу за укрепление народной власти.

¹ О деятельности Отечественного фронта до 9 сентября 1944 г. см. кн.: Л. Б. Валев. Из истории Отечественного фронта Болгарии (июль 1942 г. — сентябрь 1944 г.). Изд. АН СССР, М.—Л., 1950.

² Отвечая тем, кто впоследствии пытался бросить тень на народное восстание утверждениями, будто бы в день народного восстания 9 сентября и в последующие дни совершались „беззакония“ и проливалась „невинная“ кровь, министр внутренних дел правительства Отечественного фронта, коммунист Антон Югов 28 декабря 1945 г. с трибуны Народного собрания сказал: „Нет, господа, то, что произошло в эти исторические дни, было не своеволием и беззаконием, а великим народным делом, которое будет записано золотыми буквами в новой истории Болгарии. Это было неизбежной и вполне законной народной расправой с врагами и предателями родины, возмездием за все жестокости, беззакония, ужасы и бесчестия, которые совершали фашистские правители и их агенты“ (см. Стенографски дневници на XXVI обикновено Народно събрание. Първа редовна сесия, кн. 1. София, 1946, стр. 93).

Первое правительство Отечественного фронта во главе с Кимом Георгиевым, просуществовавшее с некоторыми изменениями в своем составе около полутора лет (с 9 сентября 1944 г. по 31 марта 1946 г.), было сформировано на паритетных началах из представителей политических партий, входивших в то время в Отечественный фронт. В него вошли четыре коммуниста, четыре члена Земледельческого союза, четыре представителя Народного союза „Звено“, два социал-демократа и два независимых.

Большое значение для закрепления победы 9 сентября и дальнейшего развития народной демократии в Болгарии имело то обстоятельство, что во главе министерств внутренних дел и юстиции находились коммунисты. Это в значительной мере обеспечило проведение подлинно народной внутренней политики, смелых демократических преобразований в общественно-политической и государственной жизни страны, решительное пресечение происков реакции и ограждение народной власти от покушений со стороны ее врагов, а также суровое наказание фашистских преступников.

Необходимо иметь в виду, что с самого начала установления власти Отечественного фронта сила и влияние Рабочей партии (коммунистов) были неизмеримо больше, чем может показаться, если судить по количеству министерских портфелей, которыми она располагала тогда в правительстве. Несмотря на то, что в первом правительстве Отечественного фронта Рабочая партия (коммунистов) была в меньшинстве (ей принадлежали только четыре министерских портфеля из 16), ее преобладающее влияние среди народа, а также ее позиции в комитетах Отечественного фронта, как это отмечал Георгий Димитров, „обеспечивали ей возможность фактически проводить свою руководящую роль в правительстве и вести с успехом борьбу как против фашистско-реакционных, реставраторских элементов, так и против их прихвостней в рядах Отечественного фронта“.¹

С этим фактическим соотношением сил вынуждены были считаться как лояльные союзники Рабочей партии (коммунистов), так и скрытые враги народа, проникшие даже в правительство Отечественного фронта. Коммунисты энергично пресекали попытки врагов народа срывать проведение мероприятий, направленных к демократизации страны, и решительно становились на защиту демократических завоеваний болгарского народа, апеллируя непосредственно к массам, которые неизменно оказывали им свою поддержку.

По инициативе коммунистов правительство Отечественного фронта уже в течение первых дней своего существования провело ряд демократических мероприятий, обеспечивших ему полную поддержку народных масс и показавших всему миру, что новая власть решительно порвала с фашистским прошлым страны.

17 сентября 1944 г. на большом народном митинге в Софии премьер-министр Кимон Георгиев огласил программу правительства Отечественного фронта. Эта программа, по существу, была подробной разработкой второй части программы Отечественного фронта 1942 г.

В области внешней политики в программе нового правительства были намечены следующие задачи: укрепление вечной братской дружбы

¹ Пети конгрес на Българската комунистическа партия 18—25 дек. 1948 г. Стенографски протоколи, ч. 1, стр. 137.

с Советским Союзом; установление дружественных отношений с другими демократическими странами, установление теснейших дружественных связей с балканскими народами для окончательного и братского разрешения спорных вопросов и другие.

В области внутренней политики в программе правительства Отечественного фронта предусматривалось следующее: восстановление всех прав и свобод болгарского народа; политическое, культурное и юридическое равноправие обоих полов; отмена всех чрезвычайных законов фашистских правительств; переустройство государства в соответствии со свободно выраженной волей народа; роспуск реакционного Народного собрания и проведение свободных выборов; полная и безусловная политическая амнистия борцам за народную свободу и жертвам чрезвычайных антинародных законов; народный суд над военными и фашистскими преступниками; конфискация имущества и капиталов лиц, разбогатевших во время войны на спекуляции и подкупах; чистка государственного аппарата от антинародных элементов и создание честной, способной и верной интересам народа администрации; полная демократизация армии как в отношении ее задач, так и в отношении ее комплектования и обучения.

Правительственная программа намечала также проведение мероприятий в области экономики, финансов, правосудия, здравоохранения, культуры и просвещения. В частности, предусматривалась ликвидация частных монополий и объявление государственными тех монополий, существование которых будет признано целесообразным; введение прогрессивно-подоходного налога и освобождение предметов первой необходимости от чрезмерного налогового обложения; введение трудового законодательства и защита рабочих от эксплуатации.¹

Осуществление этой программы фактически было начато еще до ее опубликования, сразу же после победы восстания 9 сентября.

9 сентября были арестованы фашистские регенты — Филов, князь Кирил и генерал Михов; вместо них были выдвинуты регенты из среды Отечественного фронта. Были арестованы министры всех кабинетов, существовавших с 1 января 1941 г., а также депутаты фашистского Народного собрания 25-го созыва, поддерживавшие гибельную для страны политику прогитлеровских правителей, и другие фашистские и военные преступники.

Из тюрем немедленно были освобождены политические заключенные, осужденные за антифашистскую деятельность, и ликвидированы концентрационные лагеря. Правительство Отечественного фронта вскоре после своего образования отменило антинародные, антидемократические законы, распустило все фашистские организации, конфисковало их имущество, закрыло фашистские газеты и конфисковало их типографии. Болгарский народ получил такие демократические права и свободы, каких он не имел за всю свою историю.

Важнейшей задачей народно-демократической революции было уничтожение старого фашистско-полицейского государственного аппарата в центре и на местах и создание нового государственного аппарата, опирающегося на поддержку широких народных масс.

Одна замена фашистского правительства правительством Отечественного фронта, т. е. простая перемена в составе министров, конечно,

¹ „Работническо дело“, 18 сентября 1944 г.

не могла обеспечить и закрепить победу, одержанную 9 сентября. «Вся история буржуазно-парламентарных, а в значительной степени и буржуазно-конституционных, стран, — писал Ленин, — показывает, что смена министров значит очень мало, ибо реальная работа управления лежит в руках гигантской армии чиновников. А эта армия насквозь пропитана антидемократическим духом, связана тысячами и миллионами нитей с помещиками и буржуазией, зависима от них на всечасные лады. Эта армия окружена атмосферой буржуазных отношений, дышит только ею, она застыла, заскорузла, окоченела, она не в силах вырваться из этой атмосферы, она не может мыслить, чувствовать, действовать иначе как по-старому. Эта армия связана отношениями чиновничества, известных привилегий „государственной“ службы, а верхние ряды этой армии чрез посредство акций и банков закрепощены полностью финансовому капиталу, в известной степени сами представляя из себя его агентов, проводников его интересов и влияния».¹

Болгария в этом отношении не была исключением. Здесь тоже в период господства буржуазии на протяжении многих десятилетий систематически проводилась политика подбора такого штата служащих государственного аппарата, который лучше всего отвечал бы требованиям антинародного реакционного режима. Неудивительно, что уже в первые дни после создания правительства Отечественного фронта почти во всех министерствах начался скрытый саботаж мероприятий народной власти.

Поэтому после 9 сентября перед болгарским рабочим классом встала задача сломать старый государственный аппарат и заменить его новым, народным, подлинно демократическим аппаратом, способным провести в жизнь программу Отечественного фронта и руководить строительством народно-демократического государства.

Однако полная ликвидация всех звеньев старой государственной машины и замена их новыми в силу ряда обстоятельств произошла не сразу. Становление новой, народно-демократической государственности было довольно длительным революционным процессом, все более углублявшимся по мере упрочения в стране народной демократии как формы диктатуры пролетариата и развития Болгарии по пути к социализму. Этот процесс наталкивался на колебания, а подчас и на прямое противодействие со стороны руководителей мелкобуржуазных партий — союзников БРП(к) по Отечественному фронту, — бравших под свою защиту реакционно настроенных чиновников, окопавшихся в министерствах под видом „специалистов“. Некоторые из этих руководителей, подстрекаемые англо-американскими империалистами, не только развернули усиленную вражескую деятельность в государственном аппарате, но, отколовшись впоследствии от Отечественного фронта, создали антинародную оппозицию Петкова — Лулчева, которая стала открытым организующим центром всей болгарской реакции.

В своей работе по созданию нового государственного аппарата болгарским коммунистам приходилось также преодолевать те препятствия и саботаж, которые явились результатом вражеской деятельности окопавшейся в самой БРП(к) преступной группы предателя Трайчо Костова.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 342—343.

Неуклонно проводя демократизацию всей общественно-политической и государственной жизни страны и опираясь при этом на трудящиеся массы, в первую очередь — на рабочий класс, коммунисты не могли не считаться с реальной международной и внутренней обстановкой. „Нужно было ставить на разрешение только самые назревшие задачи, — говорил об этом периоде Георгий Димитров, — не перескакивать через отдельные этапы в развитии борьбы рабочего класса и трудящихся города и деревни против капитализма. . . Линия наибольшего объединения всех антифашистских, демократических, патриотических сил народа, в том числе и некоторых антигерманских элементов из среды буржуазии, во имя полного разгрома фашистской клики, победоносного участия в антигитлеровской войне, во имя защиты и обеспечения национальной независимости, территориальной целостности и государственного суверенитета родины, была единственно правильной линией. Ее осуществление было предварительным условием и гарантией сохранения и дальнейшего развития исторических завоеваний народного восстания 9 сентября. Она давала партии возможность связаться с самыми широкими массами, укрепить свои позиции, изолировать врагов восстания и народной власти“.¹

Процесс разрушения старого государственного аппарата и замены его новым протекал в условиях сложной международной и внутриполитической обстановки. Поэтому в ряде звеньев государственной машины в первое время проводилась еще предварительная работа в этом направлении, выразившаяся в первую очередь в чистке персонала государственных учреждений от фашистских и других реакционных элементов при временном использовании старых форм государственного аппарата. Использование при этом части старого чиновничества было тем более оправдано, что у рабочего класса ощущалась острая нехватка квалифицированных кадров. „Привлечение широких кругов технических сотрудников, приказчиков и средних и низших чиновников и интеллигенции, — говорится в резолюции III конгресса Коминтерна, — могло бы облегчить пролетарской диктатуре в период перехода от капитализма к коммунизму разрешение вопросов государственного и хозяйственного управления“.²

На первых порах полной замене подверглись лишь решающие звенья государственной машины, определяющие лицо существующей в стране власти, — военно-полицейский аппарат и администрация на местах.

Одним из неотложных мероприятий в этом направлении было уничтожение старой армии — этого, по выражению товарища Сталина, первого и самого главного аппарата буржуазного государства³ — и создание новой, народно-демократической армии. Этот процесс совершался в обстановке уже начавшихся боев болгарских партизанских и воинских частей с немецко-фашистскими полчищами. С помощью солдатских комитетов Отечественного фронта (которые вскоре были заменены институтом помощников командиров по политической части, состоявших в основном из бывших партизан-коммунистов) из старой армии

¹ Пети конгрес на Българската комунистическа партия. Стенографски протокол, ч. 1, стр. 139—140.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. XXVI, стр. 607.

³ См. И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 384.

решительно устранялись гитлеровские агенты, фашистские элементы — все те, кто участвовал в преследовании народных борцов за свободу или в насилиях над мирным населением. Была проведена полная реорганизация старой армии и положено начало превращения ее в новую, подлинно народную армию. В армию влились свежие кадры из бывших партизан и вновь мобилизованных патриотов.

9 сентября был издан приказ о слиянии партизанских частей с регулярной армией.¹

Повсеместно слияние партизанских отрядов с регулярными частями происходило в торжественной обстановке, при стечении местного населения. Вот как, например, по описанию газеты „Отечествен фронт“, происходила церемония слияния партизанских соединений с армией в г. Кюстендиле 11 сентября 1944 г.

Собравшиеся граждане сопровождали восторженными возгласами речи начальника гарнизона и командиров партизанских отрядов. Последние в пламенных словах подчеркнули неразрывную связь, которая должна существовать между народом, войсками и партизанами в борьбе против фашизма и реакции. Войска, партизанские отряды и народ приняли участие в величественной демонстрации, которая направилась к казармам. После братской трапезы партизанские отряды остались в казарме как составная часть гарнизона. Они образовали роту и стали готовиться вместе с остальными солдатами к отправке на фронт для борьбы против гитлеровских захватчиков.²

Выдающуюся роль в новой народной армии играли гвардейские части (начиная с гвардейских рот), созданные непосредственно после 9 сентября из бывших партизанских отрядов. Среди них в особенности следует отметить Первую Софийскую гвардейскую дивизию под командованием героя народно-освободительной борьбы, генерал-майора Славчо Трынского, которая отличилась своим героизмом уже в первый период участия Болгарии в Отечественной войне.

Одновременно с постановлением о создании народной гвардии, 10 сентября было опубликовано правительственное постановление о создании вооруженной народной милиции, вместо распущенной фашистской полиции и жандармерии.³ Народная милиция, составленная из вооруженных рабочих и крестьян, бывших партизан и других участников движения сопротивления, сыграла огромную роль в деле укрепления власти Отечественного фронта, установления народно-демократического порядка, обезвреживания фашистских преступников и заговорщиков. Ею были задержаны почти все главные заправилы фашистского режима — министры, депутаты, руководители антинародных организаций, фашистские пропагандисты, враги народа, проводившие политику экономического ограбления Болгарии, и др. Народ-

¹ В этом приказе между прочим говорилось: „Партизанским зонам, бригадам, батальонам и четам влиться в ряды армии, создав общее командование отдельных воинских частей. Командиры партизанских войск сохраняют командные места, которые они занимали в партизанской армии“ („Свобода“, 10 сентября 1944 г.).

² См. газ. „Отечествен фронт“, 16 сентября 1944 г.

³ В этом постановлении говорилось: „Из состава партизанских отрядов и народной милиции формируются: 1) народная гвардия, которая входит в состав военного министерства, и 2) народная милиция, на которую возлагается внутренняя безопасность и которая входит в состав министерства внутренних дел“ („Работническо дело“, 10 сентября 1950 г.).

ная милиция беспощадно расправлялась с фашистскими заговорщиками, начавшими свою подрывную деятельность уже вскоре после 9 сентября.

Сразу же после 9 сентября 1944 г. было приступлено к организации народной власти на местах.

Одновременно с полной сменой центрального аппарата министерства внутренних дел была проведена коренная ломка местного аппарата — были отстранены все прежние областные директоры, околийские (уездные) управители, кметы (городские и сельские старосты) — одним словом, вся профашистская администрация. В первые дни после 9 сентября вся власть на местах перешла целиком и непосредственно к комитетам Отечественного фронта, которые оказались самыми всеобъемлющими организациями политической мобилизации широких масс болгарского народа.

Газета „Отечествен фронт“ в номере от 10 сентября 1944 г. приводит описание установления народной власти в Костинброде, где находился большой завод Чилова. Утром 9 сентября на станцию Костинброд прибыла группа партизан. В 11 часов утра на заводе состоялся митинг с участием 500 рабочих. Представитель Отечественного фронта под восторженные возгласы рабочих сообщил об образовании в Софии правительства Отечественного фронта. Тут же рабочие избрали заводской комитет, который принял на себя управление заводом. Вслед за этим партизаны отправились в окрестные села — Костинброд, Петырч, Шияковци, Опицвет, Богьовци, Маслово, Безден и другие, где также была установлена власть Отечественного фронта.

11 сентября газета „Отечествен фронт“ поместила телеграмму Пловдивского областного комитета Отечественного фронта, в которой сообщалось об образовании во всех городах и селах области комитетов Отечественного фронта, взявших в свои руки власть на местах. В том же номере газеты дается следующее описание установления власти Отечественного фронта в г. Кюстендилье и Кюстендилской околии: „В околийский комитет прибывают из сел делегации, которые сообщают, что сельские комитеты взяли на себя руководство общинами в селах. К вечеру 9 сентября вся власть в Кюстендилье и Кюстендилской околии была уже в руках комитетов Отечественного фронта“.

К тому времени власть комитетов Отечественного фронта была установлена революционным путем во всех населенных пунктах страны. Под руководством и контролем комитетов Отечественного фронта постепенно стали создаваться новые правления городских и сельских общин.

Только 20 октября 1944 г., почти через полтора месяца после образования правительства Отечественного фронта, был опубликован декрет, закреплявший и узаконивавший права комитетов Отечественного фронта в деле организации народной власти на местах и регулировавший отношения между ними и вновь организованными административными органами.¹ Согласно этому декрету, назначение и смещение околийских управителей, городских кметов и их помощников

¹ Наредба-закон за назначаване, уволняване и класиране на служителите по ведомство на Министерството на вътрешните работи за временната общинска управа (см. „Държавен вестник“, 2 ноября 1944 г.).

возлагалось на областных директоров¹ по представлению околийских комитетов Отечественного фронта, причем областные директоры не могли отвергать предложенных комитетами Отечественного фронта кандидатов. В случае несогласия вопрос окончательно разрешался министром внутренних дел. Назначение и увольнение кметов, помощников кметов, секретарей и секретарей-казначеев сельских общин должно было производиться околийскими управителями также по представлению соответствующих комитетов Отечественного фронта. В городах и селах создавались временные (до проведения выборов) общинные управы в составе кметов, их помощников и лиц, выделенных местными комитетами Отечественного фронта: в столице—9 чел., в городских общинах с населением свыше 30000 жителей—7 чел., в остальных городских общинах—5 чел., в сельских общинах—2 чел.

Таким образом, декрет от 20 октября 1944 г. внес коренные изменения в порядок назначения² и самую сущность³ органов местного управления, закрепив за широкими массами трудящихся завоеванное ими 9 сентября право осуществлять через организации Отечественного фронта свой контроль над этими органами и участвовать в управлении на местах.³

Представителям трудящихся, выдвинутым на местные административные посты, приходилось в первое время работать в очень тяжелых условиях, преодолевая огромные трудности. Долгое время служащие милиции, администрации и общин работали без всякого вознаграждения. Эти честные и преданные труженики, верно и бескорыстно служа своему народу, много сделали для организации и укрепления народно-демократической власти.

В связи с тем, что большинство выдвинутых на административную работу лиц не имело необходимых для этого знаний и навыков, министерство внутренних дел провело ряд мероприятий по их подготовке. Так, с 1 ноября 1944 г. при областных дирекциях начали работать двухнедельные курсы по подготовке секретарей-казначеев (их посещало 1300 чел.). Были также проведены околийские и районные курсы-конференции для кметов.

2. КОМИТЕТЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФРОНТА

Весьма важное значение для понимания последовавших после установления народно-демократической власти Отечественного фронта событий имеет вопрос о том, что представляли собой комитеты Отечественного фронта в организационном отношении и в чем состояла их деятельность в рассматриваемый период.

¹ Новые директоры существовавших тогда в Болгарии девяти областей были назначены специальным указом правительства Отечественного фронта от 17 сентября 1944 г. (см. „Отечествен фронт“, 18 сентября 1944 г.).

² До 9 сентября 1944 г. действовал реакционный декрет 1934 г., согласно которому назначения на все административные должности производились министром внутренних дел фашистского правительства.

³ Реорганизация местных органов государственной власти в Болгарии продолжалась и в дальнейшем. В целом она проходила медленнее, чем строительство центральных органов власти и была завершена лишь в 1949 г., когда состоялись выборы в народные советы, заменившие, в соответствии с новой конституцией, существовавшие до этого временные органы государственной власти на местах.

В период нелегальной деятельности Отечественного фронта, вплоть до 9 сентября 1944 г., в стране было создано 670 местных комитетов, в состав которых входило свыше 3600 членов, преимущественно коммунистов. После 9 сентября эти комитеты вышли из подполья и приняли самое деятельное участие в установлении новой власти.

После победы восстания 9 сентября, в огромной степени развязавшего политическую активность широчайших народных масс, начали повсеместно создаваться, под руководством коммунистов, новые комитеты Отечественного фронта,¹ ставшие, наряду с прежними комитетами, массовой общественно-политической опорой народной власти.

В первом своем циркуляре, изданном после 9 сентября, Национальный комитет Отечественного фронта выдвинул задачу немедленного создания повсюду широкой сети таких местных комитетов из представителей демократических группировок, массовых организаций трудящихся и всех антифашистских групп, которые принимают программу Отечественного фронта и готовы оказывать содействие новому правительству. В циркуляре давались конкретные указания о структуре комитетов, их правах и обязанностях, их взаимоотношениях с другими антифашистскими массовыми организациями и государственно-административными органами.²

Комитеты Отечественного фронта должны были создаваться во всех административных единицах страны: областях, околиях, городах и селах. В крупных городах создавались квартальные и производственные комитеты.

Еще в период подполья враги народно-освободительного движения, понимая огромную роль и значение Отечественного фронта для сплочения болгарского народа в борьбе против реакции и фашизма, неоднократно предпринимали попытки подорвать его изнутри, не допустить его превращения в единую организацию широких масс болгарских трудящихся под руководством рабочего класса и его авангарда — БРП(к). После 9 сентября 1944 г. эти попытки реакции значительно усилились. Большую помощь реакции в ее подрывной деятельности оказывала предательская банда Трайчо Костова, действовавшая заодно со всеми другими врагами болгарского народа.

Используя созданную с помощью фашистской полиции репутацию „стойкого“ и „мужественного“ члена партии, предатель Трайчо Костов в 1944 г. обманым путем пробрался на руководящий пост секретаря ЦК БРП(к). Вслед за тем он добился назначения на ответственные посты в партийном и государственном аппарате некоторых из своих сообщников, завербованных им еще в период фашизма из среды проникших в партию темных элементов, шпионов и провокаторов. Некорым из них, как например Лулчо Червенкову и Петко Кунину, удалось пробраться в руководство Отечественного фронта, где они, совместно с такими агентами реакции, как Гемето, Никола Петков и Коста Лулчев, вели подрывную работу.

Действуя по прямому заданию англо-американских империалистов, группа Костова направляет все усилия к тому, чтобы, развязав

¹ Эти новые комитеты Отечественного фронта получили название творческих в отличие от так называемых боевых комитетов (или комитетов борьбы), создававшихся до 9 сентября 1944 г.

² См. „Окръжни на Националния комитет на О. Ф.“ Библиотека на Отечественния фронт, № 6, София, 1945, стр. 3—10.

деятельность реакционной оппозиции внутри Отечественного фронта, подорвать единство в его рядах, ослабить союз рабочих и крестьян и, в конечном счете, — реставрировать в стране капитализм. Этой цели служил, в частности, выдвинутый Костовым и проводившийся с помощью его сподручных в Национальном комитете Отечественного фронта принцип паритетного представительства партий при формировании комитетов Отечественного фронта. Так, еще 25 сентября 1944 г. на конференции Софийской областной организации БРП(к) Костов заявил, что в комитеты „должно входить одинаковое число представителей от всех политических сил“.¹ Такая же инструкция содержалась и в упомянутом выше циркуляре Национального комитета, устанавливавшего, что все четыре партии Отечественного фронта — Рабочая партия (коммунистов), Земледельческий союз, Народный союз „Звено“ и социал-демократическая партия — должны посылать в комитеты Отечественного фронта по равному количеству своих представителей.²

Рассматривая комитеты Отечественного фронта лишь как организации по согласованию деятельности отдельных политических партий, участвующих в Отечественном фронте, Костов и его сподручные суживали роль и значение организации Отечественного фронта, низводя ее к простой коалиции партий. Вместо развития Отечественного фронта как объединения всех демократических сил болгарского народа, вместо укрепления в Отечественном фронте позиций Рабочей партии (коммунистов) как руководящей партии, проводящей до конца последовательно-демократическую линию по всем жизненно важным для народа вопросам, преступная банда Трайчо Костова всячески стремилась принизить ее роль и умалить ее влияние на широкие массы.

Практика образования местных комитетов Отечественного фронта в период подполья, а также в первые дни после 9 сентября 1944 г., неизменно показывала огромное доверие народа к партии коммунистов, имевших в комитетах численное превосходство и игравших в них руководящую роль. Вводившийся теперь принцип равного представительства в комитетах суживал эту руководящую роль БРП(к) и вместе с тем давал возможность малочисленным правым партиям усилить свои организационные и политические позиции.

Последующие события показали, насколько вредной и пагубной для Отечественного фронта была эта политика.

Как известно, в период монархо-фашистской диктатуры Земледельческий союз и социал-демократическая партия, — не говоря уже о Народном союзе „Звено“, который тогда представлял собой лишь узкий кружок интеллигентов, главным образом военных,³ — фактически остались без организованной членской массы. После 9 сентября 1944 г.

¹ „Работническо дело“, 27 сентября 1944 г.

² Наряду с этим в комитеты Отечественного фронта, согласно циркуляру Национального комитета, привлекались с правом совещательного голоса представители существующих в данном месте беспартийных массовых народных организаций (кооперативных, профсоюзных, культурно-просветительных и др.).

³ Группа, или, как она еще называлась, политический кружок „Звено“, была преобразована в политическую партию Народный союз „Звено“ на учредительной конференции Союза, состоявшейся 1 октября 1944 г. На этой же конференции вновь созданная партия приняла в качестве своей временной платформы программу Отечественного фронта.

они спешно начали воссоздавать свои организации на местах. И здесь-то открылись широкие возможности для подрывной деятельности различного рода реакционеров.

Уже через две недели после прихода к власти правительства Отечественного фронта в Болгарию прибыл небезызвестный агент англо-американских империалистов пресловутый Гемето. Гемето вкупе с Николой Петковым тотчас же принялся за выполнение директивы, ради которой он возвратился в Болгарию: поставить на службу реакции Земледельческий союз (вторую, по величине, партию после БРП(к)) и, опираясь на него, повести линию на раскол Отечественного фронта изнутри, на срыв борьбы с реакцией, на срыв всех мероприятий правительства Отечественного фронта.

Именно с этой целью предатель Гемето дал своим приверженцам инструкции широко раскрыть двери Земледельческого союза для всякого рода фашиствующих и реакционных элементов. Эти инструкции были переданы агентам Гемето на местах, приступившим к быстрой организации местных „дружб“, в которые хлынули фашисты. В ряде мест, как, например, в Русе, Исперихе, Шумене, местные организации Земледельческого союза и Союза земледельческой молодежи создавались по инициативе легионеров и других врагов болгарского народа.

Внутренний облик Земледельческого союза начал резко изменяться. Через этот союз реакционные элементы стали проникать в местные комитеты Отечественного фронта, где продолжали свою подрывную деятельность, пытаясь взорвать Отечественный фронт изнутри. При содействии реакционной части социал-демократической партии и Народного союза „Звено“ профашистские элементы стали заполнять ряды и этих организаций. Это наглядно показал, например, раскрытый в декабре 1944 г. фашистский заговор в г. Русе, выявивший, что ушедшие в подполье фашистские главы давали своим приверженцам прямые директивы вступать в упомянутые организации и через них проводить свою вражескую работу по разложению Отечественного фронта.

Состоявшийся в декабре 1949 г. процесс предателя Трайчо Костова и его сообщников пролил новый свет на эту подрывную деятельность реакционных сил. На процессе со всей очевидностью было доказано, что Трайчо Костов не только был подробно осведомлен о намерениях внутренней и внешней реакции подорвать единство Отечественного фронта с помощью клики Гемето—Петкова, но и сам действовал в том же направлении по указке своих англо-американских хозяев. Так, подсудимый Никола Павлов, касаясь одного своего разговора с Костовым, сообщил на суде:

„Костов сказал, что Бейли [руководитель английской разведывательной службы на Балканах] осведомил его о намерениях англичан в отношении Гемето, а именно—с его помощью расколоть власть Отечественного фронта и создать открытую оппозицию в Болгарии. Костов заявил, что мы должны иметь в виду эти планы англичан и не чинить препятствий Гемето, который скоро возвратится в Болгарию“.¹

Сам Костов дал следующие показания относительно полученных от Бейли заданий:

¹ „Работническо дело“, 10 декабря 1949 г.

„Бейли поручил мне также работать по разложению Отечественного фронта и отколу от него земледельцев и социал-демократов, среди которых англичане уже успешно действуют в этом направлении.

По словам Бейли, если Отечественный фронт останется единым, влияние в нем коммунистов и существующего в стране правительства укрепится.

Бейли одобрил составленную мною и разосланную на места директиву относительно комитетов Отечественного фронта, согласно которой признавался принцип равенства для всех партий при формировании этих комитетов на местах¹.

Опираясь на выдвинутый центром принцип равного представительства, местные организации Земледельческого союза, социал-демократической партии и Народного союза „Звено“, подстрекаемые своими правыми лидерами и нахлынувшими в них реакционными элементами, требовали полного проведения этого принципа в жизнь. Стремясь обеспечить за собой позиции в комитетах Отечественного фронта, эти партии даже при отсутствии у них организации в данном месте требовали включения в комитет своих, часто случайных, представителей, оказывавшихся сплошь и рядом фашистами. На этой почве на местах стали возникать споры по вопросу о составе местных комитетов Отечественного фронта. Вражеская деятельность реакционных лидеров указанных партий, направленная на засорение этих партий, а через них и Отечественного фронта, антинародными элементами, встретила резкий отпор со стороны коммунистов и низовых организаций Отечественного фронта.

После совещаний, предпринятых по инициативе БРП(к), центральные руководящие органы четырех партий Отечественного фронта 12 октября 1944 г. выступили с декларацией, содержавшей практические указания, которыми должны руководствоваться все местные партийные организации при составлении комитетов Отечественного фронта.

В этой декларации говорилось, что в комитеты должны избираться только проверенные люди, доказавшие на деле свою преданность народу в борьбе против фашизма. Если против какой-нибудь из предложенных кандидатур будут выдвинуты обвинения, последние должны быть проверены специальной комиссией из представителей организаций, входящих в Отечественный фронт. В случае правильности обвинения кандидатура должна быть снята, а вопрос о новом кандидате передан на рассмотрение организации, выдвинувшей его предшественника. В том случае, если организация все же настаивает на своей первой кандидатуре, вопрос передается на рассмотрение вышестоящей инстанции (окрайского или областного комитета), которая и должна вынести окончательное решение.

Декларация 12 октября подчеркивала необходимость вовлечения в комитеты Отечественного фронта представителей существующих в данном районе массовых народных (профсоюзных, кооперативных и других) организаций с правом совещательного голоса. Эти представители должны были избираться на общих собраниях соответствующих организаций и посылаться в комитеты после принятия общего решения о том, что вся организация присоединяется к Отечественному фронту. Таким образом, говорилось в декларации, к деятельности комитетов

¹ „Правда“, 2 декабря 1949 г.

Отечественного фронта будут приобщены и широкие, демократически настроенные беспартийные массы.

Считая, что комитеты могут быть подлинными организациями масс и осуществлять связь между управлением и народом лишь при условии соблюдения принципов народовластия, руководства четырех партий рекомендовали комитетам Отечественного фронта на общих собраниях села, квартала или предприятия ставить на рассмотрение народных масс все вопросы, касающиеся состава комитетов, их деятельности и проводимых ими мероприятий. Вообще вся работа комитетов Отечественного фронта должна была протекать под контролем и при содействии широких народных масс.

В декларации указывалось, что в Отечественный фронт могут быть приняты лишь те политические организации, которые до 9 сентября принимали активное участие в борьбе против фашизма. Другие партии и организации, которые в решительный момент борьбы оказались на стороне фашизма и помогали ему, не могут быть допущены в Отечественный фронт.

Несомненно, приведенные выше положения декларации ставили известные препятствия проникновению в Отечественный фронт реакционных элементов и расширяли его демократическую базу. Следует, однако, указать, что правым элементам при поддержке трайчо-костовцев удалось и здесь протащить выгодный им принцип равного представительства четырех партий. Правда, в декларации указывалось, что этот принцип должен применяться не механически, а с учетом конкретного положения на местах и пользоваться им могут лишь те местные партийные организации, которые ведут нормальную организационную жизнь. Например, там, где преобладающее влияние принадлежит одной или двум организациям, входящим в Отечественный фронт, а другие организации не существуют или имеют лишь незначительное число сторонников, нет никакого основания требовать включения в комитет на равных началах представителей этих организаций.

Однако эта оговорка, по существу, не вносила ничего нового в принцип, провозглашенный в упоминавшемся первом циркуляре Национального комитета.

Более того, декларация 12 октября рекомендовала подобным же образом, т. е. по принципу равного представительства, пополнять не только вновь возникающие и созданные после 9 сентября комитеты, но и старые, т. н. боевые комитеты, имевшие большой опыт борьбы с реакцией и фашизмом. Однако эта рекомендация была проведена в жизнь не сразу. Комитеты, образованные до 9 сентября 1944 г., основной костяк которых составляли коммунисты, просуществовали в своем прежнем составе еще несколько месяцев и сыграли большую роль в укреплении организации и власти Отечественного фронта.

Несмотря на происки реакции, БРП(к) продолжала играть руководящую роль в комитетах Отечественного фронта, отстаивая их единство, шаг за шагом укрепляя свои позиции, ведя непримиримую борьбу за разоблачение и изгнание из комитетов реакционных и вражеских элементов. В движение Отечественного фронта вовлекались широкие массы рабочих, крестьян, ремесленников, народной интеллигенции. Росла численность комитетов Отечественного фронта. Как отмечалось на состоявшемся в марте 1945 г. первом национальном конгрессе Отечественного фронта, уже к началу декабря 1944 г. не

оставалось ни одного города или села, предприятия или учреждения, где бы не было комитета Отечественного фронта. По неполным данным, в 6176 населенных пунктах, насчитывавшихся в стране, за первые три месяца было создано 7292 комитета с 38977 членами. Кроме того, к 28 января 1945 г. было образовано 322 комитета железнодорожников и моряков, которые выделили 191 члена в областные комитеты.

Остановимся коротко на деятельности комитетов Отечественного фронта в первый период после 9 сентября.

Как мы уже видели, первым делом комитетов Отечественного фронта было оказание помощи народно-демократическому правительству в организации и укреплении новой власти на местах путем обеспечения участия представителей трудящихся в административных органах. Можно смело сказать, что без комитетов Отечественного фронта эта задача не могла бы быть решена так успешно и в столь короткий срок. В первое время после своего создания местные органы власти не имели достаточного опыта и навыков управления, чтобы самостоятельно справиться с теми большими задачами, которые встали перед неокрепшей еще народной властью. Поэтому на первых порах значительная часть этих задач решалась силами комитетов Отечественного фронта.

Одной из важнейших задач была организация хозяйственной жизни на местах. Новое правительство, конечно, не могло сразу, одним росчерком пера, выработать необходимое экономическое законодательство. А между тем нужно было принять быстрые и решительные меры, ибо экономика страны находилась на грани полной катастрофы. Во многих местах с наступлением зимы население оставалось без продовольствия, без топлива, без жилищ, разутым и раздетым. Надо было срочно обеспечить снабжение городов и сел, организовать работу промышленности и транспорта.

Комитеты Отечественного фронта развернули огромную работу по организации продовольственных поставок, мобилизации и использованию наличных ресурсов, по снабжению населения топливом и предметами первой необходимости, по развертыванию борьбы за повышение производительности труда. Правда, при этом кое-где допускались перегибы, проявлялось местничество, отсутствовала согласованность между различными инстанциями, но положение было спасено, хозяйственная жизнь постепенно стала налаживаться.

Чутко прислушиваясь к требованиям и нуждам трудящихся, комитеты Отечественного фронта выдвигали перед органами власти конкретные предложения и мобилизовали массы на их выполнение. Будучи массовой общественно-политической опорой народно-демократической власти, принимая самое активное участие в осуществлении политических, экономических, военных и административных мероприятий правительства Отечественного фронта, комитеты вместе с тем были органами общественного контроля над всей его деятельностью сверху донизу. Огромную роль сыграли комитеты Отечественного фронта и, в первую очередь, их коммунистическое ядро при проведении чистки армии, государственного аппарата и педагогического персонала от фашистских и реакционных элементов, при избрании народных судей, организации народной гвардии и народной милиции. В связи с осуществлением этих и других демократических мероприятий народно-демократической власти при активном участии комитетов Отечественного фронта были проведены тысячи митин-

гов, демонстраций, конференций, которые сыграли важную роль в деле мобилизации и активизации широких народных масс.

Большую работу проделали комитеты Отечественного фронта по организации материальной помощи бойцам на фронте, бывшим партизанам и их семьям, антифашистам, освобожденным из тюрем и концлагерей, а также по организации снабжения и ухода за югославскими детьми (12 тыс. чел.), которых болгарский народ в порядке братской помощи приютил на зиму у себя в стране.

Яркой иллюстрацией этой многосторонней деятельности местных комитетов Отечественного фронта в первые месяцы существования народно-демократической власти служит работа комитета Отечественного фронта села Крамолин (район г. Севлиево).

Как сообщала газета „Отечествен фронт“, в этом селе вновь созданный комитет Отечественного фронта, взявший 9 сентября 1944 г. власть в свои руки, провел чистку села от антинародных элементов. Хотя трудовое крестьянство села Крамолин, как и все трудящееся население страны, оказалось к моменту восстания 9 сентября, в результате грабительской политики фашистских правителей, в очень тяжелом материальном положении, оно горячо откликнулось на призыв комитета Отечественного фронта внести свой вклад в дело борьбы против гитлеровских захватчиков. В короткий срок среди населения была собрана сумма в 240 000 левов, которая была распределена следующим образом: 60% — бойцам фронта, 15% — на оказание помощи семьям мобилизованных, 17% — на нужды комитета Отечественного фронта (для организации агитации, пропаганды и т. п.), 5% — на оказание помощи семьям, находившимся в крайне бедственном положении, и 3% — в помощь сельской милиции. Кроме того, в селе была проведена кампания по оказанию помощи югославским детям, для чего было собрано 2300 кг пшеницы, 1150 кг фасоли, 60 кг слив.

Комитет Отечественного фронта села Крамолин провел и мероприятия по снабжению населения предметами первой необходимости, а также по поднятию его культурного уровня. Так, например, комитет купил по рыночным ценам у 80 местных крестьян непригодный для работы скот и организовал его убой. Полученное мясо было вывезено для снабжения городского населения в Софию, Габрово, Севлиево и Сухиндол, а кожа была отдана для переработки на фабрику кожевенного кооператива в г. Севлиево, где, под наблюдением околийского комитета, из нее было выработано 1500 пар цырвулей (вид крестьянской обуви). После того как местный комитет Отечественного фронта распределил эти цырвули среди нуждающихся крестьян, в селе не осталось ни одного босого. Под руководством комитета Отечественного фронта в селе была построена и 15 января 1945 г. открыта неполная средняя школа; начато строительство больницы. Позже, при активном участии комитета Отечественного фронта, в селе была проведена подписка на Заем свободы, сумма которой достигла 4,5 млн. левов.¹

Деятельность комитета села Крамолин показывает, что местные комитеты Отечественного фронта были самыми близкими и авторитетными организациями трудящихся; они занимались не только

¹ „Отечествен фронт“, 6 марта 1945 г.

непосредственными задачами по общественно-политической мобилизации масс, но и административными и хозяйственными вопросами.

Особенностью первого периода после установления народно-демократической власти в Болгарии явилось и то обстоятельство, что комитеты Отечественного фронта были созданы не только в областях, околиях, городах, селах, кварталах, но и в учреждениях и на предприятиях. Перед производственными комитетами Отечественного фронта в первый период был поставлен ряд ответственных задач. Так, например, на фабриках, оставленных их прежними хозяевами — немцами или бежавшими болгарскими фашистами, — комитеты Отечественного фронта взяли на себя пуск предприятий и организацию производства. Они же повели энергичную борьбу за использование всех производственных возможностей предприятий, укрепление трудовой дисциплины, увеличение производства для удовлетворения потребностей фронта и тыла. В качестве примера политической и контролирующей роли производственных комитетов Отечественного фронта газета „Работническо дело“ в номере от 22 сентября 1944 г. указывала на шахту в Пернике, где в результате большой разъяснительной работы, проведенной комитетом Отечественного фронта, повысилась производительность труда и усилилась борьба против директора-реакционера и некоторых фашиствующих элементов в шахтоуправлении. На одной софийской фабрике, вырабатывавшей полотно для армии, рабочие через комитет Отечественного фронта предложили пустить в ход все имевшиеся на фабрике двенадцать станков вместо двух, действовавших в то время, и заменить мобилизованных в армию рабочих мужчин женщинами.

Большую роль производственные комитеты Отечественного фронта сыграли при проведении чистки государственного аппарата, при организации общественного контроля на предприятиях, при выдвижении требований, касающихся зарплаты, одежды, рабочих столовых, снабжения рабочих и служащих топливом и т. д.

Производственные комитеты Отечественного фронта продолжали некоторое время существовать и после создания демократических профсоюзных организаций на местах, причем профсоюзная организация данного предприятия посылала своего представителя в комитет Отечественного фронта того же предприятия.

8 декабря 1944 г. Национальный комитет Отечественного фронта направил всем комитетам Отечественного фронта и профсоюзным группам на фабриках, предприятиях и учреждениях специальный циркуляр, в котором подробно излагались их задачи. Следует отметить, что как в этом, так и в других документах Национального комитета даже не делалось попытки разграничить задачи профсоюзных организаций от задач производственных комитетов Отечественного фронта.

Спустя несколько месяцев после установления народно-демократической власти комитеты Отечественного фронта на предприятиях и в учреждениях стали постепенно заменяться фабричными и учрежденческими комитетами профессиональных союзов.

Опыт первых же недель деятельности комитетов Отечественного фронта показал, что огромная работа во всех областях политической, экономической и культурной жизни, особенно в околийском, областном и общегосударственном масштабах, была не по силам сравнительно небольшому числу членов комитетов, к тому же, как правило,

не являвшихся специалистами по тем вопросам, которые приходилось разрешать. Сама жизнь подсказала необходимость разгрузки членов комитетов Отечественного фронта от части работы и переложения ее на специалистов, которые находились бы под их контролем.

Так, самой необходимостью были вызваны к жизни вспомогательные органы комитетов Отечественного фронта — хозяйственные, женские и молодежные комиссии.

20—22 ноября 1944 г. в Софии состоялась первая конференция представителей хозяйственных комиссий при областных комитетах Отечественного фронта, на которой были подведены первые итоги деятельности этих комиссий. Из докладов представителей с мест вырисовывается интересная картина возникновения и развития хозяйственных комиссий.

Процесс образования хозяйственных комиссий при областных комитетах Отечественного фронта в разных областях проходил по-разному. Так, при комитете Отечественного фронта Горно-Джумайской области сначала была создана хозяйственная комиссия из трех человек, впоследствии разделившаяся на три секции: сельскохозяйственную, по техническим вопросам и по вопросам кооперативов и продовольствия; в каждую секцию были привлечены специалисты. В Старо-Загорской области, наоборот, вначале были созданы отдельные комиссии по важнейшим хозяйственным вопросам; в дальнейшем они стали секторами общей хозяйственной комиссии. Представитель Старо-Загорской области следующим образом обрисовал этот процесс: „Еще в сентябрьские дни областной комитет понял, что во главу угла его деятельности будут поставлены хозяйственные проблемы, и поэтому мы рекомендовали членам комитета связаться со специалистами по различным вопросам, имеющим для нас жизненное значение. Так были образованы комиссии по вопросам снабжения одежды, обувью, дровами, молоком и т. д. Когда нам стало известно, что при других областных комитетах созданы специальные комиссии, которые занимаются вопросами хозяйства в целом, мы также перестроились в этом направлении“.¹

При семи других областных комитетах Отечественного фронта также были образованы в разное время и различным путем хозяйственные комиссии.

При составлении этих комиссий руководствовались соображениями деловой пригодности и квалификации тех или иных лиц, при условии, конечно, что они являются искренними и честными сторонниками Отечественного фронта. Так, например, в состав хозяйственной комиссии при Вратчанском областном комитете Отечественного фронта, состоявшей приблизительно из 20 членов, входили областной инженер, областной инспектор труда, представители Болгарского земледельческого и кооперативного банка, районного союза земледельческих кооперативов, управления железных дорог, экономической палаты, областной ветеринарной службы, кооператива „Напред“ и др.

В первый период не было единой системы в структуре и работе хозяйственных комиссий даже при областных комитетах Отечественного фронта, не говоря уже об околийских. Хозяйственная комиссия при Вратчанском областном комитете Отечественного фронта была

¹ „Отечествен фронт“, 26 ноября 1944 г.

разделена на восемь секторов, в хозяйственной комиссии при Горно-Джумайском областном комитете их было меньше, а при Софийском областном комитете — больше. Лишь после ноября 1944 г., когда была создана хозяйственная комиссия при Национальном комитете Отечественного фронта, состоявшая из тринадцати секторов,¹ по ее образцу были реорганизованы и хозяйственные комиссии при всех областных и околийских комитетах Отечественного фронта.

Задачи хозяйственных комиссий и их секторов в первый период их деятельности в разных местах были различны. Так, например, во Вратце одной из основных задач было обеспечение жильем населения, оставшегося без крова в результате варварских бомбардировок англо-американской авиации,² а также расчистка города от развалин. Этот же вопрос с еще большей остротой стоял в Софии,³ а отчасти — в Пловдиве и других населенных пунктах. Наиболее важными задачами, общими для всех хозяйственных комиссий, были следующие: снабжение населения продовольствием и топливом, организация поставок хлеба и других продуктов сельского хозяйства крестьянами и налаживание помощи фронту.

Важным организационным вопросом был вопрос о взаимоотношениях и связи между отдельными секторами хозяйственных комиссий, между этими последними и соответствующими комитетами Отечественного фронта и, наконец, отношения и связь хозяйственных комиссий друг с другом. Как правило, хозяйственные комиссии, особенно там, где их деятельность развернулась в полном объеме (например, хозяйственные комиссии при областных комитетах Отечественного фронта), имели постоянное бюро из трех-четырёх человек для руководства общей работой комиссии и осуществления связи с тем из комитетов Отечественного фронта, чьим органом она являлась. Наряду с этим существовал хозяйственный совет, в который, кроме членов постоянного бюро, входили и председатели секторов комиссии. По вопросам, требующим разъяснений, низовая хозяйственная комиссия могла через свой комитет Отечественного фронта обращаться за советом и инструкциями к вышестоящим комиссиям или комитету Отечественного фронта, или даже к соответствующим административным экономическим органам. Так, хозяйственная комиссия при областном комитете Отечественного фронта могла обратиться за разъяснениями по отдельным вопросам к заведующему соответствующим сектором хозяйственной комиссии при Национальном комитете Отечественного фронта, который ставил вопрос перед Национальным комитетом. Для координации деятельности хозяйственных комиссий периодически созывались конфе-

¹ Этими секторами были: промышленный, ремесленного производства, сельского хозяйства, торговли и кооперации, продовольственного снабжения, железнодорожного транспорта, автотранспорта, строительства, труда, финансов, банков и кредита, страхования, статистики. В хозяйственных комиссиях при областных и околийских комитетах существовало меньшее количество секторов в результате слияния некоторых из них.

² В результате бомбардировки Вратцы англо-американской авиацией в январе 1944 г. из общего количества 5000 домов около 500 были полностью разрушены и более 800 стали необитаемыми („Отечествен фронт“ от 26 ноября 1944 г.).

³ В Софии число полностью разрушенных и сгоревших построек составило 4230, сильно пострадавших и полусгоревших — свыше 3400, а всего пострадало 11 576 домов (см. газету „Заря — Свобода“, 1 января 1945 г.).

ренции их представителей. Выше упоминалось о первой конференции представителей хозяйственных комиссий при областных комитетах Отечественного фронта. 25 ноября 1944 г. газета „Отечествен фронт“ сообщила о конференциях представителей хозяйственных комиссий при околийских комитетах, проведенных Плевенским и Горно-Джумайским областными комитетами Отечественного фронта. Такие же конференции созывались и в других областях страны.

Большое значение имела работа хозяйственной комиссии при Национальном комитете Отечественного фронта. На эту комиссию была возложена обязанность разрабатывать принципиальные хозяйственные вопросы для подготовки платформы Национального комитета по этим вопросам, а также следить за правильным проведением хозяйственной политики министерствами и другими государственными и кооперативными организациями, на которые были возложены хозяйственные задачи. О всех неполадках комиссия должна была сообщать Национальному комитету для принятия соответствующих мер.

В декабре 1944 г. хозяйственная комиссия при Национальном комитете Отечественного фронта обсудила основные проблемы земледелия Болгарии и опубликовала свои рекомендации, предложив правительству руководствоваться ими при проведении своей политики в области сельского хозяйства.¹ Такие же рекомендации были сделаны по вопросам создания государственной табачной монополии, установления контроля над производством и др.

Следует, однако, отметить, что в этот период деятельность хозяйственной комиссии не ограничивалась выполнением указанных функций. На первых порах она фактически решала все конкретные вопросы экономической жизни страны и практически осуществляла эти решения, являясь, таким образом, всеобъемлющим хозяйственно-административным аппаратом, подменяя зачастую соответствующие государственные органы.

Аналогичные функции осуществляли и хозяйственные комиссии при областных и околийских комитетах Отечественного фронта.

Большую роль в деле мобилизации женщин и привлечения их под знамя Отечественного фронта сыграли женские комиссии при комитетах Отечественного фронта. О структуре, задачах и деятельности этих комиссий дает довольно ясное представление опубликованный в начале января 1945 г. циркуляр женской комиссии при Софийском областном комитете Отечественного фронта.² Из этого документа явствует, что женские комиссии были организованы не только при Национальном и областных комитетах Отечественного фронта, но и при околийских и городских комитетах. В городах, являющихся околийскими центрами, создавалась одна комиссия с двумя отделами — городским и околийским. При сельских комитетах Отечественного фронта, как правило, женские комиссии не создавались, но в состав комитета входила обязательно хотя бы одна женщина, на которую возлагалась работа среди женщин, причем все члены комитета Отечественного фронта были обязаны помогать ей в работе. В больших селах, где имелись подготовленные женские кадры, при комитетах создавались женские комиссии. Они строились по тому же принципу, что и

¹ „Отечествен фронт“, 23 декабря 1944 г.

² „Отечествен фронт“, 3 января 1945 г.

комитеты Отечественного фронта, хотя и являлись не самостоятельными, а лишь вспомогательными органами комитетов Отечественного фронта. Женские комиссии, как и комитеты, создавались на паритетных началах из представителей всех четырех партий Отечественного фронта (за исключением тех случаев, когда та или иная партия не имела возможности послать своей представительницы), а также из беспартийных женщин, показавших себя действительными сторонницами Отечественного фронта. Председатель женской комиссии был полноправным членом соответствующего комитета Отечественного фронта.

Женские комиссии занимались всеми мероприятиями, связанными с участием в них женщин, докладывали о предполагающихся мероприятиях на заседаниях комитетов Отечественного фронта, которые оказывали комиссиям всяческое содействие.

Для координации деятельности, обмена опытом и инструктажа периодически созывались конференции представителей женских комиссий. Так, в начале февраля 1945 г. в Софии состоялась национальная конференция женских комиссий при областных и околийских комитетах Отечественного фронта.

Большая работа была проделана женскими комиссиями по созданию местных обществ Народного женского союза — массовой беспартийной демократической организации, охватившей в короткий срок сотни тысяч работниц, крестьянок, служащих и домохозяек. Многие из членов женских комиссий вошли в состав руководящих органов обществ Народного женского союза. Под их руководством болгарские женщины активно включились в общественно-политическую, хозяйственную и культурную жизнь страны, проделали огромную работу по восстановлению народного хозяйства, по оказанию помощи фронту и солдатским семьям, по уходу за ранеными бойцами, по организации детских учреждений и т. п.

Еще в марте 1943 г., в подполье, по инициативе Рабочего союза молодежи был создан Молодежный Отечественный фронт, в Центральный комитет которого входили представители молодежи тех же политических направлений, которые были представлены в Отечественном фронте. Деятельность этого комитета ограничилась изданием нескольких воззваний к болгарской молодежи с призывом к решительным и смелым действиям против гитлеровских оккупантов и их болгарских слуг. Вследствие отсутствия местных организаций у молодежных союзов, присоединившихся к Молодежному Отечественному фронту (за исключением Рабочего союза молодежи), на местах было создано всего лишь несколько молодежных комитетов Отечественного фронта, в которые входили члены РСМ и беспартийная молодежь. 9 сентября 1944 г. Центральный комитет Молодежного Отечественного фронта обратился к болгарской молодежи с манифестом, призвав ее встать под знамя Отечественного фронта на борьбу против гитлеровских орд и внутренней реакции, на поддержку народного правительства.¹ После 9 сентября комитеты Молодежного Отечественного фронта были преобразованы в молодежные комиссии при соответствующих комитетах Отечественного фронта, куда они посылали своего представителя. Молодеж-

¹ Библиотека „Народна младеж“, кн. 1. Младежта и Отечественния фронт. Издава Централната младежка комисия при Националния комитет на Отечественния фронт. София, 1944, стр. 63—65.

ные комиссии были органами сотрудничества, связи и координации деятельности прогрессивной молодежи, входившей в Рабочий союз молодежи (РСМ), Земледельческий союз молодежи (ЗСМ), Союз социалистической молодежи (ССМ), организацию молодежи при Народном союзе „Звено“, а также в культурно-просветительные, спортивные и другие молодежные организации. Молодежные комиссии, в состав которых входили представители перечисленных организаций, были первоначальной организационной формой молодежного единства. Однако существенные недостатки в их работе в значительной мере тормозили укрепление этого единства. В начале 1945 г. орган Рабочего союза молодежи, газета „Младежка искра“, писала, что во многих местах молодежные комиссии существовали только формально,¹ общая дружная работа в духе Отечественного фронта в этих комиссиях часто подменялась работой на пользу отдельных молодежных организаций. Между последними началось соперничество, дело дошло до взаимных нападок, дразг и открытой борьбы. „Получилось и нечто еще худшее, — писала газета, — некоторые молодежные организации и их руководители допустили примиренчество по отношению к фашизму. Враг проник в некоторые молодежные организации, примыкающие к Отечественному фронту, и принялся за свое коварное дело: натравливать одних на других, разрушать единство Отечественного фронта“.²

Выход из этого положения состоял в создании единой крепкой организации болгарской антифашистской молодежи. На первых порах усилия Рабочего союза молодежи, развернувшего по всей стране борьбу за создание единой организации молодежи, наталкивались на сильное сопротивление со стороны реакционных элементов, пробравшихся в руководство других молодежных союзов. Систематически разоблачая врагов молодежного единства и помогая здоровым демократическим элементам этих союзов одерживать верх в борьбе с реакционерами, РСМ добивался все большего укрепления молодежных комиссий Отечественного фронта. В результате усилий Рабочего союза молодежи комиссии все более теряли характер органов, призванных лишь координировать деятельность отдельных молодежных союзов, и превращались в органы руководства всей деятельностью демократической молодежи. Вместе с тем круг этой деятельности все более расширялся. Все яснее становилась необходимость нового решительного шага вперед по пути достижения организационного единства болгарской демократической молодежи.

Переломным моментом в этом отношении явился первый конгресс демократической молодежи (май 1946 г.), по решению которого молодежные комиссии при комитетах Отечественного фронта были заменены более высокой формой молодежного единства — комитетами демократической молодежи; последние, в свою очередь, в конце 1947 г. были преобразованы в Единый союз болгарской демократической молодежи.

¹ 26 марта 1945 г. в своем докладе на V Национальной конференции Рабочего союза молодежи его организационный секретарь Нинко Стефанов сообщил, что к началу 1945 г. молодежные комиссии были созданы только при $\frac{1}{3}$ комитетов Отечественного фронта (2199 комиссий). По данным Центральной молодежной комиссии, в 77 околиях из 95 было создано 1576 молодежных комиссий, в которые входило 6974 человека, в том числе 3654 представителя РСМ, 1381 представитель ЗСМ, 123 представителя ССМ, 26 представителей молодежного союза „Звено“ и т. д.

² „Младежка искра“, 4 февраля 1945 г.

В рассматриваемый же нами период борьба за молодежное единство только начинала разворачиваться. В этой борьбе молодежные комиссии, несмотря на существенные недостатки в их работе, сыграли очень важную роль. Хотя вся работа проводилась в основном изолированно в каждой из существовавших тогда молодежных организаций, молодежные комиссии координировали деятельность этих организаций, мобилизуя их на борьбу за выполнение наиболее актуальных для страны задач. Центральная молодежная комиссия при Национальном комитете Отечественного фронта издавала еженедельную газету — „Народна младеж“ и серию периодических изданий — „Народна младеж“. С 1 января 1945 г. начал выходить и двухнедельный журнал „Младежка трибуна“ — орган Центральной молодежной комиссии, освещавший вопросы политики, науки и искусства.

* * *

Таково было в первые месяцы после 9 сентября 1944 г. состояние комитетов Отечественного фронта в организационном отношении. В этот период Отечественный фронт в известной степени напоминал собой коалицию отдельных партий. Однако, как это отмечал Георгий Димитров в своем докладе на втором конгрессе Отечественного фронта, последний никогда не был простой партийной коалицией, соглашением руководителей отдельных партий для временных целей и задач и главным образом — для использования власти в своих собственных интересах, подобно прежним коалициям буржуазных партий.

„С самого начала, — говорил Георгий Димитров, — наш Отечественный фронт представлял собою народное движение. Но в его руководстве имелись в прошлом, по необходимости, элементы партийной коалиции, от которых в своем развитии он постепенно освобождается. До сих пор Отечественный фронт не имел своей организации, не имел дисциплины, обязательной для всех партий и общественных организаций, составляющих его, и не имел своих выборных руководящих органов. Сколько неудобств, неприятностей и невыполненных во-время общих задач являются результатом этого существовавшего до сих пор положения!“¹

Много усилий, умения, упорного и кропотливого труда пришлось проявить болгарским коммунистам в борьбе за сплочение и укрепление Отечественного фронта как боевого союза всех демократических сил страны, в борьбе за преодоление действовавших в его среде центробежных сил, которые всячески поддерживались явными и тайными врагами народного единства.

Вождь БРП(к) Георгий Димитров постоянно напоминал партии о необходимости хранить и всемерно укреплять единство Отечественного фронта. Еще 28 сентября 1944 г. в своем письме Центральному комитету БРП(к) он указывал: „Не может быть сомнения в том, что самым важным условием в данном случае является для нас укрепление самого Отечественного фронта как единственного мощного общественно-политического фактора в нашей стране, как боевого союза подлинно национальных, народно-демократических, политических и

¹ Доклад премьер-министра Георгия Димитрова на втором конгрессе Отечественного фронта 2 февраля 1948 г. София, 1948, стр. 35.

общественных сил нашего народа. Без Отечественного фронта и его партизанского движения не была бы возможна победа 9 сентября. Но без укрепления Отечественного фронта невозможно также ни успешное участие нашей страны в победоносном окончании войны, ни обеспечение прочного и длительного мира для Болгарии. Без укрепления Отечественного фронта невозможно также осуществление его демократической программы. А без твердого и последовательного осуществления этой программы в области внешней и внутренней политики, в хозяйственной, общественной и культурной жизни страны нельзя всерьез и думать о построении новой, демократической Болгарии“.¹

Далее, указывая на ответственность БРП(к) за дальнейшее укрепление Отечественного фронта и осуществление его задач, Георгий Димитров подчеркивал, что коммунисты призваны сыграть роль сплачивающего фактора в Отечественном фронте, должны показать пример тесного сотрудничества и боевой дружбы всем антифашистским патриотическим партиям и общественным группам Отечественного фронта, участвующим в борьбе за полное торжество его спасительного для народа дела.

Как показали дальнейшие события, БРП(к) под руководством Георгия Димитрова с честью справилась с этой исторической задачей. Коммунисты добились прочного объединения всех демократических сил страны под знаменем Отечественного фронта, разгромили и изолировали силы реакции, укрепили позиции рабочего класса и обеспечили дальнейшее развитие болгарской народной демократии.

3. УЧАСТИЕ БОЛГАРИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ ПРОТИВ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Внешняя политика народно-демократической власти положила конец проводившемуся монархо-фашистскими правителями курсу на подчинение страны иностранному империализму и разжигание вражды с народами соседних стран. С 9 сентября Болгария решительно переходит в лагерь антигитлеровской коалиции. В этом правительство Отечественного фронта встретило могучую поддержку со стороны освободителя болгарского народа — великого Советского Союза. Уже 9 сентября 1944 г. к командующему 3-м Украинским фронтом генералу армии (впоследствии маршалу) Толбухину была послана болгарская делегация с просьбой о перемирии, и в тот же день Информбюро Наркоминдела СССР сообщило: „Ввиду того, что болгарское правительство порвало отношения с Германией, объявило войну Германии и обратилось к советскому правительству с просьбой о перемирии, советские войска с 10 час. вечера 9 сентября прекратили военные действия в Болгарии“.²

В опубликованном в связи с этим приказе Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина говорилось: „В результате успешных действий наших войск цель военных операций достигнута: Болгария разорвала отношения с Германией и объявила ей войну. Тем самым Болгария перестала быть опорой немецкого империализма на Балканах, какой она была в течение последних тридцати лет“.³

¹ Георгий Димитров. Речи, доклады, статьи, т. III. София, 1947, стр. 38.

² „Правда“, 10 сентября 1944 г.

³ Там же.

5 Ученые записки, т. III

28 октября 1944 г. в Москве, в результате переговоров между представителями СССР, Великобритании и США, с одной стороны, и делегацией болгарского правительства Отечественного фронта — с другой, состоялось подписание Соглашения о перемирии с Болгарией. В соответствии с этим Соглашением, Болгария обязалась принять активное участие в борьбе против фашистской Германии своими вооруженными силами под руководством Союзного (Советского) Главнокомандования. Она приняла на себя обязательства по обеспечению транспортом и другими средствами советских войск, действующих на ее территории, должна была аннулировать все законодательные и административные положения, относящиеся к аннексии или включению в Болгарию греческой и югославской территории. Ряд статей Соглашения о перемирии предусматривал проведение болгарским правительством мер по роспуску фашистских организаций, искоренению гитлеровской агентуры, задержанию военных преступников и суда над ними. Для контроля за выполнением Соглашения о перемирии создавалась Союзная контрольная комиссия под председательством представителя Союзного (Советского) Главнокомандования.¹

Эти благоприятные условия перемирия Болгария получила лишь благодаря могучему заступничеству Советского Союза, который спас ее от унижительной военной оккупации англо-американскими войсками, а также от расчленения ее территории и полного порабощения болгарского народа законами Уолл-стрита и Сити, — т. е. от условий, которые последние собирались навязать Болгарии в результате начатых в Каире накануне восстания 9 сентября переговоров с реакционными правительствами Багрянова и Муравиева.

Болгарский народ воспринял подписание Соглашения о перемирии с большой радостью. Выражая его чувства, газета „Отечествен фронт“ писала: „Читая этот документ, поражаешься умеренности условий. Следует констатировать отсутствие всякого чувства мести по отношению к Болгарии. От болгарского народа требуют лишь исправления ошибок, совершенных его прежними преступными руководителями. Перемирие в сущности лишь утверждает уже существующее положение дел, установленное болгарским народом по собственной инициативе“.²

Сразу же после объявления войны гитлеровской Германии правительство Отечественного фронта приняло энергичные меры для организации решительного контрнаступления против немецко-фашистских войск, которые укрепились на западной границе Болгарии и даже предпринимали попытки вести наступательные операции на болгарской территории. Этими своими операциями гитлеровцы преследовали две цели: с одной стороны, они стремились обеспечить своим войскам беспрепятственное отступление из Греции и Югославии, а с другой — оказать поддержку болгарской реакции в расчете на то, что она произведет контрреволюционный переворот и вновь поставит страну на службу фашистской Германии.

Первые стычки между болгарскими и немецко-фашистскими войсками произошли в районе передвижения возвращавшегося из Сербии болгарского оккупационного корпуса, а также в районе расположения болгарских войск в Македонии и на северо-западной границе Болгарии.

¹ „Правда“, 30 октября 1944 г.

² „Отечествен фронт“, 1 ноября 1944 г.

Гитлеровцам удалось обманом и неожиданным ударом разоружить некоторые части и штабы оккупационного корпуса, в то время как другие части с тяжелыми боями продолжали свой отход к болгарской границе.

В югославской части Македонии до 9 сентября 1944 г. стояла 5-я болгарская армия, которой командовал один из самых ярких гитлеровских наймитов в Болгарии генерал Кочо Стоянов. Правительство Отечественного фронта сместило этого гитлеровца и отдало приказ новому командованию оказать решительное сопротивление немецко-фашистским войскам, сконцентрировавшим против 5-й армии значительные бронетанковые и эсэсовские части. Реакционная часть офицества из окружения генерала Стоянова и немцев пыталась удержать за собой бывшие оккупационные части болгарской армии, но это им не удалось. 9—10 сентября начались упорные бои частей 5-й болгарской армии с немцами у Куманово и Страцина, а с 11-го — у Кривой Паланки. В этих боях особенно отличилась 15-я пехотная дивизия, сражавшаяся в районе Прилепа и Битоля.

На северо-западной границе Болгарии гитлеровцам, собравшим сильный кулак механизированных и бронетанковых войск, вначале удалось из района Заечара прорваться на болгарскую территорию и 11—12 сентября занять ряд населенных пунктов в районе г. Кула, включая и сам город. Однако уже 11 сентября на этом участке с ними вступил в бой партизанский отряд имени Георгия Бенковского, усиленный добровольцами из местного населения. После двухдневных боев, 14 сентября, г. Кула был освобожден, а еще через два дня гитлеровские войска были окончательно отброшены. 16 сентября у г. Видина переправился через Дунай советский танковый корпус, который погнало гитлеровских захватчиков на запад, к Белграду.

Попытка гитлеровцев наступать в направлении Крива Паланка — Гюешево — Кюстендил с дальнейшей целью прорваться к Софии тоже не имела успеха. Здесь им преградила дорогу солдатская партизанская бригада имени Георгия Димитрова, которая задерживала их до подхода других регулярных частей формирующейся новой народной армии. Уже 11—12 сентября немецкие части начали медленное отступление в направлении Куманова, по шоссе Крива Паланка — Куманово, уничтожая за собой мосты.

Еще в процессе своей организации болгарская народная армия, отражая нападения гитлеровских орд, наносила им существенный урон. К началу октября 1944 г. из пополнений новобранцев, партизанских соединений и демократической части старой армии были сформированы три отдельные армии в составе девяти пехотных дивизий, одной гвардейской дивизии (первая партизанская народно-освободительная дивизия), одной кавалерийской дивизии, одной бронетанковой дивизии, одной кавалерийской бригады и одной пограничной бригады, общей численностью около 255 тыс. бойцов. Кроме того, внутри страны оставались некоторые части в качестве стратегического резерва и для прикрытия, в случае надобности, юго-восточной границы.

Огромную роль в мобилизации бойцов армии и всего народа на борьбу против фашистского врага, в подготовке материальных предпосылок успешного ведения войны сыграли комитеты Отечественного фронта и особенно их коммунистическое ядро. Деятельность комитетов в первые восемь месяцев существования власти Отечественного

фронта проходила под лозунгом: „Все для фронта, все для победы!“. Военные комиссии при комитетах Отечественного фронта помогали проведению мобилизации, организовали среди населения сбор теплой одежды и продовольствия для солдат, отправку посылок на фронт, помощь семьям мобилизованных. Болгарский народ с величайшим воодушевлением провожал своих сынов на фронт для участия в войне против ненавистного германского фашизма.

14 октября 1944 г. Национальный комитет и все организации Отечественного фронта обратились к болгарским патриотам с воззванием, в котором содержался пламенный призыв мобилизовать все национальные силы, все средства на помощь фронту. В воззвании указывалось, что жизненные интересы Болгарии требуют самого активного участия болгарского народа в справедливой Отечественной войне за полный и окончательный разгром гитлеровских захватчиков и грабителей и установление прочного мира. „Это наше участие, — говорилось в воззвании, — диктуется прежде всего тем обстоятельством, что немцы стоят у наших границ и представляют непосредственную угрозу для национальной независимости Болгарии. Без окончательного разгрома германских оккупационных частей на Балканах, без окончательной ликвидации гитлеровского фашизма, наше отечество не может раз и навсегда избавиться от германской опасности, не может развиваться как самостоятельное, свободное, демократическое и сильное государство, не может быть завоеван справедливый и прочный мир на Балканах“.

„Наша армия и наш народ, — говорилось далее в воззвании, — должны принять самое активное участие в борьбе против немцев также и для того, чтобы Болгария могла искупить грехи недавнего прошлого, преступления, совершенные бывшими фашистскими прогерманскими правительствами в отношении народов Югославии и Греции... Наш народ не может приобщиться к свобододлюбивым народам и стать равноправным членом их семьи, не может создать условий для удовлетворения своих справедливых национальных интересов до тех пор, пока он не внесет свой вклад в дело разгрома гитлеризма“.

В воззвании указывалось, что, принимая решительное участие в этой священной Отечественной войне плечом к плечу со слазной Советской Армией — армией великого русского народа, дважды освободившего болгарский народ от иноземного ига — и под общим с нею командованием, а также плечом к плечу с армиями других свобододлюбивых народов, болгарский народ закладывает твердые основы возрождения своей страны как свободного, независимого и демократического государства.

Воззвание Национального комитета и организаций Отечественного фронта заканчивалось призывом к болгарским рабочим, крестьянам, интеллигенции и болгарской молодежи сплотиться воедино вокруг народного правительства и Национального комитета Отечественного фронта, решительно и быстро проводить мобилизацию, выполнять поставки, укреплять производство и транспорт, обеспечить снабжение армии всем необходимым и пресечь в самом зародыше все попытки подлого и коварного врага расстроить тыл болгарских войск. Еще 19 сентября 1944 г. болгарская армия была включена в состав войск 3-го Украинского фронта под командованием маршала Толбухина.

Окончив подготовку и сконцентрировав свои силы, болгарская народная армия перешла в наступление, имея задачей быстро продвинуться в долины рек Вардар, Морава и Ибар с тем, чтобы перерезать гитлеровским войскам удобные пути отступления из Греции на север и северо-запад. Этот первый период участия болгарской армии в войне против гитлеровской Германии продолжался два месяца — с 8 октября по 9 декабря 1944 г.

Согласно показаниям немецкого генерал-полковника Леера, командовавшего отступавшей из Греции через Македонию на север группой армий „Е“, последняя перед началом отхода состояла из пяти корпусов, в которые входило около десяти полных дивизий. Кроме того, в Греции находились еще значительные самостоятельные части (полки и батальоны) сухопутных, морских и воздушных войск. По приблизительным подсчетам, перед отходом в Греции находилось около 300 тыс. солдат пехоты, 50 тыс. морских войск и 30—40 тыс. воздушных войск.¹

Несмотря на саботаж и враждебные действия со стороны предательской клики Тито, болгарская народная армия с честью справилась с возложенными на нее задачами в борьбе против этой группировки гитлеровских войск.

Нанеся противнику ряд тяжелых ударов у Белой Паланки, Ниша и Подуево, 2-я болгарская армия к концу ноября достигла района Нови-Пазар—Рашка, лишив, таким образом, германские войска возможности использовать долину реки Моравы для своего отступления на север. Одновременно она прикрывала левое крыло наступающих советских войск 3-го Украинского фронта. 1-я болгарская армия, наступавшая в направлении Кюстендил—Куманово, несмотря на тяжелые бои у Страцина, продолжавшиеся несколько дней, продвинулась в долину р. Вардар и к середине ноября овладела городами Скопле, Куманово, Качаник и Урошевац. 4-я армия, действовавшая южнее, после 15-дневных боев достигла района Велеса и Струмицы и к середине ноября вступила, одновременно с 1-й армией, в г. Скопле.

С овладением долиной реки Вардар, районами Скопле и Косово Поле, а также областью Рашка—Нови-Пазар была освобождена значительная часть Македонии и Сербии. Противнику был нанесен тяжелый удар. Остатки немецких войск были вынуждены спасаться бегством не через долины рек Вардар и Морава, отрезанные болгарской армией, а через неприступные горы Албании и Черногории. 40 тыс. немецких солдат вообще не смогли пробиться на север. Отрезанные болгарской армией, они остались в Греции, где сдались англичанам.

По показаниям вышеупомянутого генерала Леера, в результате боев в Македонии отход гитлеровской группы был задержан на 14 дней, что сказалось и на самом отходе, и на исходе битвы за северную Сербию. Решающее наступление Советской Армии, с одной стороны, и задержка отхода из Греции группы армий „Е“—с другой, сорвали план, разработанный гитлеровским командованием.

Задача, поставленная перед болгарской народной армией, была бы выполнена еще успешнее и с гораздо меньшими жертвами, если бы не саботаж и прямые вражеские действия со стороны титовских

¹ См. Пети конгрес на Българската комунистическа партия. Стенографски протоколи, ч. 1, стр. 574.

националистов и агентов англо-американского империализма. Опубликованные на протяжении 1943—1950 гг. материалы процессов империалистических агентур в странах народной демократии, а также новые факты, ставшие достоянием широкой гласности после разоблачения фашистской банды Тито, полностью раскрыли антисоветские и враждебные делу освобождения народов Европы планы и действия англо-американских империалистов и их подручных на последнем этапе второй мировой войны.

Развернувшееся осенью 1944 г. победоносное наступление Советской Армии-освободительницы на Балканах вселило неопишущую тревогу в лагере империалистической реакции. Это наступление привело к полному крушению плана Черчилля, предусматривавшего новую империалистическую оккупацию Балкан и порабощение балканских народов законами Сити и Уолл-стрита.

Лишенные возможности прямым путем воспрепятствовать великой освободительной миссии Советской Армии, англо-американские империалисты направили свои усилия на то, чтобы всеми мерами противодействовать боевым операциям советских войск, используя для этой цели, в частности, свою агентуру в освобождаемых странах Восточной и Юго-Восточной Европы. Этим они надеялись если не сорвать, то, по крайней мере, затормозить и задержать продвижение советских частей до того момента, пока они сами не оккупируют как можно большее число европейских стран. Немалую роль в осуществлении этих империалистических планов на Балканах должна была сыграть продавшаяся англо-американской разведке предательская клика Тито.

Осенью и зимой 1944 г. англо-американская разведка поставила перед своей титовской агентурой следующие задачи: всеми мерами препятствовать боевым операциям советских войск на Балканах, расстраивать их тыл; облегчить организованный отход гитлеровских войск с Балканского полуострова на север с тем, чтобы можно было бросить их против советских войск 3-го Украинского фронта в северной Сербии и Венгрии и тем самым укрепить этот участок гитлеровского фронта. Непосредственными результатами этого, по плану англо-американской реакции, должны были явиться ослабление натиска Советской Армии в сторону Будапешта и Вены, а также беспрепятственная оккупация Греции английскими войсками и разгром греческого народно-освободительного движения. При этом немалую роль должен был сыграть срыв участия болгарской народно-демократической армии в войне против гитлеровской Германии и обострение отношений между болгарским и югославскими народами, что должно было облегчить осуществление будущих планов империалистов на Балканах.

Титовцы не посмели открыто выступить против Советской Армии, ибо это грозило им полным разоблачением. Поэтому они направили свои усилия прежде всего на срыв операций болгарской народно-демократической армии.

Прежде всего, Тито сделал все возможное, чтобы задержать начало наступления болгарской народной армии против гитлеровских войск в Македонии и южной Сербии, угрожая применением оружия против болгарских войск, если они не отойдут к болгарской границе. Лишь 5 октября 1944 г., по настоянию Советского Союза, Тито был вынужден подписать в Крайове соглашение с Болгарией, по которому

болгарским войскам разрешалось проводить военные операции против гитлеровцев на югославской территории. Однако в тот же день Тито направил своим агентам инструкции с указанием чинить всяческие препятствия болгарским войскам при выполнении ими боевых задач. Уже через два дня после соглашения в Крайове, 7 октября, известный провокатор Светозар Вукманович (Темпо) от имени Тито направил следующее письмо командованию 1-й болгарской армии, которая должна была наступать в направлении Кюстендил — Крива Паланка — Скопле:

„Вновь обращаю Ваше внимание на то, что Вы должны иметь предварительное разрешение маршала Тито на вступление Ваших войск на территорию Югославии. Любую попытку с Вашей стороны проникнуть на югославскую территорию без предварительного разрешения маршала Тито мы будем считать враждебным актом в отношении народно-освободительной армии Югославии и будем действовать соответствующим образом“. Далее в этом документе болгарская народная армия, самоотверженно сражавшаяся против гитлеровских поработителей, провокационно называлась „грабительской“ и „захватнической“ и вновь выдвигались угрозы применения против нее оружия.¹

Титовцы не ограничивались одними угрозами. По свидетельству участника Отечественной войны полковника А. Гетмана, они инсценировали многочисленные вооруженные инциденты, нападая на болгарские части, убивая болгарских курьеров, следовавших с оперативными приказами и донесениями. Они взрывали железнодорожные и шоссейные мосты между отступающими немецкими и наступающими болгарскими войсками, разрушали телефонные линии, запрещали болгарским войскам использовать существующие и строить новые линии связи, совершали ограбления болгарских интендантств, угоняли целые поезда с продовольствием и обмундированием для болгарских войск и т. п. Стремясь предотвратить всякое общение между болгарскими войсками и местным населением освобождаемых районов, тепло встречавшим своих освободителей, титовский штаб запретил болгарским частям устраиваться на ночлег в населенных пунктах и вообще поддерживать связь с населением. Наглость Тито дошла до того, что он пытался вмешиваться даже в дела командования 3-м Украинским фронтом и взять на себя „главное командование“ болгарскими войсками.

В приказе, посланном болгарскому военному министру, он писал: „Если болгарские военные части не будут действовать по нашим указаниям, я буду вынужден приостановить действия болгарской армии в Югославии“.²

Все эти враждебные действия титовцев привели к тому, что боевые действия болгарских войск против гитлеровцев в Югославии начались на целых 15 дней позднее. Из-за саботажа Тито наступление в направлении Ниша и Скопле началось не 22—25 сентября, как это предусматривалось планами командования болгарских войск, а лишь 8 октября 1944 г. Прямая помощь Тито дала гитлеровцам возможность исключительно сильно укрепить свои заслоны против 1, 2 и 4-й болгарских армий, вывести значительную часть своих сил и бросить их против войск 3-го Украинского фронта, вначале в районе

¹ См. статью: Полковник А. Гетман. Как Тито помог на Хитлер и улесни Чърчил. „Работническо дело“, 16 октября 1950 г.

² „Работническо дело“, 16 октября 1950 г.

западнее линии Турну-Северин — Темишвар, а позже в районе между Тиссой и Дунаем. В течение второй половины сентября и первой половины октября 1944 г., т. е. тогда, когда титовцы упорнее всего сопротивлялись началу военных действий болгарских войск на югославской территории, гитлеровцам удалось вывести из Греции и южной части Югославии 14 дивизий. Эти дивизии были сразу же включены в армейскую группу „Ф“ и новую армейскую группу „Сербия“, которые действовали против войск 3-го Украинского фронта.¹

В то время как Советская Армия вела героическую борьбу за освобождение Югославии от немецко-фашистского ига, в то время как болгарский и югославские народы в братском содружестве со своими советскими освободителями делали все возможное, чтобы внести свой посильный вклад в дело разгрома гитлеровской Германии, — Тито и его сподручные исподтишка наносили предательские удары освободительному делу славянских народов. Подстрекаемая своими англо-американскими хозяевами, клика Тито интригами и всевозможными враждебными в отношении сражавшихся болгарских войск действиями стремилась вновь посеять недоверие и вражду между двумя братскими народами.

В вышедшей в 1949 г. книге полковника Пецо Трайкова „Национализм скопленских руководителей“, разоблачающей предательскую деятельность Тито, рассказывается и о его неудавшейся попытке еще в 1944 г. отторгнуть от Болгарии Пиринский край, используя для этой цели добровольческий Брегалницко-Струмицкий корпус из прорывавших в Болгарии македонцев, сформированный в Софии, снаряженный и вооруженный болгарским правительством Отечественного фронта осенью 1944 г. для участия в военных действиях против немецко-фашистских войск. Корпус этот, носивший первоначально наименование македонской бригады им. Гоце Делчева и насчитывавший более 12 тыс. бойцов, был передан в распоряжение командования македонских войск. Трайков, который был назначен командиром этого корпуса, сообщает, что провокатор Светозар Вукманович (Темпо) от имени титовского штаба в Македонии поставил перед ним задачу оккупировать Пиринский край с тем, чтобы присоединить его к Югославии. Однако болгарское правительство было своевременно осведомлено об этих захватнических планах Тито, и его подлая попытка была сорвана. Обе дивизии корпуса Трайкова были посланы на фронт борьбы против немецко-фашистских войск. Трайков сообщает, что попытки клики Тито осуществить свои захватнические планы предпринимали в неоднократно и в дальнейшем.²

Освобождением Македонии и южной Сербии заканчивается первый период участия Болгарии в войне. Второй период начинается с конца ноября — начала декабря 1944 г., когда была сформирована новая 1-я болгарская армия в составе шести пехотных дивизий и армейских частей, общей численностью более 100 тыс. человек. Эта армия, подразделявшаяся на два армейских корпуса, была также включена в состав советского 3-го Украинского фронта под общим командованием маршала Толбухина. Советское командование не только взяло

¹ „Работническо дело“, 16 октября 1950 г.

² Полковник Пецо Трайков. Национализъмът на скопските ръководители. София, 1949, стр. 13—31, 60—61 и др.

на себя снабжение 1-й болгарской армии всем необходимым, но и прикомандировало к ее подразделениям опытных советских командиров-инструкторов и военных советников. В результате этой братской помощи боеспособность болгарских войск значительно возросла.

Первоначально части 1-й болгарской армии были сосредоточены в области Срем, а в январе 1945 г. переброшены в Венгрию севернее реки Драва и обеспечивали южный фланг 3-го Украинского фронта. Важнейшими из боевых операций 1-й болгарской армии явились успешные оборонительные операции (так называемая Дравская эпопея — с 6-го по 18 марта) против превосходящих сил гитлеровских войск, пытавшихся окружить и уничтожить болгарскую армию, а также наступательные операции у р. Мур.

В начале марта, после освобождения советскими войсками Будапешта, гитлеровское командование, сгруппировав свои отступившие из Греции и большей части Югославии эсэсовские войска, бросило их не против английских войск, беспрепятственно продвигавшихся через Италию и Австрию на восток, а против советских войск 3-го Украинского фронта и 1-й болгарской армии, находившейся в то время между Дравой и Балатонским озером, на фронте длиной в 120 км. План гитлеровцев предусматривал, в частности, окружение и уничтожение болгарской армии. С этой целью они предприняли 6 марта наступление на левый фланг 1-й болгарской армии, образовав предместное укрепление на северном берегу Дравы у г. Долни Михоляц. Одновременно с этим гитлеровские танковые части начали наступление на правый фланг армии к югу от оз. Балатон в районе Чекела и Кишбайом, пытаясь и с этой стороны пробиться к городу Печ и замкнуть обруч вокруг 1-й болгарской армии.

В этот трудный для болгарских войск момент на подмогу им вновь пришли воины героической Советской Армии. 9 марта командованием войск 3-го Украинского фронта на помощь 1-й болгарской армии был переброшен 133-й советский корпус. Появление героических советских воинов вызвало огромный подъем среди болгарских бойцов и командиров, увидевших своими глазами сталинское военное искусство, почувствовавших высокий моральный дух Советской Армии, ее железную дисциплину, стойкость, боевую дружбу и взаимопомощь советских бойцов.

В самый критический момент боев командующий 3-м Украинским фронтом маршал Толбухин направил командиру 1-й болгарской армии телеграмму, в которой говорилось: „Необходимы еще 4—5 дней такой же беспримерной стойкости, упорства и эта авантюра противника будет сломлена, а его танковая группа будет разгромлена. Требую лично от вас и от вверенных вам войск особой стойкости в эти дни и постоянной готовности к решительному удару против врага“¹.

Приказ маршала Толбухина был выполнен. После шестидневных оборонительных боев болгарские и переброшенные к ним на помощь советские войска 12 марта перешли в решительное контрнаступление. К 19 марта предместное укрепление немцев на р. Драва было ликвидировано. Так же успешно был ликвидирован прорыв гитлеровцев южнее оз. Балатон. Оказавшись в свою очередь перед угрозой окружения

¹ „Работническо дело“, 19/III 1951 г. Статья генерал-майора Димитра Гилина. „Дравската эпопея“.

советскими войсками, гитлеровцы были вынуждены отступить и на этом участке.

После успешного окончания Дравской операции 1-я болгарская армия совместно с советскими войсками начала 29 марта наступление на запад, в направлении р. Мур. Преодолев несколько укрепленных оборонительных рубежей немцев, части 1-й болгарской армии успешно выполнили возложенную на них задачу. Советские войска 3-го Украинского фронта совместно с болгарскими войсками 30 марта прорвали оборону противника южнее оз. Балатон и, продвинувшись вперед до 30 км, овладели на территории Венгрии городами Надьбайом, Бегене, Марцали и Надьятад — сильными опорными пунктами обороны немцев, прикрывавшими нефтяной район Надьканижа, а также заняли более 100 других населенных пунктов. 31 марта болгарские войска с боем заняли г. Чурго. В последующие дни советские войска 3-го Украинского фронта совместно с болгарскими войсками овладели центром нефтяной промышленности Венгрии — г. Надьканиж, завершили освобождение от противника юго-западной части Венгрии и заняли на территории Югославии ряд населенных пунктов, в том числе город и ж.-д. узел Чаковец, город и ж.-д. станцию Мурско-Средиште и др.

К моменту капитуляции гитлеровской Германии части 1-й болгарской армии находились уже у подножья австрийских Альп, где они занимали район Эренхаузен — Марибор. На территории Австрии произошла встреча болгарских и английских войск, идущих с запада.

Своими боевыми операциями, осуществлявшимися под руководством и при непосредственной помощи советского командования, 1-я болгарская армия не только прикрывала левый фланг 3-го Украинского фронта и оказывала ценное содействие советским войскам, действовавшим по среднему течению Дуная, но и освободила от захватчиков часть Хорватии, Словении, южной Венгрии и Австрии. Жертвами, понесенными в войне против гитлеровской Германии, героическими усилиями тыла и достигнутыми реальными военными результатами народно-демократическая Болгария заслужила достойное место в ряду свободолюбивых демократических государств.

За проявленную храбрость и боевые заслуги многие болгарские офицеры и солдаты были награждены советскими орденами и медалями.

Действия 1-й болгарской армии были специально отмечены в приказах Верховного Главнокомандующего товарища Сталина от 31 марта и 2 апреля 1945 г.

В связи с первым упоминанием в сталинских приказах об успешных боевых действиях 1-й болгарской армии, орган болгарской народной армии газета „Народна войска“ писала: „Мы знаем, что Маршал Сталин всегда был большим другом болгарского народа. Во вчерашнем своем приказе он дал высокую оценку действиям 1-й болгарской армии, которая сражается в рядах войск 3-го Украинского фронта. Этот приказ укрепляет нашу национальную гордость. Он радует сердце каждого болгарина, знаменуя международное признание участия Болгарии в войне против гитлеровской Германии. Именно поэтому приказ Маршала Сталина является для Болгарии историческим документом, который будет иметь благоприятные последствия для болгарского народа при заключении мира. Благодарность Маршала Сталина 1-й болгарской армии еще больше поднимает дух ее командиров и бойцов, и они станут с еще большим воодушевлением

биться вместе с Красной Армией против общего врага. Совместно пролитая кровь и общие идеалы еще больше укрепят дружбу между народами Советского Союза и Болгарии. Жертвы, которые мы понесли в борьбе против общего врага, еще крепче сцементируют наше славянское единство“.

4. НАРОДНЫЙ СУД

Мобилизуя все свои силы для участия в справедливой Отечественной войне против фашистской Германии, болгарский народ требовал строгого и неотложного наказания гитлеровских агентов и предателей, военных преступников, приведших страну на грань национальной катастрофы. На многолюдных собраниях и митингах, в резолюциях, заявлениях, телеграммах и письмах общественных организаций, и прежде всего комитетов Отечественного фронта, болгарские трудящиеся требовали сурового и немедленного суда над своими вчерашними палачами.

Исполняя волю народа, правительство Отечественного фронта 4 октября 1944 г., еще до заключения соглашения о перемирии (также обязывавшего Болгарию „сотрудничать в деле задержания лиц, обвиняемых в военных преступлениях, и суда над ними“), приняло специальный декрет о предании Народному суду виновников вовлечения Болгарии в войну на стороне гитлеровской Германии и связанных с этим злодеяний.

Комитеты Отечественного фронта приняли самое активное участие в подготовке, организации и проведении Народного суда. Будучи тесно связаны с народом, они более всех были осведомлены о жертвах фашистско-гестаповского террора, о бедствиях, понесенных трудящимися в результате преступной политики прогитлеровских правителей и их пособников, и поэтому полнее всего могли выразить возмущение и волю народных масс.

Участие представителей комитетов Отечественного фронта в рассмотрении дел о военно-фашистских преступниках было закреплено законодательным путем в самом декрете о Народном суде.

Параграф 6-й упомянутого декрета устанавливал, что „Народный суд состоит из: а) народных судей — совершеннолетних болгарских подданных обоего пола, избранных областными комитетами Отечественного фронта; б) судей, назначенных министром юстиции из среды судей и адвокатов страны.

Каждый областной комитет Отечественного фронта избирает 300 народных судей из среды лучших граждан городов и сел“.

В параграфе 7-м декрета говорилось: „Распределение составов Народного суда производится министром юстиции при соблюдении следующих правил: а) для суда над министрами и депутатами образуется один или большее число составов, состоящих каждый из 13 членов, при этом четыре человека выделяются из числа назначаемых, а остальные — из намеченных областными комитетами... б) для каждой области образуется несколько составов суда, в зависимости от числа подсудимых. В каждый состав входит один назначенный судья (в качестве председателя) и четыре члена суда, выделенные соответствующими областными комитетами...“¹

¹ „Държавен вестник“, 6 октября 1944 г.

Таким образом, комитеты Отечественного фронта не только привлекались к активному участию в Народном суде, являвшемся по своей сущности революционным судом, но их представители составляли в нем большинство.

В дни, предшествовавшие работе Народного суда, и во время его заседаний по всей стране вновь прокатилась волна грандиозных митингов и собраний, участники которых требовали строгого и беспощадного наказания убийц и предателей народа.

С 20 декабря 1944 г. по 1 февраля 1945 г. два Верховных состава Народного суда в Софии рассмотрели дела главных военных преступников: бывших регентов—князя Кирила, Богдана Филова и генерала Михова, министров кабинетов Филова, Божилова, Багрянова и Муравиева, царских советников и 130 фашистских депутатов, подготовивших и организовавших вступление Болгарии в войну на стороне гитлеровской Германии, превративших ее в колонию германского империализма, отдававших приказы об истреблении лучших сынов болгарского народа, борцов за его свободу и независимость. 1 февраля был вынесен приговор. К смертной казни были приговорены 102 чел., в том числе 3 регента, 22 министра, 8 царских советников и 68 депутатов; 29 чел. были осуждены на пожизненное тюремное заключение; 32 чел. — на различные сроки заключения.

Перед судом предстали и многие другие фашистские преступники, принесшие болгарскому народу неисчислимые страдания. В середине февраля 1945 г. в Софии начались заседания IV Верховного состава Народного суда, который рассмотрел дела 135 лиц, являвшихся вдохновителями и организаторами террора и реакции в стране. По этому процессу было осуждено 15 генералов, 3 полковника и ряд других фашистских преступников.

Во второй половине февраля III Верховный состав Народного суда рассмотрел так называемое дело „Катынь—Винница“, по которому были привлечены к ответственности врачи и высшие духовные лица, участвовавшие в качестве болгарских представителей в гитлеровских провокациях в Катыни и Виннице. Этот процесс был новым разоблачением гитлеровских преступлений, разоблачением попытки скрыть массовые убийства гитлеровцами польских офицеров и украинцев и оклеветать Советский Союз.

В марте 1945 г. были рассмотрены дела и вынесены приговоры над 105 фашистскими журналистами, писателями, художниками и радиокомментаторами — „идейными“ руководителями антидемократических, антиславянских и антисоветских кампаний. На скамью подсудимых попали проводники гитлеровской пропаганды в Болгарии — журналисты Данаил Крапчев, Христо Брзицов, Петр Джидров, писательница Фани Мутафова и другие. Приговоры Верховных составов Народного суда в Софии, рассматривавших дела фашистских судей и прокуроров, банковских и хозяйственных заправил и прочих фашистских преступников, были вынесены в конце апреля 1945 г.

Одновременно с процессами в Софии по всей стране происходили заседания областных и околийских составов народных судов по делам военных преступников, предателей народа, гитлеровских агентов. Несколько тысяч бывших генералов, государственных чиновников, жандармов, „ратников“ и „легионеров“, палачей болгарского народа, оказались на скамье подсудимых в Пловдиве, Стара-Загоре, Бургасе,

Габрово, Карлово, Тырново, Ямболе, Вратце, Пазарджике и других городах. Все эти процессы закончились в середине апреля 1945 г. В общей сложности было привлечено к народному суду 11 667 чел. Было вынесено 2850 смертных приговоров, из которых 2025 были приведены в исполнение. Кроме того, 1366 чел. были осуждены на пожизненное тюремное заключение, 4652 — на временное строгое тюремное заключение и 690 — осуждены условно.¹

Приговоры народного суда были встречены с большим удовлетворением болгарскими трудящимися и всей демократической общественностью. 1 февраля 1945 г., по инициативе Софийского областного комитета Отечественного фронта, перед зданием Судебной палаты в столице состоялся многолюдный митинг, на котором присутствовало 150 тыс. чел., пришедших услышать приговор над бывшими регентами, царскими советниками и министрами. Перед входом в Судебную палату встали „черные косынки“ — матери, сестры и жены убитых болгарских партизан и других патриотов. Митинг принял резолюцию, одобрявшую приговоры, вынесенные I и II Верховными составами Народного суда. Участники митинга потребовали немедленного приведения в исполнение приговоров суда, розыска укрывающихся фашистов, а также быстрого проведения чистки государственного аппарата.

Подобные митинги происходили по всей стране.

Болгария явилась первой страной из бывших гитлеровских союзников, привлечшей к ответственности и заслуженно сурово покаравшей главных военных и фашистских преступников. Заслуга в этом принадлежит прежде всего Рабочей партии (коммунистов) и руководимому ею Отечественному фронту, сумевшим мобилизовать и привлечь к участию в Народном суде широкие массы болгарского народа.

5. ПЕРВЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Политическое укрепление народно-демократической власти сопровождалось неуклонным упрочением ее позиций в экономике страны. Экономическая политика правительства Отечественного фронта выразилась на первых порах в проведении решительных мер по ликвидации господства крупного финансового капитала в хозяйственной жизни страны, в овладении народно-демократическим государством рядом важных экономических позиций, в установлении рабочего контроля над производством при временном допущении деятельности среднего и мелкого частнохозяйственного капитала.

В основном эти мероприятия были проведены в течение первого года существования правительства Отечественного фронта; еще в ходе Великой Отечественной войны.

В результате победы восстания 9 сентября 1944 г. народно-демократическое государство овладело командными высотами в области промышленности, транспорта, внешней торговли, связи и кредита, принадлежавшими ранее фашистскому государству. В распоряжение народно-демократического государства, таким образом, перешло 87% добычи угля, 32% добычи руды, 73% производства электроэнергии,

¹ Меморандум „Болгария и вопросы мира“. София, 1946. Приложение 5-е, ч. VI, стр. 6.

16,6% ведущих промышленных предприятий, весь железнодорожный транспорт, 73% кредитно-банковской системы, вся почтово-телеграфная и телефонная сеть.¹ Были ликвидированы частные монополии и тресты.

Конфискация промышленных предприятий военных преступников, крупных спекулянтов и других лиц, сотрудничавших с фашистами, явившаяся по существу частичной национализацией, еще более увеличила удельный вес государственного сектора в экономике страны, ставшего в условиях народной демократии социалистическим. Вместе с тем, государством был выкуплен ряд предприятий, являвшихся собственностью иностранного капитала, например, спичечная фабрика в Костенце, принадлежавшая шведскому акционерному обществу, сахарный завод в районе г. Карнобата, принадлежавший французскому капиталу, и др. Около 50% внутренней торговли находилось в руках государства и кооперативов, из которых решительно изгонялись капиталистические и реакционные элементы. Некоторые отрасли промышленности (сахарная, деревообделочная и др.) почти целиком находились в руках кооперативов.

Однако, несмотря на все эти мероприятия, частнокапиталистический сектор продолжал играть значительную роль в промышленном производстве и внутренней торговле страны. Опираясь на свои экономические позиции, реакция сразу же после 9 сентября 1944 г. начала упорную борьбу против народно-демократической власти. Владельцы некоторых промышленных предприятий сделали попытку вывезти за границу оборудование предприятий. Другие пытались закрыть свои предприятия и уволить занятых на них рабочих под предлогом отсутствия сырья и т. п.

Народно-демократическая власть приняла энергичные меры для пресечения саботажа и вражеской деятельности капиталистов. Наиболее важной и действенной из этих мер явилось введение правительственного и рабочего контроля над производством.

Выше мы уже указывали, что контроль над производством на первых порах осуществлялся производственными комитетами Отечественного фронта, существовавшими на предприятиях до создания там демократических профсоюзных организаций и продолжавшими некоторое время существовать наряду с ними. По мере создания и упрочения на фабриках и заводах профсоюзных организаций, функции рабочего контроля над производством полностью переходили к ним.

Освобожденные от фашистского ига болгарские рабочие с энтузиазмом приступили к созданию своих свободных профсоюзных организаций. Болгарские профсоюзы отстаивали повседневные интересы рабочих и служащих, боролись с саботажем, расхищениями, бюрократизмом и коррупцией на производстве, всемерно способствовали увеличению продукции, укреплению трудовой дисциплины, разрыванию ударничества и патриотического соревнования.

Одним из наиболее важных завоеваний болгарского рабочего класса после 9 сентября 1944 г. явилось признание за профкомитетами права участия в деятельности предприятий и осуществление на предприятиях рабочего контроля.

13 июля 1945 г. между ЦК Всеобщего рабочего профессионального союза (ВРПС) и правлением Союза болгарских промышленников

¹ „Планово стопанство“, 1949, № 6.

было подписано соглашение о коллективных договорах. В этом соглашении фабрично-заводские комитеты были признаны единственными представителями рабочих на предприятиях. Это соглашение устраняло произвол при найме и увольнении рабочих, давало возможность широко развернуть на производстве соревнование и ударничество и улучшить положение рабочих.

В соглашении были определены отношения между рабочими и предпринимателями с учетом интересов страны в условиях народно-демократической власти. Рабочие брали на себя обязательство поддерживать порядок на предприятиях, беречь машины и оборудование, соблюдать производственную и трудовую дисциплину. Предприниматели, в свою очередь, обязывались строго соблюдать законы о труде, обеспечивать предприятия сырьем и вспомогательными материалами, поддерживать в исправности оборудование.

Фабрично-заводские комитеты получили право следить за выполнением законов об охране труда и трудовых договоров, высказывать свое мнение и вносить предложения по организации производства, следить за бесперебойностью производства, за доставкой сырья и вывозом готовых изделий, за качеством и количеством выпускаемой продукции.

Соглашение ясно определяло, что впредь наем и увольнение рабочих будет производиться лишь с согласия профсоюзных комитетов. Оно предусматривало проведение совместных производственных совещаний предпринимателей, фабрично-заводских комитетов и рабочих по вопросам организации и усовершенствования процесса производства, по вопросам трудовой дисциплины и др.

Наряду с этим в соглашении содержалось требование скорейшего установления производственных норм и выработки шкалы прогрессивной оплаты труда на предприятиях.

Коллективные договоры, новое трудовое законодательство и деятельность профкомитетов положили предел безраздельному хозяйничанию капиталистов на своих предприятиях и сильно ограничивали деятельность предпринимателей, пытавшихся саботировать распоряжения народно-демократической власти.

„Теперешний промышленник, собственник предприятия, — говорил Георгий Димитров в начале 1946 г., — не является и не может быть абсолютным хозяином своего предприятия... Он должен считаться с интересами и правами рабочих и подчинить свои частные интересы интересам народного хозяйства и общенародным интересам“.¹

Сдвиги, происшедшие непосредственно после 9 сентября 1944 г. в сельском хозяйстве, были значительно менее существенными, чем в промышленности. Правда, наиболее крупные землевладельцы-эксплуататоры, проявившие себя приверженцами фашистской власти и гитлеровских оккупантов, были экспропрированы. Однако, если учесть, что в Болгарии и до 9 сентября 1944 г. фактически не было помещичьего землевладения, а экономическая мощь основной массы кулачества осталась на первых порах незатронутой, то совершенно очевидно, что экономическое положение в деревне до аграрной реформы (1946) мало чем изменилось.

От 8 до 9% всех сельских хозяйств принадлежало кулакам. В их руках находилось около 25% всей обрабатываемой земли, 70%

¹ Георги Димитров. Ук. соч., т. III. София, 1947, стр. 179.

рабочего скота и значительная часть сельскохозяйственного инвентаря. Около половины зерновой продукции этих хозяйств, составлявшей приблизительно 20⁰/₀ общей продукции, предназначалось для рынка. Это составляло 67⁰/₀ общего количества товарного зерна. Кроме земли, кулаки владели мельницами, маслобойнями, корчмами, лавками и другой собственностью, приносящей им дополнительные доходы.

Середняцкие хозяйства, составлявшие около 48⁰/₀ всех хозяйств, владели 52⁰/₀ всей обрабатываемой земли и производили около 52⁰/₀ всей продукции зерна. Из этого количества только 11⁰/₀ вывозилось на рынок, что составляло 33⁰/₀ общего количества товарного зерна.

Наконец, бедняцкие хозяйства (около 41⁰/₀ всех хозяйств), владевшие 22⁰/₀ всей обрабатываемой земли, давали около 25⁰/₀ всей продукции зерна.¹

Таким образом, сельскохозяйственное производство продолжало находиться в руках частных товаропроизводителей и представляло значительную экономическую базу для капитализма.

Однако посредством системы контракций с производителями (особенно технических культур) и нарядов, классовой налоговой политики и системы распределения промтоваров, а также благодаря кредитованию малоимущих крестьян и оказанию им государственной помощи машинами, сельскохозяйственным инвентарем и искусственными удобрениями, народно-демократическое государство уже в этот период оказывало известное влияние на развитие сельского хозяйства. С помощью государственного объединения „Храноизнос“ („Хлебэкспорт“), преобразованного позже в Главную дирекцию продовольственного снабжения, правительство Отечественного фронта контролировало и направляло закупки и распределение сельскохозяйственных продуктов среди населения.

Освободив трудовое крестьянство от фашистского гнета, народно-демократическая власть всячески поощряла создание трудовых сельскохозяйственных кооперативов, открывающих путь к повышению производительности труда и улучшению материального положения крестьян. К концу 1944 г. имелось уже 100 ТКЗХ, насчитывавших 7238 членов и располагавших 26 580 га земли; к концу 1945 г. — 382 ТКЗХ с 34 362 членами и 146 568 га земли.² Принятый 6 апреля 1945 г. правительством Отечественного фронта закон о ТКЗХ способствовал укреплению уже существовавших и поощрял организацию новых кооперативных хозяйств.

Болгарское трудовое крестьянство получало широкую поддержку со стороны трудящихся города. Между рабочими, трудовой интеллигенцией и трудовым крестьянством установилась крепкая дружба. Ярким проявлением этой дружбы явилось массовое движение за создание городских культурно-трудовых и молодежных бригад в помощь деревне.

Народно-демократическое государство, опираясь на рабочий контроль, путем введения централизованного распределения кредитов, сырья, вспомогательных материалов и готовой продукции, уже в первый период после 9 сентября 1944 г. в значительной степени ограничивало капиталистическую эксплуатацию и осуществляло плановое регулиро-

¹ „Наръчник на агитатора“, 1949, № 21.

² „Наръчник на агитатора“, 1948, № 16.

вание работы не только на государственных предприятиях, но и в частнокапиталистической промышленности. Немалую роль в этом отношении сыграли регламентация цен на промышленные товары,¹ направленная на устранение черной биржи и чрезмерных прибылей промышленников, а также ряд других мероприятий. В феврале 1945 г. был выпущен „Заем свободы“, реализованный в размере 24 млрд. левов.² Это мероприятие, наряду со многими другими, положило начало решительной борьбе против инфляции, за укрепление болгарской валюты, были получены средства для удовлетворения неотложных нужд по ведению войны и хозяйственных потребностей.

Разумеется, это были еще только переходные меры к будущим решительным революционным преобразованиям болгарской экономики по пути социалистического строительства. Однако и эти меры сыграли в тот период весьма положительную роль в деле укрепления экономических и политических позиций рабочего класса и народно-демократического государства. Вместе с тем Рабочая партия (коммунистов), игравшая руководящую роль в правительстве Отечественного фронта, ни на минуту не теряла перспективу и направление будущего развития. „Поощряя здоровую частную инициативу в области промышленности, ремесла, торговли и сельского хозяйства, — говорил в этот период Георгий Димитров, — мы должны внести как можно больше плановости в развитие отдельных отраслей хозяйства, так же как и в разработку и использование всех национальных богатств. При этом государство должно не только играть роль регулирующего и контролирующего фактора в нашей экономике, но и расширять свои собственные хозяйственные функции, взяв в свои руки все крупные хозяйственные начинания общенационального значения“.³

Эту политику, направленную в конечном итоге на ликвидацию капиталистических элементов и построение социалистического хозяйства, народно-демократическое государство проводило с самого начала на основе всемирно-исторического опыта Советского социалистического государства, опираясь на помощь и поддержку СССР и руководствуясь великим учением Ленина — Сталина. Товарищ Сталин еще в 1928 г. указывал, что проводившаяся Советским государством новая экономическая политика с ее рыночными связями и использованием этих

¹ В мае 1945 г. было проведено первое снижение цен на промышленные товары. В опубликованной 1 мая 1945 г. в газете „Отечествен фронт“ правительственной декларации указывалось, что справедливое разрешение вопроса цен и зарплаты нужно искать: 1) в быстром и чувствительном снижении цен на промышленные товары, которые несоразмерно высоки по сравнению с ценами на сельскохозяйственные продукты и зарплатой; для этого необходимо дальнейшее укрепление трудовой дисциплины и сокращение административных расходов; 2) в снижении вознаграждения за труд кустарей в некоторых отраслях ремесла, а также в нормализации размера арендной платы за землю; 3) в определении правильных производственных норм, поощряющих развитие производства и развертывание трудового энтузиазма; 4) в удовлетворении потребностей населения путем снабжения его достаточным количеством товаров по справедливо-нормированным ценам.

В сентябре 1945 г. был принят „Закон о снабжении и ценах“, предусматривавший строгие меры наказания спекулянтов, саботажников и дельцов черной биржи (см. „Държавен вестник“, 13 сентября 1945 г.).

² По сведениям Болгарского народного банка, к 31 августа 1945 г. „Заем свободы“ был реализован на сумму 24 207 423 000 левов, из которой наличными поступило 20 071 415 000 левов („Отечествен фронт“, 11 сентября 1945 г.).

³ Георги Димитров. Ук. соч., т. III, стр. 157.

рыночных связей в той или иной степени абсолютно необходима для каждой капиталистической страны в период диктатуры пролетариата. Товарищ Сталин подчеркивал, что отрицать это положение значит „исходить из того, что пролетарская революция должна после захвата власти пролетариатом встать на почву экспроприации средней и мелкой буржуазии, взвалив на свои плечи неимоверное бремя устройства на работу и обеспечения средствами к жизни, искусственно созданных, миллионов новых безработных. Стоит только поставить этот вопрос, чтобы понять всю несообразность и глупость такой политики пролетарской диктатуры. Нэп тем, между прочим, и хороша, что она избавляет пролетарскую диктатуру от таких и подобных им трудностей“.¹

Вместе с тем товарищ Сталин указывал, что, в отличие от нэпа, военный коммунизм, через который прошло Советское государство, не является неизбежной фазой пролетарской революции. „Военный коммунизм, — говорил он, — есть навязанная военной обстановкой и интервенцией политика пролетарской диктатуры, рассчитанная на то, чтобы установить прямой продуктообмен между городом и деревней не через рынок, а помимо рынка, мерами, главным образом, внеэкономического и отчасти военного порядка, и имеющая своей целью организовать такое распределение продуктов, которое бы могло обеспечить снабжение революционных армий на фронте и рабочих в тылу“.² Однако „можно вполне представить состояние гражданской войны без применения методов военного коммунизма, без отказа от основ новой экономической политики... Нельзя отвлекаться от таких факторов, как обостряющийся кризис мирового капитализма, наличие Советского Союза и рост коммунизма во всех странах“.³

Для Болгарии эти факторы, прежде всего наличие могучего социалистического государства — великого Советского Союза, а также присутствие на болгарской территории классового союзника болгарских трудящихся — советских войск, сыграли решающую роль для предотвращения гражданской войны и империалистической интервенции. Более того, Советский Союз еще в ходе войны оказал болгарскому народу большую материальную помощь, выделив значительное количество товаров и сырья для болгарского народного хозяйства, и содействовал тем самым укреплению народно-демократического государства.

Болгарское народно-демократическое государство получило возможность сразу приступить к проведению нэпа, без применения политики военного коммунизма.

Как показал опыт Советского Союза, проведение этой политики, рассчитанной на поддержание рыночных связей между различными отраслями производства, в первую очередь между социалистическим сектором промышленности и мелкотоварным сельским хозяйством, должно продолжаться до тех пор, пока социализм не победит во всех областях народного хозяйства. Эта политика, в сочетании с политикой укрепления непосредственных производственных связей между отраслями народного хозяйства, направлена, в конечном счете, на уско-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 145.

² Там же, стр. 146.

³ Там же, стр. 147.

рение социалистического развития народного хозяйства, на полную победу социализма в экономике страны.

Выше указывалось, что в первые месяцы после 9 сентября 1944 г. большую роль в руководстве хозяйственной жизнью страны играли хозяйственные комиссии при Национальном и областных комитетах Отечественного фронта, которые являлись по существу всеобъемлющим хозяйственно-административным аппаратом и зачастую подменяли соответствующие государственные органы.

Такое ненормальное на первый взгляд положение объяснялось тем, что правительственные органы, которые находились в процессе ломки и реорганизации и не имели опыта планового руководства хозяйственной жизнью страны, не могли в условиях хозяйственной разрухи и войны справиться с этими задачами. Позднее, по мере формирования и укрепления новых органов государственного аппарата, функции хозяйственного управления целиком перешли к ним.

В феврале 1945 г. состоялась конференция, на которой были намечены основные задачи экономической политики правительства и поставлена задача разработки общего плана экономического восстановления страны. Наконец, в мае 1945 г. был учрежден правительственный Высший экономический совет,¹ на который была возложена задача координировать деятельность хозяйственных министерств.

Большую роль в борьбе за восстановление и развитие экономической жизни Болгарии сыграла опубликованная 12 октября 1945 г. декларация БРП(к) об экономическом положении страны и о предстоящих задачах в области экономики. В этой декларации, наряду с всесторонним анализом экономического положения страны, намечались меры по укреплению болгарской экономики. В ней рассматривались такие вопросы, как урегулирование отношений между рабочими и предпринимателями, вопросы, связанные с новым промышленным строительством, государственными предприятиями и государственной инициативой, меры по облегчению жилищного кризиса, вопросы сельского хозяйства, кооперации, ремесла, внешней торговли, государственных финансов, создания государственного плана восстановления и развития страны, реорганизации хозяйственных органов государственного аппарата. По всем этим вопросам БРП(к) выступила со своими конкретными предложениями, легшими в основу дальнейшей экономической политики правительства Отечественного фронта.²

Правительство Отечественного фронта провело ряд мероприятий, которые в значительной мере облегчили тяжелое материальное положение болгарских рабочих и служащих. Вскоре после 9 сентября 1944 г. зарплата рабочих, занятых в частном производстве, специальным постановлением правительства была увеличена на 60—80 левов в день. Государственные и муниципальные служащие получили процентную надбавку к зарплате. Трудящиеся женщины стали получать за равный труд равную заработную плату с мужчинами. По настоянию профсоюзных организаций были созданы рабочие столовые и приняты меры по улучшению условий труда, по удовлетворению бытовых нужд рабочих и т. п.

¹ См. „Държавен вестник“, 21 мая 1945 г.

² „Работническо дело“, 12 октября 1945 г.

Для поощрения передовиков производства в июле 1945 г. специальным законом был учрежден „Народный орден труда“.¹

Активное участие болгарских рабочих в управлении народно-демократическим государством и в контроле над производством, их высокое классовое сознание и начавшееся улучшение их материального положения создали предпосылки для широкого развертывания производственного соревнования и ударничества.

Застрельщиками трудовых подвигов были шахтеры. Благодаря их самоотверженному труду среднесуточная добыча угля на шахтах Перника, упавшая к ноябрю 1944 г. до 5 тыс. тонн, уже в январе 1945 г. была доведена до 8,5—9 тыс. тонн, а в конце февраля — до 10—10,5 тыс. тонн. О трудовом героизме болгарских шахтеров уже в этот период говорит, например, следующий факт: 25 февраля 1945 г. 250 горняков шахты имени Георгия Димитрова, отказавшись от воскресного отдыха и вознаграждения за свой труд, явились на работу. За смену они дали 807 вагонеток угля, т. е. в два раза больше нормы. Трудовые подвиги шахтеров Перника были подхвачены рабочими и служащими других отраслей промышленности. Так, в 1945 г., по призыву 9 тыс. софийских железнодорожников, в предмайское соревнование включились все железнодорожники страны. Трудовой подъем охватил и рабочих предприятий текстильной промышленности, чему немало способствовало получение ценного сырья из Советского Союза. Впервые болгарские рабочие по собственному почину приступили к систематизации труда и рационализации производства.

Принятые правительством Отечественного фронта меры, а также самоотверженный труд болгарских рабочих позволили некоторым отраслям промышленности уже в 1945 г. достичь довоенного уровня производства.

Первые итоги трудовых подвигов болгарских рабочих, роста и развития их профсоюзных организаций были подведены на первом (учредительном) конгрессе Всеобщего рабочего профессионального союза (ВРПС), состоявшемся в Софии и продолжавшемся с 16 по 21 марта 1945 г. К тому времени был создан 31 профсоюз рабочих и служащих всех отраслей производства, насчитывавших в своих рядах в общей сложности 240 тыс. членов. Перед созывом конгресса по всей стране на предприятиях и в учреждениях состоялись тысячи собраний, на которых рабочие и служащие обсуждали стоявшие на повестке дня конгресса вопросы и избирали своих делегатов. Каждый из профсоюзов провел одну или две национальные конференции.

На первом конгрессе ВРПС представители болгарских рабочих и служащих обсудили животрепещущие вопросы болгарского рабочего

¹ Согласно этому закону учреждался специальный „Народный орден труда“ двух степеней: золотой и серебряный. § 3 закона устанавливал, что этим орденом награждаются рабочие, руководители предприятий и предприниматели, содействовавшие укреплению народного благосостояния и отличившиеся в области промышленного, сельскохозяйственного и ремесленного труда своими выдающимися достижениями, трудолюбием и изобретательностью при выполнении поставленных перед ними задач, способностью организации и руководства частными и общественными хозяйственными предприятиями. § 4 закона устанавливал, что награждение производится особым Орденским советом по представлению премьер-министра на основании мотивированного доклада о каждом награждении два раза в год: накануне 1 мая и накануне 9 сентября. Согласно § 5 ежегодно к награждению серебряным орденом должны представляться 500 чел. и золотым орденом 200 чел. (См. „Държавен вестник“, 4 июля 1945 г.).

движения: международное и внутреннее положение страны, положение рабочих и служащих Болгарии и задачи ВРПС, вопросы трудового законодательства и др.

Конгресс принял устав ВРПС, а также избрал ЦК ВРПС и контрольную комиссию. Вместе с тем он наметил задачи профсоюзного движения. В принятой конгрессом резолюции говорилось: „Необходимо усилить боевой союз рабочих и крестьян, как основную гарантию укрепления завоеванной свободы, выхода нашей страны из того тяжелого положения, в котором она находится... Необходима мобилизация всех сил армии труда на восстановление производства и транспорта, укрепление трудовой дисциплины и повышение производительности труда, ликвидация всяческих попыток саботажа со стороны врагов народной власти, для чего нужно широко развернуть ударничество и соревнование на фабриках, в мастерских, на транспорте“.¹ Далее в резолюции конгресса подчеркивалось, что болгарские рабочие и служащие будут решительно бороться со всеми явными и тайными врагами Отечественного фронта, добиваться повышения уровня производства, для чего необходимо установить прогрессивную оплату труда и премии для ударников и рационализаторов производства, отменить старые и выработать новые положения о штатах, создать новое трудовое законодательство.

Конгресс ВРПС закрепил достигнутое единство болгарского рабочего класса и призвал его к разрешению жизненно-важных для страны исторических задач: помощь фронту в деле полного разгрома фашизма и гитлеровской Германии, оздоровление хозяйственной жизни страны, обеспечение ее свободы и независимости.

6. БОРЬБА С КУЛАЦКО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИЕЙ И АГЕНТУРОЙ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

В результате деятельности Народного суда значительная часть фашистской клики и ее агентуры в стране была обезврежена уже в первые месяцы после 9 сентября. Однако внутренняя реакция, являвшаяся фактически агентурой иностранного империализма, продолжала еще существовать и чинить серьезные препятствия демократическому развитию страны, пытаясь всеми силами повернуть колесо истории вспять и восстановить свое утраченное господство.

В своей борьбе против народно-демократической власти эти элементы опирались на сохранившиеся эксплуататорские классы внутри страны и на поддержку, которую им оказывал иностранный империализм. При этом болгарская реакция использовала помощь как германского, так и англо-американского империализма.

Одним из центров, возглавивших непосредственно после 9 сентября остатки болгарских фашистских групп, была черносотенная банда кровавого палача болгарских трудящихся Александра Цанкова. В момент восстания Цанкову и нескольким другим болгарским фашистам из его окружения, бежавшим на самолете к немцам, удалось скрыться от карающей руки народа. 12 сентября 1944 г. в Вене Цанков образовал марионеточное так называемое „болгарское национальное

¹ Първи национален конгрес на ОРПС, ч. 1. София, 1945, стр. 94—96.

правительство“. В это „правительство“, помимо Александра Цанкова, который стал называть себя „премьер-министром и военным министром“, вошли: его брат Асен Цанков, руководитель фашистской организации „Ратник“ Асен Кантарджиев, полковник генерального штаба Иван Рогозаров и Христо Статев. Рупором этого „правительства“ стала гитлеровская радиостанция „Донау“, распространявшая грязную клевету против СССР и народно-демократической Болгарии. 18 сентября 1944 г. „правительство“ Цанкова выпустило воззвание, в котором призывало к борьбе против Болгарии Отечественного фронта и к войне „до конца“ против СССР. Одновременно Цанков приступил к созданию войсковых соединений. Они составлялись из болгар, находившихся в Германии и на оккупированных ею территориях. Соединения эти под немецким командованием должны были сражаться против Советской Армии и болгарских войск, имея своей конечной целью свержение установленной в Болгарии народно-демократической власти и восстановление фашистской диктатуры. К концу октября — началу ноября 1944 г. в гитлеровском лагере „Дьолерсхайм“, находившемся в 85 км от Вены, был организован так называемый „Добровольческий корпус“, в который, наряду с фашистскими молодчиками, был насильственно завербован ряд лиц из числа болгарских военных, слушателей военных курсов, военнопленных, студентов, огородников, рабочих. О том, как формировался корпус Цанкова, свидетельствует, например, такой факт: к концу апреля 1945 г., когда стало известно, что корпус будет отправлен на фронт, чтобы принять участие в боях, группа солдат и офицеров в количестве 50 чел., не желая сражаться за интересы гитлеровской Германии, бежала из расположения корпуса и пыталась скрыться в горах. За этой группой была организована погоня, она была окружена и захвачена. 26 участников побега были немедленно расстреляны.¹

Одновременно с этим группа Цанкова перебрасывает на самолетах в Болгарию диверсантов и шпионов,² а также пытается организовать оставшиеся в стране фашистские элементы для вооруженной борьбы против власти Отечественного фронта. В этой антинародной борьбе, возглавленной Цанковым, активизируются и все другие фашистские организации: легионеры, ратники, бранники. За рассматриваемый в настоящей статье период в Софии, Пловдиве, Варне, Русе, Плевене, Бургасе, Вратце, Ямболе, Кырджали и других населенных пунктах страны народной милицией было раскрыто более 50 заговорщических групп, состоявших из сторонников упомянутых организаций. Типичной в этом отношении являлась раскрытая в начале декабря 1944 г. в г. Русе фашистская диверсионная организация, возглавлявшаяся цанковистом Григоровым. Она имела отделения по всей Русенской области. Находившийся в Русе исполнительный комитет этой организации выработал план действий в Русенской области, выделил руководителей различных околийских центров, организовал вербовку новых членов.

Получив от некоторых промышленников обещание щедрой материальной помощи, заговорщики начинают действовать: устраивают

¹ „Отечествен фронт“, 20 сентября 1946 г.

² Так, например, в начале ноября 1944 г. в Болгарию были переброшены видный агент гитлеровской разведки Владимир фон Черкасский и гять других террористов, снабженных двумя радиопередатчиками и автоматическим оружием (см. „Отечествен фронт“, 19 декабря 1944 г.).

тайные встречи и собрания, агитируют за свержение власти Отечественного фронта, готовят свои боевые группы. Выше уже указывалось, что руководители этой организации ставили перед ее членами задачу — вступить в ряды Земледельческого союза, социал-демократической партии и Народного союза „Звено“ с тем, чтобы пробраться в руководство этих партий, а также в комитеты Отечественного фронта для подрывной работы. Боевым группам фашистов было дано указание ликвидировать всех, кто будет чинить препятствия в этом.¹ Были предприняты попытки саботажа и вредительства в промышленности и на транспорте.

В декабре 1944 г. в Русе был подожжен склад горючего. Пожар причинил большой материальный ущерб, имелись и человеческие жертвы. В районе станции Бойчиновци была сделана попытка взорвать мост. В Пазарджике убытки, причиненные поджогом, составили 360 млн. левов. В районе Неврокопа и Варны фашистские группы совершали ночные нападения на милиционеров и красноармейцев.² В районе Шумена фашисты попытались вызвать пораженческое настроение среди отъезжавших на фронт болгарских воинских частей.³

После капитуляции гитлеровской Германии матерый фашист Цанков на некоторое время сошел с политической сцены и укрылся в Австрии, в ожидании того момента, когда его новые хозяева — англо-американские империалисты — вновь призовут его на службу.⁴

После провала Цанкова и его гитлеровских покровителей болгарская реакция стала действовать более замаскированно и коварно, найдя в лице англо-американского империализма нового хозяина, ни в чем не уступающего немецким фашистам.

Выше мы видели, какую пагубную, подрывную роль стал играть в Отечественном фронте сразу после своего приезда в Болгарию агент англо-американского империализма Гемето, присвоивший себе звание главного секретаря Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС).

Еще по пути в Болгарию — в Истамбуле — Гемето дал корреспонденту турецкой газеты „Ла Републик“ интервью, в котором заявил, что Болгария будто бы желает, чтобы мирные переговоры продолжались не где-либо в другом месте, а в Анкаре. В день прибытия в Софию Гемето выступил на вокзале с речью, в которой он не

¹ „Отечествен фронт“, 16 декабря 1944 г.

² „Отечествен фронт“, 19 декабря 1944 г.

³ „Работническо дело“, 22 января 1945 г.

⁴ После войны Цанков долгое время укрывался в американской зоне оккупации Австрии. Лишь в апреле 1946 г. штаб американских оккупационных войск в Австрии сообщил о том, что Цанков находится в Зальцбурге в числе арестованных военных преступников. Неоднократные требования болгарского правительства о выдаче Цанкова болгарским властям оставались без удовлетворения. Спустя еще три года, в 1949 г., появилось сообщение о том, что какой-то американский „суд“, рассмотрев дело Цанкова, признал его „невиновным“ и разрешил ему выехать в Буэнос-Айрес. „Я полностью оправдан авторитетным и беспристрастным судом“, — заявил палач болгарского народа по своему прибытии в Буэнос-Айрес.

В середине 1949 г. в американской зоне оккупации Германии было опубликовано воззвание так называемой „европейской секции болгарского национального комитета“, в котором сообщалось, что Цанков становится „вождем всех болгарских эмигрантов, без различия их политических убеждений“ (см. „Народна борба“, 21 июля 1949 г.). Так, под покровительством американских поджигателей войны палач болгарского народа Цанков снова начинает выступать в качестве главаря всех болгарских фашистов, бежавших от справедливого гнева болгарского народа.

сказал ни слова ни о дружбе между болгарским народом и СССР, ни об Отечественном фронте. В речи, произнесенной вскоре после этого в г. Стара-Загора, он выдвинул лозунг единовластия Земледельческого союза.

14 октября 1944 г. Гемето созвал конференцию своих приверженцев (число их не превышало 160 чел.; это были главным образом платные функционеры), назвав ее конференцией БЗНС. В состав избранного на этом сборище руководства БЗНС вошло около полусотни агентов внутренней и иностранной реакции, ярых врагов народно-демократической власти и Отечественного фронта, как Гемето, Никола Петков, Асен Павлов, Борис Бумбаров, Ангел Держански, Трифон Кунев и другие. В состав руководства БЗНС были, кроме того, заочно избраны правые земледельцы Димитр Мацанкиев и Коста Тодоров, находившиеся в Англии и США, непосредственно на службе у своих империалистических хозяев и так и не решившиеся приехать в Болгарию. В постоянное бюро вошли Гемето (в качестве главного секретаря), Никола Петков (в качестве главного редактора газеты „Земледельско знаме“) и Асен Павлов.

Так руководство БЗНС оказалось в руках агентуры англо-американского империализма, поведшей эту организацию по пути раскола союза рабочих и крестьян, по пути подрыва народно-демократической власти Отечественного фронта.

В этой своей деятельности группа Гемето — Петкова всемерно старалась использовать реакционную, так называемую „сословную“ теорию, сформулированную в программе, принятой еще на VII конгрессе БЗНС в 1905 г. и теперь как нельзя лучше отвечавшей антинародным целям, которые поставили перед собой враги болгарских трудящихся. Речь Гемето на упомянутой выше конференции (на тему „Идеология и борьба земледельческого движения“) представляла собой не что иное, как попытку вновь „обосновать“ эту теорию и „доказать“ необходимость единовластия Земледельческого союза. Такая же попытка была сделана и в принятой на конференции резолюции.¹

Отрицая существование антагонистических противоречий между эксплуатируемыми и эксплуататорскими классами, так же как и существование самих классов, реакционные лидеры Земледельческого союза пропагандировали глубоко реакционную теорию о том, будто общество делится не на классы, а на враждебные друг другу сословия. Они уверяли, что все сельское население, в том числе бедняки, середняки, кулаки, сельские капиталисты составляют одно сословие, внутри которого нет никаких социальных противоречий. Крестьянскому сословию они противопоставляли городское сословие, тоже без разделения на классы, которое будто бы угнетает и эксплуатирует сословие крестьян и находится в непримиримом противоречии с ним.²

Не ограничиваясь пропагандой этой вредной, реакционной теории, геметовцы предпринимают и практические шаги, явно противоречащие

¹ „Земледельско знаме“, 18 октября 1944 г.

² В конце 1948 г., после очищения БЗНС от наиболее отъявленных вражеских кулацко-капиталистических элементов, была проведена его идейная переориентация на основе отказа от сословной теории и признания принципа классовой борьбы.

В резолюции, принятой на состоявшемся в конце октября — начале ноября 1948 г. пленуме высшего совета БЗНС (в разделе о союзной политике), в частности, говорится:

„1. Высший совет Союза... считает, что БЗНС является организацией трудя-

их лицемерным официальным декларациям о верности делу Отечественного фронта и о необходимости укрепления союза рабочих и крестьян.

Прежде всего, как мы уже видели, началось усиленное засорение местных организаций Земледельческого союза кулацкими и другими реакционными элементами, которые установили связь с городскими эксплуататорскими элементами для общей борьбы против коммунистической партии, Отечественного фронта и единства трудящихся масс. Эта общность интересов реакционных элементов города и деревни никак не вязалась с сословным принципом, и в таких случаях о нем забывали.

Гемето через своих агентов стал пропагандировать провокационный лозунг создания самостоятельного правительства Земледельческого союза на основе сословного принципа. Касаясь этой деятельности Гемето, один из его сообщников, Гочо Стефанов, показывал на процессе по делу Николы Петкова в 1947 г., что еще 14 октября 1944 г. он получил от Гемето директиву связаться со всеми единомышленниками и побудить их занять ответственные посты в Земледельческом союзе и в Отечественном фронте с тем, чтобы подготовить создание самостоятельного правительства Земледельческого союза. „Болгария — крестьянская страна, — заявил Гемето, — и ею должны управлять крестьяне“. При этом он сообщил, что его иностранные друзья обещали ему полную моральную и материальную поддержку в борьбе против коммунистов и за создание самостоятельного правительства БЗНС.¹ В этой же беседе Гемето выразил свое резко отрицательное отношение к комитетам Отечественного фронта, заявив, что надо добиваться их роспуска в самое ближайшее время.

В целях свержения власти Отечественного фронта Гемето выдвигает провокационные пораженческие лозунги, подстрекает к саботажу и вредительству, путем распространения злостных клеветнических слухов пытается внести смуту и разложение в ряды сражающейся на фронте против гитлеровской Германии болгарской армии, а также в среду народных масс, напрягающих все свои силы для достижения победы. В самый напряженный период борьбы с внутренней реакцией, в разгар войны с гитлеровской Германией агенты Гемето распространяют на фронте и в тылу листовки с лозунгами: „Мир, хлеб и свобода“.

В тот период лозунг мира мог означать лишь одно: прекращение военных действий болгарской армии против гитлеровцев, которые еще стояли на болгарской границе. Агитируя среди солдат, чтобы они не

щихся крестьян-бедняков и середняков и что в его боевых рядах нет места скрытым врагам, кулацко-капиталистическим элементам. . .

3. Высший совет Союза одобряет отказ БЗНС от сословного принципа, как принципа, отвергнутого жизнью и законами прогрессивного общественного развития, принципа, который на деле приводит к расколу сил трудящихся города и деревни и используется как прикрытие реакционными кулацко-капиталистическими элементами в деревне.

4. Высший совет Союза настоятельно рекомендует развертывание широкой общественной и просветительно-политической деятельности в целях перевоспитания членов БЗНС в духе и принципах народной демократии и строительства социализма.

5. Высший совет Союза вменяет в долг союзному руководству продолжать упорную и неустанную работу по укреплению могучего союза рабочих и крестьян, который, под руководством рабочего класса и его коммунистической партии, под знаменем Отечественного фронта, единственно в состоянии построить социализм в нашей стране“ (см. „Отечествен фронт“, 3 ноября 1948 г.).

¹ „Le procès Nicolas D. Petkov“. Sofia, 1947, pp. 174—175.

отправлялись на фронт, подбивая их родителей и близких на посылку телеграмм и писем с протестом правительству Отечественного фронта, геметовцы, в полном согласии с англо-американскими империалистами и германскими фашистами, пытались вызвать пораженческое настроение на фронте и в тылу, сорвать участие в Отечественной войне болгарского народа, стремившегося занять достойное место среди свободлюбивых демократических народов.¹

Пораженческая деятельность геметовцев в период Отечественной войны была полностью разоблачена на состоявшемся в мае — июле 1946 г. процессе над Гемето и его ближайшими помощниками. Для иллюстрации укажем на некоторые из приводившихся на этом процессе фактов.

Свидетель генерал-майор Боян Болгаранов, бывший помощник командира 2-й болгарской армии, действовавшей против гитлеровских войск в направлении Ниш — Косово Поле — Скопле, сообщил на суде: «Дух 2-й армии, насчитывавшей в своем составе шесть дивизий и дополнительные части, непосредственно после 9 сентября был исключительно высоким и патриотическим. На поле боя я заметил серьезные случаи вражеской пропаганды, целью которой было сорвать боевой порыв солдат. На меня произвел сильное впечатление тот факт, что в то время, как в тылу Отечественный фронт выдвигал лозунг: „Все для фронта, все для победы“, — геметовцы выдвигали лозунг: „Мир“. Пораженческий лозунг о мире ослаблял дисциплину армии, убивал ее дух, сильно действовал на наименее устойчивых. Он поощрял остатки фашизма в армии. В армии, вследствие вражеской пропаганды, произошли бунты. Вместо лозунга: „Вперед на Берлин!“, — пораженцы выступали с лозунгами: „На Софию!“. Как выяснилось позже, геметовцы заставляли родственников солдат писать им письма, содержащие клевету на органы власти Отечественного фронта и призывающие их вернуться домой».

Пораженческая деятельность геметовцев продолжалась и даже усилилась во втором периоде участия Болгарии в войне. Характерно, что вскоре немцы, разузнав о лозунгах геметовцев, начали передавать их через свои громкоговорители на линию фронта.² Имели место случаи отказа солдат выехать на фронт, как, например, в г. Шумене, где секретарь областной организации БЗНС, геметовец Лазаров и адвокат Петко Тимлев, посетившие казарму, в своих выступлениях заявляли бойцам, что бунты в армии теперь — обычная вещь, ибо крестьяне несут гораздо больше жертв, чем горожане. Как сообщил свидетель полковник Огнянов, геметовцы писали свои лозунги („Смену!“, „Назад в Болгарию!“, „Мир, хлеб, свобода и народовластие!“ и др.) на папиросных коробках, на листовках и т. п. На суде было доказано, что гитлеровцы использовали колебания некоторых частей, нападая именно там и нанося большой урон.³

¹ Тот факт, что англо-американские империалисты всячески пытались сорвать участие болгарского народа в войне против гитлеровской Германии, был подтвержден и материалами происходивших в Болгарии в последующие годы процессов шпионов и заговорщиков. Так, на происходившем в Софии в начале марта 1950 г. судебном процессе группы американских шпионов в Болгарии свидетель Гаврил Цветанов показал: „После 9 сентября 1944 г. американская и английская разведки в качестве основной задачи ставили — не допустить вступления Болгарии в войну против Германии. С такими инструкциями приехал в страну Г. М. Димитров (Гемето)“ („Правда“, 9 марта 1950 г.).

² „Работническо дело“, 12 июня 1946 г.

³ „Отечествен фронт“, 3 июля 1946 г.

Такой же провокационный и антидемократический смысл имели и лозунги геметовцев о „хлебе и свободе“. Лозунг о „хлебе“ в момент, когда страна ощущала острую нехватку продовольствия в результате гитлеровского грабежа и затруднений военного времени, носил явно демагогический характер и имел целью сорвать поставки крестьянами сельскохозяйственных продуктов, а лозунг о „свободе“ в условиях народно-демократической власти Отечественного фронта мог выражать лишь требование предоставления свободы арестованным фашистским преступникам. Подобный же характер имели и выступления этих агентов реакции против народной милиции, против института помощников командиров в армии, против Займа свободы, заключения торгового договора с Советским Союзом и т. п.

В этом ряду антинародных выступлений геметовцев и других реакционеров стоит и принятие так называемого „постановления № 4“ — одна из наиболее наглых попыток болгарской реакции помешать проведению чистки и демократизации армии и укрыть фашистских офицеров и военных преступников от народного суда с тем, чтобы использовать их в дальнейшей борьбе против власти Отечественного фронта.

23 ноября 1944 г. входившие в состав правительства замаскированные реакционеры во главе с Николой Петковым и Дамяном Велчевым (в то время военный министр) провели за спиной министерско-коммунистов и Национального комитета Отечественного фронта указанное постановление, дававшее фашистам и военным преступникам, против которых было возбуждено судебное дело, возможность избежать наказания путем вступления, „для искупления вины“, в армию и отправки на фронт. В случае ранения, награждения орденом или получения положительного отзыва начальства, они вообще освобождались от всякой ответственности за совершенные ими антинародные преступления. Тем из них, которые просто примут участие в войне и ничем не проявят себя, наказание сокращалось до минимума. Согласно тому же постановлению, военный министр получал право по своему усмотрению определять, какие именно лица могут быть освобождены от ответственности.¹

Вслед за „постановлением № 4“ Дамян Велчев издал провокационный приказ, предписывающий офицерам ходить по улицам лишь группами и в полном вооружении, оказывать вооруженное сопротивление органам милиции в случае попытки их ареста и т. п.

Эти мероприятия должны были не только помочь фашистским преступникам укрыться от справедливой кары народного суда, но и содействовать дальнейшему засорению армии реакционными элементами.

Рабочая партия (коммунистов) решительно выступила на защиту демократических завоеваний болгарского народа, против „постановления № 4“ и последовавших за ним приказов. 4 декабря 1944 г. политбюро ЦК БРП(к) опубликовало заявление, в котором указывалось, что оно считает это постановление противоречащим программе Отечественного фронта и идущим вразрез с чувствами и интересами болгарского народа. „Это постановление. — говорилось в заявлении политбюро, — было принято в отсутствии и без согласия министерств-

¹ „Отечествен фронт“, 3 декабря 1944 г.

коммунистов и без консультации с Национальным комитетом Отечественного фронта. Мы считаем, что судить тех офицеров, унтер-офицеров и солдат, которые хорошо проявили себя на фронте и полностью или частично искупили свою вину, надлежит Народному суду, а не тому или другому министру по его усмотрению. Рабочая партия (коммунистов) настаивает на том, чтобы правительство немедленно отменило это постановление“.¹

Одновременно ЦК БРП(к) выступил со специальной декларацией, в которой отмечал, что создание народно-демократической армии невозможно без очищения армии от фашистских элементов и что, несмотря на сопротивление некоторых кругов, БРП(к) будет бороться за то, чтобы чистка армии была закончена в самое ближайшее время.

Рабочая партия (коммунистов) использовала вопрос о „постановлении № 4“ для того, чтобы поднять широкие массы болгарских трудящихся на защиту завоеваний 9 сентября, на укрепление единства Отечественного фронта.

Орган партии газета „Работническо дело“ решительно разоблачала врагов этого единства. „Некоторые люди, — писала она 4 декабря 1944 г., — считающие себя представителями БЗНС, пытаются восстановить крестьян и рабочих против друга. Они используют для этого собрания, которые созываются от имени Отечественного фронта“. В качестве примера газета приводила случай, когда заместитель председателя бургасского областного комитета Отечественного фронта, доктор Ханджиев, заявлял, что единственной партией, отвечающей интересам крестьян, является БЗНС, и поэтому крестьяне должны входить только в ряды этого Союза, что тяжесть перемирия ложится только на плечи болгарских крестьян, что Болгария Отечественного фронта должна быть построена на принципах БЗНС и т. п. Газета обращала внимание также на речь секретаря Народного союза „Звено“ Попзлатева, произнесенную им 19 ноября в г. Трявна от имени Отечественного фронта и содержавшую ряд клеветнических заявлений в отношении народной милиции, народного суда и Советского Союза.

Указывая, что в основе Отечественного фронта лежит последовательная борьба за осуществление его программы, за полное уничтожение фашизма, газета „Работническо дело“ писала:

„Всякое отклонение от этой борьбы, откуда бы оно ни исходило, какую бы форму оно ни принимало, подрывает боевое единство Отечественного фронта и должно быть решительно отвергнуто. Отечественный фронт возник и развивался... как широкое национальное движение всех прогрессивных сил в стране во имя борьбы против предательской фашистской клики, во имя создания свободной, независимой и демократической Болгарии. Это боевое единство возможно лишь при условии полного единодушия между участниками Отечественного фронта в вопросе проведения программы Отечественного фронта. Вот почему всякая попытка действовать вразрез с программой Отечественного фронта... должна быть осуждена всеми участниками движения Отечественного фронта. Мы говорим это потому, что некоторые круги пытаются проводить тенденции, чуждые программе Отечественного фронта. В основе этих тенденций лежит мнение, будто с фашизмом у нас покончено, будто главным врагом теперь являются

¹ „Работническо дело“, 4 декабря 1944 г.

коммунисты, будто гвардейские части должны быть разоружены и все внимание должно быть направлено против народной милиции, министерства внутренних дел и т. п.“.

Под руководством и по призыву БРП(к) на защиту демократических завоеваний болгарского народа поднялись все здоровые силы Отечественного фронта, широчайшие массы трудящихся. По всей стране прокатилась волна грандиозных митингов и демонстраций с требованием отмены „постановления № 4“ и сурового наказания фашистских преступников. По требованию масс местные, околийские и областные комитеты Отечественного фронта один за другим принимали резолюции и слали правительству телеграммы с протестом против „постановления № 4“. „Комитет считает, — говорится, например, в резолюции Старо-Загорского околийского комитета Отечественного фронта, принятой 5 декабря, — что это постановление коренным образом расходится с программой Отечественного фронта, подрывает его внутреннее единство и представляет собой грубое нарушение обязательств болгарского правительства в отношении союзников“. „Фронт не нуждается в палачах“, — говорилось в телеграмме протеста Русенского областного комитета Отечественного фронта. 6 декабря на предприятиях Софии состоялись собрания и митинги, участники которых потребовали немедленной отмены „постановления“, чистки государственного аппарата от фашистских элементов, ускорения народного суда, строгого наказания фашистских преступников, призывали к борьбе за единство Отечественного фронта. В тот же день в г. Хасково состоялся 30-тысячный митинг протеста против принятия „постановления № 4“; столько же человек присутствовало на митинге в Бургасе. Митинги состоялись в Стара-Загоре, Пазарджике, Ямболе и во многих других населенных пунктах страны.¹

Кульминационным пунктом этого всенародного движения явился созданный в Софии 7 декабря, по инициативе областного комитета Отечественного фронта, 150-тысячный митинг, на котором присутствовали, наряду с рабочими и другими трудящимися города, все части Софийского гарнизона. Над морем голов возвышались плакаты с лозунгами: „К позорному столбу отступников от дела 9 сентября!“, „Выполнить до конца программу Отечественного фронта!“, „Фронт — поле чести, а не укрытие для преступников!“, „Очистить государственный аппарат от фашистских элементов!“, „Требуем отмены «постановления № 4»!“.²

Эти многочисленные протесты, митинги и демонстрации с такой очевидностью показали силу и непреклонную волю болгарских трудящихся, что Гемето, Петков, Велчев и их сообщники были вынуждены капитулировать. Тут же, на митинге в Софии, было объявлено об отмене „постановления № 4“.

14 декабря 1944 г. Совет министров опубликовал декларацию, в которой заявлял, что правительство, „принимая во внимание внушительно проявленную волю болгарского народа сохранить единство антифашистских сил Отечественного фронта и довести до конца дело 9 сентября“, примет все меры к быстрейшему, твердому и последовательно выполнению программы Отечественного фронта.³

¹ „Отечествен фронт“, 7 декабря 1944 г.

² „Отечествен фронт“, 8 декабря 1944 г.

³ „Отечествен фронт“, 14 декабря 1944 г.

Комментируя движение болгарских трудящихся против происков реакции, газета „Отечествен фронт“ писала в передовой статье: „Открытое указание на ошибки и на несовместимые с программой Отечественного фронта действия может пугать только врагов Отечественного фронта, которые видят в этом разоблачение некоторых из своих методов действия. Однако оно повысит бдительность широких народных масс, еще больше поднимет авторитет комитетов Отечественного фронта и еще крепче сцементирует боевое единство его рядов“.¹

Неустанная работа БРП(к) по разоблачению контрреволюционной сущности геметовщины привела к росту оппозиции против Гемето со стороны широких масс Земледельческого союза, требовавших укрепления Отечественного фронта и очищения БЗНС от вражеских элементов. Под давлением масс в январе 1945 г. Гемето вынужден был уйти с поста секретаря БЗНС. Однако его интриги внутри Союза не прекратились и после этого.

В апреле 1945 г. в ряде окол и областей Болгарии состоялись конференции БЗНС, посвященные вопросу организационного и политического состояния Союза. Большинство этих конференций (в Варненской, Плевенской, Бургасской, Вратчанской областях, в Старо-Загорской околии и др.) осудило подрывную деятельность геметовцев.

Так, например, в резолюции Варненской областной конференции говорилось: „Мы самым категорическим и решительным образом осуждаем раскольническую и пораженческую деятельность некоторых товарищей из руководства Союза, назначенных бывшим главным секретарем Союза д-ром Димитровым (Гемето), деятельность, которая является ударом по единству БЗНС, по единству партий Отечественного фронта и искренности их взаимоотношений и, вдобавок, ударом, направленным против будущности нашего народа и нашего государства. Конференция требует снятия раскольников и исключения их из Союза, независимо от занимаемых ими постов.“

Конференция самым строжайшим образом осуждает всех тех, кто накануне победы над кровавым фашизмом выдвигает пораженческие лозунги (как, например, лозунг: „Мир, хлеб и свобода“), которые в нынешний исторический момент выгодны только фашизму и затрудняют успешное ведение Отечественной войны; а между тем от нашего достойного участия в ней зависит наше будущее как народа и государства... .

Конференция настаивает на установлении братского взаимопонимания с товарищами из Рабочей партии (коммунистов), являющегося единственной гарантией того, что не повторятся горькие дни 9 июня и сентября 1923 года... .“²

Подобные же резолюции были приняты и на ряде других конференций БЗНС. Однако на некоторых конференциях (в Старо-Загорской и Пловдивской областях, Ломской околии и др.) геметовцам удалось путем давления добиться поддержки большинства участников. Проявления геметовщины имели также место на состоявшейся в начале апреля 1945 г. конференции Союза земледельческой молодежи.

В БЗНС создался кризис. Для его разрешения, под давлением массы рядовых членов и по инициативе группы прогрессивных деятелей

¹ „Отечествен фронт“, 6 декабря 1944 г.

² „Отечествен фронт“, 26 апреля 1945 г.

Союза (ибо геметовское руководство Союза не могло решиться на такой невыгодный для себя шаг), 8 мая была созвана продолжавшаяся два дня национальная конференция БЗНС, на которой присутствовало более 2 тыс. делегатов, представлявших все организации Союза. По своему составу и по важности принятых решений эта конференция имела значение партийного съезда. Делегаты конференции единодушно осудили геметовщину и приняли решение об очищении рядов БЗНС от геметовцев. На конференции была выражена твердая решимость укрепить Отечественный фронт и дружбу между БЗНС и БРП(к), а также дружбу и тесный союз с народами СССР и со всеми другими демократическими народами. Конференция полностью одобрила внешнюю и внутреннюю политику правительства Отечественного фронта.

Несмотря на свое полное политическое банкротство, Гемето, исключенный после конференции 8—9 мая из рядов БЗНС, продолжал плести интриги, направленные на раскол БЗНС и Отечественного фронта и даже усилил свою подрывную деятельность против народной власти. Взятый под домашний арест органами милиции, Гемето, воспользовавшись оплошностью охраны, бежал из-под надзора болгарских властей и укрылся на даче американского политического представителя в Болгарии, Майнарда Барнса. Затем с помощью своих иностранных хозяев Гемето был переправлен в США, откуда и по сей день продолжает обливать грязью болгарский народ и подготавливать провокации против народно-демократической Болгарии.

После провала Гемето реакционное крыло Земледельческого союза возглавил Никола Петков, начавший вскоре открытую борьбу против БРП(к) и Отечественного фронта. Натолкнувшись на решительный отпор прогрессивных сил БЗНС, Петков и его группа повели линию на раскол Союза.

Кулацко-капиталистическая оппозиция Гемето — Петкова была самым сильным и многочисленным отрядом болгарской реакции.

Другой ее частью были правые социалисты во главе со старым социал-фашистом, врагом болгарских рабочих Крыстю Пастуховым.

Еще 2 ноября 1944 г., на заседании высшего партийного совета социал-демократической партии, Пастухов выступил с антисоветской и антидемократической речью, явившейся подтверждением того, что он не порвал со своим реакционным прошлым, и свидетельствующей о попытках правых социал-демократических кругов выступить против единства Отечественного фронта. Пастухов все же был избран в состав ЦК социал-демократической партии.¹ Тогда же по этому поводу газета „Работническо дело“ писала: „Пастуховы не были и не могут быть в рядах Отечественного фронта. То, что происходит в социал-демократической партии, возбуждает в рядах Отечественного фронта недоумение и наводит на серьезные размышления. Появление Крыстю Пастухова в ЦК БРСДП является большим минусом для этой партии, и ее честь и будущее, как партии, входящей в Отечественный фронт, зависят от того, найдет ли она в себе силы, чтобы ликвидировать этот минус“.²

Пробравшись в руководство социал-демократической партии, группа правых социал-демократов — Пастухов, Чешмеджиев, Лулчев и другие

¹ „Народ“, 4 ноября 1944 г.

² „Работническо дело“, 6 ноября 1944 г.

обанкротившиеся политиканы — всячески культивировали в партийных рядах безидейность и бездействие, облегчавшие проведение вражеской деятельности, направленной на активизацию реакционных элементов внутри страны, на борьбу против БРП(к) и единства Отечественного фронта. Обливая клеветой Советский Союз и болгарскую компартию, эта антинародная группа на все лады превозносила Второй Интернационал и особенно английских лейбористов. Это и неудивительно, ибо английские империалисты, действуя через лейбористскую партию, сумели превратить группу Пастухова в свою верную агентуру.

Однако прогрессивные силы одержали верх и в рядах социал-демократической партии. Реакционные элементы были изгнаны из БРСДП. 1 февраля и 29 мая 1945 г. по требованию рядовых членов БРСДП была проведена смена руководства партии. Фракционер Коста Лулчев был снят с поста генерального секретаря и заменен сторонником единства Отечественного фронта и сотрудничества с БРП(к) Димитром Нейковым. Эти изменения были утверждены XXVII съездом БРСДП, состоявшимся в начале августа 1945 г.

Таким образом, все более обострявшаяся борьба между прогрессивными и реакционными силами внутри БЗНС и БРСДП к середине 1945 г. привела, с одной стороны, к оформлению реакционных раскольнических групп в открытую оппозицию к Отечественному фронту, а с другой — к консолидации прогрессивных сил этих партий под знаменем Отечественного фронта во главе с БРП(к). Как известно, длительная и упорная борьба с оппозицией Петкова — Лулчева, являвшейся выразительницей интересов внешней и внутренней реакции, закончилась в 1947 г. полным ее разгромом. К этому же времени Отечественный фронт очистился и от некоторых реакционных элементов, возглавлявших правое крыло Народного союза „Звено“, — Дамяна Велчева, Христо Юрукова и других.

8. ПЕРВЫЙ КОНГРЕСС ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФРОНТА

Все более крепнущие под руководством Болгарской рабочей партии (коммунистов) единство и сплоченность демократических сил болгарского народа были ярко продемонстрированы на состоявшемся 9—12 марта 1945 г. Первом национальном конгрессе комитетов Отечественного фронта.

За полгода легального существования комитеты Отечественного фронта проделали огромную работу и завоевали важное место в общественно-политической жизни страны. В условиях ожесточенной борьбы прогрессивных сил Отечественного фронта во главе с БРП(к) против фашистских и других реакционных элементов, за разгром этих элементов и упрочение народно-демократической власти, комитеты все более крепили, несмотря на происки геметовской, никола-петковской, коста-лулчевской, а также глубоко законспирированной в то время трайчо-костовской агентуры реакции. Комитеты Отечественного фронта завоевали любовь и доверие всего болгарского народа. Под руководством Рабочей партии (коммунистов) они стали самой широкой общественной основой и опорой народно-демократической власти.

Именно поэтому Первый национальный конгресс комитетов Отечественного фронта явился в полном смысле слова всенародным

конгрессом, выразившим волю и чаяния всех прогрессивных, демократических сил болгарского народа.

Задачи, стоявшие перед конгрессом, были с предельной ясностью выражены в приветственном письме Георгия Димитрова конгрессу. Отметив, что Национальный конгресс призван подвести итоги пройденного пути со времени исторического 9 сентября и наметить мероприятия дальнейшего осуществления программы Отечественного фронта, вождь болгарского народа писал: „Перед конгрессом стоит много ответственных задач. Но самая решающая, самая высокая задача — это, несомненно, всестороннее укрепление Отечественного фронта как длительного боевого союза всех демократических прогрессивных сил страны, как живого воплощения антифашистского, патриотического единства болгарского народа. От этого, и прежде всего от этого, зависит все остальное — и успешное участие нашего народа в победоносном завершении Отечественной войны против немецко-фашистских варваров, и оздоровление хозяйственной жизни, и поднятие благосостояния народных масс, и благоприятное урегулирование международного положения нашей страны, и, наконец, обеспечение ее свободы, независимости и процветания“.

„Вот почему, — продолжал Г. М. Димитров, — внутренние и внешние враги болгарского народа, явные и тайные, так злобно, яростно, коварно пытаются подорвать боевое единство Отечественного фронта и дискредитировать его народное правительство. Именно поэтому мы должны как никогда усилить всенародную бдительность по отношению к этим врагам и их агентам, под какой бы маской они ни действовали. Сила и будущее нашего народа заключается в его боевом патриотическом единстве, воплощенном в Отечественном фронте“.

Вся работа Первого национального конгресса Отечественного фронта проходила под знаком этой борьбы за единство демократических сил болгарского народа и прежде всего за союз рабочего класса и трудового крестьянства.

На конгрессе был заслушан ряд докладов, в том числе доклад секретаря Национального комитета Отечественного фронта Цолы Драгойчевой о политической, организационной и хозяйственной деятельности Национального комитета после 9 сентября и о новых задачах Отечественного фронта, доклад премьер-министра Кимона Георгиева о деятельности правительства после 9 сентября 1944 г., доклады о продолжении войны против гитлеровской Германии, о политической роли комитетов в деле укрепления народной власти и очищения государственного аппарата от фашистских элементов, доклады о работе хозяйственной, женской и молодежной комиссий при Национальном комитете Отечественного фронта и другие.

Конгресс принял решения по вопросу о деятельности Национального и местных комитетов Отечественного фронта, а также о деятельности правительства Отечественного фронта. В принятых конгрессом резолюциях были подведены итоги пройденного со времени 9 сентября 1944 г. пути и намечены главные задачи комитетов и правительства Отечественного фронта.

¹ Георги Димитров. Речи, доклады, статьи, т. III. София, 1947, стр. 52—53.

7 Ученые записки, т. III

В своих решениях конгресс прежде всего подчеркнул решающее значение побед Советской Армии в деле освобождения Болгарии от германского ига и выразил глубокую признательность и благодарность болгарского народа „великим русским братьям и Красной Армии за наше вторичное освобождение“.

Вместе с тем конгресс отметил историческую роль Отечественного фронта, самоотверженную борьбу болгарского народа и особенно героическую борьбу участников партизанского движения. Отдав дань глубокого уважения светлой памяти павших в этой борьбе за свободу и независимость родины, конгресс послал самые сердечные приветствия строителям народно-демократической Болгарии.

Конгресс одобрил основное направление политики и деятельности Отечественного фронта и его правительства, подчеркнув, что проводимая им линия мобилизации и сплочения всех подлинно антифашистских, патриотических народных сил является единственно правильной и отвечающей национальным интересам страны.

Конгресс одобрил проведенную комитетами Отечественного фронта работу по чистке армии, по восстановлению дисциплины в войсках, по установлению доверия между солдатами и командирами, указал на благотворную роль помощников командиров в деле обновления армии и укрепления ее боеспособности. Приветствуя героические действия болгарской народной армии в Отечественной войне, конгресс подчеркнул, что активное участие Болгарии в войне против гитлеровской Германии, а также вклад, внесенный ею в освобождение Македонии и южной Сербии, являются необходимым условием для обеспечения независимости страны, для завоевания справедливого мира и достойного места в семье свободлюбивых народов.

Конгресс выразил свое одобрение проведенным комитетами Отечественного фронта и народной властью внутривластным и экономическим мероприятиям: организации народного суда, мобилизации трудящихся на увеличение производства, на укрепление трудовой дисциплины, на борьбу против спекуляции и черной биржи, за удовлетворение насущных нужд населения, установление известного контроля над производством и распределением и т. д. Особо была отмечена помощь комитетов Отечественного фронта при размещении народного „Займа свободы“.

Делегаты конгресса решительно выступили против происков гометовцев и других врагов народа, пытавшихся подорвать единство Отечественного фронта. В принятой конгрессом резолюции по этому вопросу говорилось: „Конгресс решительно осуждает попытки подкопаться под единство Отечественного фронта и требует от Национального комитета, чтобы он самым энергичным образом способствовал дальнейшему укреплению единства политических партий, составляющих Отечественный фронт, пресекая еще в зародыше всякие намерения противопоставить крестьян рабочим или наоборот, разоблачая в то же время вражеские и антинародные цели подобных намерений“.¹

Чтобы предоставить народу полную возможность свободно решать вопросы своего управления, Первый конгресс Отечественного фронта, по предложению Национального комитета, рекомендовал в ближайшее время провести свободные выборы в Народное собрание. В принятом

¹ „Отечествен фронт“, 14 марта 1945 г.

конгрессом наказе говорилось, что для проведения этих выборов необходимо выработать новый избирательный закон на основе следующих принципов:

- а) выставление на выборах общего избирательного списка Отечественного фронта;
- б) расширение прав молодежи и участие в выборах военнослужащих и милиционеров;
- в) проведение выборов на основе пропорциональной системы;
- г) предоставление избирателям права отзывать тех депутатов, которые нарушили бы избирательную платформу Отечественного фронта.

В резолюции о деятельности правительства конгресс, отметив, что правительство и впредь должно твердо и непоколебимо придерживаться проводимой им внешней и внутренней политики, единственной политики, отвечающей интересам болгарского народа, констатировал вместе с тем известную медлительность в проведении экономической части программы Отечественного фронта и сделал ряд рекомендаций. Важнейшие из этих рекомендаций следующие: принятие мер для усиления производства; упрощение государственного аппарата в целях уничтожения бюрократизма; безотлагательное принятие законов, имеющих жизненное значение, например, законов о ценах, о кооперативной обработке земли, о государственно-кооперативной монополии на табак, о прогрессивно-подходном налоге; установление твердых цен на товары первой необходимости и беспощадная борьба со спекуляцией и черной биржей. В резолюции говорилось, что правительство должно принимать еще более энергичные меры для быстрого и окончательного очищения государственного аппарата от фашистских элементов и для окончательного устранения проявлений реакции в законодательстве.

Наконец, конгресс выразил убеждение, что для успешной борьбы против фашизма и реакции, для разрешения хозяйственных задач и для создания новой демократической Болгарии необходимо осуществить с еще большей энергией тесное сотрудничество правительства с Национальным и местными комитетами Отечественного фронта.

Проведенный в обстановке большого народного подъема, Первый конгресс Отечественного фронта сыграл большую роль в деле сплочения и мобилизации демократических сил болгарского народа во главе с рабочим классом и под руководством БРП(к) — на защиту завоеваний 9 сентября и борьбу за создание условий для дальнейшего развития режима народной демократии.

„Первый национальный конгресс комитетов Отечественного фронта, — говорилось в принятом конгрессом обращении к болгарскому народу, — по своему единодушию, по своей образцовой дисциплине, по блестяще проявленному сплочению представителей народа и правительства, по своей конструктивной критике и самокритике явился не только чрезвычайно важным событием в нашей истории, но и оглушительной пощечиной всем явным и тайным врагам Отечественного фронта, всем врагам Болгарии. Конгресс знаменует новый этап в развитии и укреплении Отечественного фронта — еще большее сближение между силами Отечественного фронта, сближение, которое так необходимо для блага нашей родины, для разрешения всех задач, имеющих для нее жизненное значение, для успешного участия нашего народа

в победоносном окончании Отечественной войны против германо-фашистских захватчиков, для оздоровления нашей хозяйственной жизни, для поднятия уровня благосостояния нашего народа, для благоприятного урегулирования международного положения нашей страны и для обеспечения ее свободы, независимости и процветания“.¹

* * *

9 мая 1945 г. фашистская Германия, поставленная на колени героической Советской Армией, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию. Обращаясь в связи с этим к народу, товарищ Сталин заявил: „Вековая борьба славянских народов за своё существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией... Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития“.²

После победоносного окончания Отечественной войны, в которой принял посильное участие и болгарский народ, центральной задачей БРП(к), Отечественного фронта и народно-демократического правительства стала борьба за справедливый мир, за защиту национального суверенитета и территориальной целостности страны, за восстановление ограбленного фашистами и разоренного войной народного хозяйства. Эти задачи приходилось разрешать в обстановке продолжавшейся и все более усиливавшейся ожесточенной борьбы против внутренней и внешней реакции.

Развитие Отечественного фронта и в этот период совершалось в условиях ожесточенной классовой борьбы между центробежными раскольничьими силами в его среде, действовавшими по директивам внутренней и иностранной реакции, и его демократическими силами во главе с БРП(к).

Ярким проявлением все более крепнущего морально-политического единства болгарских трудящихся явилось предпринятое в начале февраля 1948 г., по инициативе и под руководством БРП(к), преобразование Отечественного фронта в единую общественно-политическую организацию болгарского народа с общим уставом и общей обновленной программой, в которой сформулированы были новые задачи строительства социализма.

Еще 15 октября 1947 г. в речи, произнесенной в Софии, секретарь ЦК БРП(к) тов. Вылко Червенков со всей силой подчеркнул необходимость этого преобразования. „Отечественный фронт, — заявил он, — никогда не был простой коалицией партий. Он возник как народное движение под руководством коммунистов и укрепился как народное движение. Вместе с тем, он был и коалицией партий. Никогда, однако, центр тяжести Отечественного фронта не находился на коалиционной стороне его.

Что значит укрепить Отечественный фронт теперь? Это значит превратить окончательно Отечественный фронт в единую общественно-политическую организацию демократических сил Болгарии. Необходимо перейти к выборности комитетов Отечественного фронта на общем собра-

¹ „Отечествен фронт“, 16 марта 1945 г.

² И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е, стр. 193—194.

нии членов всех партийных и массовых организаций Отечественного фронта с участием также и беспартийных. Таким образом мы будем иметь жизнеспособные и авторитетные комитеты, члены которых будут избираться не на основании принадлежности к той или другой политической организации, а в соответствии со своими заслугами в общенародной борьбе и в соответствии со своими личными, деловыми и политическими качествами. . .

Программу Отечественного фронта нужно дополнить и обновить, причем в ней нужно ясно указать перспективы развития нашей страны".¹

Для разрешения этих задач в начале февраля 1948 г. был созван Второй национальный конгресс Отечественного фронта.

Устав Отечественного фронта, принятый конгрессом, определяет, что Отечественный фронт является массовой общественно-политической опорой народной власти. Его основой является союз рабочего класса с трудящимся крестьянством, ремесленниками и прогрессивной интеллигенцией. Согласно уставу, Отечественный фронт строится как единая общественно-политическая организация болгарского народа, на демократических началах. Членом ее может быть каждый, без различия партийной принадлежности, национальности, веры и социального положения, признающий устав и программу Отечественного фронта и работающий в одной из его организаций. В составе Отечественного фронта остаются все входившие в него партии. Члены этих партий обязаны лично состоять членами местных организаций Отечественного фронта. Массовые общественные организации — Всеобщий рабочий профессиональный союз, Всеобщий земледельческий профессиональный союз, Всеобщий профессиональный союз ремесленников, Союз народной молодежи, Болгарский народный женский союз и Союз борцов против фашизма — состоят коллективными членами Отечественного фронта.

Решения Отечественного фронта обязательны как для индивидуальных членов, так и для политических партий и массовых организаций, участвующих в нем. Отечественный фронт строится на началах демократического централизма. В городах и селах он имеет местные организации, которые являются органами мобилизации широких народных масс для поддержки всех мероприятий народной власти и органами общественного контроля над деятельностью государственной власти на местах.

В новой программе Отечественного фронта, выработанной на основе проекта, предложенного Рабочей партией (коммунистов), поставлены такие задачи, как воспитание народных масс в духе народно-демократической конституции и свободолюбивых традиций болгарского народа; превращение Болгарии в передовую индустриально-аграрную страну; повышение материального благосостояния трудящихся; обеспечение национальной независимости, государственного суверенитета и территориальной целостности Народной республики; поднятие обороноспособности страны; проведение правильной национальной внешней политики, основанной на принципах прочного демократического мира, дружба и сотрудничество со всеми свободолюбивыми и демократическими народами, причем искренняя и нерушимая дружба с Советским Союзом является краеугольным камнем этой политики.

¹ „Отечествен фронт“, 16 октября 1947 г.

Реорганизация Отечественного фронта на основе решений его второго конгресса, а также принятие новой программы содействовали дальнейшему росту его популярности среди народных масс Болгарии. Всего месяц спустя после конгресса по всей стране было создано более 5300 местных организаций Отечественного фронта с 730 тыс. членов. К началу 1950 г. было уже 8 тыс. низовых организаций, в которые входило около 1100 тыс. членов. Реорганизация Отечественного фронта в значительной степени способствовала активизации его работы как подлинно народной общественно-политической организации, охватывающей широкие слои болгарских трудящихся. Дальнейшее укрепление морально-политического единства трудящихся под знаменем Отечественного фронта и под руководством БРП(к) способствовало вслед за слиянием социал-демократической партии с БРП(к) самороспуску и полному организационному слиянию с Отечественным фронтом Радикальной партии и Народного союза „Звено“ (февраль — март 1949 г.). Тем самым был сделан еще один шаг вперед по пути создания единой политической партии болгарских трудящихся — партии коммунистов — для руководства государством и обществом.

Под руководством Рабочей партии (коммунистов) за последние годы в общественно-политической и хозяйственной жизни Болгарии, несмотря на отчаянное сопротивление классового врага, были проведены крупнейшие преобразования революционного характера, которые по своей сущности равнозначны социалистическому перевороту.

Однако в Болгарии, так же как и в других странах народной демократии, задачи социалистической революции осуществлялись и осуществляются в иной исторической обстановке, иными темпами и при иных условиях, чем они осуществлялись в СССР. Народно-демократическая революция стала возможной прежде всего в результате исторических побед Советской Армии в войне против гитлеровской Германии и ее союзников, что привело к коренному изменению соотношения сил на мировой арене в пользу социализма.

Касаясь вопроса о возникновении стран народной демократии, тов. Молотов говорил: „Они возникли в результате военного разгрома фашизма в Европе и благодаря тому, что Советская Армия оказала помощь народам этих стран в деле их национального и социального освобождения. Завоевав себе свободу, народы этих стран оттеснили и сбросили с господствующих позиций эксплуататорские классы — капиталистов и помещиков — и установили строй народной демократии, основанный на союзе рабочих и крестьян во главе с рабочим классом, под руководством коммунистических и рабочих партий“.¹

В отличие от Советского Союза, болгарский рабочий класс, ввиду сложности обстановки, не сразу взял в свои руки всю полноту власти, не сразу занял безраздельно господствующее положение в общественно-политической и хозяйственной жизни страны. Как правильно отмечалось в советской печати, в Болгарии, так же как и в других странах народной демократии, „процесс окончательного разрушения всех остатков прежней государственности и осуществления диктатуры пролетариата был относительно длительным и осуществлялся особыми методами в условиях все большего укрепления господствующего поло-

¹ „Правда“, 11 марта 1950 года.

жения рабочего класса“.¹ До сентября 1946 г., хотя и чисто формально, в Болгарии все еще существовала монархия. Буржуазно-кулацкая оппозиция была разгромлена лишь в 1947 г. Окончательная экспроприация класса капиталистов путем национализации промышленных предприятий и банков и, тем самым, ликвидация материальной основы для его существования была проведена в конце того же 1947 г. Так, шаг за шагом, в ожесточенной классовой борьбе, осложнявшейся интригами и происками англо-американского империализма, укреплялось господствующее положение болгарского рабочего класса, его союз с трудовым крестьянством, укреплялся строй народной демократии как политической формы диктатуры пролетариата. Вместе с тем непрерывно возрастал авторитет Рабочей партии (коммунистов) как общепризнанного руководителя болгарских трудящихся.

¹ „Вопросы философии“, 1949, № 1, стр. 50.

И. Н. Мельникова

КАК БЫЛА ВКЛЮЧЕНА ЗАКАРПАТСКАЯ УКРАИНА В СОСТАВ ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1919 г.

Всемирно-историческое значение великой победы советского народа над германским фашизмом заключается в том, что советский народ в годы Великой Отечественной войны не только отстоял свободу и независимость своей социалистической родины, но и своей самоотверженной борьбой спас цивилизацию Европы от фашистских погромщиков, освободив от фашистского рабства миллионы людей Европы, возвратив независимость многим европейским государствам, поработанным фашистской Германией.

Выполняя великую освободительную миссию, Советская Армия осенью 1944 г. изгнала немецко-мадьярских оккупантов из Закарпатской Украины, освободив от фашистского рабства закарпатских украинцев, которые, в силу сложившихся исторических обстоятельств, в течение многих веков были оторваны от своей родины — Украины и находились под игом чужеземных завоевателей. Трудящиеся Закарпатской Украины никогда не мирились со своим угнетенным положением. На протяжении всей своей истории закарпатские украинцы вели упорную борьбу за национальное освобождение, за воссоединение со всем украинским народом. И когда Советская Армия изгнала фашистских оккупантов с закарпато-украинской земли, начав тем самым освобождение от фашистского ига всей территории Чехословакии, население Закарпатской Украины, испытывая безграничную благодарность к героической Советской Армии и гениальному вождю и полководцу великому Сталину за освобождение из немецко-мадьярского фашистского ярма, решительно заявило о своем желании воссоединиться с Советской Украиной. Решения об этом принимались на многочисленных народных собраниях, проходивших во всех городах и селах Закарпатской Украины. 26 ноября 1944 г. в Мукачево собрался первый съезд Народных Комитетов Закарпатской Украины, который, в согласии с непоколебимой волей всего народа, записал в своем манифесте:

„1. Воссоединить Закарпатскую Украину со своей великой матерью Советской Украиной и выйти из состава Чехословакии.

2. Просить Верховный Совет Украинской Советской Социалистической Республики и Верховный Совет Союза Советских Социали-

стических Республик включить Закарпатскую Украину в состав Украинской Советской Социалистической Республики“.¹

Признавая законность этого общенародного стремления украинцев Закарпатья, правительство освобожденной Советской Армией Чехословацкой республики подписало 29 июня 1945 г. договор с Советским правительством о выходе Закарпатской Украины из состава Чехословакии и воссоединении ее с Советской Украиной. Этот договор, завершивший объединение всего украинского народа в границах единого государства и потому явившийся событием величайшей исторической важности в жизни украинского народа, был результатом мудрой сталинской внешней политики Советского правительства и вместе с тем дружественным актом со стороны Чехословакии, образцом взаимопонимания и братского разрешения вопроса, затрагивающего интересы двух соседних дружественных государств, свидетельством крепнущей дружбы между освобожденной демократической Чехословакией и Советским Союзом.

„Настоящий Договор, — говорил В. М. Молотов в своей речи 29 июня 1945 г. при подписании договора, — является яркой демонстрацией искренней дружбы между славянскими народами и братского сотрудничества между Советским Союзом и Чехословакией“.²

Совсем иначе в свое время решался вопрос об исторической судьбе Закарпатской Украины буржуазным правительством Чехословакии.

Чехословацкая республика возникла в 1918 г. как буржуазное многонациональное государство, при господстве чешской буржуазии. Решающим фактором в образовании Чехословацкой республики в 1918 г. была Великая Октябрьская социалистическая революция.

Министр информации Чехословацкой народно-демократической республики В. Копецкий в своем докладе, посвященном 30-й годовщине Чехословацкой республики, говорил: „Без Советского Октября 1917 г. не было бы Чехословацкого Октября 1918 г., не было бы свободы чешского и словацкого народов, не возникло бы самостоятельное государство — Чехословацкая республика 1918 года. Это неопровержимая историческая истина“.³

Независимая Чехословакия возникла на развалинах австро-венгерской империи в результате мощного революционного движения народных масс. Пролетариат, возглавивший борьбу чешского и словацкого народов за самостоятельное Чехословацкое государство, боролся за республику социалистическую, по примеру первого в мире социалистического государства — Советской России. Чешская и словацкая буржуазия больше всего опасалась революционного социалистического движения. Она обратилась к империалистам Запада, чтобы с их помощью задуть революционную борьбу народных масс и утвердить во вновь создающемся государстве свое классовое господство.

Империалисты Антанты приложили все усилия к тому, чтобы подчинить Чехословацкую республику своему империалистическому влиянию, сделать ее участницей устанавливаемого ими нового империалистического порядка в Европе, использовать ее для удушения растущего

¹ „Возз'єднання українського народу в єдиній українській радянській державі. 1939—1949 рр.“ Збірник документів і матеріалів. Київ, 1949, стр. 163.

² „Внешняя политика СССР“, Сб. документов, т. V. М., 1947, стр. 703.

³ V. K o p e c k ý. Tricet let Československé Republiky (Referat na aktivu funkcionářů KSČ, 24. IX. 1948 г. v Praze). Praha, 1948, s. 5.

в Центральной Европе революционного движения, а также в своих агрессивных планах, замышляемых против Советской России. Отводя Чехословакии роль одного из важнейших опорных пунктов в санитарном кордоне против страны Советов, англо-французские и американские империалисты старались навязать Чехословакии устройство государства версальской системы. Они заботились не о свободе чешского и словацкого народов, а лишь о том, „как привязать Чехословакию к империалистическому Западу, как сделать ее барьером против революционизирующего влияния социалистического Востока, как превратить ее в одно из звеньев антисоветского кордона“.¹ Именно этим руководствовались империалисты на Парижской мирной конференции при решении вопроса о территориальном устройстве Чехословакии как буржуазного многонационального государства.

Решением Парижской конференции, оформленным в Сен-Жерменском договоре в 1919 г., в состав Чехословакии была включена и Закарпатская Украина, область, расположенная в Центральной Европе, на южных склонах и предгорьях Карпат, входившая ранее в состав Австро-Венгрии; площадь этой области составляла 12 600 кв. км, население — 726 тыс., подавляющее большинство которого, даже по фальсифицированным данным официальной венгерской статистики, составляли украинцы.

Присоединение Закарпатской Украины к Чехословакии было осуществлено вопреки воле и национальным стремлениям закарпато-украинского населения.

Закарпатская Украина (в различные времена называвшаяся по-разному: Закарпатской Русью, Угорской Русью, Подкарпатской Русью, Карпатской Украиной) — исконная восточнославянская область, входившая когда-то в состав Киевской Руси, но подвергшаяся в IX в. завоеванию мадьярских племен и после распада Киевского государства окончательно ставшая добычей Венгрии. С тех пор жестокий иноземный гнет тяготел над этой областью, задерживая ее экономическое, политическое и культурное развитие. В составе Венгрии Закарпатская Украина в 1867 г. была включена в образовавшуюся тогда Австро-Венгерскую империю Габсбургов, где господствовали немецкие и мадьярские помещики и буржуазия. Закарпатье было превращено во внутреннюю колонию Австро-Венгрии. Природные богатства Закарпатья — леса, полезные ископаемые — хищнически эксплуатировались мадьярскими и немецкими колонизаторами. Основу экономики этой области, превращенной в аграрный, сырьевой придаток более развитых в экономическом отношении районов Центральной Европы, составляло сельское хозяйство. Большая часть земель находилась в руках государства и крупных земельных магнатов. Одному графу Шенборну-Бухгайму принадлежали в Закарпатье громаднейшие земельные владения — 232 тыс. га (в том числе свыше 100 тыс. га пахотной земли), что составляло 21% всех земельных угодий Закарпатья. Крестьянам принадлежало всего 20% земли, пригодной для обработки. Безземельными и малоземельными были 70% крестьян. Капиталистическая эксплуатация в деревне сочеталась с феодально-крепостническими пережитками в виде церковной десятины и остатков барщины. Большая часть закарпато-украинского крестьянства обречена была на полуголодное

¹ V. Кореекú. Op. cit., s. 14.

существование. Особенно тяжело жилось украинским крестьянам горных районов — Верховины. Сюда, в горы, на неплодородные земли сгоняли крестьян немецкие и мадьярские помещики, расширявшие свои владения. Венгерский буржуазный экономист Эган, обследовавший в конце XIX в., по поручению австро-венгерского правительства, положение крестьян Закарпатской Украины, вынужден был признать, что на Верховине „вымирает земледельческий народ“.¹ Разорившиеся крестьяне шли в батраки к помещикам и кулакам или нанимались за гроши к немецким и венгерским капиталистам, владевшим промышленными предприятиями в Закарпатье.

В промышленном отношении Закарпатье было наиболее отсталой областью Австро-Венгрии. Промышленность была развита слабо и сводилась главным образом к добыче полезных ископаемых (соли, угля, каолина), эксплуатации лесных богатств и переработке некоторых продуктов сельского хозяйства. Накануне первой мировой войны наиболее крупными предприятиями в Закарпатье были четыре химические фабрики (в Великом Бычкове, Сваляве, Перечине, Туре-Быстрой), перерабатывавшие продукты лесного хозяйства. На этих фабриках было занято около 8 тыс. рабочих; на Солотвинских соляных копях работало 1300 рабочих. Если добавить к этому четыре небольших металлообрабатывающих завода, где было занято менее 500 рабочих, три стекольных завода, табачную фабрику в Мукачево, мелкие предприятия по переработке продуктов сельского хозяйства (мельницы, винокурни, пивоварни и т. д.), то составит почти полный перечень промышленных предприятий Закарпатья в этот период. Десятки тысяч сезонных рабочих нанимались на государственные и частновладельческие лесные промыслы, составляя в большинстве своем кадры сельскохозяйственного пролетариата.²

Эта весьма незначительная по своим размерам промышленность не могла обеспечить работой массы пролетаризировавшегося крестьянства. Тяжелое экономическое положение и национальный гнет были причиной массовой эмиграции закарпато-украинского населения, главным образом за океан, в Америку. Однако только небольшой части эмигрантов удавалось устроиться на чужбине. Большинство из них попадало в тяжелое капиталистическое рабство Нового Света, в кабалу к американским фермерам и капиталистам, а то и вовсе оставалось без работы. В рудниках Пенсильвании, на заводах Нью-Йорка, Детройта, на фермерских плантациях Канады загубили свою жизнь тысячи закарпатских украинцев. Часто неудачи на чужбине заставляли эмигрантов покидать чужие края и возвращаться на родину нищими, с подорванным здоровьем. Эмиграция из Закарпатья особенно усилилась накануне первой мировой войны. Венгерские помещики и капиталисты лишились дешевой рабочей силы, и это заставило правительство издать ряд законов, препятствовавших эмиграции.

Господствующее положение в экономике Закарпатской Украины занимали австрийские и венгерские помещики и капиталисты. Украинское население не представляло однородной социальной массы. Развитие

¹ E. Egan. *Hospodárský stav rusínských venkovanů v Uhrách*. Praha, 1922, s. 51.

² Закарпатский облгосархив, ф. 29, 1920 г., ед. хр. 38, лл. 20—133; „Bei do бою за краще життя на Закарпатті!“ — подпольная брошюра Подкарпатского Краевого комитета КПЧ, 1934 г.

капитализма усиливало классовую дифференциацию, формировалась местная национальная буржуазия, за счет разорения массы крестьянства росло количественно и усиливалось экономически кулачество. С ростом капитализма на Закарпатье обострялась классовая борьба, которая особенно усилилась в начале XX в., когда Австро-Венгрия вступила в период империализма.

Одним из основных средств утверждения австро-венгерского господства на западно-украинских землях был жестокий национальный гнет. Политику денационализации на Закарпатской Украине проводили венгерские помещики и буржуазия, пользуясь при этом услугами униатской церкви. Закарпатское население подвергалось насильственной мадьяризации; ему запрещено было пользоваться русским и украинским языками в школах, в общественной и культурной жизни. Законом 1907 г. население Закарпатья лишено было права даже разговаривать на родном языке.

Однако условия жестокого национального угнетения не могли ослабить борьбы украинских народных масс Закарпатья за сохранение своей народности, культуры, родного языка, за воссоединение со всей Украиной, за установление тесных взаимоотношений с братским русским народом. Этого стремления к воссоединению больше всего боялись мадьярские оккупанты. В 1913 г. они организовали Сигот-Марамарошский процесс, посадив на скамью подсудимых около 100 православных украинских крестьян из разных районов Закарпатской Украины, обвиняемых в симпатии к России, в государственной измене. Но процесс скандально провалился. Материалы, представленные на процессе, явились новым свидетельством преступной грабительской политики мадьярских оккупантов на Закарпатье и еще раз показали полную законность векового стремления закарпатских украинцев к воссоединению со своими восточными братьями. Это стремление особенно усилилось в период первой мировой войны, чему немало способствовало появление русских войск на Карпатах. Австро-венгерское правительство жестоко душило растущие симпатии славянского населения Закарпатья к России. Тысячи закарпатских украинцев были повешены, расстреляны, брошены в тюрьмы и концентрационные лагеря (Телергоф, Терезиенштадт, Шпильберг и др.). Мирное украинское население подвергалось зверствам и насилию: производились массовые реквизиции, старики и дети служили мишенью для упражнений в стрельбе немецких и мадьярских солдат, украинских девушек вывозили в публичные дома Вены и Будапешта. За сопротивление бесчинствам оккупантов по приказу австро-венгерского командования десятки закарпатских селений были сожжены. Мужское население подвергалось насильственной мобилизации в австро-венгерскую армию и отправлялось на русский фронт. Однако эти солдаты были, пожалуй, самой ненадежной частью австро-венгерской армии. Не желая воевать против России, они бросали оружие и массами сдавались в плен. Значительная часть этих военнопленных находилась под влиянием революционной пропаганды, проводимой в армии русскими большевиками.

Происшедшая в октябре 1917 г. социалистическая революция в России, означавшая „коренной перелом в истории человечества“,¹ глубоко потрясла основы мировой капиталистической системы и вы-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 10, стр. 240.

звала мощный подъем освободительной борьбы угнетенных народов, в том числе и неполноправных народов Австро-Венгрии. „Октябрьская революция является первой в мире революцией, которая послужила для рабочих и солдат Запада живым спасительным примером и толкнула их на путь действительного освобождения от гнёта войны и империализма“.¹ Одним из красноречивых свидетельств этого, как указывает товарищ Сталин, была „революционная борьба неполноправных народов Австро-Венгрии против национального гнёта...“.²

Великая Октябрьская социалистическая революция, образование Украинского Советского государства явились революционизирующими факторами огромной важности для трудящихся украинских земель, оставшихся в составе Австро-Венгрии. Под могучим влиянием этих факторов началось массовое революционное и национально-освободительное движение и на Закарпатской Украине. В развитии революционного движения в Закарпатье большую роль играли военнопленные, возвращавшиеся на родину из Советской России и Украины, где они были свидетелями, а часто и участниками, революционных событий. Многие из военнопленных в России вступили в иностранные группы Российской коммунистической партии, пройдя в них школу практической борьбы за завоевание и упрочение советской власти. Вернувшись на родину, они становились пропагандистами идей большевизма, руководителями и активными участниками революционного движения. На это указывал В. И. Ленин в своем докладе на VIII съезде РКП(б): „Сотни тысяч военнопленных из армий, которые империалисты строили исключительно в своих целях, передвинувшись в Венгрию, в Германию, в Австрию, создали то, что бациллы большевизма захватили эти страны целиком“.³ Особенно широкий размах приобрело революционное движение в Закарпатье с осени 1918 г., когда здесь появляются первые группы коммунистической партии Венгрии.

Буржуазная революция, вспыхнувшая в Венгрии в октябре—ноябре 1918 г., имела своим следствием уничтожение монархии и объявление республики. Но пришедшее к власти буржуазное правительство не решило и не могло решить ни рабочего, ни аграрного, ни национального вопросов, поставленных народными массами. Революционное движение в стране продолжало расти, широко распространившись и на национальные окраины. Веками эксплуатировавшиеся венгерскими, немецкими и украинскими помещиками и буржуазией, трудящиеся массы Закарпатской Украины поднялись на борьбу за свое социальное и национальное освобождение. По всему Закарпатью рабочие и крестьяне для охраны революционного порядка создавали местные революционные советы — народные рады — и отряды народной милиции. Веками страдавшее от безземелья и малоземелья трудящееся крестьянство Закарпатской Украины, уже знавшее об изданном советской властью в России революционном декрете о земле, повсеместно выступало против помещиков; началось распределение помещичьих земель между крестьянами, вырубались панские леса. В ноябре 1918 г. в Великих Лучках, Новом Селе, Подмонастыре и других селах Закарпатья вооруженные крестьяне захватили в свои руки помещичьи земли,

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 164.

² Там же.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 141.

урожай, скот, сельскохозяйственный инвентарь. В большинстве сел крестьяне отказались от выполнения „коблины“ и „роковины“ — полуфеодалных повинностей в пользу униатской церкви.¹ 4—6 ноября 1918 г. происходили революционные волнения в с. Гатмега, где находилась главная канцелярия лесного управления владений графа Шенборна. Восставшие крестьяне и лесорубы, организованные и вооруженные возвратившимися с русского фронта солдатами, захватили канцелярию лесного управления, расправились с венгерскими чиновниками и жандармами. Крестьяне с. Великий Раковец изгнали помещика и начальника округа и взяли в свое управление помещичью землю и лес. Отряд буржуазной национальной гвардии, присланный для „восстановления права на собственность“, был встречен вооруженными крестьянами и не решился занять село. Его командир доносил начальству, что в с. Великий Раковец „крестьяне частной собственности не признают“.

О происходивших массовых революционных выступлениях в городах и селах Закарпатья свидетельствуют многочисленные сообщения венгерских чиновников в Будапешт и их просьбы о присылке жандармерии и военного подкрепления. Так, главный жупан Ужгородской жупы Легеза 15 декабря 1918 г. телеграфировал в жандармское отделение Министерства внутренних дел Венгрии: „Для обеспечения в Ужгородской жупе порядка немедленно требуется увеличение числа жандармов Ужгородской комендатуры не менее, чем на 40 человек. Положение опаснейшее. Прошу пана Министра внутренних дел скорее выполнить это требование“.² Для подавления революционных выступлений использовались также регулярные части венгерской армии. Главный жупан Береговской жупы получил в свое распоряжение от командования 39-й дивизии две воинские группы в 30 и 50 солдат, усиленные отрядами пулеметчиков. Кроме того, им затребован был бронепоезд для действия на линии Чоп—Лавочне.³

В январе 1919 г. в должность губернатора „Руськой крайны“ вступил А. Штефан, один из главарей закарпатской буржуазии. В специальном воззвании он требовал от населения „удерживать порядок и не допускать бунтов“, угрожая в противном случае применением военной силы. Под руководством мукачевского епископа Паппа из униатских попов была составлена целая шпионская сеть, подробно информировавшая Штефана о революционных выступлениях на местах.

Пришедшие в революционное движение народные массы Закарпатья требовали ликвидации буржуазно-помещичьих порядков. Свою борьбу за социальное освобождение они связывали с борьбой за национальное освобождение, за воссоединение Закарпатья с остальными украинскими землями. Вопрос о воссоединении с Украиной являлся главнейшим вопросом движения народных масс. На многочисленных народных собраниях, происходивших в городах и селах Закарпатья, принимались решения о выходе из состава Венгрии и о присоединении к Советской Украине. Из различных пунктов венгерские власти получали сообщения о том, что это движение приняло массовый характер. Сообщения эти были подобны телефонограмме начальника Середнянского округа Ужгородскому жупану, переданной 28 ноября 1918 г.:

¹ Закарпатский облгосархив, ф. Лесной дирекции в Ужгороде, 1918 г.

² Закарпатский облгосархив, ф. Наджупана Ужгородской жупы, 1918 г.

³ Филиал Закарпатского облгосархива в г. Мукачево, ф. Мукачевской горуправы, 1919 г.

„Народ держит себя вместе с украинской нацией и с ней желает воссоединиться“.¹ Венгерское правительство было сильно встревожено этим массовым движением на Закарпатской Украине. Из Будапешта последовало распоряжение министра внутренних дел принимать решительные меры „против украинских подстрекателей“, агитирующих „против территориальной целостности венгерского государства, общественной безопасности и спокойствия народа“.² Помощь венгерскому правительству в борьбе с революционным национально-освободительным движением оказали реакционно-монархические, клерикальные круги, закарпато-украинские буржуазные националисты, связанные классовыми, экономическими интересами с венгерскими помещиками и стремившиеся удержать Закарпатье в составе буржуазно-помещичьей Венгрии.

Одной из основных сил империалистической реакции была католическая церковь. Мукачевский епископ Папп по специальному указанию, полученному из Ватикана через венгерского кардинала Черноха, становится организатором контрреволюционного гнезда на Закарпатье. В начале ноября 1918 г. он проводит в своей епископской резиденции тайное совещание с представителями реакционно-монархических и буржуазно-националистических кругов.³ Непосредственным результатом этого совещания было создание 9 ноября 1918 г. в Ужгороде А. Волошиным, С. Сабовым, И. Каминским и другими прислужниками буржуазно-помещичьей Венгрии „Угро-русской рады“, или „Рады рутенов Мадьярии“ — контрреволюционной организации, считавшей своей целью служить делу „территориальной целостности Венгрии“, а значит, способствовать сохранению чужеземного мадьярского гнета на Закарпатье. Председатель Рады униатский каноник С. Сабов, вынужденный признать в своей речи на учредительном собрании Рады, что „во многих местах рутены хотят присоединиться к Украине“, призывал собравшихся „спасти рутенов от этого заблуждения“.⁴ На этом собрании была принята программа деятельности „Рады рутенов Мадьярии“, в которой говорилось: „Рутенский народ Мадьярии придерживается своего старого отечества и его территориальной неприкосновенности, одновременно протестует против всяких попыток, которые направлены на отторжение рутенов Мадьярии от своего Мадьярского протечества или угрожают единству мадьярской державы“. Рада обещала населению Закарпатья добиваться от венгерского правительства „автономии“ и проведения социально-экономических реформ.⁵ Программа „Рады рутенов Мадьярии“ была с одобрением встречена буржуазно-помещичьим венгерским правительством графа Кароли. Одна из правительственных газет по этому поводу писала: „Постановление наших рутенов является самым лучшим доказательством того, что их патриотические чувства пылают. Выражаем признательность вождям рутенов“.⁶

Руководители Рады Сабов, Волошин и Гаджега выехали в Будапешт для встречи с министром внутренних дел Батьяни. По официальным

¹ Закарпатский облгосархив, ф. Наджупана Ужгородской жупы, 1918 г.

² Филиал Закарпатского облгосархива в г. Мукачево, ф. Мукачевской горуправы, 1919 г.

³ Я. Чубуков. Кати в сутанах. „Закарпатська правда“, 3 сентября 1950 г.

⁴ „Закарпатская Украина“, 23 мая 1948 г.

⁵ Ю. Русак. Воспоминания. Ужгород, 1938, стр. 110.

⁶ Газ. „Ung“, 10 ноября 1918 г.

сообщениям, во время встречи, в которой участвовал и кардинал Чернох, велись переговоры о предоставлении Закарпатью „культурной автономии“. В действительности переговоры касались главным образом вопросов, связанных с мерами усиления репрессий против растущего в Закарпатье революционного движения. „Угро-русская рада“ явилась послушным орудием в руках буржуазно-помещичьего правительства Венгрии, стремившегося сохранить свое господство на Закарпатской Украине.

Народные массы Закарпатской Украины с презрением относились к деятельности „Угро-русской рады“, сразу разгадав ее предательскую антинародную роль. Из различных районов Закарпатья в Ужгород поступали протесты против враждебных украинскому трудовому населению Закарпатья действий агентуры реакционных мадьярских кругов и униатской церкви. В Закарпатье росло и ширилось массовое движение за присоединение к Украине. Однако революционное и национально-освободительное движение здесь не было достаточно организованным и часто носило стихийный характер, так как на Закарпатской Украине тогда не было подлинно революционной партии, которая могла бы возглавить борьбу трудящихся масс за социальное и национальное освобождение. Коммунистические группы, которые, как мы уже указывали выше, начали создаваться в Закарпатье с ноября 1918 г., были еще малочисленны и не обладали достаточным революционным опытом. Это и постаралась использовать закарпато-украинская буржуазия, стремившаяся подчинить своему влиянию революционную национально-освободительную борьбу трудящихся масс с тем, чтобы выхолостить ее революционное содержание, направить в выгодное для буржуазии русло. Национальные лозунги использовались буржуазными националистами для того, чтобы под их прикрытием установить свое классовое господство над трудящимися массами. Стремясь использовать в своих антинародных целях развивавшееся на Закарпатской Украине национально-освободительное движение, буржуазные националисты создавали „народные рады“, в которых все руководство должно было находиться в их руках. Захват буржуазно-националистическими и соглашательскими элементами руководства во многих „радах“ был облегчен тем, что в политическое движение, как это было и в России в период февраля, вливались „не искушенные в политике широкие массы народа, захлестнутые волной мелкобуржуазной стихии“¹ и поэтому легко попадавшие в плен буржуазных партий.

В ноябре 1918 г., одновременно с основанием „Угро-русской рады“, в Любовне на Пряшевщине была создана „Русская народная рада“.² При ее учреждении присутствовали крестьяне из многих окрестных сел. С их участием было принято решение об отделении Закарпатья от Венгрии и соединении с Украиной. Весть об этом решении „Любовнянского вече“ быстро разнеслась по всей Закарпатской Украине. Однако возглавившие „Русскую народную раду“ представители закарпатской буржуазии не намерены были следовать этому стремлению народных масс. Они имели свои планы. Вскоре Рада перенесла свою

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, ОГИЗ, 1946, стр. 172.

² Rauser. Připojení Podkarpatské Rusi k Československé republice. „Podkarpatska Rus“, Bratislava, 1936, s. 65.

деятельность в Пряшев, откуда она и вела некоторое время пропаганду за присоединение к Украине. Стремление народных масс воссоединиться со всем украинским народом Рада использовала для своих переговоров с буржуазно-националистической Львовской радой, контрреволюционным органом, душившим революционное движение западноукраинских трудящихся, стремившихся к воссоединению с Советской Украиной. Эти переговоры имели своей целью включение Закарпатья в состав так называемой „Западноукраинской народной республики“. В это время чехословацкое правительство уже вело в Закарпатье довольно широко свою пропаганду за присоединение этой области к Чехословакии.

Происки буржуазного чехословацкого правительства были поддержаны местной закарпато-украинской буржуазией. Используя ненависть народных масс Закарпатья к венгерским помещикам и буржуазии, закарпато-украинская буржуазия стала вести прочешскую агитацию, стремясь отделаться от побежденной в войне Венгрии (которая к тому же была охвачена усиливающимся революционным движением) и примкнуть к государству, созданному победителями и призванному использовать победу в интересах господствующих классов.

Один из членов президиума „Русской народной рады“, крупный закарпато-украинский помещик, бывший депутат венгерского парламента и агент чешской буржуазии, А. Бескид вошел в соглашение с чехословацким правительством и стал группировать вокруг себя прочешски настроенные буржуазные и кулацкие элементы. В конце декабря 1918 г. он объявил о создании „Карпато-русского народного совета“, якобы образовавшегося от слияния „Пряшевской рады“ и „Рады лемков“. Этот „Карпато-русский народный совет“, руководимый А. Бескидом, в январе 1919 г., когда Пряшев уже был занят чешскими войсками, принял решение о присоединении Закарпатской Украины к Чехословакии. Протокол решения был немедленно доставлен в Прагу, а Бескид заявил о своих полномочиях представлять „Карпато-русский народный совет“ на Парижской конференции.¹

„Карпато-русский народный совет“ Бескида не пользовался никаким влиянием в народных массах. Принятое им решение о присоединении к Чехословакии не встретило одобрения. Население Закарпатья повсеместно требовало воссоединения со всеми украинскими землями. Эта народная воля нашла свое выражение в решениях Свалявской рады, Марамарошской рады и, наконец, была торжественно провозглашена собравшимся 21 января 1919 г. Всенародным собранием в Хусте.

Хустско-Марамарошский район был центром движения за воссоединение с Украиной. Движущей силой здесь были рабочие-шахтеры угольных и соляных копей, лесорубы, массы безземельного и малоземельного крестьянства. Важным фактом было и то, что позиции униатского духовенства здесь были слабее, чем в остальных частях Закарпатья. Пограничное положение этого района, угроза румынской оккупации усиливали решимость украинского населения бороться за воссоединение с Советской Украиной.² Лесорубы Хуста и шахтеры

¹ „Bratislava“, ročník V, 1931, s. 531—532. Prameny. Príspevek k ústavným dejnám Podkarpatske Rusi.

² Я. Чубуков. Подрывная деятельность американских и англо-французских интервентов и их агентов в Закарпатье. „Советское Закарпатье“, 24 ноября 1949 г.

Солотвина приняли непосредственное участие в подготовке общенародного собрания, приглашения на которое были разосланы во все города и села. На собрании, открывшемся 21 января, присутствовало 420 делегатов, представлявших подавляющее большинство населения Закарпатской Украины. Делегаты прибыли и из районов, занятых уже чешскими и румынскими войсками. Народные представители приняли единодушное постановление о воссоединении Закарпатья со всей Украиной. Хустский съезд обратился к Украине с просьбой о военной и материальной помощи.¹ Решения Хустского народного съезда выражали стремление подавляющего большинства населения Закарпатья к воссоединению с Советской Украиной. Однако осуществления этого решения было сорвано местными украинскими буржуазными националистами, не желавшими видеть Закарпатье в составе Украинского Советского государства. Обманывая трудящиеся массы Закарпатья, желавшие воссоединения со всей Украиной, брашайки, андрашки, грабари, клемпуши и им подобные предатели закарпато-украинского народа, захватившие в свои руки руководство органом Хустского народного собрания — „Центральной украинской народной радой“, — ориентировались на силы украинской буржуазно-националистической контрреволюции и пытались установить союз с заклятыми врагами украинских рабочих и крестьян — Петлюрой и Винниченко, предводителями контрреволюционной Украинской директории, а также с главарями антинародного буржуазно-националистического правительства, так называемой „Западноукраинской народной республики“ (ЗУНР). На собрании в Хусте была избрана делегация, которая должна была поехать в Киев и передать принятое решение о воссоединении Закарпатья с остальной Украиной. Однако едва делегация доехала до Станислава, как ей преградили путь петлюровцы и белополяки. Буржуазные националисты Закарпатья оказали решительное противодействие крестьянским представителям, требовавшим проведения земельной реформы и конфискации помещичьей земли.

Революционное и национально-освободительное движение, развернувшееся под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в Закарпатье, выдвинуло, как мы видим, общенародное решение вопроса о государственной принадлежности закарпато-украинского народа — требование воссоединения с Советской Украиной.

В то же время вопрос о судьбе Закарпатской Украины обсуждался и в Америке, где сосредоточивалась основная масса эмигрантов из Закарпатья. В 1917 г., когда после февральской буржуазно-демократической революции в России был свергнут царизм, стало ясно, что близок конец и лоскутной австро-венгерской монархии. Среди закарпато-украинской эмиграции усилилось стремление к объединению с русским народом. В США был создан „Союз освобождения Прикарпатской Руси“, по инициативе которого 13 июля 1917 г. в Нью-Йорке собрался „Русский конгресс“.² На конгрессе приняли участие эмигранты из украинских земель, находившихся под австро-венгерским гнетом: Галиции, Буковины и Закарпатья. В своем „Меморандуме“ участники конгресса объявили, что они представляют 4 млн. населения, живущего на этих землях в тяжелом иноземном рабстве и что эти „четыре мил-

¹ Закарпатский облгосархив. Копия протокола русинского (украинского) Национального собрания, состоявшегося 21 января 1919 г. в г. Хусте.

² Закарпатский облгосархив. «Меморандум Русского конгресса в Америке, созванного „Союзом освобождения Прикарпатской Руси“».

лиона русского населения принадлежат к малорусской ветви“ (т. е. являются украинцами) и кровно связаны своим происхождением, своей исторической и культурной жизнью с русским и всем украинским народом и в течение долгих веков, несмотря на жестокое иноземное угнетение, борются за то, чтобы воссоединиться с матерью-родиной. В „Меморандуме“ разоблачалась жестокая и коварная национальная политика Австро-Венгрии, которая проводилась в западноукраинских землях для того, чтобы „карпаторуссов разрознить с русским народом в России и таким образом легче их денационализировать и истребить“, а также указывалось на тяжелое экономическое рабство, в котором жили закарпатские украинцы. Протестуя против немецко-мадьярского господства и попыток установить новое чужеземное владычество в западноукраинских землях, участники конгресса заявляли, что „весь карпато-русский народ неуклонно жаждет освобождения Прикарпатской Руси от чужого владычества и, при предоставлении ей широкого самоуправления, воссоединения всей Прикарпатской Руси в ее этнографических границах с ее старшей сестрой великой, демократической Россией“.¹

Таким образом „Русский конгресс“ в Америке в июле 1917 г. требовал выхода Прикарпатской Руси из состава Австро-Венгрии и присоединения ее к России.

Но с победой Великой Октябрьской социалистической революции буржуазные круги закарпато-украинской эмиграции, тесно связанные с американской буржуазией и посредством ее установившие связь с правительством США и президентом Вильсоном, заняли явно враждебную позицию по отношению к Советской России, отказавшись от выраженного ими ранее желания присоединения к России.² Летом 1918 г. буржуазные политические лидеры закарпато-украинской эмиграции, журналист Пачута и питтсбургский юрист американской фирмы „Дженерал Моторс“ Григорий Жаткович, завязывают отношения с чешским буржуазным политическим деятелем Масариком, являвшимся председателем созданной в Америке „Среднеевропейской унии“³ и руководившим заграничным движением за создание национального Чехословацкого государства. Под руководством Жатковича была создана „Американская народная рада русинов“, созвавшая 23 июля 1918 г. в Гомстеде (Пенсильвания) конгресс „американских русинов“. Конгресс принял следующее решение: „Подкарпатские русины должны получить полную независимость. Если это будет невозможно, тогда подкарпатские русины соединятся со своими братьями галицкими и буковинскими. Если же это тоже окажется бы невозможным, тогда они должны получить автономию“.⁴ При этом не указывалось, в рамках какого государства желаемая автономия. 21 октября это решение, оформленное в „Меморандум Национального совета русинов“, было передано вместе с протоколом конгресса американскому президенту Вильсону. Вильсон сразу же ответил, что первые два пункта неосуществимы и не будут

¹ Закарпатский облгосархив. «Меморандум Русского конгресса в Америке, созванного „Союзом освобождения Прикарпатской Руси“».

² Raucher. Op. cit., s. 62.

³ Там же.

⁴ „Expose dr. G. I. Žatkoviča, bývšeho gubernatora Podkarpatskoj Rusi o Podkarpatskoj Rusi“, Homestead, s. 1.

встречены благосклонно союзными державами.¹ Даже не пытаюсь возражать против этого заявления, Национальный совет русинов занялся подготовкой к осуществлению третьего пункта, то есть подготовкой программы автономии.

23 октября Масарик как председатель „Среднеевропейской унии“ и представляющий в ней „чехословаков“ и Г. Жаткович, выступивший в роли представителя „угро-русинов“, поставили свои подписи под „Декларацией независимости угнетенных среднеевропейских народов“, что было актом принятия „русинов“ в унию и, как об этом торжественно заявил позднее Бенеш, признанием „нацией, правомочной, согласно принципу самоопределения, решать свою судьбу и форму своей будущей власти“.² Со стороны Масарика это было не чем иным, как широким дипломатическим жестом буржуазного политика, будущего президента Чехословацкого государства, использующего сложившуюся обстановку для того, чтобы подчинить Закарпатскую Украину господству чешской буржуазии, включив эту область в состав вновь образованного буржуазного государства Чехословакии.

25 октября в Филадельфии состоялась встреча Масарика с Жатковичем и пятью другими представителями „Американской национальной рады русинов“, во время которой обсуждались условия включения Закарпатской Украины в состав Чехословакии. Масарик обещал, что в чехословацком государстве Подкарпатской Руси будет предоставлена полная автономия и установлены удовлетворяющие ее границы.³ Это соглашение легло в основу решения, принятого 12 ноября на созванном „Американской национальной радой русинов“ в Скрантоне конгрессе. В решении говорилось, что „угро-русины с правом самой широкой самостоятельности, как государство, на федеративной основе присоединяются к Чехословацкой демократической республике“. В этом же решении была указана вся территория, которая должна составить будущее автономное государство (бывшие угро-русские комитаты Венгрии: Спиш, Шариш, Земплин, Абауй, Гомор, Боршод, Унг, Угоча, Берег и Марамарош).⁴ О результатах переговоров с Масариком и решении Скрантонского конгресса Жаткович не замедлил сообщить президенту Соединенных Штатов Америки, на что Вильсон 19 ноября ответил следующей телеграммой: „Белый дом, Вашингтон, 19 ноября 1918. Уважаемый г-н Жаткович. Благодарю Вас за письмо от 15 ноября. Вопросы, о которых в нем сообщается, очень меня интересуют. Радуюсь с Вами успеху, который вы совершили по пути к лучшему будущему. Искренне Вам преданный Вудро Вильсон“.⁵

Правительство США оказывало прямое содействие чешской буржуазии в осуществлении ее империалистических планов относительно Закарпатской Украины, способствовало заключению грабительской сделки между Масариком и продажной кликой закарпато-украинской эмиграции. Правительство США рассчитывало, что буржуазная Чехословакия станет орудием осуществления преступных замыслов международного империализма против Советской России и предоставит возможность англо-американским и французским империалистам использо-

¹ „Expose...“, s. 1.

² Э. Бенеш. Речь о подкарпато-русской проблеме. Ужгород, 1934, стр. 15.

³ „Expose...“, s. 5.

⁴ Там же.

⁵ Закарпатский облгосархив, ф. 29, 1920 г., № 366.

вать Закарпатскую Украину как важный стратегический плацдарм в борьбе против Советского государства.

В ноябре—декабре 1918 г. среди закарпатских украинцев, проживавших в Америке, был проведен плебисцит, который, согласно решению состоявшегося в Скрантоне конгресса, и должен был решить будущую судьбу Закарпатской Украины. Закарпатские украинцы в Америке в своей массе тогда не знали правды о Советской России и Советской Украине. Они были дезориентированы той лживой антибольшевистской пропагандой, которую вели за границей против советской власти агенты империализма. И все-таки около 30% голосовало за присоединение к Украине. Включение Закарпатской Украины в состав Чехословакии было решено только 67% голосов.¹ Однако, каковы бы ни были результаты этого голосования, оно ни в какой мере не могло быть правоммерным в решении вопроса о будущем Закарпатской Украины. Единственное право на решение этого вопроса имело только само население Закарпатской Украины.

Но с этим буржуазные политики не хотели считаться. Одобряя решения конгресса в Скрантоне и результаты плебисцита, Масарик предупреждал Жатковича, что они могут вступить в силу лишь после обсуждения этого вопроса на заседающей в Париже мирной конференции. „Американская национальная рада русинов“ уполномочила для поездки в Париж Г. Жатковича и Ю. Гардоша. Пока Государственный департамент готовил им заграничные паспорта, в Париже уже были обо всем осведомлены.

В 1921 г. Масарик, при посещении Подкарпатской Руси, заявил, что он якобы мало причастен к присоединению Закарпатья к Чехословакии. „Я в этом вопросе, — сказал Масарик, — нигде ни на кого не оказывал ни малейшего влияния“.² Однако это заявление Масарика противоречит фактам, которые со всей очевидностью свидетельствуют о том, что Масарик, с согласия президента США Вильсона, в 1918 г. весьма энергично содействовал присоединению Закарпатской Украины к Чехословакии и тем самым препятствовал соединению ее с Советской Россией и Советской Украиной. Прибыв в Прагу, Масарик 23 декабря сообщил в кабинете министров: „Теперь представилась возможность, чтобы угорские русины пришли к нам. Мы были бы при этом непосредственными соседями Румынии, а это имело бы большое значение. Я вел переговоры в Америке с венгерскими русинами, и эти переговоры для нас благоприятны. Вопрос обсуждался в Париже“.³ Но еще задолго до окончательного решения вопроса чехословацкое правительство начало фактическую оккупацию Закарпатской Украины. Удобным поводом для этого явилось принятие союзниками еще в ноябре 1918 г. решения об оккупации чехословацкими, румынскими и югославскими войсками областей, входивших в состав Венгрии. Чехам было дано указание занять восточную часть Словакии до р. Уж, включая и Ужгород. Об этом 28 ноября чехословацкий министр иностранных дел Бенеш из Парижа телеграфировал председателю кабинета министров Крамаржу, добавляя, что эта операция должна быть проведена „без шума, без всякой информации общественности“.⁴

¹ Закарпатский облгосархив, ф. 29, 1920 г. № 366.

² Masaryk. Cesta demokracie, II, s. 134.

³ Ibid., s. 46.

⁴ Beneš. Svetova valka a revoluce, IV.

Еще до того как на Парижской конференции началось официальное обсуждение вопроса о Закарпатской Украине, империалисты Антанты всячески содействовали чехословацкому правительству в захвате этой территории, так как в развитии революционного движения на Закарпатье и стремлении трудящихся масс к воссоединению с Советской Украиной американские и англо-французские империалисты видели большую опасность для своего плана послевоенного устройства Европы.

В Ужгород были направлены американская и французская миссии, которые должны были установить прямую связь с местными реакционными буржуазно-националистическими и клерикальными кругами. Содействие в установлении этой связи брал на себя Ватикан. Епископу Паппу было послано распоряжение всемерно содействовать деятельности американских и французских представителей. Прибывший в Ужгород личный представитель римского папы, иезуит Нярадий, встретился на квартире у Волошина с отъявленными реакционерами — церковниками Волошиным, Гаджегой, Сабовым и Стойкой, давно специализировавшимися на самых черных преступлениях против закарпато-украинского народа. Зная, что он имеет дело со злейшими врагами революционного и национально-освободительного движения трудящихся масс Закарпатья,¹ Нярадий сообщил собравшимся, что для того чтобы не допустить воссоединения Закарпатской Украины с Советской Украиной, Закарпатье должно быть присоединено к Чехословакии. В ближайшее время, добавил Нярадий, для осуществления этого плана придут оккупационные войска Антанты и специальная миссия Соединенных Штатов, которым и надлежит оказывать всемерное содействие. Волошин, Гаджега, Сабов и Стойка дали согласие перейти на службу к новым хозяевам с такой же готовностью, с какой раньше они служили немецкой и мадьярской разведкам. 1 января 1919 г. Волошин уже отправился в Будапешт для переговоров с чехословацким представителем, помещиком Годжой, о немедленной оккупации чехословацкими войсками территории Закарпатья.¹

Чехословацкое правительство начало осуществлять оккупацию Закарпатской Украины в январе 1919 г., получив об этом специальное указание от уполномоченного военной миссии Антанты и Будапешта, полковника Вика. К 15 января 1919 г. чехословацкое военное командование продвинуло чешские войска к намеченной линии в районах, прилегающих к р. Уж. 12 января Ужгород был занят отрядом чешских легионеров под командованием итальянского полковника.²

Президент Чехословакии Масарик прекрасно понимал, что те решения, которые были приняты в Америке эмигрантами, оторванными от родины, могут иметь сколько-нибудь серьезное значение лишь в том случае, если они найдут одобрение среди населения Закарпатской Украины. Однако вести, которые оттуда поступали в Прагу, давали основание считать, что перспектива соединения с Чехословакией на Закарпатье не пользуется никакой популярностью. Чтобы создать почву для чехословацкой пропаганды в Закарпатье, Масарик послал от своего имени в Ужгород адъютанта чехословацкого воен-

¹ Я. Чубуков. Кати в сутанах. „Закарпатська правда“, 5 сентября 1950 г.

² Raušer. Op. cit., s. 69.

ного министра капитана Писецкого, вручив ему копию решения, принятого 12 ноября 1918 г. в Скрантоне.¹ Писецкий прибыл в Ужгород 1 февраля. В тот же день он имел встречу с членами „Угро-русской рады“ — С. Сабовым, Ю. Гаджегой, А. Волошиным и Гебеєм. Сообщив о результатах плебисцита, проведенного в Америке среди эмигрантов, Писецкий вручил Сабову скрантонский меморандум, предложив при этом „Угро-русской раде“ поддержать решения, принятые в Америке, и начать пропаганду за присоединение к Чехословакии. Писецкий сообщил также, что в ближайшее время надо ожидать прибытия в Ужгород Жатковича, выехавшего в Париж для передачи решений „американских русинов“ мирной конференции.²

Представители закарпато-украинской эмиграции Жаткович и Гардош прибыли в Париж 13 февраля. Здесь они встретились с А. Бескидом, приехавшим из Пряшева, и вместе с ним образовали „Русинскую комиссию“, вступив в переговоры с Крамаржем и Бенешем, чехословацкими делегатами на Парижской мирной конференции, уже поднимавшими в Париже вопрос о Закарпатской Украине. 5 февраля, выступая на заседании Верховного совета по чехословацкому вопросу, Бенеш коснулся также вопроса о Закарпатской Украине, обосновывая целесообразность включения ее в состав Чехословацкого государства. Заметим, что Бенеш не первый затронул этот вопрос. Еще 21 января 1919 г. американская делегация на Парижской конференции выдвинула предложение о присоединении Закарпатской Украины к Чехословакии, аргументируя свое предложение теми же доводами, какие привел Бенеш в своей речи на заседании Верховного совета.³ Этот факт еще раз свидетельствует о том, что план чешской буржуазии о захвате Закарпатской Украины был заранее согласован с американскими империалистами; он во всех подробностях был разработан в США и обсужден при личных встречах Масарика с американским президентом Вильсоном. При посредничестве Бенеша „Русинская комиссия“ 17 февраля была принята представителем Вильсона, полковником Хаузом, а 24 февраля — доверенным Клемансо, французским дипломатом Тардье, игравшим видную роль в большинстве комиссий и комитетов конференции.⁴

В это время вопрос о Закарпатской Украине уже обсуждался в чешском комитете, которому было поручено рассмотреть чехословацкие предложения и составить проект решения для руководящих органов конференции. Чем должны были руководствоваться члены и эксперты чешского комитета при выработке проекта? Они прежде всего должны были иметь в виду, что решение любого вопроса, обсуждаемого в многочисленных комиссиях и подкомиссиях конференции, находится в связи с основными задачами, которые приняли на себя руководители конференции — заправили англо-франко-американского империализма. Известно, что „версальские победители“ эти задачи видели в империалистическом переделе мира, удушении социалистической

¹ Закарпатский облгосархив, ф. Президиума Гражданского правления Подкарпатской Руси, 1920 г., № 366.

² Закарпатский облгосархив, ф. Президиума Гражданского правления, 1927 г., № 2961.

³ Н. Ballreich. Karpatenrußland. Ein Kapitel tschechischen Nationalitätenrechts und tschechischer Nationalitätenpolitik. Heidelberg, 1939, S. 15.

⁴ „Exposé...“, s. 8.

революции и восстановлении единства капиталистической системы. Эти империалистические планы маскировались пацифистской фразеологией и упоминаниями о принципе „самоопределения народов“, содержащимися в пресловутых „14 пунктах“ Вильсона. На самом деле союзники нисколько не думали о действительной свободе и правах отдельных наций. Их больше всего занимал план подготовки вооруженной интервенции против Советской России. Решение вопроса о Закарпатской Украине англо-американскими империалистами находилось в прямой связи с их агрессивными империалистическими замыслами против Советского государства.

Еще до Октябрьской революции западноевропейских империалистов весьма беспокоила возможность присоединения закарпатской территории, на которой жило украинское население, к России. Бенеш, о котором Масарик говорил, что „он может дать интересные сведения об этом уже из эпохи мирной конференции“,¹ заявлял: „Все западные союзники и США были сразу же, с начала войны, единодушны в том, что было бы невозможно при разделе Австро-Венгрии допустить, чтобы бывшая царская Россия переступила Карпаты, спустилась в венгерскую равнину и таким образом стала бы средневропейским государством“.² Тем более невозможным считали англо-франко-американские империалисты пустить за Карпаты Советскую Россию, признавая, что это означало бы „большие перевороты в Европе“.³ Тогда и появился план присоединения Закарпатской Украины к новому буржуазному государству — Чехословакии. Мы уже видели, что первые контуры этого плана выработывались за океаном, в Соединенных Штатах Америки, при деятельном участии самого Вильсона. Выдвигая этот план на обсуждение мирной конференции, чехословацкое правительство заявляло о своем стремлении к „стабилизации Европы“, требуя для этого территориальных связей (общих границ) с Румынией и Югославией.⁴ Президент Чехословакии Масарик, касаясь вопроса о присоединении „Подкарпатской Руси“, прямо заявлял, что „это соединение дополнило бы политическую цепь от нас, через Румынию, к Югославии“.⁵ Видя в этом возможность создания в Центральной Европе барьера буржуазных государств, направленного против растущего революционного влияния, идущего с Востока, из страны победившей социалистической революции, заседавшие в Париже руководители империалистических государств с одобрением отнеслись к чехословацким предложениям, сразу решив, что включение Закарпатской Украины в состав Чехословакии оправдано и желательно.⁶ Особое значение придавалось стратегическому положению этой территории, так как здесь находились все горные проходы через Восточные Карпаты. 28 февраля 1919 г. эксперты чешского комитета, определяя границы Чехословакии, пришли к заключению о необходимости „соединения чехов и румын украинским корридорм“⁷ путем присоединения Закарпатской Украины, причем в составлении этого заключения

¹ Масарик. Мировая революция. Прага, 1927, т. II, стр. 57.

² Э. Бенеш. Речь о подкарпато-русской проблеме, стр. 24.

³ Там же, стр. 23.

⁴ Г. Никольсон. Как делался мир в 1919 году. ОГИЗ, 1945, стр. 191.

⁵ Масарук. Cesta demokracie, I, s. 67.

⁶ Г. Никольсон. Ук. соч., стр. 201.

⁷ Там же, стр. 215.

решающим оказалось мнение американских экспертов. На это прямо указывает следующая запись в дневнике члена комитета английского дипломата Никольсона: „принимаем американскую линию границ“.¹ В основе этого решения лежало стремление воспрепятствовать соединению Закарпатя с Советской Россией, тем более что англо-французские и американские империалисты вынуждены были признать тот факт, что Закарпатская Украина уже почувствовала на себе могучее влияние русской революции. В Париже высказывались опасения, что это влияние будет все более возрастать. Прямым отражением этой тревоги является запись того же Никольсона, сделанная им после принятия чешским комитетом заключения по поводу чехословацких границ: „Меня волнует будущее политическое состояние чешского государства: удастся ли ему переварить блок враждебных избирателей плюс своего рода ирландцев в лице словаков, плюс своего рода красных в лице украинцев, не говоря уже о своих собственных...“.²

3 марта стало известно, что проект присоединения Закарпатской Украины к Чехословакии вполне одобрен в „Совете пяти“. Получив информацию об этом, Жаткович от имени „Русинской комиссии“ передал все полномочия дальнейших переговоров по этому вопросу чехословацким делегатам Крамаржу и Бенешу, а сам с Гардошом выехал в Прагу, оставив в Париже Бескида.³ 10 марта Жаткович и Гардош были приняты президентом Масариком, после чего „отбыли“ на Закарпатскую Украину. Заехав по дороге в Братиславу для совещания с министром по делам Словакии Шрабором, Жаткович и Гардош 15 марта прибыли в Ужгород,⁴ чтобы подготовить все для осуществления плана, выработанного в Вашингтоне и обсуждаемого западноевропейскими империалистами в Париже, плана установления на Закарпатской Украине господства чехословацкой буржуазии, при поддержке англо-французского и американского империализма.

Осуществлению этого плана мешало революционное движение трудящихся масс, стремление закарпато-украинских рабочих и крестьян к соединению с Советской Россией, Советской Украиной.

Перед лицом этой опасности сглаживались противоречия в лагере закарпато-украинской буржуазии, между ее отдельными группами, придерживавшимися после развала Австро-Венгрии различной внешнеполитической ориентации. Противодействуя стремлению трудящихся масс соединиться с Советской Украиной, одна группа закарпато-украинской буржуазии желала создания буржуазного украинского государства, ориентируясь на украинские контрреволюционные, буржуазно-националистические правительства; другая группа была за сохранение Закарпатя в составе буржуазной Венгрии; третья группа поддерживала план присоединения к буржуазному Чехословацкому государству. Общим для всех трех групп было стремление сохранить буржуазный порядок на Закарпатье, укрепить свое классовое господство.

Решение вопроса было ускорено вспыхнувшей в марте 1919 г. социалистической революцией в Венгрии: буржуазия Закарпатской

¹ Г. Никольсон. Ук. соч., стр. 219.

² Там же (подчеркнуто нами. — И. М.).

³ Rauser. Op. cit., s. 68.

⁴ Ibid.

Украины объединила все свои силы, чтобы противостоять пришедшим в революционное движение трудящимся массам.

21 марта для Венгрии было концом „керенщины“, как определил В. И. Ленин господство буржуазного правительства Кароли.¹ После того как была провозглашена Советская республика, началось создание органов государственной власти от местных советов до общегосударственного съезда Советов. Свои усилия правительство молодого советского государства направило на коренное преобразование общественного, политического и экономического строя страны. Была национализирована промышленность, банки, транспорт, у помещиков были экспропрированы крупные земельные владения и переданы сельскохозяйственным комитетам, проведены первые мероприятия с целью ликвидации национальной и культурной отсталости живущих в Венгрии народов. „...Семя, посеянное русской революцией, всходит в Европе“,² — говорил В. И. Ленин в связи с победой пролетариата в Венгрии. Это было понятно не только друзьям, но и врагам Советской России, так как революционное движение венгерского народа было вызвано тем огромным влиянием, которое оказала Великая Октябрьская социалистическая революция на угнетенные массы всего мира. В. И. Ленин, обращаясь к делегатам VIII съезда РКП(б) 23 марта 1919 г., спустя два дня после образования Венгерской Советской республики, говорил: „Трудности венгерской революции, товарищи, громадны. Эта маленькая по сравнению с Россией страна гораздо легче может быть задущена империалистами. Но каковы бы ни были трудности, несомненно стоящие еще перед Венгрией, мы имеем здесь, кроме победы Советской власти, нашу моральную победу“.³

Начавшаяся социалистическая революция быстро распространялась от революционного центра — Будапешта — не только по всей Венгрии, но захватила и угнетенные национальные области, среди них и Закарпатье, украинские трудящиеся массы которого пришли в революционное движение сразу после получения первых известий об Октябрьской революции в России и провозглашения Советской власти на Украине.

Товарищ Сталин, анализируя опыт Великой Октябрьской социалистической революции, указывал: „Установление советского строя в России и провозглашение права наций на государственное отделение перевернули отношения между трудовыми массами национальностей России, подорвали старую национальную вражду, лишили почвы национальный гнёт и завоевали русским рабочим доверие их инациональных братьев не только в России, но и в Европе и в Азии, довели это доверие до энтузиазма, до готовности бороться за общее дело... То же самое, — указывал далее товарищ Сталин, — нужно сказать по поводу временной победы Советов в Венгрии, в Баварии, в Латвии“.⁴

Рабочие и крестьяне Закарпатской Украины видели в победе пролетарской революции в Венгрии конец своему социальному и национальному угнетению, возможность создания единого революционного фронта с Советской Россией и близкую возможность объединения со своими украинскими и русскими братьями. Вот почему трудящиеся

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 507.

² Там же, стр. 200.

³ Там же.

⁴ И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 20.

массы Закарпатья так решительно встали на сторону венгерского советского правительства, на сторону Советской Венгрии, в то время как закарпатские помещики и буржуазия, еще недавно с такой готовностью сотрудничавшие с буржуазным правительством „венгерского Керенского“ — Кароли, стремясь спасти свое классовое господство, ратовали за автономию, за отрыв от революционной Венгрии.

Революционное движение трудящихся масс ширилось под влиянием коммунистической агитации и под руководством коммунистических групп, которые стали создаваться в Закарпатье после основания венгерской коммунистической партии в ноябре 1918 г. В эти группы вливались передовые рабочие и крестьяне Закарпатья, а также возвращавшиеся из России военнопленные, которые становились лучшими агитаторами и пропагандистами революционного опыта великой русской революции.

В центре Закарпатской Украины — Мукачево — о победе пролетарской революции в Венгрии стало известно в тот же день, 21 марта, поздно вечером. Созданный накануне отряд красной гвардии, ядро которого составляли рабочие табачной фабрики и вернувшиеся с фронта солдаты, сразу же занял основные пункты города и вокзал. На городской площади собралось около 5 тыс. трудящихся; звучали лозунги: „Да здравствует диктатура пролетариата!“, „Да здравствует Ленин!“, „Горячий братский привет победившему русскому пролетариату — Российской коммунистической партии и ее вождю Ленину“. Первый же выступавший на этом митинге оратор говорил о Советской России, о том огромном влиянии, которое оказала русская революция на развитие революционного движения во всех странах. Взывший в свои руки власть венгерский пролетариат, сказал оратор, прежде всего послал свое горячее приветствие Советской России, ее вождю Ленину и предложил заключение союза между Советской Венгрией и Советской Россией. Представитель местной коммунистической организации, рассказывая о событиях, происшедших в Будапеште, сообщил о первых декретах советского венгерского правительства. Заключительные слова его речи: „Да здравствует Венгерская Советская Республика!“ — были с ликованием встречены собравшимися трудящимися.

В марте — начале апреля 1919 г. по всему Закарпатья, за исключением Ужгорода и части территории по правому берегу р. Уж, куда уже вступили чешские войска, власть начала переходить в руки революционных органов — Советов рабочих, крестьян и солдат.¹

17 апреля* в Мукачево собрался так называемый „Сейм Руськой крайны“, состоявший исключительно из представителей украинской и венгерской буржуазии, так как выборы в него проходили до пролетарской революции — 4 марта 1919 г. Представители революционной власти, прибывшие на заседание Сейма с отрядом вооруженного пролетариата, объявили распущенным этот контрреволюционный буржуазно-националистический орган.

В Береговском округе, ставшем центром коммунистического движения, были изданы революционные законы о роспуске старых буржуазных органов местного управления, национализации банка, промышленных и торговых предприятий, учреждении революционного

¹ Филиал Закарпатского облгосархива в г. Мукачево, ф. Мукачевской горуправы, 1919 г.

суда, всеобщем избирательном праве для трудящихся и лишении политических прав лиц, эксплуатирующих чужой труд. Эти мероприятия осуществлялись революционными органами власти — „Директориумами“, комиссары которых руководили выборами в местные сельские и окружные комитеты.¹ „Директориумы“ были образованы в Берегове, Мукачеве, Чопе, Хусте, Виноградове и Тячеве. Все лица, находившиеся на службе в новых органах революционной власти, приносили присягу в верности пролетарской диктатуре.² В селах было объявлено, что пастбища, леса, пахотные земли переходят в распоряжение государства и будут предоставляться в пользование трудовому народу. Из государственного фонда крестьяне получили горные пастбища. Для поддержания революционного порядка создавались отряды красной милиции.³

Организация новой демократической власти имела первостепенное значение в развитии революционной борьбы трудящихся. Однако здесь были допущены серьезные ошибки: в органах власти было оставлено немало чиновников старого буржуазного аппарата, саботировавших, несмотря на данную ими присягу, осуществление важнейших политических мероприятий.

В составе „Директориума“ оказались даже такие отъявленные враги революции, как буржуазный адвокат А. Штефан, б. губернатор „Руськой крайны“, и агент венгерской буржуазии, а затем французский и американский шпион И. Каминский. Оба они приняли на себя руководство подготовкой контрреволюционного заговора.

Социалистическая революция в Венгрии, наряду с революционными преобразованиями в области социальной жизни, выдвигала и революционное решение национального вопроса, ибо „победа Советов и установление диктатуры пролетариата являются основным условием уничтожения национального гнета...“.⁴

В первом пункте изданного Венгерским Советским правительством декрета о национальной политике провозглашалось, что Венгерская Советская республика хочет уничтожить национальное угнетение невенгерских народов, проживающих в Венгрии, так как национальное угнетение является одним из видов угнетения трудящихся капиталистических стран. Венгерская республика Советов не будет знать национального вопроса в том смысле, в каком он существовал в буржуазной Венгрии. Она будет опираться на братский союз народов, говорящих на разных языках.⁵

Буржуазное правительство Карольти также делало попытки разрешить национальный вопрос. Оно провозгласило „право на самоопределение“ невенгерских народов, при сохранении границ старой Венгрии. В его манифесте от 5 декабря 1918 г. говорилось: „Мы готовы дать полную административную и культурную автономию всем народам, живущим у нас. Хотим создать из старой Венгрии свободную, демократическую восточную Швейцарию“.⁶ Издавая подобную декла-

¹ „Deset let Československe republiky“, Praha, 1928, s. 335.

² Филиал Закарпатского облгосархива в г. Мукачеве, ф. Мукачевской горуправы, 1919 г.

³ Филиал Закарпатского облгосархива в г. Мукачеве, распоряжение Тиссодольского Народного комиссариата, № 2, 1919.

⁴ И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 19.

⁵ R. Reiman. D jnu komunistické strany Československa. Praha, 1931, s. 98.

⁶ Цит. по книге: R. Reiman. Op. cit., s. 96.

рацию, буржуазное венгерское правительство надеялось ослабить национально-освободительное движение угнетенных народов Венгрии.

По отношению к Закарпатыю это общее прокламирование права на „автономию“ нашло свое конкретное выражение в изданном 25 декабря 1918 г. законе „О национальной автономии русинов, живущих в Венгрии“, по которому Закарпатская Украина, под наименованием „Руськой крайны“, получала автономию во внутреннем управлении, в вопросах судопроизводства, культуры и религии, автономную законодательную и административную власть, возглавляемую губернатором и „русько-краинским“ министром. Финансовые, экономические и внешнеполитические вопросы попрежнему могли решаться только в общегосударственном порядке.¹ Правительство Карольи, учитывая военное и экономическое значение Закарпатской Украины, хотело удержать ее за собой и изданием закона „О национальной автономии русинов“ до некоторой степени удовлетворяло интересы промадьярски настроенной группы закарпатской буржуазии, которая, находясь на службе у господствующих классов Венгрии, стремилась под прикрытием „национальной автономии“ усилить свое собственное господство над трудящимися Закарпатья, свернуть их с пути революционной борьбы, подчинить своему влиянию. Национальный вопрос не мог быть разрешен в буржуазной Венгрии, так как при господстве капитализма, частной собственности на средства производства и при наличии эксплуататорских классов оставались и непримиримые национальные противоречия.

Национальный вопрос в Венгрии мог быть решен только в связи с революционной борьбой за демократическое и социалистическое преобразование общества. Венгерская пролетарская революция и создавала условия для этого. С провозглашением советской власти в Будапеште был образован „Русько-краинский народный комисариат“, который осуществлял все мероприятия советской власти в Закарпатье. Объявлено было об организации школ для обучения детей на родном языке. Советское правительство принимало меры к тому, чтобы улучшить жизненный уровень закарпатских крестьян, помогая им одеждой, продовольствием, посевными материалами. 12 апреля 1919 г. в Мукачево начала выходить политическая еженедельная газета „Руська правда“.²

После проведенных в марте—апреле 1919 г. выборов в местные Советы должен был быть образован в Закарпатье Совет рабочих, солдат и крестьян-бедняков, но он не мог собраться в виду начавшейся интервенции и выступления внутренней контрреволюции.

Венгерское советское правительство не могло за краткое время своего существования провести в жизнь намеченную программу по национальному вопросу, но его историческая заслуга состоит в том, что изданный декрет советская власть превратила в революционное действие, снискав тем самым себе доверие и поддержку у рабочих и крестьян Закарпатья. Советская власть положила начало уничтожению той отчужденности, которая существовала между разными народами в Венгрии, создавала основу для их революционного единства. 1 апреля 1919 г. Совет „Руськой крайны“ телеграфировал из Мукачева

¹ Ю. Русак. Воспоминания, стр. 38.

² Газ. „Руська правда“, Мукачево, 12 апреля 1919 г., № 1.

в Будапешт, что он будет всеми силами поддерживать Венгерскую Советскую республику, и просил передать привет от украинских трудящихся Закарпатья советскому правительству в Москве.¹ И когда над Советской Венгрией нависла угроза иностранного вторжения, рабочие и крестьяне Закарпатской Украины с оружием в руках выступили на защиту республики Советов.

Вопрос о военной интервенции против Советской венгерской республики стал обсуждаться буржуазными государствами буквально в первые же дни ее существования. Империалисты вынуждены были признать, что революция в Венгрии — это новое доказательство всемирно-исторического значения происшедшей в России социалистической революции. С этим нельзя было не считаться. Уже 23 марта французская буржуазная газета „Тан“ писала: „Политика Принцевых островов устарела. Когда мы пригласили Ленина на Принцёвы о-ва, мы хотели договориться с ним как с побежденным, но после Одессы и пролетарской революции в Венгрии приходится говорить с ним как с победителем“. В Верховном Совете заседавшей в Париже мирной конференции сразу появился план послать генерала Манжена „для наведения в Венгрии порядка“ силами румынской армии. Однако 1 апреля из Парижа была спешно отправлена в Будапешт „мирная миссия“ генерала Смэтса, в состав которой, для придания ей „международного характера“, были включены английский дипломат Никольсон, сотрудник американской миссии Кулидж, архиепископ Сплитский, какой-то итальянский адъютант и один из адъютантов Фоша.² Характер миссии, которая официально отправлялась в Будапешт для установления перемирия между венграми и румынами, определялся прежде всего участием в ней самого генерала Смэтса и ответственных лиц из военной разведки. Миссия в специальном вагоне 4 апреля прибыла в Будапешт. По отрывочным записям, содержащимся в дневнике Никольсона, можно понять, что попытка посредничества между венграми и румынами о заключении перемирия была только предлогом для появления миссии в Будапеште, так как Смэтс уже вечером 5 апреля прерывает переговоры и отдает распоряжение о немедленном отправлении поезда, даже не предупредив об этом венгерских представителей, стоящих еще на перроне будапештского вокзала. „Мы ускользаем в ночь, — записывает Никольсон. — Перед нами картина: четверо растерянных людей, которые смотрят нам вслед с неопишым изумлением“.³

В своих записках английский дипломат Никольсон так и не назвал действительной причины, которая побудила Антанту выслать эту „мирную“ миссию в революционную Венгрию. Но нам кажется, что установить это не представляет труда. Официально отказавшись от посылки генерала Манжена, который бы принял на себя руководство румынским вторжением в Венгрию, Верховный Совет Антанты решил обмануть международное общественное мнение и под прикрытием „мирной миссии“ Смэтса провести последние приготовления к началу интервенции против Советской Венгрии, скрыв при этом, что именно Антанте принадлежит руководящая роль в организации военного нападения на молодое советское государство. Буржуазные государства — Чехословакия и Ру-

¹ R. Reiman. Op. cit., s. 98.

² Г. Никольсон. Ук. соч., стр. 229.

³ Там же, стр. 235.

мыслия — явились исполнителями плана Антанты, притом весьма ревностными, так как эта интервенция отвечала собственным интересам стоящей у власти буржуазии этих стран. Вечером 6 апреля Смэтс со своей миссией прибыл в Прагу. На следующее утро миссию принял президент Чехословакии. После официального приема Масарик и Смэтс остаются вдвоем. Целый час между ними продолжается беседа. И хотя двери кабинета президента оставались закрытыми, не трудно, как нам кажется, установить предмет состоявшегося разговора, так как на следующий день, 7 апреля, министр национальной обороны Чехословацкой республики Клофач отдал тайное распоряжение генералу Пишону, генералу Энноку, земскому воинскому командованию в Кошицах и командиру 4-й дивизии, стоявшей в Попраде, чтобы они в ближайшее время были готовы выступить во главе чехословацких войск против Советской Венгрии. В этом приказе говорилось и о том, что одновременно с наступлением чехословацких войск начнется также наступление румын и сербов. Генералу Энноку приказывалось немедленно установить связь с командованием румынской армии, наступающей с востока. Приказ о наступлении был отдан министром Клофачем 27 апреля 1919 г., и в тот же день чехословацкие войска, под командованием французских и итальянских офицеров, перешли чехословацко-венгерскую демаркационную черту, начав интервенцию против Советской Венгрии.¹ В это же время с востока уже двигались на Венгрию румынские контрреволюционные войска.

Общезвестно, что интервенция против Венгерской Советской республики была подготовлена Антантой; посещение генералом Смэтсом чехословацкого президента — лишнее тому доказательство. Буржуазное правительство Чехословакии и само деятельно готовило военное нападение. Буквально на следующий день после провозглашения советской власти в Венгрии, 22 марта 1919 г., пражская газета „Večerník prava lidu“ писала, что будут предприняты меры к тому, чтобы сломить советскую республику. „Возможно, что и Чехословацкая республика, — писала газета, — будет призвана участвовать в военном нападении“.

К моменту начала интервенции против Советской Венгрии в Париже, в результате секретных переговоров Крамаржа и Бенеша с представителями Соединенных Штатов Америки, Англии и Франции, уже было принято решение о военной оккупации чехословацкими войсками Закарпатской Украины.² Это решение было с одобрением встречено закарпато-украинской буржуазией, которая, в страхе перед развивающейся в Венгрии социалистической революцией, стремилась с помощью иноземных штыков задушить революционное движение в Закарпатье и спасти тем самым свое положение. Об этой предательской роли украинских буржуазных националистов в Закарпатье свидетельствует хотя бы тот факт, что в конце апреля 1919 г. Жаткович, ведший в это время в Ужгороде подготовительную работу по объединению буржуазных политических группировок, придерживавшихся различной внешнеполитической ориентации, спешит в Париж с настойчивой просьбой о том, чтобы мирная конференция дала официальное

¹ M. Gosiorovský. O sovietoch na Slovensku v roku 1919. „Nova mysl“, 1949, № 3, s. 278.

² Raušer. Op. cit., s. 67.

разрешение чехословацкому войску на занятие территории Закарпатской Украины восточнее р. Уж.¹

В день возвращения Жатковича из Парижа, 8 мая 1919 г., в Ужгороде, занятом чешским и французским войском, была разыграна комедия „добровольного присоединения“ Закарпатской Украины к Чехословакии. Выше мы уже указывали на то, что чехословацкое правительство, имея намерение с помощью американских и англо-французских империалистов во что бы то ни стало включить Закарпатскую Украину в состав Чехословакии, через своих агентов вело в Закарпатье агитацию за осуществление этого плана. Особенно активной эта деятельность становится после того, как из США, через Париж и Прагу, прибыл в Ужгород Жаткович. Остановившись на квартире у Волошина, Жаткович передал ему 10 тыс. долларов „за услуги американским представителям“.² В конце апреля 1919 г., прикрывая свои империалистические планы лозунгом о войне „истинного социализма“ против „восточного большевизма“, чехословацкое правительство социал-демократа Тусара предприняло военный поход против революционной Венгрии, осуществляя тем самым выработанный в Париже план удущения молодой советской республики. Президент Чехословакии Масарик специальным обращением призвал население Подкарпатского края решить свою судьбу „согласно священному принципу права народов на самоопределение“, не забыв при этом добавить, что находящиеся под Карпатами чехословацкие войска придадут должный вес этому „народному решению“. Тогда же французский генерал Эннок, направленный военным министерством Франции в распоряжение правительства Чехословацкой республики и принявший на себя командование военными силами, ведшими борьбу против Советской Венгрии, получил телеграмму Клемансо, в которой говорилось, что „Подкарпатская провинция должна быть во что бы то ни стало включена в состав Чехословакии“. Эннок ввел французские части в Ужгород и в первом же обращении к населению объявил: „С приходом моих войск вы являетесь жителями Чехословацкой республики“. Народные массы сразу же начали оказывать сопротивление этому насилию. На многочисленных митингах и собраниях выражались протесты против насильственного присоединения к Чехословакии. В Мукачево, Сваляве, Солотвине создавались вооруженные рабочие отряды. В районах, занятых оккупантами, разрушались телеграфные и телефонные линии, железнодорожное полотно. 1 мая на многих промышленных предприятиях произошли стачки.

Но в условиях военной оккупации борьба для трудящихся Закарпатье была не легкой. К началу мая объединенными контрреволюционными силами чехов и румын, при участии французского интервенционистского войска, была занята уже большая часть Закарпатье. В оккупированных районах был установлен жестокий режим военной диктатуры. В каждом населенном пункте брались заложники, которые расстреливались при сопротивлении населения оккупантам.

Французский премьер-министр Клемансо приказал генералу Энноку принять все меры к подавлению революционного движения в Закарпатье. Конкретные указания Эннок получал от находившегося при

¹ „Expose . . .“, s. 10.

² Я. Чубуков. Кати в сутанах. „Закарпатська правда“, 5 сентября 1950 г.

нем представителя Вильсона — начальника американской миссии в Ужгороде, полковника Бенджмина Ф. Паркера. Миссия Паркера представляла здесь интересы американских империалистов, намеревавшихся с помощью своего агента Жатковича, вывезенного из Вашингтона вместе с приставленными к нему американскими разведчиками, превратить Закарпатскую Украину в свою колонию.¹

В этих условиях свирепого оккупационного террора и была разыграна инсценировка „добровольного присоединения“ Закарпатской Украины к Чехословакии. 8 мая в здании Ужгородской гимназии, оцепленном чешскими легионерами, состоялось собрание представителей Ужгородской Угро-русской народной рады, Пришевской Карпато-русской народной рады и нескольких членов Хустской рады (не имевших полномочий ее представлять). Руководили этим собранием, окрещенным в Праге громким названием „Всерусинского национального конгресса“, А. Волошин, Г. Жаткович, А. Бескид, И. Каминский и другие продажные буржуазно-националистические политики, присвоившие себе право говорить от имени всего закарпато-украинского народа. Это собрание помещиков и кулаков, попов и адвокатов, фабрикантов и торговцев, вызванных в Ужгород по специальному списку, заранее составленному в штабе французских оккупационных войск, заседая под охраной французских и чехословацких штыков, приняло решение о создании Центральной русской народной рады и о присоединении к Чехословакии,² решение, выработанное в Вашингтоне и апробированное в Париже, фигурировавшее затем в комиссиях и подкомиссиях „Мирной конференции“ как доказательство „желания“ Закарпатской Украины войти в состав Чехословакии. Именно эти решения были использованы буржуазной чехословацкой историографией для создания легенды о „добровольном присоединении Подкарпатской Руси к Чехословакии“, об освобождении чехословацким войском „подкарпато-русского народа“.³ Эта дата — 8 мая 1919 г., — по заявлению Бенеша, сделанному им в речи, произнесенной в Ужгороде в 1934 г., явилась „высшей точкой этого освободительного дела“.⁴

Образованная 8 мая „Центральная русская народная рада“, почетным председателем которой был назначен Жаткович (заявивший, между прочим, на первом же заседании, что „он готов все свои силы пожертвовать для блага своего народа“, однако „без нарушения своего американского гражданства“,⁵ поставила первой своей задачей определение тех условий, на которых должно быть осуществлено присоединение к Чехословакии. Однако на эту работу было затрачено немного времени: без всяких обсуждений были приняты 14 пунктов,

¹ Я. Чубуков. Подрывная деятельность американских и англо-французских интервентов и их агентов в Закарпатье. „Советское Закарпатье“, 24 ноября 1949 г.

² Закарпатский обласархив, ф. Президиума гражданского правления Подкарпатской Руси, 1920 г., № 366; Raušer. Op. cit., s. 68; K. Krofta. Dejiny Československa. Praha, s. 273; Ю. Русак. Воспоминания, стр. 57; „Expose...“, s. 10.

³ Э. Бенеш. Речь о подкарпато-русской проблеме; E. Beneš. Podkarpatska Rus s hlediska zahraničně-politického; I. Brandejs. Vyvoj politických pomerů na Podkarpatské Rusi v období 1918—1935; Hartl. President Masaryk a Podkarpatska Rus; Hatalak. Jak vznikla myšlenka připojit Podkarpatskou Rus k Československu; Masaryk. Svetova revoluce, II; Masaryk. Cesta demokracie, I; Raušer. Op. cit.; „Восемь лекций о Подкарпатской Руси“, Прага, 1934.

⁴ Э. Бенеш. Речь о подкарпато-русской проблеме, стр. 19.

⁵ „Expose...“, s. 13.

привезенные Жатковичем из Америки и уже известные чехословацкому правительству. Такая поспешность и полное согласие обнаружилось прежде всего потому, что, как это признает сам Жаткович, Рада, „совершившая свою акцию в революционное время“, стремилась прежде всего к отделению Закарпатья от революционной Венгрии.¹ За присоединение к Чехословакии высказывались и венгерские помещики, участвовавшие в собрании 8 мая, выступая тем самым „против мадьярского большевизма“.²

В качестве основного условия присоединения Закарпатья к Чехословакии „Центральная русская народная рада“ выдвигала создание независимого „Русского государства“ в „Чехословацко-Русской республике“, которое имело бы свои точно определенные границы и пользовалось широкой автономией в управлении и внутренней жизни.³ Тем самым закарпато-украинская буржуазия добивалась для себя преимущественного права в угнетении закарпато-украинских трудящихся масс. Так называемая „национальная автономия должна была обеспечить ей полное классовое господство на Закарпатской Украине. И здесь, говоря словами товарища Сталина, „национальный флаг пристегивается к делу лишь для обмана масс, как популярный флаг, удобный для прикрытия контрреволюционных замыслов национальной буржуазии“.⁴

23 мая делегация „Центральной русской народной рады“ прибыла в Прагу и торжественно передала президенту протокол принятых в Ужгороде решений. Копия этого протокола тогда же была отправлена Бенешу в Париж.⁵ Жаткович остался в Праге для дальнейших совещаний с президентом. Совещания, начавшиеся в конце мая, были вскоре прерваны в связи с переходом в наступление венгерской Красной Армии и новым расширением революционного фронта — провозглашением Словацкой советской республики⁶ — и возобновились только 10 июля. Этим переговорам чехословацкое правительство не придавало особого значения, так как не считало „Центральную русскую народную раду“ сколько-нибудь серьезной политической силой на Закарпатье и поэтому не собиралось принимать во внимание выдвигаемые ею требования. О том, что положение Рады было до крайности шатким, свидетельствовали и письма заместителя председателя Рады Волошина находившемуся в Праге Жатковичу. Сообщая в них о паническом бегстве Рады из Ужгорода при приближении частей Красной Армии, Волошин напоминал Жатковичу о необходимости скорейшего решения вопроса о территории и управлении будущего „Русского государства“, чтобы хоть сколько-нибудь поднять престиж Рады, не пользующейся никакой популярностью в народе.⁷

Понимая, что „Центральная русская народная рада“ не может представлять воли закарпато-украинского народа, правители Чехословакии рассчитывали прежде всего на свою военную силу и, ведя борьбу против Советской Венгрии, осуществляли вместе с тем план

¹ „Exposé...“, s. 14.

² ЦГИА УССР, ф. 32 с: арх. № 74 (79), оп. 1, л. 3.

³ „Exposé...“, s. 12—14.

⁴ И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 161—162.

⁵ „Exposé...“, s. 14.

⁶ M. Gosiorovský. O sovietoch na Slovensku v roku 1919. „Nova mysl“, 1949, № 3, s. 280—282.

⁷ Закарпатский облгосархив, ф. 29, 1919 г., ед. хр. 13, л. 2а.

военной оккупации Закарпатской Украины. Однако это было делом не легким. Трудящиеся массы Закарпатской Украины решительно отвергли вынесенное „Центральной русской народной радой“ решение о присоединении к Чехословакии, видя в этом новое социальное и национальное порабощение. Они боролись за власть Советов, за свободу, за существование Венгерской Советской республики, вступившей в союз с Советской Россией. Закарпато-украинские революционные рабочие и крестьяне создали свои военные формирования — Русинскую червоную дивизию и Отдельный русинский батальон, которые вместе с Красной Армией Советской Венгрии героически сражались против чехословацких, румынских и венгерских контрреволюционных войск. Русинские части 10 дней сдерживали наступление врага у Чопа, участвовали в наступлении на Мишкольц, обороняли Шайо-Петрия, наступали с венгерской Красной Армией на Кошицы, заняли Требишов.¹ Марамарошские части Русинской червонной дивизии действовали в тылу наступающих с востока контрреволюционных румынских войск. Главнокомандующий венгерской Красной Армией в своей речи на съезде Советов, говоря о героической борьбе красноармейцев, особо указывал на самоотверженность, преданность делу революции закарпатских воинов — бедняцких солдат Ужгородщины, Береговщины, Кошиччины и Затиссья.²

Красная Армия Советской Венгрии героически защищала завоевания революции. Отбросив интервентов от Будапешта, она развивала наступление против контрреволюционных войск на запад, вступив на территорию Чехословакии и вызвав подъем революционного движения среди чешских и словацких трудящихся. В городах и селах Словакии создавались рабочие, крестьянские и солдатские Советы, а 16 июня 1919 г. в Пряшеве на народном собрании, при участии нескольких тысяч трудящихся, была провозглашена Словацкая советская республика и избран временный революционный исполнительный комитет, преобразованный затем в Словацкий революционный правительственный совет. Местом его пребывания стал город Кошицы.³

Боевые успехи венгерской Красной Армии и развитие советского движения в Словакии усилили революционный героизм рабочих и крестьян Закарпатья. Во время летнего наступления, начавшегося в конце мая 1919 г., Красная Армия изгнала оккупантов из многих районов Закарпатской Украины, освободила город Мукачево. Завязались бои за Ужгород. Революционное движение разгоралось в тылу у врага. Трудящиеся с оружием в руках поднимались на борьбу против оккупантов, восстанавливали местные органы советской власти.

Однако, несмотря на временные успехи, положение Советской Венгрии становилось все тяжелее. Против этого небольшого государства, которое, по примеру Советской России, пыталось установить у себя новый общественный строй и поэтому рассматривалось империалистами как очаг „восточного большевизма“ в центре Европы, с яростью выступила Антанта, использовав для организации контрреволюционного похода против молодой Советской республики войска

¹ „Календарь правды на 1921 рок“. Изд-во Международной социалистической партии Подкарпатской Руси. Ужгород, 1920, стр. 33—34.

² „Карпатська правда“, Ужгород, 2 февраля 1930 г.

³ М. Gosiorovsky. O Sovietsoch na Slovensku v roku 1919. „Nova mysl“, 1949, № 3, s. 280—281.

буржуазных государств Чехословакии и Румынии. Интервентам оказывала поддержку внутренняя венгерская контрреволюция, также вооружаемая и подстрекаемая англо-французским и американским империализмом.

Революционный пролетариат всего мира с тревогой следил за героической борьбой Советской Венгрии. Выступая летом 1919 г. на рабоче-красноармейской конференции, В. И. Ленин, напомнив временные неудачи Красной Армии в Советской России и обратившись затем к венгерским событиям, сказал: „... нас спасала и спасает громадность территории, между тем как Венгрия слишком мала для того, чтобы дать отпор всем своим врагам“.¹ Силы были слишком неравны. Советская Россия не могла тогда оказать помощь Венгерской Советской республике. 1 августа 1919 г. революционная Венгрия пала, Будапешт был занят контрреволюционными войсками. К власти пришла венгерская белая реакция, затопившая в крови страну, где 4½ месяца развевалось знамя социалистической революции. С получением известия о вступлении румын в Будапешт В. И. Ленин сказал: „Пусть сейчас румынская колчаковщина пляшет на трупах венгерских рабочих. Но мы знаем, что это торжество недолгое“.² Ленин предсказывал, что за первой, погибшей Венгерской Советской республикой „последует победоносная вторая“.³

Поражение венгерской социалистической революции объясняется не только внешними причинами, но и внутренними.

Анализируя причины поражения Советской власти в Венгрии, В. И. Ленин считал главной из них то, что молодая, недостаточно политически опытная, коммунистическая партия Венгрии совершила глубокую ошибку, механически объединившись с социал-демократической партией, в том числе и с правыми социалистами, агентами контрреволюции в рабочем движении. „Имея в своих рядах реформистов, меньшевиков, — говорит Ленин, — нельзя победить в пролетарской революции, нельзя отстоять ее“.⁴ Гибель Советской республики в Венгрии наглядно показала, как велика опасность для революционной партии в слиянии с социалистами, признающими на словах диктатуру пролетариата, а на деле трусливо и малодушно предающими революцию. Венгерские „социалисты“ и „социал-демократы“ погубили советскую власть в Венгрии,⁵ — прямо указывал Владимир Ильич. „Окружающие венгерскую Советскую республику всемирно-могущественные разбойники империализма (т. е. буржуазные правительства Англии, Франции и т. д.) сумели, конечно, использовать эти колебания *внутри* правительства венгерской Советской власти и зверски задушили ее руками румынских палачей“.⁶

Прямым следствием объединения коммунистической партии Венгрии с социал-демократией было оппортунистическое отношение руководителей Венгерской Советской республики к разрешению аграрного вопроса. Рассматривая аграрный вопрос как чисто экономический вопрос, а не как вопрос стратегии пролетарской революции, венгер-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 509.

² Там же, стр. 507—508.

³ Там же, т. 30, стр. 329.

⁴ Там же, изд. 3-е, т. XXV, стр. 462.

⁵ Там же, т. 30, стр. 330.

⁶ Там же, стр. 329.

ские коммунисты не провели необходимых мероприятий для укрепления союза рабочего класса с крестьянством. Земли, конфискованные у помещиков, не были розданы крестьянам. Эта неправильная политика в решении земельного вопроса, поколебавшая доверие крестьянских масс Венгрии к пролетарской диктатуре, отрицательно сказалась и на положении советской власти в Закарпатье, где подавляющая масса крестьянства была безземельной или малоземельной и земельный вопрос поэтому имел первостепенное значение. Правда, в пользование крестьян были переданы горные пастбища из государственного фонда, что имело большое значение для крестьян в условиях горных скотоводческих районов, однако это далеко не решало земельного вопроса в целом, так как помещичьи земли оставались неразделенными.

Поражение пролетарской революции в Венгрии привело к ликвидации советской власти и на Закарпатской Украине. Большая часть ее территории была уже оккупирована чехословацкими и румынскими войсками.

После удушения Словацкой советской республики, просуществовавшей всего три недели,¹ контрреволюционные чехословацкие войска возобновили свое продвижение в глубь Закарпатской Украины, добиваясь завершения ее полной оккупации. К концу июля чехословацкими войсками вновь были заняты Чоп, Мукачево, а также территория по р. Латорице до Воловца.² Восточные районы были оккупированы румынами. В то время как на Парижской мирной конференции империалистами Англии, Франции и Соединенных Штатов Америки решалась судьба Закарпатской Украины — вопрос о ее будущей государственной принадлежности, — буржуазная Чехословакия, при полном согласии заседавших в Париже дипломатов, больше того, с помощью французского Генерального штаба, фактически заканчивала военную оккупацию Закарпатской Украины. По мере продвижения оккупационных войск в глубь закарпато-украинской земли чехословацкое правительство создавало в „освобожденных“ районах „предпосылки“ для установления „демократического режима“. Главной из таких „предпосылок“ оно считало военную диктатуру, введенную для Словакии и Подкарпатской Руси еще 6 июня 1919 г., когда вся власть на этой территории была передана в руки верховного главнокомандующего, французского генерала Эннока.³ Жестокий режим военной диктатуры был признан чешской буржуазией единственно возможной формой управления, „способной восстановить порядок на Подкарпатской Руси“,⁴ которая и после поражения венгерской революции оставалась очагом революционного движения. В Ужгороде был размещен штаб генерала Эннока, именуемого теперь „Верховным командующим Карпато-русской территории“.⁵ Для организации гражданской администрации 29 июля 1919 г. Министерством внутренних дел был послан в Закарпатье видный чешский правительственный чиновник Брейха и целый чиновничий аппарат, составивший „Гражданское управление

¹ M. Gosiorovský. O Sovietoch na Slovensku v roku 1919. „Nova mysl“, 1949, № 3, s. 281.

² Raušer. Op. cit., s. 69—70.

³ Филиал Закарпатского облгосархива в г. Мукачево, ф. Мукачевской горуправы, 1919 г.

⁴ I. Brandejs. Vyvoj politických pomerů na Podkarpatské Rusi v období 1918—1935. „Podk. Rus.“, s. 72—88.

⁵ Закарпатский облгосархив, ф. 29, 1919 г., ед. хр. п. 2, л. 17.

Подкарпатской Руси“. Шеф Гражданского управления Брейха стал „гражданским атташе“ военного диктатора.

Так на базе военной оккупации, осуществленной с помощью империалистов Антанты, чешская буржуазия в 1919 г. начала устанавливать свое господство на Закарпатской Украине, рассматриваемой международным империализмом прежде всего как плацдарм для борьбы против Советской России, против пролетарской революции. „Чешские и французские империалисты бросили свои войска на Закарпатье, оккупировали наш край, расстреливали наших рабочих и крестьян, — писал Подкарпатский краевой комитет коммунистической партии Чехословакии в 1934 г., призывая трудящихся Закарпатской Украины на борьбу против чешской оккупации. — Кровавой оккупацией они завладели нашим краем для того, чтобы эксплуатировать здешнее трудящееся население, хищнически грабить залежные природные богатства и, главное, также для того, чтобы иметь возможность через наш край вести контрреволюционную борьбу против Советского Союза. Это последнее определяет оккупационную политику чешских империалистов в нашем крае с самого начала оккупации...“¹

Захват Закарпатской Украины чехословацкой буржуазией был „юридически оформлен“ согласно послевоенным империалистическим принципам „международного права“. Выработанные в Париже решения относительно включения Закарпатской Украины в состав Чехословакии нашли свое отражение в Сен-Жерменском договоре, подписанном 10 сентября 1919 г. В пункте 10-м этого договора значилось: „Чехословакия обязуется образовать на территории русин, южнее Карпат, в границах, определенных великими союзными и дружественными державами, автономную единицу в рамках Чехословацкого государства, с предоставлением ей широчайшей автономии, совместимой с целостностью Чехословацкого государства“. Следующими за этим пунктами (10—13) договор предусматривал создание для Закарпатской Украины особого автономного сейма, обладающего законодательной властью в вопросах, которые будут переданы в его компетенцию законами Чехословацкого государства (имелись в виду вопросы языка, школы, религии, местного самоуправления); назначение президентом Чехословацкой республики губернатора этой области, ответственного перед местным сеймом; обязательство Чехословакии назначать должностных лиц из местного населения и обеспечить закарпатским украинцам „справедливое представительство в законодательном собрании ЧСР“.² В феврале 1920 г., на основании Сен-Жерменского договора, чехословацкое правительство провозгласило в законодательном порядке присоединение Закарпатской Украины, получившей официальное наименование „Подкарпатской Руси“, к Чехословакии. Это сделано было путем включения соответствующих статей в „Конституцию Чехословацкой республики“.³

Так произошло включение Закарпатской Украины в состав Чехословакии. Это было актом большой исторической несправедливости. Когда в результате Великой Октябрьской социалистической революции в России украинский народ получил возможность создать свое

¹ Закарпатский облгосархив. „Всі до бою за краще життя на Закарпатті!“ — подпольная брошюра Подкарпатского краевого комитета КПЧ, 1934 г.

² „Zbirka zákonů a nařizení státu Československého“, 1921 г., zak. № 134.

³ Ibid., 1920 г., zak. № 121.

национальное Советское государство, трудящиеся Закарпатской Украины единодушно высказались за присоединение к Советской Украине. С голосом народных масс Закарпатской Украины не пожелали считаться на Парижской мирной конференции. По злому замыслу заседавших там империалистов закарпатские украинцы, вопреки их национальным стремлениям, были присоединены к Чехословакии. Таким образом, начатая после Октябрьской революции трудящимися Закарпатской Украины борьба за воссоединение с Советской Украиной не была тогда доведена до конца. Осуществлению стремления закарпатских украинцев к воссоединению с братским украинским народом воспрепятствовали англо-французские и американские империалисты, оказавшие поддержку буржуазной Чехословакии в насильственном присоединении Закарпатской Украины.

Немалую роль, как мы уже видели, в этом сыграли и предательские действия закарпато-украинских буржуазных националистов, не желавших видеть Закарпатье в составе Украинского Советского Социалистического государства. Об этом подлом предательстве закарпато-украинской буржуазии напоминала трудящимся коммунистическая партия Закарпатской Украины (Краевая организация коммунистической партии Чехословакии), поднимавшая народ в годы чехословацкого господства на борьбу за социальное и национальное освобождение, за воссоединение с Советской Украиной.

«Напомним себе 1918, 1919 годы... Когда бывшая Австро-Венгрия под ударами революции распалась, „наши“ Волошины, Брашайки, Сабовы, Грабари, Бескиды искали помощи у мадьярских, чешских, французских империалистов, чтобы и на далее заковать в капиталистическое рабство трудящихся Закарпаття.

Они ходили торговать нашей шкурой в Будапешт и Париж, они никогда не боролись за самостоятельность украинского народа, они способствовали оккупации чешских империалистов нашего края, чтобы только задушить пролетарскую революцию».¹

Чехословацкое правительство использовало закарпато-украинских буржуазных националистов для удушения революционного и национально-освободительного движения на Закарпатье, а также для морального оправдания своего насильственного захвата Закарпатской Украины.

Насильственное включение Закарпатской Украины в состав буржуазного Чехословацкого государства не сломило воли трудящихся масс Закарпаття, продолжавших борьбу за свое социальное и национальное освобождение, за воссоединение с Советской Украиной. Руководящая роль в этой борьбе принадлежала созданной в 1921 г. коммунистической партии Чехословакии, имевшей свою краевую организацию на Закарпатской Украине и пользовавшейся огромным влиянием среди закарпато-украинского пролетариата и беднейшего крестьянства.

Успехи социалистического строительства Советской Украины были великим вдохновляющим примером для рабочих и крестьян Закарпаття, усиливали их решимость в борьбе за социальное и национальное освобождение, укрепляли их веру в победу, в воссоединение со всем украинским народом в едином украинском национальном Советском государстве.

¹ Закарпатский облгосархив. „Всі до бою за краще життя на Закарпатті!“ — підпольна брошура Подкарпатського краевого комітета КПЧ, 1934 г.

Академик В. И. Пичета

РОССИЯ И ПРУССИЯ В ПЕРИОД ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1830—1831 гг.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приступая к изданию рукописного наследия покойного академика Владимира Ивановича Пичета, естественно начать с публикации тех его работ, которые были завершены и частично или полностью подготовлены им самим к печати. К числу таких работ относится публикуемое ниже исследование „Россия и Пруссия в эпоху польского восстания 1830—1831 гг.“. В своем настоящем виде оно было закончено автором еще в конце 30-х гг. Впоследствии академик В. И. Пичета предполагал включить его в виде особой главы в состав своего большого, к сожалению, не законченного труда „Польский вопрос в международном отношении в 1795—1848 гг.“, над которым он работал в последние годы своей жизни. В конце 1946 г. академик В. И. Пичета вновь вернулся к публикуемому нами исследованию, приступив к подготовке его в печать отдельной статьей для I тома „Ученых записок“ Института славяноведения“.

Исследование академика В. И. Пичета посвящено одному, сравнительно узкому вопросу из истории польского восстания 1830—1831 гг. В задачи его не входило дать детальный анализ программы, движущих сил и хода восстания. Не входило в его задачи и всестороннее и подробное изучение международного аспекта польских событий. Судя по содержанию работы, главной целью автора было лишь возможно более полное, с привлечением нового фактического материала, освещение вопроса о русско-пруссских отношениях в связи с восстанием 1830—1831 гг. Само восстание и международные отношения того времени занимают автора постольку, поскольку он считает освещение их необходимым для выяснения линии поведения русского и прусского правительств в польском вопросе.

Большой и тщательно собранный автором архивный материал определяет ценность публикуемой работы. Столь подробное и всестороннее исследование отношений между русским и прусским правительствами по польскому вопросу в 1830—1831 гг. никогда еще не появлялось ни в русской, ни в польской литературе. Следует отметить, что работа академика В. И. Пичета может явиться иллюстрацией к гениальному указанию Ф. Энгельса относительно значения раздела Польши для хода международных отношений первой половины XIX в.

„На чем зиждется прежде всего сила реакции в Европе с 1815 г., отчасти даже со времени первой французской революции?“ — спрашивает Энгельс. И отвечает: „На русско-пруско-австрийском Священном союзе. А что объединяет его? Раздел Польши, из которого все три союзника извлекают пользу.“

Трещина, которую все три державы провели через Польшу, является цепью, приковывающей их друг к другу; совместный грабеж связал их узами солидарности“¹

Недостатки работы академика В. И. Пичета объясняются прежде всего неполнотой его исследования. Изучая ход русско-пруссских сношений по польскому вопросу в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 382.

1830—1831 гг., автор рассматривает их на недостаточно широком международном фоне. В известной мере именно поэтому ему не удалось вполне вскрыть ту, по существу провокационную позицию, которую заняли буржуазные правительства Франции и Англии по отношению к событиям в Царстве Польском. Может быть, ярче всего подлинное отношение буржуазных государств Западной Европы к восставшей Польше могут иллюстрировать слова французского министра иностранных дел, сказанные им после капитуляции Варшавы. „Порядок царствует в Варшаве“, — цинично заявил тогда Себастиани.

Здесь следует решительно подчеркнуть, что буржуазная Франция не хотела и не пыталась оказать восставшей Польше никакой действительной военной или дипломатической помощи. Французская буржуазная дипломатия прилагала все усилия к тому, чтобы превратить восстание в простую военную демонстрацию. Иной ход событий не устраивал французскую буржуазию, которая, время от времени устами своих дипломатов заверяя восставших в сочувствии и помощи, на самом деле только использовала польское восстание для дипломатического нажима на Петербург, для разрешения в выгодном для себя смысле бельгийского вопроса, наконец, для отвлечения широких масс французского народа от борьбы против своей собственной буржуазии.

Перспектива усиления польского восстания, превращения его в подлинно аграрную революцию пугала французских дипломатов. При таких условиях всякая прямая поддержка восставших была исключена. Вооруженное вмешательство Франции в пользу восставшей Польши невозможно, говорил Себастиани польским дипломатам в Париже, так как оно поведет к всеобщей войне в Европе, „а всеобщая война вызвала бы дух революции“.¹

Кстати сказать, враждебный и провокационный характер позиции Франции в польском вопросе поняли в конце концов и сами дипломаты восставших. Вот что писал вождь аристократического лагеря в Польше и фактический руководитель польской дипломатии в 1830—1831 гг. князь А. Чарторыйский польскому дипломатическому агенту в Париже генералу Князевичу относительно позиции Франции: „Почему с самого начала не сказали всей правды, обольщали словами, это — нечестная, гнусная политика. Еще советуют уничтожить врага нашей кровью, чтобы, до конца выжав ее, бросить нас и оставить. Это, если это так, следовало нам предвидеть ранее. Если не дадут нам той помощи (речь шла о доставке оружия, денег, командного состава, о военной демонстрации со стороны Франции), о которой мы просим, трудно будет найти имя для их трусливой и мерзкой политики“.²

Несомненно преувеличено автором значение враждебной позиции прусского кабинета для судьбы восстания. Объяснение этому следует, повидимому, искать в том, что сами польские события фактически остались вне поля зрения исследователя. Автором не показан на конкретном материале шляхетский характер польского восстания 1830—1831 гг., бывшего, по определению Ф. Энгельса, „консервативной революцией“.³ Автор не останавливается на том факте, что восстание не переросло в аграрную революцию, не указывает, что именно этот факт и определил неизбежность конечного поражения восстания 1830—1831 гг.

Следует отметить, однако, что указание на действительные причины поражения восстания 1830—1831 гг. содержатся в других работах академика В. И. Пичета.⁴

В подготовке рукописи академика В. И. Пичета к печати принимали участие В. Д. Королюк, И. С. Миллер, А. П. Пичета.

В. Королюк

1. ПРУССИЯ В ФАРВАТЕРЕ РУССКОЙ ПОЛИТИКИ В ПОЛЬСКОМ ВОПРОСЕ

Польское восстание, вспыхнувшее в 1830 г., на долгое время привлекало к себе внимание России, Австрии и Пруссии, для которых польский вопрос стал центром их международной политики, предметом

¹ Цит. по: J. Dutkiewicz. *Francja a Polska w 1831 r.* Łódź, 1950, s. 102.

² Цит. по: J. Dutkiewicz. *Op. cit.*, s. 121.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. V, стр. 256.

⁴ „История СССР“, т. I. Под ред. В. И. Пичета, М. Н. Тихомирова и А. В. Шестакова. Госполитиздат, 1941, стр. 363—368.

особенного внимания. Бельгийский вопрос и другие вопросы международной политики (даже вопрос об отношении Франции) отступили на задний план. Пруссия и Австрия с величайшим напряжением следили за борьбой русского царизма с повстанцами, так как тот или другой исход борьбы был чреват для них весьма серьезными последствиями. Между Пруссией и Царством Польским существовали тесные экономические связи и вполне понятно, что Пруссия в период польского восстания не могла оставаться нейтральной. Экономические связи и политические отношения, существовавшие в это время между Пруссией и Россией, определяли ту политику, которой держалась Пруссия в эпоху польского восстания. Политика эта всецело диктовалась русским правительством и была враждебна революционной Польше.

С начала восстания всякие связи между Россией и Польшей прекратились. В Петербурге правительству ничего не знало о том, что происходит в Варшаве и как развиваются там революционные события. На русское посольство в Берлине была возложена миссия собирать сведения о польском восстании и весь собранный материал отсылать в Петербург. Надо признать, что депеши русского посла в Берлине — Аллопеуса были весьма подробны и чрезвычайно ценны. Значение донесений Аллопеуса прекрасно понимал сам Николай I, и от его имени Нессельроде неоднократно выражал благодарность русскому послу за его подробную информацию.

Первое время, в силу полного отсутствия в Петербурге каких-либо сведений из Польши, Министерству иностранных дел было трудно ориентироваться в создавшейся обстановке и определить, какой линии держаться в отношении Пруссии, и Аллопеус начал проводить за свой страх и риск ту политику, которая, по его мнению, больше всего отвечала интересам царизма. Такая политика становилась возможной и потому, что прусский кабинет проявлял полное желание пойти навстречу всем планам и пожеланиям русского правительства. Аллопеусу приходилось зорко следить за создававшейся весьма сложной политической обстановкой и сообразовывать с ней свои действия, осуществляя директивы Министерства иностранных дел, одобренные самим Николаем, и выполняя поручения главнокомандующего русской армии фельдмаршала Дибича, с которым Аллопеус, согласно распоряжению Николая, должен был поддерживать самые тесные отношения.¹

Нельзя не признать, что первые шаги Аллопеуса были очень удачны с точки зрения интересов царизма. В связи с началом восстания Нессельроде отправил одобренную Николаем I циркулярную ноту Аллопеусу в Берлин и графу Татищеву в Вену, в которой выражал полную уверенность в том, что „правительства Австрии и Пруссии, по получении известий о событиях в Польше, примут надлежащие меры против штурма в их собственных владениях и не допустят распространения волнений в провинциях, бывших ранее польскими, а теперь принадлежащих обоим монархиям“. Принимая во внимание общность интересов трех держав в польском вопросе, Министерство иностранных дел полагало необходимым „в целях нейтрализации усилий революционной партии запретить как можно скорее вольные общения между Царством Польским и прочей Европой, которые польские бунтовщики могут использовать для общения с Францией как посред-

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, дело № 41, л. 384.

ством корреспонденции, так и посредством поездок во Францию“. Поэтому Министерство иностранных дел полагало, что в интересах Пруссии и Австрии „как можно скорее изолировать Царство Польское от других европейских государств“.¹

По получении из Петербурга этих директив, Аллопеус обратился непосредственно к прусскому королю с просьбой запретить полякам проезжать через Пруссию из Варшавы, а также пересылать свои письма за границу. Эти представления Аллопеуса были удовлетворены. Министерство внутренних дел опубликовало распоряжение, согласно которому все поляки, оказавшиеся на территории Пруссии, должны были быть высланы, за исключением рабочих и ремесленников. Одновременно было отдано распоряжение о вскрытии и просмотре писем, идущих из Варшавы, кроме коммерческих и некоторых других, в которых не предполагалось найти важных сведений.

Прусское правительство опубликовало королевский приказ, запрещающий жителям великого княжества Познанского принимать какое бы то ни было участие в восстании под угрозой конфискации земли. Эта угроза в скором времени была приведена в исполнение: правительство наложило секвестр на имение Дзялынского, который перешел без прусского паспорта границу Царства Польского.²

Для русского посольства имела громадное значение перлюстрация писем. Она производилась с необыкновенной точностью и аккуратностью, и посольство всегда располагало очень богатым осведомительным материалом, благодаря которому оно было в курсе варшавских событий и своевременно могло обо всем уведомлять русское правительство. Особенную ценность представляли перлюстрированные депеши французского консула в Варшаве, отправляемые в Париж на имя министра иностранных дел Себастиани. Депеши французского консула были не только богаты фактическим материалом, но содержали сведения, почерпнутые из бесед с различными революционными деятелями.

Письма, и частные и официальные, на имя польских дипломатов в Лондон и Париж вскрывали тайные пружины польской дипломатии и позволяли царскому правительству всегда находиться в курсе деятельности польской дипломатии, особенно в вопросе об интервенции, необходимость которой настойчиво подчеркивалась ею. Благодаря перлюстрации писем был раскрыт план финансирования польского восстания польским банком, а также план производства закупки необходимого для армии военного снаряжения. Прусское министерство внутренних дел вскрыло немало частных писем и неоднократно в подлинниках пересылало последние в русское посольство. Эти письма, написанные поляками своим знакомым за границу или проживавшими в Варшаве иностранцами, далекими от руководящих революционных кругов, сообщали тем не менее очень много ценного о настроении различных общественных кругов и об отношении последних к вспыхнувшему в Польше восстанию. Прусское правительство, в течение всего революционного периода методически занимаясь перлюстрацией писем, оказало царскому правительству неоценимые услуги. Министерство иностранных дел России не только приобретало сведения первостепенной

¹ Архив... , д. № 39—40, лл. 238—239.

² Там же, д. № 38, лл. 187—188.

важности, но и знакомилось с настроением польского общества, со слабыми и сильными сторонами развивавшегося восстания.

Польское правительство сначала не предполагало возможности вскрытия официальной и неофициальной переписки. Этим объясняется, почему чрезвычайной важности бумаги от имени революционного правительства посылались в Париж и Лондон через Берлин. Вся корреспонденция доходила до места назначения с большим запозданием или совсем не доходила. Представители польского революционного правительства, посланные в Париж и Лондон для создания общественного мнения в пользу восставших, а также для закупки оружия и для зондирования почвы о производстве займа для нужд восстания, часто оставались без директив и не знали, что предпринять, на что решиться. Только в марте 1831 г. поляки заподозрили возможность вскрытия писем, и значительная часть переписки стала направляться в Варшаву и из Варшавы не через Пруссию, а кружным путем — через Вену. Но и здесь производилась такая же перлюстрация писем.

Царская дипломатия действовала вполне успешно и в другом вопросе. По представлению русского посла, прусское правительство, в целях прекращения всякого контакта между восставшей Польшей и Европой, издало распоряжение, согласно которому ни один человек, независимо от своего подданства, не мог направиться в Польшу из Пруссии или продолжать свое путешествие без визы русского посольства.¹ Аллопеус немедленно уведомил об этом свое правительство; кроме того он сообщил последнему, что в дальнейшем он не имеет в виду выдавать визы лицам, желающим ехать в Россию через восставшую Польшу. Всех едущих Аллопеус направлял на Кенигсберг и Вильну.

Распоряжение прусского правительства затрудняло приезд в Варшаву лиц, которые в той или иной степени могли оказать помощь восставшей Польше. Русское посольство широко пользовалось своим правом отказывать в визе на въезд в Польшу, однако политика русского посольства на практике встречала известные препятствия, так как совершенно запретить въезд в Польшу было фактически невозможно. Прусское правительство прекрасно понимало, что русское посольство идет слишком далеко в этом вопросе. Поэтому оно само давало визы на въезд в Варшаву своим подданным, а также тем из иностранцев, которые, с точки зрения прусских властей, заслуживали доверия. Весьма понятно, что русское посольство не раз протестовало против нарушения прусской администрацией ею же изданного постановления.² Особенно частыми стали нарушения этого постановления, когда заболевшего Бернсдорфа заменил граф Ансиллон, который не всегда желал итти на поводу у русского посольства.

В ноте от 10 марта (26 февраля) 1831 г. Ансиллон должен был признать, что многие поляки действительно переходят границу. Это нарушение распоряжения прусского правительства, вызывавшее, по словам временного руководителя иностранной политикой Пруссии, большое недовольство короля, часто зависело от недостаточного контроля местной администрации.³ Через три дня Ансиллон в другой

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностранных дел, д. № 38, лл. 276—278.

² Там же, д. № 41, л. 147.

³ Там же, д. № 40, лл. 154—155.

ноте вынужден был признать действующим королевское решение, запрещающее переходить границу Польши без русской визы.

Такая политика задевала материальные интересы Пруссии, так как задержанные в Пруссии лица фактически находились, за отсутствием средств существования, на содержании правительства. Особенно были задеты интересы буржуазных кругов, экономически связанных с Польшей. Положение настолько обострилось, что Ансиллон должен был просить русского посла о дополнительной по этому поводу декларации.¹ Ответ на ноту был дан с известным запозданием, так как приходилось ждать соответствующей директивы из Петербурга, но самое обращение Ансиллона к русскому послу заслуживает внимания. Пруссия, видимо, стала тяготиться своей чрезмерной угодливостью перед русским посольством.

Действия Аллопеуса получили полное одобрение со стороны Николая I. Последний выражал свое негодование по поводу позиции прусских властей, „не очень внимательно следивших за переходом польско-прусской границы с условием соблюдения всех существующих правил, благодаря нарушениям которых отдельные французские авантюристы имели возможность проезда через прусские владения, чтобы полностью отдать себя в распоряжение польского правительства“.²

Вопрос о финансировании восстания был одним из наиболее важных для польского правительства. Депеши французского консула содержат сообщения о финансовых затруднениях польского правительства. Последнее прекрасно понимало необходимость иметь какой-то постоянный источник получения средств, так как одними патриотическими пожертвованиями и экстренными налогами нельзя было финансировать восстание. Польский банк располагал значительными ресурсами в немецких кредитных учреждениях и, по мнению польского правительства, должен был стать главным кредитным учреждением Польши, находящимся в подчинении польского правительства.

Революционное правительство рассматривало польский банк как польскую собственность, считая, что кроме него никто не имеет права распоряжаться фондами банка. Иного взгляда придерживалось русское правительство. Оно считало, что польский банк принадлежит России, так как он был основан на русские фонды; предоставление последних в распоряжение восстания русское правительство считало преступлением.

Аллопеус прекрасно понимал, как важно было для восставших удачное разрешение финансового вопроса, и поэтому все его внимание было обращено на то, чтобы помешать агентам польского банка найти на берлинском денежном рынке необходимые кредиты. Ни одна попытка агентуры польского банка изъять из немецких кредитных учреждений суммы, составляющие собственность польского банка, не увенчалась успехом. Благодаря перлюстрации писем Аллопеус был прекрасно осведомлен о настроении агентов польского банка и старался всеми зависевшими от него средствами предупредить выполнение их планов.

В принципе и король, и министерство иностранных дел Пруссии шли полностью навстречу желаниям русского посла, все же борьба за польские фонды была длительной и упорной. Требования русского

¹ Архив..., д. № 40, л. 202.

² Там же, д. № 41, л. 577.

посольства задевали интересы частных лиц и отдельных кредитных учреждений, поэтому распоряжения прусского правительства о недопущении вывоза денег в Польшу и о прекращении всяких финансовых операций с польским банком на практике встречало ряд серьезных препятствий.

31 (19) декабря 1830 г. Аллопеус обратился с нотой к прусскому правительству, в которой высказал свои соображения относительно восстания. Признавая, что деятельность польских агентов становится все более и более активной, Аллопеус просил прусское правительство „принять необходимые меры, чтобы лишить повстанцев ресурсов, которые они надеются получить через государство короля для поддержания своего преступного восстания. Это, главным образом, касается польского банка, который пускает в ход все свои средства, чтобы реализовать те фонды, которые он получил от щедрот императора с тем, чтобы восстановить свой кредит. Между тем он снабжает революционное правительство средствами, чтобы бить своего монарха, которому он сам обязан своим существованием. Многие из вкладов, которые он имеет, требуют законодательного распоряжения для их переводов. Поэтому я запретил своим чиновникам выдавать из моей канцелярии разрешение на этот предмет, раз просьба исходит от польского банка. Однако его агенты вообразили, что они могут довольствоваться мнимыми распоряжениями русских должностных лиц, которые никогда не были уполномочены, чтобы снабдить их ими. Агенты еще располагают вкладами на предъявителей, остановить реализацию которых не зависит от меня. Все эти фонды, превращенные в слитки в Гамбурге, находятся в настоящее время в Берлине для того, чтобы быть пересланными далее по почте в Варшаву. Чтобы покончить со всеми этими ходами, я позволю себе разрешить просить ваше величество выслать на родину агентов польского банка — Высоцкого и Багневского, которые находятся сейчас в Берлине, а также издать распоряжение на имя дирекции почты о прекращении на будущее время денежных посылок в взбунтовавшийся край“.¹

В содержании ответа прусского короля не приходилось сомневаться. Ансиллон в ответной ноте 4 января 1831 г. (23 декабря 1830 г.) полностью принял предложения русского посольства как в отношении вкладов разменной монеты, так и в слитках, составлявших собственность польского банка. Ансиллон соглашался наложить арест на деньги, транспортируемые из Гамбурга через Силезию в Варшаву.² Однако арест денег не последовал. Разумеется, это взволновало русское посольство, и Аллопеус в своей депеше от 9 января 1831 г. (28 декабря 1830 г.) должен был признать, что „пока ему неизвестно ничего о судьбе денег в банке, а между тем имеется основание предполагать, как сообщает Татищев из Вены, что агенты польского банка намерены перенести свою деятельность в Вену“.³

Полагая, что прусское правительство действует в этом вопросе недостаточно энергично, Аллопеус, узнав, что польский транспорт с деньгами направился через границу, послал прусскому правительству ноту с просьбой принять решительные меры в целях предупреждения перевода денег за границу. Свою просьбу Аллопеус основывал на офи-

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 38, лл. 490—494.

² Там же, д. № 39, л. 316.

³ Там же, л. 83.

циальном обещании прусского ведомства иностранных дел наложить арест на деньги, отправленные через Силезию в Варшаву. Между тем, по словам Аллопеуса, на деле было совсем по-иному, так как значительная часть денег, вследствие встретившихся в Силезии препятствий, была отправлена через Познань и благополучно достигла Польши.

Русское правительство, далее пишет Аллопеус, „с благодарностью узнало о всех распоряжениях прусского правительства, чтобы предложенная мятежникам помощь оружием или деньгами не имела места, просит тем не менее опубликовать соответствующее распоряжение, чтобы никакие денежные переводы и посылки в том или другом виде не были отправлены на польский банк, но чтобы они были арестованы и положены в депозит правительства. Польский банк основан на русские деньги, однако употребляет свои фонды, чтобы снабдить оружием восставших против России“.¹

Аллопеус видел известные противоречия между официальными заверениями и фактической политикой правительства. Поэтому, чтобы раз и навсегда разрешить вопрос, он обратился с просьбой к министру двора, князю Витгенштейну „исходатайствовать от короля опубликования по этому поводу соответствующего королевского приказа“. Ходатайство Аллопеуса было удовлетворено. Прусский король послал пойти навстречу желаниям русского правительства и распорядился об отдаче приказа на имя министра внутренних дел, согласно которому ни одна посылка без визы русского посольства не могла быть отправлена в Польшу.²

И тем не менее Аллопеусу снова приходилось констатировать, что большой денежный транспорт в разменной монете и в слитках был направлен в Польшу. Возможно, что это были суммы, реализованные в Гамбурге и в Лондоне и оттуда направленные в адрес польского банка. Как видно, и королевское распоряжение не достигало своей цели. 18 (6) января Аллопеус снова сообщает Ансиллону о том, что одному из варшавских банков переслано 4—5 тысяч флоринов и что агенты, находящиеся в Берлине, направили свой денежный транспорт в Вену. Вслед за этим новая нота Аллопеуса от 20 (8) января обращала внимание Ансиллона на то, что денежный транспорт успешно переправлен через границу и что министерство внутренних дел игнорирует королевские распоряжения. Ансиллон в ответной ноте заверял Аллопеуса, что „положительные приказания короля в отношении той политики, которой в будущем должны держаться местные власти, относятся и к переводу денег, и, если последние будут отправлены на адрес польского банка, то они [приказания] будут исполняться“.³ Ансиллон в оправдание приводил распоряжение министерства внутренних дел, сделанное по этому поводу, и одновременно уведомлял Аллопеуса, что транспорт денег из Гамбурга задержан и находится в Берлине.⁴ Такая неустойчивая политика прусского правительства заставила Аллопеуса 25 (13) января сообщить Нессельроде, что „со стороны министерства внутренних дел сделаны представления по поводу рекомендуемых им мер об удалении агентов польского банка, которые продолжают свои операции на бирже, поддерживают свои отношения

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 39, лл. 146—149.

² Там же, лл. 176—177.

³ Там же, л. 248.

⁴ Там же, лл. 311—312.

с банкирами и интригуют. Министерство внутренних дел категорически высказалось против высылки, не находя для этого никаких оснований“.

Это было, несомненно, большим ударом для престижа Аллопеуса. Тем не менее настойчивая политика русского посла, поддержанная авторитетом прусского короля, должна была дать известные конкретные результаты. Ансиллон нотой от 29(17) января сообщил о своем согласии наложить арест на все банковские фонды. Все же конфискованные деньги должны были быть положены на счет русского правительства. Идя в этом отношении навстречу заявлениям русского правительства, Ансиллон тем не менее должен был признать, что он „затрудняется объявить все денежные посылки составляющими собственность его величества в качестве короля Польши“.¹ Ансиллон не мог дать иного ответа, так как русское правительство в своих требованиях заходило слишком далеко и тем самым задевало материальные интересы прусской буржуазии.

Аллопеус был доволен полученными результатами и 29(17) января в письме к Нессельроде высказал мысль о „целесообразности прекращения всяких денежных посылок из Польши, так как очень трудно следить за всеми махинациями польских агентов в целях перевода денег по их назначению“. В качестве иллюстрации Аллопеус указал, что им открыт новый транспорт денег, предназначенный для Польши и отправленный агентами польского банка при содействии одного берлинского банкира. Аллопеус не льстил себя надеждой, что ему удастся захватить транспорт, но для своего оправдания добавил, что „паспорт лица, сопровождавшего транспорт, не был визирован в посольской канцелярии. Что касается агента польского банка Багневского, то за ним был учрежден надзор“.² Аллопеус прекрасно понимал значение всех рекомендованных им мер, отчасти уже осуществленных, но он не рассчитал, что подобного рода распоряжения задевают материальные интересы буржуазных кругов, так или иначе связанных с деятельностью банка, и что последний, со своей стороны, будет принимать меры к тому, чтобы парализовать это распоряжение как препятствующее финансовым операциям и наносящее банку значительный материальный ущерб.

Николай I и Нессельроде отнеслись со всей серьезностью к сообщениям Аллопеуса. В инструкции от 22(10) января Нессельроде указывал Аллопеусу, что „несмотря на благожелательные и торжественные распоряжения короля, со стороны прусских властей было мало сделано, чтобы привести в исполнение его распоряжения и помешать реализации фондов польского банка“. Нессельроде возлагал на Аллопеуса задачу — довести мнение русского правительства до сведения министерства иностранных дел Пруссии.³ Соответствующая нота была послана, и Ансиллон 1 февраля (20 января) отправил ответную ноту, в которой был вынужден откровенно признать, что „правительственные мероприятия в отношении первой посылки в адрес польского банка не имели успеха“ и что дружественные распоряжения короля в этом вопросе остались невыполненными. Как бы в оправдание и во избежание подобных инцидентов впоследствии, Ансиллон категорически заявлял,

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 39, лл. 453—455.

² Там же, л. 455.

³ Там же, д. № 41, л. 380.

что „правительство его величества не потерпит больше присутствия в Берлине комиссара польского банка, и, если бы последний находился бы под каким-либо видом или титулом и в его намерение входила бы реализация фондов, находящихся на счету польского банка, то он немедленно будет выслан и перевезен на границу империи для передачи русским властям“.¹ Конечно, такая нота являлась своего рода капитуляцией перед русским правительством и была встречена последним с большим удовлетворением.

Несмотря на категорические заверения прусского министерства иностранных дел, Аллопеус продолжал сообщать и о коммерческих операциях Багневского, и о пересылке денег от имени торгового банка в адрес польского банка. В конечном итоге Аллопеус настоял, чтобы конфискованные ценности банка оставались неприкосновенными, и прусскому правительству пришлось помириться с категорическими требованиями русского посольства.² Через некоторое время снова возник вопрос о конфискованных суммах и о суммах, находившихся в депозите во Вроцлаве. Граф Ян Лабеньский, один из администраторов имущества великого князя Константина, посетил Аллопеуса и начал разговор относительно денежных фондов, арестованных во Вроцлаве, которые, согласно заявлению Лабеньского, составляют собственность его торгового дома. Беседа Лабеньского с русским послом не дала никаких результатов. Тогда Лабеньский обратился в прусское министерство, и Ансиллон 5 апреля (24 марта) послал ноту русскому правительству, в которой настаивал на выдаче арестованных денег, как фондов, принадлежащих частному лицу. В ответной ноте, которая была отправлена через два дня, Аллопеус заявлял, что торговый дом Лабеньского всегда принимал деятельное участие в делах польского банка, в котором брат Яна Лабеньского, Генрик, состоит одним из директоров. Разумеется, частные фонды будут возвращены, как только в Польше наступит успокоение.³ Лабеньский продолжал настаивать перед Ансиллоном на выдаче принадлежащих ему денег. На этой почве между русским посольством и прусским министерством иностранных дел завязалась весьма оживленная переписка. Пруссия стояла на той точке зрения, что все секвестрованные частные фонды должны быть выданы. Русское посольство, со своей стороны, не возражало против такого предложения, но требовало от прусского министерства соответствующей гарантии, которой прусское министерство не хотело или не могло дать. Борьба за фонды торгового дома Лабеньского имела принципиальное значение, так как выдача секвестрованных денег была известным прорывом той политики, которой держалось русское правительство в отношении денежных фондов, принадлежащих польскому банку или отправленных в адрес банка. Руководитель внешней политики прусского правительства не хотел сдаваться и, уклоняясь от ответа относительно требования гарантии, сообщал, что деньги будут положены в банк Общества содействия морской торговле, где будет происходить оплата предъявленных обязательств и притом исключительно прусским подданным. Ансиллон полагал, что не может быть

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 39, лл. 531—532.

² Там же, л. 585.

³ Там же, д. № 40, л. 401.

никакой опасности в том, что деньги могут быть использованы банком для своих нужд.¹

Настойчивость Ансиллона объясняется, конечно, тем, что за ним стояли прусские буржуазные круги, которые потеряли возможность совершать какие-либо финансовые операции с польским банком и поэтому терпели убытки. Русское посольство хорошо понимало невозможность задержания частных фондов и соглашалось на выдачу денег, но опять-таки при условии гарантий, более действительных, по сравнению с теми, о которых говорилось в ноте Ансиллона. Переписка по поводу денег, принадлежащих торговому дому графа Лабеньского, началась в апреле, и в течение долгого времени вопрос оставался не разрешенным. Правда, Ансиллон принял, вопреки мнению русского посольства, решение снять арест с денежного фонда Лабеньского, о чем сообщал заместитель Аллопеуса Мальтиц в своей депеше от 14 (2) июля.²

Вполне понятно, что решение Ансиллона взволновало русское правительство, и, после продолжительной беседы, Ансиллон заверил Мальтица, что „все принятые меры относительно выплаты по обязательствам не будут приведены в исполнение, пока его императорское величество не даст своего положительного согласия на выдачу сумм“.³ Мальтиц не удовлетворялся словесным обещанием и просил Ансиллона подтвердить свои обещания в письменной форме.⁴ Однако прусское министерство иностранных дел не ответило на ноту русского посольства. Этим делом заинтересовались и придворные сферы, так как военный министр граф Лоттум категорически заявил, что ответ Ансиллона должен рассеять все сомнения, возникшие по этому поводу.⁵ Впрочем, и эти слова, казалось, сказанные ответственным лицом, не имели практического значения. Деньги в конце концов были выданы, и Мальтиц 21 (9) июля послал в Петербург сообщение, что, несмотря на словесные уверения Ансиллона, значительная часть конфискованных фондов была вручена непосредственно торговому дому банкира Магнуса, агенту дома Лабеньских.⁶ Это неожиданное известие фактически означало полный провал всей политики относительно фондов, принадлежавших Лабеньскому. Правда, в ноте от 21 (9) июля Мальтиц протестовал против снятия ареста с фондов, если только прусское правительство не располагает достаточными гарантиями.⁷

Прусское правительство действительно разрешило приступить к реализации обязательств прусских подданных. Ансиллон 25 (13) июля послал новую ноту, в которой, давая обзор всей переписки по затронутому вопросу, сообщал, почему министерство иностранных дел было вынуждено так поступить. „Только в силу чрезвычайно важных обстоятельств, — писал Ансиллон в своей ноте, — министерство одобрило все мероприятия, которые оно желало всячески отсрочить, но при этом

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 42, лл. 414—415; д. № 43, лл. 79—80.

² Там же, д. № 43, л. 325.

³ Там же, л. 380.

⁴ Там же, лл. 380—381.

⁵ Там же, л. 427.

⁶ Там же, л. 486.

⁷ Там же, л. 492.

оно не теряло из виду интересов правительства, с которым поддерживаются весьма интимные отношения“. Министерство обещало принять все меры к тому, чтобы деньги, полученные от операции, не были использованы для нужд повстанцев.¹ Прусское правительство совершенно не желало давать настоятельно требуемых русским посольством определенных гарантий. Однако эта неудача русского посольства не отразилась на отношениях между обоими правительствами, тем более, что прусское правительство во всем прочем шло навстречу русскому правительству в его польской политике, если только требования русского правительства не задевали существенным образом жизненных интересов Пруссии.

О разрешении дела графа Лабеньского русское посольство узнало из двух источников: из депеши Мальтица и из представлений прусского генерала Шлеера.

Положение Нессельроде оказалось довольно затруднительным. Он поспешил с ответом, и нота в Берлин была отправлена 4 августа (23 июля). Содержание ответной ноты очень интересно. С одной стороны, русское правительство должно было отступить; с другой стороны, оно намеревалось „спасти лицо“ и демонстративно показать, что в интересах дружбы с Пруссией оно готово идти на всякие уступки. В сущности русское правительство негодовало, потерпев неудачу, и прекрасно учитывало дальнейшие последствия. В депеше русскому посольству в Берлине Нессельроде подчеркивал, что хотя „часть капиталов, секвестрованных в Пруссии, может быть действительно адресована частным лицам, но из этого отнюдь не вытекает, что они являются частной собственностью. Родственные связи братьев Лабеньских с отдельными лицами, принимающими деятельное участие в управлении Польшей, делают более чем вероятным, что эти капиталы, по крайней мере в известной своей части, принадлежат этому учреждению, т. е. польскому банку, и таким образом являются собственностью законного правительства. Правительство выказывало уверенность в том, что деньги, предоставленные в распоряжение графа Лабеньского, могут послужить финансированию и укреплению той борьбы, которая идет в Польше, и что правительство имело полное право путем временного секвестра уменьшить, насколько возможно, сопротивление мятежников“.² Все эти соображения русского правительства, высказанные в тревожном тоне, не были сообщены прусскому правительству. Нессельроде предпочел обо всем этом умолчать в своей ноте на имя прусского министерства, так как едва ли было целесообразным высказывать свои соображения по поводу того дела, которое было решено, да и политически было немыслимо выступить против предложенной и приведенной в исполнение прусским правительством меры. Русскому послу в Берлине, согласно полученной инструкции, оставалось лишь ознакомить прусский кабинет со всеми мерами, которые „его величество в своей мудрости полагал необходимым принять“, а также выразить уверенность в том, что „добрые намерения обеих сторон не будут обмануты, а фонды, предоставленные в распоряжение агентов братьев Лабеньских, не окажутся кассой бунтовщиков“.

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 43, лл. 653—654.

² Там же, д. № 47, лл. 255—263.

Вопрос о фондах польского банка стал предметом обсуждения между обоими правительствами после ликвидации восстания 1830—1831 гг. Бернсдорф в ноте от 3 января 1832 г. уведомлял русское правительство, что „секвестр, наложенный на фонды банка, будет снят и что они будут предоставлены в его распоряжение для производства расчета по отдельным операциям и для удовлетворения законных финансовых требований прусских подданных“. Нессельроде вынужден был официально согласиться с предложением прусского правительства и этим еще раз от имени Николая продемонстрировал русско-прусскую дружбу.¹ Как бы то ни было, секвестр был снят, но фонды поступили в распоряжение прусского правительства „для удовлетворения законных интересов прусских подданных“. Интересы последних, разумеется, могли бы быть серьезно задеты, если бы все фонды перешли в распоряжение русского правительства.

Очень серьезным вопросом для польского восстания был вопрос об оружии. Уже с самого начала революционных событий в Польше ощущался недостаток в оружии, в особенности в пушках.² Польским дипломатическим представителям были даны инструкции вступить в соглашение с различными фирмами и заказать оружие. Русское посольство в Лондоне через своего консула, имевшего агентов среди поляков, знало во всех подробностях о предполагаемых заказах и немедленно сообщало об этом русскому послу в Берлине. Русское посольство в Берлине, благодаря своим корреспондентам и перлюстрации писем, точно знало, какие транспорты оружия направляются в Польшу. Узнав о маршруте транспорта, посольство немедленно сообщало об этом в прусское министерство иностранных дел, и оружие обычно конфисковалось.³ В вопросе о конфискации оружия прусское правительство с готовностью откликалось на представления Аллопеуса: обезоружение польских повстанцев и скорейшее подавление восстания полностью отвечало интересам прусского правительства. Между прочим, ввиду отчаянного положения повстанцев в Литве, ими было задумано рискованное предприятие — отправить оружие из Лондона в Любек, где и найти судно, капитан которого согласился бы направить его в один из ближайших портов Балтийского моря, который будет указан.⁴ Оружие предназначалось для корпуса повстанцев в Литве, возглавлявшегося Гелгудом. Однако отправка этого транспорта не состоялась: русское посольство обо всем было хорошо осведомлено.⁵

Иногда транспорты направлялись в Вену и оттуда в Польшу. Русское посольство в таком случае немедленно сообщало графу Татищеву в Вену, где с помощью австрийских властей оружие задерживалось. Французский консул в Варшаве Дюран уже 7 июля (25 июня) утверждал, что „все ресурсы приходят к концу и общественное мнение высказывается о невозможности дальнейшего сопротивления“.⁶

Таким образом прусское правительство, препятствовавшее доставке оружия восставшей Польше, оправдало и в этом отношении доверие царизма. Во всей дипломатической переписке по этому вопросу не было

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 47, лл. 259—263.

² Там же, д. № 38, лл. 337—338.

³ Там же, д. № 39, лл. 3—6.

⁴ Там же, д. № 42, лл. 214—215.

⁵ Там же, д. № 42, л. 204.

⁶ Там же, л. 330.

никаких недоразумений, наоборот, господствовало полное единодушие.¹

Прусское правительство не только косвенно, но и прямо шло на встречу интересам действующей русской армии в Польше. Русская армия в марте 1831 г. очутилась в тяжелом положении, не имела ни провианта, ни материала для постройки мостов через Вислу. Не будет большим преувеличением, если мы скажем, что положение русской армии было катастрофическим во всех отношениях. Реквизиция провианта на месте фактически ничего не могла дать, да притом она вызывала серьезное недовольство среди населения. Русская армия была буквально спасена помощью, оказанной ей прусским правительством, которое, разумеется, не могло допустить торжества повстанцев и разгрома русской армии. Положение польской армии было также не блестяще: она ощущала недостаток не только в оружии, но и в продовольствии.

В записке о плане действий против польской революционной армии, составленной для Дибича Николаем 19 (7) апреля, предписывалось „в первую очередь заготовить зерно вдоль всей прусской пограничной линии и даже в самой Пруссии“. Николай I был убежден, что в этом отношении легко будет сговориться с Пруссией непосредственно через Л. В. Тенгоборского — русского консула в Гданске.² Последний был поляком по происхождению.

Получив предписание Николая, Дибич немедленно поручил русскому консулу произвести соответствующие закупки в Пруссии. Тенгоборский тотчас уведомил обо всем этом русское посольство и в дальнейшем постоянно извещал его о ходе закупочных операций. Кроме того, Тенгоборский вступил в соглашение с торговым домом Шермана в Гданске о доставке русской армии необходимого провианта. Для выполнения этих закупок необходимы были значительные средства. Опасаясь, что доставка денег из России будет затруднительна, Тенгоборский просил русское посольство открыть ему кредит на сумму 200 тыс. талеров. Русское посольство не располагало такими средствами, и Аллопеус, дабы не привлечь внимание биржи, обратился с просьбой о займе к министру двора князю Витгенштейну. Однако Витгенштейн вынужден был отказать, так как королевские кассы были пусты. Из-за отсутствия денег закупки пришлось временно приостановить.³

Положение русской армии становилось очень тяжелым. По распоряжению Дибича, закупки провианта производились в Гданске и соседних городах. При посредстве Аллопеуса и содействии прусского двора прусское правительство предоставило в распоряжение Дибича магазины в Торуне для хранения закупаемых русскими продуктов.⁴ Разумеется, это не было выходом из тяжелого положения. В конечном итоге Тенгоборскому был открыт кредит на сумму свыше 88 тыс. талеров, и таким образом покупка провианта могла производиться беспрепятственно.⁵ Министр Ансиллон уведомил Аллопеуса относительно свободного пропуски муки для императорской армии и об отдаче им распоряжения

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 42, лл. 363—373, 607, 611; д. № 43, лл. 105—108, 129—131.

² Шильдер. Николай I, т. II, стр. 584.

³ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 40, л. 433.

⁴ Там же, д. № 40, л. 607.

⁵ Там же, д. № 40, л. 568.

директорам таможен о свободном проходе транспортов. „Что касается вопросов о складах, — сообщал Ансиллон, — то пока не будет произведено расследование на месте, могут ли военные склады принять весь провиант, то дать положительного ответа нельзя. Если военные магазины будут не в состоянии принять его, то администрации Торна поручено сделать все, что в их возможности, в целях облегчения положения и сохранения на складах зерна и муки“.¹ В дальнейшем русское правительство получило в свое распоряжение отдельные склады.

Закупка провианта в военных магазинах Восточной Пруссии была фактически невозможна. Провиантские запасы имелись только в Померании, в особенности в Штеттине.² Русская дипломатия, вступив в переговоры с министерством двора и с военным министерством Пруссии, добилась разрешения на закупку необходимого зерна и провианта в военных складах Померании. Этими закупками была начата подготовка провианта для армии. Одновременно были обеспечены необходимые кредиты под ответственность русского посольства. В дальнейшем военное министерство делало все, что от него зависело, чтобы облегчить получение необходимого провианта для русской армии.³ Однако при выполнении намеченного плана встретились серьезные затруднения, вызванные расчетами с банкирским домом Шермана. Большим тормозом была и занесенная в Гданск холера. Принятие ряда необходимых санитарно-предохранительных мер должно было задержать доставку провианта и других припасов действующей армии. Это ставило армию в весьма критическое положение, так как военные транспорты России по Балтийскому морю и Висле направлялись к Торуню. Русское посольство бомбардировало Ансиллона нотами по поводу задержек в доставке транспортов. Ансиллон отвечал, что вопрос необходимо разрешать на местах, так как нарушение санитарных мероприятий содействует распространению холеры. Тем не менее, в связи с указаниями из Берлина, перевозки провианта производились.

Несмотря на строгий карантин, русские дипломатические курьеры направлялись из Петербурга в Берлин и обратно без всяких задержек. Тело умершего фельдмаршала Дибича было привезено в Мемель, а оттуда отправлено в Саксонию, где он был похоронен. Паскевич, назначенный на место умершего фельдмаршала, приехал в Мемель, откуда направился в действующую армию, совершенно игнорируя все санитарные мероприятия.

Недоразумения, связанные с денежными расчетами, на время задержали доставку провианта, но, в конечном итоге, Аллопеусу удалось в Берлине раздобыть необходимые средства и расплатиться по всем закупкам, так, что склады в Торуне и в других крепостях были забиты провиантом.⁴

Русское правительство не ограничилось только просьбой о снабжении армии провиантом. Оно настаивало на разрешении провоза через прусскую территорию военного снаряжения для русской армии.

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 40, л. 85.

² Там же, д. № 42, л. 86.

³ Там же, д. № 42, лл. 87, 93—94, 188, 451.

⁴ Там же, лл. 311—312, 331—332.

Прусское правительство выразило согласие, и доставка военных транспортов по Висле производилась без всяких затруднений.

Впрочем, прусское правительство не во всех случаях могло удовлетворять пожелания русского правительства. В этой связи заслуживает внимания вопрос о разрешении русским войскам зайти в тыл полякам через мосты в Торуне. Когда Дибич в начале марта сообщил Аллопеусу о необходимости перейти Вислу около Торуня, Аллопеус обратился за соответствующим разрешением прежде всего к министру двора, князю Витгенштейну. Последний отнесся к просьбе русского посла холодно. Дать возможность русским войскам перейти Вислу — значило нарушить нейтралитет, а на это прусское юнкерское правительство, несмотря на всю свою враждебность повстанцам, не решалось пойти. Правда, король принципиально был согласен с тем, что „переход армии на левый берег Вислы — единственный способ окончить войну, но король не решается высказаться определенно по этому вопросу, так как подобные мероприятия вызвали бы естественный протест со стороны Англии и Франции“.¹ Такое отношение прусского правительства к подятому Аллопеусом вопросу нисколько не помешало соорудить впоследствии под стенами Торуна, на русской территории Царства Польского, понтонные мосты для прохода русских войск. Да и материал для мостов был не русского, а прусского происхождения. Соглашаясь отпустить понтонный материал для постройки мостов, прусское правительство совершенно явно нарушало нейтралитет. Впрочем, о соблюдении нейтралитета уже не приходилось беспокоиться, так как в победе русских войск никто не сомневался и дни повстанческой армии были сочтены.

Существенный внешнеполитический вопрос возник в связи с „казусом Дверницкого“. В апреле 1831 г. корпус генерала Дверницкого прорвался на Волинь с целью поднять восстание на Украине. Однако эта попытка кончилась неудачно. Часть местной шляхты поддержала Дверницкого, но под напором русских войск он должен был отступить и затем перейти на территорию Австрии.

Переход войск Дверницкого имел большое принципиальное значение. В случае неудачи повстанцы могли спастись от русского плена, перейдя на территорию Пруссии и Австрии. Поэтому восставшим было крайне важно знать, как отнесутся соответствующие правительства к переходу войск и какова будет судьба армии, нашедшей себе убежище на иностранной территории.

Инцидент с корпусом генерала Дверницкого весьма взволновал буржуазные круги Европы, в особенности Франции. Представители польской дипломатии — генерал Князевич и граф Плятер в Париже, а также граф Валевский в Лондоне — всячески старались привлечь к этому вопросу внимание иностранных правительств и заставить последние вмешаться в судьбу корпуса Дверницкого. Николай I требовал от австрийского правительства выдачи повстанцев ему как „законному повелителю“. Однако австрийское правительство не решилось выполнить требование Николая I. Оно ограничилось лишь выдачей русскому правительству лошадей, аммуниции и оружия, а солдаты и весь командный состав были переведены во внутренние области

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 41, лл. 9—11.

страны. Русское правительство было недовольно принятым Австрией решением и очень хотело знать, как отнесется к этому вопросу прусское правительство. В ответ на ноту Аллопеуса прусское правительство 20(8) июня ответило русскому послу, что прусское правительство разделяет то „удовлетворение, с каким в России отнеслись как к этому событию, так и к этим мерам, и что не может быть никакого сомнения в том, что австрийский двор в этом случае поступил согласно принципам, освященным международным правом“.¹ Этот ответ прусского правительства имел принципиальное значение, так как в нем как бы заключалось указание на то, как может поступить прусское правительство в аналогичном случае.

Николаю I пришлось в скором времени убедиться в том, что прусское правительство так же поступило с войсками, перешедшими на его территорию. Дело в том, что восстание в Литве потерпело неудачу. Корпус генерала Гелгуда был разбит, и все войска вместе с командным составом (в лице Хлаповского и Роланда) перешли на территорию Пруссии, где были немедленно разоружены прусским наблюдательным корпусом. Польские солдаты были размещены в пограничной местности, в деревнях. Польский корпус перешел с той территории, где свирепствовала эпидемия холеры, и прусские власти, по словам Мальтица, боялись занесения холеры на территорию страны. Эти опасения были совершенно справедливы, так как холера быстро распространялась и создавала панику среди населения.² Тем не менее Мальтиц был недоволен распоряжениями прусского правительства. По его мнению, они недостаточно гарантировали невмешательство польского корпуса в военные действия на территории Литвы, что заставляло русского посла настаивать на отводе корпуса подальше от границы. Однако это требование по соображениям санитарного характера не было выполнено.

Опасения Мальтица в известном смысле имели основания, так как, по его словам, прусскими властями был открыт заговор среди поляков, интернированных в Гумбинене. Заговорщики ставили своей целью зайти в тыл русским войскам и поднять восстание на Жмуди и в Литве. Бегство Хлаповского, одного из руководителей восстания, в город Мемель, было тесно связано с организацией заговора.³ Несмотря на представления Мальтица, прусское правительство отказалось перевести польский корпус в глубь страны и только согласилось усилить охрану интернированных войск.

Мальтиц в депеше от 17(5) июля сообщил Нессельроде, что „прусское правительство в последний момент одобрило действительные мероприятия, дабы лишить возможности польских беглецов, перешедших на территорию Пруссии, выполнить задуманные ими проекты“.⁴ Представитель русского правительства в Берлине, все же считая, что распоряжения прусского правительства не гарантируют безопасности для русской армии, продолжал настаивать на переводе польских войск в глубь Пруссии. Однако и вторичное представление Мальтица не получило удовлетворения „из боязни распространения холеры, появившейся в польских войсках“.

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 42, л. 382.

² Там же, д. № 43, л. 352.

³ Там же, д. № 43, лл. 621—624; д. № 44, л. 508.

⁴ Там же, д. № 44, лл. 367—368.

Известие о переходе корпуса Гелгуда—Хлаповского на территорию Пруссии было получено в Петербурге своевременно. Нессельроде 25 (13) июня отправил в Берлин инструкцию, одобренную самим Николаем, с указанием, как должен поступить в этом вопросе представитель русского правительства. Николай, естественно, был недоволен распоряжением прусских властей, так как мероприятия Пруссии могли служить прецедентом для судьбы других польских войск, которые могли впоследствии перейти на территорию Пруссии. Поэтому Николай считал необходимым выдачу России всего корпуса, перешедшего на территорию Пруссии, как „восставшего против своего законного монарха и с оружием в руках действовавшего на территории империи в целях расширения революции“.¹ Не подлежал выдаче только генерал Хлаповский, который как прусский подданный должен был быть судим в Пруссии прусскими властями.

Нессельроде прекрасно понимал, что требование Николая I невыполнимо, и поэтому на другой день отправил в Берлин другую, более умеренную депешу, в которой, однако, стремился доказать правильность точки зрения Николая, „выступление которого было продиктовано сознанием своего долга в отношении самого себя, а также и народов, которые ему были доверены провидением. Естественно, что подданные-бунтовщики должны были попасть в руки ожидающей их юстиции. Пока же повстанцы остаются безнаказанными, император не может примириться с таким положением дела, не отказавшись молча от прав своей короны. Императору было необходимо, как и всякому правительству, лишь формально констатировать, что он рассматривает это право как неоспоримое. На этом основании императорское правительство требовало выдачи корпуса Дверницкого, когда последний перешел на территорию Австрии“. С другой стороны, царскому правительству было неудобно настаивать на исполнении этого требования, поскольку Берлин несколько раньше полностью одобрил все мероприятия Австрии в отношении корпуса Дверницкого. Нессельроде выражал уверенность в том, что в Пруссии будут приняты строгие меры охраны, дабы солдаты, подобно солдатам корпуса Дверницкого, не стали бы в ряды мятежников.² (Дело в том, что австрийские власти не приняли достаточно серьезных мер для того, чтобы воспрепятствовать бегству интернированных солдат из корпуса Дверницкого.) Нессельроде, прекрасно понимая, что зыскопарная фразеология Николая I не будет иметь никакого успеха, считал более целесообразным не настаивать на выдаче повстанцев. Русское правительство ограничилось лишь требованием выдачи оружия. Мальтиц 21 (9) июля сообщил Нессельроде о согласии короля на выдачу всей военной и материальной части корпуса.³

Ансаллон в ответной ноте от 21 (9) июля пытался оправдать правильность и целесообразность принятых прусским правительством мер. Ансаллон сообщал, что, „несмотря на все предохранительные меры, принятые правительством, в целях предотвращения перехода беглых поляков на территорию Пруссии, что правительство считало вполне возможным, все же последнее имело место. Разбитые войска

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 47, лл. 194—195.

² Там же, лл. 204—206.

³ Там же, д. № 44, лл. 418—420.

Гельгута—Хлаповского и Роланда очутились на крайнем фронте нашей границы со стороны Мемеля и просили разрешения перейти на нашу территорию. Прусские войска, находясь в небольшом количестве, не могли заставить силой вернуться беглецов обратно в Литву. Военное командование согласилось дать разрешение на переход их на прусскую территорию при условии полного разоружения без всякого сопротивления, с выдачей оружия, артиллерии и всего их багажа. Эти условия были приняты не без возражений, причем была сделана ссылка на то, что переход корпуса был вызван нежеланием стать пленниками русских. Взятая артиллерия находилась в Мемеле под охраной и была расположена в наскоро построенных бараках. Правда, было несколько случаев дезертирства, но виновные в этом были сурово наказаны, а остальные массы не давали никаких поводов к жалобам и, под ответственность нескольких офицеров, оставленных для них, они сохраняли суровую дисциплину. Вследствие же боязни занести холеру в глубину Пруссии, правительство не могло удалить беглецов от границы¹. Так был разрешен вопрос о корпусе Гелгуда—Хлаповского, нашедшем себе убежище в Пруссии.

С самого начала польского восстания на территории Пруссии оказалось известное число перешедших границу русских солдат и офицеров. Перед прусским и русским правительствами стала новая задача — разрешить ряд вопросов, связанных с пребыванием в Пруссии русских солдат, в частности договориться о порядке возмещения расходов за их содержание. Для этой цели была организована согласительная ликвидационная комиссия. Русское правительство сочло нужным сделать весьма примечательное добавление о том, что деятельность ликвидационной комиссии не распространяется на корпус Гелгуда—Хлаповского.² Русское правительство „соглашалось взять на себя уплату за содержание тех из польских беженцев, которые нашли убежище на территории Пруссии, с целью отстать от возмущения. Издержки содержания этих лиц должны быть оплачены с момента перехода их на прусскую территорию и до возвращения в Россию“. Если же прусское правительство желает получать вознаграждение за содержание солдат корпуса Гелгуда, то, согласно мнению Нессельроде, которое было доведено до сведения Берлина, Пруссии остается только одно — выдать всех беглецов и тем самым освободить себя от тяжести издержек. Ликвидационная комиссия, сообщал Нессельроде русскому послу, — „не может допустить представления каких-либо денежных претензий, которые относятся к корпусу Гельгута“. Получив уведомление из Берлина о согласии прусского правительства выдать все оружие, принадлежащее корпусу, Нессельроде просил русского посла довести до сведения прусского правительства, что „все лошади остаются в распоряжении прусского правительства и что все издержки, связанные с выдачей оружия, будут приняты на счет русского правительства“.³

Впрочем, отказ Николая I уплатить вознаграждение за содержание солдат перешедшей армии был только теоретическим. Прусское прави-

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 44, лл. 464—465.

² Там же, д. № 47, лл. 299—301.

³ Там же, лл. 313—314.

тельство оказало Николаю слишком много услуг большой политической важности, чтобы можно было совершенно отмахнуться от этого вопроса, тем более, что польско-русская война не была окончена и ссориться с Пруссией для русского правительства было невыгодно. Поэтому Нессельроде полагал, что „ликвидационная комиссия, в силу особых условий, может обсуждать вопрос об уплате издержек за содержание корпуса Гельгута, даже при условии невыдачи солдат, находившихся на территории Пруссии“.¹

После взятия Варшавы, по мере приближения польского восстания к концу, увеличилось количество беженцев, искавших убежище в Пруссии. Участники восстания массами переходили прусскую границу. Так, границу перешел корпус генерала Рыбинского в составе 10 тыс. чел. при 40 пушках, имея при том значительные средства, которые русское посольство рассматривало как собственность польского банка. Все перешедшие прусскую границу были разоружены местными военными властями.²

Переход в большом количестве польских беженцев создавал для Пруссии немало всяких материальных затруднений. Кроме того, прусскому правительству было неясно, будут ли полностью возмещены все денежные расходы, ассигнованные на содержание беженцев. Мальтиц превосходно учитывал настроения Пруссии и настоятельно требовал выдачи беженцев, которые „оказались недостойными милости законного государя, предложенной им после взятия Варшавы“. По мнению Мальтица, таких лиц „необходимо всеми средствами заставить искупить вину и вернуть их на дорогу исполнения своих обязанностей подчинения“.

Прусское правительство оказалось в весьма затруднительном положении. Ансиллон признавал юридическое право „за императором требовать выдачи беглецов, но эта выдача, в глазах большинства, бросает тень на того государя, который согласится это сделать“.³

Разумеется, Мальтиц не соглашался с мнением Ансиллона и старался доказать, что „выдача беженцев отвечает интересам не только России и Пруссии, но и вообще всех законных правительств, дабы отдельные лица, скопрометированные участием в восстании, понесли бы законное наказание от своего государя“.⁴ Однако убеждения Мальтица не имели успеха. Прусское правительство в конечном итоге отказалось выдать беженцев.

После взятия Варшавы и перехода войск на территорию Пруссии, в особенности после амнистии, которая не распространялась на офицерский состав, среди отдельных представителей последнего явилось намерение оставить территорию Пруссии и направиться в Париж. Уход польской армии во Францию совершенно не отвечал планам русского правительства. Мальтиц нотой от 30 (18) декабря требовал, чтобы все солдаты и унтер-офицеры под охраной были отправлены в Польшу.⁵ Намерение солдат эмигрировать Мальтиц объяснял „распространением неверных слухов о действиях русских властей, заставлявших солдат думать об отъезде во Францию“. Мальтиц был возмущен действиями

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 47, лл. 313—314.

² Там же, лл. 349—350; д. № 45, лл. 176, 385—386.

³ Там же, д. № 45, л. 176.

⁴ Там же, д. 47, л. 176.

⁵ Там же, лл. 109—112.

французского посла Брестона, с которым он находился в дружеских отношениях со времени совместной службы в Америке. Брестон в частной беседе проговорился, что он ставит себе задачей помочь полякам „удалиться во Францию и с этой целью он помогает им деньгами“. В такой политике французского посла Мальтиц усматривал лишь некорректный поступок со стороны дружественной державы и, разумеется, заявил протест. Впрочем, последний не изменил ни планов, ни действий французского представителя.¹

Прусский кабинет, идя навстречу желаниям русского правительства, объявил солдатам и унтер-офицерам о возможности вернуться на родину и, со своей стороны, рекомендовал „просить милости у императора“. Все солдаты, желающие вернуться в Россию, говорилось в обращении, будут под охраной прусских войск отправлены до границы и там переданы в распоряжение русских властей. Прусское правительство, под давлением общественного мнения, должно было отказаться от мысли принудительным путем заставить солдат вернуться в Россию. Все же прусский кабинет принципиально соглашался с предложением русского правительства, и в этом смысле Мальтиц одержал известную дипломатическую победу.² При таком отношении к вопросу о реэвакуации польских войск в Россию русское правительство согласилось возместить Пруссии расходы по содержанию польских беженцев с условием, что все, без исключения, издержки будут возложены на польскую казну.³

С ликвидацией восстания вопрос о польских беженцах приобретает для Пруссии все большую и большую остроту. Пруссия ощущала все неудобства присутствия беженцев и не знала, как от них освободиться. Прусскому послу в Петербурге генералу Шееру было дано предписание „ходатайствовать перед министерством о разъяснении этого вопроса и уладить все те затруднения, в которые было поставлено прусское правительство присутствием этих беженцев и войска“.⁴ Наиболее желательным для прусского правительства было удаление с территории Пруссии этих неприятных гостей, находившихся в более или менее тесном контакте с населением польских провинций. Арест их был невозможен, так как ни беженцы, ни солдаты не совершили никакого преступления. Но присутствие войска требует больших средств, а русское правительство не желало допустить, чтобы и на солдат распространялась конвенция, заключенная представителями России и Пруссии в ликвидационной комиссии. Мальтиц надеялся, что Пруссия, поставленная в тяжелое материальное положение, без большого нажима согласится на выдачу беженцев, и в ноте от 6 ноября (25 октября) снова поднял этот вопрос. „Их [польских беженцев] преступление, — говорилось в ноте, — делает их недостойными той милости, которая была объявлена после взятия Варшавы с той целью, чтобы они могли искупить свою вину и вернуться на путь подчинения и исполнения долга“. Нота заканчивалась выражением уверенности, что эти предложения встретят прием, соответствующий узам „дружбы, объединяющим оба двора“.

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 45, лл. 478—481.

² Там же, д. № 47, л. 56.

³ Там же, д. № 46, л. 277.

⁴ Там же, лл. 50—53.

Однако прусское правительство, несмотря на все свои дружественные связи с царизмом, не могло еще пойти ему навстречу в этом вопросе, и польские беженцы оставались в Пруссии, о чем Мальтиц сообщил в С.-Петербург в депеше от 9 ноября (28 октября).¹ Но обсуждение вопроса о польских беженцах на этом не было закончено. Оба правительства сосредоточили свое внимание на желании интернированных поляков пробраться во Францию. Правительство Николая I было крайне встревожено этим эмигрантским настроением, охватившим и солдат и офицеров. Прусское правительство запросило польских офицеров — желают ли они отправиться во Францию. Ответ был дан в благоприятном для России смысле: из общего количества 1806 офицеров — 1073 объявили о своем желании вернуться на родину и „отдаться великодушию его императорского величества“.² Во Францию эмигрировало 733 человека, в том числе 409 полковников, 230 офицеров и 94 унтер-офицера. Такой исход дела был большой удачей для Николая, который получил возможность расправиться с своими противниками. Русское правительство просило как можно скорее проводить всех беженцев за границу и тем самым воспрепятствовать увеличению общего числа эмигрантов во Францию. Под угрозой неполучения денег за содержание интернированных солдат и офицеров прусское правительство приняло все меры к тому, чтобы солдаты и офицеры вернулись в Россию.³ Был составлен и сообщен Николаю список „всех желавших предоставить себя в распоряжение его императорского величества“. Бернсдорф, вернувшийся к исполнению своих обязанностей, в ноте от 11 декабря (29 ноября) просил „русское правительство прислать ему именной список тех лиц, которые были удостоены высочайшей милости“. Видимо, прусский статс-секретарь не очень доверял великодушию Николая I, но, в сущности, это была только обычная дипломатическая отписка, внешняя защита лиц, вынужденных оставить территорию негостеприимной Пруссии. Прусское юнкерское правительство, желая освободиться от неприятных беженцев, предало польских революционных солдат и офицеров и тем обрекло и тех и других на тяжелые испытания в дальнейшем. Николай I имел право торжествовать: им была одержана большая дипломатическая победа. Формально добровольно, фактически — под давлением офицеры и солдаты были вынуждены сдаться на милость победителя, получившего, наконец, полную возможность беспощадно расправиться „со своими подданными, осмелившимися нарушить долг и присягу перед своим государем“. Такова трагическая судьба польской армии, очутившейся на территории Пруссии после поражения восстания.

II. ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ И ПРУССИЯ

В интересах прусского правительства было помочь царизму подавить вспыхнувшее в Польше восстание.

Как бы ни оценивало прусское правительство политику царской России в Польше, Пруссия не могла не стать помощницей царизма

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 46, л. 137—138.

² Там же, д. № 46, л. 377.

³ Там же, д. № 47, лл. 461—462.

в польском вопросе. Таковую же позицию заняла и Австрия. Революция 1830 г. проходила под лозунгом борьбы за политическую самостоятельность и независимость польского народа, что было опасно и чревато большими политическими последствиями для Пруссии, владевшей частью польских земель.¹

Польские землевладельцы в Пруссии, как и в России, не хотели мириться со своим политическим положением и сочувствовали восстанию. Прусское юнкерское правительство не могло желать победы восставшим по соображениям политического характера: их победа рано или поздно, в той или и другой степени, должна была отразиться на внутреннем положении Пруссии, на ее политике в отношении захваченных у Польши земель.

Внутреннее положение Пруссии было неустойчиво. На Рейне и в других областях Германии происходили ожесточенные схватки между нарождавшимся рабочим классом и буржуазией.² Это заставляло Пруссию соблюдать нейтралитет и одновременно стремиться к тому, чтобы польское восстание как можно скорее было подавлено. Такая политика диктовалась соображениями охраны феодально-крепостнического режима против натиска со стороны рабочих, а отчасти и буржуазии, которая сочувствовала июльской революции во Франции и бельгийским событиям, возникшим несколько позже.³

Было бы ошибкой придавать большое значение родственным связям прусского королевского двора с Николаем I, на что так любил ссылаться царь в переписке со своим зятем. Узы родства и дружбы, конечно, не имели серьезного значения. Позиция Пруссии в ряде политических вопросов могла быть совершенно самостоятельной, когда этого требовали ее реальные интересы. Так, самостоятельной линии придерживалось прусское правительство в вопросе о признании Людовика

¹ Русская литература чрезвычайно бедна исследованиями по истории польского восстания 1830—1831 гг. В сущности, нет ни одного специального исследования. А. Погодин в „Очерках по истории Польши XIX в.“ и проф. М. К. Любавский в „Лекциях по истории западных славян“ ограничиваются передачей только хронологической канвы польского восстания. Вопросы русской дипломатии в период восстания остались вне поля зрения обоих исследователей. В исследовании Н. К. Шилдера „Николай I“ (тт. I и II) приведено в виде приложения очень много ценных материалов, характеризующих отношение Николая к Польше и польскому восстанию. Богата исследованиями польская историческая литература, но и в последней преобладает изложение военной стороны восстания. В связи со столетним юбилеем восстания в польской литературе опубликовано много ценного и нового материала, но методы исследования остались прежние. Опубликованы также исследования по истории восстания в Литве по отдельным районам, для чего был привлечен богатейший местный архивный материал.

² О рабочем движении в прирейнских городах Аллопеус подробно осведомлял Петербург в своих депешах. Переход к машинному способу производства вызвал стихийное движение разоренных ремесленников и рабочих против машин. Ремесленники и рабочие сжигали заводы и фабрики, уничтожали машины. Выступление буржуазии против местных феодальных князьков обычно кончалось соглашением с местным правительством, лишь только последнее шло на известные политические уступки.

³ Бельгийский вопрос создал чрезвычайно напряженную обстановку и едва не повлек за собой общеевропейскую войну, которой тогда особенно опасались Австрия и Пруссия, занятые борьбой с революционными выступлениями своих подданных. Лондонская конференция только в конце декабря 1830 г. выработала приемлемое для всех европейских держав компромиссное соглашение и тем дала возможность России, Австрии и Пруссии сосредоточить все свое внимание на борьбе с польским восстанием.

Филиппа.¹ Николай I не хотел признавать Людовика Филиппа французским королем и был убежден, что в этом вопросе Пруссия будет солидарна с Россией. Но Николай I ошибся. Прусское правительство не желало осложнить своего внутреннего положения, боялось революционной вспышки в прирейнских городах и поэтому решило признать Людовика Филиппа, не испугавшись громких окриков Николая I. Русский царь остался в одиночестве, так как другие европейские державы еще раньше признали Людовика Филиппа. Николаю I пришлось пойти на уступки и отказаться от мысли о вмешательстве европейских держав во внутренние французские дела.

Чем интенсивнее развивались революционные события в Польше, тем сильнее было желание прусского правительства покончить с польским восстанием. События в Польше слишком сильно задевали материальные и политические интересы Пруссии. В польскую промышленность были вложены значительные прусские капиталы. Благодаря особому таможенному тарифу Пруссия имела возможность отправлять в Россию через Польшу сукна своего производства. Революционные события приостановили торговлю, и производство сукон в Пруссии сократилось. Прусская буржуазия была, естественно, недовольна таким положением дел и надеялась, что вмешательство западных держав в русско-польские отношения положит конец восстанию. В связи с этим прусская буржуазия делала робкие попытки изменить политику, которую проводило прусское юнкерское правительство в отношении восставшей Польши.

Польская шляхта и отчасти буржуазия восстали против России и начали войну с российской феодально-крепостнической монархией с целью восстановления польско-шляхетского государства. Руководители восстания считали, что русская армия, ослабленная в результате турецкой войны, окажется слабее польской². Кроме того, они были убеждены, что русские солдаты будут плохо сражаться на территории Польши, так как русско-польская война была им непонятна.

Очень важную роль в подавлении восстания сыграла, однако, позиция Пруссии.

Руководители польского восстания превосходно понимали роль и значение позиции Пруссии. Они всячески стремились не раздражать ее. Польское правительство ошибочно полагало, что лояльная политика по отношению к Пруссии заставит последнюю занять твердую нейтральную позицию в том поединке, который происходил между феодально-крепостнической русской монархией и восставшей страной. Нужно отметить, что польское правительство не учло тех обстоятельств, которые побуждали прусское правительство нарушать нейтралитет и помогать России всеми имевшимися в распоряжении Пруссии средствами.

Прусское правительство хорошо ориентировалось в международной обстановке, которая складывалась неблагоприятно для Пруссии.

¹ Это нашло свое отражение и в той позиции, которую прусское правительство заняло в бельгийском вопросе.

² О русско-польской войне 1830—1831 гг. имеется на русском языке обстоятельное исследование, написанное ген. Пузыревским на основании материалов русского генерального штаба. Автор занят исключительно изучением хода и развития военных операций. На польском языке опубликована очень ценная работа проф. Токажа *Wojna polsko-rosyjska 1830—1831 rr.* Warszawa, 1930, в которой использованы материалы польского генерального штаба.

В той политической игре, которую вели в Европе пять держав, в бельгийском вопросе образовалось два лагеря: феодально-крепостнический и буржуазный. Во главе феодально-крепостнического лагеря стояла Россия, теперь полностью поглощенная событиями в Польше. Правда, Николай I мог громко заявлять о своих легитимных убеждениях, рассылая своим послам в Лондон и Париж самые суровые инструкции. На последние, однако, обращалось не много внимания. Они не могли изменить той политики, которую проводили буржуазные державы — Франция и Англия. В руках Англии находилась большая часть внешнего вывоза и ввоза в Россию. От англо-русской торговли зависел бюджет русского правительства и ценность бумажного рубля. Уже это обстоятельство заставляло русское правительство считаться со взглядами Англии на текущие политические проблемы.

С начала польского восстания прусское правительство не нашло возможным поддерживать какие бы то ни было дипломатические сношения с национальным польским правительством, но в то же время оно и не отозвало из Варшавы своего консула Шмидта. Последний остался там в качестве наблюдателя и политического осведомителя прусского правительства о происходивших в Польше событиях и регулярно посылал отчеты прусскому кабинету, который, в свою очередь, пересылал их в копиях в русское посольство. Последнее располагало еще более ценным для ориентировки материалом — донесениями французского консула Дюрана своему правительству, которые перлюстрировались прусским министерством внутренних дел и также в копиях пересылались в русское посольство. Русский посол Аллопеус очень ценил донесения французского консула, отличавшиеся богатством фактического материала. Французский консул был хорошо знаком со многими повстанцами, знал их настроения, политические взгляды, планы, умел разбираться в динамике происходивших событий. При всех своих симпатиях к восстанию Дюран все же оставался представителем буржуазного правительства и оценивал события только с позиций умеренного буржуа.

Донесения прусского консула Шмидта менее интересны. В них также много фактического материала, но Шмидт оказался неспособным к тонкому политическому анализу происходивших событий. Впрочем, не все донесения Шмидта сообщались в русское посольство. Руководитель иностранной прусской политики граф Бернсдорф посылал копии только тех донесений, которые, по его мнению, могли быть полезны русскому правительству. Тем не менее и донесения Шмидта имели большое политическое значение, так как давали возможность русскому посольству критически разобраться в происходивших событиях.

В период польского восстания прусский министр иностранных дел и русское посольство поддерживали самый тесный контакт. Прусский министр иностранных дел обычно шел навстречу всем пожеланиям русского посольства. Однако и Аллопеус и его заместитель Мальтиц были в общем недовольны медлительностью действий прусского министра, которую они объясняли затяжной болезнью последнего. Такое недовольство было не вполне оправдано. Совершенно верно, что прусский министр иностранных дел никогда не давал быстрых ответов, но это объяснялось тем, что сначала он обычно собирал точные сведения

и только тогда, когда располагал всем материалом, отвечал на ноты русского посла. Ответы прусского министерства всегда отличались продуманностью и точностью. В них не было никакой недоговоренности. Поэтому переписка графа Бернсдорфа с русским посольством весьма отчетливо обрисовывает политику Пруссии в польском вопросе.

Прусское правительство в целом всячески помогало русскому посольству и старалось облегчить его сношения с прусским министерством иностранных дел. Если Аллопеус находил, что прусский министр тормозит разрешение того или иного вопроса и не может или, вернее, не хочет разрешить последний в желательном для России смысле, то он пытался воздействовать непосредственно на короля, пользуясь посредничеством министра двора, князя Витгенштейна, и военного министра, графа Лоттума. Непосредственно к прусскому королю русское посольство обращалось при разрешении очень серьезных политических вопросов.

Между политическими взглядами правящих кругов обоих правительств не могло быть никаких существенных разногласий. Не было их и в польском вопросе. Оба государства представляли собою диктатуру крепостников. И Пруссия и Россия относились враждебно ко всем революционным движениям, подрывавшим эту диктатуру. Для обоих правительств все общественные классы являлись только объектом управления в интересах крепостников. Буржуазия, крестьянство, рабочие должны беспрекословно подчиняться авторитету своего монарха. Отказ от повиновения вызывал в обоих правительствах раздражение и ненависть.

Время польского восстания было богато политическими событиями первостепенной важности. И бельгийская революция, и политика Франции по отношению к Бельгии, и итальянские революции, и интервенция австрийцев в папское государство, и оппозиция буржуазных кругов Франции — все это свидетельствовало о загнивании феодально-крепостнического строя. Разумеется, все эти события должны были привлечь к себе особенное внимание Пруссии, которая боялась как революции в собственных владениях, так и всеобщей войны. Вполне понятно, что прусское правительство прилагало все усилия к тому, чтобы ослабить остроту политических противоречий в Западной Европе и тем самым укрепить свое положение в борьбе с революционным движением у себя в стране.

В центре внимания Пруссии было польское восстание. Прусскому правительству уже в начале его пришлось подвергнуть испытанию свою традиционную верность России и принципам русской политики по отношению к Польше. В декабре 1830 г. князь Радзивилл, один из крупнейших магнатов в Познанском княжестве, имевший большие связи при берлинском дворе, приехал в Берлин, где встретился с князем Витгенштейном. Целью его поездки в Берлин было позондировать почву о возможности вмешательства Пруссии в польско-русские отношения. Князь Радзивилл намеревался просить короля „выступить во имя человечества перед своим зятем в защиту несчастных поляков, так как они, вопреки собственным желаниям, были втянуты в революцию, которой они не предвидели и к которой они не готовились“. По словам князя Радзивилла, „наиболее значительные фамилии остаются верными законному монарху и ожидают своего спасения от милостей

императора".¹ Однако это робкое выступление не встретило поддержки со стороны прусского министерства двора. По словам прусского посла, князь Витгенштейн ответил, „что едва ли король согласится использовать свои добрые отношения в пользу открыто восставших подданных“ и советовал обратиться к русскому послу для переговоров.

Польское правительство, в надежде иметь на своей стороне Пруссию, заботливо отстраняло все то, что могло бы стать предметом жалобы со стороны Пруссии, вплоть до высылки из Польши тех лиц, которые приехали из Пруссии, чтобы объединиться с „мятежниками“.² Так охарактеризовал политику польского правительства в отношении Пруссии познанский обер-президент. Эта характеристика должна быть признана правильной. Польское правительство действительно заботилось о сохранении нейтралитета Пруссии и надеялось победить Россию, если Пруссия останется нейтральной, хотя некоторые „горячие головы“ мечтали о революционном движении в Познанском княжестве. Как известно, эта политика польского правительства не дала желаемых результатов. И когда русский посол Аллопеус сообщил прусскому министру иностранных дел о тех мерах, которые русское правительство собиралось предпринять против Польши, граф Бернсдорф в своей ноте от 24(12) декабря ответил, что „Пруссия надеется на победу, ибо торжество революции в Варшаве вовлекло бы в революцию всю Европу“. Король, по словам министра, „посылает свои горячие пожелания быстрого успеха мероприятий, и его величество далек от того, чтобы скрывать, что наиболее дорогие и наиболее спорные интересы Европы находятся связанными с вопросом, который будет разрешен на берегах Вислы“.³ Другими словами, победа крепостнической России над Польшей должна была задержать развитие буржуазной революции в Европе.

Разделяя полностью все принципы русской политики, заместитель министра иностранных дел Пруссии отдал распоряжение барону Вернеру, прусскому послу в Париже, поддерживать перед французским правительством все представления русского посла в Париже графа Поццо ди Борго о невмешательстве в польско-русские отношения. Это, разумеется, имело принципиальное значение для той неустойчивой и неопределенной политики, которой держался генерал Себастиани в польском вопросе.⁴

Позиция русского правительства в польском вопросе была отчетливо сформулирована в упомянутой выше циркулярной депеше на имя русских посольств за границей. В ней торжественно заявлялось, что „правительство принимает все меры для укрепления спокойствия в своих собственных владениях и не допустит распространения волнений в провинциях, бывших польскими“. Нота предлагала, в целях нейтрализации революции, запретить как можно скорее всякое общение между восставшими и Европой, так как „польские бунтовщики будут стремиться иметь связи с французскими агитаторами, как посредством корреспонденции, так и посредством путешественников. В интересах самой

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 38, лл. 228—229.

² Там же, лл. 320—321.

³ Там же, лл. 331—332.

⁴ Там же, лл. 334—335.

Австрии и Пруссии необходимо как можно скорее изолировать польское королевство от других европейских государств¹. Эта просьба была полностью удовлетворена прусским правительством. Правительство Николая I в своей другой депеше, от 14 (2) декабря, подчеркивало установившуюся солидарность по всем европейским вопросам между прусским кабинетом и русским правительством и заявляло, что события в Польше не могут отразиться на политике России. Россия располагает достаточным количеством войск, чтобы восстановить в Польше законный порядок.²

Таким образом, обмен мнениями между двумя правительствами показал полную солидарность во взглядах на польский вопрос. Разумеется, такая политика со стороны Пруссии не может быть названа нейтральной. В то время как поляки начали восстание без всякой дипломатической подготовки, русское правительство не только обеспечило себе невмешательство Пруссии в польско-русские отношения, но и успело заручиться помощью, необходимость которой диктовалась всем политическим положением русской монархии.

Вполне понятно, что после состоявшегося обмена мнениями между обоими правительствами Пруссия не могла поддерживать какие бы то ни было дипломатические сношения с правительством Польши, так как это означало бы фактическое признание последнего. Поэтому министерство иностранных дел отдало распоряжение об отозвании консула Шмидта из Варшавы, который, как мы уже упоминали, был оставлен в Варшаве в качестве наблюдателя. Прусское правительство, идя навстречу пожеланиям русского правительства, выраженным в ноте от 31 (19) декабря 1830 г.,³ приняло ряд мер против Польши, сыгравших серьезную роль в ходе дальнейших событий.

Надо отметить, что с начала польского восстания среди некоторых европейских деятелей существовало глубокое убеждение в том, что русское правительство располагает достаточными материальными и военными средствами, чтобы расправиться с восставшими поляками и быстро подавить революционное движение. Поэтому они считали, что для спасения Польши необходима интервенция со стороны нейтральных держав. Мысль о том, что интервенция является жизненной и необходимой, разделяли и представители польского правительства, по преимуществу аристократы. Приехавший в Берлин граф Рачинский, являвшийся представителем повстанческого правительства, во время своего пребывания в Берлине поддерживал тесные отношения с князем Радзивиллом, которого он информировал о польском восстании, с целью представить последнее „в наиболее подходящем освещении“, как сообщал об этом Аллопеус на основании материалов прусского министерства иностранных дел.⁴

Приезд Рачинского в Берлин имел целью через князя Радзивилла позондировать почву о возможности вмешательства Пруссии в русско-польские отношения. Одновременно польское правительство, со своей стороны, нашло целесообразным послать своих дипломатических

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 39—40, лл. 238—239.

² Там же, лл. 244—255.

³ Там же, д. № 33, л. 410 и сл.

⁴ Там же, л. 453.

представителей в Берлин, Вену, Лондон и Париж для защиты дела польского восстания и для ознакомления широких буржуазных кругов с событиями в Польше. Кроме того, дипломатические представители должны были помещать статьи в газетах и пропагандировать идеи вмешательства западноевропейских держав в русско-польские отношения.

В конце декабря в Пруссию в качестве дипломатического представителя восставшей Польши был послан граф Мостовский, встреченный, как и следовало ожидать, весьма недружелюбно прусским правительством. Русский посол с большой радостью уведомлял министра иностранных дел Нессельроде о том, что „его величество король, узнав, что граф Мостовский приехал сюда, снабженный дипломатическими бумагами революционного правительства, с полномочием просить его величество о посредничестве перед нашим августейшим монархом в пользу Польши, — распорядился отдать телеграфное распоряжение в Торн и Франкфурт-на-Одере о запрещении графу продолжать дорогу на Берлин. Но так как граф Мостовский избрал себе дорогу через Ландштурм, то намерение его величества не могло быть приведено в исполнение, и граф Мостовский уже, вероятно, здесь“. Впрочем, добавляет Аллопеус, „король его не увидит и отдал распоряжение своему министру только принять последнего, дабы дать ему совет немедленно покинуть столицу“.

Приезд графа Мостовского поставил заместителя министра иностранных дел Ансиллона в весьма затруднительное положение. Последний, не зная как быть, обратился в русское посольство с запросом: не пожелает ли Аллопеус встретиться с графом, на что, разумеется, был дан отрицательный ответ. По словам Аллопеуса, он ответил, что не желает иметь с графом Мостовским никаких разговоров, но если Мостовский заявит о своем желании подчиниться своему законному монарху, а также подтвердит свое подданство, то он согласится его принять, о чем будет немедленно уведомлено русское министерство иностранных дел. При других обстоятельствах граф Мостовский не будет принят ни в каком случае, и русский посол „не будет выслушивать от него тех заявлений, которые он мог бы ему сделать“.¹ Казалось, что после такого ответа свидание с графом Мостовским не могло состояться, так как польский дипломат не мог говорить с Аллопеусом от имени польского правительства вообще, а тем более поднимать вопрос о подчинении русскому правительству, как этого требовал Николай. Тем не менее, свидание графа Мостовского с Аллопеусом состоялось. Граф Мостовский был министром в составе прежнего польского правительства и, как видно из нижеприведенной беседы с русским послом, которая состоялась 8 февраля (20 января) 1831 г., не питал особенных симпатий к революционным событиям в Польше.²

Действительно, Мостовский оказался довольно плохим представителем повстанческого правительства. О свидании с ним Аллопеус послал подробное донесение Нессельроде.³ Если сообщение Аллопеуса

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 38, лл. 527—530.

² Там же, д. № 39, лл. 527—530.

³ Там же, лл. 621 и сл.

не противоречит истине, — а в точности его едва ли приходится сомневаться, — то граф Мостовский совершенно не подходил для роли представителя повстанческого правительства, возложившего на своего дипломата столь ответственные обязанности. По словам Мостовского, „с момента начала революции он не принимал никакого участия в новой администрации. Он не присутствовал ни на одном заседании Сената, отказывался от подписи представляемых ему документов и держался сознательно поодаль. Он уже собирался покинуть Варшаву в первый же день возмущения, но не имел возможности выполнить своего намерения. Тогда князь Чарторыйский предложил ему взять на себя дипломатические поручения в Берлин и Париж в целях возбуждения обоих правительств для вмешательства дружественных дворов перед императором в пользу поляков. В ответ на предложение Чарторыйского он сообщил, что готов всегда испросить милость перед императором для своих возбужденных соотечественников. Он предвидел, что подобная миссия не приведет ни к каким результатам, и обещал направлять свои действия в зависимости от обстоятельств“. Польский дипломат был убежден, что поляки, сражаясь с мужеством, не могут оказать значительного сопротивления, за отсутствием оружия и необходимой на войне артиллерии. Вся эта речь казалась очень странной в устах дипломата, представляющего повстанческое правительство, да еще в беседе с представителем враждебной стороны. Вполне понятно, что граф Мостовский просил ее не опубликовывать.

Это полуофициальное свидание не могло иметь никаких практических результатов. Но из беседы с Мостовским Аллопеус мог убедиться в том, что среди польских аристократов имеется прослойка, которая стремится к прекращению войны с Россией и хочет мирным образом разрешить польскую проблему. Мостовский безусловно являлся представителем этой прослойки. С другой стороны, заявление Мостовского ясно свидетельствовало об отсутствии единства мнений в польском правительстве. Беседа с графом Мостовским успокоила русского посла. Он убедился в „достоинствах“ польского посла и имел полное право написать Нессельроде, „что подобный представитель правительства не может быть опасным политическим деятелем и что на его миссию не приходится обращать особенного внимания“.

Несмотря на все заверения прусского правительства, русский посол был настороже и внимательно следил за настроениями прусского общественного мнения. Аллопеус имел некоторые основания подозревать прусское министерство иностранных дел в том, что оно не всегда желает идти навстречу интересам русской политики. Ансиллона нельзя было заподозрить в сочувствии к Польше, но на позицию его оказывали влияние мнения тех кругов в Пруссии (как из среды дворянства, так и буржуазии), которые относились отрицательно к русской политике в Польше, критиковали военные распоряжения Дибича и считали необходимым вмешательство Запада в польско-русскую войну. Этим и объясняется крайняя осторожность и некоторая неясность в тех письменных ответах, которые Ансиллон посылал в русское посольство. Впрочем, как уже указывалось, русский посол находил выход из создавшегося положения, обращаясь к помощи прусских придворных кругов.

В феврале 1831 г. мать графа Мцельского обратилась к придворному хирургу Графе с просьбой послать в Варшаву опытного хирурга

для лечения раненного в бою сына. Король готов был удовлетворить просьбу при условии, что не будет никаких препятствий со стороны русского посольства. Аллопеусу пришлось согласиться на поездку хирурга в Польшу.¹ Поездка это имела и некоторое политическое значение. Дело в том, что представители аристократической партии продолжали искать путей для соглашения с Николаем. Уже граф Мостовский в беседе с Аллопеусом упомянул, что князь Чарторыйский стоит за соглашение, но что Лелевель и его партия резко выступают против всякого соглашения. Позицию Лелевеля разделял и главнокомандующий польской армии генерал Скшинецкий, настаивавший на продолжении войны. Мостовский указал Аллопеусу, что сторонники примирения с Николаем хотели бы послать депутацию к императору для переговоров об условиях подчинения, и просил русского посла довести об этом до сведения Николая, а также информировать его (Мостовского) о том, какие лица были бы более приятны императору в качестве членов делегации. Это была попытка войти в непосредственные сношения с императором и притом тайком от других членов польского правительства. Впрочем, это первое выступление не дало никаких положительных результатов. Аллопеус категорически заявил, что не возьмет на себя подобного поручения и что полякам известно содержание манифеста, согласно которому „они должны не вступать в переговоры, а подчиниться“.² Ввиду того, что штаб армии Дибича находился недалеко от Варшавы, Аллопеус предлагал польскому дипломату направить туда свои пожелания.

Одновременно аристократическая партия хотела позондировать почву в том же направлении перед прусским королем. Ездивший в Варшаву хирург Герберс привез для придворного хирурга Графе письмо от главнокомандующего армией, который просил довести до сведения короля о просьбе поляков — быть посредником между ними и русским императором. Лейб-медик двора нашел удобный случай познакомить короля с условиями, на основании которых поляки были готовы вступить в соглашение с Николаем. Эти условия заключались в следующем: 1) признание конституции; 2) всеобщая амнистия (не распространявшаяся только на тех, кто принимал участие в убийстве генералов в начале восстания). Если эти условия не будут приняты, грозил командующий войсками, „поляки будут защищаться до последней крайности, в то же время хорошо зная, что они окончат подчинением, но равным образом они убеждены в том, что русской армии они нанесут непоправимые потери“.³ По словам Аллопеуса, прусский король с негодованием отнесся к этому предложению. Так еще раз предложение о вмешательстве прусского короля в русско-польские отношения кончилось неудачей. Это было испытанием прочности русско-прусской дружбы в польском вопросе. Польский главнокомандующий, очевидно, плохо разобрался в политической обстановке и обнаружил удивительную политическую близорукость, если выражал надежду, что прусский король окажет полякам какую бы то ни было помощь. Прусский король вполне разделял точку зрения Николая, что один только монарх может судить своих подданных.

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 40, л. 101.

² Там же, лл. 277—279.

³ Там же, лл. 282—283.

Русское правительство предвидело возможность вмешательства иностранных держав в польско-русскую войну. По мнению яркого крепостника Николая I, такое вмешательство было недопустимо, так как оно нарушало власть монарха, которому принадлежит неотъемлемое право карать и миловать своих подданных. Эта точка зрения проводится во многих депешах Николая и Нессельроде, и русские послы, разумеется, приняли ее за основу своей политики. Этот политический лейт-мотив будет повторяться всякий раз, как только дело дойдет до дипломатического вмешательства. В депеше от 7 января 1831 г. (26 декабря 1830 г.) на имя всех послов Нессельроде высказывал предположение, что „поляки, быть может, будут стремиться прибегнуть к помощи пруссаков и к тем, которые связаны с Россией узами дружбы и доверия“. Впрочем, депеша выражала уверенность, что эти попытки не дадут положительных результатов. Нессельроде от имени русского правительства торжественно провозглашал, „что император не может допустить никоим образом по этому поводу иностранного вмешательства“. Нессельроде имел возможность сделать такое категорическое заявление, так как вместе с Николаем был убежден в преданности прусского правительства России и не сомневался, что интервенция не удастся и что в скором времени поляки будут поставлены на колени.

Польская дипломатия, между тем, также не бездействовала. Просьба о помощи Пруссии окончилась неудачей, но зато для польских дипломатов открылось широкое поле деятельности в Лондоне и Париже, где среди представителей буржуазных партий было немало лиц, сочувствовавших польскому восстанию. Военные действия, которые стали складываться не совсем благоприятно для России, имели важное политическое значение. Руководитель французской внешней политики генерал Себастиани сначала отказывался от всяких выступлений в пользу поляков и настойчиво советовал им подчиниться русскому императору, но начиная с мая происходит известная перемена в его отношениях к полякам. Вопрос об интервенции обсуждался в печати, и для министерства иностранных дел Франции он становился политическим жупелом, пользуясь которым, генерал Себастиани вел борьбу со своими политическими противниками, хотя трудно было поверить в искренность и честность этого изворотливого, но неразборчивого в средствах дипломата. Французское правительство, возглавляемое Казимиром Перье, решило сделать пробный шаг по вопросу об интервенции и хотел испытать в этом отношении Пруссию и, если возможно, воздействовать на нее. С этой целью в Берлин был послан в качестве посла Тлао, снабженный благожелательными для поляков инструкциями. В Берлине дом французского посольства стал центром всех сочувствовавших восстанию. Все они группировались около французского посла, который, кстати, оказался весьма плохим и недалеким дипломатом, показавшим полную неспособность ориентироваться в политической обстановке, а главное, совершенно не понимавшим общей политической линии прусского правительства в польском вопросе.

Прусское правительство в вопросе об интервенции должно было проявить особенную осторожность и не только потому, что в руках Пруссии находились значительные польские земли. Дальнейшее развитие польского движения могло стать угрожающим для самого

существования феодально-крепостнической прусской монархии. Поэтому все попытки поднять перед прусским правительством вопрос об интервенции были обречены на полный крах. Разумеется, и заместитель прусского министра иностранных дел Ансиллон в этом вопросе должен был отражать точку зрения своего правительства и идти навстречу желаниям Николая I. Когда французский посол в России генерал Мортема заикнулся перед Нессельроде о необходимости посредничества и в ответ получил грубый окрик Николая, Пруссия была довольна такой неудачей своего политического противника, о чем заместитель умершего в Берлине русского посла Мальтиц в депеше от 26(14) апреля с удовлетворением сообщал Нессельроде.¹ По словам Мальтица, Ансиллон в беседе с ним сказал, что „ответ, данный послу императором, в ответ на последнее выступление Франции, не оставляет Пруссии желать ничего другого и что правительство с удовлетворением ознакомилось с этим благородным и твердым ответом“. Это словесное заявление от имени прусского правительства, сделанное в тяжелый момент неудачи русской армии, конечно, имело громадное значение для Николая. Нужно поэтому удивляться тому легкомыслию, с каким французский посол, после того как его правительство потерпело перед прусским двором полное политическое поражение, в беседе с Мальтицом в начале июня открывал свои планы. По словам Мальтица, французский посол, между прочим, ему сказал, что в том случае, „если польские дела затянутся, то дружественная интервенция больших держав ему кажется неизбежной, принимая во внимание состояние общественного мнения во Франции, Англии и Пруссии“.²

Между тем к началу июля положение польской армии значительно ухудшилось и в стратегическом, и в материальном отношении из-за отсутствия у поляков достаточного количества оружия. В ходе революционных событий более отчетливо определялись два лагеря: аристократический и демократический. Демократический лагерь, с Лелевелем во главе, по мере нарастания событий брал верх и отстранял от руководства восстанием аристократическую партию, которая всячески старалась удержать за собой власть. Партия аристократов полностью доверяла генералу Сквинецкому, но зато последний терял доверие мелкой шляхты. Выражением настроения мелкой шляхты может служить одно частное письмо, отправленное в мае в Дрезден и перлюстрированное германской полицией. Автор письма возмущался тем, что шеф армии забыл, что он генерал революции, и окружает себя представителями аристократии, такими как Замоиский, Яблоновский, Четвертинский, Жевуский, Сапеги, которые оказывают на него влияние и воздействие, а между тем несколько недель назад Сквинецкий был простым полковником и шляхтичем. Все действия главнокомандующего автор этого письма расценивает как отражение мнений этой аристократической группы, боявшейся дальнейшего развития революции и желавшей посредством какого-нибудь компромисса поскорее ее окончить.³ Это заставило генерала Сквинецкого снова прибегнуть к помощи Графе, на этот раз с просьбой доставить королю конфиденциаль-

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 42, лл. 557—558.

² Там же, д. № 43, л. 101.

³ Там же, д. № 42, лл. 34—35.

ное письмо. Лейб-медик прусского короля не знал, что делать, и обратился за советом к военному министру графу Лоттому и генералу Витцлебену. Оба они сочли необходимым передать письмо королю. Однако король велел отослать его обратно автору с предупреждением, чтобы он перестал писать ему.¹ В своем письме польский главнокомандующий выступал не столько с просьбой о посредничестве, сколько с обвинением против прусских властей, потворствовавших России.

„Я не позволил бы себе, — писал генерал Сквишецкий, — непосредственно написать вам, ваше величество, если бы я не полагал, что мое положение главнокомандующего польской армией к этому обязывает. Вы, государь, объявили вместе с другими правительствами Европы о невмешательстве, и, вероятно, ваши министры получили соответствующие указания согласно с заверениями, одушевляющими их августейшего государя“. В дальнейшем генерал Сквишецкий указывал, что между фактической политикой прусского правительства и торжественными заявлениями о нейтралитете имеется громадное разногласие. Главнокомандующий выставлял следующие обвинения против действий прусской администрации, нарушающих нейтралитет, а именно: 1) военно-гражданские власти на границе всячески содействуют успехам русской армии; 2) пруссаки для русских оборудовали магазины в Торуне и других крепостях; 3) русская армия пользуется крепостными прусскими укреплениями; 4) мундиры многих русских полков прусской работы; 5) прусские инженеры из Мариенвердера заняты собиранием материала для постройки моста, который дал бы возможность русским войскам перейти Вислу. По словам автора письма, он мог бы указать и на другие факты нарушения нейтралитета, но и этого достаточно, чтобы „соблаговолить дать распоряжение, которое изменило бы положение вещей, о котором его величество знает, но которое так мало согласуется с политической честностью“.²

Письмо главнокомандующего польской армией совершенно правильно и точно характеризовало прусскую политику в отношении России и восставшей Польши. К тому же оно было не очень любезно по тону и мало приятно для королевского самолюбия. Неудивительно, что король пришел в раздражение и отдал приказ не показывать ему больше писем главнокомандующего польской армией.

Получив отказ, Сквишецкий разослал 27(15) июня циркулярное письмо всем польским дипломатическим представителям за границей.³ Это письмо — серьезное обвинение Пруссии в нарушении объявленного нейтралитета. Посылая свое письмо, Сквишецкий имел в виду привлечь внимание правительств Англии и Франции, которые, с своей стороны, могли бы оказать давление на Пруссию, чтобы заставить ее изменить политику по отношению к Польше.

„Поведение Пруссии, — писалось в циркуляре, — обязывает нас снова прервать наше молчание и довести до сознания иностранных держав о многочисленных нарушениях системы нейтралитета со стороны правительства. Когда началась война между Россией и Польшей и когда господствовало убеждение, что в течение нескольких недель

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 43, л. 32.

² Там же, лл. 36—37.

³ Там же, лл. 145—148.

Польша снова будет под ярмом России, Пруссия обнаружила равнодушие к этому предстоящему уничтожению польского народа. Подобной политике Пруссии все удивлялись, но жаловаться не приходилось. Хотя мы были всеми оставлены, мы удвоили наши усилия и сопротивлялись колоссальному могуществу России. Но в тот момент, когда мы заслужили уважение, вызвали к себе интерес со стороны европейских держав, когда наши усилия должны были принести свои плоды, соседняя с нами держава приходит на помощь [России] и уничтожает наши блестящие достижения. Пруссия прервала наши сообщения, арестовала наши денежные фонды и даже частично предоставляет в распоряжение России оружие и приходит всячески ей на помощь“.

Циркулярное письмо польского главнокомандования бросало резкие, но справедливые обвинения по адресу прусского правительства. Само по себе оно являлось актом безграничного отчаяния, который отнюдь не мог содействовать улучшению прусско-польских отношений. Очевидно, Сквинецкий понял, какое впечатление произведет на Пруссию циркулярное письмо, и немедленно отправил второе письмо с просьбой о вмешательстве, дабы „положить предел тем несчастиям, которые испытывает Польша“.¹ Русское посольство в Берлине было очень хорошо осведомлено об этой переписке и забило серьезную тревогу, но волнения оказались напрасными: прусское правительство отвергло все польские представления и претензии со стороны польского главнокомандующего.

Впрочем, циркулярное послание Сквинецкого дало известные результаты, так как французское правительство сделало прусскому правительству соответствующее представление о нарушении Пруссией нейтралитета. Разумеется, это представление было отвергнуто; в то же время оно явилось косвенным поводом для торжественного заявления о незыблемости прусско-русской дружбы и неизменности благожелательной для России позиции Пруссии в польском вопросе.

Прусское правительство в ноте от 6 июля сообщало русскому послу, что „инсинуация французского правительства относительно Польши была решительно отвергнута прусским правительством“.² Правительство Пруссии не сомневается, подчеркивалось в ноте, что „император может проявить свои отеческие и высокие намерения только тогда, когда для этого откроются благоприятные обстоятельства, которые создадутся на базе добровольного подчинения со стороны части поляков, либо в силу вынужденного подчинения благодаря победе. Только на этой единственной базе император может высказать свои намерения по отношению к Польше“. „Польский вопрос, — говорилось далее в ноте, — будет разрешен не только в действительных интересах России и Польши, но и в интересах как всей господствующей европейской системы, так и в интересах милосердия и гуманности“. Нота заканчивалась выражением уверенности в победе русских войск, благодаря которой станут невозможны выступления, подобные французскому.

После майской битвы при Остроленке театр военных действий значительно сузился и для объективного наблюдателя военных событий было совершенно очевидно, что без постороннего вмешательства

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 43, лл. 191—192.

² Там же, лл. 193—194.

польское восстание рано или поздно будет раздавлено. Поэтому полякам была нужна во что бы то ни стало интервенция западноевропейских держав, интервенция решительная, единодушная. Вполне понятно, что польские дипломаты принимали все меры к тому, чтобы такая интервенция состоялась.

В первый период польского восстания руководитель французской внешней политики отделялся словесными излияниями в своем дружеском расположении к полякам, но фактически ничего не предпринимал, чтобы помочь полякам в их затруднительном положении. Однако в связи с тем, что мелкобуржуазная часть вновь избранной палаты депутатов Франции была на стороне восставших, а также в связи с давлением, которое оказывал на руководителя внешней политики Франции ее посол в Лондоне Талейран, Себастиани должен был предпринять некоторые шаги в пользу поляков. Он превосходно понимал, что выступление иностранных государств будет внушительным только в том случае, если оно будет единодушным, коллективным и если в нем примут участие Пруссия и Австрия. Вместе с тем, нужно удивляться известному легкомыслию Себастиани, допускавшего, что при тогдашней ситуации Пруссия и Австрия пойдут на выступление против русской политики в Польше. При создавшемся тогда международном положении и при сложившемся соотношении сил европейских государств выступление французской дипломатии имело значение только политического маневра. Французское буржуазное правительство потерпело в этом вопросе полное поражение. Однако уже в начале июля французский посол в Берлине в беседе с Мальтицем сказал последнему, что если дела в Польше затянутся, то дружественная интервенция великих держав кажется ему неизбежной как в силу состояния общественного мнения во Франции и Англии и даже Германии, так и в связи с усиливающейся эпидемией холеры.¹ В справедливости этих слов не приходится сомневаться, так как в дальнейшем вся французская политика развивалась в этом направлении. Сам Мальтиц высказывал опасения в отношении возможности дипломатического вмешательства, когда сообщал своему правительству об интенсивной деятельности польских дипломатов, добивавшихся помощи иностранных держав. Согласно его осведомительным данным, „поляки ищут с беспокойством помощи иностранных держав“, тем не менее он полагает, что все эти интриги вокруг кабинетов Парижа и Лондона окажутся безрезультатными.² Мальтиц сообщал Нессельроде о приезде польской депутации в Лондон во главе с Немцевичем. Последняя встретила серьезное противодействие со стороны некоторых членов английского правительства.

Вопрос об интервенции в Польшу стал более конкретным в начале июля. Дипломаты польского правительства сообщали в Варшаву о том, что французскому послу при берлинском дворе поручено добиться какой бы то ни было ценой вмешательства прусского правительства в польские дела посредством дружественных и убедительных представлений, подкрепленных указаниями на угрожающую Европе опасность распространения холеры.³ Мальтиц, сообщая об этом Нессельроде, в течение некоторого времени не мог узнать сущности содержания

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 43, л. 101.

² Там же, лл. 151—156.

³ Там же, л. 347.

полученных из Парижа инструкций, так как сам французский посол хранил глубокое молчание и ничего не сообщал даже руководителю иностранной политики Пруссии. Было только известно, что французский посол в разговоре с Бернсдорфом жаловался на те послабления и услуги, которые Пруссия оказывает России, что, в сущности, является нарушением принципа нейтралитета.¹ Беседа французского посла с министром иностранных дел была не чем иным, как предварительным зондированием почвы для более решительного выступления по польскому вопросу. Французский посол очень интересовался вопросом о нейтралитете и хотел узнать, как смотрит прусское правительство на необходимость соблюдения им нейтралитета в польско-русской войне. Бернсдорф полностью удовлетворил желание французского посла и совершенно отчетливо высказал по этому поводу свое мнение, доставившее полное удовлетворение заместителю русского посла в Берлине.

Бернсдорфу пришлось откровенно признать, что Пруссия далека от соблюдения нейтралитета в отношении Польши. Прусское правительство, по его словам, не оказывало России никакой военной помощи, да и Россия никогда не обнаруживала желания получить помощь такого рода. „Что же касается того, что мы можем предложить России без вмешательства в войну, то мы все это предоставляем в ее распоряжение. Мы действуем так, как по взглядам и чувствам, которые соединяют нас с Россией, так и по соображениям наших собственных интересов. Мы желаем со своей стороны, чтобы борьба со стороны поляков прекратилась как можно скорее“. Ответ Пруссии был в политическом отношении мало благоприятным для Франции, но зато он был отчетлив. Пруссия прямо заявила, что в отношении России она проводила политику благоприятного нейтралитета. Тем не менее французский посол, во исполнение распоряжений французского правительства, 20(8) июля представил прусскому правительству предложение о посредничестве в пользу „бунтовщиков“ (слова Мальтица) в Польше, что, разумеется, для прусского кабинета отнюдь не было неожиданностью.² Такое же представление было сделано и Австрии, но австрийское правительство отклонило сделанное предложение. Об этом сообщал русский посол граф Татищев в депеше от 22(10) июля.³ Ответ Австрии был немедленно сообщен министру иностранных дел Пруссии, который, по словам Мальтица, встретил его с величайшим удовлетворением, нисколько не удивляясь его содержанию. Зная об ответе Австрии, прусское правительство категорически отвергло всякое предложение относительно какого бы то ни было посредничества в пользу Польши, и 28(16) июля Мальтиц мог сообщить в Петербург все подробности своей беседы с Ансиллоном по поводу заявления французского посла.⁴ Так, по словам Мальтица, отвергая представление, сделанное французским послом, Ансиллон отметил, что французское предложение о вмешательстве ухудшает положение и обостряет борьбу. Одновременно Ансиллон обратился к французскому послу с просьбой дать совет полякам „предоставить себя великодушию императора, если

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 43, лл. 70—78.

² Там же, л. 500.

³ Там же, л. 504.

⁴ Там же, лл. 631—632.

французы имеют влияние в Варшаве и если французское правительство хочет восстановить мир в Польше“. В ответ посол категорически заявил, что французское правительство не может давать полякам советы подобного рода. Сообщая своему правительству „о полном достоинстве и откровенности ответе“ Ансиллона, Мальтиц высказал предположение, что французский посол должен будет оставить свой пост ввиду полного неуспеха его миссии.¹ Действительно, положение французского посла стало очень тяжелым. Он оказался изолированным. Мальтиц в своей депеше от 28 (16) июля с удовлетворением сообщает, что французский посол поддерживает связи только с поляками, в особенности с княгиней Сапегой.

Тем не менее прусское правительство имело все основания желать скорейшего окончания польско-русской войны, доставлявшей ему немало хлопот и беспокойства, что, при наличии еще неразрешенного бельгийского вопроса и натянутых отношений с Францией, связывало Пруссию по рукам и ногам. С другой стороны, такое положение Пруссии было весьма благоприятно для интересов России. Оценка политического положения Пруссии, сделанная Мальтицем, была совершенно правильной. Пруссия была вынуждена выставить на границе Царства Польского значительные войска, чтобы отбросить на его территорию отступающие польские войска. Мало того, приходилось держать значительные военные силы в Познанском княжестве и для того, чтобы своевременно предупредить возможность возникновения революционного движения среди польского населения. На Рейне, где не прекращались волнения, Пруссия тоже должна была иметь военные силы.

Позиция, занятая Пруссией в польском вопросе, полностью отвечала интересам России. Сам Николай оценивал ее как выражение той дружбы и тех союзных отношений, которые связывали оба двора. Безусловно, русская политика в Берлине одержала известную победу, и Мальтиц получил от Николая I благодарность. Французский посол, не встречая нигде поддержки, скоро под видом отпуска покинул Берлин, однако с тем, чтобы больше не возвращаться.

Штурм и взятие Варшавы, ставшее возможным только благодаря той материальной помощи, которую оказывала Пруссия русской действующей армии в Польше, были переломным этапом в ходе польского восстания. Правда, польская армия, отступая от Варшавы, продолжала оказывать сопротивление, но, разумеется, все эти успехи не могли изменить общего положения дел на фронте, и исход восстания был уже ясен.

Если Николай, несмотря на ряд неудачных действий русской армии в Польше, а временами и на ее критическое положение, категорически высказывался против всякого вмешательства в русско-польскую войну, то после взятия Варшавы, предчувствуя полную победу, русский император действует еще решительнее. Тон его депеш становится еще более самоуверенным, не допускающим никаких возражений.

Взятие Варшавы выдвигало принципиальной важности вопрос о будущем устройстве Польши. Этим вопросом заинтересовалось английское правительство и поручило своему представителю в Петербурге, лорду Hausterbury следить за тем, чтобы при разрешении вопроса об устройстве Польши были приняты во внимание условия

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 44, л. 383.

Венского конгресса. Такая политика английского правительства создавала для Николая I новые затруднения, так как давала новый повод для вмешательства в разрешение польского вопроса, что не могло не беспокоить русское правительство. Этот же вопрос задевал интересы Австрии и Пруссии, для которых было совсем не безразлично, какой характер примет будущее устройство Польши.

Австрия, в лице канцлера Меттерниха, первая пришла на помощь России. Меттерних составил меморандум, в котором отрицал право европейских держав вмешиваться, на основании условий Венского конгресса, в разрешение вопроса об устройстве Польши. По мнению Меттерниха, Венский трактат не возлагал на Александра I обязанностей давать полякам конституцию. Это было делом самого Александра I. Меморандум Меттерниха полностью отвечал взглядам и позициям Николая I и был сообщен в Париж и Лондон русским послам, которые должны были руководствоваться меморандумом в беседах по польскому вопросу с Себастиани и с министром иностранных дел Англии лордом Пальмерстоном.¹ Николай не сомневался в том, какую позицию займет Пруссия в этом щекотливом вопросе, но для победы реакционного фронта в польском вопросе было, разумеется, весьма важно, чтобы и Пруссия присоединилась к выгодному для русского правительства толкованию условий Венского трактата. Это было тем более необходимо, что французское правительство продолжало делать русскому правительству настойчивые представления о Польше, а русское правительство, с своей стороны, категорически заявляло о недопустимости дальнейших представлений. Нессельроде уведомил русского посла в Париже, что „его величеством отдано распоряжение не принимать в дальнейшем никакого сообщения относительно Польши, так как император не признает права ни за какой державой обращаться к нему по вопросам, решение по которым принадлежит ему одному“.²

О категорическом повелении Николая I Мальтиц должен был уведомить и прусский кабинет с указанием на то, что посол Поццо ди Борго должен вести переговоры с французским правительством, согласно данным ему инструкций. Кроме того, Мальтицу было дано распоряжение выразить благодарность прусскому правительству за новое доказательство дружбы, так как, по словам Нессельроде, необходимо было еще раз продемонстрировать перед Францией единство взглядов и принципов между Россией, Австрией и Пруссией.³

Точка зрения прусского правительства полностью отвечала интересам политики Николая I. Ансиллон 19 (7) ноября уведомил Мальтица, что, по мнению прусского короля, вопрос о будущем устройстве Польши „может решать только один император; только ему принадлежит право дать форму административного устройства этого края“, и что король ожидает решений Николая I „с полным доверием к мудрости императора“. Но в то же время Ансиллон весьма осторожно высказал свое мнение относительно возможности будущего устройства Польши, мнение, которое шло вразрез с планами Николая I превратить Царство Польское в обыкновенную провинцию.⁴

¹ Архив внешней политики. Канцелярия Мин-ва иностр. дел, д. № 47, лл. 365—366.

² Там же, л. 426.

³ Там же, лл. 423—425.

⁴ Там же, д. № 46, лл. 402—403.

В целях успокоения Франции Нессельроде довел до сведения французского правительства о намерении императора сохранить Царство Польское в том виде, как оно есть, но предоставить ему отдельное управление и дать ему национальные учреждения. В известной степени такое заявление было сделано русским правительством под влиянием Пруссии.

Нессельроде, составляя ответ Франции, положил в его основу австрийский меморандум. Было совершенно ясно, что с польской конституцией будет раз и навсегда покончено. Державам приходилось мириться с таким решением вопроса об устройстве Польши. Николай I имел полное основание праздновать большую дипломатическую победу, одержанную при содействии Австрии и Пруссии. Священный союз трех реакционных держав оказался действительно единым в своих действиях. При таком отношении Пруссии к польскому вопросу нет ничего удивительного в том, что прусское правительство встретило октябрьский манифест об амнистии без всяких возражений.

В. Д. Королюк

ИЗБРАНИЕ АВГУСТА II НА ПОЛЬСКИЙ ПРЕСТОЛ И РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Изучая международное положение Речи Посполитой последних лет XVII в., исследователь не вправе забывать, что это были годы, предшествовавшие двум крупнейшим войнам XVIII столетия — Северной войне и войне за испанское наследство, в ходе которых укрепились и выдвинулись основные великие европейские державы, сохранявшие затем в течение длительного времени свое ведущее положение. В изучаемый момент основные международные противоречия сгруппировались вокруг трех главных европейских проблем.

На юго-востоке Европы — это, прежде всего, турецкий вопрос — вопрос о борьбе с агрессивной Турецкой империей австро-русско-польской коалиции, в которой главную роль, наряду с Австрией, играет с конца XVII в. Россия, заслоняя собой Речь Посполитую. Несмотря на военные неудачи, Турция, переживавшая тяжелый внутривосточный кризис, сопровождавшийся расстройством финансов и разложением аппарата центрального управления, не потеряла еще своих важных политических позиций и оставалась опасным противником.

На европейском Севере главным вопросом был шведский. В течение XVII в. Швеция удалось захватить в свои руки Прибалтику (отрезав России единственный возможный выход к морю) и укрепиться в Империи, создав себе там удобный плацдарм для того, чтобы угрожать не только Дании, Речи Посполитой и поднимающейся Пруссии, но и самой Австрии в случае столкновения ее с Францией. С таким положением вещей, разумеется, не могли мириться ни Россия, ни Дания, ни даже Пруссия, внимательно следившая за ходом событий на севере Европы, чтобы, воспользовавшись слабостью или неудачей своих соседей (Швеции и Речи Посполитой), расширить за их счет свои границы.

Разрешение турецкого и шведского вопросов было тесно связано с событиями в Западной Европе, где англо-голландско-австрийской коалиции противостояла Франция. Рисвикский мир 1697 г., совпадающий с теми событиями в Речи Посполитой, о которых будет идти речь ниже, не разрешил основного противоречия и был только краткой передышкой в борьбе между западноевропейскими державами. Вот почему, изучая события, связанные с развитием турецкого или швед-

ского вопросов, исследователь не имеет права ни на одну минуту упускать из поля зрения события, развертывавшиеся на другом конце континента. Органическое единство международных отношений Европы, подготовленное бурными событиями XVI и XVII вв., было уже теперь таким фактом, игнорировать который было совершенно невозможно.

В области дипломатии следствием упомянутого органического единства международных отношений и взаимной зависимости всех решающих европейских противоречий явилась концепция европейского равновесия, сформулированная уже в течение XVII в.¹ Ссылаясь именно на нее, морские державы поддерживали Австрию против Франции и всем попыткам французской дипломатии опереться на „восточный барьер“, сколотить польско-шведско-турецкую коалицию против Габсбургов противопоставляли свои усилия, клонящиеся к тому, чтобы удержать восточноевропейские государства, и прежде всего Швецию, вне орбиты французского влияния, привлечь их к разгрому колоссально усилившейся Франции.

Такова отправная позиция, с которой придется нам рассматривать внешнеполитическую историю Речи Посполитой в изучаемый нами период, таков сложный ход и развитие польско-русских отношений — центральной темы предлагаемой работы.

* * *

Два обстоятельства, прежде всего, определяли международные позиции шляхетской Речи Посполитой. Это, во-первых, важное географическое положение страны, расположенной в тылу Австрии и граничащей с Венгрией, бывшей самым уязвимым местом, „ахиллесовой пятой“ огромной монархии Габсбургов. Кроме того, Речь Посполитая являлась удобным плацдармом для удара по Пруссии, примыкала к шведским владениям в Прибалтике и на громадном протяжении имела общую границу с Россией. При таких условиях попытки Франции заручиться польским союзом могли составить слишком опасную угрозу для всех ее соседей, не исключая России, выступавшей в этот момент совместно с Австрией во главе антитурецкой коалиции. Это, во-вторых, тот факт, что, несмотря на сказавшуюся в ходе турецкой войны военную слабость Речи Посполитой, она все еще представлялась достаточно сильной державой, чтобы считаться с ее позицией, искать ее союза. В этом смысле особый интерес представляют взгляды такого трезвого политического деятеля, каким был шведский канцлер Бенедикт Уксеншерн, не исключавший возможности повторения в ходе Северной войны тех неудач, которые уже однажды, во времена Яна-Казимира, свалились на голову победоносной шведской армии при попытке подчинить Польшу.²

Здесь следует сразу же указать и на те обстоятельства, которые в известной мере должны были ограничить свободу действий русской дипломатии в польском вопросе. Это был, во-первых, „вечный мир“ 1686 г., зафиксировавший вынужденный отказ польско-литовских правящих кругов от притязаний на Левобережную Украину перед лицом турецкой агрессии, а вместе с тем и исключавший прямое вмешательство

¹ Ch. Depuis. Le principe d'équilibre et le Concert Européen de la Paix de Westphalie à l'acte d'Algeras. Paris, 1909, p. 26.

² ЦГАДА, Дела шведские, 1702, № 6, л. 16.

России во внутренние дела Речи Посполитой; в то же время „вечный мир“ оставался необходимым условием для продолжения Русской турецкой войны и для возобновления ею борьбы со Швецией за Прибалтику. Это был, во-вторых, признанный уже в политической практике соседей Речи Посполитой принцип гарантии польской конституции. Речь идет об австро-шведско-бранденбургском соглашении 1686 г., согласно которому его участники обязались защищать сохранение „вольной элекции“ в Речи Посполитой.¹

Переломным моментом в ходе турецкой войны явились Азовские походы молодого Петра (1695—1696). Падение Азова означало не только пробуждение русской военной активности на Юге, но и вступление дворянской России на путь серьезных внутренних реформ. Вместе с тем Россия твердо вступала в круг широкой европейской политики, стремясь занять здесь одно из ведущих мест. Нельзя забывать, что именно в этот момент задумывалось „великое посольство“ в Европу, ставившее своей целью укрепление „Священной лиги“. Концепция решительного разгрома турок прочно владела мыслями русских дипломатов.

Между тем, концепции этой угрожала серьезная опасность. На Западе затухала война „Аугсбургской лиги“ с Францией. Не снимая основного противоречия между противниками, предстоящий Ризвикский мир (1697) должен был открыть короткий период неустойчивого равновесия, при котором обе стороны, используя передышку, занялись бы перегруппировкой сил, чтобы в следующий момент снова бросить их на неверные веса войны. Призрак неизбежной борьбы за испанское наследство, естественно, отвлекал от Востока внимание не только морских держав, но и Австрии. Однако в самом начале путешествия „великого посольства“ угроза срыва войны с Турцией не казалась еще настолько реальной. Во всяком случае, в Москве определенно рассчитывали на возможность организации общеевропейской антитурецкой коалиции. Зато непосредственную угрозу представляло положение дел в Речи Посполитой, где как раз в это время скончался Ян Собеский. Бескорольеве, начавшееся в Речи Посполитой, где влиятельные реваншистские круги магнатства и шляхты были встревожены русскими победами под Азовом,² могло привести к серьезным осложнениям в польско-русских отношениях. Появление на польском престоле французского кандидата означало бы срыв войны с Турцией и эвентуальное возобновление польских территориальных претензий к России. Иными словами, ставился под сомнение „вечный мир“ 1686 г. — политическая база русского участия в турецкой войне; за условия этого мира крепко держались в Москве.

Таковы внешние обстоятельства первого заграничного путешествия Петра Великого. Польский вопрос, естественно, становился одним из основных вопросов внешней политики России.

* * *

Постепенный упадок внешнеполитической активности Речи Посполитой ярко сказался в последний период турецкой войны. Дело здесь не только в тех серьезных военных потрясениях, которые пришлось

¹ Wł. Koperczyński. Polska a Szwecja. Warszawa, 1924, s. 27.

² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. III, стлб. 1155, изд. „Общ. Польза“.

пережить шляхетской республике за последние несколько десятков лет XVII в., не в стремительном росте военного могущества окружающих ее соседей — Швеции, России, отчасти Пруссии и временном усилении турецкой агрессии. Все эти обстоятельства, несомненно, сыграли серьезную роль; однако необходимо учитывать гораздо более серьезное значение того внутреннего процесса, который сводил страну на позиции почти бессильного наблюдателя ожесточенной борьбы, разыгравшейся в начале следующего столетия между ведущими державами Севера, борьбы, в значительной мере проходившей на польской территории и определявшей дальнейшие судьбы польского народа и государства.

В конце XVII в. Речь Посполитая представляла собою государство с открытыми, незащищенными границами, лишенное какой-либо организованной армии, способной противостоять противнику, наконец, не имеющее твердой политической линии. В этом смысле Речь Посполитая представляла поразительный контраст по сравнению со своей восточной соседкой. В то время как в России наступил момент окончательного оформления и торжества абсолютизма, выражавшего интересы подавляющего большинства господствующего дворянского класса, в противовес ничтожной фракции из осколков старой московской знати, Речь Посполитая все более определенно вступала в полосу феодальной анархии, подрывавшей ее государственное единство.

Так же как в России и как в других странах Восточной Европы, основой польского государственного строя был феодальный способ производства в его наиболее крайних крепостнических формах, окончательно сложившихся в течение XVI в. в связи с политическим торжеством землевладельческой шляхты.

Особенностью развития феодальных отношений в Польше было то обстоятельство, что здесь дворянство-шляхта сумело не только довести до предела политическое подчинение крестьянства, но и подчинить себе политически города. Экономическое и политическое падение города лишало королевскую власть той могущественной силы, опираясь на которую, она везде добивалась установления абсолютной монархии. Польский город не сыграл даже той роли, какая выпала на долю посада в Русском государстве в укреплении центральной государственной власти. А многочисленные средневековые городские статуты и привилегии, превращавшие польский и литовский город в замкнутый корпоративный организм, в коллективного феодального сеньора и оказавшиеся в руках горожан исключительно оборонительным средством, а не оружием наступления, как это было на Западе, привели, скорее, к политической деградации польского города, чем усилили его позиции перед лицом наступающего шляхетского сословия. Известную роль при этом сыграло то обстоятельство, что в составе польского городского населения сохранилась прослойка иностранного (немецкого) элемента. Факт этот был отмечен основоположниками марксизма, подчеркивавшими, что „немцы помешали созданию в Польше польских городов и польской буржуазии. Своим особенным языком, своей отчужденностью от польского населения, тысячью своих различных привилегий и городских статутов они затруднили осуществление централизации, этого могущественнейшего политического средства быстрого развития всякой страны“.¹

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 370.

Так создавалась основная предпосылка прогрессирующего падения роли королевской власти. Известная централизация страны, вызванная экономическими интересами господствующего класса, произошла без политической помощи города и королевской власти, но именно вследствие этого произошла неполно и не до конца.

С другой стороны, в отличие от Русского государства, где дворянство, противостоявшее другой части господствующего класса — консервативно настроенному боярству, мешавшему централизации страны, стало главной опорой монархической власти в деле централизации страны и установления абсолютизма, — в Польше столкновение интересов шляхетства и магнатства не только не привело к разгрому последнего, но уже очень скоро закончилось компромиссом, что определило дальнейший упадок королевской власти, лишив ее еще одной возможной опоры.

Так как ни польский город, ни польское шляхетство не могли явиться прочной опорой для королевской власти, в своих попытках произвести абсолютистский переворот она вынуждена была всегда рассчитывать на иностранную интригу и на успешную войну. В этом смысле династическая политика Августа II тесно примыкает к династическим замыслам его предшественников — Яна Казимира и Яна Собеского.

Незавершенность процесса централизации ярко сказывалась в деятельности единственного органа централизации — вального сейма, который был в значительной степени ограничен принципом *liberum veto*, предоставлявшим каждому депутату, выразившему свое несогласие, право сорвать заседание сейма и лишить законной силы все его постановления. Юридической основой этого принципа было то, что земские послы, избранные сеймиками — местными органами шляхетского самоуправления, представляли только эти сеймики, наделявшие их инструкциями, от которых они не могли отступить в своей деятельности. При таком положении законодательная власть оказывалась разделенной между вальным сеймом и отдельными сеймиками, и Речь Посполитая фактически представляла собой федерацию автономных административных единиц. Король не располагал законодательной властью. Исполнительная власть, принадлежавшая ему, тоже была сильно ограничена магнатским сенатом. Без согласия последнего король не имел права объявлять войну и заключать мир. Созыв всеобщего шляхетского ополчения — посполитого рушения — был прерогативой сейма. При короле существовала сенатская рада, с которой он обязан был совещаться. Невыполнение королем условий конституции вело к отказу в повиновении ему. Таковы основные черты польского государственного строя, сложившегося в качестве компромисса между магнатством и шляхтой, компромисса, обусловившего окончательный упадок королевской власти.

Этот компромисс не уничтожил существовавших внутриклассовых противоречий между шляхетством и магнатством. Однако эти противоречия существовали скорее как тенденция в общем историческом развитии Речи Посполитой и никогда на протяжении всего XVII в. не проявлялись в своем чистом виде. В конечном счете „золотая шляхетская вольность“ была для средней и мелкой шляхты в политической жизни страны лишь фикцией. Решающая политическая роль принадлежала магнатам, которые без особого труда срывали сеймы, поль-

зуюсь для этого услугами своих клиентов — шляхтичей, и фактически обрекали на полное бездействие центральный орган управления.

Впоследствии Северная война, сильно ударившая по экономике шляхетского поместья, разорившая польский город и катастрофически сократившая внутренний и внешний рынки, довела эти внутренние процессы до крайней степени интенсивности. Вся власть в стране перешла в руки магнатской олигархии. Но и в предшествующий период роль и значение магнатства росли быстрыми темпами, принося с собой усиление центробежных сил в стране. Таким образом, магнатско-шляхетский компромисс поворачивался своим острием не только против королевской власти. В своей основе он нес и неизбежное торжество магнатства над шляхтой.

Но при таких условиях противоречия между шляхетской и магнатской фракцией господствующего класса приобретали совершенно новые формы. Основным выражением их было соперничество различных магнатских группировок, оказывавшихся часто к тому же на службе иностранных дворов и пытавшихся использовать противоречия между магнатством и шляхтой в своих собственных узко-групповых интересах. Узаконенное восстание шляхты, носившее название конфедерации, рокоша, открывало для этого самые широкие возможности.

Соперничество и борьба магнатских группировок, ввергавших страну в состояние постоянной междоусобицы, окончательно ослабили Речь Посполитую. „Постепенная деморализация правящей аристократии, недостаток сил для развития буржуазии и постоянные войны, опустошавшие страну, сломали, наконец, силу Польши, — указывал Ф. Энгельс. — Страна, которая упорно сохраняла нерушимым феодальный строй общества, в то время как все ее соседи прогрессировали, формировали буржуазию, развили торговлю и промышленность и создали большие города, — такая страна была обречена на гибель. Аристократы несомненно погубили Польшу и погубили ее окончательно“.¹

Итак, положение, которое занимала Речь Посполитая в ряду других государств в конце XVII в., лишь казалось прочным: за обманчивой внешностью скрывался вырождающийся политический строй феодально-крепостнического государства, острые национальные противоречия, выливавшиеся в напряженную борьбу украинского и белорусского народов против власти польских феодалов, наконец, непримиримые классовые противоречия — борьба закрепощенного крестьянства против феодального гнета. Уже в изучаемую нами эпоху все условия, предопределявшие падение Речи Посполитой, были налицо. Только непримиримые противоречия между ее соседями, только благоприятно сложившаяся международная обстановка позволили ей сохраниться еще почти целое столетие. При таком положении вещей страна фактически была неспособна к „общенациональному действию“.

„... Польша, — писал Энгельс, — дворянская республика, основанная на эксплуатации и угнетении крестьян, неспособная по своей конституции ни к какому общенациональному действию и обреченная тем самым стать легкой добычей своих соседей“.² В этом указании Энгельса — ключ к пониманию внешнеполитического развития Речи Посполитой конца XVII—XVIII вв.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I, стр. 159.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 10.

* * *

Так как в период первого заграничного путешествия Петра I главным вопросом в русской политике оставался турецкий вопрос, естественно было предположить, что „великое посольство“ посетит прежде всего Вену, чтобы окончательно укрепить существовавший с Австрией союзный договор.

Однако дела там скоро уладились сами собой: русский посланник доносил из австрийской столицы о заключении нового соглашения с Австрией и Венецией на три года. Поэтому „великое посольство“ направилось прямо в столицы морских держав (Англии и Голландии). Путь туда лежал через Бранденбург, где Петр вынужден был задержаться гораздо дольше, чем это предполагалось сначала. Виною тому были польские события.

В последующем изложении хода событий, связанных с появлением на польском престоле саксонского курфюрста Фридриха-Августа, нам хотелось бы выделить две основные темы. Первая из них будет посвящена обстоятельствам избрания Августа II, причем главной задачей исследования явится анализ причин, обусловивших появление его кандидатуры в ходе предвыборной борьбы и роли дипломатических усилий Австрии и России для ее успеха на выборах. Нужно сказать, что вопрос этот до сих пор не был освещен с достаточной полнотой ни в русской, ни в польской литературе. Кроме известных фактов посылки царской грамоты к панам-раде во время выборов и концентрации на северо-западном участке польской границы корпуса князя Ромодановского, к тому же взятых вне всякой связи с остальными внутренними и внешними мероприятиями России, больше обычно ничего не приводится для характеристики деятельности и настроений русского правительства в польском вопросе. Между тем, русская политика была гораздо более сложной, чем это может показаться на первый взгляд. Что касается позиции Австрии, то и в этом отношении необходимы будут некоторые существенные коррективы.

Несколько лучше обстоит дело со второй поставленной нами темой. При разработке ее речь будет идти прежде всего об анализе тех сложных внутренних и внешних условий, которые помогли Августу II окончательно закрепиться на польском престоле. В этом плане основные моменты русской политики разработаны значительно полнее. Сошлемся, хотя бы, на исследования Н. Устрялова, С. М. Соловьева и особенно М. М. Богословского, наиболее детально разработавшего эту проблему. Но и здесь многое остается неясным, особенно в части, касающейся разработки вопросов, связанных с теми внутренними событиями в Речи Посполитой, которые обуславливали победу Августа II на выборах и первоначальное направление его политики.

Упомянутые исследователи и не ставили себе целью подробное изучение обстоятельств, определивших появление и укрепление на польском престоле саксонской кандидатуры. Для них это было побочной, скорее даже второстепенной задачей, что в конечном счете и объясняет неполноту исследования. С другой стороны, представляется необходимым в ходе дальнейшего изложения событий выделить три основных этапа в развитии польско-русских отношений за изучаемый нами период: польско-русские отношения в предвыборный период, в самый момент выборов и, наконец, после них.

* * *

Бескорольевье, наступившее в Польше после смерти Яна Собеского (1696—1697), было одним из самых тяжелых в ее истории. Правда, на турецком фронте в течение всего этого времени господствовало полное затишье. Благодаря азовской кампании Петра и отчасти может быть настоятельным представлениям Франции в Стамбуле, рассчитывавшей на успех своего кандидата на польских выборах, стране как будто не угрожало в ближайшем будущем повторение турецко-татарского нашествия. Однако уже в силу того, что затишье это было вызвано не военными успехами самой Речи Посполитой, а держалось на внешних, не зависевших от нее обстоятельствах, внешнее положение страны было далеко не благополучным. С перспективой турецкого нападения приходилось все время считаться, и в ходе предвыборной борьбы ей будет принадлежать весьма существенная роль.

Но еще сложнее было положение внутри Речи Посполитой. Как обычно бывало и прежде в такие напряженные периоды, когда королевский трон оставался вакантным, а различные выдвинутые кандидатуры не имели еще никаких твердых шансов на успех, страна становилась ареной бесконечных интриг иностранных дворов, использующих многочисленные группировки магнатов и их противоречия между собой для того, чтобы обеспечить успех своей политической линии.

Страна разделилась на два враждующих лагеря. Один из них, возглавляемый великим коронным гетманом Станиславом Яблоновским, выдвигал кандидатуру королевича Якуба Собеского, старшего сына покойного короля. Другой, опиравшийся на могущественный дом Любомирских в Короне и Сапег в Литве, поддерживал французского кандидата принца Франсуа-Луи де Конти.

С самого начала позиции Якуба, за спиной которого стояла Австрия, были ослаблены интригами вдовы Яна Собеского, Марии-Казимиры, недолюбливавшей своего старшего сына. Поддерживая явно неудачную кандидатуру баварского курфюрста Максимилиана-Эммануила, она все же наносила этим чувствительный удар австрийской партии, отрывая от нее часть возможных сторонников. Было и еще одно обстоятельство, осложнившее положение Якуба. Дело в том, что Любомирским удалось составить у Вишневецца (на Волыни) конфедерацию недовольного задержкой выплаты жалованья коронного войска, вырвав его, таким образом, из-под влияния гетмана Яблоновского и сторонников австрийской ориентации. Зато конфедерация литовского войска, руководимая Григорием Огинским и выступившая против Сапег, была враждебна французской кандидатуре.

Из других кандидатов назовем еще Людвиг Баденского, подержанного Берлином и имевшего очень небольшие шансы на успех.¹

Реально рассчитывать на успех могли только две кандидатуры: французская и австрийская. Однако результаты выборов трудно было предвидеть. Яблоновскому удалось, в конце концов, уже накануне выборов ликвидировать конфедерацию коронного войска; однако, в свою очередь, вследствие французских происков, распалась и литовская конфедерация, освобождая место для все усилившегося влияния в Литве могущественного дома Сапег. Помимо того, французскому

¹ J. Szuj ski. Dzieje Polski, t. IV, cz. II. Lwów, 1866, s. 151.

послу Полиньяку удалось привлечь на свою сторону примаса Радзевского, по конституции замещавшего короля в период бескоролья, и даже отсрочить дату выборов, благодаря чему партия Собеского и Австрия вводились в новые непредвиденные расходы. К тому же Вена фактически очень слабо содействовала своему кандидату, в то время как с французской стороны, ловко игравшей на мирных настроениях шляхетского общества, последовало обещание, что Порта добровольно возвратит полякам Каменец.¹

При таких условиях, естественно, позиции принца де Конти значительно укрепились, силы его партии быстро росли за счет ослабления и распада лагеря Якуба Собеского.

Но победа на выборах французской кандидатуры означала для России серьезную угрозу срыва всех планов турецкой войны, не говоря уже о том, что при известных обстоятельствах она могла означать возобновление русско-польского конфликта и попытку пересмотра договора 1686 г. с польской стороны. Русское правительство, очевидно, очень хорошо понимало надвигающуюся опасность и готовило с своей стороны превентивные мероприятия.

Между попытками Австрии посадить на польский престол королевича Якуба и русской политикой по отношению к Речи Посполитой существовала определенная связь. Соглашение, повидимому, наметилось уже в конце 1696 г., о чем было сообщено и русскому резиденту в Варшаве Алексею Никитину. До сведения его доводилось, что „в великого государя грамоте в Вену к посланнику нашему, к дьяку Кузме Нефимонову, писано, велено ему цесарским думным людем говорить, что желаем мы, великий государь, чтоб в Польше был королем по желанию цесарского величества королевич Яков, и в том способу искати будем“.²

Переговоры по этому вопросу продолжались и позже, во время обсуждения нового союзного договора между Россией, Австрией и Венецией, о чем Нефимонов поспешил донести в начале следующего года. Австрийская дипломатия, очевидно, добивалась более энергичного выступления России в защиту своей кандидатуры. Русское правительство сообщило об австрийских требованиях своему резиденту в Варшаве.

Вместе с тем Никитину предписывалось сообщить о получении грамоты австрийскому послу в Речи Посполитой и сотрудничать с ним в ходе предвыборной борьбы.

Однако активного участия и серьезной помощи австрийской кандидатуре оказано не было. Это, очевидно, не входило в расчеты русского правительства. Именно в связи с этим стоит следующая (помещенная в той же грамоте) инструкция русскому резиденту в Варшаве: „А что в той записке Кузмине написано о соболях и о иной мяхкой рухледи и о посылке с Москвы на элекцию нарочно знатной особы, и того б тебе облегалу [австрийскому посланнику]— не всчинать и не говорить“.³

Это означало, что в самый критический в ходе турецкой войны момент Россия не желала связывать себя бесповоротно с австрийской

¹ С. М. Соловьев. Ук. соч., кн. 3, стлб. 1169.

² Дела польские, 1697, № 2а, л. 60.

³ Там же, л. 64.

кандидатурой, предпочитая оставаться в тени. Значит ли это, что Россия не имела никакого четкого курса в этом вопросе, можно ли это рассматривать как признак известной растерянности и неуверенности русской дипломатии? Полагаем, что нет. Скорее это был определенный и уверенно проводившийся политический курс, рассчитанный прежде всего на то, чтобы возможно дольше оставаться в тени и не связывать себя ни с какой определенной кандидатурой, поскольку это могло бы повести за собой дополнительные расходы, усилить реваншистские настроения в Речи Посполитой, наконец, привести к международным осложнениям, во всяком случае, в отношениях с соседними державами, непосредственно заинтересованными в развертывающихся в Речи Посполитой событиях. В первую очередь речь шла, разумеется, о Швеции.

Положение австрийской кандидатуры сильно осложнилось позицией, которую, по слухам, ходившим в Речи Посполитой, занимал Крым по отношению к польским выборам. Почти одновременно с распространившимися известиями о притязаниях Русского государства на Крым, появились известия о приезде в Польшу крымского посла, настаивавшего на избрании принца де Конти и обещавшего в таком случае возвращение Каменца и Подолии.¹

Появление крымского посла вызывало в Польше немало различных слухов, часто противоречивых, но, в целом, угрожающих для русского правительства. Речь шла о крымско-турецких планах войны с Россией, причем имелось в виду одновременно прекращение войны с Турцией Речи Посполитой, которой предлагался даже, судя по ходившим там слухам, союз.² Угроза турецкого нашествия на Речь Посполитую должна была значительно усилить весомость этого предложения.³

Партия де Конти продолжала расти, а пассивность венского двора и выжидательная позиция русского правительства окончательно путали все карты королевичу Якубу. Его попытка опереться на Швецию, которой он предлагал за поддержку его кандидатуры значительную часть Речи Посполитой (Курляндию и Жмудь), окончилась полной неудачей. Швеция не рискнула активно вмешаться в польские выборы.⁴

Между тем в Москве снаряжалось „великое посольство“, а русскому резиденту в Варшаве было поручено объявить сенату и примасу о русских военных приготовлениях на Юге, одновременно требуя, согласно договору 1686 г., активизации военных действий со стороны Речи Посполитой.⁵ В задачи резидента входило также добиться

¹ Дела польские, 1697, № 2а, лл. 40, 44. — Вот что сообщил по этому поводу 28 марта (7 апреля) 1697 г. русский резидент в Варшаве: „Мурза, который был прислан к каштеляну краковскому, поехал уже с великими подарками и хану и ему самому. Тот мурза, отъезжая, много говорил о князе Конте каштеляну и иным, желая его видеть на престоле польском при отдаче Каменца и Подолья“.

² Там же, лл. 27, 31. — „Здесь к гетманом, — сообщал московский резидент, — пришел от салтана посол с великим обещанием, только бы с ними войти в союз. Вчерась принял его каштелян краковский, послав под него коня, к слушанию“.

³ Там же, л. 32.

⁴ Wł. Koperczyński. Op. cit., s. 19.

⁵ Дела польские, 1697, № 2а, л. 81.

аналогичного выступления и полномочных представителей в Варшаве других держав — участниц „Священной лиги“.¹

Не оказывая австрийской кандидатуре никакой серьезной поддержки и тем самым обрекая ее, казалось, на полный провал, Россия, однако, не переставала зорко следить за всем тем, что делалось в Речи Посполитой, и готовила со своей стороны неожиданный удар, силу которого скоро пришлось испытать и французской дипломатии, и ее польским сторонникам. Мы имеем в виду, прежде всего, военные мероприятия, проводившиеся русским правительством в течение 1697 г. на русско-польской границе. На подступах к Литве концентрировался 60-тысячный корпус Ромодановского, готовый оказать прямую поддержку русским дипломатическим усилиям. Располагая таким серьезным „аргументом“, Россия могла бы более твердо заявлять о своей позиции. Все же русское правительство предпочитало временно скрывать истинное назначение корпуса и предписывало резиденту в Варшаве объяснять его формирование как простое военное мероприятие, ставящее своей целью оказание быстрой помощи русским силам, расположенным по нижнему течению Днепра.²

Однако вскоре сами события подсказали необходимость более энергичных и прямых мер. Начальный период „великого посольства“ совпал с моментом польских выборов. К этому времени стало очевидным, что партия принца де Конти определенно берет верх, в то время как число сторонников дома Собеских постепенно сокращается. Отсюда понятно, насколько ответственным должен был казаться русским дипломатам именно сам момент выборов, как важно было не упустить ничего, чтобы отклонить польских избирателей от французской кандидатуры. С другой стороны, опасной представлялась и перспектива вмешательства в польские дела со стороны какой-либо третьей соседней державы, прежде всего Швеции, которая могла бы выставить своего кандидата как раз в этот последний момент. Очевидно, именно этим обстоятельством следует объяснить тот факт, что Петр придал очень большое значение случайно дошедшему до него в Риге, где он пребывал проездом в Пруссию, смутному известию о каких-то планах Карла XI относительно Речи Посполитой, куда он будто бы намеревался посадить своего сына и с этой целью якобы отправил уже деньги и войско. В связи с этим в письме Петра к думному дьяку Посольского приказа Виниусу предписывалось, „чтоб сколько мочно в том опасли и не допускали б, хотя через резидента или нарочного посла“.³ Впрочем, опасения Петра были совершенно напрасны. В этот решительный момент Швеция предпочитала оставаться в положении простого наблюдателя, внимательно следя за исходом польских событий, но не принимая в них никакого участия. Повидимому, именно этим следует объяснить то обстоятельство, что, будучи, в сущности, враждебной замыслам Франции, так же как и прусским планам захвата западной Пруссии, Швеция не поддержала ни австрийского кандидата Якуба Собеского, ни появившуюся позднее кандидатуру саксонского курфюрста.⁴ Выдвижение собственной кандидатуры, повидимому, тоже не входило в ее планы.

¹ Дела польские, 1697, № 2а, л. 86.

² Там же, л. 84.

³ „Письма и бумаги императора Петра Великого“, т. I, СПб., 1887, стр. 146.

⁴ Wł. Kołopczyński. Op. cit., s. 28.

* * *

Между тем, положение в Речи Посполитой все более и более осложнялось. Несмотря на общее усиление французской партии, позиции ее накануне выборов были ослаблены тем обстоятельством, что гетману Ст. Яблоновскому удалось ликвидировать конфедерацию коронного войска, которую пытались в своих интересах использовать сторонники де Конти.¹ В последнюю минуту особенно ошутительно сказался недостаток денежных средств, очень некстати задержанных Версалем. При таких обстоятельствах Сапеги попытались, по предложению Берлина, привлечь внимание к кандидатуре Людвиг Баденского в противовес усилившейся было австрийской кандидатуре.² Оживленно обсуждались и другие кандидатуры, среди которых были имена курфюрста Баварского, принца Карла Нейбургского, герцога Леопольда Лотарингского, даже племянника папы Иннокентия IX³ и богатого польского вельможи, ополнического старосты Новомеского.⁴ Положение было настолько сложным, что предсказать окончательный исход дела было почти невозможно. Такого же мнения держался и московский резидент, доносивший „великому посольству“, что „кандидатов на королевство много, только еще подлинно никто не может ведать кому быть“.⁵

На стороне французского принца оказались наиболее влиятельные магнатские фамилии, сумевшие повести за собой известные шляхетские слои, однако в целом шляхта не сочувствовала французскому претенденту.⁶

Особенно ярко это сказалось в Литве, где разгоралась борьба между домом Сапег, претендовавшим фактически на полную диктатуру в Великом княжестве, и значительной частью литовской шляхты, возглавляемой другими знатными литовскими фамилиями. При таких обстоятельствах неожиданно всплыла кандидатура саксонского курфюрста Фридриха-Августа. В то время как агенты его Флемминг и Пшебендовский располагали большими денежными средствами для подкупа собравшихся на элекцию избирателей, противные партии, и главным образом французская, испытывали острые финансовые затруднения. Пользуясь тем, что угроза победы французской партии казалась вполне реальной, саксонским агентам удалось перетянуть на свою сторону большую часть бывших сторонников Собеского, а подкуп обеспечил измену некоторой части контистов, в том числе представителей влиятельных польских фамилий. Уже в самый момент выборов на судьбу саксонской кандидатуры благоприятно повлияло известие о переходе курфюрста в католичество.⁷

Наконец, союзником Августа оказалась литовская шляхта, отчаянно добивавшаяся уравнивания литовских и коронных прав.

¹ Дела польские, 1697, № 6, лл. 4—5. Никитин сообщал по этому поводу: „Французской вымысл пропал, потому что надежда их — конфедераты разъехались и в послушание Речи Посполитой пришли“.

² Там же, л. 5.

³ F. Förster. Friedrich August II „der Starke“, Kurfürst von Sachsen und König von Polen. Leipzig, S. 26.

⁴ Дела польские, 1697, № 6, лл. 7—8.

⁵ Там же, л. 7.

⁶ В связи с этим стоит, повидимому, следующее замечание Никитина в его депеше „великому посольству“ от 16 (26) мая 1697 г.: „Послы французские здесь двое и промышляют неуспешно о Деконте, только речь посполитая и слышать о нем не хочет“. — Там же.

⁷ F. Förster. Op. cit., S. 36.

Основные пункты программы коеквасји прав были направлены прямо против Сапег и предусматривали: 1) изъятие сбора налогов на литовское войско из рук литовского подскарбия и передачу его в руки специально назначенных для того сеймами лиц, 2) право привлекать литовских гетманов к ответственности перед каждым судом, 3) отмену обычая, по которому решение трибунала входило в силу лишь после того, как оно будет скреплено печатью великого канцлера литовского.¹ Используя сложившееся положение вещей, саксонские агенты поспешили согласиться с лозунгом уравнивания польских и литовских прав, обеспечив таким образом Августу II новых союзников в момент выборов.

В результате всего этого в течение двухдневных выборов (25—26 июня 1697 г.), несмотря на первоначальное численное превосходство контистов, Августу все же удалось одержать победу, хотя голоса разделились и произошло двойное избрание. Попытки найти соглашение между двумя главенствующими партиями (французской и саксонской) не удалась, как во время выборов, где контисты предлагали отказаться от обеих кандидатур в пользу какой-нибудь третьей, так и после выборов.²

Таковы обстоятельства избрания на польский престол саксонского курфюрста Фридриха-Августа.

Но было еще одно обстоятельство, определившее победу саксонской кандидатуры. Мы имеем в виду дипломатическое вмешательство России, происшедшее уже в самом ходе выборов.

Предвыборные события в Речи Посполитой вынудили Петра и его посольство несколько долее, чем предполагалось, задержаться в гостях у бранденбургского курфюрста. Отсюда, из Пруссии, была направлена примасу и панам-раде царская грамота от 31 мая (10 июня) 1697 г., помеченная, разумеется, Москвой (царь ехал инкогнито) и выражавшая стремление России отклонить поляков от избрания Конти. В грамоте прямо указывалось, что избрание Конти, поддерживаемого врагами „Священной лиги“ — Турцией и Крымом, — будет рассматриваться как нарушение „вечного мира“.³ Это значило, что Россия будет считаться с таким фактом как с враждебным выступлением и, следовательно, вынуждена будет принять соответствующие меры для обеспечения своей безопасности. Иными словами, грамота содержала в себе прямую угрозу объявить войну на случай победы кандидатуры принца де Конти. Вместе с тем, русское правительство и на этот раз не поддержало никакой определенной кандидатуры, заявляя лишь о своем желании видеть на польском престоле человека антифранцузской ориентации.⁴ Таков основной смысл этого важного дипломатического документа.

Остается выяснить, какую роль сыграл этот документ в ходе самих выборов и насколько роль эта соответствовала намерениям русской дипломатии. Надо сказать, что грамота прибыла в Польшу в самый критический момент. Ни один из кандидатов не мог еще твердо рассчитывать на успех. Среди избирателей наблюдались известные колебания,

¹ T. Sierzpułowski. Pierwsza próba reform politycznych w Polsce. Warszawa, 1905, ss. 32—33.

² Дела польские, 1697, № 3, лл. 13—26.

³ „Письма и бумаги...“, т. I, стр. 164.

⁴ Там же, стр. 165.

даже среди сторонников французской партии,¹ все еще бывшей наиболее многочисленной. С другой стороны, для поляков не была секретом концентрация русских войск на литовской границе.² Может быть, в связи с этим контисты попытались сыграть на антирусских реваншистских настроениях части шляхетского общества, выдвигая лозунги возврата потерянных восточных областей и устраивая русскому резиденту враждебные демонстрации, о которых он сообщал „великому посольству“ в депеше от 15 (25) июня 1697 г.³ Параллельно начинали свою агитацию саксонские агенты, рассчитывавшие составить из осколков различных партий новый избирательный блок, о чем было уже сказано выше. В такой обстановке появилась царская грамота, протестующая против замыслов сторонников Франции.

Никитину удалось побывать с этой грамотой у примаса (она была адресована ему) и прочесть ее собравшейся шляхте, несмотря на протесты примаса, попытавшегося отложить оглашение грамоты на послеэлекционный период. В связи с этим завязалась оживленная словесная полемика между примасом и русским резидентом, причем примас старался оправдаться ссылками на то, что избрание Конти не угрожает никакими серьезными изменениями в польской политике, поскольку власть не принадлежит королю, а Речь Посполитая сумеет заставить его оставаться верным союзным обязательствам с Россией.⁴

Однако, прекрасно понимая смысл царского вмешательства и значение того резонанса, который царская грамота должна была получить в момент выборов, примас попытался скрыть ее от собравшихся на выборы избирателей.⁵

Создавалась серьезная угроза, что голос России не будет услышан и что царская грамота, только обозлив контистов, не сыграет никакой роли в ходе польских выборов. Этому нужно было воспрепятствовать во что бы то ни стало. И тут придется отметить в первую очередь большую гибкость русского дипломата, сумевшего в короткий срок не только размножить списки с грамоты, но и довести ее до сведения всего шляхетского сословия, собравшегося в Варшаву.

Результат был чрезвычайно знаменательным. Сам факт, что примас незаконно скрыл от избирателей содержание русского представления, не только возмутил многочисленные круги противников Франции, но и послужил в их руках орудием обвинения и дискредитации примасовской политики. В то же время грозное предостережение Москвы

¹ В этом отношении любопытно следующее сообщение московского резидента: „Кардинал и Любомирские и Сапегн совершенно стоят при французех. Только Сапегн надвое: ежели о том не устоит, чтоб конечно быть Нейбургскому“. — Дела польские, 1697, № 6, л. 13.

² Об этом сообщал в Москву в июне 1697 г. князь Ромодановский следующее: „А про собрание ратных людей, которые на ево, великого государя, службе новгородского розряду на Луках Великих в полку боярина и воеводы князя Михаила Григорьевича Ромодановского, ведомость у них в Польше есть, и о том де имеют они страхование великое“. — Там же, № 1, л. 13.

³ „Приезжая ко мне, — говорилось в депеше, — где я поставлен, шляхта из розных воеводств угрожают такими словами: как скоро Деконтия оберут, жива меня не хотят пустить и просто итить к рубежам царского величества для отобрания Смоленска и иных“. — Там же, № 6, л. 16.

⁴ Там же, л. 17.

⁵ Там же, л. 18.

заставило многих отказаться от французского кандидата, поколебало настроение даже таких приверженцев ее, как Сапеги.¹ Об этом скоро стало известно и при „великом посольстве“, куда полетело донесение Никитина об избрании Августа и о значении русского участия в нем. „А как я слышу, — писал Никитин, — ото многих от здешних жителей и из воеводств от шляхты и от иноземцев, что розбили у всех мысль о Деконтии выше помянутые списки с присланной от Вас, государей, ко мне грамоты“.² Факт этот признавали и саксонские дипломаты.³ Таким образом, русское дипломатическое вмешательство сыграло весьма существенную роль в поражении французского кандидата. Именно эту цель оно и преследовало.

Следует остановиться еще на одном моменте. Параллельно с русской дипломатической акцией развивалась саксонская, ходом событий тоже направленная главным образом против Франции. Выступая против Конти, русское правительство оказывало, хотя* и косвенную, но серьезную поддержку саксонской кандидатуре, — факт, не ускользнувший от внимания русского резидента, справедливо отмечавшего и блестяще проведенную интригу Пшебендовского, инициатора саксонского выступления.⁴

Итак, несмотря на то, что Россия не принимала непосредственного участия в победе саксонской кандидатуры и не поддерживала прямо ни одного из намеченных кандидатов, нет решительно никаких оснований расценивать ее позицию как нейтральную, как это делает С. Томашевский.⁵ Самый факт отправки в Польшу царской грамоты, содержащей прямую угрозу войны, никак не может подойти под общепринятое понятие нейтралитета.

С другой стороны, необходимо подчеркнуть и тот ограничительный смысл, который следует придавать русскому участию в деле избрания Августа II на польский престол. Срывая избрание французского кандидата, Россия расчищала место для саксонца — в этом и выразилось ее участие в победе саксонской кандидатуры.

¹ Дела польские, 1697, № 6, лл. 18, 21.

² Там же, л. 22.

³ Вот что говорил, например, Бозе на конференции с „великими послами“ в октябре 1697 г. относительно влияния русского дипломатического вмешательства на исход выборов в Речи Посполитой: „Многие ис полских сенаторей и земских послов и речи посполитой последовали [царскому совету] и, с соединенными потентаты учиненные мирные договоры и целость своих прав и волностей во осмотрение имея, и того ради его курфирсткую пресветлость саксонского, моего пресветлейшего курфирста и государя, королем обрали“. — Там же, № 9, л. 24.

⁴ Там же, № 6, лл. 78—79. — „На королевство князь Саской произошел в скорых числах чрез каштеляна хелмского пана Препентовского, — писал Никитин. — Как почали сенатори и речь посполитая мешаться: на дом королевской, и на Пяста, и на Деконтия, и на Нейбурчика не позволять, а кардинал стал при Деконтии крепко, и каштелян в то время сенаторем, которые на Деконтия не позволяли, почал тайно с стороны Саского обещать и по воеводствам пропозиции его развозить и наговаривать. А к тому великого государя грамота поспешила, с которой посланник неомедля списки роздал и по воеводствам разослал и сам, ездя по всем, говорил, чтоб одноконечно Деконтия не обирали. И речь посполитая, видя то, что уже совершенно из дому королевского и другие кандидаты не будут, а чтоб Деконтия не допустить, взяли себе в разум ис списков великого государя з грамоты, чтоб совершенно чрез Деконтия от союзников не отступить и войну на себя не навесить. Стали гетмань и головные воеводства при Саском, что ево не отступать, потому что иных всех кандидатов оставили“.

⁵ Листи Петра Великого до А. М. Сінявського. — „Зап. Наук. Тов. им. Шевченка“, т. ХСІІ, 1909, кн. VI, стр. 194—195.

Зато прямо незавидным оказалось положение Австрии. Не поддержав с достаточной энергией своего прежнего кандидата Якуба Собеского, она не сумела во время выборов оказать и какой-либо, пусть даже косвенной, помощи победившей теперь саксонской кандидатуре.¹

И после выборов русское правительство некоторое время воздерживалось от прямой поддержки Августа II. Определенный поворот в этом произошел несколько позже, после того как прояснилось внутреннее положение в Речи Посполитой и раскрылся ход международных событий. Вместе с тем, оценив значение русского вмешательства, изменившего настроение большей части шляхетских избирателей, вожди антифранцузского направления, теперь сторонники Августа, поспешили сами установить контакт с русским резидентом, пользуясь для этого посредничеством бранденбургского посланника.

Посланник сообщал резиденту, „что присылали к нему гетманы корунные и воеводы познанской, плотской, каштелян познанской, чтоб он [бранденбургский посланник] писал к курфистру, что Деконтий теперво есть в Дункерку, а из Дункерка чрез Зунт хотят ево в Полше кораблями поставить в две недели, а в тож время хотят подступить к Полше ис Каменца с Текелием турки и татары, чтоб ево, Деконтия, вскоре и короновать, и уже Текелий в Каменцу, и чтоб де курфистр писал к дунскому королю, чтоб никаких французских кораблей через Зунт не пропускал...“. С подобной же просьбой обращались сторонники Августа через бранденбургского посланника и к русскому резиденту, как это видно из дальнейшего хода их беседы: „...да чтоб и мне он, посол, о том объявил, чтоб я писал к великому государю, чтоб великий государь указал и от себя о том к дунскому королю, а в Азов и в Казыкермень к войскам своим, чтоб, не допуская турков и татар к Полше, чинили над ними военный промысл наступательно“.²

Таким образом, в Речи Посполитой оказалась партия, не только согласная с видами русского правительства на выборы, благодарная ему за вмешательство, но еще и пытающаяся опереться на его авторитет в своей внешней политике. Это развязывало русскому правительству руки и вполне совпадало с его собственными намерениями.

В ходе той же беседы прусский уполномоченный передал и просьбу противников Конти прислать вторую увещательную грамоту к Речи Посполитой.³

Новое представление с русской стороны, посланное в ответ на эти просьбы, повторило прежние аргументы и требовало только отказа от французской кандидатуры.⁴ Одновременно с этим резиденту предписывалось: „О том бы тебе послужить радетельно, чтоб

¹ Факт этот не без оттенка злорадства отмечается в донесениях резидента Никитина: „Сторона саская дело свое ведут крепко и порядочно и чают окончить добро. Послов уже всех выправили по него [за Августом] в Тарнавские горы для того, что он там теперво. И народ весь жаелает ево. Посол ево отсель туда ж поехал, также и цесарской посол к нему поехал, чтоб прислужитца, потому что с их стороны во время элекции помочи никакой ему в том не было“. — Дела польские, 1697, № 6, л. 63.

² Там же, л. 19.

³ Там же.

⁴ „Письма и бумаги...“, т. I, стр. 171—172.

одноконечно Франции Барбонской князь Деконтий в Польше королем не был“.¹

Таково основное направление, которого держалась русская дипломатия в течение отрезка времени, непосредственно следовавшего за польскими выборами. Даже 16 (26) июля 1697 г., следовательно, спустя несколько недель после выборов, Никитину, в повторение прежних инструкций, указывалось только на необходимость убеждать поляков, чтоб они не поддавались французским и турецко-татарским интригам и чтоб „были б они против ево, Деконтия, при прежнем своем намерении. А великий государь, его царское величество, их, панов-рад и поветовых послов и всю речь посполитую учтет держать в своем государском милостивом призрении и от противников их боронить своими государскими войски будет и на оборону того Деконтия и на помощников деконтиевых готового его царского величества войска есть в зборе з боярином и воеводою с князем Михаилом Григорьевичем Ромодановским“. В свою очередь, относительно него надо было сообщить панам-раде и послам, что „обретаетца то войско при литовской границе и всегда, как им панам-раде угодны будут, на того Деконтия и его помощников готовы поход свой употребить. А буде и еще войск к тому в прибавку надобно, и великий государь укажет послать в помочь им сколко тысяч потребно. И они б, паны-рада и речи посполитой послы, видя такое его, царя, вспоможение, стояли б при первом своем намерении и за короля Деконтия не принимали б. А естли по какому случаю учинетца королем князь Деконтий, и тогда подлинно у великого государя, у его царского величества, с ним, Деконтием, без войны не будет, понеже он посажен на Королевство полское будет от подлинных неприятелей — салтана турецкого и хана крымского и спомочника их, короля французского“.²

Но если и на этот раз русские дипломаты предпочли воздержаться от прямого упоминания имени Августа II, то все же известный перелом в тактике русского правительства наметился вполне определенно. Найдя опору во влиятельной политической группировке внутри самой Речи Посполитой, русские не старались больше скрывать свои военные приготовления. Наоборот, разговаривали тоном, не допускающим больше никаких сомнений. В этом смысле только что процитированная инструкция Никитину представляет резкий контраст, по сравнению не только с предшествовавшей ей грамотой к панам-раде и примасу, но и с предыдущими инструкциями русскому резиденту. Очевидно, что такой поворот дела был, прежде всего, наруку Августу II и его сторонникам. В дальнейшем нам еще предстоит познакомиться с тем, как пытались они использовать эти энергичные представления русской дипломатии в целях укрепления своих позиций. В данной связи, однако, необходимо было бы прежде всего остановиться на том, насколько серьезно само русское правительство считалось с перспективой войны в случае появления на польском престоле французского принца. Отсюда, в свою очередь, станет ясным, насколько серьезно считались и с возможностью военного вмешательства в пользу победившей в Речи Посполитой саксонской партии против попыток французской интервенции.

¹ Дела польские, 1697, № 6, л. 24; Дела австрийские, кн. 45, л. 122.

² Дела польские, 1697, № 6, лл. 58—60; Дела австрийские, кн. 45, лл. 145—146.

Что касается первого вопроса, то уже сам факт концентрации русского корпуса на литовской границе свидетельствует, несомненно, в пользу того, что с перспективой войны считались как с вполне реальной угрозой. В победе Франции видели не только срыв всех планов турецкой войны, но и непосредственную опасность для самой России. Иными словами, военные приготовления приобретали еще и оборонительный характер. Это станет совершенно очевидным, если мы присмотримся к тому, что делалось вдоль остальной русско-польской пограничной линии со стороны России. Уже „июля в 10 числе того ж году в ымянном великого государя указе в тот приказ [Разряд] писано, велено в Смоленску и в ыных порубежных городех от соседственные стороны иметь великое опасение и наполнить те города разными запасы и укрепить всякими крепостми, что во время незапного воинского неприятельского наступления возможно было иметь надежную оборону“.¹

Естественно, что и сообщения Никитина о враждебных России демонстрациях контистов и сведения, поступающие из других мест о французских планах покушения на „великое посольство“,² лишь усиливали общее напряжение. При таких условиях необходимо было считаться не только с перспективой русско-польской войны в случае появления в Речи Посполитой французского принца, но и сама идея военного вмешательства в пользу победившей там саксонской партии приобретала более конкретные очертания. Этим отчасти следует, повидимому, объяснять тот факт, что именно теперь, в июле, русская дипломатия сочла своевременным раскрыть карты и предложить военную помощь своим польским союзникам. Однако, даже предлагая ее, русское правительство соблюдало все необходимые предосторожности, чтобы не вызвать упреков в нарушении „вечного мира“. Как это видно из приведенного текста инструкции Никитину от 16 июля 1697 г., русское правительство требовало предварительного приглашения русской армии сенатом, панам-радой. Здесь можно провести полную аналогию с теми переговорами о русской военной помощи, которые будут происходить позже, в конце 1697 г., между Россией и Августом. В этом отношении русская политика оставалась неизменной в течение всего 1697 г.

Даже пересылая в конце мая Никитину первую грамоту к Речи Посполитой, русское правительство стремилось принять все меры к тому, чтобы не вызвать нежелательной антирусской реакции, во всяком случае, „не вызвать ее преждевременно. Только этим можно объяснить следующую установку, полученную тогда Никитиным: „А буде придет к тебе [грамота] по совершении элекции и на Королевство полское обран королем князь Деконтий, и ты бы той грамоты не подавал, а удержал бы ее у себя. А буде элекция и совершилась на Королевство полское обран иной кто, а не Деконтий, и ты бы тою великого государя грамоту и по совершении элекции панам-раде подал“.³

Считаясь, таким образом, с возможностью опоздания грамоты, царское правительство стремилось воздержаться от преждевременных угроз, предпочитая выжидать, а не обгонять события, и действовать

¹ Дела малороссийские, 1697, № 29, л. 9.

² Дела польские, 1697, № 5, лл. 18—19; Дела австрийские, кн. 45, л. 79.

³ Дела польские, 1697, № 6, л. 11; Дела австрийские, кн. 45, л. 101.

только наверняка. Почти два месяца спустя русское правительство так же осторожно подходило и к вопросу о признании Августа II. Два обстоятельства следует учитывать при объяснении такой осторожности русской дипломатии: с одной стороны, Речь Посполитая представлялась все еще достаточно мощной величиной в европейской политической системе, с другой — „вечный мир“ оставался политической базой русского наступления на Юге, тем более, что турецкий вопрос играл главную роль в русской политике. Стремление сохранить договор 1686 г. несомненно значительно ограничивало свободу действий русской дипломатии, заставляло ее с такой осторожностью поднимать вопрос о военном и дипломатическом вмешательстве в момент выборов.

Этим обстоятельством следует, повидимому, объяснить и полную неудачу берлинских дипломатов, попытавшихся воспользоваться пребытием Петра в Бранденбурге, чтобы вовлечь его в свои политические планы, клонившиеся к военному соглашению против Речи Посполитой и Швеции. Петр довольно холодно отнесся к предложению Берлина. Русские не приняли на себя никаких формальных обязательств, и дело свелось лишь к словесным заверениям о „взаимной друг другу помощи против неприятелей общих и паче прочих шведов“.¹ Как бы то ни было — рассчитывал ли Петр на возможность использовать впоследствии в целях борьбы со Швецией торжественное обещание бранденбургского курфюрста, верил ли в его искренность, — все равно: Юг и борьба с французскими происками в Речи Посполитой оставались в данный момент основой его политики, даже если допустить мысль, что план войны на Севере был задуман им уже тогда.² Во всяком случае, важно отметить, что даже в словесном договоре главным противником считалась Швеция; Речь Посполитую обошли молчанием.

* * *

Переходя теперь к изучению последнего этапа русской политики в период польских выборов, необходимо остановиться несколько подробнее на том положении, которое сложилось в Речи Посполитой в результате победы саксонского кандидата. Дело не только в том, что положение это должно было в значительной степени определить дальнейший курс русской дипломатии, все время следившей за тем, что делалось в Речи Посполитой и не спускавшей глаз с дипломатической деятельности остальных европейских держав, так или иначе заинтересованных в польских событиях. Расстановка сил и развитие внутривосточной борьбы в Речи Посполитой после выборов поможет выяснить как политическую линию вновь избранного короля, так и политику его сторонников и противников.

В этой связи, прежде всего, пожалуй, следовало бы обратить внимание на те обстоятельства, которые способствовали закреплению Августа II на престоле.

Очень важным обстоятельством оказался факт близости саксонских владений к территории Речи Посполитой, что позволило саксон-

¹ А. Путята. Вопрос о прусском союзе в первую половину Великой Северной войны. „Русский вестник“, 1877, февраль, стр. 649; М. Богословский. Петр I, т. II, стр. 90—93.

² А. Путята. Ук. соч., стр. 650.

скому курфюрсту незамедлительно явиться в страну, чтобы возглавить своих сторонников. Конти же предстояло еще морское путешествие прежде, чем он мог рассчитывать своим появлением воскресить падающий дух французской партии. Между тем, противники ее продолжали все более и более усиливаться, склоняя на свою сторону с каждым днем все новые группы шляхты, в том числе и среди самих контистов. Энергичная деятельность их заслужила высокую оценку даже скупого на слова русского резидента.¹

Еще большую роль сыграла турецкая опасность. Шляхта видела в избрании Августа гарантию против все еще реальной угрозы турецкого нападения и надеялась, что с помощью Саксонии удастся освободиться от нее окончательно.² При таких условиях прежние козыри французского посла, обещавшего мирным способом возвратить Республике потерянный Каменец, теряли всякую ценность. Наоборот, он сам вынужден был теперь опровергать обвинения, выдвигаемые его противниками относительно того, что избрание Конти повлекло бы за собой разрыв с „Священной лигой“ и заключение мира с турками.³ Турецкий союз теперь не только не способствовал, но скорее, вредил делу Франции.⁴

При таких условиях поддержка, оказываемая Августу со стороны широких слоев шляхты,⁵ в конечном счете обеспечивала ему прочный успех. Особенно важной представляется позиция литовской шляхты, твердо поддерживавшей Августа II.⁶ Но, поддерживая Августа, она все более решительно поворачивала на путь борьбы с влиятельным домом Сапег и открыто симпатизировала России.⁷ Именно об этом, описывая свою беседу с представителями литовской шляхты, сообщал Никитин „великому посольству“ уже в июле 1697 г.: „И нарекали зело на Сапегов, что они их всех продают. А они сыщут себе такого пана, который колотить ими не станет, и будут жить в покое и во обороне, как они слышат, что ныне царского величества милость к подданным стала быть лутчи, нежели при предках: всем свободно в вере и ни в чем насилия нет, еще и всякая поволность и лгота“.⁸ Последнее подтвердил и Никитин.

Ярче всего это настроение литовцев сказалось в момент споров в связи с предъявлением Никитиным второй царской грамоты, присланной по просьбе противников Конти. В то время как часть избирателей настаивала на вручении ее кардиналу Радзеевскому, которому она была адресована, литовская шляхта высказалась за немедленное оглашение ее, понимая, очевидно, значение московских представлений. „А ежели и ныне той грамоты не отворят и всем явно не вычтут, — говорили литовцы, — то они отъедут с протестациею, что такого себе пана сыщут, которой их будет во обороне и во всяком призрении держать“.⁹

¹ Дела польские, 1697, № 6, л. 63.

² Там же, № 3, л. 51.

³ Там же, л. 62.

⁴ Там же, № 1, л. 29.

⁵ „Письма и бумаги...“, т. I, стр. 181, 641.

⁶ Дела польские, 1697, № 3, л. 382.

⁷ Там же, № 6, л. 75.

⁸ Там же, л. 74.

⁹ Там же, л. 76.

Это означало уже угрозу полного разрыва польско-литовской унии, с чем не могла не считаться ни одна из политических группировок в Речи Посполитой. Вместе с тем угроза эта, ослабляя позиции примаса и его единомышленников, была в высшей степени выгодной Августу II, поскольку передавала в его руки еще одно орудие, с помощью которого он мог добиться раскола среди сторонников Конти. А колебания среди них уже обнаружилились. Раньше всех заволновались Сапегы.¹

Международное положение тоже складывалось в высшей степени благоприятно для саксонского курфюрста. Ни Бранденбург, ни Швеция не выступали его противниками.² О Швеции можно было бы сказать даже больше. В этот решительный момент она предпочла полностью устраниваться от польских событий, заняв положение стороннего наблюдателя.

Сознание ошибочности такого самоустранения пробудилось в Стокгольме гораздо позже и под влиянием иных обстоятельств.³

Что касается России, то позиция ее в целом была безусловно благоприятной для Августа II. Борьба с французской кандидатурой должна была рано или поздно сблизить их и толкнуть на путь военного и политического сотрудничества в Речи Посполитой.

Несмотря на известные подозрения, которые все же существовали в Москве по отношению к Августу,⁴ избрание его было расценено как серьезный дипломатический успех.

С успехом этим поздравлял Петра из Москвы Виниус, отмечая также и выгоду избрания именно саксонского кандидата, „яко кавалера, болше к неметскому народу, неже к петуховому [т. е. галльскому, французскому] склонному“.⁵

Так же, очевидно, расценивал это событие сам Петр, задержавшийся из-за него в Бранденбурге. 11(21) июля 1697 г., описывая в своем письме обстоятельства выборов и несомненный успех Августа у польской шляхты, Петр, со своей стороны, выражает пожелание скорейшего укрепления его на польском престоле: „Дай Бог, чтоб так совершилось, потому что сей курфирст и нареченный король нашей, а не французской стороны“.⁶

Одновременно круто меняла курс и Империя. Победа Франции представлялась слишком опасной, так что раздумывать долго не приходилось. Престigious австрийский кандидат Якоб Собеский должен был уступить место своему более счастливому сопернику, пусть даже отказ Вены от старой кандидатуры и не носил строго официального характера.⁷

На долю Вены выпадала трудная и щекотливая миссия примирить раздраженного и желчного королевича, падкого на деньги, со своим новым протеже.⁸

Примирение это должно было еще более укрепить положение саксонской партии. Собственно говоря, Австрии ничего иного и не

¹ Дела польские, 1697, № 6, л. 77.

² М. Богословский. Ук. соч., т. II, стр. 57, 65.

³ Wł. Koperczynski. Op. cit., s. 28.

⁴ Дела польские, 1697, № 3, лл. 52—53.

⁵ „Письма и бумаги...“, т. I, стр. 631.

⁶ Там же, стр. 181.

⁷ K. Piwarski. Króliewicz Jakób Sobieski w Olawie. Kraków, 1939, s. 18.

⁸ Ibid., ss. 22—27.

оставалось делать. Не успев оказать Августу никакой существенной помощи в момент выборов, она вынуждена была теперь действовать с особой энергией, чтобы завоевать симпатии нового короля.

Впрочем, непопулярность австрийского уполномоченного в Речи Посполитой значительно ослабляла политический резонанс его действий. В момент выборов ему едва ли и удалось бы в какой бы то ни было существенной мере повлиять на исход событий.¹

Однако после выборов, когда на стороне Августа была уже сильная и преданная ему группировка, готовящаяся вступить в открытую борьбу со сторонниками примаса, положение серьезно изменилось. Австрийская помощь представлялась довольно удобным средством для усиления саксонской группировки, ибо последняя рассчитывала на вооруженную поддержку со стороны Австрии на случай появления на польской территории французского десанта.

Именно об этом шла речь в переговорах между русским и австрийским представителями: „А облегат цесарской говорил посланнику, что и цесарское величество ис Саского контент и хочет ему помочь до коруны и войсками своими“.² Никитин понимал, конечно, что „цесарь из него контент совершенно, когда уж с своей стороны никого всадить на мог“.³

Однако при всех условиях австрийская поддержка не могла быть такой эффективной, как русская. Нужно иметь в виду, что волнения в Венгрии все время отвлекали внимание Вены от польских событий.⁴

Наконец, был еще один внешний фактор, который мог оказать Августу очень серьезную помощь. Речь идет об иезуитах и папе, располагавших широкими связями и могучим влиянием в Речи Посполитой.

Действуя по принципу Генриха IV — „Париж стоит обедни“, Август II перед вступлением в Польшу принял католичество, чем расположил в свою пользу римский престол, на сочувствие которого он мог теперь смело рассчитывать.⁵

Попытки примирения враждующих партий, делавшиеся еще в период выборов, продолжали срываться и далее.

Контисты пытались сыграть на религиозном фанатизме шляхты, обвиняли Августа II в лютеранской ереси, требовали доказательств перехода его в католичество, упрекали в распущенности, разврате и абсолютистских замашках.⁶

Но все это очень мало помогало примасу и французской партии. Тогда напуганный выступлением литовской шляхты, великий гетман литовский К. Сапега попытался использовать в интересах своей партии жупел московской угрозы, пугая противников перспективой колоссального усиления России. На совещании с Яблоновским и епископом куявским он говорил, „что пишут к нему от Полоцка и изо Мстибова чрез почту, что войска московские купятца на границах литовских, но никакowo де разорения еще не чинят“. Далее он подчеркивал, что настоящая минута наиболее подходяща для того, чтобы выступить

¹ Дела польские, 1697, № 6, стр. 63.

² Переговоры между ними велись, очевидно, в порядке консультации. — Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ J. Szujski. Op. cit., s. 152; Дела польские, 1697, № 6, л. 112.

⁶ Дела польские, 1697, № 6, л. 46.

против восточной соседки, и что после будет уже поздно, так как Россия успеет вполне окрепнуть и освоить свои южные приобретения: „Хорошо де теперво Москве подлегать, пока Крыму не своевала, и для того надобно им Крым ратовать. А когда Крым своуют, то уж не на что будет надеетца. Смотрите, — говорил Сапега, — какова Москва ныне — силна: войска пошли на турка и на татар, а к нему пишут, что пришло к литовским рубежем сорок тысяч“.¹

Но и сторонники Августа умели использовать этот аргумент, пугая Сапег перспективой появления русского корпуса в Литве, где шляхта не окажет ему никакого сопротивления, и огромные поместья их фамилии будут превращены в груды развалин.²

Угроза эта, повидимому, действовала довольно хорошо. Во всяком случае, в настроении Сапег наблюдаются определенные колебания, свидетельствующие о начавшемся развале внутри французского лагеря.³

Таким образом, несмотря на продолжавшуюся агитацию французского дипломатического агента в пользу Конти,⁴ силы его сторонников таяли.

Дело не только в тех чрезвычайно благоприятных для Августа II внутренних и внешних обстоятельствах, при которых проходила борьба между двумя главными группировками в Речи Посполитой. Известную долю ответственности, как за неудачу на выборах, так и за последующее ослабление примасовского лагеря несет, несомненно, сам Версальский двор, неожиданно прекративший финансирование задуманной и наполовину продвинутой им политической акции.

Контистам приходилось теперь действовать, не имея никаких сведений из Парижа о своем кандидате и не получая никакой денежной помощи.⁵

Здесь уместно сослаться на следующее сообщение московского резидента: „И писал француз к послу своему тайно, чтоб он болших денег не занимал, когда саская сторона силна“.

Но, не оказывая необходимой помощи своим польским сообщникам, Людовик XIV не думал, однако, официально отказываться от поддержки кандидатуры Конти. Поэтому попытки Августа II заручиться санкцией Версаля на свое избрание ценой франко-польского союза и обещанием саксонской диверсии в сторону Силезии или Чехии не нашли никакого отклика в Версале.⁶

Разумеется, до действительного выступления Августа II на стороне Франции в 1697 г. было очень далеко, и нет ничего удивительного в том, что Людовик XIV, в конце концов, предпочел пожертвовать переговорами с Дрезденом в пользу экспедиции Конти.

Однако тот факт, что сторонники Конти в течение длительного времени не получали необходимой поддержки, не только вызвал разложение и колебание во французском лагере, но принуждал таких инициаторов и вожей всего предприятия, как Сапеги и примас, постепенно менять курс.⁷

¹ Дела польские, 1697, № 6, л. 76.

² Там же, л. 77.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 46.

⁵ Там же, л. 180.

⁶ С. Гомашівський. Угорщина і Польща на початку XVIII в. „Зап. Наук. Тов. им. Шевченка“, 1908, кн. V, стр. 43.

⁷ Дела польские, 1697, № 6, л. 211.

Так складывались обстоятельства в Речи Посполитой накануне прибытия в Гданьск французской эскадры. Контисты, правда, продолжали не признавать июньских выборов, назначили новые выборы, созвали конфедерацию и объявили рокош, но все же спасти положение не удалось.

Чаша весов определенно склонялась в сторону Августа II. Тем не менее, с интригами французской партии приходилось считаться главным образом потому, что в рядах ее оказались представители крупнейших магнатских фамилий Литвы и Короны, располагавшие громадными материальными возможностями: Любомирские, Сапеги, А. Сенявский, Ю. Потоцкий, примас и другие.¹

Сначала, правда, они попытались договориться со сторонниками Августа и даже отсрочить его приезд.² Но когда удержать Августа не удалось, началась подготовка к подлинной гражданской войне. Одновременно начинается заигрывание с бывшими сторонниками королевицы Якуба, делаются попытки усилить свои позиции за счет соглашения с ними. С другой стороны, распространяются слухи о попытках контистов заручиться помощью Палея.³ Все чаще и чаще выдвигается ими лозунг ревизии восточных границ и договора 1686 г.⁴ Во время этих событий были получены, наконец, известия о движении французской эскадры к польским берегам.

Все это вместе взятое заставило русское правительство продолжать начатые военные приготовления на границе с тем, чтобы перевести на положение боевой готовности на случай военного нападения и Украину. 19 (29) сентября 1697 г. гетману Мазепе была направлена царская грамота, объясняющая положение дел в Речи Посполитой и предлагающая провести необходимые оборонительные мероприятия.⁵

Но, готовясь отразить возможные покушения на своих границах, концентрируя войска на литовских рубежах, чтобы не допустить торжества французской интриги в Речи Посполитой, Россия принимала и энергичные дипломатические меры, призванные обеспечить государственную безопасность страны и создать благоприятные условия для продолжения турецкой войны. В основном мероприятия эти проходили по двум направлениям. В первом нас будет интересовать дипломатическая деятельность русского правительства и его агентов в Речи Посполитой, направленная на срыв замыслов примаса. Во втором — необходимо будет проследить деятельность русской дипломатии при европейских дворах, преследующую ту же цель, но пользующуюся, разумеется, иными средствами.

Что касается второго вопроса, то он в основном достаточно освещен в русской исторической литературе. Мы имеем в виду труды С. М. Соловьева и М. М. Богословского. Дальнейшее исследование

¹ Дела польские, 1697, № 3, лл. 29—32.

² „Сторона французская, — писал Никитин в Москву, — послали к курфюрсту саксонскому, чтоб он задержался и на королевство не ходил. И грозят ему войною домовою, а к тому турками и татарами и казаками, естли он через утеснение волности их на королевство входить будет. А х курфюрсту бранденбургскому послали, чтоб он не помагал ему, саксонскому, ни в чем, обещая ему потерянные добра паки чрез Француза превратить и постановленной мир с иим додержать“. — Там же, л. 50.

³ Дела польские, 1697, № 6, л. 212; Дела малороссийские, 1697, № 25, л. 1.

⁴ Дела малороссийские, 1697, № 29, лл. 20, 25—26.

⁵ Там же, № 25, л. 2.

пойдет по линии уточнения частных моментов в общем ходе событий. Что касается первой темы, то она так и не получила до сих пор удовлетворительного освещения. К ней нам и предстоит перейти в первую очередь.

Присутствие корпуса Ромодановского на литовских границах не только сыграло свою роль в ходе выборов, но и после оставалось чрезвычайно важным моментом, определяющим успех и прочность саксонской кандидатуры, особенно с того момента, когда русское правительство открыто пригрозило войной на случай избрания Конти. Но, объективно способствуя победе Августа II, Россия не сразу решилась признать его. Накануне прибытия в страну саксонского курфюрста русскому резиденту, наряду с поздравительной грамотой, была доставлена инструкция следующего содержания: „А буде за какими препоны принятие на королевство польское курфюрста саксонского не учинитца, а будет кто обран иной или отложат вновь до другой элекции, и ты бы тою, великого государя, грамоту удержал у себя“.¹

Однако позиции Августа и его друзей были уже достаточно прочными. Грамота была вручена ему. Понимая заинтересованность России в успешном продолжении турецкой войны, Август отвечал Петру, что „наиболее с того имети будет утешение, дабы вровень с вами, великим государем и вашим царским величеством, братом нашим, против общего имени христианского и креста святого неприятелей неустрашенным воевали сердцем, взаимно себе к тому помогая, о чем пространнее с вами, великим государем и вашим царским величеством, пересылаться будем“.² Еще раньше аналогичные заверения были получены от одного из вождей саксонской партии — куявского епископа Домбского.³ Все это, впрочем, не исключало закулисных попыток Августа II сговориться с Версалем за счет России. Для нас, однако, в данной связи важен тот факт, что и Август II и поляки понимали, что принципиальной политической основой дальнейшей помощи со стороны России может явиться только участие Речи Посполитой в турецкой войне и соблюдение ею договора 1686 г., а это значило, — хотели они того или не хотели, — признание и принятие русской политической концепции.

Борьба против все еще сильной французской партии сблизила обе стороны и заставляла Августа не только искать поддержки у русской дипломатии, но и просить военного вмешательства России в польские дела. Выше уже упоминались попытки саксонской партии опереться на русскую дипломатическую помощь при европейских дворах, чтобы не допустить французского десанта в Балтийское море.

Август II и его дипломатический агент в Речи Посполитой пошли еще дальше. Последний на конференции 4 (14) июля 1697 г. с московским резидентом прямо потребовал русского военного вмешательства. „И посол говорил, — сообщал в связи с этим Никитин, — да и еще государь его именем своим велел ево, посланника, просить, чтоб он при том великому государю донес, чтоб его царское величество, как начал милостию своею государскою о целости Речи Посполитой иметь попечение, дабы и до skutку то привел, вспомог ему и до коруны своими, царского величества, войски чрез брандербургскую землю, кото-

¹ Дела польские, 1697, № 3, лл. 7—8; Дела австрийские, кн. 45, лл. 138—139. — Инструкция датирована 14 (24) июля 1697 г.

² Дела польские, 1697, № 3, л. 101.

³ Там же, № 6, л. 85.

рые ныне по ведомостям есть на литовской границе, ежели тот же союзник турецкой Деконтий станет противно, в чем он взаимно ему, великому государю, общаетца отслужить против общего неприятеля — салтана Турского и хана Крымского вскоре, как коронован будет“.¹ Никитин, не имевший на этот случай никаких инструкций, уклонился от ответа, пообещав только сообщить обо всем своему правительству и предупредив, что переписка эта займет довольно много времени.² В сущности о русском вмешательстве говорить было еще преждевременно, так как об экспедиции Конти не было пока никаких определенных известий.

Спустя месяц, на приеме, происходившем 10 (20) августа 1697 г., Август уже лично обратился к московскому представителю с аналогичной просьбой, с той только разницей, что теперь русская помощь не ставилась им в безусловную связь с французской интервенцией. Август просил, „чтоб великий государь, ежели французская сторона еще будут ему противны, вспомог ему до коруны своими царского величества войски“.³

Одновременно спешили использовать русское влияние для того, чтобы предотвратить намечающееся, по слухам, соглашение контистов с С. Палеем. 19 (29) июля 1697 г., „прехав ис Кракова, Окраса говорил посланнику именован королевским, что французская сторона затягивает чрез Палея козаков из-за Днепра против его, короля, и чтоб он, посланник, о том великому государю донес, чтоб послан был к нему, Палею, его царского величества о том возбранительной указ“.⁴ Соответствующий указ действительно был послан на имя Мазепы с предписанием отклонить Палея от участия в польских интригах.⁵

Но, признавая и поддерживая Августа, Россия неминуемо должна была принять непосредственное участие в затянувшейся борьбе между польскими партиями. На долю московского резидента, получившего повышение в ранг посланника, выпадала чрезвычайно тяжелая и ответственная задача содействовать укреплению позиции саксонского курфюрста в Речи Посполитой.

Мы имеем в виду такой важный шаг, как посредничество московского посланника между двумя соперничающими политическими группировками, навязанное ему, кстати, самими же поляками — приверженцами Августа.⁶ Цели саксонской партии были совершенно ясны. Используя угрозу вооруженной интервенции в Литву русской армии, пытались добиться раскола среди контистов, надеялись без борьбы добиться полной ликвидации примасовской оппозиции. События в Литве, где шляхта открыто демонстрировала свою враждебность к Салегам и где их огромные поместья в случае русского вмешательства оказались бы легкой добычей наступающей русской армии, создавали, как мы видели, довольно тяжелые условия для деятельности французской партии, вносили разброд и колебания в лагерь оппозиции. Однако она не собиралась легко отказываться от своих намерений. Несмотря на то, что русский посланник действительно сделал

¹ Дела польские, 1697, № 6, л. 78.

² Там же.

³ Там же, л. 204.

⁴ Там же, л. 212.

⁵ Дела малороссийские, 1697, № 25, лл. 3—4.

⁶ Дела польские, 1697, № 6, л. 235.

ряд представлений руководителям оппозиции в указанном выше смысле, никакого положительного успеха добиться ему не удалось.¹ Подобно тому как в свое время они добивались отсрочки приезда в страну саксонского курфюрста, так и теперь предложения их сводились к тому, чтобы отсрочить коронацию Августа II до заключения полного соглашения между его сторонниками и оппозицией.² Таким образом, из двух возможных вариантов — тактики выжидания и проволочек или тактики открытой борьбы, вооруженного восстания против саксонского курфюрста и его сторонников — был избран первый. Собственно говоря, в тех неблагоприятных условиях, в которых приходилось действовать французской партии летом 1697 г., без достаточно эффективной поддержки со стороны Версаля и при враждебном отношении основной массы польской шляхты, иного выхода не оставалось. Но, избирая тактику проволочек, приходилось отказываться от прямой поддержки кандидатуры Конти, о чем было прямо заявлено московскому посланнику руководителями оппозиции.³ Разумеется, с их стороны это была только уловка, которую легко разгадали в саксонском лагере. Вступая на путь переговоров и проволочек, оппозиция стремилась сохранить свои силы с тем, чтобы в любом случае можно было добиться более выгодных условий соглашения или, при благоприятных условиях, оказать действительную помощь французской интервенции.

Решение зависело, однако, не только от хода событий в Речи Посполитой. Решение зависело и от того, как сложится международная обстановка. Все это выяснилось уже очень скоро в ходе посредничества, принятого на себя московским дипломатом.

В ответ на заявление оппозиции об отказе от французской кандидатуры, которое Никитин передал сторонникам Августа II, он услышал справедливое возражение, свидетельствующее о том, что в саксонском лагере прекрасно понимали замыслы сторонников Конти: „Каштелян хелминской сказывал посланнику, что сторона деконтиева толко поверхностно говорят, что отступили от Деконтия, а склоняются к саскому, а сердцем крепко при нем, Деконтии, стоят, и видя немочь свою, поманивают, чтоб короновать саского не поспешили, ожидают у Француза с цесарем покою, про которой говорят, что станетца вскоре, а потом бы впровадить его, Деконтия, в Полшу с войски французскими“.⁴

Но даже если расчеты на возможность австрийского нейтралитета были необоснованны, то все же перспектива временного ослабления, в связи с прекращением войны, франко-австрийских противоречий (что, в свою очередь, значительно облегчило бы интриги Версаля в Речи Посполитой) заставляла сторонников Августа торопиться с коронацией, чтобы еще до французского вмешательства прочно закрепиться в стране.

Разумеется, подобная тактика саксонской партии не только расходилась с интересами оппозиции, но прямо исключала всякую возможность соглашения с нею.

¹ Дела польские, 1697, № 6, лл. 235—236.

² Там же, л. 237.

³ Там же, лл. 238—239.

⁴ Там же, л. 238.

Дело в том, что, помимо всего прочего, в случае немедленной коронации Августа II французская партия оказалась бы сильно ущемленной материально. Король, обязанный короной только одной группировке, естественно, передал бы в ее руки все наиболее влиятельные и доходные посты в Речи Посполитой. Недаром оппозиция указывала русскому посланнику, что саксонская партия торопится „только для себя, чтоб одним им быть в ласке, уряды разобрать“.¹ Но если подобная угроза заставляла оппозицию добиваться отсрочки коронации Августа, то именно в силу этих же мотивов сторонники его должны были торопиться с возведением Августа на престол. Спешить должен был и сам Август, так как промедление грозило только ослабить его позиции или изменить благоприятно сложившуюся для него международную обстановку, хотя коронация и означала ликвидацию всякой возможности соглашения с оппозицией, по крайней мере на ближайшее время.² Зато, с другой стороны, нужно было учитывать, что акт коронации окончательно обеспечил бы Августу II поддержку могущественной партии, избравшей его и кровно связанной с его интересами. При таких условиях компромисс был невозможен.

Однако и после того, как стало ясно, что Август решился на немедленную коронацию, оппозиция все же не пошла на прямое выступление против него, предпочитая держаться прежней тактики: агитировала, устраивала враждебные демонстрации Августу и России и ждала вестей из Парижа. Но все это, конечно, не давало никаких серьезных результатов: поскольку внешней поддержки не было, силы оппозиции продолжали падать. Единственным спасением представлялась только успешная военная интервенция Франции. Именно с этим вопросом будет связан второй план русской дипломатической деятельности в польском вопросе, к освещению которого нам предстоит сейчас обратиться.

В заключение подчеркнем еще раз то значение, которое имел в это время литовский вопрос. Ожесточение и вражда, господствовавшие в отношениях между Сапегами и литовской шляхтой, возглавляемой другими влиятельными литовскими фамилиями, все время увеличивались на протяжении 1697 г., создавая обстановку небывалого напряжения и неуверенности в лагере примаса. Положение последнего крайне осложнилось также тем фактом, что Австрия решительно поддерживала саксонскую кандидатуру и рекомендовала ему немедленно примириться с ней.³ В этом отношении между австрийским и русским курсом царило полное согласие.

* * *

Успех экспедиции Конти в Речи Посполитой мог спасти его партию. Естественно, что внимание русской дипломатии было приковано к этой опасной затее Версаля.

¹ Дела польские, 1697, № 6, л. 237.

² Там же.

³ Там же, № 3, лл. 120—121.

Для русского правительства французские интриги имели еще одну сторону. С ними связывались упорные слухи о подготовке франко-польского покушения на „великое посольство“ и на самого Петра, об участии которого в посольстве было известно в Польше.¹ Именно эти слухи, наряду с необходимостью проследить за ходом польских выборов, и принудили посольство дольше, чем предполагалось, задержаться в Пиллау.²

Поскольку первые слухи о появлении Конти на территории Речи Посполитой не подтвердились, надо было торопиться и принимать соответствующие меры, чтобы закрыть ему доступ в балтийские воды. Но сделать это можно было, только опираясь на помощь Дании, в руках которой находились ключевые позиции к Балтике. Поэтому, отправляя к Никитину инструкцию с повелением объявить в Речи Посполитой о русской точке зрения на происки французов и о намерении царя оказать помощь их противникам и даже объявить войну Речи Посполитой в случае воцарения французского кандидата, 17 (27) июля 1679 г. „великое посольство“ обращается к Дании и Швеции.³ В грамоте датскому королю указывалось прежде всего на ту опасность, которую могло представить появление в Речи Посполитой французского претендента для всего христианского мира, поскольку естественным следствием его победы был бы срыв всех военных усилий „Священной лиги“. Формула борьбы с турецкой опасностью в интересах всего христианства была в этот период стандартной мотивировкой, призванной объяснить усилия русской дипломатии. К ней прибегали, когда возникала необходимость подействовать на умы польских избирателей, к ней обращались и далее, когда появлялась необходимость добиться международной поддержки против Франции. На этот раз Россия добивалась закрытия для французской эскадры Зунда, во имя „общие христиан ползы“.⁴ Еще до того, во время переговоров о русско-прусском союзе, соответствующее давление было оказано на бранденбургского курфюрста.⁵

Но, обращаясь к помощи Дании и Бранденбурга, не забывали о существовании еще одной влиятельной силы на севере европейского континента — Швеции, традиционного противника датчан и возможного врага бранденбургского курфюрста. Вражда к Франции на время заслонила русско-шведские противоречия; на почве ее, казалось, возможно было даже более тесное сближение между двумя государствами, тем

¹ Дела польские, 1697, № 2а, л. 92.

² „Великим же полномочным послом во время бытия их в Пилове приходили многие ведомости, что князь Деконтий приехал во Гданск и живет во Гданску, а проводил ево до Гданска морского разбойнического корована генерал Ян Барт. И тот де Барт шатается на варяжском море и де великим и полномочным послом морем иттить не безопасно, потому что от того князя Деконтия и от Барта никакого добра не будет. Также де и сухим путем чрез полскую землю ехать им будет не без опасения ж, для того что поляки — люди непостоянные и ныне без короля в великой шатости пребывают, и за таким де своим своеволением над ними, великими и полномочными послами, какого б дурна не учинили, и чтобы они, великие послы, тот свой путь употребили со всяким опасением, разведав подлинно. А не уведомився в тот путь ис Пиловы не ходили. И великие послы за теми вестми и для настоящих полских дел жили в Пилове до июня 30 числа“. — Дела австрийские, кн. 45, лл. 125—126.

³ Там же, л. 148.

⁴ „Письма и бумаги...“, т. I, стр. 184.

⁵ Сб. Рус. истор. об-ва, т. XX, стр. 5.

более, что, как это выяснилось в ходе переговоров с берлинскими министрами, основной задачей русской политики оставалась концепция решительного разгрома Турции. С другой стороны, Швеция представлялась слишком могущественной европейской державой; ее поддержка могла значительно облегчить задачи русских дипломатов в Речи Посполитой, поэтому русское правительство предпочло вовлечь и Стокгольм в круг своих планов, попыталось установить известную параллельность в русском и шведском курсе по отношению к событиям в Речи Посполитой. В связи с этим стоит любопытный факт предложения Швеции русского союза в интересах борьбы с французскими происками в Речи Посполитой. В августе 1697 г. от имени Лефорта в Швецию, к Уксеншерне, отправляется послание, в котором, со ссылкой на Кардиский мирный договор, предлагается буквально следующее: „И естли б оной Деконтий, князь барбонской, з допущения божия учинился на королевстве полском и великом княжстве литовском королем, тогда бы от него всякому пограничному соседу должно опасение иметь. На что пристойно великому государю нашему, его царскому величеству, и велеможнейшему государю вашему, его королевскому величеству, междо собою учинить союз противу онаго“.¹ В случае согласия шведов с русским предложением, Лефорт с посольством должен был отправиться в Стокгольм.²

Вскоре были получены ответы из обеих северных столиц. Первой ответила Дания, однако весьма уклончиво и неопределенно, причем в ответе ее подчеркивались прежде всего наметившиеся изменения в ходе польских дел.³ Впрочем на помощь Дании все же определенно продолжали рассчитывать в течение еще некоторого времени.⁴ Разочарование наступило позже.

Не более утешительным было и ответное письмо шведского канцлера от 25 августа (4 сентября) 1697 г. В нем тоже содержались лишь весьма общие уверения о намерении нового короля Карла XII сохранить старую дружбу с Россией и согласие на приезд московского посольства к его двору.⁵ В Швеции продолжали выжидать события, отказываясь прямо принимать в них пока какое-либо участие, несмотря на враждебность к замыслам Бурбонов. Такая позиция северных держав, разумеется, осложняла положение русской дипломатии. Фактически, кроме Австрии, прямой поддержки русским усилиям, направленным против Конти и его польских друзей, не оказывала больше ни одна держава.

В представлениях в Стокгольме и Копенгагене русское правительство прежде всего настаивало на необходимости предотвратить победу французской кандидатуры в Речи Посполитой.

Вопрос о непосредственной поддержке Августа и саксонской партии не ставился прямо, хотя и было очевидно, что борьба с Конти была

¹ Дела австрийские, кн. 45, л. 152.

² „И буде его королевское величество к тому намерение и склонение свое иметь будет, а Деконтий, з допущения божия, на королевство полское обран будет ж, — говорилось в письме Лефорта, — тогда я, яко имея от его царского величества полную мочь и особливой его монаршеской указ и повеление, из галанской земли для поставления и утверждения тех дел с посольством буду в Стеколно“. — Там же.

³ Там же, л. 173.

⁴ Там же, л. 185.

⁵ Там же, л. 205.

борьбой за саксонского курфюрста. Осторожность оставалась и здесь основным принципом русской дипломатии. Дальнейшие события определили, однако, известные изменения в курсе русской политики. Укрепление Августа в Речи Посполитой и очевидная угроза французской диверсии толкали Россию на путь прямой поддержки саксонского кандидата и, в случае необходимости, даже на путь одиночного вооруженного выступления в его пользу. Нельзя забывать, что ответ Уксеншерны пришел в тот самый момент, когда переговоры с саксонским посланником Христофором Бозе о немедленном вооруженном вмешательстве России были уже в полном разгаре. В самой Речи Посполитой русский посланник уже энергично поддерживал, согласно полученным им указаниям, саксонскую кандидатуру. Известия от него были самые благоприятные. Под влиянием русского дипломатического вмешательства лагерь контистов распадался, терял своих сторонников, в то время как партия Августа усиливалась день ото дня и успешно готовилась к предстоящей схватке.¹

Но оказав Августу серьезную дипломатическую поддержку, Россия, естественно, облегчала себе переход к поддержке вооруженной, если бы того потребовали обстоятельства. 10 (20) сентября 1697 г. состоялась первая конференция русских дипломатов с саксонским представителем в Голландии Хр. Бозе. Целью последнего было добиться направления русскому посланнику в Варшаву указа двинуть в Литву корпус Ромодановского, если новоизбранный польский король вынужден будет обратиться с просьбой о вооруженной помощи. На руки Никитину должны были быть выданы соответствующие документы на имя царских воевод, чтобы избежать дополнительной переписки его с руководителями московской политики.²

С русской стороны, естественно, было выражено полное сочувствие саксонским планам и предложениям. Однако опасение, что вооруженное вмешательство вызовет неблагоприятную реакцию в Речи Посполитой и будет истолковано как нарушение условий „вечного мира“, останавливало русское правительство.³ Посланнику справедливо указывалось на тот факт, „что у царского величества мирные договоры не с одним королем—со всею Речью Посполитою“ и что поэтому необходимо, „чтоб королевское величество и сенаторы, которые при его стороне, учинили о том прошение чрез лист свой с подписанием рук своих и печатей. И тогда надежно будет его царскому величеству войсками своими помочь ему сотворить“.⁴

Такая позиция русского правительства была вполне оправдана. Не в его интересах было ставить без достаточно серьезных оснований под угрозу договор 1686 г. Тем более не в его интересах было развязывать гражданскую войну в Речи Посполитой, особенно учитывая, что позиция Швеции и других европейских держав была недостаточно определенной. Гораздо более выгодным представлялось продолжать

¹ 12 (22) сентября 1697 г. от Никитина была получена, например, депеша, в которой сообщалось, „что он всем сенаторам по верющей великого государя грамоте объявляя, чтоб от Деконтия отступили и преклонились к стороне саксонского. И по тому его, Алексею, объявлению многие поляки от деконтиевой стороны отстают“. — Дела австрийские, кн. 45, л. 192.

² Там же, л. 182.

³ Там же, лл. 182—183.

⁴ Там же, л. 183.

прежнюю линию: оказывать Августу дипломатическую поддержку внутри Речи Посполитой, чтобы мирным путем ликвидировать про-французскую оппозицию и своими усилиями при европейских дворах предотвратить вмешательство Версаля в пользу Конти. Что же касается вооруженного вмешательства России в польские события, то для этого необходимо было, по мнению русского правительства, формальное согласие Речи Посполитой.

В этом вопросе интересы России и Саксонии расходились совершенно. Дело в том, что Август не мог заранее добиваться согласия панов-рады на вступление русских в пределы Литвы, боясь усилить тем самым оппозицию, спекулирующую на русской опасности. Очевидно, отдавая себе отчет в этом обстоятельстве, Бозе „спрашивал великих и полномочных послов, мочно ль его царскому величеству теми войски помочь сотворить по писму одного его королевского величества за рукою, без сенаторей полских“, обещая попутно, что к содействию их прибегнут только в самом крайнем случае.¹ Послы обещали подумать над этим и дать ответ на следующий день, хотя „лучше бы, чтоб к царскому величеству полские сенатори о том писали“.² Вместе с тем Бозе объявил им, что, по слухам, Конти выехал в Польшу сухим путем, а войска его на пяти кораблях должны проследовать через Зунд в Балтику. Сообщение это, однако, не произвело ожидаемого впечатления. Московские дипломаты, ссылаясь на ответную грамоту, полученную из Дании, уверяли Бозе в том, что датчане окажут сопротивление французской эскадре.³ Что же касается русской помощи, то она ничего не должна была стоить Речи Посполитой и королю, так как „великий государь, его царское величество, войсками своими изволяет помочь сотворити без заплаты, на своих, царского величества, проторях и убытках“.⁴

Повидимому, русское правительство не считало еще угрозу французского десанта реальной, к тому же положение Августа II в Речи Посполитой было достаточно прочным. Этим, по всей вероятности, и следует объяснить тот факт, что во время второй конференции с Бозе, состоявшейся 11 (21) сентября 1697 г., ему было прямо заявлено, что для оказания военной помощи Августу II необходима предварительная просьба об этом не только его, но и сената.⁵ С другой стороны, русские дипломаты торопили с коронацией.⁶ Одновременно русскому представителю в Варшаве было поручено обнадеживать и поддерживать короля в его намерениях. Инструкция ему, помеченная 4 (14) сентября 1697 г., была составлена еще до переговоров с Бозе, но полностью совпадала со смыслом последних заверений, сделанных ему „великим посольством“.⁷

1 Дела австрийские, кн. 45, л. 183.

2 Там же, л. 184.

3 Там же, л. 185.

4 Там же, л. 186.

5 Там же, л. 188.

6 „И великие и полномочные послы говорили, чтоб его королевское величество на великого государя, на его царское величество, совершенно был надежен и, несмотря ни на какие страхи з деконтиевой стороны, королевства полского не отступал и всякими способами совершенство коронации доставал“. — Там же, л. 189.

7 В ней предлагалось посланнику объявить, „что великий государь, его царское величество, его королевскому величеству всякого блага желателен и о том усердие

Русский посланник должен был довести эту инструкцию до сведения самого Августа II.¹ Таким образом, промедление с вооруженной помощью Августу отнюдь не означало отказа от поддержки его кандидатуры. В этом отношении политика России не претерпела никаких изменений. Воздерживаясь по вполне понятным причинам от немедленного вмешательства в польские дела, Россия продолжала оказывать Августу серьезную моральную и дипломатическую поддержку, стремилась вселить в него бодрость духа и удержать его от возможных колебаний.

Вскоре, однако, появление более определенных слухов о французской экспедиции в Речь Посполитую принудило русское правительство изменить свою прежнюю позицию в вопросе о военной помощи Августу II и толкнуло его на прямое вмешательство в польские события. Через неделю после только что описанной нами конференции, 18 (28) сентября 1697 г., состоялась третья конференция между московскими послами и Бозе. Последний прямо говорил о том критическом положении, которое легко могло бы сложиться в Речи Посполитой в результате французской интервенции. У него были сведения, „что Деконтий Зунт прошол“. Это означало серьезное намерение Франции вооруженной рукой поддержать свои притязания и достичь успеха в Речи Посполитой не только во вред интересам саксонского курфюрста, но и русского царя. Прекрасно понимая это, Бозе поспешил подчеркнуть, что „по таким ведомостям надобно, как скоряй, его королевскому величеству помочь учинить, потому что в такое нужное время много належит и на одном часе“.² В новых условиях русские дипломаты решили пойти навстречу саксонским представлениям. Продолжая добиваться письменной просьбы о русской помощи от короля и Речи Посполитой, „великие послы“ были согласны временно ограничиться письменной просьбой от самого Бозе.³

Кроме того, на всякий случай потребовали от саксонского посланника передачи на хранение „великому посольству“ инструкции, полученной им от Августа, в которой содержались указания пригласить русские войска. Таким образом пытались, на всякий случай, оградить себя от возможных упреков и обвинений в нарушении „вечного мира“.

Согласившись с русскими условиями, Бозе, однако, не спешил выполнить их, пытаясь то задержать у себя королевский наказ и представить вместо него копию, то прислать требуемую письменную просьбу в измененной и не соответствующей пожеланиям московских диплома-

и рание имеет, дабы его королевское величество на королевстве полском королем утвердился“. С другой стороны, посланник должен был подчеркнуть, „что его царское величество на противных ему, а имянно, на князя Деконтия и на единомышленников его, вспоможение учинить ему изволяет, и для того ныне его царского величества войски з боярином и воеводою со князем Михаилом Григорьевичем Ромодановским при границах литовских в готовности обретаются. А естли случай и время позовет, то еще в прибавку, сколко надобно, войск его царскова величества будет вскоре“. Все это делалось и объявлялось, „чтоб его королевское величество на тое его царского величества любовь был надежен и королевства полского не отступал“. — Дела польские, 1697, № 6, л. 255.

¹ Там же, л. 256.

² Там же, л. 210.

³ „А когда того не учинено, — говорили они ему, — а настoit ныне в том деле его королевскому величеству нужда, то хотя б он, посол, именем государя своего,

тов форме.¹ Только 1 (11) октября Бозе представил все необходимые документы, взамен которых получил соответствующий указ к Ромодановскому.² Одновременно о решении оказать немедленную помощь саксонскому курфюрсту было сообщено московскому посланнику в Польшу,³ с которым Август II уже пытался вступить в параллельные переговоры по этому вопросу.

Забегая несколько вперед, укажем только, что надежды Петра и его советников на честность саксонской дипломатии совершенно не оправдались. Требуемая от короля и от Речи Посполитой грамота долго не представлялась. 27 октября (6 ноября) 1697 г. „великое посольство“ настоятельно потребовало от Бозе немедленной присылки грамоты, сопроводив это требование весьма выразительной угрозой по адресу саксонцев.⁴

Однако русским угрозам саксонцы, очевидно, не придавали особенного значения, прекрасно понимая непосредственную заинтересованность русского правительства в этом вопросе.

Когда, наконец, требуемая грамота была получена, оказалось, что она составлена не в том духе, в каком хотелось бы петровским дипломатам, и содержит только благодарность за оказанную ему помощь; в довершение ко всему грамота не была снабжена ни подписями сенаторов, ни подписью самого короля.⁵ Такое поведение польского короля, естественно, должно было вызвать раздражение и недовольство. Петр начал даже подозревать курфюрста в неверности союзным отношениям, опасаясь, что он не будет соблюдать их после того, как с русской помощью укрепится на польском престоле.⁶ Тем не менее, в политике Петра в течение всего этого времени не произошло никаких изменений.

Одновременно с русско-саксонскими переговорами об оказании помощи Августу Россия предприняла решительные действия, чтобы обезопасить его позиции с внешней стороны. Главное внимание попрежнему уделялось Швеции, политический курс которой вызывал известные подозрения. Зато вполне можно было рассчитывать на поддержку и сотрудничество венского двора. Австрия оставалась основным союзником России. Следует отметить также, что общность интересов саксонской и русской политики определила на некоторое время параллельность их усилий, так или иначе повторявших или дополнявших друг друга.

его королевского величества, дал им, великим и полномочным послом, просительное письмо. И в том письме имянно написал, что государь его, его королевское величество, от себя и от сенаторей просительные о том листы свои пришлет вскоре“. — Дела польские, 1697, № 6, л. 210.

¹ Там же, лл. 212—224, 225, 259.

² Там же, лл. 261—263; Сб. Рус. истор. об-ва, т. XX, стр. 10—11.

³ Инструкция Никитину от 5 (15) октября. „А мы тебе ведомо чиним, — говорилось в ней, — что по прошению королевского величества через посла иво, Христофора Дитриха Бозена, дан великого государя указ: велено ближнему боярину и воеводе князю Михаилу Григорьевичу Ромодановскому его королевскому величеству помочь чинить его царского величества войсками на противных ему. И тот указ отдан послу иво“. — Там же, л. 262.

⁴ Дела австрийские, кн. 45, л. 329.

⁵ Сб. Рус. истор. об-ва, т. XX, стр. 20—21; Дела австрийские, кн. 45, лл. 366—368.

⁶ Сб. Рус. истор. об-ва, т. XX, стр. 23; Дела австрийские, кн. 45, лл. 366—368.

Несмотря на то, что русско-саксонские переговоры о вмешательстве России в польские события происходили с ведома и одобрения английской дипломатии¹ (о содержании их было сообщено и Голландским Штатам),² рассчитывать на серьезную поддержку со стороны морских держав, конечно, не приходилось. Дело в том, что окончательная фаза борьбы за польский престол падала как раз на тот самый момент, когда недавнее ожесточенное соперничество между Францией и морскими державами уступило место временному соглашению между ними.

Единственно, на что рассчитывал при таких условиях Бозе, была помощь экономическая, финансовая.³ Позиция англо-голландского блока должна была, разумеется, в какой-то степени отразиться на общем ходе дел на севере Европы. Вскоре Россия и Саксония столкнулись с фактом серьезных изменений, происшедших в курсе датской внешней политики. Дания, постоянно оглядывавшаяся на морские державы, очевидно не чувствуя сопротивления этих стран, легко пошла на обострение отношений с Россией, пропуская французские корабли в Балтийское море. Так же оценивала причины нового поворота в датской политике австрийская дипломатия, насколько мы можем судить об этом по содержанию разговора, состоявшегося в начале октября между русским и австрийским уполномоченными в Речи Посполитой.⁴

Профранцузская ориентация датского двора привела к резкому, хотя и непродолжительному охлаждению русско-датских отношений, показателем чего был категорический отказ „великого посольства“ посетить Копенгаген.⁵

Итак, предотвратить французский десант русской дипломатии не удалось. Наступила очередь действовать русской армии. Высадка Конти требовала быстрых и решительных действий. Об этом сообщал из Польши „великому посольству“ Никитин, излагая содержание переговоров с австрийским представителем, считавшим, „что уж теперво в Поволше без домовою войны не обойдетца, и надобно им всем того Деконтия не допустить, а ежели та злая искра внутритца, то уж нечего от поляков добра ждать“. Он же подтвердил Никитину, „что цесарское величество войски своими нынешнему королю помагать будет, толко ожидает повороту из венгерской земли, и чтоб царского величества войски были на границе в готовности“.⁶

Почти одновременно с этим происходили оживленные переговоры между русскими и австрийскими дипломатами в Голландии. Вена вполне одобряла русское вмешательство в польские дела и считала, что Август будет надежным союзником в дальнейшем ходе турецкой войны. Что же касается бездеятельности польской армии в течение выборов и последовавшей затем борьбы за польский престол, то бездеятельность эта,

¹ Сб. Рус. истор. об-ва, т. XX, стр. 1.

² Там же; Дела австрийские, кн. 45, лл. 247—249.

³ Дела польские, 1697, № 9, л. 42.

⁴ „И облегат... сказывал посланнику, — читаем в депеше русского уполномоченного, — что совершенно француз з гишпанцы и с агличаны и з галанцы учинил мир, а цесарское величество оставили, и для того Деконтей смело прошел к Полше, а король даждкой пропустил ево чрез Зунт на злость нашему королю полскому, хотя он ему и племянник, сестры родной сын, для того что принял веру римскую“. — Там же, № 6, л. 268.

⁵ Там же, № 7, л. 3.

⁶ Там же, № 6, л. 268; Депеша Никитина от 1 (11) октября.

по мнению австрийцев, объяснялась внутренними раздорами в Речи Посполитой.¹

Следует учитывать при этом, что для Вены победа Конти означала не только ослабление „Священной лиги“ и зияющую брешь в анти-турецком фронте, но и неизбежную французскую диверсию в ее тылу, прежде всего в Венгрии, с которой неразрывно были связаны государственные интересы лоскутной монархии Габсбургов.²

Но сотрудничество Вены не давало еще прямой гарантии, что русские усилия, направленные к тому, чтобы удержать на польском престоле саксонского курфюрста, увенчаются полным успехом. Мы уже видели, какими последствиями грозил сам факт нейтралитета морских держав по отношению к борьбе за польский престол. Правда, Дания ограничилась только тем, что пропустила к Гданьску французский караван, не оказав ему никакой помощи — ни военной ни материальной.³ Зато оставалась Швеция, сохранявшая в течение всего этого времени позицию полного невмешательства и не двинувшая пальцем ни для того, чтобы повредить, ни для того, чтобы облегчить положение русской и саксонской дипломатии в польском вопросе. Между тем от позиции Швеции многое зависело в дальнейшем ходе событий в Речи Посполитой. Поэтому Россия и Саксония так внимательно следили за всем тем, что творилось в Стокгольме, и так болезненно реагировали на каждый слух о французских происках при шведском дворе. Именно поэтому, несмотря на известную уверенность, что Швеция не окажет никакой помощи французскому претенденту,⁴ первые же сведения о французских интригах в Стокгольме вызвали у русских дипломатов новые подозрения, а затем и новое представление шведскому двору и его уполномоченному в Голландии. В Версале, не хуже, чем в Дрездене, понимали то огромное значение, которое могло бы иметь шведское вмешательство в дела Речи Посполитой.⁵ Этим, повидимому, следует объяснять факт вторичного приглашения Швеции к совместным действиям против Франции. 25 октября (5 ноября) 1697 г. Лефорт отправил на имя шведского канцлера новый запрос относительно намерений Швеции, подчеркивая дошедшие до него известия о французских происках в Стокгольме и попрежнему настаивая на своем плане русско-шведского сотрудничества в интересах разгрома французской диверсии.⁶

¹ Дела австрийские, кн. 45, лл. 289—290.

² Вот как, например, объяснял венскую политику во время переговоров с „великим посольством“ саксонский уполномоченный в Голландии Хр. Бозе: „и посол говорил: цесарское де величество, конечно, его королевскому величеству вспомогать будет, для того чтоб в венгерской земле всегдашнего ему неприятельского вредительства не терпеть“. — Там же, л. 264.

³ О дальнейшей политике Дании см. там же, л. 214.

⁴ Там же, лл. 264—265 и 300.

⁵ 16 (26) октября „великое посольство“ получило от своего агента в Вене следующее сообщение: „Король французской послал в Свею посла закупить великих людей денгами, чтоб стояли войсками за Деконтия от севера, а от полудня татар и турок на короля польского привести тщатся“ (там же, л. 313). Слухи эти отчасти были подтверждены и Бозе 27 октября (6 ноября): „Ведомости носятя, будто шведы с французами согласились и князю Деконтию обещание учинили, ему с 12 тысячами человек в намерении его вспоможение чинити“ (Дела польские, 1697, № 9, л. 46). Важно, что заявление это делалось Бозе согласно указаниям самого Августа II. Очевидно, и в Дрездене существовали подозрения относительно политики шведского двора.

⁶ Дела австрийские, кн. 45, л. 322.

Тогда же „великое посольство“ постаралось добиться конференции с шведским посланником в Голландии Лилиенротом, чтобы и через него довести до сведения шведского правительства свою точку зрения на французские происки в Стокгольме. В переговорах с ним русские дипломаты не скрывали своего беспокойства за шведский политический курс и мотивировали свою заинтересованность в польских делах необходимостью сохранить европейский военный союз против турок.¹ Ловко используя прорусские настроения литовской шляхты, русские дипломаты указывали посланнику на бескорыстие московской политики по отношению к Речи Посполитой, так как „если бы царское величество изволил в том своей особой ползы искать, и мог бы при нынешнем смущении в королевстве полском и княжестве литовском без всякого убытку войск своих великой прибыток себе получить и великое княжество литовское под свое владение привести“.² Но, открывая свой литовский козырь, добивались только одного, „дабы королевское величество свейское в том его королевскому величеству полскому всякое вспоможение для его царского величества и для общей ползы всего христианства учинил“. Добиваясь этого, не останавливались перед прямой угрозой. „Естьли королевское величество желания того не учинит, — было заявлено Лилиенроту, — и склонитца на сторону деконтиеву, и то царскому величеству будет в великую противность и в отменение постановленного мира“.³

Лилиенрот, обещая довести русские представления до сведения шведского правительства, поспешил успокоить русских дипломатов относительно шведского курса в польском вопросе.⁴

Не менее успокаивающе звучал ответ Уксеншерны, полученный несколько позднее. Шведский канцлер продолжал отказываться от совместного с Россией выступления в пользу саксонской кандидатуры, предпочитая держаться политики строгого нейтралитета и подчеркивая только заинтересованность Стокгольма в сохранении польской конституции. Следующий отрывок из его послания как нельзя лучше характеризует основы шведской политики по отношению к происходящим в Речи Посполитой событиям в течение всего долгого периода борьбы за польский престол: „Что же о полском деле належит и тако возмогу аз вашему превосходительству, моему господину и брату, надежную ведомость дати, что, како его королевское величество по се время с Короною и Речью Посполитою полскою постановленные пакты и мирные договоры твердо и неподвижно содерживал и з своей стороны накрепко во осмотрении имел, тако его королевское величество еще и впредь при том пребывать будет, и ни в малом ни в чем в полское избирательное дело не мешается и ни с которою страню против Речи Посполитой не вступает. Наивяще же с начала его королевского величества намерение к тому доходило, дабы оная Речь Посполитая при древних своих волностях

¹ Дела австрийские, кн. 45, лл. 323—324.

² Там же, л. 325; Сб. Рус. истор. об-ва, т. XX, стр. 15; ср.: М. Богословский. Ук. соч., т. II, стр. 241.

³ Дела австрийские, кн. 45, л. 325; М. Богословский. Ук. соч., стр. 242.

⁴ Дела австрийские, кн. 45, л. 320; Дела польские, 1697, № 7, лл. 49—52; Дела шведские, 1697, № 4, лл. 15—20; М. Богословский. Ук. соч., стр. 241.

и правах, как во избирательном, так и во всем прочем, еже благосостоянию оной принадлежит, могла соблюдена и содержана быть“.¹

Швеция отвергала, таким образом, предлагаемый ей план русско-шведского союза и сотрудничества в интересах поддержки саксонской кандидатуры и борьбы с французскими происканиями в Речи Посполитой, однако и шведский канцлер и его дипломатический агент заверяли Россию в том, что Швеция не примет никакого участия в затеваемых Версалем интригах.²

Наконец, и от русского агента в Речи Посполитой начали поступать утешительные сообщения относительно Швеции и ее замыслов. Никитин, повидимому, не без основания уверял „великое посольство“ в несомненной враждебности стокгольмского двора к предпринятой Францией открытой интервенции в пределы Речи Посполитой.³ Такая позиция Швеции серьезно облегчала задачу русской дипломатии. Вместе с тем и Бранденбург, где тоже ожесточенно боролись про-французское и антифранцузское течения, не действовал во вред усиливающейся саксонской партии.⁴

Франция, таким образом, оказалась полностью изолированной, что, естественно, не только укрепляло положение России и Саксонии, но и упрощало перспективы русско-саксонского сопротивления ей.

* * *

Ход событий в самой Речи Посполитой тоже нельзя было назвать благоприятным для французской диверсии. Прежде всего, укажем на факт относительной малочисленности высадившегося десанта и поразительной нерешительности его командования; с другой стороны, примас и оппозиция не сумели создать никакой прочной базы для успешного развертывания военных действий. У контистов оказалось очень незначительное число приверженцев. В то же время шляхетские массы, коронное войско и влиятельная группировка польских магнатских фамилий, возглавлявших антифранцузскую партию, выступили решительными и последовательными противниками Конти.⁵ Серьезные затруднения доставляла французам и их сторонникам непримиримая позиция торговых городов в устье Вислы, располагавших большими военными и материальными ресурсами, в которых крайне нуждалось французское командование и его польские сообщники.⁶

Особенно обострились в это время франко-гданьские отношения, так как городской магистрат Гданьска отказался принять сторону

¹ Дела шведские, 1697, № 4, л. 24.

² Там же.

³ Вот что сообщал он в связи с появлением у Гданьска французской эскадры: „Корона свейская досадует в том, что корабли воинские французские вошли в Балтийское море, в государство их, без ведома свеян“. — Дела польские, 1697, № 3, л. 314.

⁴ Дела австрийские, кн. 45, л. 264.

⁵ Там же; Дела польские, 1697, № 3, л. 325; № 6, л. 267.

⁶ Московский представитель в Варшаве доносил „великому посольству“: „Места все прусские, Гданьск, Лебенген, Торунь и иные, которые при Висле, стоят крепко и верно королю коронованному держат“. — Дела польские, 1697, № 6, л. 266.

Конти и снабдить его необходимым оружием.¹ В связи с этим возникла реальная угроза вооруженного давления на город. Тогда Россия, желая поддержать сопротивление гданьского магистрата, направляет ему грамоту, в которой благодарит за сопротивление Конти и его сторонникам, пытавшимся овладеть королевским тронном „не по правде и по вольному избранию народа того по правилам их“. В грамоте содержалось прямое обещание помочь Августу в случае необходимости вооруженной силой, что сделают и другие союзники.²

На стороне Августа решительно выступала и литовская шляхта и войско.³ Последнее обстоятельство в течение всего этого времени тревожило не только Сапег, но и остальных вождей антисаксонского блока,⁴ так как разгром могущественного дома Сапег в Литве должен был привести одновременно к решительному ослаблению и падению партии Конти и примаса. Однако все попытки контистов сгладить обострившиеся в Литве противоречия между шляхтой и частью магнатов, с одной стороны, и Сапегами,* с другой, не принесли никаких результатов. Конфликт обострялся все более и более и грозил перерасти в вооруженное восстание литовской шляхты, раздраженной самовольством могущественных магнатов, рассматривавших Великое княжество как свою вотчину. В недалеком будущем, в конце 1697 г., Сапегам на самом деле придется иметь дело с организованным и непримиримым шляхетским лагерем, сгруппировавшимся вокруг Гр. Огинского.⁵

Было еще одно чисто внешнее обстоятельство, вызвавшее разброд и шатание в примасовском лагере. Мы имеем в виду открытую угрозу вооруженного вмешательства со стороны России и Австрии. Последняя тоже довольно определенно высказалась в этом смысле, обещая Августу прислать в его распоряжение небольшой отряд своего войска.⁶

Все это обусловило переход значительной части контистов в Литве и Польше на сторону Августа,⁷ а энергичные военные мероприятия саксонцев позволили им быстро расправиться с сопротивлением рокошан и французского десанта. Сам Конти принужден был покинуть территорию Речи Посполитой и бежать во Францию. Победа, таким образом, досталась Августу сравнительно легко. Но можно ли было рассчитывать на такой исход с самого начала? Конечно, нет.

Нельзя не признать, что с точки зрения положения дел в Речи Посполитой в целом, обращение Августа за иностранной помощью и военные приготовления России были вполне обоснованны, оправданны. Именно благодаря этим мерам в значительной степени удалось так легко отделаться от нападения французов, избежать кровавой гражданской войны и обострения польско-русских отношений. Август II прекрасно отдавал себе отчет во всем происходящем, когда в октябре 1697 г., созывая сенатскую раду, требовал от нее немедленного отправления к иностранным дворам польских посольств с объявлением

¹ Дела польские, 1697, № 3, л. 344.

² „Письма и бумаги...“, т. I, стр. 191—193.

³ Дела австрийские, кн. 45, л. 264; Дела польские, 1697, № 3, л. 382.

⁴ Факт этот признавали и контисты в своей переписке. См. ЦГАДА, Госархив, разр. XII, д. № 43, л. 3, письмо Любомирского маршалку рокоша Гумецкому от 3/X.

⁵ Дела польские, 1697, № 6, л. 296.

⁶ Там же, № 3, л. 420.

⁷ Там же, л. 347.

о коронации и с тем, чтобы „просить помочь королю в таком состоянии существу“.¹ Повидимому, не менее серьезно расценивали события и в сенате, если в результате совещания было решено обратиться за иностранной помощью. В Вену и Венецию должен был отправиться Дзедушицкий с известием о коронации. Вместе с тем, решено было „через того же посланника просить такой же помощи у цесаря на утешение нынешних бед, какова дана помочь была полская во время осады Вены. Также послать и к курфистру бранденбургскому о помощи против договоров древних. Да и московский помочь в прилучае впредь будущие нужды просить не забыть и не отставить“.²

До иностранного военного вмешательства, правда, на этот раз не дошло. Оппозиция оказалась слишком слабой. Впрочем, здесь необходимо будет внести некоторые коррективы в существующие представления о ходе русского вмешательства в польские события. Царский приказ с повелением князю Ромодановскому выступить на помощь Августу II был передан ему через посланца Ст. Бокия.³ В результате часть русского корпуса действительно вступила на территорию Литвы, о чем было заявлено саксонскому представителю в Голландии Хр. Бозе.⁴ Однако в дальнейшем, с отъездом Конти, пребывание русских войск в Литве оказалось совершенно излишним. Об этом было сообщено с польской стороны в лагерь Ромодановского,⁵ войска которого возвратились затем на русскую территорию. Этим, по существу, и закончилось на этот раз русское военное вмешательство во внутренние дела Речи Посполитой в связи с разыгравшейся там борьбой за королевский престол.

На этом можно было бы кончить изложение польско-русских отношений в период выборов, если бы не один чрезвычайно любопытный и важный эпизод, непосредственно примыкающий к только что разобранному ходу русского военного выступления. Дело в том, что посланный от имени Августа II с царской грамотой Ян Ст. Бокий не ограничился вручением ее Ромодановскому. Покинув ставку князя и воеводы, он направился к Москве, куда прибыл 22 декабря 1697 г. (1 января 1698 г.). Очевидно, имея еще дополнительные инструкции,

¹ Дела польские, 1697, № 3, л. 298.

² Там же, л. 304. — Тем не менее, и после этого решения Август продолжал воздерживаться от представления русским дипломатам требуемой от него письменной просьбы от короля и Речи Посполитой, очевидно не желая подчеркивать своих связей с русскими и тем еще больше обострять свой конфликт с оппозицией.

³ Там же, № 1, л. 44; № 8, л. 268.

⁴ „Его царского величества войска, чиня вспоможение его королевскому величеству, — было заявлено Бозе, — в литовские границы вступили и пребывают в трудех“ — Дела австрийские, кн. 45, л. 366.

⁵ См. депешу Ромодановского от 25 февраля 1698 г., в которой говорилось, что подполковник Михаил Полибин писал Ромодановскому из Смоленского уезда, что „посылаа де он в сторону королевского величества к комиссарам ротмистра Семена Бызлова, и февраля в 11 числе он, Семен, от них, комиссаров, из месточка Герей к нему, Михаилу, в полк приехал и привез лист полского писма... А по переводу до посольского приказу переводчика Луки Шуковского написано в том листу к Михаилу Полибину: за что он с его великого государя ратными людьми поспешил на рубеж, и они де благодарствуют, а переходить к ним за рубеж уже не потребно. Да к нему ж де, боярину и воеводе, послали они с прошением, чтоб с войсками в сторону королевского величества не вступать“ (Дела австрийские, 1698, № 12, л. 1). В связи с этим начинается отход корпуса Ромодановского к Великим Лукам. — Там же, лл. 1—2.

он обратился к царскому правительству с требованием двинуть дополнительные воинские части в Литву со стороны Смоленска, чтобы нанести возможно более серьезный урон поместьям Сапег. „Посланник, — говорится в протоколе посольского приказа, — ныне именем государя своего, его королевского величества, у великого государя, у его царского величества, просит, чтоб указал его царское величество еще десяти тысячам своим государским ратным людям идти в Литву, на маестности противников его королевского величества Сапегов“.¹

Любопытна и та мотивировка, которую приводил польский посланник в оправдание своего требования. Смысл всей этой затеи, оказывается, заключался в том, что „где стоит с полком боярин и князь Михаил Григорьевич — немногие их сапегинские маестности. И хотя де в них царского величества войска и вступят, и тем гетмана Сапегу в покорение королю не приведут, еще де может он, Сапега, собрав войск тысяч десять, а наипаче от тех мест, где близ Смоленска есть ево маестности, учинить противности“.²

Между тем, в связи с неудачей французской экспедиции положение дел в Речи Посполитой круто изменилось. Оппозиция королю совершенно разваливалась, о чем с разных сторон доходили до Москвы все более определенные известия. Колебались не только Сапег, но и примас — душа всех французских интриг в стране. Значительные группы контистов изменяли Франции и переходили на сторону Августа.³ Естественно, что при таких условиях просьба о дополнительной вооруженной помощи, когда становилось очевидным, что и оказанной уже более чем достаточно, вызывала известное недоумение и даже подозрение. Об этом не постеснялись заявить прямо: „И тому посланнику тогда сказано, что от Смоленска других царского величества ратных людей посылать не для чего, потому что и боярин князь Михаил Григорьевич Ромодановской с войски стоит ныне на рубеже без дела многое время не без нужы в такое зимнее время ратных людей. А чрез почты доходят те ведомости, что Деконтей ото Гданска отступил и пошел во Францию, а Сапег, гетман и иные противники королевские усамирились и его королевскому величеству добили челом. И затем не толко вновь от Смоленска ратных людей посылать, но и боярину и воеводе князь Михаилу Григорьевичу полк доведетца распустить“.⁴ Но, предвидя могущее возникнуть в связи с его просьбой недоумение, Бокий, продолжая настаивать на своем, объявил дипломатам о якобы перехваченных в Речи Посполитой письмах Сапег, из содержания которых было очевидно, что его нынешняя позиция только уловка, что он продолжает попрежнему сноситься с Францией и поддерживать Конти и что „по тому де их обнадеживанию зимует тот Деконтей в своей земле“.⁵ Не ограничившись этим, Бокий заявил, что перед отъездом ему была дана Августом тайная инструкция, в которой определялось его поведение в Москве на случай появления слухов о примирении короля с оппозицией и Сапегами. Август якобы

¹ Дела польские, 1697, № 12, л. 50.

² Там же, лл. 50—51.

³ Там же, № 3, лл. 373, 397; № 6, лл. 296—297.

⁴ Там же, № 12, л. 51.

⁵ Там же, л. 52.

„приказал ему, посланнику, изустно, буде о склонении противников ево, а паче Сапегов, и сам его королевское величество учнет к нему писать дважды, и он бы тому совершенно не верил, но когда о том изволит он к нему писать в третье с нарочным своим гонцом, то тогда бы он, посланник, подлинно верил“.¹

Несмотря на известные сомнения, появившиеся в связи с этим заявлением польского посланца, в Москве все же решили предпринять некоторые военные приготовления на литовских рубежах и со стороны Смоленска.²

Между тем начало нового, 1698 года принесло с собой не только подтверждение прежних известий о намечающемся соглашении Августа с оппозицией, но и прямую просьбу с польской стороны о прекращении русскими войсками военных действий и об отзыве их с территории Литвы.³

При таких условиях к заявлениям польского посланника должны были отнестись с еще большим недоверием, чем прежде. Наконец, очень серьезное подозрение вызвал тот необычный факт, что имя посланника не было указано в королевской верительной грамоте. Затем, в результате запроса в Варшаве, сделанного русским посланником, Никитиным, выяснилось и другое чрезвычайно любопытное обстоятельство. „А референдарь [коронный] говорил, — писал в Москву Никитин, — чаёт де, имяни ево в грамотах королевских не написано для того, слышал он, референдарь, что король отдал те грамоты Слушке да воеводе Иновроцлавскому и велел послать с надежным человеком, с кем они знают. И Слушка выправил с теми грамотами ево, Бокия“.⁴ Очевидно, что и устная инструкция, сообщенная в Москве польским посланником, принадлежала тоже самому Слушке, одному из наиболее видных противников Сапег и руководителей шляхетского движения в Литве. Сопоставляя с этим сведения Никитина о возникшем на Литве как раз в это время, в конце 1697 г., шляхетском заговоре, руководимом Григорием Огинским и ставящем своей целью полный разгром и унижение Сапег,⁵ мы получим возможность добраться до самых корней таинственного посольства Бокия в Москву. Совершенно ясно, что это не был простой польский посланник, отправленный в Россию от имени польского короля за русской военной помощью, как думал М. Богословский. Задачи, которые стояли перед ним, и стремление во что бы то ни стало обратить русское оружие против Сапег, даже вопреки воле самого Августа II (отсюда его заявление о необходимости получения трех последовательных сообщений от короля о прекращении борьбы и о соглашении его с оппозицией), без сомнения, доказывают, что в лице его мы сталкиваемся с эмиссаром, отправленным в Москву литовскими заговорщиками,

¹ Дела польские, 1697, № 12, л. 52.

² „По указу великого государя, а по письму и прошению королевского величества польского и по ево, посланникову, предложению, — было заявлено Бокию 28 декабря 1697 г. (7 января 1698 г.), — велено послать ево, великого государя, ратных людей, конных и пеших, 6 тысяч чел. от Смоленска на литовской рубеж с воеводою и начальными людьми без срочно. И стоять им там впредь до ево великого государя, указу во всякой воинской готовности“.— Там же, л. 53.

³ Там же, л. 51.

⁴ Там же, л. 52.

⁵ Там же.

которые надеялись использовать в своих интересах официальную просьбу Августа II о военной помощи в целях борьбы с Сапегами. Факт этот, сам по себе чрезвычайно важный и знаменательный, — яркое свидетельство того, что кровавый конфликт между литовской шляхтой и Сапегами, разгоревшийся впоследствии, совершенно созрел и оформился в этот смутный период борьбы за польский престол. Уже тогда, не рассчитывая, очевидно, вполне на прочность союза с Августом, литовские заговорщики, Слушка и его сообщники, попытались опереться на вооруженную помощь и вмешательство Москвы, прибегли даже к прямому обману ее, чтобы силой русского оружия расправиться со своими домашними противниками.

* * *

Подведем некоторые итоги. Взвешивая результаты русской политики в ходе борьбы за польский престол в течение 1696—1697 гг., необходимо подчеркнуть ту решающую роль, которую удалось сыграть России в деле утверждения в Речи Посполитой саксонской кандидатуры. В том сложном переплетении внешних и внутренних обстоятельств, которые способствовали успеху Августа II, роль России как фактора, благоприятствующего ему, оказалась тем более значительной, что ее дипломатические усилия и военные мероприятия не только серьезно повлияли на расстановку сил и на судьбу соперничества партий в самой Речи Посполитой, но и позволили ей сказать веское слово перед иностранными державами в защиту своей политической линии в польском вопросе.

Москва и Версаль в разбираемый нами момент — это два враждебных друг другу лагеря, два полюса в единой системе сложных и запутанных европейских противоречий и отношений. Именно поэтому, выступая вначале только противником французского претендента и не выдвигая никакого определенного кандидата со своей стороны, Россия оказала все же неоценимую услугу саксонской кандидатуре, в решительный момент поддержанную всеми антифранцузскими силами Речи Посполитой. В дальнейшем, с укреплением саксонской партии и после коронации Августа появилась возможность оказать прямую поддержку саксонскому курфюрсту, не возбуждая против себя шляхетского общественного мнения. И Россия пошла по этому пути, не останавливаясь даже перед перспективой вооруженного вмешательства в ход польских событий. Что же заставляло ее так энергично выступать против Франции и ее кандидата на польских выборах? Ответ на этот вопрос следует искать в основных принципах русской внешней политики, в той концепции последовательного решения турецкого вопроса, которой руководствовались в это время русские дипломаты. Вступая в активную борьбу на юге, с Турецкой империей, необходимо было обеспечить себе тыл со стороны Речи Посполитой и добиться ее сотрудничества. Политической базой такого сотрудничества могли явиться только условия „вечного мира“ 1686 г. Между тем, победа Контти означала выход Речи Посполитой из турецкой войны и возобновление польско-русского соперничества из-за Украины и Смоленска. Именно поэтому Россия должна была выступать активным противником Франции.

Однако внешние обстоятельства — и положение дел в Речи Посполитой, и политика ее соседей, — серьезно ограничивали и сдерживали размах русской дипломатической акции. Приходилось действовать с величайшей осторожностью, выжидать и обходить препятствия, чтобы, в конце концов, добиться своего и обеспечить себе необходимые условия для успешного продолжения турецкой войны. Русским дипломатам удалось прекрасно справиться с этой очень путаной и трудной задачей. Вместе с тем, с событиями польского бескоролья 1696—1697 гг. в польско-русских отношениях наступал глубокий и знаменательный перелом: впервые в истории в деле избрания польского короля ведущая роль принадлежала России, а не какой-либо другой европейской державе.

И. С. Миллер

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ВЕЛИКОЙ ПОЛЬШЕ в 1651 г.

Во II томе „Ученых записок“ нами была опубликована статья о крестьянском восстании в Подгалье в 1651 г. К ней тесно примыкает настоящая статья, посвященная крестьянскому движению в Великой Польше, происходившему одновременно с подгальским восстанием. Завершая ею предпринятое нами исследование крестьянских движений на собственно польской территории Речи Посполитой в 1651 г., мы считаем целесообразным прежде всего коротко остановиться на проблеме связи этих движений с освободительной войной украинского народа, происходившей под руководством Богдана Хмельницкого.

Еще в предыдущей нашей статье, рассматривая многочисленные источники, говорящие о наличии связи между Хмельницким и руководителем подгальского восстания Наперским, мы констатировали, что решение этого вопроса имеет значение, далеко выходящее за рамки выяснения причин подгальского восстания. Можно без преувеличения сказать, что этот вопрос имеет большую историческую значимость, чем само подгальское восстание, так как, признав наличие связи между Хмельницким и Наперским, мы должны будем в новом свете оценить всю систему политических и военно-стратегических планов Хмельницкого в 1651 г.

Поставив этот вопрос в связи с исследованием подгальского восстания, мы сознательно отказались формулировать то или иное решение. Действительно, при всем относительном обилии материалов, которым мы располагали по вопросу о восстании в Подгалье, оно все же не более чем один локальный элемент сложной обстановки, в которой протекала военная кампания 1651 г. Пытаться пересматривать историю этой кампании в отрыве от всей обстановки, опираясь на данные, касающиеся лишь одного локального движения, было бы слишком рискованно: можно было бы легко встать на путь ошибок и преувеличений.

В настоящей статье мы вновь возвращаемся к этому вопросу. Изучение материала, относящегося к крестьянским движениям в Великой Польше, должно дать нам еще одну точку опоры. Попутно мы приведем те немногочисленные и отрывочные данные, которые позволяют хотя бы в некоторой степени представить себе размах крестьян-

ского движения в Речи Посполитой на территории, не охваченной непосредственно восстанием Хмельницкого.

В существующей литературе со значительной полнотой исследована дипломатическая деятельность Хмельницкого накануне и в ходе кампании 1651 г. Поражает широта и напряжение этой деятельности. Зимой 1650 — весной и летом 1651 гг. Хмельницкий ведет переговоры с Россией, Крымом, Турцией, молдавским и валахским господарями, трансильванским князем, может быть даже и со Швецией.

Москва, к которой неоднократно обращался за помощью Хмельницкий, предлагая уже тогда принять „под свою высокую руку“ Украину, выжидала. Было ясно, что согласиться оказать прямую поддержку Украине — значило ввязаться в долгую и тяжелую войну с хотя и ослабленной, но еще далеко не обессиленной Польшей. Воспоминания об интервенции начала века, о неудачной войне 1632—1634 гг. были еще слишком свежи. И хотя московские послы в 1650 г. уже взяли очень резкий тон по отношению к Польше, а Посольский приказ вел тщательный учет всех описок в царском титуле и оскорблений царского рода в польской литературе, в том числе даже поэзии (впоследствии эти описки явились поводом к войне), русское правительство хранило нейтралитет, выжидая дальнейшего ослабления Польши, и внимательно следило за оживленными дипломатическими связями Хмельницкого, внушавшими Москве недоверие.

Нельзя забывать и того, что осторожная политика русского правительства диктовалась также и внутригосударственными причинами — прежде всего городскими восстаниями 1648—1650 гг. Однако в 1651 г. Россия уже готовилась к выступлению. Земский собор в марте 1651 г. одобрил принятие Украины в русское подданство и войну с Польшей, и русское правительство ожидало лишь удобного момента для осуществления этих постановлений, а тем временем смотрело сквозь пальцы на проход казацких загонов в Белоруссию через территорию Русского государства. Однако ситуация сложилась неблагоприятно: поражение при Берестечке отодвинуло присоединение Украины и войну с Польшей более чем на два года.

Неизвестно, искал ли Хмельницкий непосредственно союза со Швецией, осуществленного им несколько лет спустя. Однако имеются сведения о сношениях со Швецией Крыма, в которых Хмельницкий, несомненно, был заинтересован и в курсе которых он, вероятно, был. Русское правительство интересовалось этими сношениями, подозревая, что они имеют целью организацию коалиции против России (Москва в это время особенно опасалась Швеции в связи с псковским восстанием 1650 г.). Донесения русских послов в Крыму Елякова и Кузьмина свидетельствуют о том, что уже в этот период намечалось осуществленное лишь четыре года спустя выступление Швеции против Польши.¹

Хмельницкий искал союза и с Турцией и неоднократно просил ее о благожелательном отношении к выступлению ее вассалов для поддержки Украины. Известно, что в начале 1651 г. у Хмельницкого находился турецкий посол. Союза с самой Портой Хмельницкий,

¹ См. М. Грушевский. Исторія України — Руси, т. IX, ч. 1. Київ, 1928, стр. 175. — Грушевский приводит обширную выдержку из Крымских дел, 1651, кн. 30, т. II, л. 210.

однако, не добился. В то же время весьма оживленные сношения Хмельницкого с турецким вассалом — трансильванским князем Георгом II Ракочи — едва не привели еще в 1651 г. к выступлению последнего против Польши.

Изучение дипломатической подготовки Хмельницким кампании 1651 г. дает основание сделать вывод, что он стремился создать широкую антипольскую коалицию, что в начинающейся войне он хотел нанести Речи Посполитой смертельный удар или, во всяком случае, продиктовать ей условия мира, поставив ее на колени.

Таков внешний фон кампании 1651 г. Нам предстоит выяснить, каков был „внутренний“ фон этой кампании — ограничивал ли Хмельницкий ее подготовку лишь поисками союзников вне Речи Посполитой или стремился вызвать взрыв и изнутри нее.

Одним из элементов, на использование которого Хмельницкий мог рассчитывать в самой Речи Посполитой, была не католическая шляхта. Мы не имеем прямых сведений о действиях Хмельницкого в этом направлении. Однако заслуживают пристального внимания данные о связях с польскими диссидентами эвентуального союзника Хмельницкого — Георга Ракочи.

Ракочи, несомненно, имел широкие планы нападения на Речь Посполитую. Направленные им на сейм 1650 г. послы были, по сути дела, разведчиками. Имея официальное задание опровергнуть слухи о союзе Ракочи с казаками (в чем послы, кстати сказать, весьма мало успели), они вели секретные переговоры с великим литовским гетманом Янушем Радзивиллом. Радзивилл занял выжидательную позицию. Он заявил, что желает Ракочи всяческого успеха; в случае же, если Ракочи и казакам улыбнется счастье, то он, Радзивилл, со своей стороны, будет рад послужить божьему делу и разгромить папистов. (И Ракочи и Радзивилл были евангелического вероисповедания.) Тогда Радзивилл наймет большое войско, а Ракочи захватит Краков, координируя свои действия с Радзивиллом.¹ Эти переговоры между Ракочи и Радзивиллом дают возможность предполагать наличие переговоров между Радзивиллом и Хмельницким. Поэтому заявление Хмельницкого паволочским мещанам, что Радзивилл обещал не переходить границу Украины, и возмущение при получении известия о нападении Радзивилла на Небабу,² заслуживают, возможно, большего доверия, чем полагали Костомаров и Грушевский. Наличие какой-то связи между Радзивиллом и Хмельницким подтверждается и письмом Георга Ракочи к брату от 19 апреля 1651 г.³

Но, разумеется, гораздо более естественного и надежного союзника, чем в кальвинистских магнатах и всей диссидентской шляхте, украинское освободительное движение могло найти в угнетенных массах Речи Посполитой — в крестьянстве польском, белорусском и украинском (мы имеем в виду здесь крайние западные, не охваченные в этот момент восстанием украинские территории).

Мы не располагаем прямыми документальными данными, исходящими от самого Хмельницкого, о действиях, направленных на развер-

¹ М. Грушевський. Ук. соч., стр. 166. Ссылка на Transsylvania, t. I, p. 129.

² Н. И. Костомаров. Богдан Хмельницкий. СПб., 1904, стр. 444; М. Грушевський. Ук. соч., стр. 309.

³ Monumenta Hungariae historica, t. XXIV, p. 428; см.: М. Грушевський. Ук. соч., стр. 252.

тывание крестьянского движения в собственно польских областях, данными, которые сразу и неопровержимо решали бы вопрос. Нам придется проанализировать сведения, почерпнутые почти исключительно из польских и близких к ним источников.

Показательным является прежде всего то обстоятельство, что уже в первые месяцы 1651 г. среди шляхты начали распространяться тревожные слухи о предстоящих крестьянских волнениях в собственно польских областях.

В статье о подгальском восстании мы уже воспроизвели запись в дневнике Станислава Освенцима от 24 января 1651 г.: „... пришло предостережение от [германского] императора [польскому] королю, якобы из тех людей, что остались без дела по установлении мира в Империи, Хмельницким завербовано четыре тысячи хороших солдат, чтоб, вторгнувшись через Спизжскую область в Польшу и соединившись с взбунтованными в горах крестьянами, пошли на Краков и далее делали что можно важного, только б могли разделить наших людей“.¹ Очевидно, в связи с этими известиями находятся два королевских универсала — от 17 и 20 января 1651 г., сообщающих о слухах относительно движения к польским границам иностранного полка командой Лоренса Гофкирха.² Нам уже приходилось говорить о поразительной близости этих слухов к действительной картине восстания, которое произошло в Подгалье полгода спустя.

Ярко иллюстрирует настроения шляхетских кругов в весенние месяцы 1651 г. анонимное письмо от 15 апреля: „Но что особенно огорчительно — это крестьянская война, потому что кто может быть вне опасности, если б крестьянство (poddanstwo) зашло бы еще дальше? Дело идет уже явно об освобождении от панов и шляхты. Нужна в этом большая настойчивость, потому что крестьяне отовсюду готовы бежать к этим изменникам (упаси Бог), если бы только имели вождя. Все знающие положение дел советуют, ради Бога, как можно скорей укрепиться (armować się) посполитым рушением, ибо иначе отчизна может дойти до великого смятения, либо до полной гибели“.³

В июне 1651 г., ко времени генерального сражения, когда силы обеих сторон уже стояли на берегах Стыри, пламя крестьянских восстаний охватило различные области Речи Посполитой, в том числе и весьма отдаленные от театра военных действий.

Крестьянские восстания распространились, прежде всего, на те районы украинской территории, которые не были заняты к этому времени войсками Хмельницкого, — северную часть Киевского воеводства (Овручский повет), значительную часть Волыни.⁴ Глухое крестьянское брожение, предвещавшее возможность взрыва, отмечалось в воеводствах Белзском и Русском.⁵ Украинское население самого западного района Русского воеводства — Саноцкой земли — принимало участие в движении, центром которого было Подгалье.

¹ Stanisława Oświęcima dyariusz. Kraków, 1907, s. 257.

² St. Szczotka. Bunt górali pod dowództwem Kostki Napierskiego w 1651 r. Sprawozdania Towarzystwa Naukowego we Lwowie, rocznik XVIII, zeszyt 1, Lwów, 1938, ss. 75—76.

³ Nowiny z Warszawy. Teki Naruszewicza [копия в Библиотеке АН УССР в Киеве], t. 145, s. 124.

⁴ См. ряд документов в т. III, ч. IV Архива Юго-Западной России.

⁵ См. ниже данные допроса Ворозбиловича.

Волнение распространилось и на Белоруссию (район Турова).¹ Во второй половине июня было получено известие, что двадцатитысячный отряд под командой некоего Фоксы (Фоха) направляется к Могилеву.² Семитысячный отряд казаков под командой Тарасенко овладел Рославлем; восстание распространилось по всему Смоленскому воеводству. „Огонь уже достигает нас, — писал смоленский подвоевода Петр Вяжевич, — ибо крестьяне у нас начали бунтовать, а я ничего не могу поделать“.³

Наконец, крестьянское движение началось в собственно польских областях: в Малой Польше — в Краковском воеводстве — вспыхнуло восстание в Подгалье, в Великой Польше — в Калишском воеводстве.

Возникновению этих движений, несомненно, способствовал и самый пример героической борьбы украинского крестьянства, и тот факт, что из глубинных воеводств были почти полностью выведены все войска для участия в войне с Хмельницким, а посполитое рушение вызвало из своих деревень и значительную часть шляхты. Несомненно также, что немалое число из возникших в это время местных крестьянских движений имело характер стихийного взрыва, и связь их с освободительной войной украинского народа ограничивалась лишь указанными выше обстоятельствами. Но, вместе с тем, нам представляется неоспоримым и то, что в некоторых случаях в возникновении этих движений налицо продуманная, целеустремленная деятельность, направляемая твердой рукой.

В рамках настоящей статьи невозможно привлечь весь материал для доказательства этого тезиса. Проиллюстрируем его данными одного, едва ли не самого богатого и ценного источника — дневника Станислава Освенцима.

Освенцим приводит протокол допроса некоего Андриюшки (Andruszek) Ворозбиловича, который под пыткой показал, со слов казака Яцка Мутянки, родом из Цешанова, что „в Польшу в разные места пошло полтораста шпионов, переодетых нищими (w ubierze dziadowskiem)“. В задачу этих „шпионов“ входило „других бунтовать и поджигать города“. Ворозбилович назвал известных ему лазутчиков, среди них портного из Любачова, трех человек из Брусни, четырех из Башни, Гриця попovichа из Ловчи, Данилика из Подымщины (откуда происходил и сам Ворозбилович), Андриюшку из Цеблова, Андриюшку из Тушкова, Андриюшку и Федьку (Chwetka) из Жабца, попа Андрея из Цешанова, Ивана Вычинского, слугу пана Доморацкого из Жолквы, Якуба Поляка из Олыки, всего, считая с Мутянкой и самим Ворозбиловичем, 22 человека.⁴ Яцко Мутянка поджег цешановский замок и собирался поджечь его вновь. Дважды поджигали Белз Андриюшка и Федька из Жабца и хотели поджечь его в третий раз. Каждый из названных Ворозбиловичем имел свой район действий: Иван Вычинский должен был идти к Ярославу, Якуб Поляк — в Люблин, двое лазутчиков из Перемышля — под Краков, самому Ворозбиловичу вместе с обоими лазутчиками из Жабца было приказано идти на Мосты и далее к Белзу. Общий сборный пункт был назначен под Замостьем.

¹ М. Н. Петровський. Визвольна війна українського народу проти гніту шляхетської Польщі і приєднання України до Росії (1648—1654). Київ, 1940, стр. 154.

² O ś w i ę c i m, s. 325.

³ Там же, s. 319—321.

⁴ Брусна, Башня, Ловча, Подымщина — деревни в районе Любачова и Цешанова; Цеблов и Тушков — деревни близ Белза.

Руководил всей группой поп Андрей (Jędrzej) из Цешанова.¹ Протокол этого допроса был снят в Любачове 2 июня 1651 г. В своем дневнике Освенцим записал его под датой 23 июня.

В следующем документе (письмо из Калиша от 4 июня), записанном в дневнике Освенцима тоже 23 июня,² сообщалось о деятельности эмиссаров Хмельницкого в Великой Польше и приводились показания одного из захваченных эмиссаров о том, что „здесь, в Великой Польше, их под руководством Гжибовского восемьдесят, а по всей Польше две тысячи и полковником их является некто Стасенко, как рассказал Гжибовский“.³

О деятельности эмиссаров сообщает не только Освенцим. 27 мая 1651 г., т. е. еще до появления тех документов, которые приводит Освенцим, папский нунций де Торрес в письме, написанном из Варшавы, сообщал: „Нечестивое лукавство этого проклятого Хмельницкого дошло до того, что он не удовлетворяется восстанием против своего прирожденного государя, тесным союзом с врагом креста Христова и обещаниями и присягами отступить от своей христианской, хоть и схизматической веры, и отуречиться. Он высылает, не так давно, из своего лагеря 150 бродяг, якобы для сбора милостыни, дает им вперед по пять талеров и обещает по 50, когда они вернуться, выполнив поручение. Треть этих бродяг была послана в этот город [т. е. Варшаву], чтобы сжечь его, а прочих сто по разным другим городам, чтобы сделать то же самое. Здесь их поймано шесть, и все они признались, хотя их захватили и пытали отдельно друг от друга. Теперь старательно разыскивают и здесь и везде еще других, чтоб их достойно покарать, но поимка этих дает основание полагать, что прочие убежали“.⁴

¹ Oświęcim, s. 321—324.

² Записывая в свой дневник эти документы, Освенцим предварял запись следующим указанием: „В тот же день из разных мест пришли разные известия о крестьянах, бунтующих как в Великой Польше, так и в Подгалье близ Кракова“ (s. 321), а в заключение писал: „Получив столь неблагоприятные и определенные сведения... совещание о том, как помешать этому, отложили до утра, так как уже надвигалась ночь“ (s. 329). Приведенные цитаты, казалось бы, не оставляют сомнения в том, что все эти сообщения были получены в королевском лагере под Берестечком именно 23 июня. Но среди приведенных Освенцимом документов мы находим письма Наперского и Наперскому от 18, 20 и 22 июня, которых, разумеется, Освенцим 23 июня под Берестечком видеть не мог, а вписал в дневник позднее, вероятно, во время пребывания в Кракове в период суда над Наперским. Тот факт, что Освенцим обрабатывал свой дневник и что известная нам рукопись этого дневника представляет собою уже позднейшую его редакцию, подтверждается многими данными. Приведем наиболее близкий пример. Освенцим записывает в своем дневнике с разбивкой по дням ход битвы под Берестечком, в которой он не принимал участия и обстоятельства которой знал лишь по рассказам, а затем кратко, без разбивки по дням и даже без указания точных дат, описал экспедицию, направленную на подавление восстания Наперского, участником которой он был. Таким образом, уверенности в том, что приводимые Освенцимом под датой 23 июня документы были получены действительно 23 июня, у нас нет. В то же время можно считать вероятным, что первые сведения о крестьянском движении в Великой Польше были получены в королевском лагере в это время. Следует иметь в виду, что уже в полдень 26 июня Освенцим покинул лагерь под Берестечком. Если документы, относящиеся к восстанию в Подгалье, попали в руки Освенцима позднее, то со всеми остальными, относящимися к крестьянскому движению в Великой Польше и др., он знакомился, вероятно, под Берестечком, т. е. не позднее 26 июня 1651 г.

³ Oświęcim, s. 324. — О других сведениях, сообщаемых в этом письме, мы будем говорить в дальнейшем, в связи с крестьянским движением в Великой Польше.

⁴ Жерела до історії України, т. XVI, ч. 1. Ватиканське матеріяли до історії України, зібрав і видав С. Томашівський, т. I. Донесення римських нунціїв про

Обращает внимание то обстоятельство, что названная Торресом цифра — 150 человек — совпадает с приводимой в допросе Ворозбилевича.

Как следует оценивать эти данные, какие выводы можно сделать на их основании?

Вопрос этот не получил до настоящего времени широкого освещения. Людвик Кубаля в своем очерке „Костка-Наперский“, излагая данные Освенцима и даже несколько преувеличивая их (Кубаля говорит о „тысячах эмигрантов“) и, в обычной своей манере, беллетризируя источник, делал следующий вывод: „Как время, так и формы агитации показывают, что казацкий гетман задумал вызвать всеобщее восстание польского крестьянства, которое, в контакте с Ракочи, готовящимся к занятию Кракова, должно было уничтожить оставшуюся дома шляхту, в то время как он [Хмельницкий] принимал на себя почти все силы Речи Посполитой“.¹ В то же время в описании деятельности эмигрантов Кубаля целиком следует за своими источниками, считая, что деятельность эта заключалась в шпионаже, поджогах и даже отравлении.

Резко отвергает все сообщения источников Грушевский, объявляя их не заслуживающими доверия на том основании, что приводимые в них показания давались под пыткой. По его мнению, эмигранты Хмельницкого были мифом, а полковник Стасенко апокрифической фигурой.²

В советской историографии этот вопрос не был поставлен. Н. Н. Петровский, говоря о кампании 1651 г., лишь в нескольких строках упоминает о восстании Наперского, но ничего не пишет ни о крестьянском движении в Великой Польше, ни о данных источников в отношении рассылки Хмельницким эмигрантов-агитаторов для организации восстаний. Лишь одна фраза, глухо и не выявляя точки зрения автора, сообщает: „Польские шляхетские круги приписывали Хмельницкому большую роль в подготовке восстания крестьян в Польше и Литве“.³

Мы считаем возможным утверждать, что широкая волна крестьянского движения, разлившаяся в 1651 г. почти по всей территории Речи Посполитой, возникла не только как стихийный отклик на освободительную войну украинского народа, но и как результат направляемой Хмельницким агитационно-организационной деятельности. Мы полагаем, что процитированный нами выше вывод Кубали правилен. Он не нашел отклика в последующей литературе и не был отмечен нашей советской историографией вероятно лишь потому, что был сделан Кубалей мимоходом и не получил дальнейшего развития в его собственных трудах. Но, присоединяясь к мнению Кубали о том, что существенной частью стратегического плана Хмельницкого в 1651 г. было развертывание крестьянских восстаний во всей Речи Посполитой, в том числе и в этнографически польских областях, мы приходим к выводу, что в свете

Україну 1648—1657. Львів, 1919, стр. 118—119. — Это сообщение может служить опровержением мнения Кубали (Szkice historyczne, wyd. 5-e, Lwów — Warszawa, 1923, s. 205), что деятельность эмигрантов не распространялась на Мазовию. Правда, нам неизвестны факты крестьянских восстаний в Мазовии в 1651 г.

¹ Л. Кубаля, с. 203.

² М. Грушевський. Ук. соч., стр. 266.

³ М. Н. Петровський. Визвольна війна, стр. 157.

этого факта надлежит пересмотреть вопрос о планах и целях Хмельницкого на этом этапе освободительной войны. Становится ясным, что Хмельницкий стремился не просто к победе над шляхетской Речью Посполитой, но к полному разгрому этого государства, а это, в свою очередь, заставляет по-новому оценить все его военные и дипломатические усилия. Мы не имеем возможности (тем более в рамках настоящей статьи) всесторонне исследовать эту проблему, но считаем ее одной из наиболее важных и первоочередных в плане дальнейшего изучения освободительной войны украинского народа.

Мы не можем признать убедительными возражения Грушевского. Было бы несомненной ошибкой отказаться от использования показаний лишь на том основании, что они даны под пыткой. Редко допрос по делам такого характера проходил в те времена без применения пытки, и сам Грушевский неоднократно в других случаях без всяких оговорок пользуется материалами таких допросов. Словно предвидя такое возражение, Торрес указывал: „Здесь их поймано шесть, и все они признались, хотя их захватили и пытали отдельно друг от друга“. Но сведения об эмиссарах сообщают не только протоколы допросов и не только перепуганные шляхтичи. Весть о них широко распространилась в народе и поддерживала веру в неизбежное поражение шляхетской армии даже после битвы под Берестечком. Вот, например, что писал галицкий стольник Мясковский велюнскому стольнику 4 августа 1651 г.: „Крестьяне не верят, что [польское] войско идет на Украину, говорят: они должны будут вернуться под Краков, оборонять его от Ракочи и от тех, кого наш гетман для бунтования крестьян (*ludu*) разослал“.¹

Таким образом, самый факт существования специальных эмиссаров-агитаторов не может вызывать сомнений. Другое дело, насколько справедливы подробности, сообщаемые о них в источниках. Существовала ли какая-либо форма организации их? Сама численность эмиссаров определяется совершенно различно: от 150 чел. до 2 тысяч. Имея, однако, в виду удаленность районов действий этих эмиссаров, мы можем с уверенностью сказать, что составить представление об их численности польские источники и не могли. Но если определить общую численность эмиссаров и не представляется возможным, то уже само сопоставление цифр отдельных источников — 150 чел. в воеводствах Белзском и Русском, 150 чел. в Мазовии, 80 чел. в Калишском воеводстве — показывает, что она была значительна. Источники дают основания полагать, что эмиссары действовали группами различной численности, но можно с уверенностью отвергнуть мнение о том, что эти разбросанные по всей Речи Посполитой группы поддерживали связь между собой и что деятельность их направлялась из единого центра, за исключением, может быть, лишь момента первоначального инструктажа. Упоминаемый только в одном источнике полковник Стасенко мог быть организатором этих групп, но не их руководителем. Возможно, что Стасенко, как полагал Грушевский, был лишь апокрифической фигурой. Очевидно, однако, что организация и рассылка групп эмиссаров должна была быть функцией какого-либо лица из состава непосредственного окружения Хмельницкого.

¹ Ossol., № 2286, s. 180¹. — Как и в статье о подгальском восстании 1651 г., мы даем ссылки на старые инвентарные номера рукописных отделений Оссолинеума (Ossol.) и библиотеки Баворовских (Bawor.).

Какие задачи стояли перед этими эмиссарами?

Польские источники в один голос приписывают им функции шпионов, поджигателей и даже отравителей. Кубала указывает¹ (впрочем, без ссылки на источники), что в окрестностях Пётркова и Вольбожа была отравлена вода в нескольких озерах и прудах и что пойманные отравители признали свою связь с Хмельницким. Недостоверность этого сообщения очевидна; скорее всего это результат массовой паники шляхты под влиянием слухов, если не сознательная провокация.

Для тех шляхтичей, которые являются авторами наших источников, поджог шляхетского имения и отравление воды в колодце (говорить всерьез об отравлении целых озер, конечно, не приходится) было преступлениями одного порядка, причем, возможно, первое более тяжким. Немудрено поэтому, что организаторам восстаний против шляхты, поднимавшим против нее крестьян, громившим и поджигавшим шляхетские имения, шляхта, не задумываясь, приписывала и отравительство и шпионаж.

О том, что значил „шпионаж“ в представлении польских источников, говорит одна из корреспонденций, приводимых Освенцимом: „... шпионить по шляхетским домам и дворам, справляться о их достатках, бунтовать крестьян против панов, особенно там, где власть над подданными особо тяжела“.² Из данного текста видно, что под „шпионажем“ здесь подразумевается выяснение положения крестьян в том или ином имении и тех препятствий, которые могут встретиться на пути организации восстаний. Разумеется, что никакого шпионажа в прямом смысле и быть не могло, ибо, не говоря уже о малой значимости для военных действий сведений из таких отдаленных углов Польши, как например, в данном случае, из Познанского или Калишского воеводств, они могли бы быть доставлены Хмельницкому лишь через много времени, теряя за давностью всякое значение.

Ознакомимся теперь с одним из эпизодов, связанных с деятельностью этих эмиссаров, — с крестьянским движением в Великой Польше.

В то время как о восстании 1651 г. в Подгалье имеется довольно большое количество источников, данные которых дают возможность воссоздать относительно полно и подробно его историю, великопольское восстание освещено очень скудно. О нем кратко упоминает только одна из больших польских хроник этого времени — хроника Яна-Вавжинца Рудавского.³ В дневнике Станислава Освенцима приводится уже упоминавшееся нами выше письмо познанского суррогатора (викария) Твардовского от 4 июня 1651 г. и отрывок из письма арендатора имения в Круликове Адама Недзвецкого от 7 июня 1651 г. В рукописи № 235 библиотеки Баворовских нами найдено письмо неизвестного лица от 7 июня 1651 г. Это же письмо имеется и в рукописи № 2286 Оссолинеума.⁴ О великопольском восстании сообщает в одном

¹ Kubala, s. 205. — Это сообщение представляет интерес как свидетельство (хотя и крайне искаженное) наличия какого-то движения и в Серадзском воеводстве.

² Oświęcim, s. 324.

³ *Historiarum Poloniae ab excessu Vladislai IV ad Pacem Oliviensem usque . . . libri novem. . . Varsoviae et Lipsae, 1755.*

⁴ Рукопись № 235 библиотеки Баворовских представляет собою книгу записей и копий документов, составляющуюся современником событий — шляхтичем Опочин-

из своих донесений (от 24 июня 1651 г.) папский нунций в Польше Торрес. Наконец, некоторые данные приводит итальянская хроника Вимины.¹ Альберт Вимина был священником в свите Торреса, папского нунция в Польше.² Возможно, что он имел непосредственное касательство к переписке нунция, так как многие подробности у Вимины почти дословно совпадают с реляциями Торреса. Это, впрочем, не лишает хронику Вимины значения весьма интересного источника. В отличие от почти всех современных ей источников, эта хроника совершенно не касается восстания Наперского, описывая лишь великопольское восстание.

Следствием скудности источников о восстании в Великой Польше является то обстоятельство, что они почти не дают материала для сравнения, освещая различные стороны и моменты восстания. Действительно, все три польские письма, приводимые Освенцимом и сборником Куницкого, дают материал, относящийся лишь к подготовке и началу восстания, Вимина же и Торрес (которые по существу варьируют одно и то же описание) рисуют лишь его подавление. Краткое, написанное в общих словах описание Рудавского почти ничего не добавляет к нашему материалу. Это не ставит, однако, под вопрос достоверность той картины восстания, которую создают эти источники. Мы можем жаловаться лишь на их лаконизм и неполноту.

Организацию восстания каждый из наших источников рисует по-своему. Рудавский, наименее осведомленный и наиболее краткий из них, пишет, что восстание поднял „некто без роду и племени“.³ Вимина и Торрес,⁴ лучше знающие дело, описывают организацию восстания почти одинаково. Оба они утверждают, что восстание было организовано шестью православными русскими шляхтичами (*Nobili Schismatici Ruteni — Vimina*) — эмиссарами Хмельницкого, явившимися в этот район под предлогом бегства от русских разорений (*delle ruine di Russia — Vimina*).

Наиболее подробно описываются организация и организаторы восстания в письме познанского суррогатора Твердовского познанскому епископу Казимиру Флориану Чарторыйскому из Калиша от 4 июня.⁵ В письме приводятся показания шляхтича Кулаковского,

ского повета Сандомирского воеводства Куницким (см. стр. 70¹ рукописи — „*Synowiec moi rodzony Alexand. Kunicki*“). Записи делались, очевидно, по горячим следам событий. Это можно заключить из того, что в конце переписанного на стр. 65¹—66 рукописи письма о восстании Наперского имеется пометка „*Poimano u skarano*“, сделанная чернилами другого цвета, чем все письмо (более светлыми). Из этого можно заключить, что письмо это было переписано Куницким в конце июня-июля 1651 г., когда он еще не знал о подавлении восстания и казни Наперского, а заключительная пометка была приписана позднее. Рукопись № 2286 Оссолинеума содержит выписки, делавшиеся в позднейшее время, вероятно в XIX веке. Интереснее нас письмо было, очевидно, переписано из рукописи Куницкого. Об этом можно судить по упомянутому выше письму о восстании Наперского, которое воспроизведено в рукописи № 2286 с заключительной пометкой Куницкого.

¹ *Historia delle guerre civili di Poloniae, divisa in cinque Libri, progressi dell'armi Moscovita contro Polacchi. Relatione delle Moscovia, e Svetia, e loro Governi. Di don Alberto Vimina Bellunese. In Venetia MDCLXXI.*

² Вимина был, между прочим, главным действующим лицом в интересном „посольстве“ Венеции к Хмельницкому в июне 1650 г. Аккредитованный Венецией, Вимина являлся, по сути дела, польским разведчиком.

³ *Rudawski*, p. 75: quoque, sine nomine, sine tribu.

⁴ *Vimina*, p. 254; донесение Торреса от 24 июня 1651 г., Жерела, стр. 122.

⁵ *Oświęcim*, s. 324—325.

принимавшего участие в организации восстания. Кулаковский показал, что руководит организацией некто Гжибовский, под началом которого находится 80 эмисаров. Кулаковский лично знал и видел более десяти из них (zna kilkunastu, т. е. от 10 до 20). По именам Кулаковский назвал лишь нескольких из них, описав их приметы. Это были двое Островских: старший из них, чернобровый, разъезжает в коляске, запряженной серой лошастью, и возит с собой двух обезьян, одна из них — большая и слепая — приучена просить милостыню; младший Островский, зовущий старшего дядей, статный (hoży), калека на правую руку. Кроме Островских, Кулаковский назвал и описал также Остролецкого и Пясецкого. Последнему, по описанию Кулаковского, лет сорок; левое плечо у него выше правого; Пясецкий разъезжает с женой в коляске, запряженной белой лошастью. Кулаковский описал и руководителя эмисаров Гжибовского. Это красивый (urodziwy), широкоплечий мужчина, средних лет, рябоватый, с черными усами и стриженными в кружок волосами; Гжибовский не владеет двумя пальцами левой руки — указательный торчит прямо и не сгибается, мизинец скрючен; у конца левой брови черный шрам.¹

Подробные и основательные данные этого допроса, повидимому, более заслуживают доверия, чем данные других источников. Рудавский знал, очевидно, об этом восстании лишь по наслышке. Что же касается Вимины и Торреса, то число организаторов восстания, указываемое ими — шесть, возможно, основывается на тех же самых показаниях Кулаковского. Действительно, число описанных Кулаковским агитаторов (считая в том числе и его самого) — именно шесть. Мнение Вимины и Торреса, что агитаторы были православными русскими шляхтичами, явно расходится с показаниями Кулаковского. Сам Кулаковский — поляк; поляки, несомненно, и названные им Остролецкий (Ostrolecki, вероятнее — Ostrołęcki) и Пясецкий (Piasiecki). Национальность Гжибовского (Grzybowski) и Островских (Ostrowski) определить трудно; они могут быть и поляками,² и русскими (т. е. украинцами). Во всяком случае, в письме, в котором сообщаются эти данные, нигде не высказывается даже предположения о непольской национальности этих агитаторов. Тот же факт, что эти агитаторы были шляхтичами, подтверждают и показания Кулаковского (в которых он сам называет себя шляхтичем и даже упоминает свой герб) и особенно указание цитированного нами анонимного письма от 7 июня, где говорится о Кулаковском, братьях Бжозовских и других шляхтичах.³

Сам по себе факт, что в числе организаторов крестьянского восстания мы встречаем шляхтичей, не столь удивителен: и во главе подгальского восстания 1651 г. также стоял шляхтич Наперский.⁴ Очевидно,

¹ Анонимное письмо от 7 июня 1651 г. расходится с этими данными лишь в деталях. Оно подтверждает, что Гжибовский руководил 80 эмиссарами; среди них называется Кулаковский, три брата Бжозовских „i inszej szlachty nie mało“. Показания эти даны, по сведениям письма, несколькими захваченными эмиссарами под пыткой (Wawor., № 235, s. 64; Ossol., № 2286, s. 156).

² Один лишь Освенцим упоминает еще двух Гжибовских — поляков, среди них — староста варшавский (ср. O ś w i ę c i m, s. 306).

³ O ś w i ę c i m, s. 324; письмо от 7 июня 1651 г. (Wawor., № 235, s. 64; Ossol., № 2286, s. 156).

⁴ Этот факт, впрочем, ставится под сомнение (без приведения аргументации) в некоторых появившихся за последнее время работах. См. нашу статью „Крестьянское восстание в Подгалье в 1651 г.“ во II т. „Ученых записок Ин-та славяноведения“, стр. 186.

что мы имеем здесь дело с представителями той прослойки шляхетского сословия, так называемой шляхты-„голоты“, которая сохраняла лишь юридическую связь со своим привилегированным сословием, но в экономическом и политическом отношении находилась за рамками господствующего феодального класса. Не имея поместий, не включаясь в силу экономических условий и сословных предрассудков в состав горожан, эта деклассированная мелкая шляхта находила себе применение на военной службе, на службе магнатов и т. д. Но, наряду с продажной клиентелой магнатов, среди шляхты-„голоты“ могли встречаться и отдельные элементы, настроенные оппозиционно в отношении существующего государственного и общественного строя Речи Посполитой, склонные в эту эпоху серьезных потрясений примкнуть к тем силам, которые боролись за разрушение или, по крайней мере, за изменение этого строя. Примеры такого рода мы встречаем в истории освободительной войны украинского народа под руководством Хмельницкого. Разумеется, такие шляхтичи-„попутчики“ имели свои цели, весьма отличные от тех, к которым стремился украинский народ или восставшие польские крестьяне. Они были лишь временными и ненадежными союзниками народных движений, но на первом этапе движения (а польские крестьянские движения 1651 г. не вышли за рамки самой ранней стадии движения) это могло еще не сказываться.

Агитаторы эти появились в Великой Польше довольно рано. Кулаковский, рассказывая о себе, говорит, что после Зборовского мира он служил пану Гейскому (Hejskiemu)¹ в хоругви Бутлера, стоявшей в Остшешове. Здесь он заболел и отстал от хоругви, ушедшей из Остшешова в начале 1651 г. Здесь же он познакомился с Гжибовским и уже перед масленицей пришел с ним в Познань. Гжибовский имел грамоты от польских коронных гетманов, удостоверявшие, что он был в плену у татар и собирает себе на выкуп выкупа. Кулаковский считает эти грамоты подложными, так как Гжибовский не показывал их в шляхетских домах и усадьбах, а только там, где не было панов. Дойдя до Познани, они остановились у рынка, в домике некоего Якуба Колоджея, куда вскоре сошлись и другие агитаторы. Здесь, обещая в награду богатую добычу (*praedam optam*), Гжибовский завербовал Кулаковского к себе в отряд. Кулаковский присягой обязался быть с ним заодно, не выдавать никого из агитаторов и усердно помогать им в работе.

В чем заключалась эта работа? Я уже приводил выше отрывок из показаний Кулаковского, в котором говорится о том, что члены этого отряда выясняли положение крестьян у тех или иных панов, агитировали крестьян, побуждая их поднять восстание, изучали возможные препятствия на пути восстания. Интересна характеристика этой агитации, приведенная в хронике Вимины: „Они всюду сеяли надежды на те выгоды, которые им обещает Хмельницкий, и дискредитируя польское оружие, восхваляли решение крестьян, имевших смелость выйти из тяжелого положения, в котором их держали хозяева“.² Это было лишь подготовительной работой. Восстание должно

¹ Возможно, что этот Hejski—Giza или Gissa — майор полка надворной королевской пехоты, родственник Рудавского. В числе командиров этой надворной пехоты числится и подполковник Бутлер (см. *O ś w i ę c i m*, s. 292).

² *Vimina*, p. 254.

было начаться тогда, когда шляхтичи выступят из поветов на посполитое рушение. К этому времени должно было собраться новое совещание агитаторов, уже не в Познани, а близ села Цёнжень (Ciążeń) в Калишском воеводстве. Повидимому, уже тогда восстание было в значительной мере подготовлено, так как место совещаний было избрано в районе будущего восстания. На этом совещании Гжибовский должен был указать каждому район его действий; после совещания намечался переход от разведки и агитации к активным действиям: агитаторы должны были поднять крестьянские восстания, сжигать шляхетские дома и усадьбы, „одним словом, — говорит источник, — творить всяческое зло“.¹

Хотя источник и не указывает, имело ли место это совещание, однако, судя по всем данным (посполитое рушение выступило, Кулаковский задержан близ Цёнжени, восстание началось сразу же после его ареста), оно состоялось или незадолго, или сразу же после ареста Кулаковского. Возможно, что арест Кулаковского ускорил начало восстания. Кулаковский был доставлен к суррогату вечером 2 июня (w przeszły piątek) и уже на следующий день дал все свои показания. Показания эти были даны, вопреки мнению Грушевского, не под пыткой, так как после изложения их автор письма пишет: „вчера мы судили этого Кулаковского по всем законным предписаниям (in forma per omnes iuris instatias) и постановили подвергнуть его пытке“.² Дальнейшие показания Кулаковского неизвестны. Весть об аресте Кулаковского, а затем и некоторых других эmissаров могла побудить Гжибовского начать восстание немедленно.

Так или иначе, но уже 7 июня тот же самый круликовский арендатор Адам Недзвецкий, который задержал Кулаковского, сообщает о том, что восстание началось.³

Остановлюсь коротко на вопросе о районе восстания. Рудавский говорит, что восстание происходило в окрестностях Познани.⁴ (Эту ошибку Рудавского, между прочим, повторил Костомаров). Вимина, Торрес и Освенцим говорят лишь о Великой Польше. Однако частые упоминания у них познанского епископа, как подавителя восстания, подтверждают на первый взгляд указания Рудавского. Может ввести в заблуждение также и фраза из показаний Кулаковского, что основной район агитации находился между Познанью и Междуречьем.⁵ Междуречье (Мендзыжеч) это было меж тем не поветовым центром, лежащим на запад от Познани, а менее известным местечком, лежащим более чем на 100 км к востоку от нее. Здесь, на среднем течении Варты, между Пыздрами и Конином, в Калишском воеводстве, и произошло восстание.

¹ Oświęcim, s. 325.

² Oświęcim, s. 325. — В письме от 7 июня 1651 г. говорится, что показания были даны под пыткой, но оно содержит более поздние сведения, и в нем, очевидно, объединены показания, данные Кулаковским, с показаниями, данными другими захваченными уже к тому времени эmissарами во время пытки. Так, в этих показаниях (в отличие от приводимых в письме Твардовского от 4 июня показаний Кулаковского) точно указывается место начинающегося восстания и т. п.

³ Oświęcim, s. 325. — Об этом же, по сути дела, говорит и анонимное письмо от того же 7 июня (Bawor., № 235, s. 64; Ossol., № 2286, s. 156).

⁴ Rudawski, p. 75: circa Poznaniem.

⁵ Oświęcim, s. 324: za Poznaniem ku Międzyrzeczowi.

Базой восстания были, кроме названного уже Цёнженя, расположенные в том же районе деревни Лонд (иначе Лёнд), Лондек, Ярошин, Ковалёвек, Воля. Восставшие начали собираться в бору, близ деревни Круликов. Уже первое сообщение круликовского арендатора Недзвецкого от 7 июня говорит о том, что восставших было 2 тыс. чел. Эту же цифру называет и Торрес.¹ Анонимное письмо от 7 июня говорит о 800 восставших.² Рудавский³ и Вими́на⁴ ограничиваются указанием на многочисленность восставших. Восставшие организовались по военному образцу, ротмистром их был Гжибовский. Они начали укрепляться в круликовском лесу, рыли окопы, делая одновременно вылазки, во время которых уже к 7 июня сожгли несколько окрестных мельниц.⁵

На этом сообщении обрываются, к сожалению, материалы Освенцима и письма от 7 июня 1651 г. Дальнейшая история восстания известна нам по кратким заметкам Вими́ны и Торреса.

Известие о восстании сильно встревожило познанского епископа Казимира Флориана Чарторыйского, управлявшего во время посполитого рушения краем, и варшавский двор. Епископ, поместья которого, между прочим, были расположены в районе восстания (в числе их был Цёнжень), немедленно выслал из Познани для подавления восстания 200 чел. своей надворной конницы. Во главе отряда стал лендский аббат. Этот отряд вскоре был усилен тремя сотнями конницы, посланными из Варшавы королевичем Карлом Фердинандом. Все это делалось, как указывает Торрес, с большой поспешностью, и силы для подавления восстания были стянуты буквально в несколько дней. С этими двумя отрядами лендский аббат напал на круликовский лес и разбил восставших. Нам неизвестны подробности сражения. Вими́на объясняет поражение восставших тем, что „крестьяне либо не имели мужества сопротивляться, либо не сумели ввести военный порядок и военную дисциплину“.⁶ Истинной причиной поражения было скорее всего плохое вооружение, а правильнее сказать — безоружность крестьян, по сравнению с прекрасно вооруженным противником.

Сразу же после этого началась расправа. Четверо из руководителей восстания были схвачены (вероятно, этому помогли подробные описания их Кулаковским) и посажены на кол, двое других скрылись в лесах. Ни имен казненных, ни имен скрывшихся Вими́на и Торрес не указывают.

Подавление восстания и расправа с восставшими совершились так быстро, что находившийся в Варшаве Торрес описывает их уже 24 июня.

В заключение не лишним будет привести те оценки, которые дают этому восстанию наши источники.

Письмо анонима от 7 июня призывает как можно скорее расправиться с восставшими и „предупредить зло, чтоб мы не пришли к окончательному упадку“.⁷

¹ Oświęcim, s. 325; донесение Торреса от 24 июня 1651 г., Жерела, стр. 122.

² Bawor., № 235, s. 64'; Ossol., № 2286, s. 156.

³ Rudawski, p. 75: confluerat agrestium multitudo.

⁴ Vimina, p. 254: di fare numerosa raccolta d'huomini inquieti.

⁵ Oświęcim, s. 325; письмо от 7 июня 1651 г. (Bawor., № 235, s. 64'; Ossol., № 2286, s. 156).

⁶ Vimina, p. 255.

⁷ Bawor., № 235, s. 64'; Ossol., № 2286, s. 156—156'.

Торрес кратко замечает: „Можно было страшиться опасного пожара и возможности быть окруженными“ (в Варшаве!).¹

Ему вторит Рудавский: „Таким образом, в это время Короне Польской угрожали такие опасности, столько бед от врагов, столько народных возмущений, что божественной помощью нужно считать то, что король осилил враждебную ему богиню“ (т. е. Беллону).²

И наконец, Вими́на дает следующее поучение; „Таким образом, в самом начале был задушен бурный мятеж, который, имея он время разрастись, мог бы оказаться не менее вредным в Польше, чем мятеж казаков в России [т. е. украинских землях.—И. М.]. Скорое решение и быстрота в использовании удобного случая очень ценны, особенно при мятежных волнениях, которые, если не оказать им быстрого сопротивления, становятся впоследствии не только затруднительными, но и непреодолимыми. Небрежность в таких случаях может быть названа матерью всякого развала, откуда возникают* в день тысячи беспорядков, и наоборот, нет вещи более служащей противовесом росту этих зол, как аккуратное внимание тех, кто управляет, и быстрота, которая является всегда помощником всякого успеха“.³

Крестьянское движение 1651 г. в Великой Польше привлекало меньше внимание и современников и историков, чем восстание, руководимое Наперским. Это объясняется различными причинами, важнейшей из которых, если мы говорим о современниках, следует считать то, что восстание в Подгалье создавало непосредственную опасность столице — Кракову и могло облегчить вторжение в Польшу Ракочи. Однако и по своему характеру, и по своим масштабам эти движения сходны. Быстрое подавление этих восстаний показывает, что шляхетская Речь Посполитая продолжала еще оставаться серьезной силой, что феодальное государство зорко охраняло интересы господствующего класса. Судьба польских крестьянских восстаний 1651 г. свидетельствует о том, какой гигантской мощью обладало освободительное движение украинского народа, сумевшее не только противостоять шляхетской Речи Посполитой, но и одержать над нею блистательные победы, нанести ей удар, от которого в полной мере она уже никогда не оправилась.

Несмотря на свою локальность и непродолжительность, польские крестьянские движения 1651 г. имеют большое историческое значение. Они, наряду с другими движениями польского крестьянства, являются живым опровержением легенды, созданной шляхетско-буржуазной историографией, о вековой покорности и инертности польского крестьянства, о том, что крестьянские восстания в феодальной Речи Посполитой происходили лишь на „kresach“, на украинской и белорусской земле и имели якобы не столько социальный, сколько национально-религиозный характер. Вместе с тем восстание 1651 г. в Великой Польше имеет еще то значение, что оно опровергает более узкий „вариант“ той же легенды, согласно которому польские крестьянские движения признавались, но ограничивались узкими географическими рамками польского Прикарпатья — Подгалья, где „условия и настроения крестьянства несколько напоминали Украину“.⁴ Особенности усло-

¹ Жерела, стр. 122.

² Rudawski, p. 75.

³ Vimina, p. 255.

⁴ Wł. Konopczyński. Dzieje Polski nowożytnej. Warszawa — Kraków, 1936, т. II, s. 11.

вий горного района, близость границы, участие в восстании непольского крестьянства и т. п. — все эти обстоятельства упоминаются польскими буржуазными историками, когда речь идет о восстании в Подгалье, с целью уменьшить его историческое значение, придать ему характер случайного, нетипичного эпизода. Будучи попыткой с негодными средствами в отношении восстания в Подгалье, эти ухищрения вообще невозможны в отношении восстания в Великой Польше. Это в определенной мере объясняет, почему буржуазная наука почти полностью игнорировала это движение. Тем больше оснований у нас обратить на него самое пристальное внимание.

А. И. Баранович

НОВЫЙ ГОРОД ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ XVI в. (ОСНОВАНИЕ СТАРОКОНСТАНТИНОВА)

Польша XVI в. неуклонно и настойчиво стремилась к захвату Украины; паны и шляхта жадно протягивали руки к ее богатствам. Внимание захватчиков приковывали к себе не только богатства природы этой страны; их прельщали главным образом богатства, созданные трудом местного населения.

Исследуя жизнь Украины XVI ст., мы видим, что она достигла высокой для того времени ступени хозяйственного и общественного развития. Польская шляхетско-буржуазная историография утверждала, что польская шляхта имеет „исторические заслуги“ по превращению пустынной и отсталой Украины в цветущую страну. Этим утверждением еще недавно козыряли реакционные группировки Польши в борьбе за свое господство в Польше, за колониальное порабощение Украины и Белоруссии. Анализ общественной жизни Украины XVI в., развития в ней классовой борьбы необходим и для того, чтобы понять, как могло случиться, что многочисленный, народ, находящийся на сравнительно высокой ступени развития, народ с многовековыми культурными традициями, с культурой более древней, чем культура его поработителей, стал жертвой шляхетских захватчиков, попал в новое тяжелое рабство, приведшее его к крайней степени упадка и унижения. Попыткой хотя бы частично ответить на эти вопросы и является данная статья. В ней рассматривается жизнь одного из районов Украины XVI в., район г. Староконстантинова, находящегося в южной части Волынского воеводства. Автор пытается проследить жизнь этого района в связи с общей хозяйственной обстановкой Украины XVI в.

Основные источники, использованные автором, — неопубликованные архивные материалы. Это, прежде всего, частновладельческие архивы: архив графов Ржевусских, владевших Староконстантиновом в начале XIX в.; архивы князей Вишневецких, графов Мнишков, владевших соседними районами. Используются также акты Киевского Центрального архива древних актов. Привлечен, разумеется, и опубликованный архивный материал, относящийся к данной теме.

I

Территория, на которой расположен Староконстантинов, в XVI в. была густо заселена. Реестры поборов второй половины XVI в., опубликованные А. Яблоновским, показывают, что почти все существующие в наше время населенные пункты имелись и тогда.

В окрестностях Староконстантинова в 1583 г. побор платили следующие деревни: Старики и Новики — от дымов 41, от огородников 14; Григоровка — от дымов 19, от огородников 13; Поповцы — от дымов 17, от огородников 11; Свинная — от дымов 14, от огородников 8; Сахновцы — от дымов 11, от огородников 9; Гребеник — от дымов 13, от огородников 6; Демковцы — от дымов 12, от огородников 5, от ремесленников 2; Красноселка — от дымов 9, от огородников 7.¹ Исследователи поборов второй половины XVI в. считают дым равным половине лана.² Яблоновский считает, что в среднем на одном лане жило „18 голов“ крестьян.³ Если мы будем считать в хозяйстве крестьянина в среднем пусть даже 6 человек, то окажется, что в Стариках и Новиках — 330 чел., в Григоровке — 192, в Поповцах — 168, в Свинной — 132, в Сахновцах — 120, в Гребенике — 114, Демковцах — 102. Реестры побора показывают нам значительные для XVI в. населенные пункты; в действительности же они были еще большими, так как известно, что закон освобождал от обложения хозяйства, даже целые поселения, новозаселенные, погорелые, разоренные войной, набегами.⁴ Количество объектов, подлежащих обложению, указывали сами владельцы имений, правильность показаний не контролировалась. Известно, что паны-шляхта всячески уклонялись от уплаты налогов и имели полную возможность это делать; особенно безответственно обманывали свое государство магнаты, а указанные деревни принадлежали крупнейшему из них — князю Константину Острожскому. Поэтому мы вправе предположить, что число объектов, подлежащих обложению, было большим, чем показано в списках побора: и деревень было больше, и жителей в них было больше.

Хозяйственное развитие этой густозаселенной территории явно достигало высокого уровня. Повинности крестьян чаще всего выступают в виде денежной ренты. Люстрация Кременецкого замка 1552 г. так описывает „повинности волости всей“: „Со всей волости от тяглых людей приходит с дворища по 40 грошей литовских, овса по 4 мерки. . . а отдельно от каждого человека приходит от кабанов и баранов двадцатое“. Со всей волости „в этом году пришло кабанов 14, а баранов — 47“. Наконец, дают „с каждого дворища тому, кто чинш носит, по грошу. . . А больше того никакой работы ни подачки от них нет“.⁵ В 1563 г. в Кременецком старостве проведена волочная помера, причем это сопровождалось дальнейшим увеличением денежной ренты, все более оттеснявшей на задний план ренту отработочную и ренту продуктами. Повинности крестьян в люстрации 1563 г. обозначены так: „Согласно уставу его королевской милости, с померенных волок данной волости прежде

¹ Źródła dziejowe, t. XIX. Warszawa, 1889, s. 128—130.

² A. Jabłonowski. Wołyń i Podole. Pisma, t. IV. Warszawa, 1911, s. 140.

³ Ibid., s. 145.

⁴ Volumina legum, t. II, p. 192.

⁵ Архив Юго-Западной России (в дальнейшем: Арх. ЮЗР), ч. VII, т. II. Киев, 1890, стр. 30.

всего должны платить от каждой волоки средней почвы по 40 грошей, от каждой волоки плохой почвы — по 30 грошей, от морга сенокосной земли — по 8 грошей, от морга сенокоса в дубравах — по 4 гроша". „Теперешним новым постановлением подданные освобождены и исключены от пригонов и от десятин... которые раньше давали от овец и свиней... а также от даванья овсов", тех четырех мерок „меры Кременецкой", которые раньше вносили от каждого хозяйства кременецкому старосте. Но, „дабы тот замок Кременецкий, как украинный", все же „был снабжен продовольствием, должны будут давать от каждой волоки по $\frac{1}{2}$ бочки ржи и овса по $\frac{1}{2}$ бочки". От полевых работ на замок подданные освобождены; их нельзя принуждать „давать неводы", „волочить пруды", „забивать язы", строить дворы. Землю, оставленную для нужд замка, будут обрабатывать приписанные к фольваркам для работ огородники. Эти огородники должны выполнять и работы в прудах замка. Если они не смогут управляться с возложенной на них работой, то дополнительная рабочая сила должна привлекаться путем найма. „А подданных из волости принуждать к этому ни в коем случае нельзя". Работать подданные обязаны лишь во время уборки сена: заготовить для замка сено, во-время его убрать, отвезти в замок либо фольварк. Кроме того, согласно давнему обычаю, подданные обязаны „сыпать труды". Сверх описанных в этом документе повинностей и взносов, никаких других подданные выполнять не должны — „ни стаций давать, ни в подводы ездить".¹

Староконстантинов находился на территории Кременецкого уезда. Надо полагать, что условия, приведшие к возникновению денежной ренты в Кременецком старостве, существовали и в окрестностях Староконстантинова. Не имея непосредственных данных об интересующей нас территории, предположение это можно проверить, рассмотрев сведения о территориях окрестных. Не было ли введение денежной ренты в Кременецком старостве искусственным? Не находилось ли Кременецкое староство в условиях исключительных?

Кременецкое староство расположено к северо-западу от Староконстантинова; к югу от Староконстантинова — Подольское воеводство. В 1565 г. была произведена люстрация Каменецкого староства. Выяснилось, что в ближайших к району Староконстантинова селах Горбачеве и Голенищеве крестьяне „сидят на чинше", т. е. денежная рента там является основной. Каждый из крестьян-хозяев „дает ежегодно чинш по 20 грошей, а подымного — по 2 гроша". Кроме того он выплачивает дань и продуктами: дает овса по третиннику, дани пчельной — десятый улей; дает двадцатую свинью, двадцатого барана, раз в 5 лет вола. В Горбачеве пятая часть хозяев платила только чинш — по 2 злотых в год, продуктов никаких не давала; в Голенищеве таких хозяев — 3 (из общего количества — 23), не считая „свободных".²

К востоку от Староконстантинова расположено староство Хмельницкое. Люстраторы этого староства в 1565 г. записывают существующую здесь ренту денежную и ренту продуктами. Повинности крестьян подавляющего большинства деревень таковы: платят чинш разных размеров, подымное — по 2 гроша от хозяйства, дают овес — размер овсовой дани разный, дают от хозяйства по 2 курицы, по 10 яиц,

¹ Арх. ЮЗР, ч. VII, т. II, стр. 110—111.

² Там же, стр. 183—185.

десятый пень с пчелами, двадцатого барана, десятую свинью, раз в 7 лет — вола или корову. В Винниковцах годовой чинш с хозяйства составляет 26 грошей и 2 шеляга, годовой взнос овса 6 третинников; в Иовче и Трибуховцах чинша вносят 30 грошей, овса 6 третинников; в Дубовой — чинша 13 грошей и 1 шеляг, овса 2 третинника; в Чудиковцах — чинша 13 грошей и 1 шеляг, овса 2 третинника; в Куликове — чинша 12 грошей, овса 2 третинника. В 1565 г. в Хмельницком старосте третинник овса стоил 5 грошей, 2 курицы — 1 грош, улей с пчелами — 20 грошей, баран — 12 грошей, кабан — 1 золотый, вол — 2 золотых. В переводе на деньги дань продуктами, взимаемая с „тяглых крестьян“, составляет в Винниковцах 103 золотых 8 грошей: куры и яйца — 1 золотый и 16 грошей, овес — 33 золотых, ульи с пчелами — 13 золотых 10 грошей, бараны — 12 золотых 12 грошей, кабаны — 21 золотый, вола — 22 золотых. Деньгами внесли крестьяне подымное и чинш — 30 золотых 16 грошей; кроме того, „урочные“ крестьяне внесли деньгами 12 золотых 12 грошей, „свободные“ крестьяне — подымного 22 гроша. Таким образом, не считая корчмаря, крестьяне внесли деньгами 43 золотых 20 грошей. Такова в основном картина и в других деревнях.¹ Денежная рента в Винниковцах составляет около 30% общей суммы ренты. На некоторые из продуктов, взимаемых с крестьян натурой, существует на рынке постоянный и большой спрос. Это, в первую очередь, вола, бараны, ульи. Крестьянин мог бы продать их и уплатить помещику вместо них деньгами, что составило бы 47 золотых 22 гроша, т. е. больше 40% той суммы, в которой оценены все продукты, вносимые крестьянами с Винниковац. Очевидно, помещик требует эти продукты натурой не для собственного потребления, а для продажи.

По данным люстрации 1552 г. Луцкого староста, денежная рента имеет очень большой удельный вес в повинностях крестьян. Крестьяне с. Колчина дают „стародавнего плата“ 50 грошей, на рождество и в день Николая — по 100 грошей; кроме того, с дворища ежемесячно по очереди — по 50 грошей. Дворищ в деревне 14; следовательно, на одно дворище приходится 50 грошей раз в 14 месяцев. Крестьяне этой деревни, наряду с земледелием, занимаются гончарным промыслом. Ежемесячно они дают с двора, в порядке очереди, по 5 дойниц и по 5 глиняных кувшинов. Остальные взносы — продуктами: в день Симона — по 2 курицы с дворища; в „колядки“ — по 6 грошей и 100 яиц. Удельный вес отработочной ренты среди крестьянских повинностей незначителен: „служат толоки“ — 2 дня жнут, 1 день косят; набивают лед в 2 ледника, причем лед сами не возят: его доставляют крестьяне с. Подгаец. Была еще одна повинность, связанная с тем, что село находится вблизи Луцка: крестьяне „поднимали“ посла, едущего из Орды; давали сколько потребуется телок, баранов, гусей, кур, пива, меда, хлеба.²

В Подгайцах того же староста крестьяне промыслами не занимаются, и удельный вес денежной ренты меньше; всё же денежные взносы являются и здесь основным видом повинностей. Крестьяне с. Подгаец платят в год 40 гр.; дают „ральца“ 50 калачей, 5 кур, 50 яиц; на рождество — 50 калачей, 5 кур. Работа, требуемая с них,

¹ Арх. ЮЗР, ч. VII, т. II, стр. 140—148.

² Там же, т. I. Киев, 1886, стр. 178—179.

сравнительно не велика: пашут 3 толоки (одну — весной, другую — подымая пар, третью — осенью); 3 дня жнут; молотят на гумне; кроме того, огораживают гумно, покрывают сараи для свиней, овец, телят; наконец, тоже „поднимают“ посла из Орды.¹ Такой же характер имеют повинности крестьян с. Радомышля того же староства. Крестьяне Радомышля платят в год 100 гр., дают на пасху 100 калачей и 100 яиц; на рождество — 100 калачей, 3 четверика овса, 12 кур. Работают 7 дней в году: пашут весной 1 день, пар поднимают — 2 дня, 1 день „ралят“, 3 дня жнут.² Итак, вокруг исследуемого нами района на большой территории мы видим значительное развитие денежной ренты.

Нам известно, что для развития денежной ренты необходимо превращение части продуктов крестьянского хозяйства в товар, производство их как товара, а это возможно при развитии торговли, городской промышленности, денежного оборота. Анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов позволяет составить более конкретное представление о том, какие именно продукты и в каких размерах превращаются в товар, вырабатываются как товар; каких размеров достигала торговля и денежный оборот; насколько была развита городская промышленность.

Городов в середине XVI в. в воеводствах Волынском и Подольском было много. На основании реестров поборов в Волынском воеводстве во второй половине XVI в. насчитывают 68 городов и 1633 деревни (1 город на 24 деревни),³ в Подольском воеводстве — 37 городов и 650 деревень (1 город на 17,6 деревень).⁴ Число городов возрастает. Известно, что весьма значительная часть городов, упоминаемых в реестрах побора, стала городами в XVI в. В конце XVI — начале XVII в. число городов продолжает расти. При рассмотрении списков подымного Волынского воеводства за 1629 г. мы видим в этом воеводстве 114 городов, а всех населенных пунктов 2219 (1 город на 19,4 деревень).⁵ Города эти достигают значительных размеров. В 1629 г. в Волынском воеводстве было 4 города, каждый из которых имел более 1000 жилых строений; 11 городов с числом жилых строений от 500 до 1000; 9 городов с числом жилых строений от 400 до 500.

Приведенные цифры показывают, что эти города не были городами лишь по названию, а представляли собой торговые и ремесленные центры, притом не малые. Обратимся к реестрам побора. Показания реестров свидетельствуют о значительном развитии городского ремесла. В 1570, 1577 и в 1583 гг. в Луцке платили налог 201 ремесленник, Ковеле — 139, Остроге — 101, Владимире — 70, Торчине — 69, Дубно — 62.⁶ В городах были ремесленники разных отраслей промышленности. Было много ткачей; реестры поборовые упоминают стригунов, шаповалов, портных. Уплачен в Луцке побор 20 меховщиками, Владимире — от 12, Торчине — от 10. Очень много сапожников; отдельно упоминаются шорники, отдельно — седельники. Было много специалистов по обра-

¹ Арх. ЮЗР, ч. VII, т. I, стр. 179.

² Там же, т. II, стр. 181.

³ A. Jabłonowski. Op. cit., s. 129, 136.

⁴ Ibid., s. 129, 137.

⁵ О. Баранович. Залюднення України перед Хмельниччиною. Волинське воеводство. Київ, 1931, стр. 21, 140.

⁶ Źródła dziejowe, t. XIX, s. 49, 24, 37, 11.

ботке металла: кузнецы, слесари, встречаются сабельники, медники. Были специалисты и по обработке дерева: плотники, бочары, каретники, лучники. В Луцке, Ковеле, даже Збараже в поборовых реестрах мы встречаем и золотых дел мастеров; упоминаются солодовники, пивовары, винокуры. Но даже в перечислении профессий поборовые списки неполны: ремесленных профессий в этой местности было гораздо больше. Возьмем, например, люстрацию Кременца 1563 г. В ней нет перечисления ремесленников, переписаны хозяева усадеб по отдельным улицам, но возле некоторых фамилий и имен сделаны приписки, обозначающие профессию хозяина усадьбы — поп, дьяк, пастух, рыбовод и т. д. Встречаем и такие приписки: колесник,¹ токарь,² стрельник,³ мечник,⁴ олейник.⁵

Эти ремесленники уже в значительной степени оторвались от сельского хозяйства. Налицо и большое количество ремесленников, совершенно порвавших с земледелием. При взимании побора 1577 г. в г. Остроге внесен побор со 101 „дома убогого“; хозяева домов — ремесленники. „Убогие“ не имеют ни поля, ни огородов и живут исключительно доходами от ремесла; платят от дома по 1 грошу, от ремесла — по 4 гроша.⁶ О том, что главным занятием ремесленников, живущих в городах, становится ремесло, свидетельствует распространенность в них института подмастерьев — „товарищей“ ремесленников. Даже в реестрах поборовых они выступают заметными группами. В 1570 и 1577 гг. уплатили налог в Остроге 28 „товарищей“ ремесленников, в Торчине — 16, Берестечке — 12, Дубне — 8, даже в небольшом городке Свинюхах — 6.⁷

Рынком для ремесленных изделий были прежде всего окрестности данного города; главный покупатель — крестьянин соседних сел. Ткачи изготавливают и тонкие полотна, и простые; изготавливают плахты.⁸ Меховщики в большинстве обрабатывают меха простые — овечьи.⁹ Ремесленники-металлисты изготавливают топоры, мотыги, долота, щипцы, подковы, железо для плугов, плуги, цепи, сковороды.¹⁰ Продажа ремесленных изделий производится главным образом на местном рынке, но они встречаются и на рынках отдаленных. Сукна, сермяги, шубы, изготовленные в Торчине, Клевани, Олыке, продаются в разных городах, в том числе и Луцке.¹¹ В лавках Луцка продаются разные железные изделия, явно не местного производства.¹² Деревянные изделия развозят по ярмаркам. Появляются скупщики ремесленных изделий, которые развозят их по разным районам. В 1539 г. король рассматривает жалобу луцких цеховых мастеров на нарушение их цеховой монополии такими скупщиками-торговцами. Скупщики дают выделывать сукна, сермяги, шубы ремесленникам Клевани, Торчина, Олыки, а также

¹ Арх. ЮЗР, ч. VII, т. II, стр. 53.

² Там же, стр. 43.

³ Там же, стр. 46, 51, 53.

⁴ Там же, стр. 53.

⁵ Там же, стр. 46, 47.

⁶ *Zródła dziejowe*, t. XIX, s. 37.

⁷ Там же, s. 11, 12, 13, 37, 76.

⁸ Арх. ЮЗР, ч. I, т. VI. Киев, 1883, стр. 98.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 243; ч. VI, т. I, Киев, 1876, стр. 151.

¹¹ С. А. Бершадский. Русско-еврейский архив, т. I. СПб., 1882, стр. 230.

¹² Арх. ЮЗР, ч. VII, т. I, стр. 182.

16 Ученые записки, т. III

других городов и сел княжеских и панских в Волинской земле, „а изготовленное продают в Луцке, либо других местах Волини и от этого себе немалый доход имеют“.¹

Отделяясь от сельского хозяйства, ремесло развивалось и совершенствовалось. Были мастера высокой квалификации. Большого умения требовало, например, изготовление мечей и сабель; в городах Волини в XVI в. были и мечники и сабельники. Местным ремесленникам давали заказы и представители феодальной аристократии.² В церквах было много предметов художественной работы, изготовленных местными мастерами; они выполняли резьбу по дереву, ювелирные, живописные работы и т. д.

Развивающиеся, растущие города нуждались в сельскохозяйственных продуктах. Им нужно было сырье для промышленности и продукты для оторвавшегося от земледелия населения. Мы видели в г. Остроге ремесленников, совершенно порвавших с земледелием.³ Такие ремесленники были и в других городах. Реестры побора 1577 г. показывают в Степани и Полонном ремесленников, не имеющих ни поля, ни огородов. Но даже те ремесленники, которые имели собственные огороды, нуждались в продуктах сельского хозяйства и покупали их на рынке. Покупали продукты питания и торговцы. В некоторых городах торговцев было не мало. В 1570 г. реестры поборовые показывают в Ковле 111 торговцев.³ В люстрации г. Кременца 1563 г. мы видим среди рынка, возле ратуши, 70 торговых помещений.⁴ В какой степени эти торговцы были связаны с землей, мы не знаем. Но, учитывая, что многие из них отдавали торговле значительное количество времени, можно предположить, что совмещать торговую деятельность с земледелием им было трудно. В списках побора прямо указываются группы торговцев, не имеющих ни полей, ни огородов, например, в Полонном. В 1577 г. в Степани, Дорогобуже встречаем группы торговцев, имеющих лишь огороды. Были городские жители, не имевшие не только земли, но и своего дома — „коморники“, снимавшие квартиру; был люд, по мнению помещиков, „праздношатающийся“ (luźny). В 1570 г. коморников показано в Берестечке 35, Одыке — 31, Кременце — 19; „праздношатающихся“ в Кременце — 19, Литовиже — 17, Берестечке — 12. Наконец, совершенно не связано было с землей еврейское население города. В 1552 г. люстраторы насчитывали в Кременце 18 домов евреев, в Луцке — свыше 50.⁵

В городах были уже установлены определенные базарные дни. Конечно, на базар выносят сельскохозяйственные продукты и земледельцы-горожане (их было много). Привозили в город на базар продукты и крестьяне из сел. В Кременце в торговый день крестьяне не только староства, но и шляхетских имений имели право привозить и продавать в розницу свои продукты. Крестьянам предоставлялось право привозить в город и продавать все, что они „добыли дома, в поле, в лесу“.⁶

¹ С. А. Бершадский. Ук. соч., стр. 230.

² „Жизнь кн. Курбского“, т. I. Киев, 1849, стр. 310—314.

³ Źródła dziejowe, t. XIX, s. 24.

⁴ Арх. ЮЗР, ч. VII, т. II, стр. 42.

⁵ Там же, стр. 30; т. I, стр. 176—177.

⁶ Там же, ч. VII, т. II, стр. 72, 112.

О существовании в городах значительного и постоянного спроса на продукты питания свидетельствует наличие в городах постоянных профессий пекарей, мясников. Поборовые списки в 1583 г. показывают пекарей: в Луцке — 23, Олыке — 24, Владимире — 11, Клевани — 7, Горохове — 6, Збараже, Ямполье, Вишневце, Локачах, Турийске — по 4. Мясники в Кременце продают мясо воловьёе, свиное, баранину, телятину.¹ В городах много водочных котлов, солодовен, пивоварен. Корчем в Луцке в 1552 г. было 44; в корчмах продавали водку, пиво, мед. Необходимое для производства сырье винокуры, пивовары, медовары скупали у крестьян. В документах зачастую упоминается о привозе в город крестьянами зерна, солода, пресного меда. Меховщики, сапожники, шорники, седельники покупали овчины, кожи. Городские торговцы разъезжали по деревням, покупали „всякие рыночные вещи“, продавали их в своем городе на базаре или даже вывозили в другие города.²

Нельзя забывать, что сельскохозяйственные продукты находили спрос не только на местном рынке: их вывозили с давних времен и за границу. Из грамоты 1427 г. короля Владислава Ягайла мы узнаем, что купцы г. Львова „ходят“ с волами и другими товарами во Вроцлав.³ Львовские купцы гнали из Молдавии волов, лошадей, овец, свиней; из Трансильвании — лошадей. Но могли же они находить для экспорта лошадей, волов, овец, свиней и в окрестностях Львова, и в близлежащих воеводствах Волынском и Подольском. Действительно, львовские купцы покупали скот и там. В 1473 г. Станислав из Ходча, воевода Русский и Подольский, продал Михаилу Вильчку, мещанину г. Львова, 700 волов.⁴ Покупали волов и на Волыни.⁵ В XVI в. в воеводствах Волынском, Подольском, Брацлавском были купцы, ведшие крупную торговлю волами. В 1532 г. купец г. Винницы, Михель, купил в Молдавии 2080 волов; купец г. Острога, Исачко, купил 1500 волов, а Дашечко — 309 волов. Кроме упомянутых, Михель имел в Остроге 120 волов; острожские купцы имели 1000 волов, а дубенские — 300.⁶ Местные купцы покупали скот в городах, в селах княжеских и панских, закупали его на ярмарках.⁷ Приблизительное представление о том, какое количество скота в XVI в. гнали в Западную Европу из Западной Украины, Волыни, Подолии, Южной Украины и, кроме того, через Западную Украину из Молдавии и татарских земель, — дают нам сведения, приводимые М. С. Грушевским, о прогоне скота через Краковскую таможню.⁸

Год	Волы	Иной скот
1510	4 424	1909
1523	3 850	857 (из них лошадей 33)
1533	30 118	695 („ „ „ 630)
1542	18 297	1265 („ „ „ 163)

¹ Арх. ЮЗР, ч. VII, т. II, стр. 73.

² Там же, стр. 72.

³ Acta grods. i ziem. we Lwowie, t. V. 1875, act. XXI, s. 55.

⁴ Ibid., t. VI, s. 172.

⁵ Archiwum Sanguszków, t. III, Lwów, 1890, s. 395.

⁶ С. А. Бершадский. Ук. соч., стр. 184.

⁷ Там же, стр. 232.

⁸ М. С. Грушевський. Студії з економічної історії України. Київ, 1918, стр. 34.

На запад везли большое количество кож. Через тот же пункт провезено в 1510 г. — 31 781 штука, в 1523 г. — 7578, в 1533 г. — 89 173 (из них: воловых — 66 707, других — 22 466, овчинок — 1000).

Со времен Киевской Руси за границу вывозили мед и воск, и в рассматриваемое время в этих районах добывалось много меда и воска; часть, конечно, расходилась на местном рынке, часть же шла за границу. В 1510 г. было вывезено за границу через одну только Краковскую таможену 15 716 камней воска и 707 бочек меда, в 1533 г. — воска 9840 камней, меда — 650 бочек.¹

В большом количестве везли за границу и рыбу. Вывезено было через Краков рыбы: в 1510 г. — 4018^{1/2} бочек; в 1523 г. — 40^{1/2}; в 1533 г. — 9914; в 1542 г. — 1352 бочки.²

В XVI в. на изучаемой нами территории сельскохозяйственные продукты, идущие на вывоз и ходкие также на местном рынке, производились во многих хозяйствах в значительно большем количестве, чем это нужно было для собственного потребления. В 1546 г. слуги княгини Беаты Ильиной Острожской „наехали“ на „имение“ Черняхов, принадлежавшее князю Кузьме Заславскому, и „забрали“ 70 волов, 30 коров, 130 свиной, 300 овец.³ В другом имении взяли 300 овец.⁴ У князя Заславского было организованное скотоводческое хозяйство, в его имениях был волостной „стадник“. Большое количество скота мы находим не только в княжеских и панских имениях. В 1541 г. слуги той же Беаты Ильиной „забрали“ у пушкаря князя Заславского 20 голов крупного рогатого скота.⁵ Естественно предположить, что скот в таком количестве разводили не для собственного потребления, а для продажи. На юге Волини в XVI в. были большие пасеки, и не только у помещиков, но и у отдельных крестьян. В с. Радоселке князя Заславского „люди“ той же Беаты отняли у крестьян около 300 ульев, при этом в четырех хозяйствах было отнято по 20, в трех — по 60 ульев.⁶ Совершенно очевидно, что 60 ульев хозяин держал для того, чтобы продавать мед и воск. Еще в первой половине XVI в. здесь заметно развивается и рыбное хозяйство. Люстратор 1545 г., делая весьма поверхностные заметки о Кузьминском уезде, все же отмечает большие пруды в Кузьмине, Чернелевке, Росоловцах и новый пруд в Чернятине.⁷

Экспорт многих продуктов за границу создавал почву для ввоза из-за границы изделий, не выработавшихся местной промышленностью, прежде всего предметов роскоши. Местное панство, шляхта, богатые горожане покупали заграничные сукна: луньское сукно, т. е. лейденско-голландское, сукно фалендыш — тонкое голландское или английское, чешское сукно. Шили одежду из молдавского сукна и литовского; покупали в большом количестве шелк, бархат, бумажные материи, камлот, кельнское полотно, турецкие ковры.⁸ У богатых крестьян тоже можно было встретить луньские сукна, бархат, вещи

¹ М. С. Грушевский. Ук. соч., стр. 36.

² Там же, стр. 36.

³ Arch. Sang., t. IV, s. 472.

⁴ Ibid., s. 478.

⁵ Ibid., s. 468.

⁶ Ibid., s. 468—469.

⁷ Źródła dziejowe, t. VI. Warszawa, 1877, s. 107.

⁸ Арх. ЮЗР, ч. I, т. I. Киев, 1859, стр. 30, 54—55, 240, 280; ч. III, т. I. Киев, 1861, стр. 81—82; ч. VI, т. I, стр. 151—152; ч. VII, т. II, стр. 74.

из кельнского полотна. Многие купцы специализировались на торговле дорогими заграничными материями. В 1565 г. в Каменце было 9 торговцев дорогими сукнами.¹ В Ковеле, в лавке местного торговца, продавался шелк, бумага, сера.² Известно, что ввозили также металлические изделия, оружие.

Подводя итоги, можем констатировать общий рост развития производительных сил, рост общественного разделения труда, отделение ремесла от сельского хозяйства. Ремесло концентрировалось в городах. Города становились торговыми и промышленными центрами.

Это не значит, однако, что города совсем порвали с земледелием: в городах того времени было еще немало людей, занимавшихся преимущественно и даже исключительно сельским хозяйством. В поборо-вых списках 1570 г. отмечены взносы: в Кременце — со 100 целых ланов, Дубно — со 157 дымов-полуланов, Ковле — с 77,5 ланов, Владимире — с 91 лана, Олыке в 1577 г. — со 117 ланов и т. д.³ В 1563 г. в Кременце, в городе и предместьях, насчитывали около 1000 домов; площадь земли, принадлежавшей мещанам, составляла 102 волоки, что и соответствует приблизительно 100 ланам.⁴ В Каменце Подольском, большом городе, в 1565 г. мещан и предмещан, имеющих лановые участки, — 24 хозяйства, а полулановые — 56. Констатируя, что сельским хозяйством в больших городах воеводства Воынского и Подольского занималась незначительная часть населения, мы вместе с тем не должны забывать, что и занимающиеся сельским хозяйством могли совмещать эту деятельность с другой. Среди горожан, имевших большие земельные участки, могли быть и ростовщики, и купцы; они могли вести свое хозяйство, эксплуатируя рабочую силу. В Каменце в 1565 г. у жены Якова Кравца было 2 лана, у Радзецких — 5 ланов; они не могли их обрабатывать силами членов своей семьи. В городах многие ремесленники и торговцы имели огороды, даже небольшие участки поля, однако это не дает основания считать, что преобладающий доход они получали от сельского хозяйства, а не от ремесла либо торговли. Что же касается ремесленников и торговцев, имевших только огороды, то не вызывает никакого сомнения, что для них сельское хозяйство было лишь подсобным занятием.

С развитием городов развивались товарно-денежные отношения в деревне, но деревня еще в значительной степени сама обслуживала себя промышленными изделиями. Списки поборов свидетельствуют о наличии в деревне большого числа ремесленников — ткачей, кузнецов, сапожников и других. Хотя основная масса продуктов сельского хозяйства производилась деревней для собственного потребления, часть продуктов все же превращалась в товар. Теперь есть возможность потребовать от крестьянина частичной замены натуральных взносов денежной повинностью. В Кременецком старостве, как мы видели из люстраций 1552 и 1563 гг., перевод крестьян на денежную ренту был осуществлен. Преобладала денежная рента и в некоторых местах Подолии; кроме того, ульи, баранов, волов было легко превратить в деньги.

¹ Арх. ЮЗР, ч. I, т. I, стр. 211, 243, 280; ч. III, т. I, стр. 115—116; ч. VI, т. I, стр. 171; ч. VII, т. II, стр. 166.

² Там же, ч. VII, т. II, стр. 166; „Жизнь кн. Курбского“, т. I, стр. 310—314.

³ *Źródła dziejowe*, t. XIX, s. 11, 24, 30.

⁴ Арх. ЮЗР, ч. VII, т. II, ст. 65—67, 126.

В связи с этими хозяйственными изменениями имущественное расслоение крестьян в середине XVI в. углубляется. Крестьянские хозяйства делились на следующие основные группы: дворничьи и лановые хозяйства; полулановые и полудворничьи; огородники первой группы, имевшие немного поля; огородники второй группы, имевшие лишь огороды. Значительную часть крестьянства составляли малоземельные и безземельные крестьяне. Богатые крестьяне эксплуатировали безземельных, а возможно, и малоземельных крестьян. У богатых хозяев были „подсуседки“, „коморники“. Беру одну из многих встречающихся в документах записей этого рода: 1552 г. Луцкое староство, с. Радомысль: „Олизар Ходорович, тивун, дворщик... на том дворщике человека под собой осадил“.¹

Учитывая сложившуюся хозяйственную обстановку, говорить об основании города тем или иным феодальным владельцем можно лишь весьма условно. „Основание города“ могло быть либо признанием феодалом уже свершившегося факта, юридическим оформлением его, либо содействием образованию и росту поселения городского типа, либо, наконец, попыткой, удачной или неудачной, в облюбованном им пункте создать благоприятные условия для возникновения промышленного и торгового центра. Феодал был заинтересован в том, чтобы иметь город в своих владениях. Рост товарно-денежных отношений в его имениях был ему выгоден: он увеличивал доходы феодала. Город давал значительно большие доходы, чем несколько деревень, взятых вместе. Велики были доходы от обложения торгового оборота, от обложения самих торговцев и ремесленников. И, главное, весь доход можно получать столь дорогими в XVI в. деньгами.

Возникновение и рост города создают благоприятные условия для сбыта сельскохозяйственных продуктов, для развития товарно-денежных отношений в деревне. Кроме того, укрепленный город — важный военный и опорный пункт как отдельных феодалов, так и всего государства. В 1574 г. Яцко Бутович „на собственной земле“ в Брусилове, „на дорогах татарских“, строит замок и основывает город „для своего дохода“, „для большого и спокойного обеспечения от поганства татар всего края“.² Король преобразует Литин в город и жалует ему право иметь ярмарки „для лучшего дохода казны нашей“, а также „большой нужды от неприятеля“.³

В 1581 г., превращая Чигирин в город, считали, что этот новый город будет оборонным пунктом на путях татарских, кроме того надеялись, что со временем он будет приносить доход королевской казне.⁴ Такими же мотивами руководствовались в 1616 г. и при основании г. Крылова.⁵

Паны Речи Посполитой, в том числе и украинских земель, не только не препятствовали возникновению новых городов, их юридическому оформлению, но и сами хлопотали о пожалованиях городам грамот на магдебургское право, на ярмарки и торги. Феодалы стремились использовать процесс возникновения городов, направляя его в выгод-

¹ Арх. ЮЗР, ч. VII, т. I, стр. 180.

² Там же, ч. V, т. I. Киев, 1869, стр. 78.

³ Там же, ч. V, т. I, стр. 81.

⁴ Там же, стр. 84.

⁵ Там же, стр. 127

ное для себя русло. Ту же политику проводил в вопросе образования городов и князь Константин Константинович Острожский — „основатель“ Староконстантинова и многих других городов.

II

Город Староконстантинов был основан не на пустом месте. На том месте, где возник город, давно существовало с. Колюшинцы. Это село было известно с начала XVI в. В 1505 г. король Александр предписал кременецкому старосте допустить Ивана Лабунского к владению селами Гребенином, Сахновцами, Колюшинцами.¹ В люстрации 1545 г. обозначены в Кузьминском уезде землянские села — Колюшинцы Лабунского и Колюшинцы Колюшинского.² Ниже увидим, что Острожский покупает у Лабунского лишь часть села. Вероятнее всего, что Колюшинцы и Колюшинцы люстрации 1545 г. одно и то же село, часть которого принадлежит Лабунскому, часть Колюшинскому.

В 1547 г. дети Ивана Лабунского делят между собой отцовские имения. По этому разделу Василию Лабунскому отошли села Колюшинцы, Сахновцы и Скалин, а Богуславу Лабунскому — Городище, Гребенин и Лотовка.³

В 1561 г. 4 января Василий Лабунский продал третью часть Колюшинцев князю Константину Константиновичу Острожскому. Острожский уплатил для тех времен громадную сумму — 5000 коп грошей литовских.⁴ В те годы трудно встретить подобную сумму при покупке имений, даже при покупке целых сел (в 1566 г. с. Плеска продано было за 500 коп грошей литовских,⁵ Колесец в том же Кузьминском уезде был продан в 1569 г. за 140 коп).⁶ Не вызывает никакого сомнения, что покупка была произведена Острожским с определенной целью — основать город. Уже 26 марта того же 1561 г. Константин Острожский получает из королевской канцелярии две грамоты: одну на основание в Колюшинцах города, на ярмарки и торги в нем; другую — на магдебургское право новооснованному городу.⁷ Из второго документа видно, что князь Острожский приступил к созданию города немедленно после покупки Колюшинц, не дожидаясь королевской грамоты; в „имении том“, купленном у Василия Лабунского, князь Острожский „строит замок“, а при нем „начал садить город“.⁸

Город вырос поразительно быстро, да еще по тем временам город значительный. В 1583 г. поборы получены были от 413 домов; из них: рыночных — 23, уличных — 306, „убогих“ — 84. В 1570 г., через 9 лет после основания города, получены были поборы от 188 городских домов, хозяева которых владели полями, да от „халуп убогих“ — 136; кроме того, упоминаются огородники, коморники и другие. Через 9 лет после основания Староконстантинов был уже не только большим населенным пунктом, но и весьма значительным торговым и

¹ Archiwum Rzewusskich (в дальнейшем: Arch. Rzewus.) Summariusz documentum ad bona tractus Stary Konstantynów.

² Źródła dziejowe, t. VI, s. 107.

³ Arch. Rzewus. Summariusz documentum. . .

⁴ Ibid.

⁵ Арх. ЮЗР, ч. VIII, т. VI. Киев, 1911, стр. 191.

⁶ Там же, стр. 264.

⁷ Arch. Rzewus. Summariusz documentum. . .

⁸ Арх. ЮЗР, ч. VII, т. I, стр. 212.

промышленным центром. В 1570 г. был уплачен побор 105 ремесленниками и 14 подмастерьями, в 1577 г. — 20 торговцами.¹

Нельзя забывать, что списки поборов дают цифры значительно преуменьшенные; в действительности Староконстантинов был, очевидно, больше. Возможность превращения в XVI в. обычной деревни в большой город в течение всего лишь 10 лет — маловероятна. Принимая во внимание, что покупка была произведена с явной целью — основать город, учитывая степень хозяйственного развития всей территории (развитие в ней денежного оборота, торговли, городской промышленности) и колоссальную сумму, уплаченную при покупке Колыщинца, мы имеем право предположить, что Колыщинцы и до 1561 г. (год основания города) были селом не обычного типа; возможно, что это был торговый и ремесленный центр, выросший в результате хозяйственного развития территории. Князь Острожский дал юридическое оформление сложившемуся поселению городского типа, предоставил его населению ряд привилегий. Это, безусловно, укрепило город, ускорило его рост. Фраза в грамоте 26 марта 1561 г. о пожаловании магдебургского права Колыщинцам: „к расширению оногo места“ — нам кажется не случайной.² Автор документа констатировал существование поселения городского типа, говорил об условиях, которые должны содействовать его росту.

Итак, в конце XVI — начале XVII в. Староконстантинов был большим городом; документ 1594 г. называет этот город „великим и значительным“.³ Мы не располагаем точными данными о населении Староконстантинова во второй половине XVI в. Более полные сведения о населении города мы имеем начиная с XVII в. В 1603 г. владелец города насчитывал в нем 611 усадеб.⁴ В 1629 г. подымное уплачено с 588 домов (и на этот раз, очевидно, эти данные были преуменьшены).⁵ Инвентарь 1636 г. насчитывает в городе и предместьях его 845 домов.⁶ Уже в 1629 г. Староконстантинов был одним из больших городов Волынского воеводства. Среди его 114 городов Староконстантинов занимал девятое место (первое место занимал Острог: он платил подымное от 1655 домов; Кременец платил от 1224 домов, Корец — от 1124, Острополь — от 1002, Полонное — от 970, Заслав — от 875, Олыка — от 675, Степань — от 636). В Староконстантинове оплачено было 588 жилых строений — больше, чем в столичном городе воеводства — Луцке; больше, чем во Владимире, Ковеле; больше, чем в каждом из остальных 105 городов воеводства.⁷

Староконстантинов был крупным промышленным центром. В 1570 г., как мы уже упоминали, побор был оплачен от 105 ремесленников и 14 подмастерьев.⁸ В 1577 г. в списках побора в этом городе значится 82 хозяина-ремесленника, совсем не имеющих земли.⁹ Староконстантинов был немалым торговым центром. В 1603 г. здесь было 12 каменных

¹ Źródła dziejowe, t. XIX, s. 28, 43, 128.

² Арх. ЮЗР, ч. VII, т. I, стр. 212.

³ Arch. Rzewus., fas. 15, No 28.

⁴ Arch. Rzewus., inv. 1603 A.

⁵ О. Баранович. Ук. соч., стр. 136.

⁶ Пероговский. Очерк из истории города Староконстантинова. „Волыньские епархиальные ведомости“, 1881, кн. 3, стр. 75.

⁷ О. Баранович. Ук. соч.

⁸ Źródła dziejowe, t. XIX, s. 28.

⁹ Ibid., s. 43.

магазинов, 31 усадьба торговцев; кроме того, 15 торговых помещений, принадлежавших Скразе; затем базарные прилавки, рундуки.¹ Торговые связи этого города простирались далеко за пределы близлежащих районов. Характерно, что одна из улиц, именованная в 1603 г. Кузьминской, в 1636 г. уже называется Львовской.² Название это укрепляется в 1650 г.: Львовской называют уже не только улицу, но и западные ворота города, которые раньше тоже назывались Кузьминскими.³ Через город проходят торговые пути; владелец города имеет крупный доход от торговых пошлин. О значительном движении товаров через город говорит сумма мостового сбора: в 1603 г. „мостовое“ дает около 400 золотых в год.⁴ Брали в те времена с одной груженой подводки менее 1 гроша; следовательно, в течение года через город проходили с товаром многие тысячи подвод. В городе устраивались крупные ярмарки; они были настолько многолюдны, что владелец города считал нужным присылать в город на время ярмарки хоругвь пехоты со специальным заданием — „охраны порядка на ярмарке“.⁵ В Староконстантинове происходили большие базары; покупателями сельскохозяйственных продуктов были оторвавшиеся от земледелия ремесленники, которых в Староконстантинове насчитывалось более 100 семейств. Кроме того, покупателями сельскохозяйственных продуктов были торговцы, имеющие лишь огороды, и то половинного размера. В списках поборов 1577 г. таких торговцев числится около 20 чел.⁶ В городе было немало плебеев (значительно более сотни семейств), покупавших продукты питания на базаре. Сельскохозяйственные продукты на базаре покупало также почти все еврейское население (евреев здесь вписано в инвентарь 1636 г. 62 дома,⁷ в инвентарь 1642 г. — 130 домов).⁸ В 1583 г. в Староконстантинове был оплачен побор от 10 профессиональных пекарей;⁹ в 1603 г. насчитывалось 14 профессиональных мясников.¹⁰

Город покупал сырье для промышленности; покупал для вывоза за пределы края продукты сельского хозяйства: овчины, кожи, шерсть, пряжу, солод, зерно, мед, воск, волов, овец, свиней. В городе была воскобойня.¹¹ Зерна везли в город много; „померное от колоды“ было специальным доходом войта. Везли на продажу мясо.

Базар находился в центре города. К нему вели все главные улицы от трех ворот города. Вокруг базара стояли лучшие дома, многие из них — каменные; в 1650 г. из 42 домов, расположенных вокруг базара, каменных было 12.¹² Возле базара жила городская знать.¹³ На самом базаре находились каменные и деревянные торговые помещения. Рядом с базаром помещалась главная церковь города, синагога, а также каменная ратуша с каменной башней, на которой были часы.

¹ Arch. Rzewus., inw. 1603 A.

² Ibid.; Пероговский. Ук. соч., стр. 75.

³ Arch. Rzewus., inw. 1650 A.

⁴ Ibid., inw. 1603 A.

⁵ Ibid., fas. 13, No 3.

⁶ Źródła dziejowe, t. XIX, s. 43.

⁷ Пероговский. Ук. соч., стр. 75.

⁸ Arch. Rzewus., fas. 15, № 29.

⁹ Źródła dziejowe, t. XIX, s. 128.

¹⁰ Arch. Rzewus., inw. 1603 A.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid., inw. 1603, 1650 A. A.

¹³ Ibid., inw. 1603 A.

Общественная структура города была сложной. Наряду с большими группами людей, занятых в промышленности и торговле, не мало было горожан, тесно связанных с сельским хозяйством. Для одних сельское хозяйство являлось побочным занятием, для других — главным, для третьих — единственным. Среди горожан была группа крупных землевладельцев; земли их в документах названы фольварками. У некоторых горожан при фольварках были дома; там они и жили. В фольварках были поля, сенокосы, сады, лесные участки; встречаются даже пруды (в 1603 г. их было 14). Раскинулись эти фольварки широко: к северу от города они растянулись приблизительно на 25 км и доходили до Капустина и Шкаровки; к югу от города они растянулись на 10 км и доходили до Жеробок. Владельцы таких больших хозяйств эксплуатировали рабочую силу; известно, что на фольварках работали коморники. Автор инвентаря 1603 г. упоминает о пожаре, в результате которого сгорело 44 фольварка. Характеризуя степень опустошения после пожара, он отмечает: в них живут сами хозяева; „даже временно“ коморников нет. Из остальных 45 фольварков половина имеет коморников (27 коморников),¹ но, кроме коморников, у таких больших землевладельцев-мещан возможно были и зависимые от них крестьяне, имевшие свои усадьбы и дома, свое хозяйство. Имущественное положение хозяев фольварков не одинаково: встречаются хозяева, имевшие по 2—3 хутора; в 1636 г. таких хозяев насчитывалось 22 чел.² Инвентарь 1636 г. разбивает фольварки на группы: дворищные, полудворищные, третинники.³ Были мещане, занимавшиеся исключительно земледелием и имевшие небольшие участки поля.

Существование в больших городах того времени — Львове, Каменце — богатых купцов и ростовщиков, общеизвестно. Конечно, Староконстантинов — не Львов и даже не Каменец. Но и в Староконстантинове была крупная торговля, бывали большие ярмарки; и из этого района за границу везли воск, мед, овчины, гнали скот; и сюда привозили товары из-за границы. Денежные люди в городе были не только среди купцов; паны сдавали в аренду в городе и в его окрестностях за большие деньги монопольное право на торговлю спиртными напитками, право собирать торговые пошлины; сдавали в аренду мельницы, пруды и пр. Арендаторами могли быть и местные жители. Несомненно, в городе были люди, занимавшиеся и ростовщичеством.

Присмотревшись к землевладению мещан, к городской торговле, к аренде панских монополий, можно представить, из кого состояла городская аристократия, городской патрициат. В состав его входили, прежде всего, владельцы больших фольварков. Возможно, они играли среди городской аристократии ведущую роль. Эта группа городской знати была очень богата и влиятельна во многих городах Украины XVI в. Таких землевладельцев-мещан, владельцев хуторов и пасек, мы видим, читая люстрации, и в Черкасах, и в Каневе, и в Виннице, и в Брацлаве. О размерах хозяйств землевладельцев-мещан рассказывает люстратор Брацлавского замка 1545 г. Он пишет: в городе таких хозяйств было 27, некоторые из них тянулись на милю, либо полмили. И не без зависти шляхтич-люстратор добавляет: „каждая такая мещан-

¹ Arch. Rzewus., inw. 1603 A.

² Пероговский. Ук. соч., стр. 78.

³ Там же, стр. 77.

ская пасека стоит три шляхетских деревни“.¹ В состав городской аристократии входили, конечно, и богатые купцы, и ростовщики, и откупщики панских монополий. Возможно, некоторые из них были владельцами фольварков. Бюргерство представлено здесь прежде всего цеховыми мастерами, привилегированными монополистами. Цехи того времени не позволяли лицам, не входившим в их состав, не только производить в данном городе промышленные изделия, но и продавать без разрешения цеха привезенные промышленные изделия.² Замыкаясь высокими вступительными взносами и испытаниями, цехи стали наследственной привилегированной корпорацией. К средним слоям города принадлежали также многие владельцы фольварков и торговцы.

Известно, что во второй половине XVI в. в Староконстантинове имелась группа подмастерьев. В городе и на фольварках работало большое количество коморников и подсосудков. В 1603 г. в описи города отмечено 30 подсосудков в городе и 27 коморников на фольварках города.³ В 1636 г. было зарегистрировано в городе 85 подсосудков.⁴ Как было указано выше, в городе жило много „халупников убогих“ — людей, существовавших случайным заработком; были люди, не имевшие постоянного местожительства; временно жил люд „праздношатающийся“ (с точки зрения феодальных хозяев).⁵ Много было бедноты среди евреев. Пополнялась плебейская часть городского населения беглецами из крепостных деревень. Такие беглецы, конечно, не регистрировались, и о них имеются лишь случайные сведения. Возможно, в связи с судебным процессом о выдаче сохранилась в архиве владельцев города заметка о таких крестьянах-беглецах. В этой заметке упоминаются беглецы из окрестностей г. Дубно — Микитич, Заболотья, Каменицы, Рогозного, Жабокрик; беглецы из района, находящегося между Кременцем и Ямполем, — Матвеевец, Гнилорудки и других.⁶

Староконстантинов, как мы уже упоминали, был важным укрепленным пунктом своего владельца, крупнейшего магната — князя Константина Константиновича Острожского. Не случайно город назвали его именем.

Город был опоясан мощными, по тем временам, укреплениями. Внутри города находилась вторая линия укреплений, расположенных вокруг замка. В замке и городе имелась артиллерия и большие запасы боеприпасов. Князь был весьма заинтересован в существовании на его территории этого укрепленного пункта. Он требовал, чтобы укрепления постоянно поддерживались в состоянии полной исправности, предписывал „внимательно наблюдать за тем, дабы город ничего не опускал из того, что касается его наилучшей готовности“, „внимательно наблюдать, чтобы хорошо исправлялись валы, мосты, взводы, дороги“.⁷

Строили городские укрепления и защищали их прежде всего горожане. Привилегии горожанам выдавались с условием выполнения определенных обязанностей; главной из них была обязанность укреплять город. Так, например, в 1600 г. Сангушко жалует г. Горохову

¹ Арх. ЮЗР, ч. VI, т. I, стр. 26.

² С. А. Бершадский. Ук. соч., стр. 230.

³ Arch. Rzewus., inw. 1603 A.

⁴ Пероговский. Ук. соч., стр. 77—78.

⁵ Źródła dziejowe, t. XIX, s. 128.

⁶ Arch. Rzewus. Summariusz dokumentum...

⁷ Arch. Rzewus., fas. 13, № 20.

Волинского воеводства магдебургское право, земли, торги, ярмарки, а горожане обязаны за это обвести город валом, построить стены и башни, иметь „стрельбу“.¹ Шляхта Речи Посполитой на сейме 1633 г. приветствует основание и укрепление города Брод, ибо, — заявляла она, — когда города „хорошо организованы и хорошо укреплены, выгода коронным обывателям в их нуждах во время беспокойствия и войны“. Поэтому шляхта постановила пожаловать Бродам „вольности“, желая э.им „данный город прихотить и побудить к хорошему порядку“ и созданию укреплений.² Староконстантинов не составлял в этом отношении исключения. Основывая город, князь Константин Острожский создавал опорный пункт своего господства на данной территории, с целью использования его „во время беспокойствия и войны“. Получая привилегии, мещане и этого города обязаны были создавать и поддерживать городские укрепления. В инвентаре 1603 г. записано: „мещане обязаны исправлять мосты, стены вокруг города, башни, ворота“ и об исправном состоянии их „заботиться“. Замок укреплял и исправлял, очевидно, сам владелец города. В 1645 г. владелец предписывает арендаторам города „подумать о ремонте замка“. На ремонт замка и строений в нем владелец обещал отпустить дерево из миропольских лесов; если ремонт будет значительный и арендаторы произвести его домашними средствами не смогут, владелец разрешал им взять деньги из последнего взноса арендной платы.³

Привилегии, данные феодалами Речи Посполитой группам городского населения, связывали интересы этих горожан с интересами феодалов. Опираясь на поддержку феодалов, городской патрициат становился хозяином города, имел возможность держать в подчинении и эксплуатировать все городское население, использовать в своих личных интересах городские доходы. Известно, что городское управление в воеводствах Волинском, Подольском и других в XVI в. было в руках кучки патрицианских семейств. Бюргерство (цеховые мастера прежде всего) в городах Европы, Польши и Украины ведет борьбу с хозяйничанием городского патрициата, но требования его, как говорил Энгельс, носят чисто конституционный характер.⁴ Ведь монопольное положение замкнутой привилегированной цеховой организации гарантирует тот же феодальный строй; он гарантирует цеховой организации и господство над эксплуатируемыми подмастерьями и учениками.

В войне с другими государствами (конкретно на данной территории — с Турецкой империей и Крымским ханством) привилегированные горожане — верхи и средние слои города — объединяются с феодалами; их интересы совпадают и на известном этапе борьбы феодалов с поднимающимся против феодального строя крестьянством. Ведь все официальные сословия феодального общества жили за счет эксплуатации крестьян. Вся иерархия феодального общественного строя (князь, дворянство, попы, патриции, городские бюргеры) ложилась своею тяжестью на крестьянство.⁵ В период подъема революционной борьбы крестьян временно прекращается борьба сословий, сглаживаются их

¹ Арх. ЮЗР, ч. V, т. I, стр. 90.

² Volumina legum, t. III, p. 387.

³ Arch. Rzewus., fas. 13, № 20, 23.

⁴ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. Партиздат, 1932, стр. 16.

⁵ Там же, стр. 29.

противоречия, они выступают против крестьян как объединенная и тесно сплоченная сила.¹

Феодалы имели основание полагать, что привилегированным мещанам можно доверить не только постройку и содержание городских укреплений, но и оружие, можно использовать их как вооруженную силу во время войны и даже „неспокойствия“. И действительно, магдебургское право и другие привилегии жалуются городам не только под условием создания и поддержания городских укреплений, но и с обязательством несения военной службы. В грамоте г. Луцку на магдебургское право и другие привилегии, пожалованной в 1497 г. и подтвержденной в 1513, 1560 и 1576 гг., сказано, что, получив эти привилегии, жители города обязаны во время военных действий оборонять стены города; если же неприятель их со стен собьет, они должны отойти в замок и там вместе со шляхтой отражать врага.² При подтверждении магдебургского права и других привилегий гор. Киеву, подчеркивалось, что мещане за это должны отбывать „стражу в поле“, „стеречь замок“ и выступать против неприятеля „каждый своей головой конно и оружно, соответственно своей состоятельности“.³

Эта практика была применена и в Староконстантинове. Каждый мещанин этого города, под угрозой штрафа в размере одной копы грошей, обязан был иметь оружие, запас оловянных пуль и 2 фунта пороха. Основная масса мещан во время военных действий обороняла стены и валы города, а владельцы больших фольварков во время военных операций обязаны были выступать конно, со своими людьми и оружием. Так мещане, владеющие фольварками, выставляли 36 всадников.⁴

Мещанские отряды не являлись единственной вооруженной силой в городе. Городские укрепления, в первую очередь замок, составляли базу и опорный пункт для всех вооруженных сил князя. Основным войском во время военных операций были вооруженные силы владельца города, мещанские отряды — вспомогательным. Вооруженные силы князя состояли прежде всего из шляхтичей, получивших и державших деревни на условиях вассальной службы. В люстрации 1545 г. в качестве вооруженной силы Красиловского замка — центра всего Кузьминского уезда — указаны земляне, владельцы сел.⁵ Этот род войск мы видим здесь вплоть до 1648 г. В 1620 г. князь Януш Острожский жалует своему слуге, шляхетному Самуилу Юровичу, села Кисели и Писаревку, с условием несения военной службы „к замку Константиновскому“, подобно другим шляхтичам, державшим имения от князя в районе этого города.⁶ Из таких шляхтичей здесь была создана отдельная кавалерийская часть, опиравшаяся на Староконстантиновский замок. В 1649 г. князь Доминик Заславский, владевший в то время городом и селами вокруг него, дает в пожизненное владение Криштофу Свищевскому с. Сушки с обязанностью службы в гусарской хоругви Константиновской.⁷

¹ Ф. Энгельс. Ук. соч., стр. 30.

² Арх. ЮЗР, ч. V, т. 1, стр. 12—13.

³ Акты Южной и Западной России, т. II. СПб., 1865, стр. 126—128.

⁴ Arch. Rzewus., inw. 1603 A.

⁵ Źródła dziejowe, t. VI, s. 107.

⁶ Центральный Архив древних актов в Кьеве (в дальнейшем: ЦАДА), кн. 1538.

⁷ Acta grods. i ziem. we Lwowie, t. X: 1884, s. 261.

Из шляхты можно было составить хоругвь, но ведь это небольшой отряд. Панам приходилось увеличивать свои вооруженные силы, привлекая к военной службе и некоторых крестьян. Из зажиточных крестьян набирали „бояр“, несших военную и полицейскую службу в имениях. В 1582 г. мы видим в Шупкове 15 бояр, в Шпанове — 4;¹ в 1600 г. — в Деревине 2;² в 1634 г. в Холопичах — 2.³ Были они и в ключе Константиновском. В пригородном с. Стариках мы встречаем несколько бояр.⁴ Они, несомненно, были и в других селах.

У князя был еще один отряд войск, совершенно чуждый местному населению и поэтому более надежный во время восстания закрепощенного крестьянства. Это были татары. (К слову, татарские военные отряды на панской службе мы встречаем не только у князя Острожского). В начале XVII в. они жили в предместье Старокопстантинова — Стариках, татары занимали 24 дома; в каждом доме жило по 2—3 семьи.⁵ В 1636 г. в предместье Старокопстантинова, Новом городе было 60 татарских домов; 25 из них считались богатыми, 35 — бедными.⁶ Татары никаких барщинных повинностей не несли и чинша не платили.⁷ Из них был составлен татарский военный отряд — татарская хоругвь.⁸ Они оставались мусульманами, имели своего „духовного“.⁹ Рост денежных доходов феодалов позволяет им заводить и отряды наемных войск. Выше мы видели хоругвь пехоты, присылаемую в город во время ярмарок.

Организованный таким образом опорный пункт феодального господства на определенной территории Волинского воеводства — гор. Старокопстантинов выдержал ряд испытаний. Во второй половине XVI и первой половине XVII вв. было несколько больших нападений Крымской орды на эти районы. Известны нападения 1575, 1593, 1595, 1616, 1617, 1618, 1624 гг. Окрестная территория подвергалась опустошению неоднократно, но гор. Старокопстантинов уцелел; он не был взят, жители отсиделись за укреплениями. Здесь находили приют и спасение и жители деревень, успевшие пробраться в город.¹⁰

Старокопстантинов сослужил службу шляхте и во время „непокойствий“. В 1592 и 1593 гг., осенью и в начале года, Косинский взял ряд городов и замков, но Старокопстантинова занять не мог. Старокопстантинов стал опорным пунктом князя Острожского в его борьбе с восстанием. К этому опорному пункту стягивались войска князя Острожского и других панов, собиралась шляхта. Отсюда началось панское наступление против Косинского.

Шляхта Волинского воеводства, избирая послов на Варшавский сейм 1638 г., оценила значение Старокопстантинова как своего опорного пункта. В инструкции послам написано: этот укрепленный пункт „может противостоять всем татарским нападениям, в этом деле может сослужить службу не только воеводству Волинскому, но и всей Речи

¹ КЦАДА, кн. 2097, л. 517.

² Там же, кн. 956, л. 206.

³ Там же, кн. 1002, л. 108.

⁴ Arch. Rzewus., inw. 1603 A.

⁵ Ibid.

⁶ Пероговский. Ук. соч., стр. 75—78.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 67.

⁹ Там же, стр. 75.

¹⁰ Там же, стр. 277, 111—115; Arch. Rzewus. Summariusz documentum.

Посполитой“. Поэтому послам воеводства вменялось в обязанность хлопотать на сейме, „дабы этому городу были даны вольности и привилегии, как Замостью и Тарнуву“.¹ В 1648 г. шляхта Вольнского воеводства обязывает своих послов добиваться в сейме, чтобы Старо-константинову „было дано освобождение от солдатских постоев и других податей и чтобы это было утверждено конституцией“, ибо „на Константинове покоится сила всей Украины“.²

Города, являвшиеся основными опорными пунктами феодального господства, были и резиденциями самих феодалов. Одной из резиденций князя Константина Константиновича Острожского и стал основанный им Константинов. Во второй половине XVI в. здесь был построен каменный дворец князя. В замке, а также и в самом городе в тревожное время находили приют окрестные шляхтичи; в 1636 г. в замке имелись 72 пустые кладовые, предназначенные служить местом хранения шляхетского имущества.³ Некоторые из шляхтичей обзавелись усадьбами в городе; в 1636 г. только на Стариках было 13 домов шляхты.⁴ Замок князя находился в сердце города. В военном отношении замок господствовал над городом; его укрепления и пушки могли служить не только против неприятеля, ворвавшегося в город, но и против самого города, если бы он вышел из повиновения.

Князь господствовал над городом, опираясь на свои вооруженные силы, на укрепления замка, на поддержку привилегированной городской верхушки, прежде всего городского патрициата. Городское самоуправление подчинено было воле князя, действовало под его контролем, проводило его политику.

Большим влиянием в городе пользовалась православная церковь. Ее поддерживали не только верующие мещане, богато обеспечивал ее прежде всего сам князь Константин Константинович Острожский — „ревнитель православия“. В городе, насчитывавшем несколько тысяч жителей, имелось шесть церквей.⁵ Строителем этих церквей был сам князь. Сохранившиеся до наших времен каменные церкви, Троицкая и Успенская, построенные искусными мастерами, — ценные памятники архитектуры XVI в. Князь щедро наделял духовенство. Настоятель Троицкой церкви в XVI в. получил от князя пожалование на с. Иршики и померное от мельниц Староконалиново, в десятый день. Священник Троицкой церкви — помещик, владеющий крепостными крестьянами. Настоятель Успенской церкви в 1590 г. получил от князя „хутор“ и дом в городе. Ему же в 1602 г. пожаловано было померное от трех колес Староконалиновской мельницы, в каждую пятницу. Духовенство города получило от князя признание независимости духовных дел от светского суда.⁶ Недаром духовенство восхваляло князя, превозносило его приверженность к православной церкви; недаром в церквах города молились о здоровье „князя, его милости“, „отца и протектора нашего“, молились „за счастливое его панование“.

¹ Арх. ЮЗР, ч. II, т. 1. Киев, 1861, стр. 243.

² Там же, стр. 332.

³ Пероговский. Ук. соч., стр. 71—72.

⁴ Arch. Rzewus., inw. 1603 A; Пероговский. Ук. соч., стр. 75.

⁵ Arch. Rzewus., inw. 1603, 1650 A. A.; Arch. Rzewus., fas. 8, № 2; Пероговский. Ук. соч., стр. 163—170.

⁶ Arch. Rzewus., fas. № 1; Пероговский. Ук. соч., стр. 167—168.

III

Рост денежной ренты, рост промышленности и торговли влек за собой и рост феодальной роскоши.

В описаниях быта и имущества панов Украины XVI в. часто мелькают упоминания о серебряной и позолоченной посуде, об оружии, оправленном золотом и драгоценными камнями, о дорогих коврах, ценных мехах, роскошных материях, породистых лошадях. В дворцах устраивались пышные приемы, на которые собирались сотни гостей. Не было границ помещичьей роскоши и тратам.

Расточительство панов поглощало все доходы от имений. Многие имения были заложены; уже не одна панская семья заложила ростовщину и „клеяноты“ — домашнее золото и драгоценные камни. Актовые книги XVI в. переполнены такими залоговыми записями. Немало панов Украины обанкротилось, имения их перешли к ростовщикам; многие находились на грани банкротства. Где добыть денег? Этот вопрос становится вопросом жизни и смерти для многих феодалов Украины. „Если дворянство не желало погибнуть, ему необходимо было выколачивать больше дохода из своего поместья“, — говорит Энгельс о немецком дворянстве, очутившемся в аналогичном положении.¹ Отсюда новый нажим на крестьян, увеличение оброков и барщины.² Выходом для помещиков Германии было возвращение к отработочной ренте. Это позволяло помещику использовать все рабочее время крестьянина, сверх необходимого для удовлетворения его минимальнейших потребностей, а если будет нужно — забрать и часть этого времени. Никакой оброк не давал феодалу таких широких возможностей. Маркс писал: „... рента продуктами, в которых представлен прибавочный труд, может и не исчерпывать всего избыточного труда деревенской семьи. Напротив, производителю дается здесь большой простор для того чтобы найти время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему совершенно так же, как продукт его труда, удовлетворяющий его необходимейшие потребности“.³ Поэтому „единственный путь“ увеличения доходности имений состоял в обзаведении „собственным хозяйством“, которое обрабатывалось бы „в форме барщины“.⁴ „Снова наступило время «неограниченных повинностей»: барин мог требовать на работу крестьянина, его семью, его скот так часто и на такой срок, как ему было угодно“.⁵

В этом же направлении ищут выхода из затруднительного положения и помещики Польско-Литовского государства, в том числе и его украинских земель. Не следует забывать при этом, что Германия находилась рядом с Польшей; приемы хозяйничанья немецких помещиков были известны помещикам Польши; опыт их мог быть использован.

В поисках способов увеличения доходности своих имений паны-шляхта производили всякие эксперименты; появляется специальная

¹ Ф. Энгельс. Марка. Партиздат, 1933, стр. 13.

² Там же, стр. 16.

³ К. Маркс. Капитал, т. III, ч. II. Госполитиздат, 1949, стр. 808.

⁴ Ф. Энгельс. Марка. Партиздат, 1933, стр. 17.

⁵ Там же, стр. 18.

литература. Характерной в этом отношении была изданная в 1588 г. книга польского помещика Азелма Гостомского — „Хозяйство“. Книга имела большой успех в помещичьих кругах и разошлась в нескольких изданиях. Азелм Гостомский приобрел славу весьма практичного хозяина, ведущего хозяйство с большим успехом. Он не только не разорился при этих затруднительных для феодалов обстоятельствах, но сумел даже разбогатеть: увеличил число своих стад и крепостных крестьян, прикупил имения сыновьям, дал большое приданое дочерям и, кроме того, после своей смерти оставил огромную сумму денег — около 400 000 злотых.¹

Каким путем добился Гостомский таких громадных успехов, что он рекомендовал предпринять, чтобы увеличить доходность помещичьих имений? Гостомский считал необходимым обратить главное внимание на отработочную ренту. Он писал: „работа хлопков — это доход, либо чистая прибыль, наибольшая в Польше“.² В своих имениях он увеличил барщину до громадных размеров, требуя от каждого крестьянского хозяйства по 208 упряжных дней в год.³ Гостомский явно старался использовать растущий в XVI в. экспорт продуктов сельского хозяйства. Он советовал помещикам взять в свои руки продажу сельскохозяйственных продуктов, рекомендовал феодалам запретить привоз муки в подвластные им города из имений других помещиков, описывал, как сам посылал на базар служащего из имения, и тот объявлял: „У моего хозяина достаточно молоченой ржи. Кому нужна рожь, иди в имение моего хозяина, там продам ржи, сколько кому нужно“.⁴

Гостомский рекомендует не оставлять без внимания ни одной отрасли хозяйства, продукция которой может быть превращена в деньги на местном или заграничном рынке. Он советует использовать крепостной труд для заготовки досок, бочек, обручей, смолы, на которые есть спрос на рынке; наладить таким же способом производство кирпичика, гвоздей, масла льняного, конопляного, репного. Чтобы устранить конкуренцию и продавать эти изделия по высокой цене, помещик может, пользуясь феодальной властью, установить монополию на продажу этих предметов.⁵ Само собою разумеется, что продажа водки и пива должна быть также помещичьей монополией. Гостомский отлично понимал, что монополия продажа вина населению является весьма серьезным источником денежных доходов помещика.⁶

Гостомский рекомендовал еще одно средство, которое должно было способствовать обогащению помещиков, — не допускать, чтобы крестьяне покупали необходимые им продукты в городе. Этими продуктами помещик может торговать сам. Гостомский так и делал: в Торне, куда он привозил из своих имений зерно и другие продукты, Гостомский закупал оптом необходимые ему и крепостным крестьянам его имений продукты (рыбу, соль, железо) и продавал их крестьянам по рыночным ценам. Под угрозой штрафа в 16 гривен крестьянам воспрещалось производить покупки в каком бы то ни было другом месте.

¹ J. Baranowski. „Gospodarstwo“ Azelma Gostomskiego. Warszawa, 1914, s. 21.

² Ibid., s. 65.

³ Ibid., s. 72.

⁴ Ibid., s. 30.

⁵ Ibid., s. 33.

⁶ Ibid., s. 32.

Не следует допускать, продолжал Гостомский, чтобы крестьяне пользовались услугами городских ремесленников. В деревнях должны быть свои кузнецы, ткачи, колесники, бочары и т. д. Фольварк должен расходовать как можно меньше денег. Все необходимое для фольварка, от матов до обручей, должно быть изготовлено крепостными ремесленниками; недопустимо тратить на это деньги имения.

Книга Гостомского была очень популярной в панских и шляхетских кругах и разошлась в нескольких изданиях. Она описывала практику, проводившуюся многими крепостниками Речи Посполитой.

Уже в третьей четверти XVI в. во многих имениях Волини главной обязанностью крестьян стала барщина. В 1571 г. в Рыканах и Мостищах и в 1573 г. в Буремле крестьяне работали на барщине по 3 дня в неделю, пока еще от дворища.¹ В 1573 г. в Цевове и в 1579 г. в Печихвостах работали от дворища ежедневно.² К 1572 г. в Берестечке (в той части, которая принадлежала пану Андрею Русину) все крестьяне были переведены полностью на отработочную ренту — взносов ни деньгами, ни зерном не делали, выполняли лишь барщинные работы.³ Это наступление феодалов, усиление эксплуатации вызвало резкий отпор со стороны крестьян. Начались восстания, пока еще разрозненные. В источниках сохранились некоторые сведения о сопротивлении крестьян. В 1575 г. в с. Белостоке Луцкого уезда (повета) Волинского воеводства крестьяне отказались выполнять барщину. Владелец не в силах был принудить их к повиновению.⁴ В 1567 г. на Волинском Полесье, в Чернечгородке, крестьяне восстали. Народ ринулся разыскивать управителя, панских слуг, но те успели убежать. Крестьяне поймали десятника Левона и жестоко избили его. Восставшие крестьяне, как рассказывал панский слуга, „должных платежей — денежных чиншей, дни медовой, ржи дякольной — пани моей не отдают и в подводу, куда нужно, ехать не хотят“. Из-за этих подвод и началось дело. Возному, приехавшему из города для выяснения дела, крестьяне заявили: „в подводу не поедем и ржи дякольной не поведем“, и добавили: „десятника избили за то, что он нас грабил, а управитель и старец те сами удрали; если бы не удрали, с ними могло бы быть то же, что и с десятником, ибо старец большой наш неприятель“.

Подводная повинность была одна из самых тяжелых барщинных работ. Мало того, что она требовала большой затраты времени, на тяжелой дороге подрывали силы лошади и волы. Выведенные из себя непосильным бременем, крестьяне ополчились против помещиков и против тех, кто помогал им грабить крестьян. С заявлением к возному явился и чернечгородский священник. Он говорил: „крестьяне за то, что я им не помогаю в бунтах, церковь от меня отняли, самого меня побили, а церковные ключи сорвали у меня с пояса“.⁵

Прошло несколько месяцев, а восстание не только не было подавлено, но распространилось на окрестные деревни, на много километров вокруг. Поднялись крестьяне сел Колок, Рудников. На место восстания были посланы комиссары с королевским письмом; их

¹ Арх. ЮЗР, ч. VIII, т. VI, стр. 349, 353; ч. VII, т. I, стр. 240.

² Арх. ЮЗР, ч. VI, т. I, стр. 97; ЦАДА, кн. 2053, л. 222—223.

³ Арх. ЮЗР, ч. I, т. I, стр. 56.

⁴ КЦАДА, кн. 2039, л. 121—122.

⁵ КЦАДА, кн. 935, л. 4—5.

сопровождал отряд, составленный из шляхтичей и слуг пани Фаличевской, владевшей Чернечгородком. Крестьяне Чернечгородка и Колок „письма государя и комиссарского не приняли“ и через своих уполномоченных ответили, что они новых работ и повинностей выполнять не будут. Слуга пани Фаличевской, пан Ледницкий, смог сделать лишь одно: „положивши перед ними на землю“ копии писем короля и комиссаров, „он ушел прочь“.¹

В этом же 1567 г. в связи с вопросом о барщинных работах восстали крестьяне с. Секуня. Село Секунь находится возле Ковеля, по дороге к Бресту. Крестьяне отказались идти в имение на работу и платить помещику долги. С письмом короля по этому делу приехал в село пан Богуш Деревинский. Он поселился в помещичьей усадьбе и вызвал к себе крестьян. Три дня сидел в усадьбе Деревинский в ожидании крестьян, но напрасно — крестьяне не шли. Тогда Деревинский со шляхтой, бывшей при нем, поехал в село, как рассказывает сам, „желая тех людей секунских выгнать на работу“ и принудить их заплатить долги помещику. Но крестьяне, — продолжает Деревинский, — собравшись в числе около 30 человек, „погнались за мной с палками и цепами и слугу моего, пана Лаского, поколотили“. Деревинский из Секуня убежал в Ковель и обратился там за помощью к „вряднику“ Ковальского ключа, но тот, очевидно чувствуя свое бессилие, ответил: „пан Ласко — владеец Секуня — имеет их в своей власти, то пусть и карает“.²

В 1563 г. произошло восстание крестьян недалеко от Константинова, в Ляховецком ключе. 28 мая крестьяне сел Войнигова, Кащинец, Вариводинец и жители самих Ляховец „с разным оружием“ ворвались в усадьбу помещика и вломилась в дом. Помещика своего, Матвея Сенюту, „убили насмерть и замучили“.³ В 1567 г. собственные крестьяне убили пана Федора Останка-Яминецкого, ворвавшись в его дом.⁴

Предотвратить собственное разорение методом беспощадного ограбления крестьян панам было не легко. Крестьяне сопротивлялись, а сломить их сопротивление не хватало сил.

К югу от Староконстантинова, на Литовской Украине, дела помещичьи шли еще хуже. В 1545 г. помещики окрестностей Винницы жалуются королевскому люстратору: „хлопы распустились“, крестьянин „на помещика ничего не делает“, помещики пребывают в постоянном страхе, ожидая от крестьян „бед“.⁵ Обстановка на Украине, входившей в состав Великого княжества Литовского, становилась угрожающей для помещиков.

„Спасение“ пришло с Запада. „Братскую помощь“ панам и шляхте Украины оказали паны и шляхта Польши. Конечно, не бескорыстно. И магнаты из „дома Мнишков“, Конецпольских, Потоцких и ходачковые шляхтичи из захолустной мазурской деревеньки в момент острой нехватки денег мечтали о богатой Украине. Рассказывали: земля там урожайная, жирный чернозем, не то, что мазурские пески и болота; зверя, дичи, рыбы много, большое обилие продуктов

¹ КЦАДА, кн. 2041, л. 268—269.

² Там же, кн. 934, л. 59.

³ Арх. ЮЗР, ч. VI, т. I, стр. 46.

⁴ КЦАДА, кн. 2041, л. 230.

⁵ Zrośla dzieiowe, t. VI, s. 108—116.

природы; „реки текут молоком и медом“; там „хлопа много“, к тому же „хлоп там богатый“, не то, что свой, совсем уже ободранный. Уже давно паны Польши предлагали панам Украины объединиться в „одно тело“. Но раньше паны Украины на это объединение не соглашались, надеялись сами справиться. Теперь они стали сговорчивее. Терпя поражение в грабительском походе на крестьян, паны Волыни с завистью наблюдали, как в соседнем Подольском воеводстве, в особенности в землях Львовской, Белзской, находившихся в составе Короны Польской, помещики сумели сломить сопротивление крестьян и погнать их на барщину. В 1565 г. в селах Каменецкого староства — Киптинцах, Должке, Голоскове — крестьяне отбывали барщину по 2 дня в неделю, в Лисковицах — по 3 дня.¹ Даже в Барском старостве, в с. Шершеневцах, крестьяне отбывали барщину по 2 дня в неделю.² Барское староство — украинное; зараза „непослушности хлопской“, „своеволия украинского“ здесь ощущается весьма сильно, а все же и в этой местности, входящей в состав Короны Польской, паны ухитрились содрать с крестьянина значительно больше, чем в местностях, находившихся в аналогичных условиях Великого княжества Литовского.

Возьмем два соседских украинских староства. Одно из них входило в состав княжества Литовского — староство Винницкое, другое — в состав Короны Польской — староство Барское. В 1552 г. была произведена люстрация обоих этих староств. В Винницком старостве барщина невелика и нормирована — 3 либо 4 дня в год. В люстрации Барского староства записано: крестьяне должны работать столько, сколько будет нужно помещику. В Барском старостве крестьяне дают от каждого хозяйства по 10 третинников овса, по 4 третинника пшеницы, по 2 петуха, по 10 яиц, по 4 гроша, двадцатую свинью, двадцатую овцу, десятину от пчел, раз в 3 года десятину от волов. Третинник овса оценивается в 8 грошей, третинник пшеницы — в 12 грошей. В денежном выражении одна только дань овсом и пшеницей от каждого крестьянского хозяйства составляет в год 128 грошей.³ В старостве Винницком в разных селах платят по-разному. Если дают овес и деньги, то небольшие — 12 грошей и 4 третинника овса, т. е. в переводе на деньги, по 52 гроша с хозяйства. Это наиболее высокие взносы, а встречаются взносы, общая сумма которых не превышает 28—19 грошей. Поволовщины — дани от свиней и овец в Винницком старостве не видно.⁴ К тому же нужно учесть, что в люстрации Барского староства отмечено разрушение сел этого староства татарами в 1550 г., поэтому крестьянам было дано облегчение в платежах. В люстрации Барского староства 1552 г. не отмечен еще один побор, который мы видим в люстрациях этого же староства 1564 и 1570 гг., — „стация“.⁵ Стации составлялись из следующих продуктов: овса — 3 третинника, ржи — $\frac{1}{2}$ третинника от каждого хозяйства; кроме того сюда входили крупа, сыр, масло, пряжа. В переводе на деньги это составляло еще около 40 грошей. Таким

¹ Арх. ЮЗР, ч. VII, т. II, стр. 165—215.

² Там же, стр. 253—266.

³ Там же, ч. VII, т. I, стр. 148—165.

⁴ Там же, стр. 598—611.

⁵ Стация — сначала продукты князю и его двору при их гереездах; впоследствии — постоянный налог.

образом, паны Винницкого староства получали с крестьян в лучшем случае меньше половины того, что получали паны в соседнем Барском старостве, в худшем — не имели и шестой доли.

Серьезной помощи в борьбе с крестьянскими восстаниями литовское панство не оказывало, а неприятностей чинило не мало. Паны Рады Великого княжества Литовского настойчиво стремились проверить права местных помещиков на имения. Люстраторы 1545 г., производившие эту проверку на месте, потребовали от местных помещиков „грамоты-привилегии на имения“.¹ Но грамот на многие имения не оказалось, ибо большое количество сел и крестьян было расхвачено без всяких грамот. Эта попытка литовских панов отнять значительную долю имений у местных феодалов вызвала среди последних общее возмущение и единодушный отпор. Паны Воьлини ответили: когда покажут грамоты паны Литвы и Белоруссии — земли Жмудская, Полоцкая, Витебская — тогда и мы покажем; т. е. прежде чем у нас требовать документы на владение, покажите свои.²

В обиде считали себя паны Воьлини и в связи со сбором налогов на „земскую оборону“. Паны Воьлини, как и других земель Украины, платили налоги с имений на содержание вооруженных сил Великого княжества Литовского. Деньги давали, а ощутительной военной помощи во время татарских нападений не имели; теперь же помощи, так необходимой, чтобы сломить сопротивление крестьян, и вовсе не видно было. На сейме 1547 г. паны Воьлини заявили, что их интересует, куда „делись те деньги, которые они давали неоднократно на земскую оборону?“ Правители Литвы им ответили: подскарбий, ведающий этими деньгами, уже дал отчет в их израсходовании королю и панам Рады и доказал, „что эти деньги выдал надлежащим образом на обычные земские нужды Речи Посполитой“.³ Было ясно, что военной помощи от панов Рады нечего ждать.

К правительству Великого княжества Литовского у шляхты Воьлини были еще претензии. В 1551 г. помещики требовали предоставления им права свободно держать в своих имениях питейные дома, что давало бы им громадный доход, но получили отказ.⁴ В 1554 г. шляхта добивается освобождения своих имений от стадий и подвод, — отказали и в этом.⁵ Средних и мелких помещиков возмущало и привилегированное положение в Великом княжестве Литовском больших панов, их обращение с „шляхетским народом“, особенно бесцеремонное, когда этот пан занимал крупный административный пост. Паны, члены Рады, были неподсудны местному суду, отвечали лишь перед королем и Радой. Местному „земянину“ и ездить судиться далеко, и добиться там защиты своих интересов трудно. Самоуправство, наезды на шляхетские имения панов Рады, сманивание ими крестьян в свои имения — все это волновало землян-шляхту. На сейме 1554 г. шляхта требовала выдачи своих крестьян „отчизных и непохожих“, перешедших в имения панов Рады. На этом же сейме они домогались, чтобы паны Рады,

¹ „Памятники, изданные временной комиссией для разбора древних актов“, т. IV. Киев, 1859, стр. 48.

² Там же, стр. 48.

³ Акты Западной России, т. III. СПб., 1848, стр. 7—8.

⁴ Там же, стр. 7—9; стр. 37.

⁵ Там же, стр. 52—54, § 10.

владеющие именьями в земле Волинской, судились правом волинским. До издания нового статута им в этом было отказано.¹

Конфликты местных землян с панами — представителями власти Великого княжества Литовского на местах — доходили до вооруженных столкновений. В 1541 г. земляне Брацлавского уезда изгнали из староства местного старосту, князя Семена Пронского, „атаковав его в замке Брацлавском“, после чего отправили к королю делегацию с жалобами на „обиды“, которые им учинял князь Пронский.² В этом же году выслали делегацию с жалобами на князя Пронского и земляне винницкие.³ В 1546 г. обратились к королю с протестом земляне житомирские, винницкие и киевские против своих старост, князя Богуша Корецкого и князя Федора Сангушковича, и против воеводы — князя Фридриха Пронского. Земляне обвиняли старост и воеводу в том, что они принуждают землян нести „сторожу“ и отбывать „лежи“ в замках, требуют повинностей и взносов от подвластных местным землянам крестьян, судят этих крестьян. Король и паны Рады, под натиском единодушного выступления помещиков разных районов громадной территории, решили отступить. Было послано распоряжение местным властям не чинить „обиды“ помещикам.⁴

Все эти конфликты с правительством Великого княжества Литовского делали сговорчивее панов Украины в их переговорах с панами Польши. Переговоры панов Украины с панами Польши об унии велись до 1569 г. Еще на сейме 1565—1566 гг. в Вильно послы Волини внесли предложение составить общий сейм с Коронай Польской.

На Люблинском сейме 1569 г. паны Волини дезорганизовали лагерь противников унии, переметнувшись на сторону Польши; их переход и обеспечил победу Польши. Нарушевич писал 11 июня 1569 г. Радзивиллу: волинские паны присоединены к Польше не насильем (*tak wielkiego gwałtu na się nie mieli*), они сами „поспешили к этому“.⁵ Велись закулисные переговоры; поторговались и сговорились. Конечно, это не было соглашение украинского и польского народов, как утверждает польская шляхетская и буржуазная историография. Прежде всего нельзя забывать, что народ на шляхетских сеймах никакого представительства не имел; ничего ни заявлять, ни постановлять там не мог. Нет никаких доказательств того, что украинские паны-шляхта боролись против самой унии, против превращения Украины в колонию феодальной Польши. Они спорили только об условиях унии. Даже выступление князя Константина Вишневецкого на заседании 24 мая 1569 г., которое украинская буржуазная историография пытается представить как выступление против унии, не содержит возражений против самой унии. Вишневецкий с полным сознанием своей силы, силы княжеских родов Украины, добивается при включении Украины в состав Короны Польской гарантий лучшего положения этих родов в Короне. Он требует, чтобы феодалы Украины „не были понижены в своем шляхетском достоинстве“, ибо, заявляет он, „мы чувствуем, что шляхетством мы равны каждому народу“. Поскольку на сейме никто не высказывался в том смысле, что шляхта украинская „в своих

¹ Акты..., стр. 61—66, § 3 и 4.

² Арх. ЮЗР, ч. VIII, т. V. Киев, 1907, стр. 24—26.

³ Там же, стр. 28—29.

⁴ Там же, стр. 40—42, 43—47, 47—49.

⁵ Археогрфический сборник, т. VII, Вильно, 1870, стр. 43—47.

достоинствах“ ниже шляхты польской, Вишневецкий должен был расшифровать свое требование. Он и раскрывает карты до конца. „Есть у нас, — говорит он, — княжеские роды, которые по своему происхождению имеют свое особое призвание и достоинства. Мы не рады были бы видеть, чтобы их достоинство в чем либо было бы уменьшено“.¹ Вишневецкий напрасно беспокоился о судьбе княжеских родов Украины в Короне Польской. Они устроились в Короне лучше, чем в Литве, хотя бы те же Вишневецкие. Вспомним, какую роль в Польше играл Еремия Вишневецкий. Вспомним, что один из Вишневецких стал королем Польши. Вспомним роль, значение и рост богатств в Польше Острожских, Заславских и других „королеват“ из украинских княжеских родов. Присоединив Волинь к Польше, польское панское правительство предложило панам Волини, чтобы они, „выделив своих депутатов, сами себе написали привилей, как считают лучше и нужнее всего“.²

Княжат и панов Украины принудить насильем подчиниться Польше было не так просто: они не были безоружны. Острожские, Збаражские, Вишневецкие, Заславские и другие паны Украины располагали значительными вооруженными силами. Паны Польши с ними должны были считаться. Люблинская уния была полюбившей сделкой хищников-реакционеров, феодалов Польши и Украины, сделкой, направленной против интересов и украинского и польского народов. Это был союз для проведения политики феодальной реакции, погубивший Польшу и принесший громадный вред Украине.

Подведем итоги. Польша захватила страну отнюдь не пустынную, не умирающую, а стоявшую на высокой ступени развития и быстро развивающуюся. Утверждения об „исторических заслугах“ польской шляхты являются грубой выдумкой, возможной лишь при недостаточном знании истории Польши и Украины XVI—XVIII вв. или при ее заведомо тенденциозном толковании. Не культуру, а порабощение, разорение и упадок несло польское панство Украине. Хорошо известно, что сделала с этой цветущей страной шляхетская Польша, до какой степени разорения она довела ее.

Осуществить порабощение украинского народа польское панство смогло только с помощью украинских эксплуататорских классов, которые во имя классовых интересов были готовы предать свою родину кому угодно.

¹ М. С. Грушевський. Історія України Русі, т. IV. Київ — Львів, 1907, стр. 404.

² Археографічний збірник, т. VII, стр. 41.

Д. Ф. Марков

ЛЮДМИЛ СТОЯНОВ

(Творческая эволюция Стоянова-поэта от символизма к реализму)

Творческая эволюция современного поэта Болгарии Людмила Стоянова, прошедшего путь от декадентской мистики к реализму, представляет особенный интерес. Деятельность Стоянова убедительно отвечает на вопросы — что губительно для писателя и в чем его спасение. После долгих блужданий в мистических абстракциях символизма, где, по собственным признаниям, он находился на краю творческой гибели, Л. Стоянов пришел к народу и в крепкой связи с ним обрел настоящую силу поэта.

Весь культурный мир знает выдающегося болгарского писателя, общественного деятеля, участника мировых конгрессов и конференций в защиту культуры.

Имя Людмила Стоянова довольно широко известно советскому читателю. На русский язык переведены его произведения: „Холера“, „Мехмед Синап“, „Милосердие Марса“, многие стихотворения. Л. Стоянов приезжал несколько раз в Советский Союз, встречая здесь дружеский прием. Мы помним, как в годы фашистской диктатуры в Болгарии Стоянов вел непрестанно борьбу в защиту народной культуры. Болгарские фашисты преследовали писателя. В 1935 г., после его возвращения в Софию из Парижа, где он участвовал в работе Международного конгресса писателей в защиту культуры, на него было совершено злодейское покушение. Наша советская пресса поместила тогда сообщение об этом факте произвола фашистских заправил и их наймитов — убийц. Это был голос в защиту выдающегося писателя, который нес своему народу слово правды.

Врагам народа не удалось сломить революционную волю Стоянова. Мужественный поэт продолжал свое дело по созданию литературы для народа, по укреплению связей с демократическими странами и, прежде всего, с Советским Союзом. Не будет преувеличением, если мы скажем, что никто из болгарских писателей после И. Вазова не сделал так много для литературного сближения болгар с русскими, не создал таких замечательных художественных произведений о русском народе, не написал столько статей, как Л. Стоянов.

Произведения Людмила Стоянова получили всенародное признание. В 1948 г. трудящиеся Болгарии торжественно отметили его 60-летие.

Наше правительство высоко оценило деятельность выдающегося болгарского писателя, наградив его в 1948 г. орденом Трудового Красного Знамени.

Людмила Стоянов — член коммунистической партии. Важно при этом подчеркнуть, что к коммунизму писатель пришел не сразу, а в итоге житейских и творческих раздумий. Он выстрадал каждый свой шаг на протяжении долгих лет блужданий, постепенно освобождаясь от фальши и постигая правду революционного реализма.

Подробно и верно исследовать идейно-художественный путь Стоянова — дело большой политической важности. Всем своим творчеством Стоянов показывает, с одной стороны, распад и ничтожество буржуазной идеологии, с другой стороны — утверждает великую силу идеологии коммунизма. Поэтому творчество Л. Стоянова — важное оружие в той борьбе, которую мы ведем сейчас против буржуазной идеологии.

Возрождение символизма, наряду с воскрешением других реакционных течений декаданса, — типичная идеологическая диверсия современной империалистической буржуазии. Развенчание символизма Стояновым направлено против этих течений вообще и против проявлений их глетворного влияния среди известной части интеллигенции демократических стран, в частности.

Для многих писателей буржуазных стран деятельность Л. Стоянова является примером того, что имеется лишь один путь к творческому возрождению: он идет к коммунизму через разрыв с буржуазной идеологией. Иначе — неизбежна творческая смерть. Собственным опытом болгарский поэт указывает верный путь каждому честному интеллигенту, искренне стремящемуся к правде и прогрессу. Для тех, кто не торгует своей совестью, кто не хочет оторваться от народа и оказаться обреченным на духовное прозябание, опыт Л. Стоянова помогает быстрее освобождаться от заблуждений и ошибок и выходить на широкую дорогу реалистического искусства.

* * *

Людмила Стоянов начал свой творческий путь как символист. Он вступил в литературу в тот период, когда символизм занимал господствующее положение в литературе. Здесь не место давать подробную и всестороннюю характеристику болгарского символизма, но на некоторых общих вопросах, непосредственно связанных с темой об эволюции поэта, необходимо все же, хотя бы вкратце, остановиться.

Болгарский символизм, как литературное течение, господствовал в литературе довольно долго — приблизительно с 1905 по 1922 гг. Его возникновение связывается с выходом в свет сборника Пейо Яворова „Безсънници“ (Бессонница, 1906).

П. Яворов — крупнейший болгарский лирик, близко стоявший в начале своего творчества к прогрессивным общественным течениям. Под влиянием народнического социализма он написал ряд замечательных произведений, между которыми выделяются: „На нивата“ (На ниве), „Градушка“ (Град). В этих стихотворениях нарисована правдивая картина жизни крестьянства, показана непомерная тяжесть подневольного рабского труда и эксплуатации. Но в начале 900-х годов Яворов пережил кризис в своем творческом развитии, явившийся отражением того кризиса, который переживало болгарское народничество.

Это была пора, когда народничество, потерпев крах своих идеалов, зашло в тупик и превратилось в реакционное общественное течение. Многие из народников, став на путь реакции, оказались рупором буржуазии.

Крах народнических идеалов болезненно переживался Яворовым. Разгром Илинденского восстания в 1903 г. еще больше поколебал веру писателя в революционную борьбу и усилил развивающийся идейный кризис. Яворов заговорил о крушении своих прежних мечтаний, от которых теперь отходил, все более подпадая под влияние буржуазной идеологии. Отход в сторону реакции выразился у него в отказе от социальной тематики, в переходе к идеализму. Этому всячески содействовал реакционный журнал „Мисъл“ (Мысль) и непосредственно Пенчо Славейков, который превозносил отход поэта от социализма и приветствовал его вступление на путь „чистой поэзии“. Стихотворение Яворова „Песен на песента ми“ (Песнь моей песни, 1906) — своеобразный поэтический манифест болгарского символизма. Поэт заявляет здесь, что в мире нет жизни вне его сердца. Этим провозглашался отрыв личности от общества, искусства — от жизни и выдвигался принцип замкнутости в сфере субъективных переживаний.

Позже группа символистов была представлена именами Димчо Дебелянова (1887—1916), Тодора Траянова (1882—1944), Николая Лилева (1885), Христо Ясенова (1889—1925), Ем. Димитрова (1887—1942), Гео Милева (1895—1925), Людмила Стоянова (1888) и др.

Болгарский символизм возник и развивался в значительной мере под прямым влиянием западноевропейского и русского символизма и явился идеологическим выражением империалистической буржуазии. Буржуазия в Болгарии, как социально-общественная сила, развивалась в своеобразных исторических условиях. Своеобразие это связано с особенностями экономического развития страны. Известно, что Болгария почти пять столетий находилась под военно-феодальным гнетом турок. Ввиду безраздельного господства турецкого феодализма, болгарская буржуазия вплоть до 1878 г. была слабой, мало влиятельной; развитие капитализма тормозилось. Освобождение Болгарии от турецкого ига сыграло роль буржуазно-демократической революции: оно подорвало основы феодализма в стране и создало необходимые условия для развития капиталистического производства.

Промышленный капитализм в Болгарии вступил в стадию сравнительно быстрого развития довольно поздно — Западная Европа в это время (конец XIX — начало XX в.) переживала уже период империализма. Между двумя основными классами капиталистических стран — буржуазией и пролетариатом — велась непримиримая борьба, которая имела уже свою историю и была научно обоснована Марксом.

Болгарская промышленная буржуазия не пережила эпоху идейно-творческого подъема. Она могла бы проявить себя как прогрессивная сила в борьбе с феодализмом, но на эту борьбу она оказалась неспособной. Феодализм был снесен внешней силой — русско-турецкой войной. Тем самым болгарская буржуазия лишилась роли исторически прогрессивного класса. Расчищение пути для экономического развития страны совершилось, таким образом, без нее. А когда она оформилась как класс, перед нею стояли уже другие общественные силы — пролетариат и крестьянство, которые выступали как носители исторического

прогресса. Борьба против них означала вступление на путь открытой реакции.

Все эти обстоятельства объясняют тот факт, что болгарская буржуазия не принесла ничего прогрессивного ни в области науки, ни в области искусства. Наоборот, она насаждала, всячески поддерживала и распространяла крайне реакционные теории, которые использовались ею для борьбы против поднимающегося революционного пролетарского движения.

В Болгарии, как и в других странах, уже в конце XIX в. широко распространялось социалистическое учение. Первым его пропагандистом и защитником на болгарской почве был Дмитрий Благоев — основатель социал-демократической рабочей партии (1891), поднявший знамя революционной пролетарской борьбы против буржуазии.

Своеобразие общественно-экономического развития Болгарии (сравнительно позднее развитие капитализма) поставило два основных антагонистических класса — пролетариат и буржуазию — во внешне сходное положение: оба они должны были в возможно кратчайший срок пройти тот исторический путь, который к этому времени уже давно прошли другие страны Европы. Общественные классы Болгарии не могли обойтись поэтому без идеологических заимствований. Эти заимствования и влияния играли особо важную роль в становлении, формировании различных идейно-художественных течений.

При изучении идеологической борьбы в Болгарии в конце XIX — начале XX в., нетрудно заметить, что болгарский рабочий класс в лице своих лучших представителей изучал и заимствовал опыт мирового революционного движения и прежде всего богатый опыт русского революционного движения. Достаточно познакомиться с деятельностью Д. Благоева, чтобы увериться в огромной оплодотворяющей силе революционных идей России.

Болгарская буржуазия, в согласии со своими классовыми интересами, обращалась к „богатому“ опыту западноевропейской буржуазии, заимствовала и культивировала различные реакционные теории буржуазного Запада. Широкому распространению этих теорий содействовали следующие факторы:

1. Болгарская буржуазия посылала молодых людей на учебу в Западную Европу с целью усвоения ими „модных“ течений; проповедуемая болгарской буржуазией „европеизация“ означала в сущности борьбу за капитализм, за буржуазный порядок.

2. Международная буржуазия стремилась к обеспечению экономического влияния на Балканах. Болгария была фактически зависимой страной — роль иностранного капитала была определяющей в ее экономической жизни. Борьба за экономическое влияние тесно сплеталась с борьбой за влияние идеологическое.

3. Верный слугитель буржуазии, ставленник немецкого империализма, царь Фердинанд проводил политику борьбы с русским прогрессивным влиянием и открыто содействовал широкому культивированию буржуазных влияний Запада.

Болгарский символизм, вызванный к жизни назревшими идейными интересами болгарской буржуазии, утверждался под определяющим влиянием западноевропейского и русского символизма и выполнял ту же функцию, что и в европейских буржуазных странах. Поэтому общие черты болгарского символизма (его философская основа,

политическая направленность) полностью совпадают с общими чертами западноевропейского и русского символизма. Что касается конкретно-исторических условий, то в Болгарии они отличались большим своеобразием, и это сказалось на судьбах болгарского символизма.

Рассмотрим последовательно эти две стороны: вначале жято определим общие черты символизма, а затем, более подробно, остановимся на своеобразных условиях его развития в Болгарии.

В период роста революционной борьбы пролетариата буржуазия все более и более сознавала свою историческую обреченность. Будущее пугало ее. Не имея перспективы, она всячески старалась затормозить ход истории, используя все формы борьбы против революционного движения. Деятельность буржуазии этого периода характеризуется повсеместным наступлением политической реакции.

Первой формой этой реакции в области литературы был литературный индивидуализм Пенчо Славейкова; следующей формой явился символизм. Связь между этими двумя течениями болгарского декаданса очевидна. Она выражается даже и во внешних признаках: Пенчо Славейков „напутствовал“ Яворова, называя его символистские стихи „отборной пищей“; сам же Яворов, как впоследствии Л. Стоянов, Гео Милев и другие, считал Пенчо Славейкова своим учителем; первый критик символизма Димо Кьорчев — послушный ученик д-ра Кръстева, известного теоретика литературного индивидуализма.

Буржуазная сущность и внутренняя связь между символизмом и ницшеанским индивидуализмом Пенчо Славейкова обусловлена той социальной почвой, которая породила оба эти течения. Как индивидуализм, так и символизм отражают реакционную идеологию буржуазии. Разница только во времени и в форме выражения этой идеологии, которая в общем характеризуется походом против материализма, против реалистического искусства.

Философской основой символизма, как и других форм декаданса, является субъективный идеализм. Пресловутая теория символов — один из видов идеалистической эстетики. Интересно отметить, что сама эта теория отнюдь не является собственным „открытием“ философов XX в. В. И. Ленин установил ее прямую связь с „эмпириосимволизмом“ епископа Беркли.¹ Возрождение берклеанства было вполне объяснимым идеологическим шагом буржуазии в эпоху империализма.

Подвергая критике „теорию символов“ Гельмгольца (вместе с тем и „теорию иероглифов“ Плеханова), В. И. Ленин доказывает несостоятельность этой теории, противостоящей философскому материализму. Гельмгольд считал ощущение условным знаком, но не изображением, потому что от изображения, говорил он, требуется известное сходство с изображаемым предметом, от знака же такого сходства не требуется. Но если наши ощущения, согласно этой теории, не отражают собою сущности реального мира (между ощущением и предметом не предполагается сходства), а являются лишь его условным знаком, символом, то этим уже отрицается возможность познания объективной действительности. «Бесспорно, — писал Ленин, — что изображение никогда не может всецело сравняться с моделью, но одно дело изображение, другое дело символ, *условный знак*. Изображение необ-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 18—19.

ходимо и неизбежно предполагает объективную реальность того, что „отображается“. „Условный знак“, символ, иероглиф суть понятия, вносящие совершенно ненужный элемент агностицизма».¹

„Теория символов“ противоположна материалистической теории познания. В области искусства она ведет к отрицанию объективно-познавательной функции художественного образа, ибо утверждает, что образ — не соответствующее реальному миру изображение, а условный знак этого мира. Так как между реальным миром и символом, обозначающим его, не требуется никакого соответствия и, следовательно, связи, то поэту предоставляется полная „свобода“ оперировать знаками и символами по отношению ко всяким мнимым предметам и явлениям.

По мнению сторонников „теории символов“, между художественным образом и объективной действительностью нет причинной связи и зависимости, так как нет между ними сходства. В силу этого упраздняется человеческое знание. Теоретики символизма обнаруживают полную беспомощность что-либо объяснить. Они доходят до абсурда, ибо, как правило, неизбежно обращаются к „спасительной“ идее бога.

Ниже будет показано конкретное выражение этой беспомощности в творчестве Л. Стоянова, который испытал на самом себе и пережил, как глубокую трагедию, философское бессилие идеализма.

Буржуазные критики прилагали все усилия, чтобы доказать, что символизм — высшее выражение искусства. Они вели открытую борьбу против реалистической литературы. Искусство объявлялось ими выше действительности. Известный критик символизма И. Радославов писал: „Будничность, действительность и связанная с этим анекдотичность перестают быть художественным элементом. Первоисточником является богатый, безбрежный и неисчерпаемый индивидуальный интимный мир“.² Критик Димо Кьорчев в статье „Тъгите ни“ (Наша скорбь, 1907), считая поэзию проявлением божественного начала, пытался обосновать принцип „чистого искусства“. „Бог везде и всюду, — писал он, — а искусство, как его чистое проявление, является вне времени, вне места — не удовлетворяет нужды, не преследует цели“.

Символизм оказал большое влияние на значительную группу болгарских поэтов. Это влияние сказывается подчас и теперь в творчестве отдельных современных писателей, уводя их от актуальной тематики в сторону эстетских исканий. Подобное положение давно выдвинуло задачу: раскрыть сущность символизма как буржуазного течения и тем самым содействовать правильному развитию болгарской литературы. Между тем вопросы, связанные с символизмом, в болгарском современном литературоведении освещены чрезвычайно недостаточно, более того — во многом неправильно.

О болгарском литературном индивидуализме, в частности — об идеологии Пенчо Славейкова, появились в последние годы статьи,³ в которых поставлены и решены многие вопросы; о символизме же есть лишь отдельные высказывания, совершенно не удовлетворяющие нас.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 223.

² И. Радославов. Българска литература. София, 1947, стр. 160.

³ Имеются в виду статьи Пенчо Данчева: „Социално-икономическите и идейни корени на българския литературен индивидуализъм“ („Изкуство“, 1947, кн. 5—6) и „За идеологията на Пенчо Славейков“ („Философска мисъл“, 1947, кн. 3—4).

Общий смысл этих высказываний сводится к тому, что символизм рассматривается как течение, отличное по своей общей направленности от литературного индивидуализма Пенчо Славейкова; как течение, которое явилось идеологическим выражением недовольства мелкобуржуазной интеллигенции капиталистической действительностью. Еще в 1940 г. академик Тодор Павлов, оспаривая в полемике с покойным Г. Бакаловым значение символистской поэзии Яворова, писал, что поэт „поставил ряд вопросов и уловил ряд настроений, отразивших в мистифицированном виде определенное недовольство нашей мелкобуржуазной интеллигенции некоторыми отрицательными явлениями в общественной и духовно-культурной жизни того времени“.¹

Ту же мысль Т. Павлов выразил и в 1948 г. в своей речи по случаю 60-летия со дня рождения Л. Стоянова, когда говорил: „...символизм, как у нас, так и на Западе и в Советском Союзе не был однородным явлением... фактически имели место два вида символизма“.²

Общая направленность рассуждений Т. Павлова, как и всех других современных болгарских критиков (Г. Цанева, Л. Стоянова, П. Динекова), ведет к тому, что внутри символизма признается наличие двух идеологий: реакционной идеологии крупной буржуазии и прогрессивной — мелкой буржуазии. Деятельность ведущей группы символистов связывается с идеологией мелкой буржуазии, болгарский символизм выступает как облеченное в особые формы, прогрессивное литературное течение. Вообще говоря, при такой постановке вопроса могло быть еще несколько различных идеологических направлений под одной общей вывеской: символизм представлен здесь лишь как пассивная форма, которая может быть по-разному использована; от характера этого использования зависит прогрессивность или реакционность символизма.

Мнение о прогрессивности символизма, утверждение, что символизм есть борьба против буржуазии, или, как говорит Т. Павлов, „восстание“ личности против всего того, что не совсем удачно называлось тогда „мещанским духом“,³ неизбежно ведет к оправданию принципов идеалистической эстетики, составляющей основу всего символистского течения.

Мысль о какой-то своеобразной прогрессивной роли болгарского символизма наиболее полно выражена Л. Стояновым, который считает, что „бегство от жизни“ обусловлено литературно-эстетическими и социальными причинами. Причинами социального характера, говорит Стоянов, являются „стабилизация общественного строя, характерная для конца прошлого и начала настоящего века, медленное течение истории... , где мелкобуржуазный интеллигент (а такими почти все символисты) чувствовал себя бессильным не только бороться, но и вообще жить. Стабильность буржуазного строя, перерастающего в модернизированный и ненасытный империализм, внушала символистам чувство безысходности, парализовала их общественное сознание. Они не чужды общественным вопросам, насилию и несправедливости, и их „бегство от жизни“ является как бы неписанным протестом, молча-

¹ Т. Павлов. Георги Бакалов — литературен критик. София, 1940, стр. 57.

² „Септември“, 1948, № 2, стр. 99.

³ Т. Павлов. Ук. соч., стр. 58.

ливым проклятием против жестокой застойности жизни, где кажутся увековеченными благоденствие и счастье одних и страдание других“.¹

Высказанные здесь Стояновым мысли почти буквально повторяются всеми болгарскими критиками. Проф. П. Диневков говорил в 1945 г., что символизм „во многих отношениях выражал бунт против морали и духовной застывленности мещанства и буржуазии“.² Эту свою мысль в несколько более ограничительных рамках он повторил и в 1949 г., когда писал, что болгарский символизм явился выражением „бунта против филистерской ограниченности и мракобесия крепнущей болгарской буржуазии“.³

В 1948 г. Г. Цанев писал, что болгарский символизм выразил „настроения интеллигентных сынов задавленной жизнью мелкой буржуазии, для которой социальные реформы и общественная борьба несли только несчастья... Поэзия символизма иногда, — продолжал Цанев, — являлась выражением недовольства, даже известного бунта против морали, которую несут новые буржуазные общественные отношения“.⁴

Приведенные цитаты свидетельствуют об установившемся в болгарской критике неправильном взгляде на символизм как на явление прогрессивное, даже революционное. Л. Стоянов прямо заявлял: „Тот факт, что многие символисты, как Блок, Брюсов, и футуристы, как Маяковский, позже, когда история зашагала более быстрыми шагами, перешли на эту сторону баррикад, в лагерь революции, говорит о том, что в данном случае граница была очень близкой“.⁵

С мнением болгарских критиков никак нельзя согласиться. Оно отражает непреодоленное влияние буржуазной критики. Современные болгарские литературоведы, оправдывая и защищая символизм (эстетику идеализма), косвенно поддерживают буржуазную критику.

Спору нет, значительная часть символистов — выходцы из мелкой буржуазии. Но сам по себе этот факт ничуть не является исходным при объяснении идейно-художественной платформы символизма, как литературного течения. Мы судим о писателях не по их социальному происхождению, а по их творческой практике.

Прежде всего нельзя согласиться с тем преувеличением роли мелкой буржуазии в общественной борьбе, которое заметно в работах некоторых болгарских критиков. Мелкая буржуазия, как известно, не выступала против основ капиталистической системы. Она стремилась сохранить свою собственность и по возможности увеличить ее. Ее революционность поэтому была весьма относительной, половинчатой.

Вместе с тем, необходимо заметить, что большая часть мелкой буржуазии (особенно беднейшее крестьянство и разоряющиеся ремесленники), при всей ограниченности своих идеалов, была участницей общедемократической борьбы, протестовала против насилия и произвола буржуазной монархии. Эти настроения полнее других выразил Иван Вазов, в творчестве которого нарисованы картины бедственного положения трудовых масс и выражен социальный протест против тогдашних общественных условий.

¹ Сб. „Национална конференция на българските писатели“, София, 1946, стр. 133.

² Там же, стр. 159.

³ Людмила Стоянов. Юбилеен сборник. София, 1949, стр. 122.

⁴ Георги Цанев. От символизъм към реализъм и социална поезия. София, 1948, стр. 6.

⁵ Сб. „Национална конференция на българските писатели“, стр. 123—124.

Можно ли говорить о подобном протесте в творчестве символистов? Анализ их произведений не дает оснований для такого вывода. Не располагая конкретными данными, болгарские критики говорят о протесте особого рода, о „неписанном протесте“, о „молчаливом проклятии“ (Л. Стоянов). Формой выражения этого протеста они считают уход от действительности в мир искусства, пессимизм и т. д.

История литературы знает много примеров, когда выраженный в творчестве пессимизм приобретает социальный характер и играет относительно прогрессивную роль. Это бывает, обычно, тогда, когда поэт не принимает, отрицает современную ему общественную действительность, но в силу оторванности от прогрессивных классов лишен чувства исторической перспективы. У таких поэтов мотивы пессимизма, одиночества сочетаются с беспощадной критикой общественных устоев. Эта критика и составляет в таких случаях ведущее, демократическое начало в творчестве писателей. Она-то и определяет содержание их поэзии.

Ничего похожего на это в поэзии символизма не было. Символистам чуждо ощущение классовых противоречий эпохи. В их творчестве мы не обнаруживаем никакой критики буржуазного порядка. Их пессимизм поэтому беспредметен, крайне абстрактен.

Болгарские символисты и не думали об общественных преобразованиях. Они скорее всего становились „в позицию примирителей социальных противоречий, ничтожных перед лицом вечности и смерти“.¹ Их уход в искусство, который некоторые критики склонны рассматривать как протест против буржуазного общественного строя, был в сущности своеобразной формой буржуазного индивидуализма и ничего прогрессивного в себе не заключал. Крайняя замкнутость, стремление укрыться от социальной действительности в „башне из слоновой кости“, проповедь „чистого искусства“ — все это отражало ту реакционную идеологию, которая нужна была именно буржуазии в ее борьбе против растущего революционного движения.

При рассмотрении символизма необходимо различать два вопроса: символизм как идейно-художественное течение и индивидуальный путь творчества отдельных поэтов-символистов. Известно, что символизм объединял поэтов различных социальных категорий; известно также, что в творчестве отдельных поэтов-символистов можно обнаружить иногда и прогрессивные черты. Факт этот всегда смущал и до сих пор приводит в замешательство некоторых исследователей, которые спорят о „сложности“ символизма, даже приходят к мысли о существовании „нескольких видов символизма“ и т. д. Между тем ясно, что эти положительные черты проявлялись не благодаря, а вопреки символизму, под действием ряда факторов, влиявших на творческий облик поэта, и обязательно знаменуют собой полный или частичный отход от символизма. Всякий положительный факт — это уже не символизм. Не видеть этого — значит неизбежно притти к неверному выводу о прогрессивности (или прогрессивных чертах) символизма как течения.

Переход отдельных поэтов-символистов в лагерь революционной поэзии всегда сопровождается разрывом с символизмом, который несовместим по своей сущности с революционным мировоззрением. Так было и в творческом развитии самого Л. Стоянова, хотя он

¹ М. Горький. Статьи 1905—1916. Изд. 2-е, 1918, стр. 114.

ошибочно стремится представить этот переход как цепь непрерывного развития, где одно продолжает другое, потому что „граница была очень близкой“.¹

При попытке объяснить эту „сложность“ обычно не учитывается одна очень существенная черта символизма — его воинственная реакционность. Известно, что „чем сильнее развивается рабочее движение, тем более отчаянными бывают попытки буржуазии и крепостников подавить или раздробить его. Оба эти приема, подавление насилием и раздробление буржуазным влиянием, практикуются постоянно во всем мире, во всех странах, причем то один, то другой прием выдвигаются на очередь различными партиями господствующих классов“.² В. И. Ленин говорит далее о том, что буржуазия часто прибегает от метода голого насилия к приему „разделения рабочих проповедью различных буржуазных идей и учений, ослабляющих борьбу рабочего класса“.³

Нет сомнения, что символизм явился в области искусства одним из таких приемов борьбы против растущего революционного движения. Это была борьба за влияние на массы, борьба, в которой одна из идеологических задач буржуазии состояла в том, чтобы отравлять сознание людей пропагандой всякого рода теорий идеализма. Стремясь подчинить своему влиянию возможно больший круг колеблющихся, буржуазия прикрывала истинную сущность своих стремлений. Она использовала замаскированные формы духовного дурмана. Под различными масками проповедалась используемая империалистической буржуазией и поныне реакционнейшая идеология космополитизма: создавалась версия об общечеловеческих „истинах“, о надклассовости искусства, для которого будто бы нет границ ни во времени, ни в пространстве; декларировался уход от общественной жизни и создавались иллюзии о каком-то другом — сказочном мире.

Под завесой этого тумана трудно было сразу открыть политическую сущность символистского течения. Проповедуемый космополитизм притуплял сознание: держа поэта в сфере необъяснимых „вечных“, „общечеловеческих истин“, он закрывал перед ним возможность познать социальную жизнь и тормозил его духовный рост. Сущность символизма была сознательно окутана туманом идеализма — рассуждениями о беспартийной „чистой“ поэзии, о божественной силе искусства и т. д. Все эти обстоятельства объясняют тот факт, что символистами были не только представители уходящих классов — защитники империалистической буржуазии и дворянства. Под влиянием символизма оказывалась и целая группа „недовольных“ жизнью, колеблющихся интеллигентов из мелкой буржуазии и частично из среды пролетариата.

Символисты выступали защитниками космополитических идей, ратовали за какое-то неопределенное „искусство человечества“. Так, например, поэт Гео Милев, впоследствии автор революционной поэмы „Сентябрь“, под влиянием Шарля Бодлера и особенно Рихарда Демеля, писал в 1914 г.: „Поэзия модернизма не является детищем одной узкой современности, а пространной исторической универсальности...“⁴

¹ Ниже будет показано, как Стоянов невольно возражает самому себе и, не замечая этого, опровергает свои ошибочные взгляды.

² В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 266.

³ Там же.

⁴ „Звено“, 1914, кн. 4 и 5, стр. 302.

Символисты не только порвали связи с демократическими традициями в болгарской литературе, но и вели против них постоянную борьбу. Их космополитизм был направлен против национальных интересов болгарского народа. Их искусство противостояло национальной народной культуре, на нем лежала печать идейного ничтожества буржуазии.¹

Нет ничего удивительного в том, что выразительницей этой реакционной идеологии явилась значительная часть интеллигенции, вышедшая из мелкой буржуазии. „Недовольная“ капитализмом, но отвернувшаяся от революционного движения, она (и это было вполне логично) стала на путь проповеди космополитических теорий безидейности и аполитичности искусства.

При объяснении поворота мелкобуржуазной интеллигенции в сторону реакции необходимо учесть еще, как существенное обстоятельство, ту глубокую противоречивость, которая заложена в самой социальной природе мелкой буржуазии. История убеждает, что представители мелкой буржуазии в пору революционного подъема примыкают к общему движению борьбы, в годы же спада революционного движения — отходят от него в сторону политической реакции. Характерен в этом отношении путь основоположника болгарского символизма, поэта Пейо Яворова. В конце XIX в. и в самом начале XX в., накануне Илинденского восстания 1903 г., Яворов жил революционными идеями. В этот период написаны им прекрасные произведения из жизни трудового народа; к этому времени относится и его дружба с вождем Внутренней македоно-одринской революционной организации, Гоце Делчевым. После героической гибели Г. Делчева и подавления Илинденского восстания Яворов отошел от революции. Отсутствие общественного идеала породило пессимизм, привело к душевной замкнутости — к символизму.

Символизм в болгарской литературе просуществовал, как сказано выше, довольно долго, и это в значительной степени объясняется слабостью демократических классов в стране — пролетариата и крестьянства, слабостью революционного пролетарского движения в Болгарии. Орган болгарской коммунистической партии журнал „Ново време“ в 1906 г. писал о том, что болгарский рабочий класс не стал еще общественно-революционным классом, так как он не сознает еще себя таким, или, как говорил Маркс, не стал „классом для себя“. О слабости и малочисленности рабочего класса на Балканах писал Ленин в 1912 г.² Вплоть до 1923 г. история Болгарии не знает ни одного организованного вооруженного выступления пролетариата.

Итак, болгарский символизм — это идеологическое порождение наступившей в начале XX в. политической реакции. По всем своим признакам — это реакционно-буржуазное течение, и всякие попытки отыскать в нем нечто прогрессивное несостоятельны и вредны.

Ошибка болгарских литературных критиков состоит не в том, что они указывают на связь большинства символистов с мелкобуржуазной средой, а в том, что пытаются представить болгарский символизм как особое демократическое и даже революционное течение. Факт связи

¹ Народный поэт Иван Вазов в предисловии к своему сборнику „Легенды у Царевца“, София, 1910, назвал эту поэзию „чуждой болгарскому народу“.

² В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 340.

многих символистов с мелкой буржуазией игнорировать нельзя, но надо рассматривать его с точки зрения тех действительных противоречий, которые присущи мелкой буржуазии. Раскрытие этих противоречий поможет объяснить причины распада болгарского символизма.

Выше мы говорили, что символизм служил буржуазии. Но бросается в глаза, что главная масса болгарских символистов не становилась открыто на сторону господствующих классов. Нигде в произведениях виднейших представителей символизма мы не обнаруживаем открыто тенденциозной защиты буржуазных общественных порядков, нигде нет апологетической поэтизации жизни буржуазии, ее быта, морали. Здесь, повидимому, сказывается наличие известных связей с мелкой буржуазией, которой вообще присущи колебания, непоследовательность. Противоречивость мелкобуржуазной психологии основной группы символистов создавала для целого литературного течения положение неустойчивости: служба правящей буржуазии, эти поэты в то же время таили в душе известное чувство недовольства; противопоставляя себя объективно революционному движению, они в то же время не порывали связей с разоряющейся мелкой буржуазией (некоторые — с крестьянством), что иногда пробуждало в них интерес к социальным вопросам. В их произведениях жила неопределенная мечта о лучшем устройстве человеческого общества.

При таком положении (речь идет о социальном составе поэтов) вполне очевидно выражают себя реальные предпосылки распада символизма. Все зависело от силы влияния общественных событий на отдельных поэтов-символистов.

В период общественного подъема, начавшегося с Балканских войн, отдельные поэты стали постепенно отходить от символизма. Этот отход довольно резко обозначился во время первой мировой войны, потому что именно в этот период со всей очевидностью сказалось банкротство националистической болгарской буржуазии, приведшей страну к катастрофе. Крах идеалов буржуазии убеждал в ограниченности и бесперспективности ее политики. Развивающиеся события поставили группы поэтов близко к главной общественной силе истории — к народу, который на своих плечах выносил все ужасы войны. Многие из поэтов лично пережили тяжесть войны. Почти все они были на фронте: Дебелянов был убит в 1916 г., Гео Милеву осколком выбило глаз, Л. Стоянов, перенесший холеру в Балканскую войну, пережил немало испытаний и позже, во время первой мировой войны.

Следует, однако, сказать, что процесс отхода от символизма был необычайно противоречивым и медленным. Это объясняется слабостью революционного движения в стране. Войны не могли, естественно, сыграть роль решающего фактора, ибо они не отвечали на назревшие вопросы: куда идти и что делать? Нужны были крупные революционные события, которые внесли бы идейную ясность и увлекали бы силой борьбы. В связи с этим исключительно важное значение для Болгарии имел такой могучий фактор, как Октябрьская Социалистическая революция в СССР.

Октябрьская революция и начавшаяся под ее влиянием революционная борьба болгарских рабочих и крестьян (Владайское восстание 1918 г., Сентябрьское вооруженное восстание 1923 г.) указали писательской интеллигенции верный путь к народу, помогли поэтам освободиться от буржуазной идеологии и перейти на сторону передовых

демократических сил. Произошло то, что почти все крупные поэты (за исключением двух-трех — Траянова, Лилева и др.) в большей или меньшей степени отошли от символизма, многие перешли в лагерь революционной поэзии.

Уже Яворов почувствовал трагедию индивидуализма, хотя в его творчестве не было еще заметной борьбы за выход из тупика. Но сам факт самоубийства поэта (1914) явился результатом не только личных, но и идейно-художественных противоречий, в которых запутался поэт под влиянием символистской эстетики. Заметно отходит от символизма в последний период своего творчества поэт Димчо Дебелянов. В своих стихах „Светла вяра“, „Тиха победа“, „Един убит“, „Орден“ и других он поднялся до реалистического описания войны и до критики царской монархии. По тому же пути пошел Е. Димитров, воспевавший в 1921 г. Октябрьскую революцию в поэме „Русия“ (Россия). Что касается поэтов Христо Ясенова и Гео Милева, то они окончательно порвали с символизмом (Ясенов уже с 1917 г., Милев позже — после Сентябрьского восстания 1923 г.), вступили в коммунистическую партию и успели создать произведения огромной революционной силы. Несколько медленнее других изживал символизм Л. Стоянов, но и он уже тогда стал на путь отхода от старого буржуазного искусства.

Таким образом, ведущая группа болгарских символистов перешла на сторону революции. Факт этот необычайно важен. Он явился результатом не особых идейно-художественных тенденций болгарского символизма, а тех своеобразных, противоречивых общественных условий, тех революционных событий, которые оказывали большое воздействие на поэтов-символистов и их творческое развитие. По причине этих условий в болгарской литературе резче, чем в других областях идеологии, ощущался кризис буржуазной культуры вообще и крах буржуазного символистского искусства, в частности. В этом и состоит огромный смысл литературного процесса данного периода: распад символизма знаменовал собою начало новой эпохи — эпохи пролетарской литературы, соответствующей росту пролетарского революционного движения.

Таковы в общих чертах условия развития болгарского символизма и пути творческого развития отдельных поэтов, среди которых видное место занимал крупнейший современный поэт Болгарии Л. Стоянов.

* * *

Людмил Стоянов — сын учителя. Его отец, Стоян Златарев, — выходец из крестьян. Он стал учителем благодаря упорству и невероятным усилиям: ходил на заработки и на сбереженные деньги окончил шесть классов гимназии. Став учителем, Стоян Златарев не только не оторвался от крестьян, а пережил вместе с ними трагедию разорения и нищеты — следствие развития промышленного капитализма в конце XIX в.

Отец Стоянова, повидимому под влиянием идей народничества, занимался просветительской деятельностью: организовывал различные курсы, устраивал конференции учителей, работал по организации кооперативного движения и т. д. Власти постоянно преследовали народного учителя как политически опасного, переводили его из одного села в другое до тех пор, пока он не был вынужден бросить учитель-

скую работу и стать мелким чиновником Земледельческого банка в Станимаке.

Многочисленная семья Стояна Златарева жила крайне бедно. Средств на учебу детей не хватало. Стоянов не мог не видеть, каких усилий стоило его отцу содержание семьи, и решает сам найти средства к существованию. С этой целью Стоянов бросает пловдивскую гимназию, в которой учился, и летом 1905 г. уезжает в Софию. Здесь семнадцатилетний юноша столкнулся с городскими условиями жизни и испытал всю тяжесть материальных лишений. Временами он голодал, нередко ночевал под открытым небом. Иногда ему удавалось найти временную работу корректора или переводчика, на которую он смотрел как на средство просуществовать хоть один день.

Постоянные гонения, которым подвергался отец, лишения, которые испытывал он сам, ведя полуголодную жизнь литератора, посеяли в душе Л. Стоянова семена ненависти к эксплуататорам и к правящей монархической власти. Об этом говорит тот факт, что 7 января 1907 г., в день открытия Народного театра, Л. Стоянов участвовал в группе студентов, которая публично высмеяла кортеж царя Фердинанда, встретив его оглушительным свистом и снежными комьями. При разгоне студентов полицейская сабля угодила Стоянову в правое плечо и перебила ключицу.

Идейное развитие Стоянова зависело от силы влияния на него общественных течений того времени и от среды, с которой поэт непосредственно был связан. Здесь необходимо заметить, что Стоянов оказался в стороне от революционно-демократического движения, которое могло воспитать в нем сознательное отношение к борьбе. В этом повинно в известной мере и „интеллигентское“ происхождение поэта: отцовское воспитание в народно-идеалистическом духе мало содействовало приобщению сына к практической борьбе трудящихся. „Это «интеллигентское» происхождение, — замечал впоследствии Стоянов, — мешало мне в жизни, увлекало меня за миражами идеализма“.¹

Стоянов вращался в среде бунтарски настроенной мелко-буржуазной интеллигенции, поэтому его законное недовольство царским режимом вылилось в анархо-интеллигентский бунт, разновидностью которого явилась литературная богема группы самоуверенных интеллигентов, мнящих себя вершителями судеб мира. Эта среда мелкобуржуазной интеллигенции оказалась благоприятной почвой для проникновения и развития утонченной буржуазной идеологии. Господствовавший тогда в других странах и усиленно культивировавшийся в Болгарии символизм был воспринят как начало „великого дела“. «И не только я, — рассказывал Стоянов в 1936 г. в статье «Мой литературный наставник», — а вся наша «богема», кто больше, кто меньше, все жили красивой самоуверенностью знаменитого гидальго, все считали себя Колумбами еще неоткрытых миров. С Бодлером и Маларме или с Брюсовым и Блоком подмышкой, мы были убеждены, что делали великое дело, загипнотизированные формулой, что «красота спасет мир“».²

Так Стоянов пришел к ложному восприятию символизма как формы своеобразного социального бунта, став, в сущности, рупором этой реакционнейшей упадочной буржуазной идеологии.

¹ Л. Стоянов. Избрания творби. София, 1948, стр. 392.

² „Кормило“, 11 марта 1936 г. (Цитирую по „Избрания творби“, София, 1948, стр. 433).

На формирование взглядов Стоянова влияли и тогдашние писатели. Известно, что первые выступления поэта относятся к 1903 г. Это — юношеские стихи, вариации на темы из народных песен, анонимно печатавшиеся в разных газетах и плохо сохранившиеся. В центральной журнальной прессе Стоянов выступил в 1905 г. К этому времени он уже был знаком с поэтом-символистом Димчо Дебеляновым, с которым вместе учился в пловдивской гимназии. Близость и дружба двух поэтов продолжались до самой смерти Дебелянова в 1916 г. В том же 1905 г. Стоянов входит в круг редакции журнала „Художник“, который был тогда литературным органом болгарских символистов. В этом журнале активно сотрудничал Т. Траянов — один из основоположников болгарского символизма. Через поэтов и сотрудников „Художника“ Стоянов близко познакомился с произведениями русских и французских символистов и испытал их влияние.

На страницах журнала „Художник“ в 1906 г. появился стояновский цикл стихотворений „Замръзнали цветя“¹ (Замерзшие цветы), датированный 25 ноября 1905 г. В этих стихах сказались уже вполне очевидные признаки символизма с его пессимизмом и безнадежностью.

Ясно, что увлечение символизмом для Л. Стоянова не было жертвенным служением классово-осознанной идее. Испытывая на себе тяжесть капиталистических условий жизни, Стоянов даже склонен был считать, что, уходя в искусство, он протестует против того мира, „где кажутся увековеченными благоденствие и счастье одних и страдания других“. Поистине трагическое положение — жить мыслью о борьбе с тем, что на самом деле защищаешь, чему в действительности служишь. К этому неизбежно привели его сложные социальные противоречия, порожденные общественным бытием колеблющейся мелкой буржуазии.

Символистские представления Стоянова в их собранном виде наиболее резко выразились в первых его сборниках: „Видения на кръстопът“ (Видения на перепутье, 1908—1912), „Керван“ (Караван, 1912—1914), „Святая святых“ (1918—1922), „Грамайка“ (1923—1925). Эти сборники служат главным источником необходимых данных при характеристике стояновского символизма.

Л. Стоянов руководствовался принципами буржуазной эстетики: он ревностно защищал независимость искусства от общественной жизни, ратовал за „искусство ради искусства“, выдвигал как первооснову культ „чистой красоты“. В предисловии к сборнику „Видения на кръстопът“ (1912) Стоянов писал: „Чем известное произведение ближе к обыкновенному быту, тем меньше элементов поэзии несет оно и, следовательно, не заслуживает и тени внимания. Призрак морали и истукан истины не имеют места в искусстве, которое живет само для себя и черпает из источников более чистых, чем источники признанных добродетелей“.²

Те же мысли проводит Стоянов и в своей художественной практике. Интересно в связи с этим проследить, что же представляют собою эти „чистые источники“ и какое искусство они помогли Стоянову создать?

¹ „Художник“, 1906, кн. 8 и 9, стр. 6.

² За неимением под рукой сб. „Видения на кръстопът“, цитирую по статье Д. Б. Митова „Л. Стоянов“ („Читалище“, № 1, 1948—1949 гг.).

Буржуазные литературоведы делают все возможное, чтобы выдвинуть на первый план именно эту часть стояновской поэзии, считая ее поэзией непреходящей художественной силы.

Между тем, именно эта часть поэзии является в сущности наиболее слабой.

Отказавшись от связи с реальной жизнью, поэт ушел в область личных душевных переживаний. Он пытается создать фантастический мир „неизведанных земель“, пробует жить пассивным созерцанием природы. Отрешившись от главного источника художественной силы и тематического разнообразия — от явлений общественной жизни, — Стоянов неизбежно скатился на путь духовного обнищания. И хотя в стихотворении „Целина“¹ (первом стихотворении сборника „Видения на кръстопът“) поэт многообещающе говорит о том, что он призван в ранний час разбудить от сна древнюю, обросшую бурьяном целину и, по завету „многознающего бога“, зарыть в ее недрах „благодатное зерно“, мы скоро, однако, убеждаемся, что это, выражаясь словами самого Стоянова, лишь „красивая самоуверенность знаменитого гидальго“. На самом же деле его поэзия данного периода отличается поразительным убожеством мысли.

Предвзятость убеждений гибельным образом ограничила круг наблюдений поэта. Перечитывая строку за строкой, стихотворение за стихотворением, невольно убеждаешься, что главным образом только два чувства являются предметом поэтического изображения: чувство скорби и чувство любви. Могут заметить, что в первых пяти сборниках Стоянова („Видения на кръстопът“, „Керван“, „Меч и слово“, „Святая святых“ и „Прамайка“) есть и другие мотивы. Это действительно так. Но, во-первых, они не характерны для того периода; во-вторых, они не являются следствием принятых поэтом эстетических принципов символизма, а, наоборот, знаменуют собою начало разрушения этих принципов под воздействием общественных событий времени. Об этом речь будет идти ниже. А пока мы говорим о результатах влияния символизма, констатируя факт, что почти вся поэзия Стоянова этого типа вращается вокруг темы скорби и любви.

Никто, разумеется, не утверждает нелепой мысли, что эти чувства не могут быть предметом поэтического изображения. Но все дело в том, какое место они занимают в творчестве поэта и как изображены. У Стоянова в первых сборниках его стихотворений они занимают центральное, определяющее место, и это первый бесспорный признак ограниченности поэта, слепо отдавшегося субъективным переживаниям и пренебрегшего десятками других волнующих тем, которые бы обогатили его поэзию. Достаточно только взять в руки сборник стихотворений Стоянова (1945) и перелистать его начало, чтобы убедиться в тематическом однообразии. Сборник этот включает все предшествовавшие сборники, которые образуют в нем отдельные разделы. В разделе „Видения на кръстопът“ помещено 23 стихотворения. Из них 10 стихотворений посвящены теме печали: „Върби“ (Ивы), „Есенна сутрин“ (Осеннее утро), „Полет“ (Полет), „Кладенец“ (Колодец), „От кулата“ (Из башни), „Моята скръб“ (Моя скорбь), „Скръбта е близка“ (Скорбь близка), „Русалка“, „Буря“, „Удавник“ (Утопленник);

¹ При анализе текстов, ввиду отсутствия у нас первых изданий отдельных сборников, в данной работе пользуемся сб. „Стихотворения“, София, 1945.

11 стихотворений написаны на тему о скорбной любви: „Приказка“ (Сказка), „Спомен“ (Воспоминание), „Есенна любов“ (Осенняя любовь), „Нощно слънце“ (Ночное солнце), „Пенелопа“, „Дон Жуан“, „Дафнис и Хлоя“, „Твоят сън“ (Твой сон), „Пред прага на есен“ (На пороге осени), „На първа стража“ (На переднем посту), „Пред утрото“ (Перед утром). Только два стихотворения — „Целина“ и „Сенки“ (Тени) как будто отличаются тематически, но и они не выходят за пределы общей направленности раздела: в первом, являющемся своеобразным поэтическим вступлением к сборнику, поэт празднично говорит о своей высокой миссии; во втором как бы утверждает призрачность мира с его дневными тревогами.

Но, может быть, столь ограничив себя тематически, поэт зато изобразил эти два чувства глубоко и полно? В том то и дело, что нет. Стоянов отрывает в своей поэзии чувство скорби от реальной породившей его почвы и ввиду этого идеалистического подхода лишает себя возможности установить живую связь между следствием (в данном случае — печалью) и причиной, вызвавшей эту печаль. Идеалистическая система мышления в том именно и состоит, что, окутав туманом сознание человека, закрывает перед ним возможность познания реального мира в его причинной связи и зависимости.

Что же может сказать поэт о печали, взятой в отрыве от породившей ее почвы? Решительно ничего, кроме декламационного повторения слова „печаль“. Стоянов так и поступает. В стихотворении „Есенна сутрин“ он пишет:

Безутешните мъгли възлизат:
Тътен е под нас и преизподня!
Гарвани се гонят по корниз,
Грачат монотонно и бесплодно.
И ръка безтрепетна разкрива
Гробницата с медната покривка:
Там безброй желания заспиват
С горко умолителна усмивка!

Безутешно туман поднимается:
Под нами гром и преизподня!
Вороны бегут по карнизу,
Каркают монотонно и бесплодно.
И бесстрашно рука открывает
Гробницу с медной крышкой:
Там множество желаний умирает
С горькой, умоляющей улыбкой.¹

В стихотворении „Русалка“ поэтизируются убитые надежды и желания. Задавленная тоской одиночества, русалка обречена на трагическую гибель:

Забравена в усоен вир
И безтревожно-мълчалива,
Не чакам щастие, ни мир,
И пролетта ме не упива.

Забытая в ущелье темном,
Я без тревоги, молчаливая,
Не жду ни счастья, ни мира,
И весна меня не пленяет.

Такая голая констатация факта печали встречается на каждом шагу в огромном количестве текстов. Но от этих декларативных повторений слова „печаль“, сколько бы их не было, изображение не приобретает конкретно осязаемого облика и не выигрывает в силе, потому что оно лишено материальной основы. Если под материальной основой разумеется жизнь, то ясно, что, сколько есть реальных событий, столько может быть реальных человеческих радостей и печалей. Легко представить себе, как богато в данном случае могло быть изображено чувство в его многообразных проявлениях, если бы оно было связано со своим источником.

¹ Здесь, как и ниже, дается не поэтический, а подстрочный перевод приводимых текстов.

Но Стоянов не ищет причин. Он лишь утомленно, со вздохом заявляет о своей скорби. Чувство у него абстрактно, беспричинно и поэтому безжизненно. Это вполне в духе символизма, который проповедовал культ „чистой красоты“, „чистого искусства“ и таинственности поэтического уединения. Стоянов объективно выражал эту упадочную идеологию. Он называет свою скорбь „царственным замком в глубине мрачного леса“ (стих. „Моята скръб“). Нечего и говорить о возможности познания стояновской печали: она ограждена рамками недоступной таинственности.

Конкретным примером крайней духовной немощи является стихотворение Стоянова „Върби“. Буржуазные литературоведы представляют его как настоящий перл поэзии. Может быть, под их влиянием и некоторые современные литературоведы выделяют это стихотворение как одно из лучших.

Спору нет, в области техники стиха у Стоянова и в данный период есть несомненные заслуги. Для иллюстрации можно назвать не только стихотворение „Върби“. Образцом технического мастерства является, например, стихотворение „Твоят сън“, поэтический размер которого поражает своей ритмической стройностью. Неслучайно, именно этот размер, известный и в поэзии Яворова, был с некоторыми изменениями так удачно использован выдающимся пролетарским поэтом Христо Смирненским в его лучшем стихотворении „Червените ескадрони“ (Красные эскадроны).

Но не в одной технике эстетическая красота произведения. Во всем же остальном стихотворение „Върби“ — типичный образец символистской поэзии с ее отрешенностью от реального мира и безнадежным пессимизмом. Стихотворение невелико, вот его полный текст:

Крайбрежните върби изпращат своя ден.
И гасне заикът: безименни, безплътни,
полазват сенките на вечер странно-пищна.
Скръбта е призрачна, желанията — смътни,
и миналото — сън, и радостта — излишна.
Пробягва вятърът, нашепва тъмна вест
и пада немощен, осиротял, злочест...
Простри, о господи, съзвездните воали,
прати ни свят покой и благодетелна:
ний плачем над води, надежда непознали,
и дирим отговор от нямата вселена.
Крайбрежните върби изпращат своя ден.

Прибрежные ивы провожают свой день,
И угасает запад: безымянные, бесплотные
Выползают тени странно-пышного вечера.
Скорбь призрачна, желания смутны,
И прошедшее — сон, и радость излишня.
Пробегаёт ветер, нашепывает темную весть
И падает немощный, осиротевший...
Раскинь, о господи, созвездия вуали,
Пошли нам святой покой и неизменную благодетельность:
Мы плачем над водами, не познавшими надежд,
И ждем ответа от немой вселенной.
Прибрежные ивы провожают свой день.

Современный болгарский поэт и критик Камен Зидаров считает „Върби“ „одним из наилучших стихотворений... прекрасно иллюстрирующим настроение и отношение автора к окружающей его действительности“.¹ Речь идет в данном случае не только о технике стиха,

¹ К. Зидаров. Людмила Стоянов, кратък биографичен и литературен очерк. София, 1948, стр. 68.

о которой мы говорили выше. Мысль Зидарова значительно шире: стихотворение рассматривается как своеобразный протест против тогдашней буржуазной действительности. Общий тон стихотворения — его безысходный пессимизм — связывается с безвыходным положением мелкобуржуазной интеллигенции. В чем же выражается это отношение писателя к окружающей его действительности? Самый тщательный анализ не дает ответа на поставленный вопрос, потому что в стихотворении нет главного — самой действительности. Чувство печали здесь, как и в других стихотворениях, не имеет облика конкретности: оно представлено туманными абстракциями символизма. Это печаль вообще — вне места и времени, печаль без причины. Под таким „протестом“, под произведением с такой неопределенной печалью мог подписаться любой буржуа, который тоже „выражал свое отношение к действительности“ — к революционной борьбе народа — и, испуганный этой действительностью, вполне естественно впал в пессимизм и даже отчаяние.

Известно, что Стоянов субъективно отрицательно относился к буржуазным порядкам, но это отрицательное отношение никак не проявилось в стихотворении „Върби“, не проявилось оно и в ряде других произведений.

Стоянов не был связан с революционной действительностью, поэтому у него в эти годы нет ни одного социально-значимого образа. Поэт был в плену символизма, и этим объясняются многие черты его поэзии данного периода — беспредметность, абстрактность печали и т. д. Стихотворение „Върби“, рассмотренное как факт творчества, безотносительно к субъективным желаниям поэта, не только не было протестом против буржуазной действительности, но более того — играло объективно реакционную роль. В нем нет никаких признаков, которые отличали бы его от произведений буржуазно-символистской поэзии.

Крайняя ограниченность мысли проявляется во всей образной системе стихотворения, которая носит на себе печать художественного бессилия. Читая текст, нетрудно заметить, что в обрисовке летнего вечера нет ни одной реальной черты. Здесь создан бесплотный и невидимый, доступный якобы лишь одному воображению поэта мир призраков и теней. Стоянов сам говорит о призрачности всего окружающего, он обнажает свою духовную опустошенность в словах: „Скорбь призрачна, желания смутны, и прошедшее — сон, и радость — излишня“. Что же остается поэту, не имеющему ни прошлого („прошедшее — сон“), ни будущего („желания смутны“)? Ничего другого, кроме как положиться на бога. К этому тупику и ведет читателя Стоянов, когда молитвенно просит бога „раскинуть звездные вуали“,¹ „послать покой и благодать“. Сам же он, став смиренно на колени, ждет „ответа от немой вселенной“.

Из многих произведений этого периода, в которых изображается печаль, следует выделить два стихотворения: „Удавник“ (сб. „Видения на кръстопът“) и „Блато“ (сб. „Керван“). В отличие от других произведений, где печаль обычно беспричинна, здесь есть намеки на то, что она является результатом действия каких-то внешних сил. Не будем

¹ В первой редакции („Звено“, 1914, кн. 1, стр. 45) — „предвечные вуали“: резко выражен дух философии Шопенгауэра о переходящем (земном) и вечном (божественном).

обращать внимание на условность образов и изображаемой обстановки: у Стоянова утопленник живет на дне под водой — он тяжело дышит, у него тревожно бьется сердце и работает мысль. В данном случае важно то, что утопленник — символ задавленного невероятной тяжестью человека, обреченного на безнадежное одиночество, мрак и холод.

Эта мысль еще сильнее выражена в стихотворении „Блато“ (Болото), где создана следующая картина. На фоне ночи простерлось без конца и края сонное болото. Здесь все как будто замерло, ленивый ветер еле колышет спящий тростник. Только желтые жабы „пьют лазурь свода“ и квакают. Тина излучает нестерпимый смрад. Поэт с горькой иронией обращается к своей душе: „... ты еще ждешь своего рая!“, — чтобы заключить иронию ответом безнадежного пессимизма: „Может быть, ждет меня где-то гроб без креста“. Здесь, говорит поэт, „замирает желанного голос!“. Вот восемь строк стихотворения, в которых конденсированно выражена беспредельная тяжесть горя:

Съяно блато се простряло до без-
край...
О, душа! Ти още чакаш своя рай!
Вятър бавно, плавно люшка спяща
тръст...
Може би ме чака нейде — гроб без
кръст!
Жълти жаби пият свода и крещят...
И замира на желанното гласът!
Тинята излъчва смрад и спарен
дъх...
Във тръстата се сепва тягостен въздух.

Сонное болото простерлось без края...
О душа, ты еще ждешь своего рая!
Ветер медленно, плавно колышет уснувший
тростник...
Может быть, ждет меня где-то гроб без
креста!
Желтые жабы пьют лазурь свода и
квакают,
И замирает желанного голос!
Тина излучает смрад и душные испарения.
В тростнике трепещет тягостный вздох.

У читателя не остается сомнений, что тяжесть горя налицо. Но следствием чего явилось горе? Ответить на этот вопрос — значит раскрыть смысл двух символов: 1) темного пласта воды, под которым лежит утопленник, и 2) сонного болота. Мы готовы предположить, что символика играет здесь социальную роль: тяжелый пласт воды и сонное болото, где гибнут все человеческие желания, символизируют собой буржуазный общественный порядок. Тогда стихи звучат как протест. Но какие у нас есть основания для подобных выводов? Есть только одно основание: субъективные свидетельства самого автора,¹ который, как только заходит речь о символизме, говорит о „неприятности буржуазной действительности“.²

Вполне возможно, что выраженной в стихотворении чувство горя потому именно и выступает с такой силой, что в нем отзывалась тяжесть душевного состояния самого автора, который был недоволен общественными условиями окружающей его жизни. Если бы стихотворение „Блато“ заканчивалось только процитированными строками, тогда вполне определенно можно было бы говорить и об этих общественных условиях. Но последующий текст стихотворения отнимает это право. Четыре заключительные строки говорят о том, что Стоянов остается в рамках буржуазно-идеалистического мировоззрения:

¹ Все высказывания Стоянова о символизме мы рассматриваем как документ субъективных представлений его и некоторых других поэтов-символистов, не принимая их как характеристику символистского течения.

² Л. Стоянов. Стихотворения. София, 1945, стр. 6.

он решает поставленный им самим же вопрос в духе религиозного дуализма — говорит о бренности всего земного и о вечном, непреходящем начале бога. Так именно надо рассматривать стихи:

Но над туй презрено царство, над води,
Отразени, тръпнат вечните звезди!
И дълбоко лилии, на тоя зов,
Прошумяват и затихват без любов!

Но над этим презренным царством, над
водами,
Отраженные, сияют вечные звезды!
И в ответ им глубоко лилии
С легким шумом затихают без любви.

Смысл символа „Сонное болото“ раскрывается не как социальный фактор, а как отвергаемое религиозной схоластикой „презренное царство“ на земле, которому противостоит вечный и чистый мир божества.

Тот же религиозный дуализм, в несколько более неясном выражении, просвечивает и в стихотворении „Удавник“. Таким образом, и эти два стихотворения не выходят за пределы буржуазного мировоззрения, под влиянием которого находился Стоянов.

С темой печали в поэзии Л. Стоянова непосредственно связана тема любви, притом любовь, как правило, трагически несчастна. Но и здесь мы не можем установить причин трагизма, потому что отсутствует изображение реальных человеческих отношений — все тонет в риторических абстракциях символизма. Ясно одно, что поэт, отошедший от общественной жизни, возвел культ любви в начало всех начал. В стихотворении „Весло“ он восторженно рассказывает о том, как, возвращаясь с битвы, плыл по каким-то древним рекам, чтобы вернуться к любимой. К ее ногам он приносит все — с нею связан трубный клич во время боя, для нее поэт создал искрометные слова своих стихов, потому что, по его выражению, в ее сладостном и властном взгляде отразились миллионы звезд. Поэт сломал меч и бросил его во имя любви:

По-горещо от бран и по-ярко е сърцето
на скъпа жена;
И по-твърда от броня — душата, и по-
вярна от меч — любовта.

Горячее и ярче битвы сердце любимой
женщины,
И тверже брони душа, и вернее меча —
любовь.

Образ любимой женщины в поэзии Стоянова далек от реальных представлений. Это не живая конкретная индивидуальность с определенными человеческими эмоциями, а скорее всего загадочная маска, таинственная и недоступная неизвестность. Показательна обрисовка портрета любимой. В стихотворении „Портрет“ любимая является поэту с душой беспокойной, как тяжело дышащая серна; в ее взгляде таятся чары знойных небес; ее распущенные косы подобны плеску яростных волн; утомленные брови и жадные уста вызывают к наслаждению. Этот неземной образ женщины характерен для многих произведений Стоянова. В стихотворении „Приказка“ образ женщины мелькает, как тень, за которой поэт неустанно следует. Он ищет ее в далеких странах — на берегу Нила, в Египте, однако любовь нигде не приносит утешения. В стихотворении „На първа стража“ „холодный мрак сковал горящие сердца“; в стихотворении „Есенна любов“ любимая скрылась во мраке, и печаль объяла душу поэта. Естественные нормы человеческой любви в поэзии Стоянова разрушены. Любовь часто изображается как болезненная смесь наслаждения и боли: поэт

называет любовь „сладостно-гибельной тайной“, из источников которой „отпил горькие глотки“ („Нощно слънце“). Та же мысль проводится и в стихотворении „Твоят сън“.

В поэзии Стоянова данного периода¹ нет ни одного конкретного, живого образа: все дано как будто вне пространства и времени, изображаемые фигуры статичны и неопределенны — проступают в самых общих, почти неуловимых чертах. Неслучайно, что обрисованы они на фоне наступающих сумерек или глубокой ночи. В связи с этим характерен образ уходящего дня — заката (стих. „Есенна сутрин“ и „Скръбта е близка“).

Погребален звън денят отглася,
Слънчеви лъчи не ще го стоплят. . .

Погребальным звоном день уходит,
Его не согреют лучи солнца. . .

Денят покорно очи затвори,
Гасне на запад, спуща се диска. . .
Вечер желана! Бледни простори!
Скръбта е близка, скръбта е близка.

День покорно закрыл глаза,
Угасает запад, падает диск. . .
Вечер желанный! Бледные просторы!
Скорбь близка, скорбь близка!

Образ вечера и ночи встречается очень часто. В сборнике стихотворений 1945 г. мы обнаруживаем этот образ в каждом из стихотворений, помещенных в начале книги: „Целина“, „Върби“, „Есенна сутрин“, „Полет“, „Кладенец“, „От кулата“ и т. д. Это объясняется постоянным стремлением автора к таинственности. Фон вечера (сумерек, ночи) кажется наиболее подходящим для иллюзорного мира теней и призраков. Сам поэт говорит об этом (стих. „Творец“):

От сенки и мисли смутени,
Що тягостна вечер чертай,
Създадох живот и движение,
И трепет, и трепет безкрай!

Из теней и мыслей смущенных,
Начертанных тягостным вечером,
Я создал жизнь и движение,
И трепет, трепет без конца!

Загадочность, невещественность образов выражается в самих поэтических сравнениях: поэт видит не полет птицы, а лишь мелькающую тень; он и себя сравнивает то с призраком, то с тенью; и сон у него — вострепнувшая душу черная тень (стих. „Приказка“):

Сън тъжовен — сянка черна
Във душата ми се мерна. . .

Скорбный сон — черная тень
В душе промелькнула.

Природа мертва, пейзаж безжизнен. Стихотворение „От кулата“ начинается, как и многие другие, описанием ночи. В начальных строках введены звучные эпитеты света и величия: ночь среброзвездная, безбрежная. Но это только пустые риторические слова. На самом деле картина выглядит убого: поэт говорит о „далеком взгляде бледной луны“ и заканчивает стихотворение словами о пустынных степях и опять о луне, только на этот раз употреблен другой эпитет — мертвая луна.

Наиболее трагично во всем этом то, что сам поэт бродит среди созданных им же теней и призраков, как охваченный галлюцинациями больной, и ничего не может себе объяснить. Он называет свои

¹ Имеется в виду символистский период, хронологические рамки которого трудно установить, потому что процесс эволюции у Стоянова шел чрезвычайно медленно и противоречиво: даже в начале двадцатых годов рядом со стихами, резко отрицающими символизм, публикуются стихи типично-символистского толка.

желания смутными (стих. „Върби“); он плачет над тем, чего не помнит; свою мысль именует бездомной (стих. „От кулата“).

Аз плаках за всичко, което не помня,
И смътният блясък на мисъл бездомна
Откриваше мойта тъжовна страна
С пустинните стени и мъртва луна.

Я плакал обо всем, чего не помню,
И смутный проблеск бездомной мысли
Открывал мне скорбную страну
С ее пустынными степями и мертвой
луной.

От этих строк веет мертвечиной. Единственное напоминание (только напоминание!) о жизни — образ самого поэта, но и в нем резко выражены черты безнадежного угасания: отсутствие всякого чувства (поэт плакал, но не знал о чем), отсутствие живой человеческой мысли („смутный проблеск мысли бездомной“). Со всем этим вполне гармонирует открывшаяся поэту в тумане забвения „скорбная страна с пустынными степями и мертвой луной“.

Представляют ли произведения подобного рода какую-либо эстетическую ценность? Надо прямо сказать, что эстетическая ценность таких произведений ничтожна. Нас ничуть не удивляет, что критики-эстеты превозносят эти произведения, считая их верхом художественной красоты. Но удивительно то, что и часть прогрессивной интеллигенции увлекалась ими. В качестве аргумента в пользу символистов всюду выдвигалась форма их поэзии. Л. Стоянов даже называет символистов „революционерами образа и формы, строителями языка“.¹ В стихотворении „Рапсод“ он хочет „поучать красоте и ритму своеобразный темный народ“ („Да поуча на хубост и ритъм своеобразния тъмен народ“), желает, чтобы именно в красоте все видели своего первого и последнего властителя („И да виждат във теб, красота, своя пръв и последен владетел“).

Но что такое красота и какой смысл вкладывают в это понятие защитники символизма? Нам кажется, что если бы спросить этих критиков в упор, за что конкретно они ценят символистскую поэзию, то они наверняка затруднились бы ответить. Вероятно, одни из них ограничились бы проникновенной декламацией отдельных строк, предоставив их разбор слушателю, ибо, по мнению таких критиков, „вещие слова“ не подвластны анализу рассудка; другие бы говорили об изящной форме и красоте, не раскрывая сущности этих понятий.

Приверженцы идеалистической эстетики считают искусство выше „утилитарных целей“. В понимании красоты (прекрасного) они придерживаются кантовской точки зрения, состоящей в том, что красота постигается не рассудком, а безотчетным созерцанием („Призрак морали и истукан истины, — говорил Л. Стоянов, — не имеет места в искусстве, которое живет само для себя...“).

Во избежание кривотолков, подчеркиваем еще раз, что в области техники стиха символисты имеют несомненные заслуги. Но этот элемент далеко не покрывает собою широкого понятия формы художественного произведения; более того, — он представляет лишь ее незначительную часть.

Художественная форма — это способ образного отражения действительности. Она не должна выступать как эстетская самоцель. Форма живет только в единстве с содержанием, которое, в свою

¹ Л. Стоянов. Стихотворения. София, 1945, Предисловие, стр. 8.

очередь, может быть выражено лишь через форму. В. И. Ленин указывал: „форма существенна. Сущность сформирована“.¹

Такая зависимость между формой и содержанием, где последнее, как известно, выступает в процессе непрерывного диалектического развития, как фактор решающий, предполагает наличие постоянно действующей тенденции к определенной гармонии, к соответствию двух сторон единого целого: богатство содержания порождает расцвет формы, бедность же содержания влечет за собой измельчание формы. Поэзия символизма является наглядной иллюстрацией разрушения формы вследствие скудости содержания.

В оценке художественных произведений мы исходим из принципов материалистической эстетики, рассматривающей искусство как особое средство познания реального мира. Критерием прекрасного в искусстве является поэтому степень полноты и правдивости отражения действительности, данных в конкретно-чувственной форме — в образах. Мы не довольствуемся созерцательным восприятием художественных произведений, безотчетным чувством эстетического наслаждения. „Нам мало наслаждаться, — писал в свое время Белинский, — мы хотим знать; без знания для нас нет наслаждения. Тот обманулся бы, кто сказал бы, что такое-то произведение наполнило его восторгом, если бы не отдал себе отчета в этом наслаждении, не исследовал бы его причин“.²

Рассмотренные выше произведения Л. Стоянова обнаруживают крайнюю бедность содержания, ввиду чего их эстетическая ценность ничтожна; они далеки от реальной действительности, не дают живых представлений о ней.

Крайняя ограниченность содержания, духовное бессилие поэта повлекли за собой и распад художественной формы. Перечислим коротко признаки этого распада.

1. Отталкивающее однообразие мотивов и изобразительных средств. Основная причина этого однообразия заключается в тематической узости. Над всем преобладают две темы: печаль и любовь. Круг наблюдений поэта до убожества ограничен, поэтому поэтические приемы постоянно повторяются.

2. Отсутствие художественной мотивировки. В согласии с идеалистической эстетикой поэт рассматривал явления не в их причинной связи и зависимости (как отношение причины к следствию), а лишь как отношение к знаку, символу. В результате этого в изображении даже двух упомянутых чувств (печали и любви) нет признаков человеческого волнения — в них не раскрыты живые обуславливающие связи. Вместо эмоционально-конкретного образа возникают абстракции.

3. Отсутствие образа человека — источника всякой живой деятельности. В стихах нет конкретно-ощутимой человеческой индивидуальности. Хотя символисты и говорят о „богатом, безбрежном и неисчерпаемом интимном мире“ (Радославов), этот мир у них чрезвычайно обеднен: человек утрачивает свои реальные черты, подлинное богатство своей психологии и характера и превращается в мертвую отвлеченность, очень часто — в загадочную маску (стих. „Портрет“

¹ В. И. Ленин. Философские тетради. ОГИЗ, 1947, стр. 119.

² В. Г. Белинский. Избр. соч., М., 1947, стр. 236.

и др.). В образе самого поэта обнажаются черты человеческого бес-силія и растерянности.

4. Жанровое измельчание. Ввиду отсутствия ясной организующей идеи, у Стоянова нет крупных эпических произведений: сравнительно большие по объему произведения не отличаются, как правило, композиционной стройностью, цельным, законченным сюжетом. Преобладают лирические стихотворения, часто бессвязные импрессионистские зарисовки.

5. Абстрактно-схематический строй поэтического языка, статическая описательность событий. В стихах преобладают туманно-неопределенные метафоры; роль глагола ограничена, на первый план выдвинуты эпитеты-прилагательные, очень часто двойные эпитеты. Словесные образы лишены материального содержания, вещности и поэтому не могут отразить многообразие оттенков и проявлений конкретного, реального мира. Вследствие этого описания вещей, явлений природы оставляют впечатление абстрактности, безжизненности (стих. „От кулата“ и др.).

Стоянов считал символистов „строителями языка“. В болгарской литературе известна та многолетняя борьба, которая велась против „устаревшего“ поэтического языка И. Вазова. Эту борьбу вели декаденты — д-р Кръстев и Пенчо Славейков. Ее продолжили младшие декаденты — символисты.

Борьбе против языка Вазова придавалось такое большое значение, что некоторые критики и до сих пор считают ее главной причиной возникновения болгарского символизма: становясь на чисто идеалистические позиции, они склонны свести вопрос о возникновении и сущности символизма лишь к формально-эстетической борьбе. Подобное мнение высказывает Камен Зидаров, автор пока единственного, сравнительно полного биографического и литературного очерка о Стоянове. Отвергая причины социального характера как „второстепенные“, Зидаров пишет: „Что касается возникновения и развития болгарского символизма вообще, то он имел одну существенную особенность и причину для своего развития: символисты пришли как реакция на вазовский устаревший язык и устаревшие литературные формы“.¹

Мнение это в сущности не ново. В 1945 г. Л. Стоянов, говоря о причинах возникновения болгарского символизма, назвал, как мы уже упоминали, две группы причин — причины литературно-эстетического характера и причины социального характера. Притом, на первый план выдвигались причины узко-формального характера. „На первое место, — говорил Стоянов, — должны быть поставлены требования литературно-эстетические, явившиеся следствием недовольства устаревшим поэтическим словарем Вазова и др.“.²

Вазов был крупнейшим реалистом своего времени. Лексика поэта, его словесные образы отличаются материальной наполненностью, вещностью. Вазов близок к фольклору. Язык его произведений прост и доступен народу.

Вот эти именно особенности вазовского языка и вызывали нападки со стороны декадентов. Теоретик буржуазного индивидуализма

¹ Камен Зидаров. Людмил Стоянов. Кратък биографичен и литературен очерк. София, 1948, стр. 66—67.

² Национална конференция на българските писатели. София, 1945, стр. 122.

д-р Кръстев нападал на Вазова именно за то, что он стремился быть интересным и понятным для всех.

Борьба декадентов против Вазова означала, в сущности, борьбу двух идейно-творческих направлений в литературе: реалистического — вазовского и буржуазно-индивидуалистического — Пенчо Славейкова, Кръстева и др. Это была борьба против демократических традиций, за отрыв искусства от широких народных масс.

Естественно, что в этом споре на стороне Вазова были именно писатели-реалисты. Антон Страшимиров выступил в 1911 г. с двумя статьями¹ против некоего Г. Тричкова, который пытался противопоставить „грубому“ языку Вазова изысканный язык Пенчо Славейкова. А. Страшимиров считает язык Славейкова сухим, тяжелым, туманным или, как он говорит, „полным каламбурами“.²

Естественно, с другой стороны, и то, что против Вазова выступили декаденты — противники реалистического искусства. Они объявили язык Вазова устаревшим и начали создавать „новый“ язык. В этих попытках декадентов выразились стремления верхушечных классов использовать язык в своих целях. И. В. Сталин говорил, что „... язык, как средство общения людей в обществе, одинаково обслуживает все классы общества и проявляет в этом отношении своего рода безразличие к классам. Но люди, отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку. Они стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения. Особенно отличаются в этом отношении верхушечные слои имущих классов, оторвавшиеся от народа и ненавидящие его: дворянская аристократия, верхние слои буржуазии. Создаются «классовые» диалекты, жаргоны, салонные «языки»“.³

Декаденты исходили из идеалистических основ. Они отрывали язык от мышления, лишали язык смысла, засоряли его туманными абстракциями, якобы выражавшими „тайный смысл“. Отражая незаинтересованность господствующих классов в познании закономерностей развития общественной жизни, они выступали против языка логических понятий.

Декаденты чуждались живой разговорной речи, создавали искусственно-книжную лексику, стремились к внешней красивости; своими уродливыми словесными новшествами они вредили развитию болгарского литературного языка.

Пройдя трудный путь творческих исканий, Стоянов позже сам выступил против мертвой красивости своей поэзии в прошлом, против пустого поэтического фразерства, которое он назвал „наслоениями модной риторики“.⁴ Поэт писал: „Обыкновенно каждый автор более всего влюблен в пустые и риторические моменты своей мысли. Требуется значительный героизм, чтобы отбросить заблуждение, которое пленяло нас своим внешним блеском“.⁵

На примере символистских стихов Л. Стоянова мы наглядно убеждаемся, до какого безнадёжного тупика приводит писателя символизм.

¹ „Наблюдатель“, 1911, кн. I и II.

² Там же, кн. II, стр. 124.

³ И. Сталин. Относительно марксизма в языкознании. Изд. „Правда“, М., 1950, стр. 13.

⁴ Сб. „Брод“, № 20, 21 октября 1936 г. (цит. по „Избрани творби“, София, 1948, стр. 408).

⁵ Там же, стр. 409—410.

Находясь во власти метафизических абстракций, поэт лишал себя возможности установить причинную связь между явлениями и увидеть непрерывность движения и развития природы и общества. Тем самым он лишил себя возможности познания объективного мира. А там, где нет познания, там нет и настоящего знания, нет живой человеческой мысли. Идеализм вел поэта к духовному опустошению, к творческому упадку, ибо отрывал его от истинного источника творчества — от живой реальной действительности.

В результате такой направленности мышления Стоянов шел не по пути обогащения себя новыми темами и новыми видами их разработки, а по пути неизбежного сужения своих творческих наблюдений. Этим и объясняется та крайняя тематическая ограниченность, о которой говорилось выше и которая является безусловным признаком поэтической скудости. Но суть не только в этом. Суть и в том очевидном факте, что даже в замкнутом круге своих двух-трех тем поэт безнадежно запутался и заявил, как мы видели, о своей беспомощности объяснить происходящее вокруг него. Эти заявления звучат как начало сознания творческой трагедии; в них слышится тревога Стоянова за свое будущее. А будущее в самом деле было тревожным — на этом пути поэта неминуемо постигла бы творческая гибель.

Спустя десятки лет после своих творческих блужданий, в 1936 г., в статье „К вопросу о творческой эволюции“, Людмил Стоянов, называя метафизику „неистощимым резервуаром фантомов и галлюцинаций“, с полным сознанием грозившей ему в прошлом опасности, справедливо писал: „Что бы я представлял собой, если бы остался при них [метафизических абстракциях], кроме жалкой мумии, обвернутой в плащаницу метафизических метафор и в лохмотья (дрипи) мысли“.¹

Нет сомнения, что если бы Стоянов остался до конца в плену символизма, он действительно был бы давно забыт как ничтожный поэт, далекий и чуждый народу.

Но Стоянов не остался на месте, и в этом его спасение. Уже в ранний период его литературной деятельности прорывались в его творчестве элементы нового, которые впоследствии, развиваясь, определили облик поэта: они привели его от индивидуалистических блужданий к реализму, от абстрактного гуманизма — к коммунистическому мировоззрению. Это новое, противостоящее символизму и постепенно разрушающее его основы, составляет сущность эволюции Стоянова, ибо с точки зрения творческого развития поэта важно не то, что в данный (изучаемый) момент еще преобладает, а то, что уже начинает проступать, тая в себе ростки будущей жизненной силы. Все те художественные компоненты символистской поэзии Стоянова, которые казались ведущими и определяющими, на самом деле начинали отмирать, а едва возникающие, вначале едва уловимые, но с течением времени входящие в силу элементы нового начинали определять главную тенденцию развития. Задача в том и состоит, чтобы найти эти элементы в их зародыше, проследить их рост и на этой основе установить известную закономерность в творческом развитии поэта.

¹ Сб. „Брод“, № 20, 21 октября 1936 г. (цит. по „Избрани творби“, София, 1948, стр. 408).

Первым шагом на пути к реализму надо считать осознание Стояновым неизбежности творческого падения, если он не отколетя от норм символистской поэтики. Притти к подобной мысли означало, в сущности, задуматься над тем, как и где найти выход из создавшегося положения. Поиски выхода, в свою очередь, свидетельствуют о развитии поэта; они составляют главное содержание его долгой и мучительной борьбы против символизма за постепенное утверждение реалистических начал.

Сознание трагизма своего положения как первое звено этой длительной борьбы и, следовательно, как начальный момент творческой эволюции поэта, проявляется уже в первых двух сборниках: „Видения на кръстопът“ и „Керван“. В стихотворении „Моята скръб“ Стоянов говорит о своей душевной тяжести в „царственном замке скорби“:

Бешумно чезна в тихи бездни,
Низхождам в сън в самия ад...

Бешумно падаю в тихие бездны,
Во сне нисхожу в самый ад...

Поэт еще хочет верить в магическую силу своего поэтического единения: называя себя „сыном земли недоступной“, он ждет еще, чтобы „скорбь отомкнула свой странный и просторный замок“ (стихотворение „За себе си“ — „Для себя“). Но эта вера иногда покидает его, и он с тревогой спрашивает — не является ли все вокруг лишь тяжелым сном:

И умирам, и сам, и забравен!
Или всичко тук тежък е сън
И отново не призрачен — явен
Ще ме средше животът отвън?

Я умираю одиноким, забытым.
Или все здесь — тяжелый сон,
И снова не призрачная, а действительная
Встретит меня жизнь?

В стихотворении „Съдба“ (Судьба) Стоянов называет свои надежды призрачными:

Надежди призрачни — къде са
И де — заветният ми храм?

Надежды призрачные, где вы
И где мой заветный храм?

О призрачности он говорит в стихотворении „Съновидец“ (Сновидец). В стихотворении „Самота“ (Одиночество) поэт уже собирается похоронить свой „призрачный, неземной восторг“:

Де ще погребя аз мойто време
С призрачния, чист възторг неземен?

Где я похороню свое время
С его призрачным, неземным восторгом?

Стоянова уже явно начинает покидать вера в очистительную силу пустой красоты и поэзии; в стихотворении „Творец“ он называет свои поэтические мечты бесполезными:

Потъвам в мечти бесполезни,
И в бездни низхождам без цел.

Тону я в мечтах бесполезных
И в бездны без цели нисхожу.

Поэзия звезд и неземных печалей еще мила поэту, но он сознает (в стихотворении „Песен“), что она не действительна — мертвая и ненужная:

Всуе зова и умирам,
Всуе заклинам земята...

Напрасно зову и умираю,
Напрасно заклинаю землю...

Если уж с такой силой звучат ноты сознания своей трагедии, то, естественно, поэт должен где-то ставить вопрос и о выходе.

И Стоянов действительно задумывается над этим. Уже в стихотворении „Самота“, стараясь предвосхитить свое будущее, он говорит, между прочим, о том, что, может быть, „попутчик (спътник) непринужденный“ укажет ему:

Белите села, поля, бразди, Синкавия над поляни дим, И с усмивка в сладостната вечер Да рече: — що искаш повече, човече?	Белые села, поля, борозды Синеватый над полями дым, И в сладостный вечер с улыбкой скажет: „Чего тебе надобно еще, поэт?“
--	--

Эти строки звучат уже как скрытое, еще неосознанное желание приобщиться к реальной действительности. Подобные ноты прорывались и в более ранних стихах. С вершин своего уединения поэт иногда сходил на землю, чтобы упиться земной тленной красотой (стих. „Моята скръб“):

Но щом душа, в неверна крачка, Възжажда тленна красота, Като орел за нова плячка, Действителност, при теб летя.	Но если душа в неведомом стремлении, Возжаждет тленной красоты, Я, как орел, за новой добычей, Действительность, к тебе лечу.
--	--

Интересно стихотворение „Живот“ (Жизнь). К нему Стоянов взял для эпиграфа слова Пушкина: „Если жизнь тебя обманет...“. Поэт считает себя обманутым жизнью призраков, которая ослепила ему глаза в молодости и властно увлекла за собой. Но наступил момент, когда он, испытав тяжести этой жизни, решил отвергнуть ее. Внутренняя душевная драма изображена как „глухой и жестокий бой в ущелье призрачном, безлюдном“. Стоянов говорит о том, что бой этот велся им во имя какой-то другой жизни. Стихотворение заканчивается словами:

Че там зад твоите стени Грей друг живот, по-чист, по-светъл,	Ведь там, за твоими стенами Сияет новая жизнь, более чистая и светлая,
И нему аз, пред бѣдни дни Съм неподкупния свидетел.	И на пороге грядущих дней Я ее неподкупный свидетель.

Трудно сказать, какую другую „более чистую и светлую жизнь“ имел в виду Стоянов. Здесь, как и в других стихах, он избегает социальных мотивов и не дает определенных фактов для ясного вывода. Но стремление к лучшему выражено: это какая-то абстрактно представляемая, непонятная самому поэту жизнь, к которой он неосознанно тянется. Она вырисовывается пока что как самое общее тяготение к людям вообще. Поэт хочет быть среди людей (стих. „Праздник“):

Обичам вечер, из тълпи, Да броя, вгледан неподвижно, Как светят сребърни липи И гасне слънцето, безгрижно. Да се завзирам, упоен, Във всяки лик и поглед смътен И да ме влачат в сладък плен Водите на поток размътен.	Люблю я вечером бродить среди толпы И смотреть задумчиво На блеск серебристых лип, На тихий заход солнца И всматриваться в упоении В каждое лицо и взгляд, Чтобы увлекли меня в сладкий плен Воды мутного потока.
---	--

Тяготение Стоянова к людям выражается здесь в форме абстрактного гуманизма, который получает дальнейшее развитие и конкретизируется под влиянием войн (балканских войн 1912—1913 гг.) и первой мировой войны 1914—1918 гг., свидетелем и непосредственным участником которых он был.

* * *

Война 1912 г. была национально-освободительной войной балканских государств против Турции.

Откликаясь на балканские события, В. И. Ленин называет их „Новой главой всемирной истории“. Под таким заголовком в октябре 1912 г. была опубликована в „Правде“ статья В. И. Ленина, в которой говорилось: „Несмотря на то, что на Балканах образовался союз монархий, а не союз республик, — несмотря на то, что осуществлен союз благодаря войне, а не благодаря революции, — несмотря на это, сделан великий шаг вперед к разрушению остатков средневековья во всей восточной Европе“.¹

Война, как известно, велась в условиях сложной внутренней и международной обстановки. Демократические классы балканских стран (пролетариат и крестьянство) были еще слабы, и в силу этого образовался не союз республик, а союз монархий. Империалистическая буржуазия, естественно, не была заинтересована в создании на Балканах союза республик. „Она, — писал Ленин о европейской буржуазии, — боится действительной свободы и у себя дома и на Балканах, она стремится только к наживе на чужой счет, она разжигает шовинизм и национальную вражду, чтобы облегчить себе политику грабежа, чтобы затруднить балканским угнетенным классам свободное развитие“.²

Вражда между Болгарией и Сербией из-за территориальных уступок (из-за Македонии), разжигаемая европейской буржуазией, привела к тому, что 16 июня 1913 г. вспыхнула вторая Балканская война (Межсоюзническая).

Сербско-болгарская война 1913 г. была братоубийственной войной, не отличавшейся по своему империалистическому характеру от вскоре последовавшей первой мировой войны.

Здесь нет надобности подробно останавливаться на истории этих войн. В данном случае нам важно выяснить отношение к ним болгарской писательской интеллигенции.

С самого начала сербско-болгарской войны 1913 г. болгарская буржуазия маскировала свою империалистическую политику лозунгами национально-освободительной борьбы. Она стремилась во что бы то ни стало использовать в своих авантюристических целях громадный общественно-национальный подъем народа, явившийся следствием освободительной войны 1912 г. На службу к буржуазии пошла группа писателей, которая стала фактически рупором буржуазного шовинизма. Журналы и газеты наводнялись пропитанными националистическим духом произведениями. Поэт К. Христов опубликовал тогда известный сборник своих стихов с характерным заглавием „На нож!“ (В штыки!), в котором воспевал войну, называя ее „роскошным кровавым пиром“. В стихотворении „Манифеста на поета“ (Манифест поэта) он призывал:

... Възмездие въздай!
Във кърви нека се облее сръбский край!

... Возмездие воздай!
Пусть кровью обливается Сербский край!

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 341.

² Там же, т. 19, стр. 19—20.

Для характеристики этого стихотворения приведем слова самого Стоянова, высказанные им по поводу стихотворения Хр. Ясенова „И аз отново ще заспя...“ (И я вновь усну...), напечатанного также осенью 1913 г. в журнале „Народ и армия“. Л. Стоянов писал уже в 1945 г.: „Для нас не может быть сомнения, что это только поэтический перифраз известного тогда лозунга царя Фердинанда: «Свернем знамена до лучших дней!».¹ Эти слова в полной мере относятся и к приведенному стихотворению самого Стоянова, в котором поэт старается успокоить павших духом. Обращаясь к родине, он говорит о ее будущей победе: „Ты пала не в день сражения — в день победы!“.

Те же мотивы звучат и в других стихотворениях. В „Родна страна“ (Родная страна) поэт бросает прямой призыв итти на борьбу:

Но аз ли на стража не съм?
Станете, другари и братя!

Но я ли не стою на страже?
Поднимайтесь, друзья и братья!

Он апеллирует к силе:

Стой твърдо ти, моя страна!
Бъди като своите гранити! . .
С гърди неотстъпни, железни
Ти бъдните бури срещни
И вярвай, над теб ще възлезне
Лъчът на спасителни дни.

Стой твърдо, моя страна,
Будь, как свой гранит! . .
Грудью неотступной, железной
Ты встреть грядущие бури
И верь, над тобою взойдет
Луч спасительных дней.

Тема о погибших на фронте является также средством призыва к борьбе. Каждый павший рисуется как бестрепетный герой „с пламенем в груди“; в его смерти поэт (стих. „Могила“) усматривает грядущую победу:

Ти падна като победи,
Смъртта победата ти взе,
Затуй, че беше с плам в гърди,
Че бе с бестрепетни нозе!

Ты пал с мыслью о победе,
Лишь смерть твою победу отняла,
Потому, что горело пламя в твоей груди,
Потому что был бестрепетным в бою.

В стихотворении „Последен марш“ (Последний марш) Стоянов становится на открыто реваншистские позиции: прославляя подвиги павших, он обращается к живым и говорит, что тени погибших взывают к мести, он хочет

Да бъде страшната раздяла
Не тихо с богом — огнен вик!

Чтобы страшное прощание с погибшими
Было не покорно-горестным, а огненным призывом!

Чем же объясняется наличие шовинизма в творчестве Л. Стоянова? Очевидно тем, что он не понимал социальных движущих пружин войны. Для Стоянова тех лет это объяснимо. Поэт был в плену буржуазной идеологии, в силу чего далеко стоял от революционно-демократического движения. Само это движение еще не проявляло себя с такой заметной силой, чтобы влиять на широкие массы мелкой буржуазии и интеллигенции. Стоянов, как участник первой Балканской войны 1912 г., был охвачен общенародным подъемом и восторгался героизмом болгарской армии, которая сыграла главную роль в разгроме Турции. Ввиду этого он не отличил вначале войну 1913 г. от предыдущей и впал

¹ „Литературен фронт“, 7 июля 1945 г., № 36.

в национализм, который, однако, довольно скоро был изжит им под влиянием тех же событий войны.

Первая мировая война (1914—1918) оказала серьезное влияние на творческое развитие Стоянова в сторону реализма. Да и не могло быть иначе: „Война была величайшим переломом в жизни народов, в жизни международного рабочего класса. Она поставила на карту судьбы государств, судьбы народов, судьбы социалистического движения“.¹ Война обострила социальные противоречия и содействовала росту революционного движения. Она поставила известную часть интеллигенции близко к народу, и народ оказывал на нее свое исцеляющее влияние. В этом, надо полагать, и находит себе объяснение тот факт, что события, связанные с войной, имели для большей части интеллигенции значение важного фактора в их идеологическом развитии.

У Л. Стоянова поворот от старого к новому не был резким. В его развитии собственно нет „поворотов“, а есть процесс медленной эволюции, внутри которой внимательный глаз может различить несколько этапов. Первым таким заметным этапом на пути к реализму является творчество поэта, связанное с периодом войн, — когда, преодолев национализм, поэт глубоко задумывается над судьбой болгарского народа.

Стоянов принимал участие во всех трех войнах и уже в 1912—1913 гг. имел возможность убедиться, какие неисчислимы бедствия несет народу затеянная империалистами война. Поэт заболел на фронте холерой и был брошен на произвол судьбы. Перенесенные лишения помогли ему еще острее почувствовать ужасы кровавой бойни.²

Во время первой мировой войны Стоянов был военным корреспондентом при штабе первой Софийской дивизии. В своих статьях с фронта поэт не скрывает того ужаса, который вселяют в него наблюдаемые им события. Не случайно военное начальство выговаривало Стоянову за „мрачный тон“ его корреспонденций, за недостаточность в них „героического“. Война возмущала поэта как страшная носительница смерти. Он знал об организованном Ромэн Ролланом обществе „Кларте“ и предпринимал меры, чтобы поддержать его протесты. Это было движение в рамках пацифизма — против человекоубийства вообще, без раскрытия социально-политического характера войны. Но уже и этот факт имел огромное значение для творческого развития Стоянова, который воочию убедился, что между „поэзией небес“ и открывшейся его глазам действительностью лежит непроходимая пропасть. Совесть поэта заставила его задуматься над судьбой тысяч простых людей, убитых или искалеченных войной. В его поэзию вошел народ как носитель всех тяжестей войны. Переживания народа становились постепенно его личными переживаниями. Это был серьезный шаг на пути поэта к народу, это было началом его постепенного отхода от символизма.

Исчезли из творчества Стоянова шивинистические ноты. Они сменились изображением реальной картины войны с ее неизбежными ужасами смерти. В своей „Балладе о воронах“ (Балладе на гарваните) поэт рисует мрачную картину: по следам „гневной фурии — войны... черные вороны, как миражи во мраке, летят на плечах Смерти“. Напрасно

¹ История ВКП(б). Краткий курс, 1945, стр. 166.

² Переживания этого времени описаны Стояновым в повести „Холера“.

ждут где-то люди последней утешительной вести. Все вокруг мертво. Слышится лишь зловеющий крик летящих на пир воронов — этих, по выражению поэта, „темных вестников темной смерти“.

Стоянов далек еще от понимания социальных причин войны. Он воспринимает войну как несчастье вообще, как страшную стихию смерти. В стихотворении „Нощта съчетана с морето“ (Ночь в сочетании с морем) он использует два образа — бушующего моря и темной ночи, чтобы показать войну как неудержимое беснование стихии, как „хаос зловеющий и неведомый“, где гибнут все человеческие надежды:

Нощта, съчетана с морето —
О, хаос зловец и неведом!..
Нощта и морето събират
На ужаса мрачните тайни
Тук всички надежди умираат,
Бесчинствуват бездни безкрайни!

Ночь в сочетании с морем —
О, хаос зловеющий и неведомый!..
Ночь и море собирают
Ужаса мрачные тайны.
Здесь все надежды умирают,
Бесчинствуют бездни бескрайние!

Хотя в этих стихах и не вскрывается империалистическая сущность войны, но они все же выгодно отличаются от прежних. Несравнимо, например, изображение чувства печали. Если раньше печаль изображалась в полном отрыве от конкретной обстановки, теперь она представлена как реальное последствие войны. Поэт говорит не о какой-то загадочной скорби, а о конкретных человеческих страданиях.

В стихотворении „Майка“ (Мать) Стоянов поднимается до обобщенного изображения народного горя. В образе пострадавшей матери, потерявшей сына на войне, в ее „безумном шопоте“, в ее мыслях о сыне, в глубоком материнском чувстве ожидания встречи с сыном и, наконец, в тщетности этого ожидания — во всем этом изображена общая трагедия народа, брошенного в бессмысленную войну. В стихотворении „Другари“ (Товарищи) поэт с трогательным волнением рассказывает о своем чувстве печали. Он говорит о конкретных людях, которых подкосила война и погребла их лучшие желания:

Де са, братя, къде са отвеени
На далечната младост листата,
На живота мечтите лелеяни
И цветята на ранни надежди?..
Колко много възторзи забравени,
Колко много разлуки навеки!

Куда, братья, куда унесены
Далекоей молодости листья,
Нашей жизни мечты взлелеянные
И цветы ранних надежд?..
Как много восторгов забыто,
Как много разлуки навеки!

Итак, в стихах Стоянова данного периода нет изображения социального характера войны. Поэт, судя по его более поздним признаниям,¹ не понимал тогда причин войны и не анализировал их. Но эти стихи, при всей их ограниченности, все же составляют безусловный этап в творческой эволюции поэта. Они, во-первых, знаменуют собой отход Стоянова от шовинизма; во-вторых, свидетельствуют о сближении поэта с народом; в-третьих, являются доказательством большей конкретности и правдивости изображения: мотивы едва уловимого ранее гуманизма даны здесь в более определенных формах, в связи с чем и чувство печали выражено с несравнимо большей художественной убедительностью — указаны и причины печали и конкретные ее носители.

¹ См. ниже о стих. „Другари“ из сб. „Земен живот“ (Земная жизнь), которое не случайно переключается с цитированным выше стихотворением того же названия.

* * *

Период 1918—1923 гг. имел исключительно важное значение в творческом развитии поэта: это был период его идейного кризиса, период формирования революционно-материалистического мировоззрения.

Стоянов стремился осмыслить происшедшие события, которые потрясли его. Мысль о народе, выстрадавшая им во время войн, сопрождала теперь каждый шаг поэта, постепенно приобретая все более и более ясное выражение.

В процессе ломки старого и формирования нового мировоззрения Л. Стоянова огромную роль сыграла Великая Октябрьская социалистическая революция. Еще на фронтах империалистической войны, находясь при штабе 1-й Софийской дивизии, Стоянов следил за развитием Октябрьской революции. В армии он был свидетелем многочисленных „процессов конспираторов“, связанных с революционными событиями в России.

Стоянов изучал революцию. Она помогла ему понять народ как социальную силу, противостоящую миру эксплуататоров, и тем самым содействовала его приобщению к лагерю революционной литературы. Об этом говорит сам Стоянов в беседе с критиком Б. Делчевым: „Мое приобщение к новой литературе было вызвано двумя большими событиями: европейской войной (1914—1918) и Великой Октябрьской революцией (1917)“.¹

В поэзии Стоянова того времени нет прямых откликов на революционные события, как это имело место в творчестве других поэтов-символистов (Христо Ясенова, Гео Милева и др.). В отличие от этих поэтов, в развитии которых вполне очевиден крутой поворот в сторону революционной поэзии, у Стоянова, по его собственному выражению, „борьба с предрассудками идеализма и романтизма была мучительной и сложной“.²

Поэт постигал революционную истину необычайно медленно. Он шел к ней с большим грузом старых устоявшихся понятий и вследствие этого путь его был сложным и противоречивым: в нем уже утверждалось новое, а старое между тем продолжало жить. Но влияние общественных революционных событий все более усиливалось, оно вело поэта к революционной правде.

Стоянов знал, что истина идет из Советского Союза. Об этом со всей убедительностью говорили ему статьи в журнале Гео Милева „Везни“, где Стоянов работал в 1919 г. Об этом он и сам говорил в своем журнале „Хиперион“, помещая статьи о культурной жизни Советской России. В 1923 г., рассуждая о новом человеке и его мирозерцании, Стоянов писал в одной из своих статей: „Этот новый человек и это новое мирозерцание идут из России; здесь, среди пожаров и ужасов революции человек сильнее всего почувствовал свою связь с первоначальной стихией бытия... приблизился к сердцу жизни, к причине причин“.³

¹ Цитирую по книге: Г. Константинов. Български писатели. София, 1947, стр. 313.

² Там же.

³ „Хиперион“, 1923, кн. 1, стр. 54.

Октябрьская революция и самая передовая в мире советская культура были теми мощными факторами, которые способствовали формированию материалистического мировоззрения поэта.

Интерес Стоянова к советской культуре, не прекращающийся и по сей день, был уже в те годы огромным. Близко знавший поэта Камен Зидаров рассказывает: „... я вспоминаю, что в те времена у Л. Стоянова всегда находилась какая-нибудь редкая советская книга, неизвестным образом проникшая к нему“.¹ Зидаров говорит о знакомстве Стоянова с произведениями Ленина и Сталина, с произведениями Горького, Маяковского, Фадеева, А. Толстого и других.

Пристальное внимание Стоянова привлекала деятельность А. М. Горького. Это вполне понятно. Болгарский поэт бился над решением многих жизненных вопросов. Ощувив трагизм своего положения, Стоянов искал выхода из идейного тупика. Здесь и выступает с исключительной силой учительская миссия Горького. Великий пролетарский писатель влиял социальным пафосом своих произведений, пробуждал и воспитывал классовое чутье, утверждал революционную веру в победу народа.

Деятельность М. Горького была для Л. Стоянова ответом на многие мучившие его вопросы. Болгарский поэт сам рассказывает, что он обращался к Горькому, как к наставнику: „Нет сколько-нибудь значительного момента в моей жизни, момента колебаний или решения, в котором бы я не прибегал за советом к одной или другой книге Максима Горького“.²

С произведениями Горького Л. Стоянов познакомился в начале своей писательской деятельности. Но влияние Горького с большой силой сказалось в период первой мировой войны и в особенности после войны, когда болгарский писатель стал ближе к общественной жизни. Горький утверждал веру в человека, в его революционную волю преобразить мир, учил писателей быть защитниками трудящихся.

Абстрактный гуманизм Л. Стоянова приобретал под влиянием Горького конкретные социальные черты. Стояновская любовь к людям вообще становилась социально-определенной любовью к трудовому народу, который стал особенно близок поэту после Сентябрьского восстания 1923 г.

Горький был для Стоянова „мировым компасом мыслей и чувств“.³ Он помог болгарскому поэту стать на верный путь. „Благодаря Горькому, — писал Л. Стоянов, — я смог найти равнодействующую между искусством и жизнью, между творчеством и действительностью. Как великий учитель жизни, он указал мне путь писателя и человека, сознательный творческий путь для лучшего будущего человечества“.⁴

В специальной газете, посвященной 10-летию со дня смерти А. М. Горького, Л. Стоянов писал, что болгарские поэты-символисты внимательно следили за борьбой Горького против русского символизма. Особенно поучительным было влияние Горького на А. Блока,

¹ К. Зидаров. Л. Стоянов, стр. 48.

² По книге: С. Каракостов. Максим Горки и българската литература. София, 1947, стр. 45.

³ Л. Стоянов. Избрани творби. София, 1948, стр. 438.

⁴ Из письма Л. Стоянова к С. Каракостову (по книге: Каракостов Максим Горки и българската литература, 1947, стр. 45)

В. Брюсова, которые, как известно, порвали с символизмом и перешли на сторону революции.

Необходимо отметить, что сам факт резкого политического размежевания в среде русских символистов после Октябрьской революции (открытая контрреволюционность одних и переход на сторону революции других) имел значение исторического урока. Л. Стоянов, как и другие болгарские символисты, наблюдая распад русского символизма, все более и более убеждался в бесперспективности и, следовательно, в неизбежности умирания символистского течения. Путь же Блока и Брюсова (их переход в лагерь революционной поэзии) указывал Л. Стоянову на конкретную и реальную возможность выхода из тупика.

Идеи Октябрьской революции, таким образом, влияли на Л. Стоянова и непосредственно, и через художественную литературу, и фактами тех общественно-литературных изменений, которые были следствием революции.

Произведения советских писателей обогащали Стоянова идейно. Наряду с фактами болгарской революционной действительности именно советская литература учила его верному познанию жизни. Стоянов стал отходить от своих субъективно-идеалистических представлений. В статье о Н. Лилиеве, помещенной в сентябрьской книжке журнала „Хиперион“ за 1923 г., он выступает против узости индивидуалистической поэзии, осуждает символизм за его оторванность от жизни. Основным недостаток поэзии Н. Лилиева Стоянов видит в том, что „... оторванная от своего духовного очага, эта поэзия несет на себе печать беспочвенности, безвременья, сухой стилизации. . . Каждый большой поэт, — продолжает Стоянов, — является прежде всего национальным поэтом“.¹

Характеризуя свою деятельность в период 1918—1923 гг., Стоянов писал об этом: „Тогда я начал опрощать вещи, снимать одну за другой ложные маски «культуры», сбрасывать с себя изношенную одежду «идеализма» и «божественного вдохновения», чтобы постигнуть нечто положительное и непреходящее: истину, познание истины в непосредственной экономике жизни приводит к внутреннему успокоению... Те, кто оперирует «идеями», забывают, что жизнь как «идея» имеет одну существенную предпосылку: быть познанной как реальность.“²

Итак, в начале двадцатых годов у Стоянова заметно выявился уже новый взгляд на искусство. Правда, взгляд этот еще не окончательно утвердился, и Стоянов развивал на страницах „Хипериона“ теорию „неоромантизма“ — в сущности, того же символизма. В его художественном творчестве продолжали превалировать стихи символистского толка, но уже было очевидно, что наступивший идейный перелом скоро повлечет за собой перелом во всей деятельности поэта.

Стоянов уже стал проявлять живой интерес к общественным и политическим вопросам. В острой идеологической борьбе тех лет он занял сторону прогрессивных сил против реакции. Об этом свидетельствует его резко отрицательное отношение к журналу „Златорог“.

„Златорог“ начал выходить в 1920 г. Вокруг этого журнала объединились самые реакционные литераторы (в том числе откровенно

¹ „Хиперион“, 1923, кв. 6 и 7, стр. 363—364.

² Сб. „Брод“, 1935 (Избрания творби, София, 1948, стр. 394).

фашистские критики Вл. Василев, И. Бадев). Круг „Златорога“ продолжал линию „Мысли“ Кръстева и Пенчо Славейкова. Он вел отчаянную борьбу против революционной литературы (известны, например, пасквильные статьи Вл. Василева против выдающегося революционно-пролетарского поэта того времени Христо Смирненского).

С момента выхода первой книги „Златорога“ (1920) Стоянов ведет полемику-борьбу с одним из редакторов журнала Бояном Пеневым и с другими. В этой полемике у самого Стоянова было много идеологических провалов, теоретических нелепостей (например, попытка доказать жизненность „неоромантизма“). Но все же общественно-политический рост писателя очевиден.

Реакционеры из круга „Златорога“ начали яростную травлю Стоянова. Под видом полемики буржуазные борзописцы позволяли себе гнусные нападки на писателя с целью дискредитировать и морально подавить его. Этой цели служила, в частности, напечатанная в „Златороге“ статья проф. Б. Пенева „О литературном плуте“. Реакционеры от литературы представляли переход поэта на сторону народа как „измену своим убеждениям“.

Все это очень похоже на ту травлю, которую вела русская буржуазная пресса против В. Брюсова в связи с его переходом на сторону революции.

Отстаивая в борьбе с реакционной печатью свои демократические убеждения, Стоянов в то же время продолжал борьбу с самим собой — со старыми, еще до конца не изжитыми эстетическими понятиями. Это особенно хорошо видно при рассмотрении художественного творчества поэта того времени.

Сборник Л. Стоянова „Святая святых“ объединяет стихи, написанные в период с 1918 по 1922 г. Хотя в книге преобладают еще символистические стихи, все же здесь мы обнаруживаем уже ряд произведений — „Евмениди“, „Отричане“ (Отрицание), „Възвръщане“ (Возвращение) и др., в которых поэт подвергает анализу свое прошлое, отрекается от него. Но поэт еще не создает художественных произведений, которые бы прямо говорили о его отходе от символизма; он пока только рассуждает об этом отходе, как бы убеждая самого себя путем самоанализа в необходимости порвать с символизмом.

Подобного рода рационалистические рассуждения предшествовали у Стоянова художественной реализации нового. Рассудочность, таким образом, является составной частью стояновской эволюции: она отражает собой тот же процесс формирования нового мировоззрения применительно к самой поэтической практике.

В стихотворении „Евмениди“ поэт говорит о своей виновности. Он ждет справедливого наказания и сам объясняет, за что его должно постигнуть наказание:

Затуй, че в дни на жетва, в дни на злачност
 Душа окъпах в звездната прозрачност
 И не понесох сноп, не сгънах клас...

„за то, что в дни жатвы... купал душу в звездной прозрачности и не понес снопа, не поднял колоса“. Другими словами, поэт упрекает себя в бесплодности своего творчества, он говорит о бесполезности поэзии „звездной прозрачности“ — поэзии символизма. Поэтому Стоянов готов

отречья от этой поэзии. Но чрезвычайно показательно, что он отречается не открыто, а „тайно“:

Да бъде! Тайно се отричам
От съкровениите слова...
Не знае никой, всички мислят,

Че още вярвам в чудеса...
Че да се моля съм орисан
Пред вечно-същи небеса.

„Да будет! тайно отрекаюсь от сокровенных слов... Никто не знает, все думают, что я еще верю в чудеса... что рок судил мне молиться неизменно одним и тем же небесам“.

В этом „тайно отрекаюсь“ выражен момент глубокой противоречивости: поэт еще выступал в печати с символистскими стихами, и поэтому в самом деле могли думать, что он „еще верит в чудеса“.

Но рассудок поэта уже вел упорную борьбу за постижение реальной истины. В глубине души Стоянов был уверен в том, что

Туй, що е било, що съм минал,
Що в тежки мъки съм познал,
То е безводност и пустиня...

Все, что было, что мною пройдено,
Что в тяжких муках я познал, —
Оно безводность и пустыня.

Стоянов пишет стихотворение с выразительным заглавием „Отрицание“, в котором отвергает свои „скитания в мертвых странах“ и просит мать-землю принять „вчерашнего неземного странника“.

Аз бях странник неземеи до вчера —

Я был странником неземным до вчерашнего дня —

Приеми ме днес, майко-земя!..
Не, не искам подеми бесплодни
И скиталчество в мъртви страни:
Тъй съм морен от вас, преизподни
С лилав здрач и жълти луни.
Вам се давам, о земни вериги,
О ръде, сякаш златни весла,
И не искам звезди, нито книги,
Само тихия стон: ела.

Прими меня сегодня, мать-земля!..
Нет, не хочу я взлетов бесплодных
И скитаний в мертвых странах.
Я утомлен вами, преисподние,
С сумерками и желтой луной.
Вам отдаюся я, о, земные цепи,
О, руки, как золотые весла,
И не хочу ни звезд, ни книг,
Мне бы тихий стон лишь услышать:
приходи!

Стоянов отходит от символизма медленно, с явными колебаниями, сомнениями. Эти колебания чувствуются даже в стихах-рассуждениях, о которых шла речь выше. Так, например, в стихотворении „Возвращение“ поэт говорит о своем возвращении из волшебных стран в реальный земной мир:

Нека други дирят път в Сесам
И търпят лъжата на Цитера:
Чудесата са ненужни нам
Тук ме чака, на земя и мъх,
Отдых сладък, дни гостоприемни!
Тук съм дишал пролетния лъх,
Пил съм жадно соковете земни.

Пусть другие ищут дорог в Сесам
И терпят ложь Цитеры,
Чудеса не нужны нам.
Здесь, на земле, меня ожидает
Сладкий отдых, дни гостеприимные!
Здесь вдыхал я весны дуновение
И пил жадно соки земли.

Но чувство неуверенности не покидает поэта:

Но боя се, че познал меда

Но боюсь я, что для того, кто вкусил
мед желаний

На копнежи в цветен земен улей,
Ни молитви, ни света вода
Остра памет горно ще забудят.
И че там, където, в ранна връст,
Съм насъне слънцето целунал,
Бял елен (над челото му — кръст)
Ще ме отведе в царства безлуни.

В цветистом земном улье,
Никто не может в памяти изгладить
Старое воспоминанье.
Что там, где в годы детства
Я встретил первый луч солнца,
Белый олень (над челом его крест)
Отведет меня в царства безлуные.

Конец колебаниям наступает позже — под влиянием Сентябрьского восстания 1923 г., которое, после Октябрьской революции, явилось следующей важной вехой в идейно-художественном развитии Л. Стоянова.

* * *

Сентябрьское восстание имело для Болгарии значение народной революции, которая была подготовлена небывалым революционным подъемом масс, явившемся следствием влияния Великой Октябрьской революции. Началом вооруженной борьбы народа против монархической власти надо считать стихийно возникшее восстание солдат у села Владай под Софией в 1918 г. Возмущенные изнурительной войной, восставшие солдаты последовали примеру своих русских братьев. Они направились в Софию с вполне определенной целью: расправиться с виновниками войны, которая причинила народу столько бед и несчастий. Никем не возглавленное, восстание это было подавлено. Но Владай остался в истории Болгарии как грозное предостережение народа против своевольия буржуазной монархии.

После 1918 г. революционная борьба болгарских рабочих и крестьян не только не прекращалась, но все более нарастала. Во главе борьбы стала коммунистическая партия. Болгария была охвачена стачками и крестьянскими волнениями. Революционная сила народа росла с каждым днем. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1919 г., во время первых после войны парламентских выборов, победил Земледельческий союз. Было создано правительство во главе с лидером Земледельческого союза А. Стамболийским.

Несмотря на огромный революционный подъем народа, болгарской буржуазии удалось организовать заговор и произвести 9 июня 1923 г. государственный переворот, которым руководил ректор Софийского университета Цанков. Правительство Стамболийского было захвачено врасплох. Стамболийский был убит в самом начале фашистского мятежа. Власть оказалась в руках монархо-фашистов, была установлена диктатура Цанкова.

Все это объяснялось отсутствием единства действий рабочего класса и крестьянства; не было необходимой договоренности о совместной борьбе между коммунистической партией и Земледельческим союзом. После 9 июня, когда по всей стране развернулись революционные выступления рабочих и крестьян против контрреволюционной буржуазии, коммунистическая партия, исправив свою ошибку, возглавила революционную борьбу трудящихся масс против фашистского режима, организовала и возглавила Сентябрьское восстание в стране.

Многое, однако, уже было упущено. „... условия, при которых произошло Сентябрьское вооруженное восстание, не были уже такими благоприятными, как июньские условия. Инициатива уже перешла в руки врага“¹. Но при всем этом в восстании выразилась огромная революционная энергия народа. Не было такого уголка в Болгарии, который не был бы охвачен восстанием, и не было там такого честного человека, который не жил бы идеей народной борьбы.

Восстание было жестоко подавлено фашистским правительством Цанкова. „Бывают, однако, поражения, — говорил Г. Димитров, —

¹ Г. Димитров. Политический отчет на V съезде БРП(к). София, 1948, стр. 23.

которые в значительной степени содействуют будущей победе освободительного дела рабочего класса. Таков был случай с поражением Сентябрьского восстания 1923 года... Сентябрьское восстание провело такую глубокую кровавую борозду между народными массами и фашистской буржуазией, которая ничем больше не могла быть заполнена. Фашизм в течение всего последующего периода не смог укрепить свои позиции и создать себе широкую социальную базу¹.

В массах трудовой интеллигенции произошел перелом во взглядах на общественную жизнь. Вся честная интеллигенция пошла вместе с народом. За народ погибли в фашистских застенках замечательные поэты — Христо Ясенов, Сергей Румянцев и Гео Милев, предрекавший, что „Сентябрь будет Маем“².

Для Л. Стоянова события 1923 г. были поучительным историческим уроком. То, что поэт начал постепенно познавать под влиянием войны и Октябрьской революции, в период революционной борьбы накануне и во время Сентябрьского восстания, созрело и стало развиваться в нем как главный стимул его творческой деятельности. Революционные идеи приобрели для него конкретную материальную силу, способную разрушить старое во всех его проявлениях. Поэт решительно становится на сторону борющегося народа, и это определяет весь последующий период его развития как писателя. Он без колебаний порывает с символизмом как с чуждой ему идеологией и не просто декларативно заявляет об этом, как это имело место ранее, а с глубоким убеждением становится (не только в теоретических выводах, но и в художественной практике) на новый путь — на путь реалистического изображения действительности.

Началом этого нового этапа в творческой эволюции Стоянова надо считать его рассказ „Милосердие Марса“, написанный в июне 1923 г. Здесь изображены, по словам автора, „болгарские жестокости в Моравии в 1918 г., учиненные теми же людьми, которые позже потопили в крови и страданиях свою собственную страну и которые не имели ничего общего с болгарским народом...“³ Сила этого рассказа вовсе не в образе писателя-рассказчика, у которого еще не оформились революционные идеи, а в глубоко правдивом изображении фактов социальной действительности. Мораль фашистов выражена в образе капитана В., который руководствуется дикой логикой: „Невиновные — значит виновные“. Жестокости фашистов и страдания народа нарисованы с большой эмоциональной силой. Потрясающее впечатление производят на читателя следующие картины: образ старой матери, несущей в руках обглоданные псами головы своих двух зарезанных сыновей; образы осужденных крестьян, о которых сказано: „Сухие, выпитые лица. Бескровные, как кора подрезанных деревьев“.

В поэзии движение к реализму протекало медленней. Вначале реалистическая струя прорывалась сквозь оболочку изношенных поэтических абстракций (сб. „Прамайка“), затем реализм поэта углублялся и развивался (сб. „Земен живот“), чтобы, наконец, утвердиться в современной поэзии Стоянова, созданной им после 9 сентября 1944 г.

¹ Г. Димитров. Политический отчет на V съезде БРП(к), стр. 24.

² Заключительные слова из поэмы Милева „Септември“ (Сентябрь).

³ По книге: Г. Константинов. Български писатели, стр. 314.

Сентябрьские события 1923 г. нашли отражение в сборнике „Пра- майка“ (1923—1925). Правда, отражение этих событий ограничено: поэт не изобразил героическое в восстании — революционный размах борьбы. Он остановил свое внимание на трагическом финале восстания — на его подавлении, которое, как известно, было исключительно жесто- ким. Фашисты учинили невиданный погром: они врываются в дома, расстреливали целые семьи, вешали и загоняли в тюрьмы ни в чем неповинных людей. Стоянов с болью передает горе народа. Он рисует страшную осеннюю ночь (стих. „Есенна нощ“) — в ней облака влажным саваном падают на землю, прикрывая ее раны; мертво и ужасно вокруг — по опустевшим улицам бродит зловеще смерть:

Звънят погребалните шепоти, будят
ноща,
Треви полумъртви невидимо съскат
И нейде врати се отворени блъскат,
Пристъпва на пръсти и дебне потайно
смъртта
Снове тя из пустите улици души,
Край низки стени като куче бездомно
скимти,
И скърца бездушният скелет и странно
блести
С лъчи фосфорични, зловещ и опушен.

Звенит погребальный шопот. . .
Где-то хлопают открытые двери.
Идет таинственная смерть, подстерегая
жертвы,
Снует по пустым улицам,
Завывает, как бездомная собака,
И скрежещет ее бездушный скелет,
И странно и зловеще
Блещит фосфорическими лучами. . .

Изображая горе и страдания народа, поэт не впадает в отчаяние. Тот же замученный народ дает ему силу и веру в будущее, и он заявляет, что будет ждать, „как светлое чудо, дня последней борьбы“, чтобы открыто отвергнуть „коварную жизнь“, т. е. общественный режим фашизма (стих. „Отрицател“).

Не знам каква ми готови участ
И бди ли моята звезда,
Ала, на мъст духа приучил,
На твърдост, мъка и беда,
Ще чакам като светло чудо
Деня на сетната борба,
За да посрещна всеки удар
На злата мащеха — съдба,
И на живота, тъй коварен,
Превил под лъка колене,
Да хвърля, в плам и дим пожарен,
Стоманното и гордо: „не!“

Не знаю, какая мне уготована участь
И светит ли моя звезда,
Но к мести свой дух приучив,
К твердости, мукам и бедам,
Я буду ждать, как светлое чудо,
День последней борьбы,
Чтобы встретить каждый удар
Злой мачехи-судьбы
И жизни, такой коварной. . .
Бросить в дым и пламя пожара
Стальное и гордое: „нет!“

Сентябрьские события помогли поэту вплотную подойти к изображе- нию судьбы трудящихся. Стоянов увидел не только жизнь народа, но и его борьбу. Задавленный веками гнета трудовой народ — настоя- щий хозяин жизни — встал на путь справедливой борьбы за свободу и хлеб, и за это был подвергнут нечеловеческим истязаниям. Поэт увидел печать ужаса на лицах повешенных, незастывшую кровь мно- гих убитых патриотов, слышал стон замученных детей и крики обес- щенных девушек. Все это не просто конкретно — это до боли кон- кретно. Честный человек не мог пройти мимо этих фактов. Они потрясли душу Стоянова, и он остановил свое внимание на них. Поэт почувствовал, что реальная сила фактов во много раз выше его отвлеченной „логики“, и он стал вводить в свою поэзию эти факты без прикрас, такими, какими видел их в действительности. Отвлеченная

его поэзия становилась поэзией фактов. Постепенно, но верно, начали создаваться конкретно ощутимые и художественно убедительные образы. Так, под напором самой реальной действительности, покорившей поэта, Стоянов шел в своем творчестве к постижению основных принципов художественного реализма.

Первым поэтическим произведением, в котором реалистический метод изображения жизни является ведущим, следует считать стихотворение „Бедность“ (сб. „Прамайка“). Здесь Стоянов поднимается до небывалой еще для его поэзии простоты и ясности. Три мотива составляют канву этого стихотворения: 1) изображение бедности и страданий народа; 2) тяга поэта к народу; 3) изображение силы народа.

Бедность и вековые муки народа изображены реально-ощутимыми образами: поэт говорит о жалких лохмотьях бедняков, о мотыге и сохе — символах подневольного труда, о скудной, полуголодной жизни:

Моят народ е най-беден; няма
По-беден от него. Оскъдност
Се казва съдбата му. Дрипи
От него висят. Мотика и рало —
От детинство до гроб; ден и нощ —
Непрестанно и черно тегло.

Мой народ самый бедный.
Нет беднее его. Нищетой
Называется его судьба. Лохмотья
На нем висят. Мотыга и соха —
С детства до гроба. День и ночь —
Непрестанные страдания.

Стоянов хочет чувствовать себя нераздельно связанным с народом. Он принял его муки, как свои, и проникся этим настолько, что не мыслит уже своей жизни вдали от народа. Поэт клеймит разрыв, который существовал раньше между ним и народом. Он считает себя не вправе „спать на мягкой постели, пить кипящее и сладкое вино... называть себя избранником“, когда народ живет в муках и страдании.

Стихотворение „Бедность“ характерно еще и тем, что в нем, впервые в поэзии Стоянова, открыто прорываются мотивы социального протеста и борьбы, связанные с реальной силой трудового народа. Народ сравнивается с исполинским дубом, который все перенес — страшные бури, грозы и стужу. Поэт мечтает о том, чтобы народ расправил плечи и взмахнул гигантским кулаком:

Да можеше, плечи изправил,
Расчупил снага вкаменена,
Да свиеш гигантски юмрук,
Да замахнеш — ей тый!

Если бы ты мог, расправив плечи
И разогнув окаменевшую спину,
Сжать гигантский кулак
И замахнуться!

Можно утверждать, что после Сентябрьского восстания 1923 г. у Стоянова завершился идеологический и уже намечался художественный разрыв с символизмом. Под влиянием революционных событий шел процесс формирования нового творческого облика Стоянова. На первоначальной стадии этого процесса художественное творчество поэта заметно отставало, сохраняя старые эстетические нормы (отставание создавало видимость разрыва между теорией и художественной практикой). Но с течением времени старые эстетические нормы входили в противоречие с новым мировоззрением и неизбежно становились тормозом творческого развития. Тогда начался процесс их разрушения, сопровождаемый формированием новых эстетических норм. В результате этого вполне реально определилась ведущая тенденция дальнейшего развития поэта, тенденция к гармоническому сочетанию

двух сторон единого процесса (теории и практики, идеи и формы ее выражения). К этой гармонии Стоянов придет позднее (процесс полного разрушения старого и создания нового будет осуществлен им в 30-х гг. и представлен сборником „Земан живот“), но путь его к реализму уже теперь окончательно определился.

Общественно-политическая деятельность Л. Стоянова развивалась в это время в невероятно тяжелых условиях фашистской диктатуры. Достаточно напомнить, что после подавления Сентябрьского восстания клика Цанкова организовала дикий террор против рабочих, крестьян и прогрессивной интеллигенции. Закрывались газеты и журналы, преследовалось каждое живое слово. Часть писателей отошла в лагерь реакции. Надо было глубоко верить в свои убеждения, чтобы не только не пойти на службу реакции, но и вести против нее активную борьбу. Стоянов вел борьбу — значит была в нем эта глубокая вера. Достаточно привести лишь некоторые факты, чтобы убедиться в этом.

28 апреля 1924 г., в связи со столетием со дня смерти Байрона, Л. Стоянов выступает в военном клубе Софии с лекцией, в которой клеймит буржуазную Европу вообще, империалистическую Англию в частности. „Европа стоит перед новыми пожарами, — говорил он, — и горе ее детям, если они не найдут выхода из современного ада“.¹

В 1929 г. Стоянов входит в писательский Союз труда и борьбы и развивает активную антифашистскую деятельность, несмотря на произвол цензуры и преследования полиции. Он редактирует газету „Преглед на антивоенното движение“ (Обзор антивоенного движения, 1932), в которой разоблачает поджигателей новой войны. Газета была запрещена. Тогда Стоянов приступает к редактированию литературных сборников „Кормило“. В них печатались художественные и публицистические произведения не только прогрессивных писателей Болгарии, но и выдающихся писателей мира — прежде всего М. Горького. Полиция наложила запрет и на эти сборники.

В 1933 г. Л. Стоянов издает и редактирует еженедельник „Щит“, который был также вскоре запрещен. Та же участь постигла и другую редактируемую Стояновым газету — „Литературен преглед“ (Литературное обозрение, 1934). После этого он анонимно редактировал сборники „Земя“, „Брод“ и др.

С 1928 по 1939 г. Стоянов написал и опубликовал в различных изданиях около 1500 статей. В них писатель вырисовывается как выдающийся общественный деятель, неутомимо боровшийся против фашистской реакции. В эти годы Стоянов продолжает жадно следить за советской литературой, изучает жизнь народов Советского Союза. Это помогает росту его классового сознания — от общедемократических взглядов Стоянов шел постепенно к идеологии коммунизма. Опыт социалистического строительства в СССР давал ему моральную силу, укреплял веру в правоту и неизбежность победы революционного идеала. Именно об этом свидетельствуют следующие строки Стоянова, написанные им еще в 1935 г.: „Не считая преступлением, если, разочарованный настоящим, я обращаю взгляд к будущему. Интересует меня строительство современной России, то, что я считаю

¹ „Хиперион“, кн. 3, 1924, стр. 174.

настолько человеческим, насколько и законным. Никому не может быть воспрещено после долгой и мучительной, кошмарной ночи ждать первую зарю дня“.¹

В 1935 г. Стоянов был участником Международного конгресса писателей в защиту культуры, состоявшегося в Париже. В своей речи он призывал к активной борьбе с фашизмом — разрушителем культуры и цивилизации. Конгресс избрал Стоянова членом Постоянного бюро Международной ассоциации писателей для защиты культуры.

Болгарские фашисты видели в Стоянове своего врага. Они преследовали и травили его, пытались избавиться от него самыми дикими методами. 29 июля 1935 г. на Стоянова было совершено нападение, в результате которого он был тяжело ранен (три фашистских офицера избили его железными прутьями).

В те дни в Москве происходил VII конгресс Коминтерна, обсуждавший вопросы борьбы с фашизмом. Факт нападения на Стоянова был воспринят советской общественностью как открытое проявление фашистской реакции. Газета „Правда“ поместила сообщение ТАСС под заглавием: „Нападение фашистов на болгарского писателя Стоянова“. В сообщении говорилось: „На участника Конгресса защиты культуры и члена бюро Международной ассоциации писателей для защиты культуры — известного болгарского писателя Людмила Стоянова напала группа фашистов и нанесла ему тяжелые ранения“.²

Никакие репрессии, никакие крайние меры фашистов не изменили взглядов писателя, который продолжал вести борьбу против фашизма еще более энергично.

В 1936 г., по приглашению Союза Советских писателей, Л. Стоянов посетил Советский Союз, где пробыл три месяца (с ноября 1936 до февраля 1937 г.). Общественная жизнь страны социализма, личные знакомства и общение с видными деятелями советской культуры дали Стоянову возможность с разительной ясностью почувствовать, с одной стороны, фальшь и бесплодие буржуазного символистического искусства, с другой — живую силу подлинно народного искусства. Советская литература способствовала не только разрушению принципов старого искусства, но также и созданию новой реалистической революционной литературы. Это последнее обстоятельство (пример конкретного выражения нового) сыграло исключительно важную роль в творческом развитии болгарского поэта.

* * *

На опыте своих великих соотечественников — Христо Ботева, Ивана Вазова, Алеко Константинова, Стоянов глубоко понял роль русской передовой культуры в духовном развитии болгар. В одной из своих статей, написанной еще в 1933 г., он с полным правом отстаивает мысль о прогрессивном влиянии русской литературы, которую называет „учительницей болгарских писателей, источником вдохновения и науки... Благодеяния русской литературы, — писал Стоянов, — для нашего развития и сознания себя как народа, неоценимы,

¹ Сб. „Брод“, 1935 (Избрания творби, София, 1948, стр. 394).

² „Правда“, 4 августа 1935 г.

и кто думает обратное, тот враг своего народа и его подлый недоброжелатель“.¹

После Октябрьской революции влияние русской революционной культуры на болгарскую литературу еще более возросло. Понимая это, Стоянов стремится к тесному общению с советской литературой. Политику болгарских фашистов, которые всячески старались изолировать Болгарию от Советского Союза, Стоянов считал губительной для болгарской литературы. В ряде статей 30-х годов он пишет о том, что болгарская литература „немошна, лишена творческой жизни... находится в состоянии агонии...“² потому что ее стремятся изолировать от советской литературы. В статье с характерным заглавием: „Дайте доступ советской книге!“ — Стоянов протестует против призыва фашистов. „... Нам кажется, — писал он в 1933 г., — что упадок литературной мысли, общественного чувства и художественного уровня у нас после войны объясняется прежде всего тем, что прекращен доступ новейшей, современной русской литературе. И это притупление будет расти, потому что люди, которые распоряжаются судьбой нашей страны, не сознают, что, закрывая границы для русской книги, они подготавливают духовную гибель своему народу“.³

Деятельность лучших советских писателей помогла болгарскому поэту глубоко сознать свой гражданский долг, найти конкретные пути художественной реализации революционных идей. Он обращается к замечательной революционной традиции Христо Ботева и Христо Смирненского, к богатой сокровищнице болгарского народного творчества и на этой основе вырастает в крупнейшего национального писателя. В 30-х годах Стоянов написал выдающиеся реалистические произведения, составившие новый этап в его творческом развитии.

Необычайно симптоматично, что в творчестве писателя этого периода решительно преобладает жанр повести и романа. В течение пяти лет написаны три крупных произведения: роман „Александр Стамболийский“ (1931), повести: „Холера“ (1935), „Мехмед Синап“ (1936). Никогда раньше Стоянов не мог притти к такому широкому охвату действительности, как теперь. Это явилось следствием его нового революционного мировоззрения, позволившего ему подвергнуть трезвому анализу известные факты общественной жизни страны. Уменье увидеть причинную связь социальных явлений, взглянуть на жизнь как на борьбу классов, уменье установить логику этой борьбы — вот что дало возможность Стоянову перейти к большим художественным полотнам.

В повести „Холера“ нарисована правдивая картина народных страданий в период преступной империалистической войны 1913 г. Стоянов указал истинных виновников войны — клику царя Фердинанда. Изображаемые образы и события ведут читателя к выводу, что путь к освобождению народа лежит только через беспощадную, непримиримую борьбу с буржуазией.

Произведения „Александр Стамболийский“ и „Мехмед Синап“ написаны с глубоко оправданной тенденциозностью. В глухую пору фашистской реакции Стоянов обратился к историческим фактам

¹ Избрани творби, стр. 370.

² Там же, стр. 341.

³ Избрани творби, София, 1948, стр. 370.

народной борьбы, чтобы возбудить и усилить ненависть масс к правящим страной палачам. Повесть „Мехмед Синап“ воспроизводит героический момент в истории болгарского народа: восстание крестьян под предводительством Мехмед Синапа против Оттоманской империи в 1797 г. Отличительной чертой повести является ее близость к народным мотивам о гайдучестве. Это обогатило ее и придало тот национальный колорит, который отличает произведения лучших болгарских писателей.

Активная борьба за утверждение принципов реализма нашла свое отражение и в жанрах поэзии. Сборник „Земен живот“ объединяет стихи 1928—1939 гг. Само название сборника не случайно — оно для Стоянова полно значения. Смысл его раскрывается при сопоставлении с названиями предыдущих сборников: „Видения на кръстопът“, „Керван“, „Святая святых“. Название „Земен живот“ уже ведет нас к мысли, что из мира неуловимых видений и воображаемых путешествий в сказочные края поэт решительно сошел на твердую землю и будет говорить нам о жизни на земле.

Сборник открывается стихотворением „Не мога без хора“ (Не могу без людей), которое является своего рода программным. Стоянов вполне осознанно говорит в нем о новом этапе в своей творческой деятельности — он пришел к людям с их земными тревогами и отныне желает целиком посвятить свое творчество народу. Перед ним открывается широкий и светлый путь, который, по его собственным словам, „так спокойно ведет вперед“.

На этом пути поэту открывается настоящая жизнь, и он радуется всему: полям и озерам, встречным детям и старикам, простым дровосекам, в общении с которыми провел несколько счастливых минут. Стоянов укоряет себя за то, что эти люди были ему чужды, он был к ним холодно-безразличен; но теперь они заполняют его душу, он хочет быть вместе с ними, хочет слить себя с коллективом:

Не, не мога, не мога без хора,
Без звона на човешката реч.
Дето двама — в полето — говорят,
Техен брат съм и аз отдамеч.

Нет, не могу, не могу без людей,
Без звона человеческой речи.
Там где двое в полях говорят,
Их братом хочу быть и я.

Тяга к народу — не новый мотив в поэзии Стоянова. Мы встречали его уже в нескольких стихотворениях. Наиболее отчетливо он выражен в стихотворении „Бедность“. Все три мотива этого стихотворения, отмеченные выше, находят свое развитие в сборнике „Земен живот“. Мотив сближения с народом проходит через стихотворения „Не могу без людей“, „Судилище“, „Праотцы“, „Метафизика“, „Исповедь“. Мотивы народных страданий, народной силы и борьбы развиты в стихотворениях „Земля“, „К моим односельчанам“, „Буря“, „Товарищи“, „Голоса“, „Клин“, „Европа“, „Родина“ и др.

Давняя тяга поэта к народу закончилась полным приобщением к жизни и борьбе трудовых масс. Стоянов провозглашает слияние с народом и в этом слиянии он видит единственное средство раскрепощения творческих сил поэта (стих. Судилище).

С морето капката се сля. . .
И радостна, и нова сила
Сърце и разум окрили.

С морем капля слилась. . .
И радостная и новая сила
Сердце и разум окрылила.

Непосредственное приобщение поэта к народу означало полный разрыв с поэзией символизма. С высоты своих новых идейных позиций Стоянов видел и глубоко сознавал трагедию того тупика, в котором он ранее находился. Поэт сам теперь подвергает переоценке свою прошлую деятельность и характеризует символизм как искусство загнивающего буржуазного общества.

В одной из своих статей Стоянов писал: „Полезно для писателя время от времени обзирать свой творческий путь. Только тот писатель творчески растет, кто не боится признать свои ошибки и, при случае, исправить их“.¹

Стоянов правильно понял свои задачи. Он честно подвергнул критике свои символистские заблуждения. Критика эта охватывает все области деятельности — и публицистику, и художественное творчество.

Символизм характеризуется Стояновым как „мир фикций и химер, поэтической богемы и романтического кретинизма“.² Так характеризует поэт символизм и в других своих статьях.³

Почти теми же словами говорит он о ранних увлечениях и в своих стихотворных произведениях. Наиболее характерны в этом отношении его стихотворения „Исповедь“ и „Метафизика“. Познав истину, поэт признается, что он провел „четверть века бесцельного скитания в стране химер и ветряных мельниц“. Этот период он называет „жизнью бесцельной, жизнью позорной“, пустой погоней за „дохлыми иллюзиями“.

Еще резче говорит о своем прошлом Стоянов в стихотворении „Метафизика“, которое ясно определяет границы между двумя поэтическими периодами — старым и новым. Что же представляет собой, по мнению поэта, его прошлое?

Стоянов оглядывается на пройденный путь и приходит к выводу, что его можно было бы обозначить словом „Ничто“; он употребляет здесь и другую фразу: „Химеричность и сон“. Поэт осмысливает свои увлечения как трагедию глубокого заблуждения, которое закрывало глаза на действительный реальный мир. Он восторженно говорит теперь о своем выходе из символистского плена, считая это началом новой жизни, своим новым рождением:

След лутане в гесъци, в жад,
Да откриеш небо, да пипаш
Благодатната майка — земя,
Да се радваш и страдаш със хората
Ново раждане сякаш е то!
И да знаеш, да виждаш — защо.
Да извикаш: свърши затвора!

После блужданий в песках, в жару,
Открыть небо и коснуться
Благодатной матери-земли,
Радоваться и стонать вместе с людьми —
Ведь это новое рождение!
И знать, видеть,
Понимать все вокруг,
И воскликнуть: конец замкнутости!

Эти признания Стоянова имеют большое значение. Они, во-первых, дают основание говорить о полном разрыве поэта с символизмом; во-вторых, являются доказательством реакционности символизма как литературного течения.

¹ Избрани творби, София, 1948, стр. 407.

² Малко автобиография (Избрани творби, София, 1948, стр. 393).

³ См. статьи „К вопросу о творческой эволюции“, „Мой литературный наставник“ в указ. выше книге „Избрани творби“.

Из сказанного уже следует, что Стоянов пришел к полному отрицанию эстетических принципов символизма. Сила этого отрицания основывается на том, что у поэта выработались уже новые эстетические взгляды.

В статье „Литературный барометр“, написанной в 1931 г., Стоянов отвергает „искусство надоблачных видений... как негодное искусство, лишенное живого и непосредственного ощущения истинных волнений жизни“. Настоящее искусство, по утвердившемуся уже мнению Стоянова, должно активно вмешиваться в общественную жизнь, должно быть идейно-боевым. Поэт пришел к сознанию своего большого гражданского долга. Он говорит о том, что писатель должен бороться за лучшее общественное устройство, что „сегодня на него возложена задача просветить нищих, вывести заблудившихся к свету“.¹

Новые взгляды на роль искусства и место поэта в общественной жизни формулируются Стояновым и непосредственно в его стихах. Стоянов хочет, чтобы его поэзия была участницей общей борьбы народа, чтобы она была, как говорит поэт, „...оружием для тех, кто в громе... кует свое великое будущее“ (стих. „Песня“).

Именно таким оружием был сборник „Земен живот“ (1939). Это — поэзия призыва к решительной борьбе и веры в революционную победу народа. Надо иметь в виду, что сборник создавался в тяжелых условиях фашистской диктатуры. Творческие возможности поэта были скованы: он вынужден был говорить „вполголоса“, прибегать к символическому и эзоповскому языку, чтобы обходить рогатки цензуры. Все это, разумеется, ограничивало автора, и поэтому при первом знакомстве со сборником можно не обнаружить большой внутренней революционной силы, которая раскрывается с достаточной полнотой при связанном анализе текстов.

Свои помыслы и надежды на будущее Стоянов связывает с народом. Он начинает глубоко сознавать, что причиной народных страданий является буржуазный общественный строй, и приходит к выводу, что единственное надежное средство освобождения — революционная борьба. В стихотворении „Другари“ (Товарищи) поэт подвергает переоценке свои прошлые взгляды. Заглавие стихотворения повторяет заглавие уже упоминавшегося нами другого стихотворения из сборника „Меч и слово“. Это сделано Стояновым вполне сознательно — в обоих стихотворениях оцениваются одни и те же события (империалистическая война), но с разных точек зрения. Когда Стоянов создавал первое стихотворение, он был еще далек от революционной истины — он стоял на позициях буржуазного пацифизма, теперь же он эту истину уже познал:

Разбрахме, другари, но късно:
Не там, в полунощния мрак,
Не там, срещу фронта навъсен,
Не там беше нашият враг!

Мы поняли, товарищи, но поздно:
Не там, в полночном мраке,
Не там, против мрачного фронта,
Не там был наш враг!

Социальный облик врага вырисовывается в поэзии Стоянова довольно определенно. Поэт употребляет выражения: „убийцы моего рода“, „коварный враг“ и др. Для поэта враги народа — это правящие эксплуататорские классы и монархи. В стихотворении „Родина“

¹ Избрания творби, стр. 355.

Стоянов пишет о Владайском восстании 1918 г. как о спасительном и верном шаге на пути к свободе и скорбит о том, что оно было подавлено „коварным врагом“:

... в бурята замаяни,
С картеч ни средна,
С ярост и вражда
Коварен враг.
И при Владая
Погребяхме
Заветна свобода.

... Нас, бурею охваченных,
С яростью и враждой
Картечью встретил
Коварный враг.
И у Владая
Похоронили мы
Заветную свободу.

„Коварный враг“, таким образом, это те, кто подавил Владайское восстание солдат, а вслед за тем и Сентябрьское вооруженное восстание. В издании сборника „Земен живот“ (1940) цензура выбросила строки о Владайских событиях. Поэт восстановил их лишь после 9 сентября 1944 г.

В стихотворении „Голоса“ говорится о неизбежности революционного взрыва и выражается глубокая вера в победу народа. Стоянов здесь описывает сон: ему снится кладбище, он видит страшные картины ужаса и смерти (напоминание о бесчисленных народных жертвах), но он убежден в силе народа, уверен, что „день правды идет“:

Денят на правдата, той иде,
Той шестува сред плач и стон —
Неизлечимите обиди
Откриват страшен свой закон.
Слова на яростна прокоба
На пир и длъж ще прозвучат —
И ако живите мълчат,
Ще станат мъртвите от гроба!

День правды идет,
Он шестует среди плача и стона.
Неизлечимые обиды
Открывают страшный свой закон.
Пророчески слова борьбы
Повсюду прозвучат —
И если живые будут молчать,
Поднимутся мертвые из могил!

Мотив призыва к революционной борьбе звучит и в стихотворении „Клин“. Стоянов сравнивает здесь современный ему общественный порядок с сучьями на дереве. Призыв к борьбе образно выражен в народной мудрости дровосека, который знает, что клин клином выбивают.

В стихотворении „К моим односельчанам“ революционная борьба символизирована в образе топора:

Ще свърши страшната мора...
И нека брадвата и бруса
Да знаят — работа ги чака
Във запустялата гора.

Придет конец страшному кошмару...
И пусть топор и оселок
Знают, что их ждет работа
В опустевшем лесу.

Глубоким лиризмом веет от стояновского стихотворения „Буря“. Здесь, правда, нет конкретно-социального образа бури, и стихотворение это, отдельно взятое, могло бы показаться абстрактным и незначущим. Но нам известна уже революционная направленность творчества Стоянова. Поэтому нетрудно понять, что речь идет о революционной буре, которая должна смести старый общественный порядок. Эту бурю поэт „ждет с трепетом“, он готовится восторженно встретить „людей, которые в борьбе вспашут новые борозды“.

Революционная зрелость мысли поэта ярко выразилась в его двух больших стихотворениях: „Европа“ и „Родина“. Общий дух стихотворения „Европа“ подчеркнут эпиграфом: „Призрак бродит по Европе...“. Стоянов недоговаривает по понятным соображениям:

слова „призрак коммунизма“ вызвали бы бурю злобы у цензоров, и стихотворение не увидело бы света; поэт обходным путем ссылается и на источник этих слов, когда пишет: „из одной классической книги XIX века“. Не вызывает никакого сомнения, что „Коммунистический манифест“ Маркса и Энгельса, откуда взяты эти слова, был источником идейной силы стояновского стихотворения. Идеи марксизма-ленинизма позволили поэту дать глубокий анализ социальной действительности. В стихотворении подвергнута беспощадной критике буржуазная Европа с ее империалистическими стремлениями к завоеванию земель и золота. „... золото, — напоминает поэт, — в крови рождается, чужой мукой куется“.

В стихотворении „Родина“ Стоянов повествует об истории своей страны как истории борьбы за социальное освобождение народа. Поэт мечтает видеть свою родину „свободной, радостной... среди вольного, радостного человечества“. Представление о такой родине ассоциируется с представлением о великой Советской стране.

Характерно, что именно в этот период (1939) Стоянов создает стихотворение „Сталин“. Стихотворение это не вошло в сборник „Земен живот“ по условиям тогдашней цензуры. Оно представляет собой наивысшее художественное обобщение поэта тех лет, поэтический синтез всех его прежних творческих исканий. В образе Сталина Стоянов славит коммунизм и утверждает неизбежность его победы во всем мире:

Съмва се, човечество! Превалия	Вот лучи рассвета заблестали,
Страшната хилядо годишна нощ...	Падает тысячелетний гнет. ¹

В стихотворении четко выражена классовая позиция автора. На одном полюсе — мир эксплуататоров, у которых имя Сталина вызывает смертельный страх. На другом полюсе — трудовой народ, из среды которого вышел и для которого живет Сталин. Народ видит в Сталине себя.

Поэт понял и сумел художественно изобразить единство вождя и народа, понял и объяснил источник и силу любви народных масс к Сталину:

Тъй любимо няма друго име,	Самое любимое то имя,
Влязло на живота в тъканта,	Врезано оно во все сердца;
Като мъгния — несъкрушимо,	Словно молния, несокрушимо
Гордо като сбъдната мечта.	Нас ведет к победе до конца.

К сборнику „Земен живот“ примыкает цикл стихотворений об Испании, созданных в период 1937—1938 гг. Известно, что Л. Стоянов участвовал в работе Всемирного конгресса писателей, который происходил в Мадриде в 1937 г. Делегаты посетили фронт у Гвадалахары. Они заседали поочередно в Барселоне, Мадриде, Валенсии под гром орудийных залпов и при частой бомбардировке этих городов. Писатели видели те разрушения и бедствия, которые нес Испания фашизм. Они видели героическую борьбу испанского народа, к которой с явным сочувствием относились все свободолюбивые народы мира.

¹ Перевод М. Зенкевича.

Стихи Стоянова об Испании пронизаны революционным духом международной солидарности с борющимся испанским народом. В стихотворении „Люсиен Бок“ (по имени героя) поэт изображает героизм французского инженера-химика, погибшего за свободу Испании. В стихотворении „Знамето“ (Знамя) создан образ голландского рабочего Йефа Лафта, который сражался вместе с испанским народом против фашизма. На примере героической борьбы испанского народа поэт раскрывает смысл и насущную необходимость общей борьбы против темных сил фашистской реакции за свободу человечества.

Революционная направленность произведений Стоянова 30-х гг. несомненна. Несомненно также и то, что они и по всем другим эстетическим показателям выше всего, что было создано поэтом раньше. Возросшая идейная сила поэта преобразовала и форму его произведений — обогатила и украсила ее.

Широта революционного мировоззрения Стоянова расширила круг его тематики. Основная масса стихотворений сборника „Земная жизнь“ посвящена изображению жизни народа („Не могу без людей“, „Земля“, „К моим односельчанам“, „Товарищи“ и др.). На первый план также выдвинута революционная борьба („Буря“, „Голоса“, „Клин“ и др.).

Изображаемые события художественно мотивированы. Некогда беспомощный в объяснении окружающего мира, Стоянов теперь дает глубокий анализ социальной жизни общества. Это привело его и в поэзии (о прозе говорилось выше) к широким художественным обобщениям. Показательны в этом отношении произведения „Европа“ и особенно „Родина“. В них дана связная характеристика общественных событий, верно изображены обуславливающие связи этих событий и поэтому сделан логически правильный вывод о неизбежности гибели империализма и о неминуемой победе трудового народа. Оба произведения по своему объему довольно велики и представляют собой в жанровом отношении тип поэмы. Эпический строй их несомненен. Так, в „Родине“ Стоянов рисует главные исторические этапы социальной борьбы болгарского народа за свое освобождение: эпоху 70-х годов XIX в., период империалистической войны и революционного пробуждения народных масс, Владайское восстание 1918 г. и т. д. Переходы от одного события к другому в их обуславливающей связи составляют сюжет поэмы, написанной простым повествовательным языком.

Характерно для Л. Стоянова 30-х годов и то, что в его поэзии очерчен реальный образ живого человека. Это — простые люди труда, к которым пришел поэт: дровосеки („Не могу без людей“), косари („Буря“), измученные рабским трудом крестьяне („Земля“, „К моим односельчанам“). В изображении человека из народа Стоянов поднялся до глубокого понимания закономерностей общественной жизни: он убежден в неизбежности коренного изменения существующего порядка, и это убеждение явилось источником той моральной силы и уверенности, которые отличают поэзию Стоянова данного периода. Несмотря на пока угнетенное положение народа, новые герои Стоянова, как и образ самого поэта, представляют собой прямую противоположность тому, с чем мы встречались в символистский период стояновского творчества. Там — загадочная отвлеченность, здесь — реальные живые люди; там — отсутствие или, в лучшем случае,

слабые проблески мысли, здесь — и глубина и логика мысли; там — бессилие и растерянность, здесь — сила и целеустремленность; там — безысходный пессимизм, здесь — пафос революционного оптимизма. Другими словами: два мира — две поэзии, два разных метода художественного изображения действительности. Один вел к застою, другой вывел на широкую дорогу плодотворной литературной деятельности.

В противоположность абстрактно-схематической образности, характерной для символистских стихов Стоянова, система словесных образов сборника „*Земен живот*“ в своей основе реалистична и социально-значима. Определив свое отношение к народу, Стоянов стремится к художественной простоте и ясности. В стихотворении „*Исповедь*“ он пишет:

Елате ми на помощ, прости,
Като трев и мѣх, слова.

Придите мне на помощь,
Слова, простые, как трава и мох.

Стремление поэта к реализму, к простоте прослеживается в ряде стихотворений. Символика стала играть другую, революционную роль. Поэтом созданы новые, трудовые символы, отличающиеся материальной наполненностью и политической заостренностью. Мы говорили уже о символах топора, клина. Отметим еще символ серпа. Данный в сочетании с другими словами, символ этот глубоко социален. В стихотворении „*Голоса*“ Стоянов употребляет выражение: „кованный в неволе серп“. Это не просто символ крестьянства вообще, а трудового крестьянства, крестьянства социальной неволи.

Известно, что понятие родины связывалось Стояновым с судьбой трудящихся. Этой кристаллизации мысли опять помогает социальная символика. О родине поэт говорил: „Крыша твоя соломенная, кровля безнадежно покачнулась“.

Реалистичны и богаты стояновские сравнения: „Дни идут, как осыпаются кукурузные зерна“; человеческая радость „шумит, как густолиственное дерево“; фальшивую любовь богачей-эксплоататоров к родине Стоянов сравнивает с колючей проволокой и т. д.

Именно в этот период Стоянов по-настоящему близок к народному творчеству. Необычайно показательны для сравнительного анализа две песни под одним заглавием — „*Хайдушка*“ (Гайдуцкая). (Повторение заглавий у Стоянова, отмеченное нами и выше, не случайно: оно — показатель эволюции поэта и чаще всего служит приемом контраста между двумя этапами творческого развития.) Первая песня помещена в сборнике „*Меч и слово*“ (1914—1916), вторая — в сборнике „*Земен живот*“ (1928—1939). В первой Стоянов ввел мотивы безнадежности и бессцельности борьбы гайдуков. Лейтмотив песни формулируется в строке: „Свертывай знамя, воевода!“ — обрамляющей каждую из четырех строф. По всей вероятности, эти мотивы, созданные определенными классовыми слоями и бытовавшие в фольклоре, были близки тогда Стоянову-символисту.

Совсем другие мотивы звучат во второй песне „*Гайдуцкая*“. Она сопровождается эпиграфом из Ботева: „... Что стал я гайдуком, гайдуком, мать, бунтовщиком“. Революционный облик гайдучества представлен здесь верно и полно: гайдуки вели борьбу не только против национального, но и против социального гнета. Эти две сто-

роны борьбы раскрыты с достаточной убедительностью. В начале песни поэт рисует измученных, босых и голых, связанных крестьян-невольников, которых освобождают от туредкой стражи гайдуки. Во второй части песни гайдуки изображены как защитники народа от гнета болгарских чорбаджиев-грабителей. Здесь сказалась революционная зрелость Стоянова: сформировавшееся революционное мировоззрение позволило ему правильно оценить факты отечественной истории.

Накануне войны Стоянов перенес тяжелые преследования со стороны фашистских властей, но он неизменно оставался верен своему революционному идеалу. Поэт восторженно встретил 9 сентября 1944 г. Впоследствии он вдохновенно выразил свои мысли и чувства в связи с освобождением болгарского народа в стихотворении „Великий день“. День 9 сентября, по словам поэта, „отомкнул души, открыл тюрьмы, развеял мрак и разлил свет“.

9 сентября 1944 г., являющееся началом новой эпохи в общественной жизни Болгарии, широко открыло пути для строительства социалистической культуры. Стоянов занимает пост активного борца за эту культуру. Он пришел к глубокому пониманию руководящей роли рабочего класса и его авангарда — коммунистической партии — в борьбе за социализм. Вступление Стоянова в коммунистическую партию является логическим завершением его идейного развития.

Тема освобождения родины — основная тема творчества Л. Стоянова после 9 сентября 1944 г. Этой теме поэт посвятил цикл своих произведений. Освобождение Болгарии осмысливается как сбывшаяся мечта народа, выношенная веками в сознании многих поколений. В стихотворении „Товарищ“ поэт вдохновенно раскрыл силу международной рабочей солидарности и выразил свое глубокое убеждение, свою веру в неизбежность победы народа над миром эксплуататоров во всех странах:

Работнишкото войнство е безмерно,
Работнишката правда няма граници.
Да, някъде ноца все тъй е черна,
Но ще се върнат в роден край изгнаници.

Рабочие полки стоят упорно,
Рабочей правде нет на свете грани.
Да, мир еще окутан ночью черной,
Но знай — вернется в край родной
изгнанник.¹

Изображая величие освобожденной родины, Стоянов вспоминает и славит подвиги героев, павших в боях за свободу народа. В авторском посвящении к стихотворению „Искаш ли?“ (Хочешь ли?) говорится: „Памяти Стояна Г. Шишкова (Спартак), геройски павшего в борьбе с фашизмом 30 апреля 1943 г. у с. Фердинандово, Пловдивской околии“. В композиционном отношении стихотворение Стоянова напоминает стихотворение советского поэта К. Симонова „Убей его“, где нарастающая сила народной ненависти подчеркнута повторением в первой части стихотворения в начале каждой строфы слов: „Если ты не хочешь... (отдать свой дом и т. д.)“. У Стоянова каждый куплет в первой части стихотворения начинается словами: „Хочешь ли ты... (чтобы в родной стране были виселицы, а не знамена?“ и т. д.). Такой прием дал возможность болгарскому поэту в связной последовательности напомнить о муках народа под властью фашистских поработителей:

¹ Перевод М. Павловой, сб. „Поэзия борьбы и победы“, М., 1950, стр. 156.

Ти искаш ли в нашата родна страна
 Развени — бесилки, а не знамена?
 На место народни игри и събития —
 Глави мъченишки на пярти набити?
 Ти искаш ли в сухите, глухи поля —
 Селата затънали в мрак и тегла? и т. д.

Хочеш ли ты, чтобы в нашей родной
 стране
 Были виселицы, а не знамена?
 Вместо народных торжеств —
 Головы мучеников, посаженные на
 шесты?
 Хочеш ли ты в сухих и глухих полях
 Видеть села, утонувшие в крови и стра-
 дании?

Концовка стихотворения не только ведет к мотивированному ответу: „Нет!“ („не хочу!“), но и напоминает о необходимости беречь свободу, завоеванную драгоценной кровью жертв народа. Эта последняя мысль хорошо выражена и в стихотворении „Република България“, где Стоянов призывает „беречь молодую Республику Болгарию с алой звездой над челом“.

Особое место в поэзии Л. Стоянова занимает связанная с темой освобождения Болгарии тема дружбы болгарского и советского народов. Поэт посвятил этой теме цикл своих превосходных стихотворений, в которых с неподдельной искренностью выразил трогательные чувства благодарности и любви болгарского народа к великому русскому народу. Со времен Ивана Вазова еще не звучало с такой силой в болгарской поэзии слово братской любви и дружбы двух славянских народов. Но Вазов вдохновлялся лишь идеей национального освобождения, Стоянов же — и великими идеями социально-политической свободы. В его произведениях раскрывается глубина и сила этих новых помыслов и чувств болгарского народа, поднятого к возрождению благодаря великой освободительной миссии Советской Армии.

Освобождение Болгарии изображается в произведениях Л. Стоянова как социальная революция, совершенная при помощи героической Советской Армии. В стихотворении „Красная армия шествует“, написанном в 1945 г., болгарский поэт говорит о великой освободительной миссии Советской Армии: ее шествие, по образному выражению Стоянова, „означает, что листья старого мира желтеют и падают, оно означает, что Европа воскресает из пепла и смерти“. Советскую Армию, несущую на своих знаменах свободу народам, радостно встречали и чех, и словак, и поляк... Советская Армия, говорит поэт, — „это жизнь, наша живая душа, это человеческая честь“.

В 1948 г. Л. Стоянов написал стихотворение „К русскому народу“. Это — торжественная песня о славе и величии русского народа. В плане широкого обобщения поэт говорит о выдающейся роли русского народа в исторических судьбах Болгарии. Стоянов пишет о традиционной дружбе и любви к русским. Он вспоминает героев Шипки и Плевны, о которых и теперь еще поются песни в народе.

Во второй части стихотворения поэт говорит о втором освобождении Болгарии, которое принесло болгарским трудящимся социально-политическую свободу. Стоянов глубоко сознает, что это освобождение стало возможным лишь благодаря Советскому Союзу. Он уверен, что в Болгарии не звучала бы „песня вольности и чести“, если бы не пришли советские воины „с серпом и молотом на знаменах и с пятиконечной звездой над челом“. Поэт славит русских, как носителей подлинного гуманизма: они суровы и неуправляемы в своей ненависти к врагу, они же исполнены чувства глубокой любви к трудовому народу.

Стоянов-коммунист видит в Советском Союзе ту страну, которая играет авангардную роль в борьбе за мир и демократию и ведет за собой все прогрессивное человечество. Он достигает широкого художественного обобщения в четверостишии, где говорится об этой великой миссии Страны Советов:

Няма по-мъдро от руското слово,
Няма по-звучна от руската реч.
Всичко високо, и нужно, и ново
Идва от нея и литва далеч.

Честност, другарство, правдивост,
сърдечност
Те ще пребъдат в грядущия век
Руската правда е правда човечна —
С нея израстнах и станах човек.

Братская дружба приносит обильные
всходы,
Непревзойденной сердечностью оза-
рена.
Русскую правду познав, прозревают
народы,
С ней возмужала и выросла наша
страна.¹
Сеятель счастья, свободы поборник
упорный,
Мира всеобщего неколебимый оплот!

Правды твоей не иссякнет родник жи-
вотворный,
Сколько в тебе человечности, русский
народ!...

Литературная деятельность Людмила Стоянова многогранна. Здесь рассмотрен главным образом лишь один жанр — поэзия. Но и приведенного материала достаточно, чтобы убедиться, что только революционное мировоззрение спасло поэта от творческой гибели и открыло широкие пути для плодотворной работы на пользу своего народа.

Крупнейший общественный деятель, один из руководителей Союза болгарских писателей, редактор периодических и многих других изданий, Стоянов продолжает в условиях Народной Республики Болгарии неустанно совершенствовать свое художественное мастерство. Последние его произведения говорят о том, что, учась на богатом опыте советской литературы, изучая строительство социализма в самой Болгарии, Людмила Стоянов идет к глубокому постижению принципов социалистического реализма.

¹ Перевод В. Потаповой, сб. „Поэзия борьбы и победы“ М., 1950, стр. 228—229...

Памяти академика Б. М. Ляпунова

С. Б. Бернштейн

ОБ ОДНОМ ЧЕХО-МОРАВИЗМЕ В ПАМЯТНИКАХ СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Уже Б. Копитар первый обратил внимание на то, что в языке памятников старославянского языка встречаются латино-германизмы. Такими латино-германизмами он считал олтарь, кръсть, попь, постъ, цѣсарь, цръкѣ, оцьтъ и др. Германизм олтарь вместо ожидаемого греческого *θυσιαστήριον* свидетельствовал, по мнению Копитара, о том, что старославянский язык не мог быть ни древним сербским, ни древним болгарским, так как южные славяне православного вероисповедания в древнейшую пору не вступали в непосредственные отношения с племенами германского происхождения. Старославянский язык мог быть только древним словинским, ввиду того, что словинцы, в отличие от сербов и болгар, находились под сильным влиянием латино-германской культуры.

Уже давно была показана полная несостоятельность этого аргумента Копитара. Действительно — в языке памятников X—XI вв. встречается немало слов латино-германского происхождения, многие из которых являются важнейшими элементами церковной терминологии. Однако наличие этих слов в старославянском языке объясняется иными причинами. Не только миссионерская, но и литературная деятельность Константина и Мефодия была связана с Моравией и Паннонией. Переводя на славянский язык четвероевангелие, апостол и другие церковные книги (до поездки в Моравию ими было переведено только недельное евангелие), они пользовались уже знакомой местным славянским племенам церковной терминологией, которая, естественно, была латинская или германская.¹

Итак, в области лексики старославянский язык — орган богослужения в прошлом у многих славян — впитал много элементов западнославянских, так как формировался на территории, заселенной западнославянскими племенами. Об этом свидетельствуют не только лексиче-

¹ С. М. Кульбакин высказал предположение, что многие латинизмы могли проникнуть через славянские говоры Балканского полуострова, будучи занесенными сюда римскими солдатами в первые века христианской эры (см. его статью „О речникој страни старославенскога језика“. Београд, 1930). Не нужно забывать, что в современных болгарских говорах много заимствований из народной латыни.

ские заимствования. Старославянские памятники X—XI вв. представляют несколько славянских слов, на западное происхождение которых уже давно указывали. Несомненно, что слова братья, братство и многие другие — не македонского происхождения. На это же указывает большое число лексических дублетов: к̑нигы — письмена, миса — блюдо, сънмицие — съборицие, животь — жизнь и много других, отмеченных И. В. Ягичем.¹

Старославянские памятники представляют много различных параллельных образований как в области фонетики, так и в области морфологии. Стремление исследователей установить общее происхождение этих дублетов, связать эти образования с языком одной этнической среды — в данном случае македоно-болгарской — почти всегда не убедительно.

Я рассмотрю один из таких старославянских дублетов из области морфологии.

Вопросительное местоимение ѣто в форме род. п. в памятниках старославянского языка представлено в виде ѣсо и ѣсо. Одни памятники предпочитают форму ѣсо, другие ѣсо. Это местоимение уже не раз было предметом лингвистического анализа. Среди исследователей старославянского языка нет единого мнения об относительной хронологии ѣсо и ѣсо. Первоначально большинство лингвистов предпочитало считать более древней форму ѣсо. На этой точке зрения стояли Бопп² и Миклошич.³ Однако уже со времени высказывания по этому поводу Фортунатова и Бругмана большинство ученых отдает предпочтение форме ѣсо.⁴ Тем не менее этот взгляд в настоящее время не является общепринятым. Могу указать на грамматику старославянского языка Я. Лося, который решает этот вопрос в духе Боппа — Миклошича: „G. sg. ma własną końcówkę — so: ѣсо, rzadziej ѣсо, ale ta forma może jest pierwotniejsza“.⁵

Следует указать, что исследователи решают этот вопрос предположительно, так как никаких серьезных доводов в защиту своего взгляда ни одна из сторон привести не может. Некоторые указывают, что такие древнейшие старославянские памятники, как Зографское или Марийское ев., решительно предпочитают форму ѣсо. Другие обращают внимание на Киевский Миссал, который знает форму ѣсо, и на сравнительно поздние памятники Ассеманиево ев. или Саввину книгу, которые пользуются только формой ѣсо. Все фонетические соображения, приводимые исследователями, не могут быть приняты.

Так, например, Г. Педерсен предполагал, что ѣсо представляет такое же сокращение е, как, например, в числительном ѣтеръ, с чем согласиться невозможно.⁶ Отсутствие надежных данных для решения этого вопроса явилось, несомненно, причиной того, что в некоторых

¹ „Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache“, 1913, S. 184, 281—299 u. and.

² Vergl. Gram., II, S. 534.

³ Vergl. Gram., III, S. 52.

⁴ Бернекер. Старославянские чесо, чьсо. Р. Ф. В., в честь Ф. Ф. Фортунатова. Варшава, 1902, стр. 225; Vondrák. Altkirchenslavische Grammatik, S. 468; Лескин. Грамматика древнеболгарского (древне-церковнославянского) языка, стр. 188; Brugmann. Grundriss, II, S. 779; Hujer. Listy filologické, XXIX, стр. 392 и др.

⁵ „Gramatyka starosłowiańska“, 1922, стр. 95.

⁶ „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung“, 37, S. 420.

руководствах по старославянскому языку этот вопрос вообще не поднимается.¹

Ни фонетическим путем, ни ссылками на памятники старославянского языка нельзя доказать единства происхождения этих форм. Нельзя потому, что обе эти формы генетически не связаны, они характеризовали язык различных славянских племен. На правильный путь в решении этого вопроса стал Ильинский. Он первый указал на то, что „сьсо и ѓесо представляют самостоятельные и равноправные относительно друг друга образования“.² Но дальше этого автор не пошел. Он не объяснил причину употребления Ёсо и Ёесо памятниками старославянского языка (часто одним и тем же памятником). Он писал: «Второе место по степени распространенности занимает ок. **so**. Оно свойственно только вопр. мест. съ, съто и встречается лишь в западно- и южнославянских языках. При этом, во-первых, ему предшествует **ь** (**со** из съсо), а во-вторых, преимущественно **-е** (ср. срб. ѓеса, слав. ѓеса). Слово „преимущественно“ можно было бы заменить „исключительно“, если бы в дблг. не встречались рядом с ф. ѓесо и ф. съсо».³ Автор не поставил вопрос, почему наблюдается этот дуализм в памятниках старославянского языка и в какой степени он мешает отнести съсо исключительно к западным славянским языкам.

В своей заметке я показываю, что съсо (Ёсо, ниЁсожѣ) является моравизмом. Проникло это местоимение, вероятно, из древнечешского языка в то время, когда Константин, Мефодий и их многочисленные ученики работали над переводами различных богослужебных книг, в процессе чего и создавались нормы старославянского языка.

Местоимение ѓесо (ѓесо) совершенно не известно восточным славянским языкам. Формы эти встречаются в древних памятниках русского языка, но исключительно как формы церковнославянские.

Южным славянским языкам известна старая форма этого местоимения всегда в виде варианта ѓесо и всегда в значении род. п. В сербском языке встречаем ѓеса, ѓеса (в штокавских говорах) и ѓеса (чакавских).⁴ Знает эту форму (ѓеса, -ѓес) и словинский язык. Представлена она не только в значении вопросительного местоимения, но и относительного **-kar** (**ка** и **ze**)—род. ѓesar (ср. старосл. ниЁсожѣ).⁵

Современный болгарский язык не сохранил никаких следов этой формы. В книжном болгарском языке эта форма (ѓесо) исчезает в памятниках среднеболгарской поры. В древнейших памятниках этого периода (например, в Болонской псалтыри) ѓесо еще редко встречается, но находим уже ѓего.⁶ Под влиянием болгарского книжного языка

¹ См. Н. Грунский. Лекции по древне-церковнославянскому языку. Юрвев, 1906, стр. 183; N. van Wijk. Geschichte der altkirchenslawischen Sprache. 1931, S. 204—205. — В полном соответствии с планом своей работы об этом ничего не пишет и А. Вайян (см. его „Manuel du vieux slave“, t. I, 1948, p. 139).

² „Сложные местоимения“. М., 1905, стр. 151. Об этом же см. ИОРЯС, VI, 2, стр. 222.

³ „Сложные местоимения“, стр. 1.

⁴ Rešetar. Der štokavische Dialekt, S. 183; Leskien. Grammatik d. serbo-croatischen Sprache, S. 366.

⁵ Miklosich. Vergl. Gramm., III, изд. 2, S. 149.

⁶ Щепкин. Болонская псалтырь. 1906, стр. 216. В Слепченском апостоле один раз встречается ѓесо.

находим ниѸесоже в валашской грамоте Басараба III Молодого (вторая половина XV в.): а он не може и ничесоже не събоде.¹

Утрату этой формы в болгарском можно объяснить общим процессом утраты косвенных падежей. Так, например, восточноштоковские говоры сербского языка, утратившие формы косвенных падежей вопросительного местоимения ѷто (што), тоже не сохраняют старой формы ѷeso. Именно поэтому нельзя согласиться с Кульбакиным, который в цитированной уже нами статье утверждал, что наличие в старославянском местоимения Ѹсо связывает его сильнее с сербским языком, нежели с болгарским.

Все западные славянские языки знали это местоимение в форме ѷсо, из которой впоследствии возникло вопросительное местоимение со. Местоимение ѷсо этими языками употреблялось в значении им.-вин. падежа. Ср. в Святокрижских проповедях — *czso pam przez tego piemosnego*. Памятники чешской и польской письменности представляют многочисленные примеры употребления этого местоимения с **ni** в форме *čse* (из *čyse*), **-czs**, **-c**:² *niczs się nie nalezli* (Gnes. Red.), а *niczs my niedostone* (Fl. Ps.), *zawierne niczs inego, kromie czlowieka grzesznego* (Святокрижские проповеди). Ни один из западных славянских языков не знал местоимения ѷeso.³ Совершенно произвольным является утверждение Бернекера, что „новое ѷсо совершенно вытеснило в западнославянских языках старое ѷeso, а то, что от него не сохранилось никаких следов, объясняется просто тем обстоятельством, что самые древние памятники западнославянских языков на целые столетия моложе памятников языка старославянского“.⁴ Бернекер, видимо, полагает, что для такого заключения достаточно лишь признания единства происхождения форм ѷсо и ѷeso, которое в свою очередь ничем нельзя доказать.

Итак, краткая справка из истории и диалектологии славянских языков указывает, что западные славянские языки знали ѷсо, а южные и в настоящее время пользуются формой ѷeso. Различие, однако, не только в этом. Различается и употребление этих форм. В западных языках ѷсо употреблялось в значении им.-вин. п., в южных и по сей день служит формой род. п.

Обратимся теперь к формам ѷсо — ѷeso в памятниках старославянского языка.

Прежде всего нужно указать, что нет ни одного старославянского памятника, который бы знал только ѷсо. Часто в памятниках эти две формы встречаются рядом. Уже это одно обстоятельство со всей очевидностью указывает на книжный характер, по крайней мере, одного из дублетов. Ясно, что в одном и том же говоре старославянского языка не могло быть ѷсо и ѷeso. Переписчик, например Зографского ев., сохраняет в тексте обе эти формы, конечно, не потому, что они были в его языке.

Из исследуемых дублетов значительно чаще встречается ѷeso. Шести крупным памятникам старославянского языка ѷсо вообще

¹ Bogdan. Documente privitoare la relațiile țării românești cu Brașovul și cu țara ungurească în sec. XV și XVI. 1905, стр. 152.

² Для чешского языка см.: Я. Гебауер. Historická mluvnicka, III, 1, стр. 464.

³ См. Круцкий. Gramatyka języka polskiego, изд. 4, стр. 143; Lehr-Sprachwinski. Gramatyka polabska, стр. 191.

⁴ Бернекер. Ук. соч., стр. 233.

неизвестно. Так, форму *ъсо* не найдем в Ассеманиевом ев., в Синайской псл., в Синайском требнике, в Саввиной книге и, наконец, в Клоцевом сборнике. Состав памятников разнообразен — здесь глаголические и кириллические, македонские и восточноболгарские. Одно лишь объединяет все эти памятники — время. Все они поздние памятники старославянского языка. В Марийском ев. известно *ъсо*, но исключительно в сочетании с *пi* — *ничъсоже*. Оно в памятнике встречается 11 раз. Однако даже с *пi* чаще находим *ѣсо* (30 раз).¹ В значении же вопросительного местоимения Марийское ев. знает только *ѣсо* (26 раз). В Зографском ев. вопросительное местоимение *ъсо* встречается 4 раза, в то время как *ѣсо* встречается 22 раза. Чаще встречается *ничъсоже* (18 раз). Примерно то же соотношение этих форм наблюдаем в Остромировом ев.: *ѣсо* — 15 раз, *ѣсо* — только 3 раза, *ниѣсоже* — 9 раз, *ниѣсоже* — 29.²

Употребление *ъсо* в Зографском и Марийском ев. и отсутствие этой формы в большинстве других памятников не может вызвать никакого недоумения. Оба эти памятника (особенно Марийское) отличаются значительной архаичностью, главным образом в области форм. Можно привести и другие примеры из морфологии (формы местоименного прилагательного, аориста и др.). Эти памятники лучше отражают особенности старославянского языка второй половины IX в., нежели такие памятники, как Ассеманиево ев. или Саввина книга. Однако уже и в этих архаических памятниках вопросительное местоимение *ъсо* встречается, как видим, очень редко (всего несколько случаев). Естественно, что в окаменелом „наречном“ образовании *ничъсоже* оно встречается значительно чаще, а, например, в Марийском ев. только в этом значении и известно. Соотношение форм *ѣсо* и *ничъсоже* в Зографском ев. убедительно свидетельствует, что вообще форма с *ъ* была мертвой, поддерживавшейся исключительно книжной традицией.

При таком толковании формы *ъсо* в старославянских памятниках становится совершенно понятным употребление *ъсо* в Киевском Миссале: *Беж негоже бо милости не възможемъ ничъсоже сътворити — Nam sine eius misericordia nihil efficere possumus*. Для этого не нужно создавать маловероятные предположения о позднем происхождении самого текста памятника. Несомненно, Киевский Миссал лучше всех памятников X—XI вв. передает особенности того книжного языка, который с 60-х годов IX в. стал органом славянского богослужения в Моравии. И поэтому естественнее в нем встретить ту форму, которую мы и находим.

Однако до нас дошел один, несомненно, поздний старославянский памятник, который чаще пользуется вопросительным местоимением — *ъсо*. Это Супрасльская рукопись. „Im Supr. haben schon die jungen Formen durchwegs gesiegt: nicht bloss 58 Mal *ничъсоже* und nur sieben Mal *ничѣсоже*, sondern auch 19 Mal *ѣсо* (*ѣсо*) und nur sechs Mal *ѣсо*“.³ Это единственный памятник старославянского языка, который не только знает форму *ѣсо* (*ничъсоже*), но и значительно чаще ею пользуется во всех значениях. Следует напомнить, что в этом памятнике находим *ѣсо*.

¹ Бернекер. Ук. соч., стр. 233.

² Там же.

³ Vondrák. Op. cit., S. 469.

Супрасльская рукопись является во многих отношениях памятником загадочным. Она представляет не только наибольшее число отклонений от „норм“ старославянского языка, но и содержит в себе много особенностей, которые характеризуют язык иных славянских групп. Так, в этом памятнике находим **робота**. Встречаем приставку **роз**: розличьнѣ, розмысливѣ, розвѣ, розбити, розбойникѣ, ростворивѣ и др.¹ Такой же „чужой“ формой является в памятнике и Ёсо, имеющая тот же источник, что и начальное **ро** на месте *ort*, источник западнославянский.

Необходимо отметить, что в старославянских памятниках, которым известна форма Ёсо, мы не встречаем утрату Ъ, несмотря на то, что он был в „слабом“ положении. Это еще раз указывает на изолированность Ёсо в Зографском или Марийском ев. Только Супрасльская рукопись знает чсо.

Выше я указывал, что в южных славянских языках *česo* до сих пор сохраняет значение род. п., в то время как в западных языках, начиная с древнейших памятников письменности, форма *česo* употреблялась в значении им.-вин. п.² Обратимся к старославянским памятникам. В старославянских памятниках *česo* всегда употребляется в значении род. п. Как редкий случай употребления *česo* в значении им. п. можно привести из Ассеманиева ев.: Безъ него ничесоже не бысть.³ Наоборот — *česo* часто является формой им.-вин. п. Примеров из Супрасльской рукописи можно привести много: Понеже ничьсоже вькоуси, нич'соже бо творит, ни извѣщали ничьсоже ни смѣрено ни достойно врѣмени. Употребляется ничьсоже в значении им. п. в Марийском ев. Так, в соответствии с формами ничьтоже, например, в Ассеманиевом ев. (ничьтоже не възъмѣте на пѣть), в Марийском (находим ничьсоже).⁴

В древних русских памятниках, как я уже указывал, встречается форма *česo*, заимствованная из старославянской письменности. Она употребляется в значении род. п. Находим, однако, и *česo*, ничьсоже, которые имеют значение им.-вин. п.—ничсоже есть. Арх. ев.: крада чсо юмоу вьпадаше (Пандекты, 1296).⁵ Для русского переписчика обе формы были чужими, но он чувствовал их функциональное различие и сохранял его. В своей заметке мы не ставим вопроса о происхождении *česo* в древнем русском языке — проникла ли она из старославянского языка или старые русские книжники заимствовали ее непосредственно от западных славян? Возможность второго пути

¹ См. Margulíés. Der Altkirchenslavische Codex Suprasliensis, 1927, S. 228.

² Известны в древнечешской письменности случаи употребления *česo* в функции род. п. См. Гебауер. Historická mluvnické, III, 1, s. 465.

³ „Сложные местоимения“, стр. 157 (в Зогр. и Мар. ев. в соотв. месте найдем—ничьтоже).

⁴ Бернекер. Ук. соч., стр. 233.

⁵ Там же, стр. 229. — Имеются, однако, древние памятники (например, Ефремовская Кормчая), которые очень часто пользуются формой *česo* в значении им.-вин. и род. (См. С. П. Обнорский. О языке Ефремовской Кормчей XII века. 1912, стр. 21). Этот „универсализм“ формы *česo* — явление позднее и возникнуть он мог только на почве восточнославянской, где *česo* и *česo* являлись формами чужими, умелое пользование которыми зависело исключительно от степени образованности книжника. Об этом местоимении в древнерусском языке см.: А. И. Соболевский. „Статья по славянорусскому языку“. Варшава, 1883, стр. 13.

подтверждается блестящими изысканиями в области древней русской письменности академика Н. К. Никольского.¹

Хочу в заключении указать еще на одну особенность употребления исследуемых мною форм в старославянском языке. Часто они являются местоименными основами, от которых образуются различные падежи. Например, *Уесо*, *Уесо*моу, *Уесомь*. Обычно такие местоимения образуются от *Уесо* и очень редко от *Уьсо*. Так, *Уесо*моу находим значительно чаще, нежели *Уьсо*моу, а *Уьсомь* — явление исключительно редкое. Казалось бы, что в этом случае преимущественно должна была бы употребляться форма *Уьсо* — как форма им.-вин. п. Но памятники решительно предпочитают *Уесо*. Это объяснить можно только тем, что *Уьсо* являлась формой мертвой, чужой, перенесенной вместе с письменностью учениками Мефодия в Болгарию из Моравии, из страны, в которой старославянский язык не только был органом богослужения, но и формировался как литературный язык в процессе создания переводов различных богослужебных книг.

В 1869 г. В. И. Ламанский писал: „В создавшийся тогда письменный церковный язык славян особенности наречия моравского должны были быть вносимы во множестве новыми учениками св. Мефодия, природными моравянами... Это был уже язык книги, орган отвлеченной мысли, тем более удалявшийся от бессознательности и непосредственности народного говора, что он при самом рождении своем начал быть обрабатываем учениками и писателями различных племен славянских... В этом же приблизительно смысле и древнецерковный язык славянский не есть собственно одно известное народное наречие, а язык искусственный и смешанный“.²

Эти идеи Ламанского не могли получить дальнейшего развития, так как в это время началась упорная борьба с теорией Капитара-Миклошича. Стало очевидно, что старославянский язык создан был на основе солунского говора еще до поездки Константина и Мефодия в Моравию. Изучение старославянских текстов, житий, исторических памятников и, наконец, македонских говоров дало в руки Ягича и его исследователей такой материал, который навсегда похоронил националистические идеи Миклошича. Но в процессе дальнейшего изучения обнаружилось не мало так называемых „паннонизмов“, было вскрыто много фонетических и лексических дублетов, характеризующих дошедшие до нас литургические тексты. К сожалению, на это обращалось очень мало внимания. Как в общих курсах (Лескина, Вондрака, Кульбакина, ван Вейка, Дильса и др.), так и в специальных работах почти не отмечается роль моравских говоров в формировании первого письменного славянского языка.

Идея И. В. Ягича о македонской (солунской) основе старославянского языка как будто победила окончательно. Поэтому теперь, когда борьба с „паннонской теорией“ уже давно закончилась, полезно вспомнить справедливые слова Ламанского: „Смеем думать, что различные мнения, в свое время высказанные о македонском, моравском, болгарском, паннонско-словинском и даже искусственном происхождении древнего нашего церковного языка, взятые в совокупности,

¹ „Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры“, I. 1930.

² „Непорешенный вопрос“. Ж. М. Н. П., 1869, январь, стр. 125—127

взаимно умеряемые и ограничиваемые, не так ложны и безосновательны, как это может казаться тем, кто держится одного из этих мнений исключительно“.¹

В основу первого славянского литературного языка были положены македонские говоры. Это можно считать в настоящее время доказанным. Однако сохранившиеся письменные памятники „древнейшего общелитературного языка славянства IX—X вв.“² отражают не начальную стадию его формирования, а уже позднюю, когда он испытал разнообразное влияние других славянских языков (в первую очередь чешского и словацкого). Совершенно не случайно этот язык мы называем старославянским, а не древнеболгарским или древнемакедонским. (Об этом см. подробнее в курсе старославянского языка А. М. Селищева).

Одной из актуальных и насущных задач нашей науки в настоящее время является изучение тех элементов в старославянском языке, которые были им восприняты во время литературной и миссионерской деятельности Константина и Мефодия в Моравии. Это важно не только для изучения происхождения старославянского языка, но и для исторической диалектологии чешского и словацкого языков.

¹ Непорешенный вопрос“. Ж. М. Н. П., 1869 г., январь, стр. 125.

² В. В. Виноградов. Содержание и задачи курсов по языковедческим дисциплинам в свете работ И. В. Сталина по языкознанию, „Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина“, Москва, 1950, стр. 199.

Е. В. Чешко

К ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ВИДОВ

Основы глаголов движения в Зографском кодексе

Исследование глаголов движения в Зографском кодексе представляет большой интерес для освещения некоторых нерешенных вопросов истории славянских глагольных видов, именно вопроса о том, каково было соотношение глагольных основ на той стадии развития глагольной системы, которая исторически предшествовала возникновению современных славянских видов.

По предположению некоторых ученых, в частности А. А. Потебни, в структуре глаголов движения — в их парных основах несовершенного вида (*итти — ходить, нести — носить, бежать — бегать* и т. п.) — сохраняются пережитки далекого исторического прошлого, остатки старых видовых отношений, представленных некогда системой так называемых простых и итеративных основ (*честь — читать*). С утратой этого древнего соотношения основ, обусловленной развитием новой системы видовых отношений, связано изменение временной и залоговой структуры славянского глагола.

Раскрытие характера древнего соотношения основ чрезвычайно важно для понимания внутриглагольного словообразования, поскольку возникновение современных видов связано с развитием предложных глаголов и виды этих предложных глаголов (совершенный и несовершенный) определялись в конечном счете характером древнего соотношения глагольных основ, представленного в беспредложных глаголах.

Для решения вопроса о характере древнего соотношения глагольных основ интересный материал дает исследование основ глаголов движения на разных этапах исторического развития славянской видовой системы. Оно показывает, в какой степени свойства этих основ, история изменения их значений, их роль и место в глагольной системе соответствуют приведенному выше предположению.

Направление исследования определяется теми существенными связями и отношениями, в которых находится изучаемое явление с другими явлениями языка. Для видовых значений глагольных основ — это прежде всего связь с внутриглагольным словообразованием и категорией времени.

Вопросы внутриглагольного словообразования могут быть рассмотрены на материале современных славянских языков. Если основы

глаголов движения действительно сохраняют те значения глагольных основ, которые явились предпосылкой образования современных видов и всеми другими глагольными основами утрачены, они дадут возможность на живом, современном для нас материале проследить преемственность между старым и новым типом видовых значений и раскрыть причины взаимодействия глагольных основ с предлогами, приводящего к изменению видовых значений.

Отношение основ глаголов движения к образованию временных форм должно быть рассмотрено на материале древних славянских языков, сохраняющих систему времен, сложившуюся в то время, когда не было современных видов и когда представленное беспредложными глаголами движения соотношение основ было господствующим.

Связь категорий вида и времени определяется тем, что они служат для выражения одного круга значений — временных отношений действия; выражают они эти отношения по-разному и разными морфологическими средствами, однако границы их в известном смысле являются условными. На практике часто оказывается, что формами видов могут выражаться значения категории времени; формами времени — отдельные видовые значения. Это вполне естественно и подтверждается всей историей развития этих категорий.

В большинстве индоевропейских языков виды были вытеснены временами, функции выражения временных отношений действия перешли от формы глагольной основы к специальным формам времени. В славянских языках развитие глагольной системы пошло иным путем, приведшим к новому усилению категории вида и вытеснению старой системы временных форм. В каждой глагольной системе существует свое распределение функций между значениями глагольных основ и значениями форм времени, при этом одни значения определяют и уточняют другие, в результате чего создается стройная система выражения временных отношений действия.

Если в глаголах движения действительно представлен тип соотношения основ, на почве которого сложилась старая система времен, то данное соотношение должно в большей степени соответствовать этой системе времен, представляя большие возможности выражения различных оттенков временных отношений действия, чем значения совершенного и несовершенного видов.

Для выяснения этого вопроса было проведено исследование текста Зографского кодекса — одного из древнейших старославянских памятников, в языке, которого отражена наиболее ранняя ступень развития современных видовых отношений, зафиксированная письменностью, и сохраняются значительные пережитки старой видовой системы (такова, например, отмеченная исследователями древних славянских памятников неустойчивость видового значения многих производных основ, в том числе и определенно-моторных основ глаголов движения, выступающих в функции обоих видов — совершенного и несовершенного). В значениях основ глаголов движения могли сохраниться и другие остатки старины. Они могут быть выявлены сравнением значения основ глаголов движения в языке Зографского кодекса с значением этих основ в современных языках, в частности в современном русском языке.

В настоящей статье будут рассмотрены два вопроса: 1) различия в значении основ глаголов движения в языке Зографского кодекса

и в современном русском языке, отражающие разные этапы развития славянской видовой системы; 2) отношение основ глаголов движения к образованию форм прошедшего времени в языке Зографского кодекса.

Наблюдения проведены по тексту памятника в издании академика И. В. Ягича.

I

Определения соотносительных значений основ глаголов движения, имеющиеся в работах исследователей старославянского языка, говорят о том, что значения эти в общем совпадают со значениями этих основ в современном русском языке. Действительно, в старославянском языке можно наблюдать те же два типа соотносительных значений определено-моторных и неопределенно-моторных основ, которые мы наблюдаем в современном русском языке: 1) выражение различий определенности и неопределенности направления движения и 2) выражение различий конкретного и отвлеченного действия, т. е. действия однажды и определенным образом совершающегося (определенно-моторная основа) и действия повторяющегося, обычного, могущего проявиться в различных условиях пространства и времени (неопределенно-моторная основа).

Те же значения основ глаголов движения можно найти и в Зографском кодексе. Однако соотношение этих двух типов противопоставления основ в старославянском памятнике совершенно иное, чем в современном русском языке. Об этом свидетельствует употребление неопределенно-моторных основ, которое в современном русском языке невозможно.

В современном русском языке главным значением определено-моторных основ является определенность направления движения, в противоположность чему с неопределенно-моторной основой всегда тесно связывается представление о пространственном разнообразии совершаемого движения. Второе соотношение — выражение действия конкретного и отвлеченного — подчинено первому. В тех случаях, когда речь идет о действии, которое по реальному своему значению не нуждается в двух основах для выражения первых значений, обычно формально не разграничиваются и вторые значения — конкретность и отвлеченность. Так, например, глагол *бежать* в значении *убегать*, *спасаться бегством* в современном русском языке имеет, как правило, только одну основу, потому что реальное значение данного действия не предполагает обратимости движения, т. е. возвращения к исходному пункту, означая лишь движение, совершаемое от исходного пункта. Например: „...не всякому доступно видеть диких животных в их домашней жизни, когда они *не бегут*, не прячутся и не глядят встревоженно по сторонам“ (Чехов). Здесь употребление *бегают* вместо *бегут* привело бы к искажению смысла. Употребление в этом значении глагола неопределенно-моторного встречается очень редко, исключительно в случаях, где нужно подчеркнуть повторяемость данного действия, при этом направление движения обычно определяется контекстом. Например: „Черкесские мальчики поминутно проказят и *бегают* из крепости“ (Пушкин).

В Зографском кодексе употребление неопределенно-моторного глагола *бѣгати* в значении *убегать* является обычным, причем этот

глагол встречается не только в случаях, когда речь идет о действии, совершенном многими людьми, т. е. действии сложном, состоящем фактически из ряда актов:

тогда сѣщеі въ нюдѣі да бѣгаѣтъ въ горы (210—12);¹

егда же гонатъ въы въ градъ семь бѣгаите въ друугы (21—5).

Неопределенно-моторный глагол употребляется даже в том случае, когда речь идет о действии одного лица:

наимъникъ іже нѣстъ пастырь емоуже не сѣтъ овьца своѣа видитъ вьлка градѣшта і оставѣтъ овьца і бѣгаеъ (258—13).

В данном случае русский язык мог бы употребить только глагол *бежит*, хотя речь здесь идет не о единичном конкретном действии, а о действии, совершающемся каждый раз в подобной ситуации, т. е. действии, обычном в данной ситуации. В этом примере значение обобщенности, отвлеченности действия, выражаемого неопределенно-моторной основой, выступает в его чистом виде не только не осложненное никакими другими значениями, но даже вопреки им. Это указывает на то, что данное представление теснее связывается со значением неопределенно-моторной основы, чем представление о пространственном разнообразии движения.

Определенно-моторные глаголы в языке памятника тоже встречаются иногда в контекстах, имеющих невременной характер. Это случаи употребления определенно-моторных основ, не отличающиеся от нашего современного. Так, наряду с *бѣгаеъ*, несколькими строками ниже употреблена в том же значении форма *бѣжитъ*:

і вьлкѣ расхѣтитъ ѣ і расхѣдитъ овьца а наимъникъ бѣжитъ ѣко наимъникъ естъ і не брѣжеть о овьцахъ (258—16).

Однако для Зографского кодекса такое употребление определенно-моторных основ не характерно. В огромном большинстве случаев определенно-моторная основа употребляется при обозначении действий, относящихся к определенному моменту времени. Встречающееся иногда употребление определенно-моторных основ в контекстах с отвлеченным значением обусловлено необходимостью выразить другие оттенки значения, связанные с этой основой, например определенность направления:

і ходѣі въ тьмѣ не вѣстъ камо ідетъ (267—5); непрерывность действия: кѣ чкъ отъ васъ імѣ съто овьць і погоубль единѣ отъ нихъ не оставитъ ли девати десать і девать въ поустьѣни і идетъ въ слѣдъ погыбъшаѣа дондеже обрѣшетъ ѣ (189—15). Т. е. определенно-моторная основа употребляется в тех случаях, когда нужно подчеркнуть оттенки, свойственные этой основе, в противоположность неопределенно-моторной, и которые при употреблении последней не были бы выражены, отчего пострадала бы точность передаваемой мысли.

Если определенно-моторная основа употребляется в данных контекстах не ради выражения отвлеченности и характерным значением этой основы является выражение действий, относящихся к определенному моменту времени, то, наоборот, неопределенно-моторный глагол в значении конкретного настоящего не встречается. Форма настоящего времени от неопределенно-моторных основ в тексте памятника имеет по существу вневременное значение, предполагая возможность совершения данного действия в любое время:

¹ В скобках указан номер стиха и строчки.

слѣпъ же слѣпца аште водить оба въ ѣмѣхъ въпадета са (37—32); аште кѣто ходить въ дѣне не потѣкнетъ са ѣко свѣтъ мира сего видить аште ли кѣто ходить ноштиѣхъ потѣкнетъ са ѣко свѣта нѣстъ о немь (260—45).

Приведенные примеры не представляют особого интереса, так как здесь два значения неопределенно-моторной основы — значение отвлеченности действия и пространственного разнообразия — не находятся в противоречии. Подобный случай употребления неопределенно-моторных основ является нормой и для русского языка.

В современном русском языке неопределенно-моторная основа может означать действие либо повторяющееся, либо такое, которое не предполагает определенности направления. В Зографском кодексе мы можем встретить случаи, когда отвлеченное значение, выражаемое неопределенно-моторной основой, не предполагает ни повторяемости, ни пространственного разнообразия:

егда же водать і прѣдаѣште не пѣцѣте са прѣжде чѣто възглаголете... не вы бо бѣдете глаѣштеи нѣ дхъ стѣы (116—39).

В современном русском языке мы не употребили бы в данном случае неопределенно-моторной основы, так как здесь подразумевается целенаправленное движение — ведут куда-то, а не водят по разным местам. Вместе с тем это действие не может быть понято и как повторяющееся, так как оно может совершиться только один раз. Единственно, что здесь не определено, это время его совершения, т. е. оно не представлено как реально совершающееся в определенный момент времени. Следовательно, фраза „егда же водать і прѣдаѣште“ означает: во время совершения данного действия, когда бы это ни случилось.

Сопоставление значения формы с тем реальным значением, которое эта форма передает, приводит нас к убеждению, что неопределенно-моторная основа означала действие как таковое, безотносительно к конкретным условиям его проявления:

задѣша емоу крестъ носити по ісѣъ (219—11).

Из контекста фразы мы узнаем, что какому-то человеку поручено носить крест. Однако из более широкого контекста ясно, что речь идет о том случае, когда Христа вели на распятие, следовательно, здесь разумеется конкретное действие с определенным направлением. Глагол носить не мог бы быть здесь употреблен, если бы признак разнообразия направления ассоциировался с ним так же прочно, как в современном русском языке. В данной фразе носить говорит лишь о самом действии ношения, не выражая при этом никакой дополнительной его характеристики в смысле определения конкретных условий, в которых это действие проявляется или должно проявиться. Употребление в данном случае глагола носить, а не нести могло быть обусловлено тем, что с неопределенно-моторной основой теснее ассоциируется представление о физическом способе совершения данного действия, чем с основой неопределенно-моторной, где другие значения отодвигают это представление на второй план. Так, глагол ити выступает иногда в значении направляться, двигаться в направлении, причем физически это может и не быть действием ходьбы:

пакѣы оставѣѣхъ весь миръ и идѣхъ къ оцю (277—36); і снѣ оубо чскѣы по нареченоумоу идеть (213—14).

Во всяком случае там, где нужно обратить внимание на самый способ совершения действия, употребляется основа неопределенно-моторная, причем, как во всех рассмотренных выше случаях, она может быть употреблена даже тогда, когда речь идет о конкретном случае целенаправленного движения. Правда, при самом неопределенно-моторном глаголе никогда не бывает обстоятельственных слов, обозначающих определенность направления. Обычны случаи такого рода с причастиями:

в четвѣртѣ же стражѣ ношти иде къ нимъ ис хода по морю (36—46); і приде къ нимъ по морю хода... они же видѣвъше і по морю ходашть не пышеваша призракъ быти (94—7, 9).

В русском языке во всех этих случаях следовало бы употребить причастие от определенно-моторной основы: *увидели его идущим по морю*, так как он не ходил в разных направлениях, а шел к кораблю. В старославянском причастие *ходашть*, видимо, не включает в себе непосредственного указания на пространственное разнообразие движения.

Все рассмотренные случаи убеждают нас в том, что значение пространственного разнообразия движения не было ведущим значением неопределенно-моторной основы, что более тесно ассоциировались с этой основой значения отвлеченности действия (в смысле отнесения его к любому моменту времени или ряду моментов) и выражения физического способа совершения действия.

Изменением характера соотношения определенно-моторных и неопределенно-моторных основ можно объяснить и некоторые различия между языком изучаемого памятника и русским языком, которые находим в области переносных и производных лексических значений глаголов движения.

Определенно-моторные глаголы в Зографском кодексе употребляются большей частью в своем основном лексическом значении. Круг примеров, в которых эти основы употреблены в переносном значении, очень невелик. Кроме указанного нами ранее (277—36 и др.), можно привести еще следующий пример: *кръстити сѧ отъ него иштадѣ ехидьнова къто съказа вамъ бѣжати отъ градѣштаго гнѣва* (141—18), где глагол *бѣжати* имеет значение беречься, спасаться, избегать.

Круг переносных и производных лексических значений от глагола неопределенно-моторного в тексте памятника представлен несколько шире. Глагол *ходити* употребляется в значении: 1) быть одетым (208—20, 115—16), 2) жить по определенным правилам: *по чьто не ходашть оученици твоі по прѣдаанию старьць* (95—9); *Бѣшете же оба правдѣна прѣдъ бѣмъ ходашта въ заповѣдхъ всѣхъ* (131—20).

Глагол *носити* употребляется в значении: 1) носить одежду (23—22, 169—15), 2) вынашивать ребенка (175—12), 3) иметь силы выдержать, стойко переносить:

Еште много імавъ глати вамъ нѣ не можете носити нѣне (276—18); *іже не носитьъ крста своего і въ слѣдъ мене ідетъ не можетъ быти моі оученикъ* (188—11). Употребление глагола *носити* в последнем значении отлично от современного русского языка, где в этом значении употребляется глагол *нести*.

Аналогичное положение мы наблюдаем в глаголе *гонити*, употребляющемся в памятнике в значении преследовать:

Егда же гонать вы въ градѣ семь бѣгаите въ друугы (21—5);
і сего ради гонѣхъ іс юдѣи і искаахъ его оубити (237—8).

Современный русский язык в этом значении употребляет глагол определенно-моторный: „Не вы ль сперва так злобно гнали его свободный, смелый дар“ (Лермонтов); „Все гонят, все клянут — мучителей толпа“ (Грибоедов). Все переносные значения неопределенно-моторных основ связаны с действиями, не предполагающими какого-то кратковременного простого проявления. Быть одетым, носить одежду, жить, следуя или не следуя определенным традициям и правилам, вынашивать ребенка, быть в силах стойко выдерживать какие-то моральные тяготы и трудности, наконец, подвергать кого-то преследованию — все это действия, по реальному, объективному своему содержанию не имеющие возможности проявиться в едином кратковременном акте. Все они выражают признаки, длительное время присущие субъекту, как его состояния, свойства или действия, комплексные по своему существу (преследовать, жить по определенным правилам).

Почему в последних двух случаях (*знать — преследовать, нести — выдерживать, выносить*) эти действия в современном русском языке стали связываться с глаголом определенно-моторным? Это можно объяснить только изменением в соотношении значений глагольных основ, изменением удельного веса каждого из этих значений. В современном русском языке основным значением определенно-моторных и неопределенно-моторных основ является выражение однообразного и разнообразного движения, т. е. прямолинейного, целенаправленного движения и движения, совершающегося в различных направлениях. Второе значение — конкретность и отвлеченность действия — является второстепенным, сопутствующим.

Система русского языка позволяет связывать с основой конкретного действия (определенно-моторной) значение отвлеченного действия (из 40 значений, указанных в словаре Д. Н. Ушакова для глагола *итти*, значительно большая часть уже не имеет парного неопределенно-моторного глагола и выражает как конкретное, так и отвлеченное действие). С другой стороны, понятие пространственного разнообразия движения, ставшее основным значением неопределенно-моторных основ в современном русском языке, может помешать выражению основного смысла нового глагола. Преследовать вовсе не значит „гонять в разных направлениях“, наоборот, действие это, даже являясь комплексным по существу, предполагает большую целеустремленность, преследование совершенно определенной цели. В этом отношении целенаправленность определенно-моторной основы, ставшая ее основным признаком, подходит как нельзя лучше, тем более, что второе значение этой основы — конкретность, единичность проявления действия, отошедшее на второй план, теперь не мешает выражению смысла действия преследования как действия, не исчерпывающегося каким-то одним кратковременным актом проявления.

Точно так же значение *нести* в смысле „выдерживать определенные тяготы“ вовсе не связано с понятием разнообразия направления, т. е. ношения этих тягот в разных направлениях. Что же касается известного постоянства данного признака, то значение определенно-моторного глагола *нести* в русском языке уже не противоречит этому понятию. Имеются примеры, где глагол *нести* даже в своем основном лексическом значении употребляется для выражения свой-

ства, способности совершения действия. Можно, например, сказать: „верблюд носит 17 пудов“ и „верблюд несет 17 пудов“¹ в смысле „может или способен носить“. Это показывает, что выражение конкретности и отвлеченности действия в глаголах движения современного русского языка не является основным значением их основ.

Проведенное нами сравнение старославянского и русского языка показывает, что основное для современного русского языка соотношение определенно-моторных и неопределенно-моторных основ не было таковым в языке исследованного нами памятника, где оно занимало подчиненное положение, что, наоборот, второму соотношению, которое является побочным, сопутствующим в системе современного языка, принадлежала некогда ведущая роль.

В чем причина тех изменений, которые совершились в значениях основ глаголов движения уже на глазах истории? Смысл этих изменений становится понятен, если исходить в их объяснении из предположения, что значение конкретности и отвлеченности действия было когда-то общим значением глагольных основ, свойственным не только основам глаголов движения. С развитием новой системы видовых отношений парные основы, выражающие это различие, были утрачены. Конкретность и отвлеченность действия перестали формально различаться во всех глаголах, за исключением глаголов движения: *я пишу письмо* — конкретное действие; *я недурно пишу* — отвлеченное действие.

В глаголах движения сохранились парные основы вследствие того, что они нужны были для выражения другого, частного значения, связанного с лексическими особенностями этих глаголов, для выражения различий пространственной характеристики движения. Это значение и стало ведущим. Но поскольку парные основы сохранялись, они сохранили в качестве сопутствующего значения и старое соотношение конкретности и отвлеченности действия.

Изучение системы словообразования глаголов движения в современном русском языке также убеждает в том, что отношение конкретного и отвлеченного действия в значениях глагольных основ могло быть исходным моментом в развитии новых видовых отношений. Это исследование показывает, что способность неопределенно-моторных основ образовывать предложные глаголы несовершенного вида обусловлена тем, что с ними связывается понятие отвлеченного действия в противоположность конкретному действию, выраженному определенно-моторной основой. Только это соотношение основ делает понятной возможность взаимодействия предлогов и глагольных основ в процессе внутривидового словообразования. Возможность такого взаимодействия обусловлена тем, что глагольные основы выражают различия конкретности и отвлеченности действия, а предлоги способствуют конкретизации действия, определяя условия его совершения в пространстве и времени.²

Исследование отношения определенно-моторных и неопределенно-моторных основ к образованию форм прошедших времен в Зографском кодексе также приводит нас к убеждению, что в основе системы времен старославянского языка могло лежать отношение конкретности и отвлеченности действия.

¹ Примеры А. А. Потебни „Из записок по русской грамматике“, т. IV, стр. 78

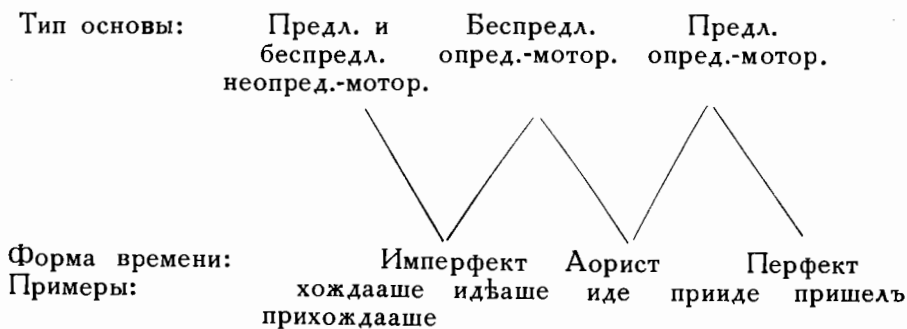
² Подробно эти вопросы нами исследованы в диссертации „Словообразование глаголов движения в современном русском языке“, 1947.

II

Образование форм прошедшего времени от основ глаголов движения в Зографском кодексе характеризуется одной важной особенностью, отличающей этот памятник от более поздних памятников как старославянской, так и древнерусской письменности. Черта эта — полное отсутствие форм аориста от неопределенно-моторных основ, часто встречающихся, например, в древнерусских летописях и в „Сборнике Московского Успенского Собора XII века“ (наносиша, ходиша), и форм имперфекта от предложных определенно-моторных глаголов (принеслахъ, вѣлѣваше).

Это заставляет внести известный корректив в широко распространенный среди исследователей старославянского языка взгляд, что в старославянском глаголе любые формы прошедших времен могут быть образованы от любой основы, независимо от ее видового значения. Очевидно, это правило не распространяется на язык всех старославянских памятников и должно быть ограничено определенными хронологическими рамками. Так, в языке Зографского кодекса наблюдается строгая закономерность в образовании форм прошедшего времени от различного типа основ исследуемых нами глаголов.

Неопределенно-моторные основы, беспредложные и предложные, встречаются только в форме имперфекта; беспредложные определенно-моторные — в формах имперфекта и аориста; предложные определенно-моторные — в формах аориста и перфекта. Наглядно это может быть представлено в следующей схеме:

Круг значений этих форм в изучаемом памятнике строго определенный.

Значение форм имперфекта

Формы имперфекта в тексте памятника образуются от беспредложных неопределенно-моторных и определенно-моторных основ и от предложных неопределенно-моторных.

Из двенадцати встретившихся в тексте форм имперфекта от беспредложных неопределенно-моторных основ девять форм выражают действие отвлеченное, т. е. не относящееся к какому-либо одному определенному моменту времени. Это либо повторяющееся действие с определенной пространственной целью:

і хождашете родителѣ его по всѣмъ лѣтамъ въ имѣ въ праздникъ пасхѣ (139—33); бѣша же тогда свашниѣ въ имѣхъ і зима бѣ і хождаше ис

въ црѣкѣве (258—48), либо действие, не имеющее одной определенной пространственной цели и представленное как обычное, постоянно совершаемое действующим лицом в продолжение длительного времени:

егда бѣ юнѣ поѣсаше сѧ самѣ і хождѣаше ѣможе хотѣаше (288—6);

і хождаше съ ними іс въ галилеи не хотѣаше бо въ иудѣи ходити ѣко искаахъ его юдеи оубити (245—24);

...Въ нихъ же бѣ мариѣ магдалинѣ і мариѣ ѣкова малааго і мати юсioва і саломѣ ѣже егда бѣ въ галилеи по немъ хождаахъ і слоужаахъ емоу... (127—21);

се же рече не ѣко о ништихъ печаше сѧ нѣ ѣко татѣ бѣ і ковчежьцѣ имѣ і въметаемаа ношааше (264—38);

іс же къ томоу не ѣвѣ хождаше въ юдеихъ нѣ иде отъ тѣдоу въ странѣхъ близъ въ поустѣни въ ефреомѣ нарицаемъ градъ і тоу живѣаше съ оученикѣи своими (263—44);

отъ сего мнози отъ оученикѣи его идѣхъ въсплѣти і къ томоу не хождаахъ съ нимъ (245—7);

іс же съкрѣи сѧ і изиде црѣкѣве і прошѣдъ по срѣдѣ ихъ идѣаше і хождаше тако (254—12).

Только в трех случаях имперфект неопределенно-моторной основы употреблен в памятнике для выражения конкретного действия:

і абѣе вѣста дѣвица і хождааше (90—3);

і абѣе цѣла бѣ чкѣ і възать одръ свои і хождааше (236—32);

і излѣзъ ис кораблѣ петръ хождааше на водахъ і приде къ иси (36—12). Но в этих случаях неопределенно-моторный глагол означает движение как таковое, не предполагающее определенной пространственной цели, движение, которое могло совершаться в различных направлениях. Причем здесь вопрос о целенаправленности или нецеленаправленности движения существенного значения не имеет. Важно то, что совершалось действие ходьбы, так как здесь речь идет о чудесном исцелении больных и хромых, которые начинали ходить от одного прикосновения или слова Христа.

В отличие от имперфекта неопределенно-моторной основы, форма имперфекта от основы определенно-моторной всегда означает конкретное действие. Со значением отвлеченного действия эта форма не встречается. В большинстве случаев употребления этой формы направление и момент совершения действия определяется контекстом:

і изиде іс къ морю и весь народъ идѣаше къ нему і оучаше ѧ (75—21);

хотѣахъ же і приѣти въ корабль і абие бѣ корабль на земли въ нѣже ѣдѣахъ (241—14);

Ведѣахъ же і іна зѣлодѣи дѣва съ нимъ оубити (219—30).

См. также: идѣашете (82—35), идѣахъ (103—2), идѣаше (153—44), идѣаше (154—25), идѣахъ (154—27), идѣаше (203—13), идѣаше (215—14), идѣашете (223—43), идѣаше (239—38), ѣдѣахъ (240—45), идѣахъ (249—20), идѣаше (68—28), идѣаше (215—43), идѣаше (123—3), идѣахъ (265—5), идѣахъ (136—34), идѣаше (280—12), идѣаше (219—12).

Есть, однако, такие случаи, где определен только момент действия, а направление не определено:

іс же съкрѣи сѧ изиде црѣкѣве і прошѣдъ по срѣдѣ ихъ идѣаше і хождаше тако (254—11);

і ишѣдъ ись изъ цркви идѣше и пристѣпиша оученици его показати емоу зѣданиѣ цркви наѣ (57—2);

і бѣсть бесѣдоуѣштема іма і сѣтѣзаѣштема сѣ і самъ ись приближи сѣ і идѣше съ нима (222—36).

См. также: идѣше (144—8, 162—14), идѣахъ (188—1), идѣше (235—31).

Таким образом, различия в значении форм имперфекта от определенно-моторной основы и имперфекта от неопределенно-моторной основы сводятся к различиям в значении самих основ, именно к конкретности и отвлеченности действия, и, в меньшей степени, к целенаправленности и нецеленаправленности действия.

Значение конкретного нецеленаправленного действия есть специфическое значение глаголов движения. У других глаголов, в отношении которых можно говорить о направлении действия (в частности, например, у глаголов переходных), конкретное действие всегда целенаправлено, а нецеленаправленное действие можно представить только отвлеченно, как выражение способа, способности к совершению действия (*умею читать, бегло читаю*) или как многократное, обычное проявление данного действия, когда оно может быть направлено на разные предметы (*читаю по вечерам*), и т. п. Поэтому имперфект от неопределенных основ с значением конкретного нецеленаправленного действия можно рассматривать как специфическую особенность глаголов движения. У других глаголов имперфект от неопределенных основ мог означать лишь обычное, повторяющееся действие, совершаемое в прошлом. Возможно, что эти основы могли употребляться еще и в том случае, когда речь хотя и шла о единичном конкретном действии, но важно было особо подчеркнуть способ его совершения, чему могло помешать значение целенаправленности определенной основы. В этом случае „*хождаше*“ означает — стал ходить, получил способность ходить. Ср. с примером значения форм настоящего времени:

шедѣше възвѣстите іоанови слѣпи, прозираѣтъ і хроми ходѣтъ прокажени очиштаѣтъ сѣ і глауси слышатѣ (23—8),

где ходѣтъ и слышатѣ, употребленные рядом с прозираѣтъ и очиштаѣтъ сѣ, тоже могут быть поняты в смысле *получают способность ходить и слышать*.

Форма имперфекта от предложной неопределенно-моторной основы выступает в значении как конкретного целенаправленного действия, так и отвлеченного действия.

Выражение конкретного действия:

чкъ етеръ съхождааше отъ ілма въ ерихѣ і въ разбоиникы въпаде іже і сѣвлѣкъше і і ѣзвы възложѣше отидоша (171—34);

і бѣсть егда благословѣаше ѣ отъстѣпи отъ нихъ і възношааше сѣ на нѣбо (224—29);

і исхождааше къ нему всѣ юдѣискаѣ страна і илмѣне і крыштахъ сѣ вси въ іорданьскы рѣцѣ отъ него исповѣдаѣште грѣхы свои (84—14); ѣко же приближи сѣ къ вратомъ града і се изношаахъ оумьрьшь снѣ иночѣдъ матери свои (154—30).

См. также: захождааше, принашаахъ (86—21), исхождааше (110—37, 144—30), прохождааше (185—21, 195—42, 201—7), съхождааше (171—40), исхождахъ (249—42).

Выражение действия отвлеченного, обычного, повторяющегося:

і ѿможе колиждо вѣхождааше въ вси ли въ градѣ ли въ села на распѣтихъ полагаахъ недѣжнѣмѣ і молѣахъ и да понѣ вскрыли ризѣ его прикоснѣтъ сѣ (94—29);

заходаштоу же слѣнѣю вси елико имѣахъ болаштѣмѣ недѣжнѣ различнѣмѣ привождаахъ къ нему онъ же на кождо ихъ рѣкѣ възлагаѣ цѣлѣаше ѣ (144—44);

і приношаахъ къ нему дѣти да ѣ коснѣтъ оученици же прѣштаахъ приносаштимъ (105—30).

См. также: прихождаахъ (74—19), приношаахъ (199—1), исхождааше (150—27), исхождаахъ (145—1) и др.

Таким образом, если форма имперфекта от беспредложной определенно-моторной основы выражает только единичное конкретное целенаправленное действие, а для выражения действия повторяющегося, обычного употребляется имперфект неопределенно-моторной основы, то имперфект от предложных неопределенно-моторных основ выражает и конкретное целенаправленное и отвлеченное действие, т. е. совмещает значения обоих типов беспредложных основ.

С утратой старого соотношения основ оба значения — и конкретного длящегося действия и обычного, повторяющегося в прошлом действия — стали осознаваться как собственные значения формы имперфекта.

Различие в значении форм аориста и имперфекта беспредложных определенно-моторных основ

Формы аориста в тексте Зографского кодекса встречаются только от основ определенно-моторных как предложных, так и беспредложных. Аорист от этих глаголов встречается в двух вариантах: сигматический и несколько реже асимгатический. В значении обоих вариантов различий нет.

Беспредложные определенно-моторные основы являются единственным типом основ, от которых возможно образование обоих форм времени, поэтому анализ этих форм должен в наиболее чистом виде показать различие в значении форм имперфекта и аориста.

Сравнение форм имперфекта и аориста от беспредложных определенно-моторных основ показывает: общее между ними то, что обе формы всегда означают прошедшее конкретное действие. Представлено это действие, однако, по-разному. Форма имперфекта представляет действие в его длительности, безотносительно к его началу или завершению. Чаще в сего это действие, представленное уже длящимся в то время, о котором идет речь:

Ведѣахъ же і і ина зѣлодѣѣ дѣва съ нимъ оубить (219—30).

Форма имперфекта употребляется в тех случаях, когда надо показать, как протекало действие на всем его протяжении:

і петръ идѣаше издалуче въ слѣдъ его до вѣнѣтръ въ дворъ архiereовъ і бѣ сѣдѣ съ слоугами (123—3).

См. также 215—43, 68—28.

Часто этой формой выражено действие, во время которого или на фоне которого совершались другие действия:

егда же идѣашете възвѣстити оученикомъ его і се ис сѣрѣте і гла радуита сѣ (82—35);

і ишѣдъ исъ изъ цркве идѣаше и пристѣпиша оученици его показати емоу зѣданиѣ црквѣнаѣ (57—2);

ис же идѣше съ ними еште же емоу не далече сѣштю отъ домоу посылѣ к немуо друогѣ сътъникѣ гла емоу (153—44).

Действие, параллельное другому действию или сопровождающееся другим действием:

егда же идѣше народи і оугнѣтаахъ и (162—14);

сѣвѣшташѣ же архиереи до і лазарѣ оубиѣтъ ѣко мнози его ради идѣахъ юды і вѣровахъ въ іса (265—5).

В отличие от имперфекта, означающего действие, длящееся в прошлом, фиксирующего лишь наличие действия в момент, о котором говорится, форма аориста от беспредложных определенно-моторных основ выражает наступление действия в прошлом, фиксируя не только наличие действия, но также момент его появления:

Она же абие оставѣша мрѣжа по немѣ идосте (4—2);

Иде же чкъ і повѣдѣ юдѣомѣ ѣко іс есть іже ма сѣтвори цѣла (237—5);

Она же ѣко оуслѣша вѣста скоро і иде къ немуо (262—5);

идосте же обрѣтосте жрѣбѣць привлзанъ при двѣрехъ (109—23);

Въ оутрѣ же дѣнь народъ... виде... ѣко не вѣиде съ оученикѣ своими ис въ корабль нѣ едини оученици его идѣ (241—26);

І шѣдѣ иде по обычаю своему въ горѣ елеоньскѣ по немѣ идѣ оученици его (214—32);

і принесошѣ главѣ его на блюдѣ і дашѣ дѣвици і несе матери своеи (34—43);

і гѣнашѣ і симонѣ і иже бѣахъ съ нимѣ і обрѣтѣше і глашѣ емоу ѣко вси шѣтѣтъ тебе (85—33);

Они же (по)имѣше іса ведоша и къ каіѣфѣ архиереови (68—24); і сѣвѣзавѣше и ведошѣ і прѣдашѣ пѣнтѣскоумоу пилатоу іѣмоу (70—7);

і ишѣдѣшѣ бѣжашѣ отъ гроба (128—27);

онѣ же оставѣ понѣвицѣ нагѣ бежа отъ нихъ (122—43).

Все случаи аориста от беспредложных определенно-моторных основ могут быть переведены на русский язык формой прошедшего времени от определенно-моторного глагола с приставкой **по**: *пошел, побежал, понесла, повели, погнался* и т. д. Не случайно глаголы этого типа в памятнике почти отсутствуют. Во всем тексте памятника встретилось только шесть определенно-моторных глаголов с приставкой **по**, в числе их две формы аориста. Количество форм аориста от беспредложных определенно-моторных глаголов достигает шестидесяти.

Разумеется, то обстоятельство, что формы аориста от беспредложных определенно-моторных основ обычно переводятся на русский язык при помощи ингрессивных глаголов с приставкой **по**, само по себе не может служить доказательством адекватности значений этих форм. В языке более поздних памятников, в том числе древнерусских, аористы от определенно-моторных глаголов с приставкой **по** употребляются довольно часто, едва ли не чаще соответствующих беспредложных форм. Определить различие в их значениях очень трудно. Наличие параллельных форм с **по** и без **по** позволяло, однако, предполагать, что различные все-таки существуют.

Наблюдения над языком Зографского евангелия показали, что глаголы с приставкой **по** в языке того периода, видимо, только появлялись, что основной, а несколько ранее, быть может, и единствен-

ной, формой для передачи такого важного значения, как значение наступления действия в прошлом, была форма аориста от беспредложных определенно-моторных глаголов.

В отличие от форм аориста от глаголов несовершенного вида в современном болгарском языке, которые могут сочетаться с обстоятельствами времени, указывающими на продолжительность данного действия (например: *Дълго време още поп Стефан говори на дядя Недека, гълча го, напътва го...* И. Йовков), формы аориста в Зографском евангелии ни разу не встретились со словами, определяющими, как долго продолжалось данное действие. Это дает возможность смелей утверждать, что различие форм *идѣше* и *иде* аналогично различию русских форм *шел* и *пошел*, что форма аориста в старославянском фиксирует наступление нового в течении действия. В этом ее основное отличие от имперфекта, который передает действия уже установившиеся, данные для того момента или времени, о котором идет речь.

Сравнивая значения имперфекта и аориста, образованных от беспредложных определенно-моторных основ, мы видим, что форма времени дифференцирует те значения, которые не были дифференцированы в форме глагольной основы (глагол определенно-моторной основы мог выступать в значении как совершенного, так и несовершенного вида).

В плане настоящего-будущего формальная дифференциация этих значений не была столь необходимой, как в плане прошлого, так как значения эти относились к разным временам: наступление действия могло относиться только к будущему, так как план настоящего не может зафиксировать переходного момента; наоборот, действие, взятое без момента его наступления, всегда попадает в план настоящего. Разграничению же планов настоящего и будущего служила сама реальная действительность, представляющая объективную границу того, что уже есть и что будет. В плане прошедшего времени необходимы были разные формы для передачи различий наличия действия и его наступления. Эту роль и исполняли формы имперфекта и аориста.

Аорист предложных определенно-моторных основ

Если основное значение аориста беспредложных определенно-моторных основ есть выражение наступления действия, то основным значением аориста предложных определенно-моторных основ является выражение наступления результата действия, его завершения, особый характер которого определяется значением предложной приставки:

егда же видѣша народи ѿко ис не бѣсть тоу ни оученикъ его вѣдѣж сами въ кораблѣ и придѣ въ каперънаоумъ иск(оу)... ѿште иса (241—32);

и възиде ис въ елмъ (236—1);

и имъ за рѣкѣ слѣпаго и изведе и вѣнъ из вьси (99—17);

и изиде ис къ морю (75—20);

слѣшавъ же юноша слово отиде скръбѣ бѣ бо имѣа сътажаниѣ многа (42—23);

и вѣдѣзъ въ корабъ ис прѣде и приде въ свои град (17—5);

и рече имъ прѣдѣмъ на онъ полъ езера и прѣдѣж (160—12);

і сьниде дъждь і придѣхъ рѣкъы (14—1);
 і сьнидѣхъ сѧ къ немуу вси архиереі і старьци і кнѣжьници (122—46);
 і възваль камень на двѣри гроба отиде (81—29).

Таким образом, в отличие от формы имперфекта, означающей действия, представленные в их длительности безотносительно к их началу или завершению, форма аориста выражает наступление либо самого действия (беспредложные глаголы и глаголы с приставкой **по**), либо его результата, его завершения. Эта форма фиксирует изменения в течении действий, появление нового, развитие событий; поэтому она выражает действия главные — что случилось, что произошло, в то время как имперфект констатирует, что было до или после этих событий, выражает действия, на фоне которых совершались эти события, передает действия привычные, обычные, повторяющиеся. Поэтому следует согласиться с мнением тех ученых, которые считают, что отношение имперфекта и аориста совершенно аналогично отношению совершенного и несовершенного вида.

Итак, в системе беспредложных глаголов формы времен дифференцировали те значения, которые не были дифференцированы в значении глагольной основы (значение вида в определенно-моторной основе), а формы основ в свою очередь дифференцировали значения, не дифференцированные формой времени (конкретность и отвлеченность действия в имперфекте).

В системе предложных глаголов, отражающих новую фазу в развитии видовых значений глагольных основ, видовые значения основ в известном отношении дублируют значение форм времени, а конкретность и отвлеченность действия в форме имперфекта остается не выраженной. В системе предложных глаголов отношение времен $\frac{\text{имперфект}}{\text{аорист}}$ равно отношению основ $\frac{\text{несовершенный}}{\text{совершенный вид}}$. Поэтому становление нового видового соотношения глагольных основ обрело на гибель старую систему форм имперфекта и аориста. Они либо были заменены одной формой прошедшего времени, либо изменили свое значение, что наблюдается, например, в современном болгарском языке.

Совершенно очевидно, что система форм имперфекта и аориста возникла на почве иного соотношения глагольных основ, чем современные виды, и что этой почвой действительно могло быть отношение конкретного и отвлеченного действия, представленное в беспредложных глаголах движения. Анализ форм прошедшего времени беспредложных глаголов движения в Зографском кодексе показал, что различные сочетания значений этих глагольных основ и форм времени, взаимно определяющих друг друга, образуют стройную систему форм с резко определенными значениями.

Определенная основа и имперфект обладают двумя рядами значений: конкретное действие, выраженное определенной основой, может быть представлено длительным и не длительным, в зависимости от чего образуются формы имперфекта и аориста. Длительное действие, выражаемое имперфектом, может быть единичным, конкретным или повторяющимся, обычным; поэтому форма имперфекта образуется от обоих типов основ.

В отличие от более поздних памятников старославянского языка, в том числе и памятников древнерусских, случаи образования форм

аориста от основ неопределенно-моторных в Зографском кодексе не встречаются. Нет в нем также предложных глаголов совершенного вида, образованных от этого типа основ. Это факт знаменательный, так как обе формы, и аорист и совершенный вид, могут быть образованы только от основ конкретного действия, а употребление неопределенно-моторных основ в значении конкретного действия связано с развитием в них значения пространственного разнообразия движения. Отсутствие форм аориста и предложных глаголов совершенного вида от неопределенно-моторных основ в древнейшем старославянском памятнике находится в полном соответствии с тем положением, что ведущим соотношением в значении определенных и неопределенных основ глаголов движения было некогда отношение конкретности и отвлеченности действия, общее у этих основ с другими производными основами древней системы языка.

Можно предполагать, что в старой глагольной системе, где не было совершенного и несовершенного видов, соотношение основ не было чисто видовым, так как выражало определенность и неопределенность действия не только по отношению к существованию его во времени, но также по отношению к его целенаправленности. Неопределенные основы выражали действие как таковое, в отвлечении от условий его реального проявления, т. е. независимо от его целенаправленности и времени его совершения. Определенные основы выражали действие единичное, конкретное, т. е. совершающееся в определенный момент времени и направленное к достижению определенной цели, определенного результата. Однако, в отличие от глаголов совершенного вида, они могли означать действие как длящееся, так и не длящееся (представленное в момент его возникновения и перехода в свой результат).

В соотношении совершенного и несовершенного видов выражаются чисто видовые отношения, так как деление основ на две группы связано исключительно с принципом проявления действия во времени. Граница деления основ передвинулась таким образом, что значение основ совершенного вида стало более узким по сравнению со значением определенных основ: эти основы стали выражать только определенное недлительное действие. Наоборот, значение основ несовершенного вида стало шире по сравнению со значением неопределенных основ, так как стало выражать действие не только неопределенное, но также и определенное длительное, т. е. и отвлеченное и конкретное длящееся действие.

Нами не случайно отмечено, что старое соотношение основ не было чисто видовым, что значение определенности и неопределенности действия в отношении совершения его во времени осложнялось понятием целенаправленности действия. Исследователи старославянского языка отмечают более последовательную, чем в дальнейшем, связь между производными основами и значением действия между производными основами и значением состояния.¹ Близость между понятиями свойства, способности, обыкновения, выражаемыми неопределенно-моторной основой и категорией состояния, заключается в том, что они выражают нечто внутренне однородное, установившееся, постоянное,

¹ См. Ульянов. О значении глагольных основ в литовско-славянских языках, т. I, стр. 46.

в то время как конкретное действие, выраженное определенным глаголом, динамично и преходяще. Изменение залоговой структуры славянского глагола, как указывает Ульянов, также оказывается связанным с процессом утраты парных непроизводных основ. „Формы от основ производных, — пишет Ульянов, — получают значение действительного залога вследствие того, что формы от непроизводных основ утрачены в старославянском“.¹

Все рассмотренное нами позволяет видеть в соотношении основ глаголов движения отражение древнего соотношения глагольных основ, исторически предшествующего образованию современных славянских видов. Отношение это можно определить как отношение конкретного и отвлеченного действия.

¹ Ульянов. Ук. соч., т. I, ст. 46.

В. В. Бородин

К ИСТОРИИ ФОРМ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛОВ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В ДРЕВНЕБОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Общепринятым мнением в славистике является, что старославянский язык, в основе которого лежит македонское наречие Кирилла и Мефодия, это — древнеболгарский язык. Причем доказывается это на основе фонетических данных, а именно одинаковых изменений **tj**, **dj** группы **tort**, **tolt**, рефлексов носовых и редуцированных.

Однако одинаковые фонетические изменения не всегда указывают на принадлежность к одной языковой группе. Известно, что чешский язык относится к группе западнославянских языков, а изменения носового гласного (Q) у него такие же, как в восточнославянских языках или в сербском языке, но не такие, как в польском. Также словинский и русский — языки разных групп, а изменение **tj** в **č** у них совпадает. Мы находим произношение **tj** как **č** также и в переходных болгаро-сербских говорах, но мы не можем никак признать близости русского языка и этих говоров на основе случайного совпадения звуков.

Таким образом, одинаковые фонетические изменения в македонском наречии Кирилла и Мефодия и в болгарском языке не являются достаточным доказательством того, что это наречие было болгарским. Македонское наречие Кирилла и Мефодия, несомненно, славянское наречие, но отождествлять его с болгарским языком нельзя.

Можно предположить, что в X в. для восточной Болгарии язык Кирилла и Мефодия был лишь литературным языком, отличным от языка, на котором говорили жители этой страны. К сожалению, доказать это трудно, вследствие почти полного отсутствия памятников живого болгарского языка, но не невозможно. От X—XI вв. н. э. сохранился памятник, носящий на себе следы живого болгарского наречия — это Саввина книга. В отличие от других старославянских памятников (македонского извода), она написана кириллицей. Уже одно это говорит об ином месте ее написания, чем глаголических памятников. По свидетельству лиц, ее исследовавших, она, однако, несколько не моложе македонских памятников, а может быть и древнее их. Еще Щепкин, издавший этот памятник,¹ обратил внимание

¹ В. И. Щепкин. Саввина книга. СПб., 1903.

на то, что Саввина книга ярко отражает все черты восточноболгарских говоров: „Писец при списывании выражал свой родной говор так смело и последовательно, как ни один из писцов остальных старославянских памятников“.¹

Но Щепкин, представитель школы младограмматиков, интересовался только фонетикой Саввиной книги. Его работа „Рассуждения о языке Саввиной книги“ посвящена фонетике гласных звуков, а собственно о языке как выразителе человеческого сознания он ничего не сказал.

Погорелов² в своем исследовании доказывал глубокую древность Саввиной книги. Он относит ее не к XI в., как Щепкин, а к X, и даже утверждает, что эта книга написана в литературном кружке при дворе царя Симеона в восточной Болгарии — в Преславле. Но и Погорелов, рассматривая отличия Саввиной книги от других старославянских памятников и отмечая многочисленные разночтения, не видит глубоких синтаксических различий, отличающих язык Саввиной книги от языка других старославянских памятников. А между тем эти различия заставляют нас предполагать, что восточноболгарское наречие значительно отличалось от македонского, может быть, больше, чем отличается теперь.

Саввина книга, как известно, — недельное евангелие, памятник, списанный с какого-то другого оригинала; в ней много отступлений от установленного евангельского текста. Эти разночтения в большинстве случаев — сознательно сделанные исправления первоначального текста. „Автор имел перед собой ясно поставленную цель: исправить перевод евангелия, сделать его более понятным, ясным, в духе своего славянского наречия“.³

Итак, эти именно разночтения и показывают особенности восточноболгарского наречия в X—XI вв.

Данная работа посвящена одному небольшому вопросу: как выражается будущее время в Саввиной книге.

Будущее время во всех старославянских памятниках выражается или описательно: глаголами хошѣ, начьнѣ и имамъ с инфинитивом спрягаемого глагола, или, чаще, формой настоящего времени глаголов совершенного вида, причем в греческом оригинале этой форме соответствует форма будущего времени или конъюнктив аориста, который не имеет значения реального времени, а выражает лишь аористический вид, соответствующий славянскому совершенному виду.⁴

Определение вида старославянского глагола часто представляет затруднения, так как виды в старославянском языке были категорией еще совсем неустановившейся. Существуют разноречивые теории о происхождении видов в славянских языках. По мнению одних лингвистов (Мейе, Бёме) виды в старославянском языке являются наследием еще доисторической эпохи и представляют категорию, вполне развившуюся.

Нужно признать, — говорит Беме, — что система видов в староболгарских памятниках в своих основных чертах уже сформировалась.⁵

¹ В. И. Щепкин. Рассуждение о языке Саввиной книги, Введение. 1899.

² В. Погорелов. Опыт изучения Саввиной книги. Братислава, 1927.

³ В. Погорелов. Ук. соч., стр. 77.

⁴ Соболевский. Древнегреческий язык. М., 1948, стр. 300.

⁵ Böhme. Die Aktionen der Verba simplicia in den altbulgarischen Sprachdenkmälern. Leipzig, 1904, S. 2.

Все глагольные формы старославянского языка, — по мнению Мейе, — распадаются на совершенные и несовершенные.¹

Иной точки зрения придерживается Потебня. В своем неизданном IV томе „Из записок по русской грамматике“, вышедшем в издании Академии Наук СССР в 1941 г., Потебня развивает очень интересные мысли относительно происхождения категории вида в славянских языках. По его мнению, в старославянских памятниках можно проследить два слоя — более новый, где виды уже существовали, и более древний, где видов еще не было. В какую-то древнюю эпоху славянских языков видов не было, как нет видов, например, в литовском языке. И предлоги, выражавшие лишь пространственные отношения, когда присоединялись к глаголам, не сообщали им значения совершенности. Остатки этих древних отношений можно видеть в глаголах движения, как ходить, водить, возить и т. д., которые отличаются и теперь той особенностью, что, соединяясь с предлогом, не становятся совершенными.

Но в языке славян существовали глаголы, означающие различную длительность, как, например, *нести* — конкретно-длительный глагол и *носить* — длительно-отвлеченный; *пасть* и *падать* и т. д. Дальнейшее развитие длительно-отвлеченных итеративов и противопоставление им глаголов конкретно-длительных и повело к разграничению глаголов на совершенные и несовершенные.

„Глагол предшествующего более простого и древнего строения стремится стать совершенным, между тем как последующий становится более или менее длительным и отвлеченным“.² Как только образовались глаголы совершенные, все остальные тем самым стали несовершенными“.³

С такой же почти теорией выступает и Ван-Вейк, который не был знаком с теорией Потебни.⁴ Он также исходит от существования в языке таких глаголов, как *идти* и *ходить*, *нести* и *носить*, которые, не разделяясь по видам, представляют более древние отношения, когда не было еще видов в славянском языке, а существовала категория определенного и неопределенного действия.⁵

Итак, только когда глаголы разделились на несовершенные и совершенные, настоящее время глаголов совершенных стало означать будущее время.

„Во время водворения категорий совершенности и несовершенности между ними распределялись все глаголы, при этом настоящее несовершенное осталось, каким было, настоящее же совершенное послужило средством или представлением нового значения к апперцепции новой грамматической категории будущего совершенного“.⁶ „Но до сего времени, когда не было категории видов, будущее могло выражаться простой формой настоящего времени, так же как и современный язык может употреблять настоящую форму о будущем, не только придавая

¹ Meillet. Etudes sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris, 1902, p. 58.

² А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. 4, стр. 53.

³ Там же, стр. 19.

⁴ Van-Wijk. Die Sogenannten Verba iterativa. Indogermanische Forschungen, Bd. 45, S. 93.

⁵ Van-Wijk. Sur l'origine des aspects du verbe slave. „Revue des études slaves“, 1929, t. 9.

⁶ А. А. Потебня. Ук. соч., стр. 98.

ей значение будущего, но и оставляя за ней значение настоящего“.¹

Эта теория кажется мне все же более верно отражающей состояние глагольной системы славянских наречий в доисторическую эпоху, чем теории, считающие вид категорией доисторической, индоевропейской. Категория определенности и неопределенности — это также своеобразная видовая категория, предшествующая развитию совершенного и несовершенного вида, который развился не одновременно в разных славянских языках.

На основе данных Саввиной книги можно предположить, что если в македонском наречии категория вида совершенного и несовершенного уже начала развиваться в IX—X вв., то в восточно-болгарском наречии еще господствовала категория определенности и неопределенности.

Глаголы, которые Ван-Вейк называет определенными, а Потебня — конкретно-длительными, могли выражать и настоящее и будущее время. По своему строению они были простыми коренными глаголами без приставок или с приставками. При образовании совершенного вида формы этих глаголов, преимущественно с приставками, стали служить для выражения будущего времени.

Глаголы производные (итеративы — отвлеченно-длительные по формулировке Потебни, неопределенные по формулировке Ван-Вейка) выражали действие или состояние вообще. Они никак не могли служить для выражения будущего времени. Мы почти не находим в евангельских кодексах примеров, где бы славянскому итеративу соответствовало греческое будущее время.

1. ФОРМЫ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛОВ С ПРИСТАВКАМИ

Исследуя Саввину книгу в той части, где она полностью совпадает с другими евангельскими кодексами (Зографским, Марииным, Ассемановым и Остромировым), мы увидим, что для большинства глаголов, уже разделившихся на совершенные и несовершенные, будущее выражается формой настоящего времени совершенного вида. Глаголами совершенного вида являются чаще всего непродуцированные глаголы с приставками. Настоящему времени этих глаголов в греческом оригинале обычно соответствует будущее время.

Например:

Мф. 13, 50, стр. 127: и ввѣрьжѣтъ ихъ въ пещь. Греч. βαλοῦσιν — буд. вр. от βάλλω.

Мф. 12, 18, стр. 138: и сждѣ ѡзыкомь вѣзвѣститѣ. Греч. ἀπαγγελεῖ — буд. вр. от ἀπαγγέλλω.

Мф. 6, 4, стр. 57: и оцѣ твоѣ видѣи въ тайнѣ въздасть тебѣ извѣ. Греч. ἀποδώσει — буд. вр. от ἀποδίδωμι.

Ио. 16, 20, стр. 97: а мирь възрадуеть сѧ. Греч. χαρήσεται — буд. вр. от χαίρω.

Ио. 14, 21, стр. 92: и азъ възлюблѣхъ ѣ. Греч. ἀγαπήσω — буд. вр. от ἀγαπάω.

Ио. 11, 23, стр. 69: възкръснетъ братъ твоѣ. Греч. ἀναστήσεται ὁ ἀδελφός σου — буд. вр. от ἵστημι.

Лк. 11, 11, стр. 52: котораго же отъ васъ оу оца снѣ свои възпроситъ хлѣба. Греч. αἰτήσει — буд. вр. от αἰτέω.

¹³ А. А. Потебня, ук. соч., стр. 129.

Ио. 14, 26, стр. 92: ть вы наоучить всемоу. Греч. διδάξει — буд. вр. от διδάσκω.

Лк. 3, 17, стр. 144: а плъвы съжъжетъ огньмь негашѣщимь. Греч. κατακαύσει — буд. вр. от κατακαίω.

Лк. 3, 5, стр. 143: и всака гора и хльмь съмѣритъ сѧ. Греч. ταπεινωθήσεται — буд. пасс. от ταπεινόω.

Мф. 12, 20, стр. 139: и прьста вьньмьшасѧ не оугасить. Греч. οὐ σβέσει — буд. вр. от σβέννυμι.

Довольно много примеров, где форме настоящего времени простого глагола с приставкой соответствует в греческом конъюнктив аориста, который не имеет временного значения, а лишь выражает аористический или совершенный вид.

Например:

Мф. 12, 20, стр. 139: доньдеже възведеть на побѣдѣ сѣдѣ. Греч. ἕως ἂν ἐκβάλῃ — кон. аор. от ἐκβάλλω.

Мф. 18, 34, стр. 26: доньдеже въздасть всь длъгъ свои. Греч. ἕως οὗ ἀποδώῃ — кон. аор. от ἀποδίδωμι.

Лк. 9, 4, стр. 36: и вьнже домь вьнидете тоу прѣбываите. Греч. εἰς ἣν ἂν οἰκίαν εἰσέλθητε — кон. аор. от εἰσέρχομαι.

Мф. 14, 22, стр. 21: доньдеже отпуститъ народъ. Греч. ἕως οὗ ἀπολύσῃ — кон. аор. от ἀπολύω.

Только в трех примерах на месте славянского настоящего времени с приставками в греческом оригинале — аорист.

Мф. 24, 45, стр. 77: егоже поставить гѣ надѣ домоу своимь. Греч. κατέστησεν — аор. от κατίστημι.

Мф. 18, 15, стр. 8: аще ти послушаетъ приобрѣщши брата своего. Греч. εἰάν σου ἀκούσῃ ἐκέρδησας τὸν ἀδελφόν σου — аор. от κερδαίνω.

Ио. 15, 6, стр. 4: аще кто вь мнѣ не прѣбодеть извръжетъ сѧ вьнь яко розга исьшетъ. Греч. εἰάν μή τις μένη ἐν ἐμοί ἐβλήθη ἔξω ὡς τὸ κληῖμα καὶ ξηράνη.

При расхождении во времени, однако, вид глагола остается совершенным.

Настоящему времени производных, итеративных глаголов с приставкой соответствует в греческом также форма настоящего времени. Но и в старославянском тексте эти итеративы легко отличаются от простых глаголов того же корня. Например, ясно различаются основы възлагати и възложити, полагаати и положить:

Лк. 8, 16, стр. 34: нѣ на свѣщникѣ възлагаетъ. Греч. наст. вр. τίθησιν.

Лк. 21, 12, стр. 125: възложатъ бо на вы рѣкы свои. Греч. буд. вр. ἐπιβαλοῦσιν.

Ио. 15, 6, стр. 4: и в огнь възлагатъ. Греч. наст. вр. βάλλουσιν.

Ио. 10, 15, стр. 120: и дшѣ моѣ полагаѣ за овцѣ. Греч. наст. вр. τίθημι.

Ио. 10, 11, стр. 119: пастухъ добры дшѣ свои за овцѣ полагаеть. Греч. наст. вр. τίθησιν.

Параллельные формы с будущим временем:

Ио. 13, 37, стр. 90: нынѣ дшѣ моѣ за та положѣ. Греч. θήσω — буд. вр. от τίθημι.

Ио. 13, 38, стр. 90: дшѣ ли свои за ма положиши. Греч. буд. вр. θήσεις.

Мф. 12, 18, стр. 138: положѣ дхъ моѣ на немъ. Греч. буд. вр. θήσω.

Мф. 24, 51, стр. 78: и часть его съ впокрыты положить. Греч. буд. вр. θήσει.

Также ясно различаются основы: несовершенного вида — възмагаѣтъ, с удлинением гласной корня и възмогѣтъ — совершенного вида.

Лк. 16, 26, стр. 34: яко да хотящеи минѣти отъсѣдоу къ вамъ не възмагаѣтъ. Греч. кон. наст. вр. μή δύνονται.

Лк. 13, 24, стр. 44: възидѣтъ внити и не възмогѣтъ. Греч. буд. вр. οὐκ ἰσχύουσιν.

Формамъ въпрашаеши, въпрашаеть (Ио. 18, 21; Ио. 16, 5 — в соответствии с греч. наст. вр. ῥωτάς, ῥωτᾶ) соответствуют формы аориста от глаголов совершенного вида.

Ио. 18, 7, стр. 101: въпроси іс̄.

Ио. 18, 19, стр. 103: архиереи же въпросиша.

А также формы с тем же корнем, но с другой приставкой:

Ио. 16, 26, стр. 98: в тѣ днь въ имѣ мое въспросите. Греч. αἰτήσασθε — буд. вр. от αἰτέω.

Или Лк. 11, 11, стр. 52: котораго же отъ васъ оу оца снѣ свои въспросить хлѣба. Греч. буд. вр. αἰτήσει.

Лк. 15, 17, стр. 53: колико наѣмникъ оу оца моего и избываѣтъ хлѣбы. Греч. наст. вр. περισσεύονται.

Мф. 25, 29, стр. 80: имѣющюму бо все дано бѣдетъ и избѣдетъ. Греч. περισσευθήσεται — буд. пасс. от περισσεύω.

Настоящему времени извождѣ (Ио. 19, 4, стр. 107; греч. ἄγω) соответствует основа совершенного вида — аорист изведе (Ио. 19, 13, стр. 108) или изведоша (Мф. 15, 20, стр. 111).

Мф. 22, 18, стр. 28: что ма искушаете. Греч. наст. вр. πειράζετε.

Мф. 4, 7, стр. 146: не искусиши га ба своего. Греч. буд. вр. ἐκπειράσεις.

Форме заповѣдаѣ (Ио. 15, 17, стр. 94; греч. наст. вр. — ἐντέλλομαι) отвечает совершенная форма заповѣсть (Мф. 4, 6, стр. 146; греч. ἐντελείται — буд. вр.).

Форме исповѣдаѣ ти сѣ (Лк. 10, 21, стр. 128; греч. наст. вр. ἐξομολογούμαι) соответствует совершенный вид.

Мф. 10, 32, стр. 10: всакъ иже исповѣсть ма прѣдъ оцѣмъ нб̄снѣмъ исповѣмъ і азѣ. Греч. буд. вр. ὁμολογήσει.

Основе нарицаеть (Мф. 22, 43, стр. 29 и Лк. 2, 4, стр. 133; греч. наст. вр. καλεῖ, καλεῖται) соответствует совершенный вид наречетьсѣ.

Мф. 2, 23, стр. 140: яко назарѣнинъ наречеть сѣ. Греч. буд. вр. κληθήσεται.

Мф. 1, 23, стр. 133: и наречеть имѣ емоу. Греч. буд. вр. καλέσουσιν и т. д.

Основе несовершенного напаяеть и ведъ напаяеть (Лк. 13, 15, стр. 42; греч. наст. вр. ποτίζει) соответствует совершенная основа.

Мф. 10, 42, стр. 18: и иже аще напоитъ. Греч. кон. аор. ὅς ἐάν ποτίσῃ.

Несовершенной основе бѣ тако одѣеть (Мф. 6, 30, стр. 13; греч. наст. вр. ἀμφιένυσιν) соответствует совершенная основа.

Мф. 6, 31, стр. 14: и въ что одѣдемъ сѣ. περιβαλώμεθα.

Также ясно различаются основы оставяти, поставляти от оставити, поставити:

Лк. 8, 16, стр. 34: подь одромъ поставлѣтъ. Греч. наст. вр. τίθησιν.
Мф. 24, 47, стр. 77: надъ всѣмъ домоу своимъ поставитъ і. Греч.
буд. вр. καταστήσει.

Мф. 25, 21, стр. 79: надъ многы тл поставлѣж. Греч. буд. вр.
καταστήσω.

Ио. 14, 27, стр. 92: миръ оставлѣж вамъ. Греч. наст. вр. ἀφίημι.

Ио. 10, 12, стр. 119: и оставлѣтъ овцѣл. Греч. наст. вр. ἀφίησιν.

Мф. 6, 12, стр. 58: яко и мы оставлѣемъ. Греч. наст. вр. ἀφίεμεν.

Ио. 14, 18, стр. 1: не оставлѣж васъ сирѣ. Греч. буд. вр. οὐκ ἀφήσω.

Мф. 19, 5, стр. 24: сего ради оставитъ члкъ оца. Греч. буд. вр.
καταλείψει от καταλείπτω.

Лк. 5, 20, стр. 30: отъпускаѣтъ ти сл грѣси твои. Греч. кон.
наст. вр. ἀφένονται.

Лк. 7, 48, стр. 125: отъпускаѣтъ сл еи грѣси. Греч. кон. наст. вр.
ἀφένονται.

Лк. 7, 49, стр. 125: кто съ есть яко и грѣхы отъпускаетъ. Греч.
наст. вр. ἀφίησιν.

Мф. 6, 13, стр. 59: отъпуститъ вамъ оцѣ нбсны. Греч. буд. вр.
ἀφήσει.

Мф. 25, 32, стр. 56: якоже пастухъ разлѣчаетъ овцѣл. Греч.
наст. вр. ἀφορίζει.

Мф. 25, 32, стр. 56: и разлѣчитъ л. Греч. буд. вр. ἀφορίσει.

Мф. 25, 8, стр. 78: яко свѣтильници наши оугасаѣтъ. Греч. наст. вр.
σβέννυνται.

Мф. 12, 20, стр. 139: и прѣста вѣньмѣша сл не оугаситъ. Греч.
буд. вр. οὐ σβέσει.

Лк. 16, 25, стр. 33: нынѣ же съде оутѣшаетъ сл. Греч. наст. вр.
παρακαλεῖται.

Мф. 5, 4, стр. 119: яко ти оутѣшатъ сл. Греч. буд. вр. παρακλη-
θήσονται.

Лк. 13, 15, стр. 42: кѣждо васъ... не отрѣшаетъ ли волоу. Греч.
наст. вр. οὐ λύει. Остр. ев. — не отрѣшить ли.

Мф. 6, 19, стр. 59: идеже татие подькопаваѣтъ и крадѣтъ. Греч.
наст. вр. διорύσσουσιν — от διорύσσω.

Основа совершенного вида видна в аористе:

Мф. 21, 33, стр. 28: и ископа въ немъ точило.

Лк. 8, 16, стр. 34: никтоже свѣтильника въжегъ покрываеъ съсѣл-
домъ. Греч. наст. вр. καλύπτει.

Лк. 13, 21, стр. 44: съкры въ мѣщѣ.

Мф. 18, 29, стр. 106: кѣмъ рѣчь приносите на члкъ сего. Греч.
наст. вр. κατηγορίαν φέρετε.

Мф. 12, 35, стр. 20: благы члкъ отъ блага съсѣда износитъ
благата. Греч. наст. вр. ἐκβάλλει.

Мф. 13, 52, стр. 127: члкоу домовитоу иже износитъ отъ съкро-
вища своего. Греч. наст. вр. ἐκβάλλει.

Форма совершенного вида в аористе:

Мф. 2, 11, стр. 138: принесошл ему дары.

Основа совершенного вида изгнати противопоставляется основе
изгнати:

Лк. 21, 12, стр. 125: и ижденѣтъ прѣдаѣще. Греч. буд. вр.
διώξουσιν.

Ио. 15, 20, стр. 95: аще мене изгнаша и васъ ижденѣтъ. Греч. буд. вр. διώξουσιν.

Мф. 5, 11, стр. 119: блажени естъ егда поносатъ вамъ и ижденѣтъ вы. Греч. διώξουσιν — кон. аор. от διώκω. Основы несовершенные.

Мф. 8, 31, стр. 16: аще изгониши насъ. Греч. наст. вр. εἰ ἐκβάλ-
λεις ἡμᾶς

Мф. 9, 34, стр. 19: о кнѣзи бѣсомъ изгонитъ бѣсы. Греч. наст. вр. ἐκβάλλει.

Мф. 10, 1, стр. 129: дасть имъ власть да изгонѣтъ ѡ. Греч. инф. наст. вр. ὥστε ἐκβάλλειν αὐτά.

Причастие настоящего времени действительного залога:

Мр. 1, 35, стр. 61: и бѣсы изгонѣ.

Причастие настоящего времени страдательного залога:

Лк. 13, 28, стр. 45: вы же изгоними вѣнь.

Противопоставляются основы прѣбывати и прѣбыти:

Ио. 14, 17, стр. 1: яко съ вами прѣбываетъ. Греч. наст. вр. μένει.

Или:

Ио. 15, 10, стр. 94: и прѣбываѣ въ него любви. Греч. наст. вр. μένω.

Ио. 15, 7: прѣбыти. Греч., ἐὰν μείνητε ἐν ἐμοῦ καὶ τὰ ῥήματα μου ἐν ὑμῖν μείνη. Аще кто прѣбѣдетъ въ мнѣ... гла мои въ васъ прѣбѣдѣтъ — в соответствии с греч. конъюнктивом аориста, т. е. совершенным видом.

Ио. 15, 6, стр. 4: аще кто въ мнѣ не прѣбѣдетъ извержетъ сѡ вѣнь. Греч. ἐὰν μὴ τις μένη ἐν ἐμοῖ (конъюнктив наст. вр.).

Ио. 15, 16, стр. 94: и положихъ вы да вы идете и плодъ принесете и плодъ вашъ прѣбѣдетъ. Греч. кон. наст. вр. ἵνα... ὁ καρπὸς ὑμῶν μείνη.

Перевод греческого склонения настоящего времени в последних примерах формой совершенного вида объясняется характером этих предложений, так как после союза **да** и в условных предложениях славянский переводчик предпочитает формы совершенного вида.

Как будто ясно различаются две основы: оуготовити и оуготовати.

В первом случае в греческом языке имеем будущее время:

Мр. 1, 2, стр. 142: иже оуготовитъ пѣтъ твои. Греч. буд. вр. κατασκευάσει.

Мф. 11, 10, стр. 147: иже оуготовитъ пѣтъ. Греч. κατασκευάσει, но в Зогр. ев. оуготоваетъ — форма от основы оуготовати, Другой пример (Мф. 26, 17): кѣде хощеси и оуготоваемъ тебѣ пасхѣ ясти, хотя и представляет как бы другую основу оуготовати, но в греческом ему соответствует форма будущего времени: ποῦ θέλεις ἐτοιμασθῆναι σοι φαγεῖν — от глагола ἐτοιμάζω. И все последующие примеры на эту основу представляют перевод основы аориста (т. е. совершенный вид).

Оуготовать. Греч. инф. аор. ἐτοιμάσαι (Ио. 14, 2, стр. 90 — идѣ оуготовать мѣста вамъ). Повелит. накл. 2 л. ед. ч. оуготовати. Греч. повелит. накл. аор. ἐτοιμάσον. (Лк. 17, 8).

Оуготовате. (Мф. 3, 4). Греч. повелит. накл. аор. ἐτοιμάσατε.

Оуготовите — перев. так же (Мр. 1, 3) повелит. накл. аор. Оуготоваша. Греч. аор. ἠτοίμασαν (Мф. 26, 19). Прич. оуготованы. Греч. ἠτοίμασμένος (Мф. 25, 41, стр. 56). Перф. еси оуготоваль. Греч. аор. ἠτοίμασας (Лк. 2, 31).

Очевидно, некоторое время две основы оуготовати и оуготовити существовали рядом, не различаясь по виду, как глаголы определенного действия.

Следующая группа примеров представляет настоящее время в соответствии с настоящим греческого оригинала, несмотря на то, что по форме — это простые глаголы с приставками, которые с современной точки зрения являются глаголами совершенного вида, а следовательно, должны были выражать будущее.

Ио. 15, 2, стр. 93: и всакъ творѣхъ плодъ отрѣбить ѿ. Греч. наст. вр. *καθαίρει*.

Мф. 27, 24, стр. 110: видѣвъ же Пилатъ яко ничесоже оуспѣеть. Греч. наст. вр. *οὐ δὲν ὀφείλει*.

Ио. 11, 10, стр. 69: аще кто ходитъ въ дне то не потъкнетъ са. Греч. наст. вр. *προσκόπτει*, но Мф. 4, 6, стр. 146: да не когда прѣтъкнеши о камень ногъ своихъ. Греч. кон. аор.: *μὴ ποτε προσκόψῃς*.

Очевидно, один глагол употреблялся в значении настоящего и будущего.

Лк. 18, 12: десятинъ дахъ всего елико притахъ. Греч. наст. вр. *κτῆσαι*.

Глагол притахъ употреблен в значении настоящего времени:

Мр. 1, 2, стр. 142 и Мф. 11, 10, стр. 147: се азъ посълхъ аггла своего. Греч. наст. вр. *ἀποστέλλω*.

Все евангельские тексты совпадают, но в позднейшем русском издании славянского евангелия дается глагол „посылаю“ — се азъ посылаю.

Вероятно, итератив посылати имел значение действия вообще, а не конкретного, как в данном примере, а форма настоящего времени глагола посълхъ действительно имела значение настоящего времени, хотя могла употребляться и в значении будущего.

Ис. 21, 23, стр. 6: изиде же слово се въ братихъ яко оученикъ ть не оумреть. Греч. наст. вр. *οὐκ ἀποδνήσκει*.

Хотя в старославянских текстах встречается итератив умирати, но для данного конкретного случая он не подходил, глагол же оумреть, как глагол определенного действия, мог употребляться в значении и настоящего и будущего.

Ио. 13, 6, стр. 82: ты ли мои оумыши нозѣ. Греч. наст. вр. *νίπτεις*.

Глаголы оумыти и оумывати встречаются в тексте Саввиной книги.

Ио. 13, 6, стр. 82: и начатъ оумывати нозѣ. Греч. инф. наст. вр. *ἤρξατο νίπτειν*.

Ио. 13, 10, стр. 83: измъвены не трѣбоуетъ тъкмо нозѣ оумыти. Греч. инф. аор. *νίψασθαι*.

Но настоящее время встречается только от основы оумыти:

Ио. 13, 8, стр. 82: не оумыши ногу мою въ вѣкъ. Греч. кон. аор. *οὐ μὴ νίψῃς*.

Ио. 13, 8, стр. 82: аще не оумыхъ тебе не имаша части съ мнохъ. Греч. кон. аор. *ἐὰν μὴ νίψω σε*.

Вероятно, формы настоящего времени от глагола оумывати означали действие вообще, отвлеченно и не подходили для конкретного обозначения действия, а настоящее время от глагола оумыхъ еще не утратило своего прежнего значения настоящего времени.

Мр. 9, 18, стр. 65: и оцѣпѣвъеть. Так же в Зогр., Мар. и Остр., но в Ассем. — оцѣпѣваеть. Греч. наст. вр. *ξηραίνεται*.

Форма Ассем. ев. представляет новообразование с суфф. **ва**, очевидно несовершенного вида. В других евангельских текстах, повидимому, является старая форма, имевшая еще значение настоящего времени.

Глаголы движения, а также глаголы означающие чувства, мысли, говоренье (*verba sentiendi, dicendi, putandi* и др.), по наблюдению Потевни и Ван-Вейка, долше других глаголов не различались по виду. Даже в настоящее время вид некоторых из этих глаголов не совсем ясен. Например, болгарские глаголы *видя, чуя, уда* могут иметь значение несовершенного и совершенного вида.

Это подтверждается полностью примерами из Саввиной книги, вполне согласными и с другими евангельскими кодексами. Например, глаголам *слушати* и *слышати* с приставкой, как глаголам чувства, соответствует греческое настоящее время:

Ио. 11, 42, стр. 72: яко всегда мене послушаеши. Греч. наст. вр. *ὅτι πάντοτε μου ἀκούεις*. Так же в Зогр., Мар., Ассем. и Остр.

Ио. 18, 37, стр. 106: всакъ же иже есть отъ истины послушаеть гласа моего. Греч. наст. вр., *ἀκούει*. Так же и в других кодексах,

Лк. 16, 31, стр. 34: аще Мосеа и прокъ. не послушаѣтъ. Греч. наст. вр. *οὐκ ἀκούσιν*.

Ио. 16, 13, стр. 96: нъ елико аще услышитъ глати имать. Греч. наст. вр. *ἀκούει*. В Зогр., Мар., Остр. так же, как в Саввиной книге, но в Ассем. ев. — слышитъ.

Встречаются примеры, где настоящим временем глагола *услышати* переводится греческое будущее время:

Мф. 12, 19, стр. 138: не оуслышитъ никтоже гласа его. Греч. буд. вр. *οὐ δὲ ἀκούσει*.

Ио. 10, 16, стр. 120: и гласъ мой оуслышатъ. Греч. буд. вр. *ἀκούσουσιν*.

Три примера представляют перевод греческого конъюнктива аориста:

Лк. 21, 9, стр. 55: егда же оуслышите брани. *ὅταν δὲ ἀκούσητε*.

Лк. 8, 13, стр. 32: иже егда оуслышатъ слово. *ὅταν ἀκούσωσιν*.

Мф. 18, 17, стр. 8: аще ли ослоушаеть имъ. *ἐάν δὲ παρακούσῃ*. В Зогр., Мар., Остр. и Ассем. послушаеть.

Но этим лишь подтверждается безразличие этих глаголов к виду.

Ио. 16, 21, стр. 97: ктому не помънитъ печали. Греч. наст. вр. *οὐκ ἔτι μνημονεύει*.

Глагол *помънѣти* образовался от глагола *мънѣти* с приставкой **по**, следовательно по форме это глагол совершенного вида. Но глагол *мънѣти* долго был безвидовым. Потевня обращает внимание на употребление его в значении настоящего и будущего времени.¹ Очевидно, и глагол *помънѣти* не имел значения совершенного вида.

Глагол *разоумѣти* имеет параллельную форму *разоумѣвати*. Первая, как более простая, должна быть совершенного вида, вторая — с суфф. **ва** — несовершенного. Но *разоумѣвати* представлено в Саввиной книге только один раз:

Мф. 24, 15, стр. 75: иже чьтеть да разоумѣваеть. Греч. повелит. накл. наст. вр. *νοεῖτω*.

¹ А. С. Потевня. Ук. соч., стр. 124.

Глагол *разоумѣти*, наоборот, встречается в многочисленных примерах. Два примера являются переводом греческого будущего:

Ио. 13, 7, стр. 82: разоумѣши же по сихъ. Греч. *γνώσθη*.

Ио. 14, 20, стр. 91: въ ть днь разоумѣете. Греч. *γνώσεσθε*.

Три примера представляют перевод конъюнктива аориста:

Ио. 7, 51, стр. 8: и разоумѣтъ, что творить. Греч. *καὶ γνῶ τί ποιᾷ*.

Ио. 14, 31, стр. 93: нъ да разоумѣтъ миръ. Греч. *ἵνα γνῶ*.

Ио. 19, 4, стр. 107: се извождѣ вамъ да разоумѣете. Греч. *ἵνα γνῶτε*.

В двух примерах наклонение настоящего времени:

Лк. 8, 10, стр. 31: и слышаще не слышатъ и не разоумѣтъ. Греч. кон. наст. вр. *μὴ συνῶσιν*.

Ио. 17, 23, стр. 100: да бждѣтъ сѣвршение едино и разжѣтъ миръ. Греч. кон. наст. вр. *ἵνα γινώσκῃ*.

Мф. 13, 51, стр. 127: разоумѣете ли вса си. Греч. перф. *συνήκατε*.

Перфект имеет здесь значение настоящего времени. Это употребление глагола *разоумѣти* в значении настоящего и будущего подтверждает то, что он был основой определенной, а не различался по виду.

Повидимому, не различались по виду и глаголы состояния: *сидеть*, *стоять*, так как встречающиеся в тексте формы настоящего времени этих глаголов с приставками соответствуют греческому настоящему.

Лк. 18, 6: да не до коньца приходящи застоить мене. Греч. наст. вр. *ὑποπίσσει με*.

Тот же глагол с другой приставкой представлен в Мр. 10, 42, стр. 68: яко мьнащеи сѣ власти азыки оустоать имъ. Греч. наст. вр. *καταχρησέουσιν*.

Мф. 15, 32, стр. 21: милъ ми есть народъ яко трети днь присѣдѣтъ ма. Греч. наст. вр. *προσμένουσί μοι*. По значению — это настоящее время, а не будущее.

Разночтения в Саввиной книге

Саввина книга, как уже говорилось выше, довольно значительно отличается от установленного евангельского текста: много расхождений и в области глагольных форм.

Многие примеры представляют замену одного глагола другим, повидимому, чтобы сделать перевод более ясным, без нарушения, однако, вида глагола:

Мф. 6, 33, стр. 14: и се все прѣдасть сѣ вамъ; в Зогр., Мар. Остр., Ассем. и си всѣ приложить сѣ вамъ. Греч. буд. пасс. *προσθησεται*.

Мф. 17, 20, стр. 23: и ничьтоже оуметь сѣ васъ; в Мар., Ассем., Остр. ничьтоже не възможно бждеть вамъ. Греч. буд. вр. *ἀδυνατήσει*.

Мф. 28, 14, стр. 116: и аще се оуслышано бждеть мы оувѣщаемъ; в Зогр., Мар., Ассем., Остр. мы оутолимъ. Греч. буд. вр. *πίσωμεν*.

Ио. 16, 19, стр. 97: о семь ли въпрошае сѣ между собож; в Мар., Зогр., Ассем., Остр. сѣтазаете сѣ. Греч. наст. вр. *ζητείτε*.

Мф. 8, 12, стр. 15. снве же црствия ижденѣтъ сѣ; в Зогр., Мар., Ассем. и Остр. изгънани бждѣтъ.

Ио. 16, 25, стр. 5: егда о оци сѣкажѣ вамъ; в Зогр., Мар. Остр. възвѣштѣ; в Ассем. възвѣштаж.

Мф. 21, 37, стр. 28: постыдѣтъ сѧ сна моего; в Зогр. оусрамѣжѣтъ сѧ; Мар., Ассем. оусрамѣжѣтъ сѧ; Остр. оусрамѣжѣтъ сѧ. Греч. буд. вр. ἐντραπήσουται.

Мф. 21, 41, стр. 28: зълѣа зълѣ побить; в Зогр., Мар., Ассем., Остр. погоубить. Греч. буд. вр. ἀπολέσει.

Несколько примеров представляют разногласия с каким-нибудь одним евангельским текстом при согласии с другими:

Ио. 16, 22, стр. 97: пакы оузърѣ вы. Так же в Мар. и Остр., но в Зогр. зърѣ.

Лк. 12, 37, стр. 43: яко прѣпояшетъ сѧ. Так же в Зогр., Мар., Остр., но в Ассем. поѣшетъ сѧ. Греч. буд. вр. περιζώσεται.

Мф. 12, 37, стр. 20: отъ словесъ своихъ осѣдиши сѧ. Так же в Зогр., Ассем. и Остр.; в Мар. и словесы своими сѣдиши си. Греч. буд. вр. κηταδικασθήσῃ.

Мф. 7, 8, стр. 11: и глѣжщюмоу отврѣжѣтъ сѧ; в Ассем., Зогр. Остр. так же; в Мар. отврѣзаатъ сѧ. Греч. буд. вр. ἀνοιγήσεται.

Эти примеры являются скорее характерными для языка тех кодексов, которые отступают от общепринятого чтения и подтверждают отчасти мнение Потевни и Ван-Вейка о неустановленности вида в старославянском языке.

Для нас наиболее интересны расхождения Саввиной книги с другими кодексами в глаголах по виду. Так:

На месте итератива других кодексов в Саввиной книге является простой глагол с приставкой, но в значении настоящего времени.

Глаголы дати и даяти с приставками в старославянских памятниках и в Саввиной книге, где она не расходится с другими памятниками, ясно различаются по виду.

Например, несовершенный вид:

Ио. 11, 41, стр. 71: оче хвалѣ тебѣ въздаѣж. Греч. наст. вр. εὐχαριστῶ.

Лк. 18, 11, стр. 50: бже, хвалѣ тебѣ въздаѣж. Греч. наст. вр. εὐχαριστῶ σοι.

Им противопоставляются примеры с глаголом совершенного вида въздамы и будущим в греческом языке.

Лк. 10, 35, стр. 40: азъ егда възвращѣса въздамы ти. Греч. буд. вр. ἀποδώσω.

Мф. 6, 4, стр. 57: и оцѣ твои вида въ таинѣ въздасть тебѣ явѣ. Греч. буд. вр. ἀποδώσει:

Мф. 18, 29, стр. 25: и въздамы ти. Греч. буд. вр. ἀποδώσω.

Мф. 21, 41, иже въздадатъ емоу плодѣ. Греч. буд. вр. ἀποδώσουσιν.

Мф. 26, 45, стр. 86: и снѣ члскѣ прѣдаетъ сѧ. Греч. наст. вр. παραδίδοται.

Мф. 10, 33, стр. 67: и осѣдѣтъ i на сѣмрътъ и прѣдадатъ i. Греч. буд. вр. παραδώσουσιν

Мф. 26, 15, стр. 81: и азъ вамѣ прѣдамы i. Греч. буд. вр. παραδώσω.

Мф. 26, 23, стр. 83: тѣ ма прѣдасть. Греч. буд. вр. παραδώσει.

В Саввиной книге встречаются еще формы этого глагола с приставкой **от**:

Мф. 9, 15, стр. 18: отъдаѣтъ ти сѧ грѣси. В древних евангельских кодексах форма отъпоуштаѣтъ ти сѧ грѣси — в соответствии с греческим настоящим временем ἀφιενται σου.

Но в том же самом тексте Саввиной книги мы видим и форму простого глагола с приставкой:

Мф. 9, 2, стр. 17: отъдадѣть ти сѧ грѣси; хотя в греческом настоящем времени *ἀφίενται σου ἁμαρτίαι* и в других евангельских кодексах тоже настоящее время отъпоуштаѣть ти сѧ грѣси.

Так что можно думать, что писец Саввиной книги не различал видов этих глаголов. У него отдадѣть сѧ имеет значение настоящего времени.

Мф. 12, 36, стр. 20: яко всакъ глѣ̄ празднь̄ егоже̄ аще̄ глѣ̄тъ члдӣ въздаѣтъ̄ о немь; в Зоґр. въздадѣтъ; так же в Мар., Ассем. и Остр. Греч. буд. вр. *ἀποδώσουσιν*.

Здесь также Савва, употребляет, вместо простого глагола с приставкой, производный, потому что он различает глаголы не по виду, а как определенные и неопределенные.

Употребление в этом случае итератива (глагола неопределенного действия) вызвано содержанием данного изречения, имеющего характер общезначащей истины, относящейся ко всякому случаю вообще, а не к какому-либо одному, конкретному; следовательно, с точки зрения Саввы, сюда больше подходило употребление основы неопределенного действия, несмотря на греческое будущее время.

Ясно противопоставляются в старославянских памятниках основы събираѣ̄ и съберѣ̄.

Мф. 25, 26, стр. 30: и събираѣ̄̄ ѣдоуже̄ не расточихъ. Греч. наст. вр. *συνάγω*.

Мф. 6, 26, стр. 13: ни събираѣ̄тъ̄ въ̄ житьницѧ. Греч. буд. вр. *οὐδὲ συνάγουσιν*

Мф. 24, 31, стр. 76: и съберѣ̄тъ̄ избраныѧ̄ его. Греч. буд. вр. *ἐπισυνάξουσιν* от *συνάγω*.

Мф. 25, 32, стр. 56: и съберѣ̄тъ̄ сѧ̄ прѣдъ̄ нимъ̄ всӣ ѧзыци. Греч. буд. пасс. *συναχθήσονται*.

Но в начале Саввиной книги (стр. 4; в Ио. 15, 6): аще̄ кто̄ въ̄ мнѣ̄ не̄ прѣбѣ̄детъ̄ изврѣ̄жетъ̄ сѧ̄ въ̄нь̄ яко̄ же̄ розга̄ исъшетъ̄ и съберѣ̄тъ̄ ѧ̄ и въ̄ огонь̄ вѣлагаѣ̄тъ̄ и сѣгараетъ̄, хотя в других евангельских текстах събираѣ̄тъ̄ — в соответствии с греч. наст. вр. *συνάγουσιν*.

Дальше (стр. 93), когда опять встречается тот же текст (Ио. 15, 6), сохраняется форма, производная събираѣ̄тъ̄. Совершенно то же самое происходит и с другим глаголом в том же тексте (Ио. 15, 6) только в обратном порядке.

В первый раз (стр. 4) дается глагол сѣгараетъ̄ (и въ̄ огонь̄ вѣлагаѣ̄тъ̄ и сѣгараетъ̄) — в соответствии с греч. наст. временем *καίεται* и в согласии с другими евангельскими кодексами, а второй раз (стр. 93) в том же тексте (Ио. 15, 6) дается форма сѣгорить̄ (и въ̄ огонь̄ вѣлагаѣ̄тъ̄ и сѣгорить̄).

Эти колебания и смешение форм итеративных с простыми указывает на то, что Савва различал их не по виду, а как основы определенные и неопределенные.

Совершенно ясна как будто разница между совершенным и несовершенным видом: обрѣ̄таѣ̄̄ и обрѣ̄щѣ̄̄.

Ио. 18, 38, стр. 107: азъ̄ нӣ единоп̄ же̄ вины̄ обрѣ̄таѣ̄̄. Греч. наст. вр. *εὐρίσχω*.

Лк. 2, 12, стр. 134: обрѣ̄щете̄̄ младеньцъ̄. Греч. буд. вр. *εὐρήσετε̄̄*.

Мф. 24, 46, стр. 77: е҃гоже пришѣдъ гнѣ свои обращеть тако тво-
раща. Греч. εὕρησει — буд. вр. от εὕρισκω.

Мф. 17, 27, стр. 22: и отврзи еи оуста обратиши статирь. Греч.
буд. вр. εὕρησεις. И другие примеры.

Но два примера представляют в Саввиной книге обратное:

Лк. 11, 10, стр. 52: и щамъ обращеть: в Зо҃гр., Мар., Ассем.
и Остр. обрѣтаеть. Греч. наст. вр. εὕρισχει.

Мф. 7, 8, стр. 11: и щамъ обращеть; в Зо҃гр., Остр. и Ассем.
обрѣтаеть; в Мар. обрѣтаатъ. Греч. наст. вр. εὕρισχει.

Т. е. Савва как будто предпочитает форму простую с приставкой
итеративной.

Основе совершенного вида взяти противопоставляется основа
несовершенная взимати:

Мф. 4, 6, стр. 146: и на рѣкахъ възъмѣтъ тѣл. Греч. буд. вр.
ἀρούσιν σε.

Мр. 15, 24, стр. 112: кто что възьметъ. Греч. кон. аор. τίς τί ἀρή.

Несовершенный вид представлен следующими примерами:

Лк. 12, 20: въ сиѣж ношѣ въземѣтъ дшѣ твоѣж; в Зо҃гр. истазаѣтъ;
так же в Мар., Ассем. и Остр. Греч. наст. вр. ἀπαιτοῦσιν — *взыскиваю,
требую назад*.

Мф. 17, 25, стр. 22: пре земьни отъ кого въземѣтъ дань;
в Мар. приемѣтъ; так же в Зо҃гр., Остр. и Ассем. Греч. наст. вр.
λαμβάνουσιν.

Но, однако, в ряде примеров простой форме с приставкой соответ-
ствует в греческом настоящее время:

Ио. 16, 23, стр. 97: и радости вашей никтоже не възьметъ отъ
васъ. Греч. наст. вр. οὐδεὶς ἀρει.

Лк. 8, 12, стр. 31: и възьметъ слово отъ срѣца ихъ. Греч.
наст. вр. ἀρει.

Мф. 10, 38, стр. 18: иже не възьметъ крста своего; в Зо҃гр. иже
не приѣметъ; так же в Мар. и Ассем. Греч. наст. вр. οὐ λαμβάνει.

Ио. 14, 24, стр. 92: не любѣ мене словес моихъ не съблюдетъ;
в Зо҃гр., Мар., Ассем. и Остр. — итеративная форма: не съблюдаеть.
Греч. наст. вр. οὐ τηρεῖ.

Лк. 8, 13, стр. 32: иже въ часѣ вѣроуѣтъ и въ часѣ напасти
отстѣпаетъ; в Зо҃гр., Мар., Остр., Ассем. остѣпаѣтъ в соответствии
с греч. наст. вр. ἀφίστανται.

Ио. 16, 28, стр. 98: паки оставѣлъ миръ и идѣ къ оцѣю; в Зо҃гр.
и Мар. оставѣлѣж; в Остр. оставѣлѣж. Греч. наст. вр. ἀφίημι. (в Ассем.
нет этого текста).

Мр. 9, 18, стр. 65: иже аще колиждо иметъ и разбиеть; в Зо҃гр.
разбиваетъ (Мар. разбиваатъ) — в соответствии с греч. наст. вр.
ρήσει.

Есть примеры, где глаголом с приставкой заменяется простой
глагол без приставки:

Лк. 9, 39, стр. 38: и внезапѣ възъпнетъ и прѣжаеть сѣ; в Зо҃гр.,
Мар, Ассем. и Остр. вѣпнетъ. Греч. наст. вр. κράξει.

Ис. 12, 26, стр. 122: аще кто мнѣ послоужитъ по мнѣ да ходитъ;
в Зо҃гр., Мар., Ассем. и Остр. аще мнѣ кто слоужитъ. В греч. накл.
наст. вр. конъюнкт. διακονῆ.

Ио. 14, 17, стр. 1: како не видѣтъ сего и не разоумѣтъ его; в Зо҃гр.
Мар., Ассем. и Остр. ни знаетъ его. Греч. наст. вр. γινώσκει.

Мр. 10, 33, стр. 67: ꙗко се възидемъ въ иерлмъ; в Зогр., Мар., Остр. и Ассем. се възходимъ — в соответствии с греч. наст. временем, ἀναβαίνομεν.

В Саввиной книге встречается глагол ходити с приставками, но, вероятно, для писца форма взидемъ имела значение конкретного настоящего, а възходимъ — значение действия вообще и не подходила для данного случая.

Из этих примеров видно, что настоящее время производных глаголов с приставками прежде всего означало настоящее время, хотя могло употребляться и в значении будущего.

Однако есть примеры, которые представляют, как будто, обратное явление, т. е. будущее время в греческом оригинале — в соответствии с настоящим временем глаголов совершенных и евангельских кодексах, а в Саввиной книге настоящее время производных итеративных глаголов. Правда, таких примеров немного.

Ио. 16, 32, стр. 5: а мене единого оставѣете; в Зогр., Мар., Ассем. и Остр. оставите. Греч. кон. аор. ἀφήτε.

Мф. 26, 52, стр. 86: вси бо приимъшеи ножъ ножмъ погыбаѣтъ; в Зогр., Мар., Ассем. и Остр. погыбнѣтъ. Греч. буд. вр. ἀπολοῦνται.

Лк. 14, 11, стр. 47: ꙗко всакъ възносѣ сѧ смѣраетъ сѧ и смѣралѣ сѧ възноситъ сѧ; в Зогр., Мар., Ассем. и Остр. смѣрѣтъ сѧ и възнесетъ сѧ. Греч. буд. вр. (пассивное) ταπεινώθησεται и ὑψωθήσεται.

Такой же почти пример и в Лк. 18, 14, стр. 50: ꙗко възносѣ сѧ смѣрѣетъ сѧ, а смѣрѣалѣ сѧ възноситъ сѧ; в Зогр., Мар., Ассем. и Остр. смѣрѣтъ сѧ и възнесетъ сѧ. В греческом те же формы будущего пассивного.

Эту замену Саввой простых форм производными можно объяснить только тем, что настоящей время простых глаголов с приставками было для него конкретным настоящим временем, а настоящее время производных глаголов имело значение вневременное, общее.

В приведенных примерах замена простой формы производной объясняется смыслом, так как эта замена происходит в изречениях общего характера, означающих истины, относящиеся ко всякому времени. Один пример как бы противоречит вышесказанному:

Лк. 2, 29, стр. 136: нынѣ отъпоущаеши раба твоего, влоко; в Зогр. поустиши; в Мар., Ассем. и Остр. отпустиши. Греч. наст. вр. ἀπολύεις.

Здесь, как будто писец исправил текст в точном соответствии с греческим настоящим временем и с сознанием, что форма отпустиши и поустиши в данном случае не подходит. Но является ли эта форма действительным исправлением писца Саввиной книги, а не формой того глаголического оригинала, с которого списывал Савва?

Все исправления Саввы отличаются именно отступлением от установленного принятого текста евангельского, и они остаются только принадлежностью этой рукописи, дальше они не проникли, их нельзя встретить в современном церковнославянском тексте евангелия русской редакции, но как раз это место в современном тексте дается именно так, как в Саввиной книге, а не как в Остромирове евангелии: отпѣщаеши, а не отпѣстиши, что показывает на его всеобщее распространение, на его установленность.

Четыре примера представляют замену простой формы производной формой с приставкой, не меняющей вид глагола:

Мф. 17, 15, стр. 23: множицеѣ въпадаеть въ огонь; в Мар. падаетъ; так же в Ассем. и Остр. Греч. наст. вр. πίπτει.

Лк. 15, 17, стр. 53: азъ же съде^с гладомъ изгыбаѣ; в Зоґр.. Ассем., и Мар. гыблѣѣ; в Остр. гыбнѣ. Греч. ἀπόλλυμαι.

По мнению Погорелова, эта форма заменена формой с приставкой **из** по аналогии с первой частью стиха, где стоит избываѣтъ.¹

Ио. 7, 51, стр. 8: еда законъ нашъ осѣждаетъ члка; в Зоґр., Мар., Остр. и Ассем. сѣдитъ.

Мф. 9, 4, стр. 17: вскѣѣ помышлѣете; в Зоґр. и Мар. мыслите, но в Ассем. и Остр. так же, как Савв. кн.

Вместо глагола съвѣдѣтельствовати и възвѣстити Саввина книга употребляет глагол повѣмъ и повѣдаѣ, причем формы этого глагола употребляет безразлично для перевода греческого настоящего и будущего. Например:

Мф. 27, 13, стр. 109: не слышиши ли колико на та повѣдаѣтъ, вместо съвѣдѣтельствуѣтъ. Греч. наст. вр. μαρτυροῦσιν.

Ио. 16, 25, стр. 98: нъ не обинуа са ѿ оци повѣдѣ вамъ. Греч. буд. вр. ἀπαγγελεῖ. В Зоґр. възвѣштѣѣ; так же в Мар. и Остр.; в Ассем. възвѣштаѣ.

Ио. 18, 37, стр. 106: и на се приде въ миръ да повѣдаѣ истинѣ; в Зоґр. да съвѣдѣтельствуѣѣ; так же в Мар. и Ассем.; Остр. по-слуошествоуѣѣ. Греч. кон. аор. ἵνα μαρτυρήσω.

Ио. 16, 14, стр. 106: яко отъ моего приимъ и повѣсть вамъ; в Зоґр. възвѣстити; так же в Мар. и Остр. Греч. буд. вр. ἀναγγελεῖ.

Ио. 15, 26—27, стр. 96: ть повѣдаеть о мнѣ и вы же повѣдаите; в Зоґр. съвѣдѣтельствууетъ... вы же съвѣдѣтельствуите; так же в Мар., Ассем. и Остр. Греч. буд. вр. μαρτυρήσαι, и наст. μαρτυρεῖτε.

Во многих примерах в Саввиной книге форма настоящего времени простых глаголов с приставкой на месте аориста других евангельских кодексов, в соответствии с греческим прошедшим временем. Например:

Лк. 17, 19, стр. 46 и Мф. 9, 22, стр. 17: вѣра твоя спеть тя. В греч. перфект εἰσῶκεν σε. В Зоґр., Мар., Ассем. и Остр. ев. — аорист спеть та.

Ио. 17, 10, стр. 3: и прославлѣ са о нихъ, вместо прославихъ са въ нихъ (Мар., Зоґр., Остр., Ассем.) — аорист. Греч. перф. δεδόξαμαι.

Ио. 3, 13, стр. 121: никтоже възидеть на нбо. Греч. перф. ἀναβέβηκεν. Остр., Мар., Ассем. — аорист възиде.

Ио. 15, 18, стр. 94: яко мене прѣждъ васъ възненавидатъ. Греч. перф. μεμίσηκεν. в Зоґр., Мар., Ассем. и Остр. — аорист възненавидѣ.

Лк. 18, 14, стр. 50: изидеть оправданъ въ домъ своѣ. Греч. — аорист κατέβη. В Зоґр., Мар., Ассем. и Остр. — аорист съниде.

Ио. 16, 21, стр. 97: жена егда раждаетъ печаль иматъ, яко придетъ година. Греч. — аорист ἦλθεν. В Зоґр., Мар. и Остр. — аорист. приде.

Лк. 13, 19, стр. 44: подобно есть црство нбское зрюноу горуюшеу еже възметъ члкъ и вѣвржетъ. Греч. причастие наст. вр. и аорист ἐν λαβῶν ἀνθρώπου ἔβαλεν. В соответствии с греческим текстом в Зоґр., Мар., Ассем. и Остр. юже приимъ (Остр.), приемъ (Зоґр.) члкъ вѣврже — аорист.

¹ В. Погорелов. Ук. соч., стр. 40.

Как объяснить эти разночтения? По мнению Погорелова, в говоре писца Саввиной книги в 3-м лице глаголов настоящего времени не было **т**, но писец, владея хорошо литературным языком, знал, что **т** нужно писать в глаголах, и он употребляет его там, где не следует, так что у него вместо аориста получают формы настоящего — будущего времени.¹ Но, с другой стороны, по-моему, обращает на себя внимание то, что из восьми примеров пять представляют перевод греческого перфекта. Мы знаем случаи, когда греческий перфект получал значение настоящего времени. Например:

Лк. 8, 20, стр. 35: **внѣ** **стоать** — переводит греч. перфект *ἑστῆκασιν*.

Мф. 8, 6, стр. 15: **отрокъ** **ми** **лежитъ**. Греч. перфект *βέβληται*.

Лк. 16, 25, стр. 33: **а ты** **страждеши**. Греч. перфект *ἄδυνασαι*.²

Возможно, что писец Саввиной книги именно в значении настоящего времени и употребил эти формы, исправляя по-своему текст. Значит, формы настоящего времени простых глаголов с приставками имели для него прежде всего значение настоящего времени. Это видно по легкости, с какой он заменяет производные итеративные формы простыми формами с приставками или, наоборот, простые формы с приставками — формами производными.

II. ФОРМЫ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ БЕЗ ПРИСТАВОК

Формы настоящего времени простых глаголов без приставок в старославянских памятниках в большинстве своем означают настоящее время в точном соответствии с греческим настоящим или с греческим наклонением настоящего времени. Например:

Ио. 18, 23, стр. 103: **что** **ма** **биеш**. Греч. наст. вр. *δέρεις*.

Лк. 18, 4, стр. 49: **аще** **и** **ба** **не** **бои** **са**. Греч. перф. *οὐ φοβοῦμαι*.

Ио. 11, 6, стр. 68: **егда** **же** **оуслыша** **яко** **болитъ**. Греч. наст. вр. *ἀσθενεῖ*.

Ио. 10, 13, стр. 119: **и** **наимъникъ** **бѣжитъ**. Греч. наст. вр. *φεύγει*.

Лк. 2, 10: **се** **бо** **благовѣстоуи** **вамъ** **радость**. Греч. наст. вр. *εὐαγγελίζονται*.

Лк. 1, 46, стр. 118: **величитъ** **дша** **моѣ** **га**. Греч. наст. вр. *μεγαλύνει*.

Мф. 6, 32, стр. 14: **вѣсть** **бо** **оцъ** **вашъ** **нбскы** **яко** **трьбоуете** **всѣхъ** **сихъ**. Греч. наст. вр. *οἶδε... χρεῖζετε*.

Лк. 8, 45, стр. 35: **народи** **оуриваѣтъ** **та** **и** **гнетѣтъ**. Греч. наст. вр. *ἀποθλίβουσιν*.

Мф. 5, 45, стр. 9: **и** **дѣждитъ** **на** **правдыны**. Греч. наст. вр. *βρέχει*.

Ио. 14, 19, стр. 91: **яко** **азъ** **живѣ**. Греч. наст. вр. *ζῶ*.

Мф. 6, 26, стр. 13: **ни** **жънѣтъ**. Греч. наст. вр. *οὐδέ θερῖζουσιν*.

Ио. 14, 17, стр. 91: **вы** **же** **знаете** **и**. Греч. наст. вр. *γινώσκετε*.

Мф. 27, 47, стр. 113: **яко** **Или** **зветъ**; **в** **Ассем.** **глашаетъ**. Греч. наст. вр. *φωνεῖ*.

Мр. 1, 37, стр. 61: **вси** **ищѣтъ** **тебе**; **в** **Ассем.** **искѣтъ**. Греч. наст. вр. *ζητοῦσίν σε*.

Лк. 17, 4, стр. 48: **гла** **каѣ** **са**. Греч. наст. вр. *μετανοῶ*.

Лк. 2, 34, стр. 136: **се** **лежитъ** **съ** **на** **паданне**. Греч. наст. вр. *καίται*.

Ио. 16, 27, стр. 98: **самъ** **бо** **оцъ** **любитъ** **вы**. Греч. наст. вр. *φιλεῖ*.

Ио. 17, 9, стр. 2: **азъ** **о** **сихъ** **моѣ** **та**. Греч. наст. вр. *ἔρωτῶ*.

¹ В. Погорелов. Ук. соч., стр. 104.

² См. Brugmann. Griechische Grammatik, 3-te Aufl., s. 494.

Мф. 24, 48, стр. 77: моудить мої гнѣ прити; в Мар. къснить.
Греч. наст. вр. *χρονίζεις*.

Лк. 7, 43, стр. 124: непыщюж. Греч. наст. вр. *ὑπολαμβάνω*.

Мф. 11, 12, стр. 147: црство нбское нудить сѧ. Греч. наст. вр. *βιάζεται*.

Мф. 6, 26, стр. 13: и оцѣ вашѣ нбскы питаетъ ѧ. Греч. наст. вр. *τρέφει*.

Лк. 18, 12, стр. 50: пощж сѧ в краты въ сѧботж; в Остр. ал'Ѹл.
Греч. наст. вр. *νηστεύω*.

Лк. 9, 39, стр. 38: и пржжаетъ сѧ. Греч. наст. вр. *σπαράσσει*.

Ио. 11, 15, стр. 69: и радуиѣ сѧ васъ ради. Греч. наст. вр. *χαίρω*.

Мф. 6, 28, стр. 13: како растжтъ. Греч. наст. вр. *πῶς αὐξάνει*.

Мф. 5, 45, стр. 9: яко слынце свое сияеть. Греч. наст. вр. *ἀνατέλλει*.

Лк. 8, 52, стр. 36: нѣсть бо оумрѣла дѣвица нѣ съпитъ. Греч. наст. вр. *καθεύδει*.

Небольшое число простых, бесприваговных глаголов в евангельских кодексах и в Саввиной книге, где она не расходится с другими памятниками, означают будущее, им в греческом оригинале также соответствует будущее время или конъюнктив аориста, а в славянских текстах противопоставляются производные, итеративные основы. Например, глагол дамъ и производный дажъ:

Ио. 14, 27, стр. 92: миръ мой дамъ вамъ. Греч. наст. вр. *δίδωμι*.

Лк. 21, 15, стр. 125: азъ бо дамъ вамъ оуста. Греч. буд. вр. *δώσω*.

Ио. 14, 27, стр. 92: не якоже миръ даетъ азъ дамъ вамъ. *Ὁὐ καθὼς ὁ κόσμος δίδωσι ἐγὼ δίδωμι*.

Ио. 16, 23, стр. 97: аще чесо просите оу оца дасть вамъ. Греч. буд. вр. *δώσει*.

Лк. 6, 34, стр. 31: ибо и грѣшници грѣшникомъ въ заимъ дамъ. Греч. наст. вр. *ἀνιζουσιν*.

Мф. 24, 24, стр. 75: встанжтъ бо лжи хї..., и дадатъ. Греч. буд. вр. *δώσουσιν*.

Мф. 7, 7, стр. 11: просите и дасть сѧ вамъ. Греч. буд. пасс. *θήσεται*.

Ио. 13, 34, стр. 89: заповѣдь новж дамъ вамъ. Греч. наст. вр. *δίδωμι*.

Мф. 4, 9, стр. 146: вса си тебѣ дамъ. Греч. буд. вр. *δώσω*.

Лк. 1, 32, стр. 48: и дасть емоу гѣ бѣ прѣстоль дѧ. Греч. буд. вр. *δώσει*.

Лк. 18, 12, стр. 50: десатинж дамъ. Греч. наст. вр. *ἀποδεχάτε'ω*.

Мф. 8, 37, стр. 64: что бо дасть члкъ измѣнж на дшї своєї.
Греч. буд. вр. *δώσει*.

Лк. 11, 13, стр. 2: оцѣ вашѣ нбсны дасть дхъ благъ. Греч. буд. вр. *δώσει*.

Так же ясно противопоставляются основы родить и раждаетъ:

Ио. 16, 21, стр. 97: жена егда раждаетъ печаль имать. Греч. наст. вр. *ὅταν τίγῃ*, и егда родить отрочѧ. Греч. буд. вр. *ὅταν δὲ γεννήσῃ*.

Мф. 11, 4, стр. 137: кѣде хс раждаетъ сѧ. Греч. наст. вр. *γεννᾶται*.

Мф. 1, 19, стр. 133: Родить же снѣ. Греч. буд. вр. *τέξεται*.

Мф. 1, 23, стр. 133: се дѣва приметъ въ чрѣвѣ и родить снѣ.
Греч. буд. вр. *τέξεται*.

Противопоставляются основы явить сѧ и явѣть сѧ:

Ио. 14, 21, стр. 92, 2: и явлѣ сѧ емоу самѣ. Греч. буд. вр. ἐμφανίσω.

Лк. 8, 17, стр. 34: нѣсть бо таїно еже не явить сѧ. Греч. кон. аор. εἰς φανερόν ἔλθῃ.

Мф. 24, 30, стр. 72: и тогда явить сѧ знамение. Греч. буд. вр. φανήσεται.

Мф. 24, 27, стр. 72: якоже бо мѣни исходить и явлѣть сѧ. Греч. наст. вр. φαίνεται.

Так же различаются основы емлетъ и иметь.

Лк. 9, 39, стр. 38: и се дхъ емлетъ. Греч. наст. вр. λαμβάνει.

Мр. 9, 18, стр. 65: иже аще колиждо иметь. Греч. кон. аор. ὅπου ἔαν αὐτόν καταλάβῃ.

Другая группа глаголов не имеет противопоставленных им итеративных основ, но в греческом оригинале им соответствует будущее время. В позднейшее время эти глаголы получили приставки и стали глаголами совершенного вида.

Лк. 1, 48, стр. 118: се бо отъсельъ блажать ма вси роди. Греч. буд. вр. μακαριοῦσιν.

В современном церковнославянском евангелии русской редакции — ублажать.

Лк. 21, 26, стр. 55: силы бо нбсныѧ двигнѣтъ сѧ. Греч. буд. вр. σαλευθήσονται.

Зогр., Ассем. и Остр. так же, но в Мар. ев. форма с приставкой — подвигнѣтъ сѧ. В современном церковнославянском тексте также подвигнутсѧ.

То же самое и в Мар. 24, 29, стр. 76: и силы нбсныѧ двигнѣтъ сѧ. В греч. будущее та же форма. В Зогр., Мар., Ассем. и Остр., как в Саввиной книге. В современном тексте — подвигнутсѧ.

Мф. 24, 29, стр. 76: слънце мръкнетъ. В греч. буд. σκοτισθήσεται, а в современном евангельском тексте — померкнетъ.

Мф. 11, 28, стр. 131: придѣте къ мнѣ... азъ вы покоѣж. Греч. буд. ἀναπαύσω.

В современном церковнославянском тексте упокою.

В трех следующих примерах представлены глаголы, которые в русском и болгарском языках являются глаголами совершенного вида, в греческом им соответствует будущее время и конъюнктив аориста. Возможно, что и в старославянских памятниках они имели значение совершенного вида.

Мф. 25, 9, стр. 78: еда како не достанетъ намъ и вамъ. Греч. кон. аор. οὐ μὴ ἀρκέσῃ.

В русском глагол совершенного вида *достать* — *достану*. В болгарском тот же глагол, но с другими приставками — *застана*, *настана* — совершенного вида.

Мф. 25, 32, стр. 55: тогда сѣдетъ на прѣстолѣ славы своеѧ. Греч. буд. вр. καθίσει.

Мф. 19, 28, стр. 10: егда сѣдетъ снѣ члкъ на прѣстолѣ славы своеѧ сѣдете и вы. Греч. кон. аор. ὅταν καθίσῃ и буд. вр. καθήσεται.

В современном русском языке глагол совершенного вида — *сестъ* — *сяду*. В болгарском новообразование — *седна*.

Мф. 19, 9, стр. 24: иже аще поуститъ женѣ своѣж. в греч. кон. аор. ἂν ἀπολύσῃ; так же в Мар., Ассем. и Остр., но в Зогр. — отпоуститъ.

Ио. 19, 12, стр. 108: аще сего пустиши нѣси другъ кесареви. Греч. кон. аор. ἀπολύσῃς.

В русском языке глагол *пустить* — совершенного вида. В болгарском языке — новообразование *пусна*.

Затем группа глаголов представляет в соответствии с греческим будущим или конъюнктивом аориста формы настоящего времени без приставок, которые в более поздний период развития славянских языков получили значение несовершенного вида. В современном церковнославянском языке эти глаголы сохраняют свои формы и означают настоящее время, употребленное в смысле будущего.

Следует предположить, что во время создания славянского перевода евангелия они еще не различались по видам. Например:

Лк. 10, 19, стр. 41: и ничтоже васъ не врѣдитъ. Греч. буд. вр. οὐ μὴ ἀδικήσῃς; то же и на стр. 127.

Глагол *врѣдитъ* в русском языке — несовершенного вида, так же как и в болгарском языке глагол *врѣдя* — несовершенный.

Мф. 26, 48, стр. 86: прѣдалі же дасть имъ знамение глаголюще любѣжъ то есть. Греч. буд. вр. φιλῆσω.

В Саввиной книге есть форма действительного причастия от глагола лобызати — лобызатища (Лк. 7, 45), но других форм не встречается: значит, думать, что было ясное противопоставление лобызати и лобызати нельзя, тем более, что в русском языке *лобзати* и *лобызати* — архаические глаголы, не различающиеся по виду.

Ио. 21, 18, стр. 6: и инъ тѣ погашеть и ведеть тѣмо же не хощещи. Греч. буд. вр. ζώσῃς καὶ οἴσῃς.

Глагол *погашать* не употребляется ни в современном русском языке, ни в болгарском.

Глагол *вести* и в русском и в болгарском языке — несовершенного вида, хотя в болгарском языке не употребляется без приставок.

Мф. 7, 2, стр. 11: о немъже сѣдѣ сѣдите сѣдѣти сѣдѣти сѣ вамъ. В греч. κριθῆσεσθε — буд. вр. *Судить* — русское и *сѣдя* — болгарское несовершенного вида.

Мф. 5, 47, стр. 9: и аще и цѣлоуете другы ваша. Греч. кон. аор. ἐὰν ἀσπάσῃσθε.

Глагол *целовать* — несовершенного вида, так же как и болгарское *целувам*.

Настоящее время некоторых глаголов употребляется как для перевода греческого настоящего времени, так и для перевода будущего и конъюнктива аориста. Таков, например, глагол *трьпѣти*.

Один пример представляет перевод греческого настоящего:

Лк. 18, 7, стр. 49: и тръпѣти по нимъ. Греч. наст. вр. μακροθυμεῖ.

Три примера с этим глаголом являются переводом греческого будущего;

Мф. 17, 17, стр. 23: доколѣ тръпѣти вы. Греч. буд. вр. ἀνέξομαι.

Лк. 9, 41, стр. 38: доколѣ бѣдѣ съ вами и тръпѣти. Греч. буд. вр. ἀνέξομαι.

Мр. 9, 19, стр. 65: доколѣ тръпѣти вы. Греч. буд. вр. ἀνέξομαι.

Формы настоящего времени глагола *ѣсти* переводят греческое настоящее, будущее и конъюнктив аориста.

Мф. 9, 11, стр. 16: оучитель вашъ ясть. Греч. наст. вр. ἐσθίει.

Мф. 15, 27, стр. 51: ибо и пси ядѣтъ отъ кроулицъ. Греч. наст. вр. ἐσθίει.

Мр. 2, 16, стр. 66: что се яко съ мытары . . . ясть. Греч. наст. вр. ἐσθίει.

Лк. 17, 8, стр. 49: и потомъ яси и пиеси ты. Греч. буд. вр. φαγέσαι.

Лк. 17, 8, стр. 49: и прѣпоясавъ сѧ слоужить ми донелѣже ямь и пиѣхъ. Греч. кон. аор. εἰς φάγω.

Мф. 6, 25, стр. 13: не пьѣйте сѧ дшеѣхъ своеѣхъ что ясте. Греч. кон. аор. τί φαγήτε.

То же самое представляют и формы настоящего времени от глагола пити.

Мр. 2, 16, стр. 66: что се яко съ мытары ясть и пиеть. Греч. наст. вр. πίνει.

Мр. 10, 38, стр. 67: можета ли пити чашѣхъ ѣже азъ пиѣхъ. Греч. наст. время ὃ ἐγὼ πίνω.

Мр. 10, 39, стр. 67: чашѣхъ же оубо ѣже азъ пиѣхъ испieta. Греч. наст. вр. πίνω.

Ио. 7, 37, стр. 7: аще кто жаждеть да придетъ къ мнѣ и пиеть. Греч. повел. накл. наст. врем. πινέτω.

Один пример является переводом настоящего времени, употребленного в значении будущего:

Мф. 26, 29, стр. 84: яко не имамъ юже пити до того дне егда и пиѣхъ съ вами. Греч. οὐ μὴ πίνω . . . αὐτό πίνω.

В главном предложении в греческом конъюнктив аориста, а в придаточном — настоящее время, которое нужно понимать в значении будущего. Такое употребление настоящего в значении будущего часто встречается в греческом языке, чтобы особенно подчеркнуть длительный вид этого действия.¹

В славянском тексте будущее передается формой описательной в главном предложении, при сохранении настоящего времени со значением будущего в придаточном.

Наконец, несколько примеров с глаголом пити представляют перевод греческого аористического вида или будущего времени:

Мф. 26, 42, стр. 85: аще не възможно есть чаши сѣи мимонти от мене аще не пиѣхъ ел. Греч. кон. аор. εἴην μὴ αὐτο πίνω.

Мф. 6, 25, стр. 13: не пьѣйте сѧ дшеѣхъ своеѣхъ что ясте ни что пиете. Греч. кон. аор. ἢ τι πίητε.

Лк. 17, 8, стр. 49: и прѣпоясавъ сѧ слоужить ми донелѣже ямь и пиѣхъ. Греч. кон. аор. ὡς . . . πίνω. Там же: и потомъ яси и пиеси ты. Греч. буд. вр. πίεσαι.

Такое смешанное употребление этих глаголов в значении настоящего и будущего времени указывает на то, что они еще не различались по видам, а были основами определенного действия.

Следующая многочисленная группа глаголов состоит из так называемых глаголов говорения, мышления и чувства (verba dicendi, sentiendi, putandi et cogitandi), а также и глаголов движения, которые, как известно, дольше других глаголов сохраняли свою неопределенность по виду, поэтому они встречаются в соответствии как с греческим настоящим, так и с греческим будущим или с конъюнктивом аориста, имеющим значение совершенного вида.

¹ Brugmann. Op. cit., S. 499.

Глагол видѣти — несовершенный в русском языке, в болгарском может быть и совершенного и несовершенного вида, но чаще встречается как глагол совершенного вида.

Примеры с видѣти представляют перевод греческого настоящего, употребленного в некоторых случаях в значении будущего:

Ио. 16, 16, стр. 96: и к тому не видите мене. Греч. наст. вр. οὐχέτι θεωρεῖτε με.

Ио. 14, 19, стр. 91 и 2: еще мало и миръ не видитъ мене. Вы же видите мѧ. Греч. наст. вр. θεωρεῖ, θεωρεῖτε.

Ио. 14, 17, стр. 91: яко не видитъ его. Греч. наст. вр. οὐ θεωρεῖ.

Ио. 11, 9, стр. 68: яко свѣтъ мира сего видитъ. Греч. наст. вр. βλέπει.

Ио. 10, 12, стр. 119: видитъ влъка. Греч. наст. вр. θεωρεῖ.

Лк. 7, 44, стр. 125: видиши ли сиѡ женѡ. Греч. наст. вр. βλέπεις.

Мф. 24, 6, стр. 74: и оуслышания брани видите. Греч. наст. вр. ὁράετε. в значении будущего.

В двух примерах встречаем конъюнктив аориста, который означал совершенный вид. Перевод этих форм глаголом видѣти ясно показывает его неопределенное по виду положение.

Лк. 2, 15, стр. 134: и видимъ глѡ си бывъши. Греч. кон. аор. ἴδωμεν.

Мр. 9, 1, стр. 64: иже не имѡтъ вькоусити сѡмръти доньдеже видать. Греч. кон. аор. ἴδωσιν.

Интересно, что в Остр. и Ассем. ев. употреблен глагол оузърѧтъ, т. е. глагол совершенного вида.

Глагол слышати в трех примерах представляет перевод греческого настоящего времени:

Мф. 27, 13, стр. 109: не слышиши ли колико на тя повѣдаѡтъ... Греч. наст. вр. οὐκ ἀκούεις.

Мф. 21, 16, стр. 72: слышиши ли что си глѡтъ. Греч. наст. вр. ἀκούεις.

Мф. 7, 24, стр. 12: иже слышитъ ми словеса. Греч. наст. вр. ἀκούει.

В одном примере переводится конъюнктив аориста: ἐάν μὴ ἀκούσῃ, что опять показывает неопределенность глагола по виду, если он может быть употреблен как в значении настоящего, так и в значении будущего.

Ио. 7, 51, стр. 8: еда законъ нашъ осѡждаетъ члка яще не слышитъ от него прѣжде.

Глагол мьнѣти представен в формах настоящего времени, соответствующих греческому настоящему времени.

Мф. 6, 7, стр. 58: яко и азъчници мьнать бо сѧ. Греч. наст. вр. δοχοῦσιν γάρ.

Мф. 17, 25, стр. 22: что ти сѧ мьнить. Греч. наст. вр. τί σοι δοχεῖ.

Мф. 24, 44, стр. 77: яко вьньже не мьните часъ снѡ члскѡи придеъ. Греч. наст. вр. οὐ δοχεῖτε.

Мф. 26, 53, стр. 86: или мьнить ти сѧ яко не могѡ. Греч. наст. вр. ἢ δοχεῖς.

Лк. 17, 9, стр. 49: еда иматъ хвалѡ рабоу томоу... не мьнѧ. Греч. наст. вр. οὐ δοκῶ.

В одном примере перевод греческого конъюнктива аориста:

Ио. 16, 2, 95, стр. 4: всакъ оубивы васъ мьнить сѧ слоужьбѡ приносити боу. Греч. δοξῆ — кон. аор. от δοκῶ.

Этот один пример уже подтверждает, что глагол мнѣти, если и употреблялся в значении настоящего времени, но мог быть употреблен и в значении будущего времени.

Так же и формы настоящего времени глагола вѣровати во всех евангельских текстах соответствуют настоящему времени в греческом, но один пример переводит греческий конъюнктив аориста.

Мф. 9, 28, стр. 19: и гла има ис вѣроуета ли? Греч. наст. вр. πιστεύετε.

Ио. 1, 51, стр. 61: зане рѣхъ яко видѣхъ та... вѣроуеши. Греч. наст. вр. πιστεύεις.

Ио. 14, 10, стр. 91: не вѣроуеши ли яко азъ въ ѡци. Греч. наст. вр. οὐ πιστεύεις.

Ио. 16, 31, стр. 98: нынѣ ли вѣроуете. Греч. наст. вр. πιστεύετε.

Ио. 16, 9, стр. 96: о грѣсѣ оубо яко не вѣроуѣтъ въ мѧ. Греч. наст. вр. οὐ πιστεύουσιν.

Ио. 16, 30, стр. 98: о семь вѣроуемъ яко от ба ишълъ еси. Греч. наст. вр. πιστεύομεν.

Один пример с конъюнктивом аориста:

Мф. 11, 40, стр. 70: не рѣхъ ли ти аще вѣроуеши оузъриши. ἐὰν πιστεύσῃς.

Можно подумать, если не принимать во внимание последний пример, что глагол вѣровати — несовершенного вида, так как ему как будто противопоставляется описательная форма вѣрѣ имѣ совершенного вида, которая соответствует форме греческого будущего времени.

Лк. 16, 11, стр. 48: въ истиннѣмъ кѣто вамъ вѣрѣ иметь. Греч. буд. вр. πιστεύσει.

Лк. 16, 31, стр. 34: и аще кто отъ мрътвыхъ въскръснетъ не имѣтъ вѣры. Греч. буд. вр. πισθῆσονται.

Ио. 14, 29, стр. 3: да егда бѣдетъ вѣрѣ ми иметь. Греч. кон. аор. πιστεύσῃτε.

Но наряду с этими переводами встречаются и переводы той же формой и греческого настоящего:

Ио. 11, 26, стр. 70: имеши ли вѣрѣ семоу. Греч. наст. вр. πιστεύεις.

Или Ио. 17, 21, стр. 100: да миръ вѣрѣ иметь. Греч. кон. наст. вр. ἵνα ὁ κόσμος πιστεύῃ.

Следовательно, не может быть речи о противопоставлении этих двух форм по виду, и глагол вѣровати, вероятно, еще не различался по виду.

Глагол рекѣ, в противоположность глаголати, как будто имеет ясно выраженный совершенный вид, по крайней мере глагол река — в современном болгарском языке совершенного вида.

Почти все примеры переводят или греческий конъюнктив, аориста от аористической формы εἶπον, или будущее время от этого глагола.

Например:

Мф. 2, 13, стр. 139: и бѣди тоу доньдеже ти рекѣ. Греч. ἐως ἄν εἶπω.

Мф. 5, 11, стр. 119: и ижденѣтъ вы и рекѣтъ. Греч. εἰπωσιν.

Мф. 21, 3, стр. 71: и аще речеть кто вама. Греч. εἶπη.

Мф. 24, 26, стр. 76: аще рекѣтъ вамъ. Греч. εἰπωσιν.

Лк. 17, 8, стр. 49: или не речеть оуготоваѣ. Греч. буд. ἐρεῖ

Лк. 13, 25, стр. 45: и отвѣщавъ гъ речеть. Греч. буд. ἐρεῖ.

Есть пример, где греческое настоящее время λέγουσιν переведено аористом от глагола речи.

Мф. 20, 33, стр. 26: она же рѣста емоу.

В современном церковнославянском тексте евангелия — глаголаста.

Есть форма причастия настоящего времени от глагола рещи:

Мф. 4, 18, стр. 11: Симона рекомаго Петра. Греч. прич. наст. вр. λεγόμενον.

В современном евангелии — глаголемаго.

Мф. 27, 33, стр. 112: на мѣсто рекомое Гольгофа Греч. прич. наст. вр. λεγόμενον.

В современном евангелии — нарицаемое.

Глаголати обычно соответствует греческим глаголам в настоящем времени, но иногда — греческому будущему времени.

Ио. 16, 25, стр. 5: егда оуже въ притѣчахъ не глѣхъ вамъ. Греч. буд. вр. λαλήσω.

Ио. 14, 30, стр. 3: юже не много глѣхъ съ вами. Греч. λαλήσω.

Таким образом, нельзя говорить о противопоставлении двух основ — совершенной рещи и несовершенной глаголати.

Глаголы движения. Глагол градѣхъ, хотя и встречается несколько раз в Саввиной книге, но чаще он заменяется глаголом ити (как и в Остр. ев., по наблюдению Погорелова).¹

Во всех случаях употребления глагола градѣхъ он переводит греческое настоящее время, несмотря на значение будущего.

Мф. 12, 32, стр. 19: не отъдасть сѧ емоу ни въ сѣ вѣкъ ни въ градѣщій, т. е. будущий. Греч. наст. вр. ἐν τῷ μέλλοντι.

Ио. 14, 12, стр. 1: яко азъ къ оцю градѣхъ. Греч. наст. вр. πορεύομαι.

Ио. 14, 30, стр. 3: градеть бо сего мира къназь. Греч. наст. вр. ἔρχεται.

Ио. 16, 32, стр. 5: се градеть Уасъ. Греч. наст. вр. ἔρχεται.

Ио. 11, 20, стр. 69: Марта же егда оуслыша яко Іс градеть. Греч. наст. вр. ἔρχεται.

Мр. 1, 7, стр. 142: градеть крѣпли мене. Греч. наст. вр. ἔρχεται.

Ио. 12, 15, стр. 73: се црѣ твоі градеть. Греч. наст. вр. ἔρχεται.

Мф. 25, 6, стр. 78: се женихъ градеть. Греч. наст. вр. ἔρχεται.

В других случаях в Саввиной книге глагол ити — на месте градѣхъ других евангельских текстов, также со значением настоящего времени.

Ио. 14, 12, стр. 91: яко азъ къ оцю идѣхъ; в Зогр., Мар., Ассем. и Остр. градѣхъ. Греч. наст. вр. πορεύομαι.

Мф. 3, 14, стр. 145: али ты къ мнѣ идиши; в Зогр., Мар., Остр. и Ассем. градеша. Греч. наст. вр. ἔρχη.

Мф. 10, 35, стр. 18: и в слѣдъ мене идеть; в Зогр. и Мар. градеть; Ассем. и Остр., как Савв. кн. Греч. наст. вр. ἀκολουθεῖ.

Мф. 21, 5, стр. 71: се црѣ твоі идеть тебѣ кротъкъ; в Зогр., Мар. и Ассем. градеть; в Остр., как в Савв. кн. Греч. наст. вр. ἔρχεται.

Лк. 3, 16, стр. 144: идеть же крѣпли мене; в Зогр., Мар., Ассем. и Остр. градеть.

Ио. 1, 30, стр. 145: по мнѣ идеть мѣжъ; в Зогр., Мар. и Ассем. градеть; Остр., как Савв. кн. Греч. ἔρχεται.

Ио. 12, 12, стр. 733: народъ много слышаша яко Іс идеть; в Зогр., Мар., Ассем. градеть; в Остр., как Савв. кн. Греч. ἔρχεται.

Ио. 16, 32, стр. 98: се идеть година; в Зогр., Мар., Ассем. и Остр. градеть.

¹ В. Погорелов. Ук. соч., стр. 31.

Глагол ити в Саввиной книге, а также и в древних евангельских кодексах является на месте настоящего времени греческих глаголов: *ἔρχομαι*, *πορεύομαι*, *ὑπάγω*, *ἀκολουθῶ*, которые употребляются в большинстве случаев в значении будущего.

Мф. 26, 24, стр. 83: снѣ же члскъ идетъ якоже писано о немъ. Греч. наст. вр. *ὑπάγει*.

Мф. 10, 35, стр. 67: и прѣдъ нимъ идете; в Зоґр. идосте; Остр. идѣасте; Ассем. и Мар., как Савв. кн. Греч. *προσπορεύονται*.

Лк. 7, 8, стр. 33: глѣк семоу иди идетъ. Греч. наст. вр. *πορεύεται*.

Ио. 11, 8, стр. 68: пакы ли идиши тамо. Греч. наст. вр. *ὑπάγεις*.

Ио. 11, 11, стр. 69: нѣ идѣ да възбоуждѣ. Греч. наст. вр. *πορεύομαι*.

Ио. 11, 31, стр. 70: яко идетъ на гробъ плакать сл. Греч. наст. вр. *ὑπάγει*.

Ио. 14, 4, стр. 90: и якоже азъ идѣ вѣсте пѣтъ. Греч. наст. вр. *ὑπάγω*.

Ио. 14, 5, стр. 90: ги не вѣмъ камо идиши. Греч. *ὑπάγεις*.

Является этот глагол и на месте греческого будущего или конъюнктива аориста. Например:

Мф. 25, 46, стр. 57: и идѣтъ ти въ мѣкѣк вѣчнѣкѣк. Греч. буд. вр. *ἀπελεύσονται* от *ἔρχομαι*.

Ио. 14, 23, стр. 92: и къ немуу идевѣ и обитѣль оу него створивѣ. Греч. буд. вр. *ἐλεύσμεθα*.

Лк. 13, 36, стр. 90: послѣди же по мнѣ идиши. Греч. буд. вр. *ἀκολουθήσεις*.

Лк. 16, 30, стр. 34: нѣ аще кѣто отъ мрътвыхъ идетъ къ нимъ покажѣтъ сл. Греч. кон. аор. *πορεύθη*.

Лк. 15, 18, стр. 53: вѣставъ идѣ къ оцю моему. Греч. буд. вр. *πορεύομαι*.

Лк. 11, 5, стр. 51: кто отъ васъ иматъ друга и идетъ къ немуу. Греч. буд. вр. *πορεύεται*.

Лк. 9, 57, стр. 40: идѣ въ слѣдъ тебе ꙗкоже колиждо идиши. Греч. *ἀκολουθήσω σοι, ὅπου ἂν ἀπέρχῃ*.

В первом случае греческое будущее, а во втором конъюнктив настоящего времени переводится одним и тем же глаголом. Все это показывает, что глагол иди, как глагол определенный, не различался еще по видам, и формы его употреблялись как в значении настоящего, так и в значении будущего.

РАЗНОЧТЕНИЯ В САВВИНОЙ КНИГЕ

Саввина книга в части бесприваочных глаголов представляет довольно много отступлений от общего евангельского текста. Одни из них — лексические варианты и отчасти изменения некоторых грамматических форм, внесенные Саввой, очевидно, из желания сделать перевод более понятным. Например:

Расхождения лексические.

Мф. 11, 27, стр. 131: и емоу же велитъ снѣ отъкрити.

Во всех евангельских текстах волитъ — в согласии с греческой формой *βούληται*.

Мф. 17, 15, стр. 23: яко на новъ мѣ бѣситъ сл.

Во всех евангельских текстах бѣсьноуетъ сл. Греч. *σεληνιάζεται*.

Мф. 15, 23, стр. 51: дѣщи моя зѣло бѣситъ сл.

Во всех еванг. бѣсьноуетъ сл. Греч. *δαμονιίζεται*.

Мф. 26, 15, стр. 81: что ми дасте; в Зогр., Мар., Ассем. и Остр. что хоштете ми дати, в соответствии с греч. τί θέλετε δοῦναι.

Лк. 8, 13, стр. 32: иже въ часѣ вѣроуѣтъ; в Зогр., Мар., Остр. и Ассем. иже въ врѣма вѣрѣ емлѣтъ. Греч. πιστεύουσιν.

Поправка внесена, вероятно, из желания приблизить перевод к оригиналу, где дана простая форма.

Мф. 9, 3, стр. 17: се хоулитъ; в Зогр. се власвимисаетъ; в Мар. и Ассем. власвимѣзатъ; в Остр. хоульствоуѣтъ. Греч. βλασφημεῖ.

Савва заменяет иностранное, греческое, слово славянским.

Лк. 8, 15, стр. 32: еже сердце б̄ агомъ слышать слово и хранатъ е.; в Зогр., Мар., Остр. и Ассем. дрѣжатъ. Греч. κατέχουσιν.

Следующие примеры представляют расхождения Саввиной книги с большей частью евангельских текстов, но согласно с каким-нибудь одним кодексом. Например:

Лк. 8, 10, стр. 31: и слышаше не слышатъ; такъ же и Зогр. ев., но в Мар., Ассем. и Остр. и не разоумѣтъ. Греч. οὐ μὴ συνιῶσιν.

Ио. 10, 13: и наѣмникъ бѣжитъ яко наѣмникъ есть и небрежетъ о овцахъ; такъ же и Остр.; но в Зогр., Мар. и Ассем. и нерадитъ о овцахъ. Греч. οὐ μέλει.

Лк. 10, 40, стр. 120: ги небрѣжиши ли яко сестра моя единѣ ма остави...; такъ же в Остр.; Зогр., Мар. и Ассем. не родиши, не радиши. Греч. οὐ μέλει.

Мф. 22, 16, стр. 27: и непечеши са; в Зогр., Мар. и Ассем. и неродиши; Остр. небрѣжиши. Греч. οὐ μέλει.

Лк. 16, 13, стр. 48: а о друзѣмъ небрѣжи въчнетъ; такъ же в Остр.; в Зогр., Мар., Ассем. неродити начнетъ.

Лк. 2, 10, стр. 134: се бо благовѣстоуѣ вамъ радость; Остр., как Савв. кн.; в Мар. и Ассем. благовѣштаѣ; Зогр. благовѣстоуѣ. Греч. εὐαγγελίζομαι.

Мф. 26, 19, стр. 81: въ всемъ мирѣ възглетъ са; такъ же в Остр.; в Зогр., Мар. и Ассем. речетъ са. Греч. λαληθήσεται.

Лк. 12, 33, стр. 42: в Саввиной книге добавлено предложение, которого нет ни в одном евангельском чтении, нет и в греческом: после слов: ни тлѣ тлѣтъ добавлено: ни чрвь гризетъ, возможно как пояснение к не совсем понятному первому предложению.

Несколько разночтений представляют, очевидно, или фонетический вариант, или ошибку из-за плохо понятого текста. Так:

Мф. 6, 28, стр. 13: не троуждаѣтъ са, ни придрѣтъ; в Мар., Ассем. и Остр. прадѣтъ, но в Зогр., как в Савв. кн. и.

В двух примерах глагол видѣти на месте вѣдѣти:

Ио. 18, 21, стр. 103: вси се видатъ; в Зогр., Мар., Ассем. и Остр. вѣдатъ, в соответствии с греч. οἶδασιν.

Ио. 24, 33, стр. 76: такожде и вы егда оузърите вса си видите; в Остр. такъ же, но Зогр., Ассем. и Мар. вѣдите, в соответствии с греч. γινώσχετε.

Лк. 18, 51, стр. 49: аще и ба не боѣса и члкъ не срамаѣ са; в Зогр. срамлѣѣ са; такъ же в Мар., Ассем. и Остр. — очевидно фонетический вариант, указывающий на отсутствие I epentheticum в говоре писца Саввы.¹

¹ В памятниках Симеоновой эпохи этот глагол вообще избегается. Саввиной книге этот глагол чужд; там, где он сохраняется, написание его ошибочно (В. Погорелов. Ук. соч., стр. 47).

Несколько примеров показывают другую грамматическую форму. Например:

Мф. 19, 20, стр. 27: чесо҃го еще лишѣ сѧ; в Зо҃гр., Мар., Ассем. и Остр. чесо есмѣ еще не доконѣчалѣ. Греч. τί ἐτι ὑστεροῦ.

Мф. 13, 52: всякъ кѣнижѣникѣ наоучѣ сѧ црствию нбскоуму подобитѣ сѧ; в Зо҃гр., Мар., Ассем. и Остр. подобѣнь естѣ. Греч. ὁμοίως ἐστίν.

Лк. 1, 35, стр. 149: тѣмъ же и еже родиши; в Зо҃гр., Мар., Ассем. и Остр. еже родитѣ сѧ. Настоящее время вместо аориста:

Мф. 26, 66, стр. 105: се нынѣ слышимъ...; в Зо҃гр., Мар., Остр. и Ассем. слышасте, в соответствии с греч. аор. ἤκουσατε. Настоящее время вместо причастия:

Мф. 6, 6, стр. 58: и оцѣ твоѣ видитѣ тѧ въ тайнѣ; в Зо҃гр. видли; так же в Мар., Остр. и Зо҃гр. Греч. прич. ὁ βλέπων.

Лк. 8, 15, стр. 32: еже... слышатѣ слово; в Зо҃гр. прич. наст. действ. слышаште; так же в Остр. и Ассем.; Мар. прич. прош. действ. слышавѣше.

Довольно много примеров, где Саввина книга придерживается общепринятого варианта, а отступление представлено в каком-нибудь одном евангельском кодексе. Например:

Мф. 24, 15, стр. 75: иже чѣтетѣ да разоумѣваеѣтѣ; так же в Зо҃гр., Мар. и Ассем. но в Остр. ев. чѣтѣи — причастие.

Такие случаи интересны лишь для характеристики языка того памятника, в котором они встречаются, а потому здесь рассматриваться не будут.

Вторая группа примеров, довольно обширная, представляет расхождения Саввиной книги с другими евангельскими кодексами в глаголах по виду и поэтому она является наиболее интересной для нас.

Настоящее время глагола просити обычно переводит греческое будущее время или греческий аористический вид. Так это во всех евангельских кодексах. Например:

Ио. 14, 13, стр. 1: и е҃гоже аще просите въ има мое то створѣ. Греч. кон. аор. ὅτι ἂν αἰτήσητε.

Ио. 11, 22, стр. 69: е҃гоже колиждо просиши оу ба дасть тебѣ бѣ. Греч. кон. аор. ἂν αἰτήσῃ.

Лк. 11, 12, стр. 150: ли аще проситѣ айца. Греч. буд. вр. αἰτήσει. Но в Саввиной книге:

Мф. 6, 32, стр. 14: всего бо сего погани просатѣ. Греч. наст. вр. ἐπιζητεῖ, которое переводится в Зо҃гр., Ассем., Мар. и Остр. глаголом ищѣтъ.

В евангельских текстах встречаются две формы глаголов: крѣстити и крѣщати. Глагол крѣститѣ переводит греческое будущее. Например:

Лк. 3, 16, стр. 144: тѣ вы крѣститѣ дхомѣ стѣимѣ. Греч. буд. вр. βαπτίσει.

Мр. 1, 8, стр. 143: а тѣ крѣститѣ вы. Греч. βαπτίσει.

Настоящее время глагола крѣщати переводит настоящее в греческом:

Мр. 10, 38, стр. 67: крѣщение имѣже азѣ крѣщаѣ сѧ. Греч. наст. вр. βαπτίζομαι.

Но в Саввиной книге в двух примерах, в соответствии с греческим настоящим, является настоящее время глагола крѣстити.

Мр. 10, 39, стр. 67: и крѣщение имѣже азъ крѣщаѣса; в Зогр., Мар. и Ассем. крѣштаѣса; только в Остр., как и в Сав. кн., крѣщаѣса. Греч. наст. вр. βαπτίζομαι.

Лк. 3, 16, стр. 144: азъ ѿбо водоѣ крѣщаѣ вы; в Зогр., Мар., Ассем. и Остр. крѣщаѣ. Греч. наст. вр. βαπτίζω.

Это указывает на то, что писец Саввиной книги предпочитал глагол крѣщаѣса; он употреблял его как в значении настоящего, так и в значении будущего. Форма же крѣщаѣ означала для него лишь действие вообще.

Следующие примеры в Саввиной книге представляют настоящее время простых глаголов без приставок, в то время как в других евангельских кодексах представлено настоящее время глаголов с приставками, в соответствии с будущим временем или конъюнктивом аориста в греческом оригинале (за редким исключением с настоящим временем).

Мф. 9, 21, стр. 17: аще тѣкмо коснѣ са краі ризѣ его; в Мар., Ассем. и Остр. прикоснѣса (в Зогр. нет этого текста). В греч. кон. аор. ἄψομαι.

Лк. 21, 15, стр. 125: азъ бо дамъ вамъ оуста и мѣдрость еже не могѣтъ противити са; в Зогр., Мар., Ассем. и Остр. не възмогѣтъ. Греч. буд. вр. οὐ δύνησονται.

Мф. 12, 33, стр. 19: или творитъ дрѣво доброе или творитъ дрѣво пражнѣно; в Зогр., Мар., Ассем. и Остр. ли сътворите дрѣво добро... ли сътворите дрѣво зѣло. Греч. повелит. накл. аор. ἢ ποιήσατε.

Как и в предыдущих двух примерах, писец заменяет сложную форму глагола с приставкой простой, бесприставочной, в соответствии с греческой простой формой. В таком же духе упрощения изменена и вторая половина стиха.

Мф. 12, 33, стр. 19: от агоды бо дрѣво знаетъ са, вместо: от плода бо дрѣво познано бѣдетъ; в Зогр., Мар., Ассем. и Остр., в соответствии с формой настоящего времени простого глагола в греческом: γινώσεται для приближения к греческому тексту, по мнению Погорелова.¹

Но такое приближение возможно лишь при неразличении вида этих форм. Вероятно, в таком же смысле можно объяснить и вариант:

Мф. 26, 13, стр. 81: Въ всемъ мирѣ възглѣтъ са и иже творитъ въ память еѣ; в Зогр. въ всемъ мирѣ речетъ са < еже сътвори си въ пть еѣ; так же в Мар. и Ассем. Остр. въ всемъ мирѣ възглѣтъса и еже сътвори си. В греч. аорист ὃ ἐποίησεν.

Погорелов считает это место непонятным.² Но форма творитъ вместо сътвори могла явиться в том случае, если Савва понял эту форму, как форму настоящего времени; отсутствие **т** не мешало такому пониманию, так как в языке его **т** в настоящем времени могло и не быть, по мнению Погорелова.³ Следовательно, и здесь он стремится заменить форму с приставкой простой формой.

Еще более яркими примерами замены формы с приставкой простой формой являются:

Мф. 7, 2, стр. 11: о немъ же сѣдѣ сѣдите сѣдате са вамъ и въ нѣже мѣрѣ мѣрите мѣритъ са вамъ, вместо възмѣратъ, как в Зогр.

¹ В. Погорелов. Ук. соч., стр. 42.

² Там же, стр. 73.

³ Там же, стр. 104.

и Ассем, или възмѣритъ сѧ, как в Мар. и Остр. В греч. буд. вр. пасс. *μετρηθήσεται*.

По мнению Погорелова, вид глагола изменен под влиянием первой части стиха.¹

Но было ли различие в виде между этими двумя глаголами: сѣждать и възмѣритъ сѧ? Ведь они одинаково передавали греческое будущее пассивное. Вероятно, для писца Саввы приставка второго глагола была только лишним усложнением, так как, если можно сказать со значением будущего времени сѣднѣтъсѧ, то можно сказать с тем же значением будущего времени и мѣритъсѧ. Разница в значении между мѣритъсѧ и възмѣритъсѧ была для него только смысловая, но не видовая.

Такой же пример и в Мф. 5, 43, стр. 9: възлюбиши ближняго си и ненавидиши врага своего; в Зогр., Мар. и Остр. възненавидиши; в Ассем. поведит. накл. възненавиди, в соответствии с греч. буд. вр. *ἀγαπήσεις* и *μισήσεις*.

Если в первом случае можно было говорить о подравнивании формы глагола во второй части стиха к глаголу первой части, то этого уже никак нельзя сказать о последнем примере, так как здесь нет никакого подравнивания, а наоборот, при сохранении первого глагола с приставкой второй употреблен без приставки. По мнению Погорелова, опущение приставки въз указывает на желание передать греческий бесприставочный глагол таким же славянским.²

Подобный же случай Погорелов видит и в Мф. 24, 40, стр. 29: и ненавиждѣти сѧ начнѣхѣтъ, вместо възненавидеть других текстов, в соответствии с греч. буд. вр. *μισήσουσιν*.

С отпадением приставки терялось значение будущего времени, и глагол начнѣхѣтъ употреблен как вспомогательный глагол будущего времени.³

Надо думать, что этот случай совершенно аналогичен первому. Форма настоящего времени глагола ненавиждѣти для писца Саввиной книги, повидимому, не отличалась по виду от формы настоящего времени възненавидѣти. Форма с приставкой не имела для него значения будущего времени, поэтому он так легко заменял глаголы с приставками глаголами простыми.

Для упрощения дается также глагол без приставки и в Мф. 10, 1, стр. 129: и цѣлать всакъ недѣгъ; в Зогр. ицѣлать; так же в Остр. исцѣлать; в Мар. ближе к греч. тексту — инфинитив цѣлити; В греч. неопред. накл. наст. вр. *θεραπεύειν*. В Мр. 5, 29, стр. 130: тоже дается простая форма: и разоумѣ тѣломъ яко цѣть (пропущен слог **ѣ**) отъ раны; в Зогр. ѣко ицѣлѣть; в Остр. — аор. яко исцѣлѣ; в Ассем. яко цѣла есть; в Мар. ѣко цѣлѣать. В греч. наст. вр. *ἔτι ἰαταί*.

Этот выбор бесприставочной формы в Саввиной книге не объясняется тем, что писец подбирал форму настоящего времени вместо формы будущего, какою кажется нам форма с приставкой. Он делал здесь то же самое, что и в выше приведенных примерах: из двух форм, приблизительно одинаковых для него по значению, выбирал простейшую.

¹ В. Погорелов. Ук. соч., стр. 39.

² Там же, стр. 57.

³ Там же, стр. 57—58.

Глагол быти был известен Савве. Он встречается во всех своих формах; форма настоящего времени бѣдѣ со значением будущего времени употребляется в Саввиной книге, как и в других евангелиях, в соответствии с греческим будущим временем от глагола εἶμι или конъюнктивом аориста от глагола γίγνωμι.

В этом отношении интересна поправка в Саввиной книге из-за неправильно понятого текста:

Мф. 19, 28, стр. 10: яко вы шѣдъшеі въ слѣдъ мене паки бѣдете; Остр., Зогр., Мар. и Ассем. шѣдъшеи по мѣнѣ въ пакибытие. Греч. ἐν τῇ παλιγγενεσίᾳ.

Савва понял пакибытие как инфинитив глагола быти паки быти, который и переправил на настоящее время: паки бѣдете. Это показывает на хорошее знание им форм этого глагола.

Но есть примеры, которые как будто говорят о другом. В начале рукописи (на стр. 1, л. 25), где, встречается больше всего поправок, Савва заменяет глагол бѣдеть глаголом есть.

Ио. 14, 17, стр. 1: яко съ вами прѣбываетъ и оу васъ есть. В греч. буд. вр. ἔσται; в других евангельских текстах бѣдеть. Дальше (стр. 91, л. 101) Савва тот же текст уже передает в обычной форме: и въ васъ бѣдеть. Но на первой странице еще раз вместо глагола бѣдѣ употреблен глагол есть:

Ио. 14, 16, стр. 1: и азъ оумолѣ оца и иного оувѣтника дасть вамъ, да съ вами есть въ вѣкъ; в Зогр. да бѣдеть съ вами въ вѣки; так же в Мар., Ассем. и Остр. В греч. кон. наст. вр. ἵνα ἡ μεθ' ὑμῶν (или вариант ἵνα μένη).

Эту поправку Савва не повторяет уже в другом месте на стр. 91 (Ио. 14, 16); да бѣдеть, так же как и слово увѣтникъ, заменяет греческим словом параклитъ.

Другая такая же замена встречается на стр. 13 четыре раза:

Мф. 6, 22—23: аще оубо око твое есть просто, все тѣло твое просто есть. Аще ли око твое лѣкаво есть, все тѣло твое темно есть. Во всех евангельских текстах — бѣдеть. В греческом конъюнктив от глагола εἶμι и будущее время: ἐάν οὖν ἡ ὀφθαλμός σου ἀπλούς, ὅλον τὸ σῶμά σου φωτεινὸν ἔσται — буд. вр. ἐάν δὲ ὁ ὀφθαλμός σου πονηρός ἦ, ὅλον τὸ σῶμά σου σκωτεινὸν ἔσται.

На стр. 15 (Мф. 8, 12): тоу есть плачь и скръжтъ зѣбомъ. Во всех евангельских текстах бѣдеть. В греч. буд. вр. ἔσται.

На стр. 92 (Ио. 14, 21): имѣа заповѣди моа и съблюдалі тъ есть люблі ма, а люблі ма възлюбенъ есть оцемъ моимъ, вместо възлюбленъ бѣдет, как в древнеевангельских текстах и как на стр. 2 Саввиной книги. В греч. буд. пасс. ἀγαπήθησεται.

И, наоборот, глагол есть заменен глаголом бѣдеть (стр. 74).

Мф. 24, 6: не оужасаіте са подобаетъ бо всѣмъ симъ быти, но не тогда бѣдет коньчина. В других евангельских текстах есть, в соответствии с греч. наст. ἔστιν.

Значение будущего времени в греческом не играло для исправителя роли, так как формы настоящего времени глагола бѣдѣ имели для него, очевидно, значение только настоящего времени, а не будущего: он заменяет их глаголом есть, считая, может быть, этот глагол более подходящим, так же как греческое параклит в том же тексте он заменяет словом увѣтникъ. Обратная же замена им формы есть формой бѣдеть в последнем примере говорит за то,

что эти глаголы были для него приблизительно одинаковыми по значению.

Глагол варити как будто противопоставляется глаголу итеративному варяти. Эти глаголы представлены в Саввиной книге всего в двух примерах:

1) Мф. 26, 32, стр. 84: по вскръсени же моемь варѣ вы; в Ассем. и Остр., как в Савв. кн., но в Зогр. и Мар. представлена форма варѣж от глагола варяти или варѣти. Греч. буд. вр. *πράξω*.

2) Мф. 28, 7, стр. 116: и се вараетъ вы въ Галилеи; Остр. варѣють; Зогр., Мар. и Ассем. варѣть. Греч. наст. вр. *πράττει*.

С первого взгляда кажется, что здесь обратное явление всему сказанному выше. Саввина книга, Остр: ев. и, может быть, Ассем. различают две основы: варити и варѣти, а Зогр. и Мар. не различают, так как в обоих случаях в Зогр. и Мар. ев. употреблен один и тот же глагол варѣти, хотя в греческом оригинале ему соответствуют различные формы времен (настоящее и будущее). Но совпадение Саввиной книги с Остр. ев. и Ассем. наводит на мысль, что эти формы были списаны Саввой с глаголического оригинала.

С другой стороны, формы глагола варити являются более старыми сравнительно с итеративом варяти, который в Саввиной книге встречается всего лишь один раз и то с ошибкой — вараетъ, вместо варѣть или варѣють других евангельских текстов. Значит, скорее можно предположить, что Савва не знал итератива варяти; в одном месте он его заменяет настоящим временем известного ему глагола варити, а в другом списывает с ошибкой.

Итак, в заключение второй главы можно сказать то же, что и в конце первой. Все приведенные примеры еще с большей убедительностью показывают, что в языке Саввы формы настоящего времени глаголов, которые теперь являются глаголами совершенного вида, не выражали будущего времени, а лишь настоящее. Будущее время в большинстве случаев выражалось формой настоящего времени любого глагола, употребленной в смысле будущего.

III. ФОРМЫ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ ПОСЛЕ СОЮЗА ДА

Формы настоящего времени после союза **да** в старославянских памятниках имеют оттенок будущего (желательного или условного). Этими формами переводятся чаще всего греческие конъюнктивные предложения с союзом *ἵνα* (чтобы) или *ἵπως*, или повелительное наклонение. В более редких случаях они переводят греческий инфинитив или будущее время.

Обычно после союза **да** является форма глагола совершенного вида даже и в тех случаях, когда в греческом — наклонение настоящего времени, так как настоящее время совершенного вида лучше соответствует греческому сослагательному или повелительному наклонению, которые выражают действия, еще не сделанные, но которые предполагаются быть сделанными. Следовательно, глаголы, имеющие в своих формах настоящего времени оттенок будущего, лучше подходят для перевода этих наклонений (хотя, конечно, для подчеркивания незаконченности действия вполне возможно и употребление глаголов несовершенного вида). Поэтому особенно много примеров с формами настоящего времени глаголов с приставками.

Мф. 24, 18, стр. 75: и иже на селѣ такожде да не възвратитъ сѧ възспать. Греч. повелит. накл. аор. *μη επιστρέψατω*.

Мр. 7, 32, стр. 63: и молѣхъ і да възложить на нь рѣкѣ. Греч. кон. аор. *ινα επιθη*.

Мр. 8, 34, стр. 64: да отъврѣжетъ сѧ себе и възьметъ крѣсть своі. Греч. повелит. накл. аор. *απαρνησασθω, αρατω*.

Лк. 2, 21, стр. 135: и егда испльниша сѧ ѥ́ днь да обрѣхѣтъ і. Греч. инф. аор. *του περιτεμειν*.

Лк. 2, 35, стр. 136: И тебе самоі дшѣ проидеть орѣжие да отъкрыхѣтъ отъ многъ срдцѣ помышление. Греч. кон. аор. пасс. *οπως αν αποκαλυφθωσιν*.

Ио. 18, 39, стр. 107: хоцете ли да отъпоущѣ вамъ цѣра. Греч. буд. вр., *απολυσω*.

Мф. 2, 13, стр. 139: хоцетъ бо Иродѣ искати отроцѣте да погоубитъ е. Греч. инф. аор. *απολεσαι*.

Небольшая группа примеров представляет глаголы совершенного вида без приставок, в соответствии с греческим аористическим видом.

Мф. 24, 45, стр. 77: его же поставитъ гѣ надѣ домоу своімѣ да дастъ имѣ. Греч. инф. аор. *του δουναι*.

Мф. 26, 4, стр. 81: да Іса имѣхѣ лѣстѣиѣ. Греч. кон. аор. *ινα... κρατησωσιν*.

Ио. 11, 42, стр. 71: нь народа ради рѣхѣ да вѣрѣ имѣхѣ. Греч. кон. аор. *ινα πιστευσωσιν*.

Мф. 14, 15, стр. 20: да шѣдѣше въ окрѣстьнаѣ вси коупать себѣ. Греч. кон. аор. *ινα αγορασωσιν*.

Лк. 18, 5, стр. 49: зане творитъ митроудѣ вѣдовица си да мѣщѣ еѣ. Греч. буд. вр. *εκδικησω*.

Мр. 10, 37, стр. 67: даждѣ нама да сѣдевѣ. Греч. кон. аор. *ινα καθισωμεν*.

Мф. 6, 3, стр. 57: да не чюетъ шюца твоя. Греч. повелит. накл. аор. *μη γνωτω*.

Ио. 1, 31, стр. 145: нь да явитъ сѧ Изѣви. Греч. кон. аор. пасс. *ινα φανερωθη*.

Глаголы, сохраняющие еще старые отношения, т. е. глаголы говорения, слышания, мнения, мышления, чувств и движения, о которых говорилось выше, употребляются после союза **да** для перевода как аористического вида, так и вида несовершенного (наст. вр.). Например, глагол видѣти дает такие смешанные переводы:

Ио. 12, 85, стр. 9: и придоша не Іса дѣлѣ тѣкмо нь да и Лазора видать. Греч. кон. аор. *ινα... ιδωσιν*.

Мр. 15, 32, стр. 112: да сѣнидетъ ныню сѣ крѣста да видимѣ и вѣрѣ имемѣ. — Греч. кон. аор. *ινα... ιδωμεν*.

Мф. 27, 49, стр. 114: да видимѣ аще придетъ Илия. Греч. кон. аор. *ιδωμεν*.

Лк. 8, 10, стр. 31: да видаше не видать. Греч. кон. наст. вр. *μη βλέπωσιν*.

Лк. 8, 16, стр. 34: да вѣходящеи видать свѣтъ. Греч. кон. наст. вр. *ινα... βλέπωσιν*.

Ио. 17, 24, стр. 101: да видать славѣ моѣ. Греч. кон. наст. вр. *ινα θεωρωσιν*.

Такой же смешанный перевод является и у глагола ити:

Мр. 8, 34, стр. 64: да отъврѣжетъ сѧ себе... и идетъ. Греч. повелит. накл. наст. вр. *ακολουθειτω*; в Зогр. градеть; так же и в Мар., Остр. и Асс.

Ио. 15, 16, стр. 94: и положихъ вы да вы идете. Греч. кон. наст. вр. ἵνα... ὑπάγετε.

Мф. 28, 10, стр. 116: да идѣтъ въ Галилеѣ. Греч. кон. аор. ἵνα ἀπέλθωσιν.

Смешанно переводится и глагол придти:

Лк. 16, 28, стр. 34: яко да свѣдѣтельствуеъ имъ да не и ти придѣтъ на мѣсто се мѣчъное. Греч. кон. аор. ἵνα μὴ... ἔλθωσιν.

Лк. 14, 10, стр. 46: да егда придеть зъвавы тѣ. Греч. кон. аор. ἵνα ὅταν ἔλθῃ.

Лк. 1, 43, стр. 118: отъкѣдоу се мнѣ да придеть мѣти. Греч. кон. аор. ἵνα ἔλθῃ.

Ио. 7, 37, стр. 7: аще кто жаждеть да придеть къ мнѣ. Греч. повелит. накл. наст. вр. ἐρχέσθω.

Так же и глагол разумѣти.

Ио. 17, 23, стр. 100: да бѣдѣтъ свѣршени едино и разумѣтъ миръ. Греч. кон. наст. вр. ἵνα γινώσκῃ.

Ио. 19, 4, стр. 107: се извождѣ вамъ да разоумѣете. Греч. кон. аор. ἵνα γινώτε.

Ио. 14, 31, стр. 93: нѣ да разоумѣтъ миръ. Греч. кон. аор. ἵνα γινῶ.

Мр. 7, 36, стр. 63: и запрѣти имъ да никомуже не повѣдатъ. Греч. ἵνα... λέγωσιν (но есть и вариант с εἰπωσιν).

Ио. 16, 30, стр. 5: и не трѣбѣ имаша да кто тѣ въпрошаетъ. Греч. кон. наст. вр. ἵνα... σε ἐρωτᾷ.

Мф. 24, 16, стр. 75: тогда сѣшеі въ иудѣи да бѣгаѣтъ на горы. Греч. повелит. накл. наст. вр. φευγέτωσαν.

Ио. 17, 3, стр. 99: да знаѣтъ тебе единого. Греч. кон. наст. вр. ἵνα γινώσκωσιν.

Мф. 11, 15, стр. 147 и Лк. 21, 3, стр. 51: имѣлаі оуши слышати да слышитъ. Греч. повелит. накл. наст. вр. ἀκούέτω.

Ио. 12, 26, стр. 122: и аще мнѣ кто послужитъ по мнѣ да ходитъ. Греч. повелит. накл. наст. вр. ἀκολουθείτω.

Глагол имѣти не имел никогда параллельной формы совершенного вида, следовательно также был безвидовым глаголом.

Ио. 17, 13, стр. 100: да имѣтъ радость исполненѣ въ себе. Греч. кон. наст. вр. ἵνα ἔχωσιν.

Ио. 10, 10, стр. 119: азъ придеъ да животь имѣтъ. Греч. кон. наст. вр. ἵνα ἔχωσιν.

Глагол бѣдѣ имеет значение совершенного вида в старославянских памятниках, но в греческом языке глагол εἰμί отличается той особенностью, что не имеет форм аориста, т. е. по существу является глаголом лишь несовершенным. Следовательно, этот глагол имеет конъюнктив только отклонения настоящего времени; однако на славянский язык переводится обычно после союза да формой глагола бѣдѣ, а не ꙗсмь, так как по своему значению эта форма, означающая будущее действие, лучше соответствует значению греческого конъюнктива, чем форма несовершенного вида, означающая настоящее время ꙗсмь.

Ио. 14, 16, стр. 91: и инога параклита дасть вамъ да бѣдѣтъ сь вами. Греч. кон. наст. вр. ἵνα ᾗ.

Или по другому варианту: μένη — тоже кон. наст. вр.

Ио. 17, 23, стр. 100: да бѣдѣтъ свѣршени едино. Греч. кон. наст. вр. ἵνα ὦσιν.

Ио. 17, 26, стр. 101: да любовь ꙗже ма еси възлюбилъ въ нихъ бѣдетъ. греч. η кон. наст. вр. Но и в другихъ случаях, где в греческом будущем время от глагола $\epsilon\acute{\iota}\mu\acute{\iota}$ или наклонение аориста от какого-либо другого глагола, в славянском переводе дается тот же глагол бѣдѣ.

Мр. 10, 44, стр. 68: нѣ иже хошетъ вашии быти въ васъ да бѣдетъ всѣмъ слоуга. Греч. буд. вр. $\xi\sigma\tau\alpha\iota$.

Мф. 27, 22, стр. 110: глаша вси да распать бѣдетъ. Греч. повелит. накл. аор. $\sigma\tau\alpha\upsilon\rho\omega\delta\eta\tau\omega$.

Этому же самому значению конъюнктива, как предположительного действия, обязано употребление глаголов совершенного вида после союза **да** при греческом наклонении настоящ. времени:

Ио. 15, 2, стр. 93: и всакъ творашъ плодъ отрѣбнуть да плодъ больи створить. Греч. кон. наст. вр. $\phi\acute{\epsilon}\rho\eta$.

Ио. 15, 16, стр. 94: и положихъ да вы идете и плодъ принесете. Греч. кон. наст. вр. $\phi\acute{\epsilon}\rho\eta\tau\epsilon$.

Там же: и плодъ вашъ прѣбѣдетъ. Греч. кон. наст. вр. $\dot{\iota}\nu\alpha\ \dots\ \mu\acute{\epsilon}\nu\eta$.

Мф. 19, 12, стр. 25: могъщеи вмѣстити да вмѣстятъ. Греч. повелит. накл. наст. вр. $\chi\omega\rho\epsilon\acute{\iota}\tau\omega$.

Глаголом оубити одинаково переводится и будущее время и конъюнктив настоящего времени.

Ио. 12, 10, стр. 73: съвѣщаша же архиереи да Лазара оубиждъ. Греч. кон. наст. вр. или аориста. $\dot{\iota}\nu\alpha\ \acute{\alpha}\rho\chi\iota\epsilon\acute{\rho}\epsilon\acute{\iota}\nu\omega\sigma\iota\nu$.

Мф. 26, 4, стр. 81: да Іса имѣтъ лъстиж и оубиждъ. Греч. кон. наст. вр. или аориста. $\dot{\iota}\nu\alpha\ \dots\ \acute{\alpha}\rho\chi\iota\epsilon\acute{\rho}\epsilon\acute{\iota}\nu\omega\sigma\iota\nu$.

Мф. 26, 59, стр. 87: яко да оубиждъ. Греч. наст. вр. $\acute{\omicron}\pi\omega\varsigma\ \theta\alpha\nu\alpha\tau\acute{\omega}\sigma\iota\nu$.

Ио. 10, 10, стр. 119: тать не приходитъ нѣ да оукрадетъ и убьетъ. Греч. кон. аор. $\dot{\iota}\nu\alpha\ \chi\rho\acute{\iota}\nu\eta$.

Глагол пити также употреблялся в значении двух видов (см. раздел II).

Ио. 7, 37, стр. 7: аще кто жаждетъ да придетъ къ мнѣ и пить. Греч. повелит. накл. наст. вр. $\pi\acute{\iota}\nu\acute{\epsilon}\tau\omega$.

Глагол сѣдяти употреблялся, повидимому, также в значении совершенного и несовершенного вида (см. раздел II).

Ио. 3, 17, стр. 122: не посла бо бѣ сна своего въ миръ да сѣдитъ мироу. Греч. кон. наст. вр. $\dot{\iota}\nu\alpha\ \chi\rho\acute{\iota}\nu\eta$.

Очень немного примеров, где в соответствии с греческим наклонением настоящего времени в славянском переводе после союза **да** дается форма несовершенного вида:

Ио. 14, 1, стр. 90: да не съмѣщаетъ сѣ ваше срдце.

Ио. 14, 27, стр. 3: да не съмѣщаетъ сѣ ваше срдце ни оустрашаетъ. Греч. повелит. накл. наст. вр. $\mu\grave{\eta}\ \tau\alpha\rho\alpha\sigma\sigma\acute{\epsilon}\sigma\theta\omega$, $\mu\grave{\eta}\ \delta\acute{\epsilon}\ \delta\epsilon\iota\lambda\acute{\iota}\alpha\tau\omega$.

Лк. 3, 11, стр. 144: и имѣаи брашна такожде да творить. Греч. повелит. накл. наст. вр. $\acute{\omicron}\mu\acute{\omicron}\iota\omega\varsigma\ \rho\alpha\iota\acute{\epsilon}\tau\omega$.

Мф. 10, 1, стр. 129: дастъ имъ власть да изгонятъ. Греч. инф. наст. вр. $\acute{\omega}\sigma\tau\epsilon\ \acute{\epsilon}\chi\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\epsilon\iota\nu$.

Глагол изгонити уже отмечался мной как глагол несовершенного вида (см. раздел I), в противоположность глаголу ижденѣ. Например:

Мр. 9, 18, стр. 65: и рѣхъ оученикомъ да ижденѣтъ. Греч. кон. аор. $\dot{\iota}\nu\alpha\ \acute{\epsilon}\chi\beta\acute{\alpha}\lambda\omega\sigma\iota\nu$.

Саввина книга и в этом случае довольно часто отступает от других евангельских кодексов.

Одни из отступлений являются или лексической заменой одного слова другим без изменения вида глагола, как, например:

Мф. 7, 4, стр. 11: остави да възъмѣ сѣкъ...; в Зогр. остави і изъмѣ; так же в Мар. и Остр. и Ассем. Остави да изъмѣ. В греч. буд. вр. ἐκβάλω.

Ио. 17, 3, стр. 2: да съвѣдать тебе. Зогр. да знаѣтъ; так же в Мар., Ассем. и Остр. Греч. ἵνα γινώσκωσιν.

Ио. 18, 37, стр. 106: и на се придь въ миръ да повѣдаѣ истинѣ; в Зогр. да съвѣдѣтельствоуѣ истинѣ; так же в Мар. и Ассем.; Остр. да послушьствоуѣ. В греч. буд. вр. ἵνα μαρτυρήσω.

В других случаях изменяется форма так, что получается другой оттенок смысла.

Например, форма со страдательным причастием заменяется возвратным глаголом в настоящем времени. Как в Мф. 7, 2, стр. 10: не осѣждайте да не осѣдите сѣ; Зогр. да не осѣждени бѣдете; так же в Мар., Ассем. и Остр. Греч. кон. аор. пасс. ἵνα μὴ κριθῆτε.

Или:

Мф. 8, 34, стр. 16: яко да прѣидеть отъ прѣдѣлъ ихъ; в Зогр. да би прѣшьлъ; так же в Мар., Ассем. и Остр. Греч. кон. аор. ὅπως μεταβῆ.

Мф. 27, 1, стр. 88: яко да оубиѣтъ і; в Зогр., Мар. и Остр. ѣко оубити — в соответствии с греч. инф. аор. ὄστε θανατώσαι.

Ио. 13, 34, стр. 89: заповѣдь новѣ даѣ вамъ да любить друугъ друуга; в Зогр. да любите: так же в Остр., Ассем. и Мар. Греч. ἵνα ἀγαπᾶτε.

В трех случаях союз **да** вставляется там, где его нет в других евангельских текстах.

Мф. 27, 17, стр. 110: кого хотите отъ обою да отъпоущѣ вамъ; в Зогр. кого хощете отъ обою отъпоущитѣ; так же в Мар. и Остр.; в Ассем., как в Савв. кн. с **да**. Греч. τίνα θέλετε ἀπολύσω. То же и в Мф. 27, 21.

Мф. 21, 38, стр. 28: придьте да оубиемъ его. Греч. ἀποκτείνωμεν. Зогр. без **да** — придьте оубиѣмъ. Так же в Мар., Ассем. и Остр., т. е. повелит. накл.

В Саввиной книге настоящее время с союзом **да**. Может быть, это стоит в связи с той особенностью, что болгарский язык не знает формы повелительного наклонения для 1-го лица мн. ч., в отличие от сербского и русского языков.

В одном случае вместо предлога **да** употреблено **за**.

Мф. 15, 32, стр. 21: и не хощѣ ихъ не ідѣшь отпоустити за не ослабѣтъ на пѣти; в Зогр. да не како ослабѣтъ; в Мар. и Остр. так же; в Ассем. да не како слабѣтъ. Греч. кон. аор. пасс. μηδέποτε ἐκλυθῶσιν.

И, наконец, есть случаи, показывающие иные видовые отношения в говоре писца, чем в остальных старославянских памятниках.

Несколько примеров представляют замену формы, сложной с предлогом, формой простой беспредложной; например:

Лк. 5, 24, стр. 30: нъ вѣстѣ яко власть имать снѣ часкы; в Мар. нъ да оувѣсте; так же в Зогр., Остр. и Ассем. Греч. кон. перф. ἵνα δε εἰδῆτε. употребленной в значении настоящего времени.

Лк. 16, 28, стр. 34: *има̑мъ бо ѿ брата̑ яко да съвѣдѣтельствоуе̑тъ имъ; в Зоґр. ѿко да засъвѣдѣтельствоуе̑тъ имъ; так же в Мар. и Остр.; в Ассем., как в Савв. кн. Греч. накл. наст. вр. ὅπως διαμαρτύρηται.*

Ио. 14, 16, стр. 1: и иноґо оувѣтника дасть вамъ да съ вами естѣ въ вѣкъ; в Зоґр. да бѣдетъ; так же в Мар., Ассем. и Остр. Греч. кон. наст. вр. ἵνα μένη.

Если в этих трех примерах можно видеть стремление писца приблизиться к греческому, так как в греческом — склонение настоящего времени, то о следующих примерах уже этого нельзя сказать.

Мр. 10, 36, стр. 67: что хоцѣта да творѣ вама; в Зоґр. что хоцѣтета да сътвориѣ вама; так же в Мар., Остр. и Ассем. Греч. буд. вр. τι θέλετε μέ ποιήσω ὑμῖν.

Мф. 12, 16, стр. 138: и запрѣти имъ да не явѣ его творатъ; в Зоґр. и запрѣти имъ да не авѣ его сътворатъ; так же в Мар., Остр., но в Ассем., как в Савв. кн. Греч. кон. аор. ἵνα μὴ φανερόν αὐτόν ποιήσωσιν.

В одном примере беспредложная форма заменяется предложной; *имѣа̑и двѣ ризѣ да подасть неимѣщюму.* Правда, так же, в Мар. и Остр., но в Зоґр. и Ассем. да дасть. Греч. повелит. накл. аор. μεταδότω.

И один пример в Саввиной книге представляет замену итеративного глагола с приставкой глаголом простым с приставкой.

Мф. 19, 6, стр. 24: яже оубо бѣ съведе члкъ да не разлѣчитъ; в Зоґр. да не разлѣчаетъ; в Мар., Ассем. и Остр. так же. Греч. повелит. накл. наст. вр. μὴ χωρίζετω.

Итак, и эти примеры указывают на то же стремление писца Саввы заменять формы предложные — беспредложными и формы производные, итеративные — формами простыми с приставками.

IV. БУДУЩЕЕ ОПИСАТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ

Обычно считается, что будущее описательное время образуется в старославянском языке с помощью глаголов *хоцѣ*, *начьнѣ* и *има̑мъ* и инфинитива спрягаемого глагола. Примеров с будущим сложным очень немного в Саввиной книге.

Глагол *хоцѣ* довольно часто является в прямом своем значении без глагольного дополнения как перевод греческого глагола *θέλω* — „хочу“, „желаю“. Например:

Мф. 9, 13, стр. 16: что естѣ милости хоцѣ, а не жрѣтвы. Греч. θέλω.

Мф. 26, 39, стр. 85: обаче не якоже азъ хоцѣ нѣ ꙗкоже ты. Греч. θέλω.

Ио. 21, 18, стр. 6: и инѣ та поѣшетъ и ведетъ ꙗможе не хоцѣши. Греч. οὐ θέλεις.

Мф. 15, 28, стр. 51: бѣди тебѣ якоже хоцѣши. Греч. наст. вр. ὡς θέλεις.

Ио. 15, 7, стр. 4: емоуже колиждо хоцѣте просите. Греч. кон. наст. вр. ἐάν θέλητε.

Мф. 8, 2, стр. 12: аще хоцѣши можѣши ма̑ истрѣбити. Греч. кон. наст. вр. ἐάν θέλης.

Мр. 1, 41, стр. 62: и гла емоу хоцѣ очистиса. Греч. — θέλω.

Но чаще глагол хошѣ встречается с глагольным дополнением — инфинитивом; отсюда в нем намечается переход к значению вспомогательного глагола, образующего форму будущего времени.

Однако все примеры на этот глагол с инфинитивом, находящиеся в Саввиной книге и в соответствующих текстах других евангельских кодексов (Зогр., Мар., Ассем., Остр.) и представляющие перевод греческого глагола θέλω с инфинитивом, имеют обычное значение хотения, желанья, намерения; оттенка вспомогательного значения будущего времени в них не замечается.

Мф. 11, 14; стр. 147: и аще хоцете приати тѣ естъ Илия. Греч. наст. вр. θέλετε.

Мр. 8, 34, стр. 63: иже хоцетъ въ слѣдъ мене ити, да отъврѣжетъ сѧ. Греч. наст. вр. θέλει ἐλθεῖν.

Мр. 8, 35, стр. 46: иже бо хоцетъ дшѣ своѣ спсти погубить. Греч. кон. наст. вр. ἐάν θέλη.

Мр. 10, 44, стр. 68: иже хоцетъ вѣщи быти. Греч. кон. наст. вр. ὅς ἐν θέλη.

Ио. 19, 17, стр. 26: и аще ли хоцеша въ жизнь вѣнити. Греч. θέλεις.

Мф. 15, 31, стр. 21: и не хошѣ ихъ не ядѣшъ отпоустити. Греч. οὐ θέλω.

Ряд примеров представляет глагол хошѣ с союзом да и настоящим временем глагола, что является переводом греческого глагола θέλω с союзом ἵνα (чтобы) после него:

Мр. 10, 35, стр. 67: хоцевѣ да егоже аще просивѣ створиши. Греч. θέλομεν ἵνα.

Ио. 17, 24, стр. 100: хошѣ да идеже есмъ азъ и си бѣдѣтъ. Греч. θέλω ἵνα.

В других примерах — перевод греческого глагола θέλω (или βούλομαι) и после него будущего времени:

Мф. 27, 17, стр. 110: кого хоцете отъ обою да отъпоущѣ. Греч. θέλετε ἀπολύσω.

Ио. 18, 39, стр. 107: хоцете ли да отъпоущѣ вамъ. Греч. βούλεσθε οὖν ἀπολύσω.

Мф. 10, 36, стр. 67: что хоцета да творѣ вама; в Зогр., Ассем., Мар. и Остр. да сътворѣ. Греч. τί θέλετε ποιήσω.

В одном примере союз да с настоящим временем на месте греческого инфинитива:

Ио. 21, 22, стр. 6: аще хошѣ да тѣ прѣбываетъ. Греч. θέλω μένειν.

И только два примера переводят греческий глагол μέλλω „намереваться“, который по своему значению имеет оттенок будущего (τό μέλλον — будущее).

Мф. 2, 13, стр. 139: хоцетъ бо Иродъ искати отроцѣте да погубить е. Греч. μέλλει.

Ио. 14, 22, стр. 92: яко намъ хоцеша явити сѧ; Греч. μέλλεις ἠφανίζειν.

Это еще не формы будущего времени, но приближающиеся по значению к ним.

Саввина книга употребляет несколько больше других памятников глагол хошѣ.

Мр. 9, 22, стр. 65: нѣ аще хоцеша помози ми, вместо можеша; в Зогр., Мар., Ассем. и Остр. в соответствии с греч. εἰ τι δύνη (от δύναμις: мочь. Очевидно, стилистическая поправка).

Мф. 8, 3, стр. 12: коснѣ сѧ емь Іс̄ гл̄ѣ хошѣ истрѣбити тѧ, вместо хошѣ ищисти сѧ — повелит. накл.; так в Зогр., Мар., Ассем. и Остр., в соответствии с греческим θέλω, καθάρισθητι — повелит. наклон.

В Саввиной книге — инфинитив. Так, очевидно, писец понял форму повелительного наклонения; а так как для него употребление инфинитива после хошѣ было более обычным, чем повелительное наклонение, то он и исправил соответственно неясную форму.

В двух случаях Саввина книга имеет глагол хошѣ на месте греческого χρεῖαν ἔχομεν — иметь нужду, потребность, что переводится во всех евангельских текстах глаголом трѣбовати.

Мф. 26, 66, стр. 106: чѣто еще хошемь съвѣдѣтель; в Зогр., Мар., и Остр. трѣбуемь; в Ассем. трѣбуете. Греч. χρεῖαν ἔχομεν.

Мф. 3, 14, стр. 145: азъ хошѣ отъ тебе кръстити сѧ; в Зогр., Мар., Ассем. и Остр. трѣбуѣж. Греч. χρεῖαν ἔχω.

Итак, нет ни одного примера, который представлял бы глагол хошѣ в качестве вспомогательного глагола для образования будущего времени.

Правда, Погорелов думает, что в Мф. 26, 15, стр. 81 что ми дасте Саввиной книги, вместо чѣто хоштете ми дати — Зогр., Мар. Ассем. и Остр. евангелий — в соответствии с греческим τί θέτετέ μοί δοῦναι, исправитель считал глагол хотѣти вспомогательным для образования будущего времени и выпустил его, оставив глагол дасте, как будущее простое от глагола дати,¹ но это сомнительно.

Глагол начьнѣ, употребляемый всегда с инфинитивом, по своему значению очень близок к вспомогательному глаголу и потому легко мог стать таким для образования будущего времени. Близок к нему по значению и глагол вѣчнѣ. В Саввиной книге примеров с этими глаголами всего восемь. Из них четыре представляют точный перевод будущего времени греческого глагола ἄρχομαι „начинаю“ с инфинитивом. Так это и во всех евангельских текстах:

Мф. 24, 49, стр. 78: и начьнетъ бити клеверѣты своѧ. Греч. ἀρχήται τύπτειν.

Лк. 13, 26, стр. 45: тогда начьнете глѧти. Греч. ἀρξέσθε λέγειν.

Лк. 14, 9, стр. 46: и тогда начьнеши съ стоудомъ послѣднее мѣсто дръжати. Греч. ἀρξή τὸν ἔσχατον τόπον κατέχειν.

Лк. 13, 25, стр. 45: и начьнетъ вьнѣ стояти. Греч. καὶ ἀρξήσθε ἕξω ἑστάναι.

Мар., Зогр., Ассем. и Остр. начьнете.

Таким образом, эти примеры, давая точный перевод греческого оборота с ἀρχομαι, не являются по существу формами сложного будущего.

Только два примера представляют будущее сложное на месте греческого обыкновенного будущего:

Лк. 16, 13, стр. 48: а о друзѣмъ небрѣщи вѣчнѣтѣ; так же в Остр. и Зогр., но в Мар. и Ассем. неродити начьнетѣ.

Мф. 6, 24, стр. 13: а о друзѣмъ небрѣщи вѣчнѣтѣ; так же в Зогр. и Ассем., но в Мар. и Остр. Нерадити начьнетѣ (неродити — Мар.).

В греческом в обоих случаях один и тот же глагол в будущем времени: καταφρονήσει.

¹ В. Погорелов. Ук. соч., стр. 73.

Кроме этих примеров, общих для всех евангельских текстов, Саввина книга имеет еще два случая употребления будущего сложного с глаголом *начьнѣ* или *вьчьнѣтъ*:

Лк. 13, 25, стр. 45: и *начьнеть вьнѣ* стояти и *тлѣщи вьчьнѣтъ* въ двѣри глѣще; в Мар. 1 *начьнете вьнѣ стоѣти* и *тлѣшти*; так же в Зогр., Ассем. и Остр. В греч. ἄρξῆτε ἐξῶ ἐστάναι καὶ κρούειν.

Как в греческом оригинале, так и в славянском переводе рядом с будущим временем глагола *начьнѣ* (2-е л. мн. ч.) стоят два инфинитива, соединенные союзом *и*; в Саввиной же книге глагол *начьнѣ* стоит в 3-м л. ед. ч., а затем повторяется еще раз после 2-го инфинитива уже в другом виде и в 3-м л. мн. ч.: и *тлѣщи вьчьнѣтъ*. Это повторение объясняется скорее всего тем, что в первый раз исправитель неправильно употребил глагол в единственном числе и, желая поправить, он опять повторил его уже во множественном числе и с другой приставкой. И только один пример показывает ясно, что писец Савва знал формы сложного будущего с глаголом *начьнѣ* и умел их употреблять:

Мф. 24, 10, стр. 29: и сами *са прѣдадѣтъ* и *ненавидѣти са начьнѣтъ*; в Зогр. и *възненавидѣтъ* друогъ друга; так же в Мар., Остр. и Ассем. Греч. буд. вр. μισήσουσιν ἀλλήλους.

На это место обращает внимание Погорелов.¹

Он сравнивает его с другим текстом (Мф. 5, 43). Ненавидиши врага своего (см. раздел II); во всех других текстах евангелия — *възненавидиши*, и считает, что исправитель стремился передать греческий бесприставочный глагол таким же славянским, а так как во втором случае терялось при этом значение будущего времени, он употребил будущее сложное.

Можно думать, что самое содержание 24-й главы от Матфея, говорящей о далеком будущем, заставило писца употребить форму будущего сложного, вместо настоящего времени совершенного вида *възненавидѣтъ* других евангелий, так как эту форму с приставкой он воспринимал как форму настоящего времени, но не будущего.

В другом случае Савва заменяет форму сложного будущего других евангельских текстов простой формой *настоящего* времени.

Мф. 18, 17, стр. 8: *аще ли* и о цркви *небрѣжетъ* да бѣдетъ ти яко и погань; в Мар. *аште же* и о цркви *неродити вьчьнеть*... , так же в Ассем. в Зогр. *нерадити начьнеть*; так же в Остр. Греч. кон. аор. ἐάν... παρακούσῃ.

Эта замена вызвана, очевидно, свойственным исправителю стремлением к упрощению, тем более, что речь здесь идет не о далеком будущем, следовательно, вполне возможно употребление формы настоящего времени, вместо сложной формы будущего.

Глагол *имамъ* довольно часто встречается в Саввиной книге в прямом своем значении. Например:

Мф. 26, 11, стр. 81: *всегда бо нищѣа имате*, мене же не *всегда имате*. В Греч. наст. вр. ἔχετε.

Мф. 25, 25, стр. 80: *се имаша твое*. Греч. наст. вр. ἔχεις.

Лк. 5, 24, стр. 30: *нѣ да вѣсте яко власть имать*. Греч. ἔχει.

Лк. 8, 18, стр. 34: *иже бо имать дасть са емоу*. Греч. кон. наст. вр. ἔν ἔχῃ.

¹ В. Погорелов. Ук. соч., стр. 57.

Лк. 16, 28, стр. 34: имамъ бо ѿ братиѧ. Греч. наст. вр. ἔχω.

Ио. 10, 16, стр. 120: и оны овьца имамъ. Греч. наст. вр. ἔχω.

Ио. 13, 8: не имаши части съ мноѡж. Греч. наст. вр. οὐκ ἔχεις.

Лк. 11, 6, стр. 52: и не имамъ еже положѧ. Греч. οὐκ ἔχω.

Ио. 16, 21, стр. 97: жена егда раждаетъ печаль имать. Греч. ἔχει λύπην.

Ио. 15, 13, стр. 94: Больше се любьве никтоже не имать. Греч. οὐδεὶς ἔχει.

Мф. 15, 32, стр. 21: и не имѧтъ чесо ясти. Греч. οὐκ ἔχουσιν.

Один пример представляет перевод греческого будущего: кто отъ васъ имать друга и идеть къ нему. Греч. ἔξει φίλον.

Ио. 16, 30, стр. 5: и нетрѣбѡ имаша да кто та въпрашаетъ; в Зоґр., Мар., Ассем. и Остр. не трѣбоуеши.

Данный текст является попыткой исправителя приблизить перевод к греческому оригиналу — οὐ χρειάν ἔχεις. Затем он отказывается от такого перевода и переводит χρειάν ἔχω глаголом хошѧ.

Примеров будущего сложного с глаголом имамъ в Саввиной книге всего пятнадцать, из них двенадцать встречаются и в других евангельских кодексах, и три — только в Саввиной книге.

Рассмотрим сперва двенадцать примеров, общих для евангельского перевода.

Один из примеров не является по существу будущим сложным, а лишь точным переводом греческого ἔχω λέγειν „имею говорить“.

Ио. 16, 12, стр. 96: еще много имамъ гласти къ вамъ, нъ не можете носити нынѧ.

Получилось как бы случайное совпадение точного перевода с формой будущего сложного:

Из одиннадцати оставшихся примеров восемь представляют будущее сложное время с отрицанием, как перевод греческого конъюнктива аориста (который вызывается отрицанием).

Мф. 26, 29, стр. 84: глѧ же вамъ яко не имамъ юже пити. Греч. ὅτι οὐ μὴ πῖω.

Ио. 18, 11, стр. 102: чашѧ ѡже дасть мнѡ оцѡ не имамъ ли пити. Греч. οὐ μὴ πῖω.

Мф. 18, 3, стр. 23: аще не обратите са ни бѡдете яко дѣти не имате вьнити въ црствие нѡское. Греч: οὐ μὴ εἰσέλθητε.

Лк. 18, 7, стр. 49: а бѡ не имать ли створити мьсти. Греч. οὐ μὴ ποιήσῃ.

Мр. 9, 1, стр. 64: сѧтъ дрѡзи отъ съде столщнихъ иже не имѧтъ вькоусити съмрѣти. Греч. οὐ μὴ γεύσονται.

Мф. 24, 21, стр. 75: Бѡдетъ бо тогда скрѣьбь велия яка же нѣсть была отъ начала мируо доселе нъ имать быти.

В других евангельских текстах не, ниже. Греч. οὐ μὴ γίνηται.

Ио. 8, 12, стр. 8: ходѧи въ слѣдъ мене не имать ходити въ тѣмѡ Греч. οὐ μὴ περιπατήσῃ.

Лк. 21, 33, стр. 55: нбо и землѡ мимоидеть а словеса моя не имѧтъ мимоити; Остр. не имѧтъ минѧти; Заґр. не имѧтъ прѣити; Мар. не мимоидѧтъ — простое будущее. Греч. буд. вр. οὐ μὴ παρελεύσονται.

И только три примера будущего сложного с имамъ без отрицания:

Ио. 16, 13, стр. 96: нъ елико аще услышитъ гласти имать. Греч. ἵσα ἀκούει — λαλήσει.

Так как в обоих предложениях употреблены глаголы, дольше других сохранявшие свое безразличие к видам, а следовательно, не могущие выразить будущего, то, очевидно, для лучшего выражения будущего времени и приводится описательная форма в главном предложении. Второй пример:

Лк. 18, 22, стр. 47: и имѣти имаши съкровище на нбсхъ. В греч. буд. от $\epsilon\chi\omega - \epsilon\zeta\epsilon\iota\varsigma$.

В старославянском глагол имѣти не имел значения совершенного вида, следовательно, не мог выражать будущее, а потому замещается формой описательной.

Наконец, последний пример (Мф. 17, 22, стр. 23) только по форме является будущим описательным, а по содержанию — это точный перевод греческой сложной формы: $\mu\acute{\epsilon}\lambda\lambda\epsilon\iota \acute{o} \upsilon\iota\acute{o}\varsigma \tau\omicron\upsilon \acute{\alpha}\nu\theta\rho\acute{\omega}\pi\omicron\upsilon \pi\alpha\rho\alpha\delta\acute{\iota}\delta\omicron\varsigma\theta\alpha\iota$, т. е. *долженствует быть предан*, что в Мар., Ассем. и Остр. переводится: прѣданъ имать быти снъ члвчскыи.

Савва по-своему упрощает этот перевод, заменяя, как обычно, страдательное причастие со связкой — формой настоящего времени глагола с возвратным местоимением: имать снъ члскыи прѣдати сл.

В другом случае точно такой же греческий оборот, переведенный точно так же, Савва упрощает:

Мф. 24, 6, стр. 74: оуслышите брани; в Зогр., Мар., Остр. и Ассем. оуслышати же имате брани. в греч. $\mu\epsilon\lambda\lambda\acute{\eta}\sigma\epsilon\tau\epsilon \delta\grave{\epsilon} \acute{\alpha}\kappa\omicron\upsilon\epsilon\iota\upsilon$.

Этим упрощением он как бы показывает, что не считает эту форму сложным будущим, а просто трудным переводом трудного греческого оборота, который можно упростить.

Однако, в Саввиной книге есть три случая, где настоящее время заменяется будущим сложным. Два из этих случаев представляют глагол имамъ с отрицанием.

Мф. 10, 42, стр. 18: не имать погоубити мязды своеа; в Зогр., Мар., Ассем. и Остр. не погоубить. Греч. кон. аор. $\omicron\upsilon \mu\grave{\eta} \acute{\alpha}\pi\omicron\lambda\eta\sigma\eta$.

Мф, 24, 34, стр. 30: не имать прѣйти родъ съ доньдеже вса си бждѣтъ; в Загр., Мар., Ассем. и Остр. яко не мимоидеть. Греч. кон. аор. $\omicron\upsilon \mu\grave{\eta} \pi\alpha\rho\acute{\epsilon}\lambda\theta\eta$.

Ио. 8, 12, стр. 8: ходли въ слѣдъ мене не имать ходити въ тѣм нъ имѣти имать свѣтъ жизни; в Мар., Зогр., Ассем. и Остр. — везде только одна форма будущего (пример приведен выше), а второй глагол дается в настоящем времени. Зогр. и Мар. имать свѣта животнаго; Ассем. имать свѣтъ вѣчныи; Остр. имать животъ вѣчный. В греч. буд. вр. от $\epsilon\chi\omega - \epsilon\zeta\epsilon\iota$.

Употребление здесь Саввой формы будущего сложного не идет в разрез с общим употреблением этих форм, потому что, как мы видели, глагол имамъ выражает только настоящее время.

Итак, из этих примеров можно видеть, что Саввина книга знает употребление сложного будущего, которое появляется тогда, когда особенно нужно подчеркнуть, что действие относится к далекому будущему. Причем будущее с глаголом имамъ употребляется преимущественно в отрицательных предложениях. Это тем более интересно, что в современном болгарском языке сохраняется будущее с глаголом имам, но только в отрицательных предложениях: нямам да пиша, нямам да чета — „я не буду писать, не буду читать“.

К сожалению, примеров, слишком мало, чтобы можно было сделать более решительные выводы. Но то, что для говора Саввы настоящее

время глаголов совершенного вида не выражало будущего, было уже достаточным стимулом для создания сложной формы этого времени.

Даже немногие примеры, встречающиеся в Саввиной книге, показывают, что писец при всем своем стремлении к упрощению речи, не избегал сложных форм будущего времени, а заменял ими простые формы настоящего времени, так как они казались ему невыразительными.

У. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, из довольно большого количества отступлений и редакционных поправок Саввиной книги можно выделить такие поправки, которые достаточно ясно показывают состояние глагольной системы восточных болгарских говоров в X—XI веках.

Много примеров представляют замену глагола с приставкой — бесприставочным глаголом (тринадцать примеров):

1. Вѣсте	вместо	оувѣсте (Лк. 5, 24, стр. 30).
2. Коснѣ сѧ	„	прикоснѣсѧ (Мф. 9, 21, стр. 17).
3. Могѣтъ	„	възмогѣтъ (Лк. 21, 15, стр. 125).
4. Мѣрять сѧ	„	възмѣрять сѧ (Мф. 7, 2, стр. 11).
5. Ненавидиши	„	възненавидиши (Мф. 5, 43, стр. 9).
6. Да свѣдѣтельствуеть	„	засвѣдѣтельствуеть (Лк. 16, 28, стр. 39).
7. Творить	„	сътворить (Мф. 12, 33, стр. 19).
8. Да творѣ	„	сътворѣ (Мр. 10, 36, стр. 67).
9. Творятъ	„	сътворятъ (Мф. 12, 16, стр. 138).
10. Творить	„	сътворить (Мф. 7, 24, стр. 12).
11. Цѣлать	„	ицѣлать (Мф. 10, 1, стр. 129).
12. Цѣть	„	ицѣлѣть (Мр. 5, 29, стр. 130).
13. Творить	„	сътвори (Мф. 26, 13, стр. 81).

Всего четыре примера представляют замену простой формы сложной (с предлогом): из них два первых не изменяют вида глагола:

1. Подаетъ вместо даст — Зоґр. и Ассем. (Лк. 3, 11, стр. 114). Но так же, как в Саввиной книге, в Мар. и Остр.
2. Оузыратъ вместо видать (Мф. 28, 10, стр. 116).
3. Възъпнеть „ въпнеть (Лк. 9, 39, стр. 38).
4. Послужить „ слоужить (Ио. 12, 26, стр. 122).

Шестнадцать примеров замены глагола производного, интератива, глаголом простым с приставкой:

1. Разлѣчить	вместо	разлѣчаетъ (Мф. 19, 6, стр. 24).
2. Съберѣтъ	„	събираѣтъ (Ио. 15, 6, стр. 4).
3. Възъметъ	„	приѣмлетъ (Мф. 10, 38, стр. 18).
4. Крыщѣ	„	крыщаѣ (Лк. 3, 16, стр. 144).
5. То же	„	То же (Мр. 10, 39, стр. 67).
6. Разбивъ	„	разбивааетъ. (Мр. 9, 18, стр. 65).
7. Варѣ	„	варяѣ (Мф. 26, 32, стр. 84).
8. Съблюдетъ	„	съблюдаетъ (Ио. 14, 24, стр. 32).
9. Съгоритъ	„	съгараетъ (Ио. 15, 6, стр. 93).
10. Обрѣщеть	„	обрѣтаетъ (Лк. 11, 10, стр. 52).

11. Обращѣтъ	вместо	обрѣтаѣтъ (Мф. 7, 8, стр. 31).
12. Оставѣѣ	„	оставѣѣж (Ио. 16, 28, стр. 98).
13. Отдаѣтъ	„	отъпоуштаѣтъ сѣ (Мф. 9, 2, стр. 17).
14. Отъдасте	„	отъпоуштаете (Мф. 18, 35, стр. 26).
15. Отстѣпатъ	„	отстѣпатъ (Лк. 8, 13, стр. 32).
16. Бѣдетъ	„	есть (Мф. 24, 6, стр. 74).

Глагол *ѣстъ* вместо *бѣдетъ* (Ио. 14, 16—17, стр. 1; Мф. 6, 22—23, стр. 13; Мф. 8, 12, стр. 15; Ио. 14, 21, стр. 92).

В пяти примерах производный, интеративный, глагол заменяет простой с приставкой:

1. Оставѣете	вместо	оставите (Ио. 16, 32, стр. 5).
2. Съмѣрѣтъ сѣ	}	„ съмирить сѣ
и		
Съмѣраетъ сѣ	}	и
и		
3. Възноситъ сѣ	„	възнесетъ сѣ
4. Погыбаѣтъ	„	погыбнѣтъ (Мф. 26, 52, стр. 86).
5. Въздаѣтъ	„	въздадатъ (Мф. 12, 36, стр. 20).

Пять примеров представляют замену простой формы глагола производной интеративной:

1. Въпадаетъ	вместо	падаетъ (Мф. 17, 15, стр. 23).
2. Изгыбаѣж	„	гыбнѣж, гыблѣж (Лк. 15, 17, стр. 53); (Зогр., Мар., Ассем., Остр.).
3. Осѣждаетъ	„	сѣдитъ (Ио. 7, 51, стр. 8).
4. Помышѣете	„	мыслите (Мф. 9, 4, стр. 17).
5. Отъпоущаеши	„	отъпоустиши (Лк. 2, 23, стр. 136). Поустиши (Зогр., Мар., Ассем. и Остр.).

В языке писца Саввиной книги можно встретить глаголы, которые обычно противопоставляются одни другим, как совершенные и несовершенные:

Бѣдѣж (Мф. 19, 28) и *есть* (Ио. 14, 16, 17, стр. 1; Ио. 11, 25, стр. 69), *живѣ бѣдетъ* вместо *оживетъ* древнееванг. текстов.

Въземѣтъ (Мф. 17, 25, стр. 22; Лк. 12, 20, стр. 41).

Възметъ (Лк. 13, 19, стр. 44; Мф. 7, 4, стр. 11; Мф. 13, 38, стр. 18).

Изгыбаѣж (Лк. 15, 17, стр. 53).

Погыбаѣтъ (Мф. 26, 52, стр. 86).

Погыбнетъ (Мф. 18, 12, стр. 8) — *аще бѣдетъ* *единомуу члѣкоу* *Рѣ* *овцѣ* и *погыбнетъ* *едина* (вместо *забѣдитъ* древне-еванг. текстов).

Оставѣѣ и *оставѣѣж* (Ио. 16, 28, стр. 38; Ио. 16, 32, стр. 5) и *поставѣѣтъ* (Лк. 8, 16, стр. 34).

Осѣждаетъ (Ио. 7, 51, стр. 8) и *осѣдите сѣ* (Мф. 7, 2, стр. 10).

Отдадатъ (Мф. 9, 2, стр. 17) и *отъдаѣтъ* (Мф. 9, 5, стр. 18).

Отъдасте (Мф. 18, 35, стр. 26).

Отъдастъ (Мф. 12, 32, стр. 19).

Повѣстъ, *повѣдѣ* и *повѣдаетъ* (Ио. 15, 26, стр. 95; Ио. 16, 14, стр. 96; Ио. 16, 25, стр. 98) и *повѣдаѣж* (Ио. 18, 37, стр. 106).

Так же в одних случаях он заменяет одни итеративы другими, как, например:

Лк. 8, 14, стр. 32: *потаплѣжѣть сѧ* вместо *подавлѣжѣть сѧ* древне-еванг. текстов.

Лк. 8, 45, стр. 35: *оуриважѣть* вместо *оугнѣтажѣть* (Остр.), *оутѣштажѣть* (Зогр. и Мар.), *оутискажѣть* (Ассем.).

В других случаях употребляет глаголы простые или с приставками на месте страдательных причастий с вспомогательными глаголами или других простых глаголов. Например:

Мф. 6, 24, стр. 13: *оугодитъ* вместо *дрѣжитъ сѧ*. Греч. буд. вр. *ἀνθίσταται*.

Мф. 17, 20, стр. 23: *И ничѣтоже оуиметь сѧ* вамъ; Мар., Ассем. и Остр. *невъзможно бѣдетъ* вамъ. Греч. буд. вр. *ἀδυνατήσει*.

Мф. 9, 21, стр. 17: *еще тѣкмо коснѣсѧ* крај, *ризи* его *спсѣ сѧ*; Мар. *спсна бѣдѣ*; так же Ассем. и Остр. Греч. буд. пасс. *παθήσομαι*.

Мф. 6, 33, стр. 4: *и се все прѣдасть сѧ* вамъ; Зогр., Мар., Ассем. и Остр. *приложить сѧ*. Греч. *προστεθήσεται*.

Лк. 8, 15, стр. 32: *хранѣть* вместо *дрѣжатъ* (Зогр., Мор., Ассем. и Остр.).

Мф. 8, 12, стр. 15: *снве же црѣствиа ижденѣтъ сѧ* вместо *изгнани бѣдѣтъ*. Греч. буд. пасс. *ἐκβληθήσονται*.

Мф. 19, 20, стр. 27: *чесо* еще *лишѣ сѧ*; Зогр., Мар. Ассем. и Остр. *чесо есмь* еште не *доконьчалъ*. В греч. наст. вр. *ὑπερῶ*.

Но существование в языке Саввы итеративных и простых основ, употребление им форм настоящего времени глаголов совершенного вида и несовершенного не является доказательством того, что в языке Саввы, т. е. в языке восточной Болгарии в X в. состояние глагольной системы было такое же, как и в западной, в Македонии. Частое смешение форм настоящего времени глаголов совершенных и несовершенных, как будто сознательная замена форм с приставками — простыми формами глаголов без приставок, перевод греческого будущего формами настоящего времени итеративов и греческого настоящего — формами простыми с приставками, — говорит за то, что виды не получили еще своего развития в языке восточной Болгарии, даже такого, какое они имели в языке Македонии. (Как известно, и до сих пор в говорах восточной Болгарии категория вида развита меньше, чем в западной.).

Конечно, по одним формам будущего времени нельзя сделать окончательных выводов о состоянии вида в болгарском языке X в.; для этого нужно исследовать всю глагольную систему и не один памятник. С уверенностью, однако, можно сказать, что в языке восточной Болгарии в X в. формы настоящего времени глаголов совершенного вида не выражали будущего. Это наводит на мысль, что, в древнеболгарском восточном наречии никогда и не было форм простого будущего. Когда глаголы разделились на несовершенный и совершенный виды, формы настоящего времени глаголов совершенного вида утратили значение реального настоящего, но не приобрели значения реального будущего; они могли лишь выражать относительное будущее в придаточных предложениях, относящихся к главному в будущем времени, или законченное действие с некоторым оттенком будущего в предложениях с союзом *да*, которые заменили старое неопре-

деленное наклонение. Будущее время стало выражаться только описательно. Позднейшие памятники полностью подтверждают это.

Памятники среднеболгарского периода не отражают живого болгарского языка вследствие традиции, заставлявшей писцов писать так, как писали их отцы и деды. Среди этих памятников особняком стоит „Троянская притча“, памятник XIV в., найденный в летописи Манассии как вставочный рассказ. Автор этого рассказа, безусловно, хорошо знал литературный язык, литературные традиции и старался писать на литературном языке, но все же, — возможно потому, что он писал самостоятельно, — не имея перед собой образца, струя живого языка невольно прорывается у него через литературную установленную форму. Особенно заметно это в образовании форм будущего времени.

В „Троянской притче“ нет форм простого будущего; будущее время выражается глаголом *хощѣ* с инфинитивом спрягаемого глагола. Например: и мыслѣше *що хоцетъ се быти* (Троянская притча. „Starine“, 1871, кн. III, стр. 158).

Почто бысть се и хоцемъ погынѣти (там же, стр. 168).

Хоцетъ поити мои братъ Александръ фарижъ въ грѣкъ... и хоцетъ отъ онѣдоу довести Еленѣ и хоцетъ еѣ ради погорѣти Троя градъ (там же, стр. 164).

И паки хощѣ отъ онѣдоу скоро приѣти (там же, стр. 164).

Дондеже не поврататъ Ринеоудѣ оѣдоу еѣ не хоцетъ съи недѣгъ прѣстати (там же, стр. 176).

Немало примеров, где глагол *хощѣ* является уже в своей редуцированной форме:

Да аще поустишь Иектора, то не щешь го видѣти (там же, стр. 180).

Азь имама кто ще наша слъзы оутолити (там же, стр. 186).

Зане вѣдѣше колика сѣ щетъ кръвь пролияти (там же, стр. 168).

Формы настоящего времени глаголов совершенного вида встречаются только в придаточных предложениях или после союза *да*:

Да ти бѣдетъ имѣ Александръ (там же, стр. 160).

Понеже си пошелъ съ братомъ своимъ, да найдешъ ч(ь)сть а срамотѣ да оставишь (там же, стр. 170).

Да не за неѣ ради пролѣть сѣ велика кръвь и мнози витези погыбнѣтъ (там же, стр. 172).

О Якоупо госпожде, егда родиши сына не храни его (там же, стр. 158).

Аще ли ми не даси, да понестъ цѣкъ моѣ главѣ (там же, стр. 178).

Готовъ есмь приѣти мѣкы нежели длѣго мѣчимъ бѣдѣ (там же, стр. 178).

Формы настоящего времени глагола, совершенного вида в значении будущего в независимых предложениях попадают в „Троянской притче“ всего лишь в пяти примерах, из них два являются цитатами из священного писания, а следовательно, и даются в соответствующем виде: и сѣма нечѣстивыхъ потрѣбѣти (там же, стр. 186).

И не лишитъ добра ходѣщихъ незлоба (там же, стр. 186).

Один пример представляет также как бы цитату — это слова пророка, который разъясняет царю Приаму сон царицы: господине кралоу, родить сѣ отъ жены твоеѣ сынъ, за коего хоцетъ изгорѣти Троя градъ и разорить сѣ и не останеть камень на камени (там же, стр. 158).

В этом примере три формы настоящего времени глаголов совершенного вида, но две формы — разорить сѧ и не останеть находятся в придаточном предложении; кроме того разорить сѧ может быть вторым инфинитивом к глаголу хощеть, так как инфинитивы в этом памятнике часто являются уже с редуцированным и отвердевшим окончанием. Например: прѣорать щеть сына (там же, стр. 166): не щешь на шпѧть дочакать (там же, стр. 178).

Одна только форма родить сѧ как будто выражает реальное будущее. Но автор хорошо знал литературный язык своего времени и старался пользоваться им, а поэтому употребление здесь литературной формы вместо живой очень естественно, тем более, что подобное выражение встречается в евангелии (се дѣва во чрѣвѣ приметъ и родить сына).

В следующем примере употребление простого будущего, может быть, стоит в связи с тем, что сложное будущее находится в предшествующем придаточном предложении:

кто ми хощеть помогати въ троискомь дѣлѣ азъ дамъ емоу три долы злата (там же, стр. 162).

Автор, очевидно, не хотел здесь нагромождать сложных форм. Последний пример с простым будущим повторяется в двух разных редакциях: нинѣ мл любиши, нѣжъ приидеть врѣмѧ и оставиши мл (там же, стр. 162) и нинѣ мл любиши, а потомъ приидеть врѣмѧ, како мл хощещи оставити (стр. 172).

Повторяя первое предложение, автор уже переправляет настоящее время глагола оставиши на будущее: хощещи оставити, и только глагол приидеть остается в настоящем времени, что вполне объясняется тем, что он употребил здесь хорошо ему известную литературную форму.

Итак, судя по материалу „Троянской притчи“, можно думать, что в XIV в. не было форм простого будущего в болгарском живом языке.

Вторым памятником живого болгарского языка являются записи молитв семиградских болгар.

Переселенные в Семиградье (Трансильванию) в половине XIII в. (в 1266 г. они были уведены в плен венграми, напавшими на северо-восточную Болгарию), совершенно изолированные от своих соотечественников, семиградские болгары очень долго сохраняли свой язык. Существуют записи их молитв на болгарском языке. Эти записи показывают древнейшие черты болгарского языка, например носовые гласные, но наряду с этим и утрату падежных форм.

Восстанавливаемый по этим записям говор относят ко второй половине XIII в.¹

Категория будущего времени в говоре семиградских болгар выражается только описательно: глаголом хощѣ в редуцированной форме и инфинитивом спрягаемого глагола, также без окончания. Например:

аѣа ти ста да

аз ти щѣ да (Милети ч. Седмоградск. българи. . ., стр. 146).

на моит реант рад ста погтегна

на моит пѣнт рад щѣ потегна (там же, стр. 80, № 4).

¹ Милети ч. Седмоградските българи и техният език, стр. 17. Списание на Бълг. Акад. на Наук., кн. 33, 1926.

aβ βegi mu sta romaга
аз сеги му щъ помага (там же, стр. 124, № 32, 2).

sto steβ βvenβa na zemeta, ste bi
що щеш свенза на земята, ще би
sβvenβano i faf nebeto i sto stes
свензано и фъф небето и що щеш
raβvenβa na zemata ste bi raβvenβano
развенза на земята ще би развензано (там же, стр. 146, VI).

ni go ste da, pri angeleto ni ste βbra
ни го ще да, при ангелето ни ще сбра (там же, стр. 125,
№ 33, 16).

i kogi steme umre
и коги щеме умре (там же, стр. 119, № 30, 1).

togis ta stem fali i ti stem βpolava
тогис та щем фали и ти щем сполава (там же, стр. 151, XII).

Форма 3-го л. мн. ч. имеет редуцированную форму hant (Милетич транскрибирует ее как хънт).

komu stete prosti greβite tomuβ, hant bi prostenie
кому щете прости гресите томуз' хънт би простени (там
же, стр. 146, VI).

tvui deti hant stana okol trepezata
твуи дети хънт стана окол трепезата (там же, стр. 82, № 5, 5).

Форма настоящего времени совершенного вида в Чергедских молитвах является только после союза **да** или в придаточных предложениях. Например:

Fa.la da bande
фала да бънде (там же, стр. 89, № 11, 4).

tvoia beβedi videlo prinas da ne ugasne
твоне беседи видело при нас да не угасне (там же, стр. 103,
№ 21, 1).

cse βa rodi βarant naβ da ne βagineme
че са роди зарант нас да не загинеме (там же, стр. 105,
№ 23, 3).

cse i nam ni e da umrem
че и нам ни е да умрем (там же, стр. 100, № 19, 7).

da βa obarnime pak proti tebe
да са обърниме пак проти тебе (там же).

na da vidant ligieto cse igieme veare
нъ да видент лигието че лемеме вѣра (там же, стр. 141).

zantui otam pri lessusa muite rantze otegnam
зантуй от там при Исуса муите рънце отегнам (там же,
стр. 80, № 4, 5).

... kotro nam dobande
котро нам добънде (там же, стр. 119, № 30, 2).

kogib̄ βme f mlogo nevolja i nimam
 когис сме ф много неволя и нима́м

kam da βa danam i nigde ne obrenβtem pomagt
 кам да са дянем и нигде не обрeнцeм помощ (там же,
 стр. 133, № 37, 1).

Настоящее время в независимых предложениях употребляется только от глаголов несовершенного вида. Лишь в пяти примерах представлено настоящее время глаголов, которые в современном болгарском языке являются глаголами совершенного вида.

naste ucsi ne go csuien
 наш̄те уши не го чуeнт (там же, стр. 148).

Но глагол *чуя*, так же, как и глагол *видя* в современном болгарском языке не имеет безусловного значения совершенного вида.

В значении настоящего времени употреблены также и следующие глаголы:

sza nadeem faf Boga
 са надеем ф̄ф̄ бога (там же, стр. 95, № 15, 1).

kui greβit ma strasent ott βe nema βernant
 кун гресит(е) ма страшeнт, от все нема сeпнaнт (там же,
 стр. 95).

Глагол *сепна* — в новоболгарском языке совершенного вида, но был ли он таким в говоре семиградских болгар?

bogat uboga natiska, sirakot numai
 богат убога натиска, сиракот нума́и
 da p(l)iβka
 да писка (там же, стр. 149).

По формальному признаку глагол *натиска* совершенного вида, но употреблен явно в значении настоящего времени несовершенного вида. Значение настоящего времени чувствуется также и в последнем примере, где первый глагол несовершенный, а второй как будто совершенного вида:

ti βi otvaris tvuite βventi rantze i
 ти си отвaреш твуйте свeнти р̄нцe и
 napalnis βette βaβ tvoi βvent aldama's
 нап̄лнеш сетe със тво́и свeнт алдамаш (там же, стр. 152, III).

Эти примеры, однако, не являются показательными для говора семиградских болгар. И можно с уверенностью утверждать, что в нем будущее время выражается только сложной формой. Если согласиться с тем, что этот говор восходит ко второй половине XIII в., то, следовательно, для болгарского языка этого периода будущее время выразилось только описательно.

Итак, исследование форм настоящего — будущего времени в старославянских памятниках вполне подтверждает высказанное мною ранее предположение о том, что между восточнoболгарским наречием и наречием македонским в IX—X вв. существовали большие различия.

В то время как в македонском наречии довольно рано развилась категория совершенного и несовершенного вида и формы настоящего времени глаголов совершенного вида стали означать будущее время, в восточноболгарском наречии эти видовые различия возникли значительно позже и формы настоящего времени совершенного вида не получили здесь значения будущего времени, потому что во время установления категории совершенного и несовершенного вида в языке уже господствовала новая общевалканская форма будущего описательного времени.

С. К. Шаумян

СИСТЕМА ГЛАСНЫХ ФОНЕМ СОВРЕМЕННОГО ПОЛЬСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В настоящей статье мы ставим себе задачей рассмотреть основные особенности системы гласных фонем современного польского литературного языка. Прежде чем приступить к нашей непосредственной теме, мы считаем не лишним вкратце очертить сущность фонологического метода, которого мы придерживаемся.

I

Наша речь представляет собой звуковой поток. Отдельные звуки — кратчайшие отрезки этого потока, которые получаются в результате анализа слов. Такой анализ возможен потому, что замена этих отрезков может давать другие слова. Например: если у слова *дом* [dom] отрезок [d] заменить отрезками [k], [l], [r], [s], [t], то получим *ком, лом, ром, сом, том*. Если [o] заменим [a], [y], будем иметь слова *дам, дым*. Благодаря возможности подобных замен такие отрезки выделяются в словах как отдельные звуки речи.

Каждый отдельный звук, противопоставляясь всем другим звукам, которые могут заменить его в данном положении, служит различительной единицей. Эти звуки, в свою очередь, также служат различительными единицами. Отдельные звуки сами не обладают значением, но различают слова. Например, у слов *дом — том*, звуки [t] и [d] сами по себе ничего не значат, но они показывают, что *дом* и *том* разные слова. Именно в этом смысле звуки и представляют собой различительные единицы. С этой точки зрения принято говорить, что звуки в языке обладают различительной функцией.

Только что сказанное приводит нас к важному выводу: отдельный звук обладает двойственной природой. Именно: с одной стороны, он — совокупность определенных акустических свойств, с другой — различительная единица. Раз это так, мы вынуждены отказаться от старого понятия звука речи как чисто физического явления и заменить его новым. Мы берем понятие звука как физического явления и понятие различительной единицы и объединяем их в высшем синтезе — в понятии, которое обозначается термином фонема. Фонема есть одновременно и звук и различительная единица. Эти две стороны неделимы друг от друга. Если отвлечься от того, что фонема — раз-

личительная единица, то останется звук — физическое явление, а не элемент языка. Если же, наоборот, отвлечься от того, что фонема есть звук, то понятие различительной единицы повиснет в воздухе, останется голая абстракция, которой ничто не соответствует в действительности.

В том, что фонема есть различительная единица, выражается социальная природа языка. Язык — орудие общения между людьми и в нем звуки имеют цену не сами по себе, а только как средство различения слов.

Итак, фонема имеет две стороны: физическую и функциональную. Обе эти стороны зависят друг от друга и обуславливают друг друга, поэтому мы должны перейти к анализу их взаимодействия. Для фонем как различительных единиц существенно лишь одно: чтобы они не смешивались друг с другом. Эта особенность функциональной стороны отражается на физической стороне фонем. Акустические свойства каждой фонемы раздваиваются на существенные и несущественные. Существенные акустические свойства фонемы — это те, которые достаточны, чтобы она не смешивалась с другими фонемами. Несущественные же акустические свойства безразличны в этом отношении. Существенные акустические свойства принято называть дифференциальными признаками фонемы. Существенные акустические свойства или, что то же, дифференциальные признаки данной фонемы, зависят от того, каковы остальные фонемы, которым она противопоставляется как различительная единица. Вот почему две фонемы в разных языках, физически не отличающиеся друг от друга, могут обладать разными дифференциальными признаками. Возьмем фонему [k] в русском языке и фонему [k] в литовском языке. Физически обе фонемы почти ничем не различаются, но какая резкая разница между их дифференциальными признаками! Фонема [k] в русском языке имеет следующие дифференциальные признаки: 1) смычность; ср. противопоставление [k — x]; 2) заднеязычность; ср. противопоставление [k — p]; 3) глухость; ср. противопоставление [k — g]. Но в литовском языке фонема [k], которая физически совпадает с фонемой [k] русского языка, обладает только двумя дифференциальными признаками. Первый дифференциальный признак — смычность — у ней отсутствует. Почему? Потому что в литовском языке отсутствует фонема [x], а следовательно, и противопоставление [k — x].

Если дифференциальные признаки данной фонемы зависят от всех фонем, которым она противопоставляется, то и она, в свою очередь, обуславливает дифференциальные признаки этих последних. Так, в русском языке смычность как дифференциальный признак фонемы [k] зависит от фонемы [x], которой она противопоставляется. Но эта же фонема [k], в свою очередь, обуславливает тот факт, что у фонемы [x] фрикативность является дифференциальным признаком. Если бы в русском языке отсутствовала фонема [k], а стало быть, и противопоставление [k — x], то у фонемы [x] фрикативность не была бы дифференциальным признаком. Отсюда следует, что в каждом языке фонемы взаимодействуют. В связи с этим возникает необходимость в новом понятии — в понятии системы фонем.

Что такое система вообще? Система есть целое, части которого связаны друг с другом не механически, а органически, т. е. они зависят друг от друга и обуславливают друг друга. Свойства каждой

части этого целого зависят от совокупности всех остальных частей, т. е. от самого целого. Что такое система фонем? Система фонем есть совокупность фонем данного языка как различительных единиц, противопоставляемых друг другу. Каждая фонема есть часть этого целого, потому что ее существенные акустические свойства, ее дифференциальные признаки определяются всеми остальными фонемами, которым она противопоставляется.

К чему обязывает нас признание факта, что во всяком языке фонемы органически связаны друг с другом, т. е. образуют систему? Оно обязывает нас принять исследование дифференциальных признаков за основу фонологического анализа. В самом деле, каждой фонеме данного языка присуща характерная только для нее одной совокупность дифференциальных признаков, которая отличает ее от всех остальных фонем, взаимодействующих с нею. Сущность взаимодействия фонем выражается в их дифференциальных признаках. Стало быть, только анализ дифференциальных признаков позволяет нам проникнуть в суть взаимодействия между фонемами, в суть системы фонем данного языка.

Рассмотрим теперь зависимость фонемы от ее положения в речевом потоке. В речевом потоке фонемы в результате взаимного влияния подвергаются комбинаторным изменениям; поэтому одна и та же фонема существует в нескольких звуковых разновидностях или, как принято говорить, вариантах. Варианты одной и той же фонемы могут отличаться друг от друга только несущественными акустическими свойствами. Дифференциальные же признаки у них должны быть одинаковыми. Для того, чтобы решить, являются ли звуки, находящиеся в разных положениях, вариантами одной и той же фонемы, необходимо на основании исследования противопоставлений фонем в данных положениях определить дифференциальные признаки этих звуков: если дифференциальные признаки окажутся у них одинаковыми, то их следует считать вариантами одной и той же фонемы, в противном же случае они должны быть отнесены к разным фонемам. Так, открытое [ɛ] в слове *этот* и закрытое [ɛ] слова *петь* представляют собой варианты одной и той же фонемы только на том основании, что они обладают одинаковыми дифференциальными признаками.

Здесь возникает такой вопрос: обязательно ли исследование дифференциальных признаков для определения вариантов одной и той же фонемы? Не проще ли при решении этой проблемы обращаться к языковому чутью говорящих? Ведь в большинстве случаев, руководствуясь нашим языковым чутьем, мы без всякого труда определяем варианты одной и той же фонемы. На это мы должны ответить, что ссылка на языковое чутье не есть лингвистическое доказательство. Языковое чутье есть только приблизительное отражение в индивидуальном сознании объективных закономерностей, существующих в самом языке. Восприятие говорящими двух данных звуков как вариантов одной и той же фонемы есть субъективное отражение того объективного факта, что эти звуки обладают одинаковыми дифференциальными признаками. В этом отношении фонологию можно сравнить, например, с физической теорией цветов. Люди без труда могут отличать один основной цвет от другого, скажем, красный от зеленого. Но физика занимается не нашими восприятиями, а объективными закономерностями, которыми определяется многообразие цветов.

Итак, ссылки на языковое чутье не могут заменить анализ дифференциальных признаков. Не действительно также и чисто эмпирическое правило определения вариантов фонемы, предложенное Н. С. Трубецким. По Н. С. Трубецкому, вариантами одной и той же фонемы должны считаться два акустически родственных звука, которые взаимно исключаются в одном и том же положении.¹ Правило своё Н. С. Трубецкой поясняет следующим примером: в русском языке звуки [ö] и [ä] встречаются только между двумя мягкими согласными, тогда как звуки [o] и [a] не могут находиться именно в этом положении. Так как [ö] в качестве губного гласного среднего подъёма стоит ближе к [o], чем к [a], и так как [ä] в качестве негубного гласного нижнего подъёма более сходен с [a], нежели с [o], то отсюда будто бы следует, что звуки [o] и [ö] являются вариантами фонемы [o], а звуки [a] и [ä] вариантами фонемы [a].

Понятие акустического родства, которым оперирует Трубецкой, — чисто эмпирическое понятие, неуместное в фонологии. В самом деле, теоретически фонемы могут подвергаться любым комбинаторным изменениям, лишь бы только они не смешивались друг с другом. Представим себе язык, в котором у фонем [i], [e], [æ] артикуляция становится резко открытой, когда они находятся, скажем, в открытом слоге, и остается закрытой, когда они стоят в закрытом слоге. Мы вправе допустить, что в артикуляции наших фонем происходит сдвиг на одну ступень открытости. Такое комбинаторное изменение можно показать на следующей табличке:

В закрытом слоге		В открытом слоге
[i]	←—————→	[e]
[e]	←—————→	[æ]
[æ]	←—————→	[a]

Стрелками показаны варианты одной и той же фонемы. Подобные комбинаторные изменения мыслимы не только теоретически, но и действительно наблюдаются в некоторых языках.

Мы видим, что несмотря на резкие комбинаторные изменения, функционирование фонем не нарушено, потому что в открытом слоге они не смешиваются друг с другом, так же как и в закрытом. На каком же основании мы считаем звуки, соединенные стрелками, вариантами одной и той же фонемы? Как показывает наш пример, суть дела здесь в тождестве дифференциальных признаков, а вовсе не в том, что два акустически родственных звука взаимно исключаются в одном и том же положении. Действительно, почему мы считаем [i] и [e] вариантами одной и той же фонемы? Потому что [i] и [e] являются самыми закрытыми гласными каждый в своем фонологическом ряду (фонологическим рядом мы условимся называть фонемы, выделяемые в одном и том же фонетическом положении; на таблице эти ряды показаны по вертикалям). Это значит, что они обладают одинаковым дифференциальным признаком, именно — максимальной закрытостью. Звукам [i] и [e], хотя они и являются вариантами одной и той же фонемы, не свойственно ни акустическое родство ни взаимное исключение в одном и том же положении. Далее: звук [e] в первом

¹ N. S. Trubetzkoy. Grundzüge der Phonologie. Prague, 1939, s. 45.

ряду и звук [e] во втором ряду, несмотря на то, что они акустически совпадают друг с другом, являются вариантами разных фонем. Почему так? Потому, что эти звуки обладают разными дифференциальными признаками, именно: звук [e] в первом ряду сравнительно с остальными звуками является гласным второй степени открытости и тем самым соответствует гласному [æ] второго ряда, тогда как во втором ряду звук [e] представляет собой гласный первой степени открытости, соответствуя гласному [i] первого ряда. Остальные звуки в нашем примере объединяются как варианты фонем также на основе тождества дифференциальных признаков.

Только что сказанное убеждает нас в полной несостоятельности эмпирического правила Н. С. Трубецкого: звуки могут быть вариантами одной и той же фонемы, хотя бы они и не были акустически родственны и не исключались взаимно в одном и том же положении. Главное не эти случайные, непостоянные моменты, а тождество дифференциальных признаков, которое является существенным условием принадлежности звуков к одной фонеме.

Таким образом, как исследование взаимодействия между фонемами, так и определение вариантов одной и той же фонемы, основаны на анализе дифференциальных признаков. Показав это, мы тем самым очертили сущность фонологического метода, которого мы придерживаемся. Она состоит в признании последовательного анализа дифференциальных признаков основой фонологии. Необходимость класть в основу фонологии последовательный анализ дифференциальных признаков обусловлена диалектическим взаимодействием функциональной и физической стороны фонемы. Именно в анализе дифференциальных признаков выражается, с одной стороны, различие между фонологией и фонетикой, а с другой — их тесная взаимная связь. Для фонетиста все акустические свойства фонемы одинаково существенны, и в его задачу входит лишь возможно более точная и полная характеристика этих свойств. Фонолог же ставит себе целью, опираясь на данные фонетического анализа, определить дифференциальные признаки фонем, т. е. те акустические свойства, которые достаточны, чтобы фонемы не смешивались друг с другом.

II

Материалом нашего исследования послужит современная разговорная речь варшавской интеллигенции. Подробным фонетическим описанием этой разновидности современного польского литературного языка наука обязана главным образом польскому ученому Титу Бенни.

Первая задача фонолога — установить инвентарь фонем исследуемого языка. Мы прежде всего должны выяснить, какими гласными фонемами располагает современный польский литературный язык.

Как стоит вопрос относительно инвентаря польских гласных фонем?

Наличие фонем [a], [o], [e], [u] в польском языке не вызывает никаких сомнений. Но относительно носовых гласных [ɔ] и [ɛ] возникает такой вопрос: не есть ли эти гласные на самом деле только варианты сочетаний фонем [on] или [om], с одной стороны, и [en] или [em] — с другой? Здесь дело обстоит не так просто, как может показаться на первый взгляд.

Далее, в польском языке существует также носовые гласные [ã], [i̯], [y̯]. Относительно них также требуется доказать, есть ли это самостоятельные фонемы или только варианты сочетаний фонем [an] или [am], [in] или [im] и [un] или [um].

Наконец, в польском языке существуют [i] и [y]. Эти гласные принято считать вариантами одной и той же фонемы. Если это действительно варианты одной и той же фонемы, то необходимо доказать, что они обладают одинаковыми дифференциальными признаками.

Начнем с гласных [i] и [y]. Эти гласные встречаются только в разных положениях: [y] после твердых согласных, а [i] после мягких согласных. Если оставить в стороне носовые гласные, то как в положении, где встречается [y], так и в положениях, где выступает [i], никогда не различается более пяти гласных. Возьмем слова *ty* [ty] „ты“, *ta* [ta] „эта“, *te* [te] „эти“, *to* [to] „это“, *tu* [tu] „тут“, с одной стороны, и *lik* [l'ik] „число“, *lak* [l'ak] „сургуч“, *lek* [l'ek] „лекарство“, *lok* [l'ok] „локон“, *luk* [l'uk] „дыр“ с другой (точка обозначает палатальную окраску гласных, зависящую от соседства с мягкими согласными). В этих примерах после твердого согласного [t] различаются гласные [y], [a], [e], [o], [u], а после мягкого [l'] — гласные [i], [ã], [é], [ó], [ú]. Это можно представить следующей табличкой:

После [t]	После [l']
[y]	[i]
[a]	[ã]
[e]	[é]
[o]	[ó]
[u]	[ú]

Хотя звуки [y] и [i] резко отличаются один от другого, однако различие между [y] и гласными [a], [e], [o], [u] аналогично различию между [i] и гласными [ã], [é], [ó], [ú]. Это выражается в одинаковости дифференциальных признаков [y] и [i]. В самом деле: [y] отличается от [a], [e], [o], [u] двумя дифференциальными признаками — максимальной закрытостью и отсутствием губного округления. Но ведь этими же дифференциальными признаками отличается и звук [i] от [ã], [é], [ó], [ú]. Стало быть, звуки [i] и [y] должны считаться вариантами одной и той же фонемы. Следует заметить, что звук [y] отличается от [u], а звук [i] от [ú] не только отсутствием губного округления, но и передним образованием. Но, как мы докажем ниже, переднее и заднее образование в современном польском литературном языке вообще не может служить дифференциальным признаком гласных фонем. Здесь мы не останавливаемся на этом вопросе, потому что, если даже и принять в расчет место образования гласных, существо дела нисколько не изменится. И в этом случае мы должны будем признать [y] и [i] вариантами одной и той же фонемы.

Необходимо остановиться на обстоятельстве, которое может подать повод к недоразумениям. Возможны следующие три случая, когда [i] выступает в тех же условиях, как и [y], т. е. после твердых согласных, причем эти согласные подвергаются некоторому смягчению, которое носит чисто комбинаторный, нефонологический характер:

1. В иностранных словах, например *Cicero* [s'icero] „Цицерон“, *maksimum* [maks'imum].

2. В род. п. ед. и мн. ч. существительных женского рода на [-ja] после согласных: *kwestii* [kfest'i] „вопроса“ или „вопросов“, *Irlandii* [ir'and'i] „Ирландии“, *pasji* [pas'i] „страсти“, *Azji* [az'i] „Азии“, *konstytucji* [kɔstytuc'i] „конституции“ или „конституций“ и т. д.

3. После префиксов, например, в словах: *bezimenna* [bez'im'enna] „безымянная“, *ziścić* [z'isćić] „осуществить“, *roziskrzac się* [roz'iskšać še] „искриться“ и в таких сочетаниях слов, как *brat idzie* [brat'ize] „брат идет“, *nos i broda* [nos' i broda] „нос и борода“, *zigłą* [z'igłɔ] „с иглой“.

Во всех только что приведенных примерах звуки [s'], [z'], [c'] не следует смешивать с фонемами [š], [ž], [č].

Подобные факты впервые были отмечены К. Нитшем.¹

Эти примеры на первый взгляд как будто свидетельствуют, что [i] и [y] иногда встречаются в одном и том же положении и потому должны быть признаны отдельными фонемами. Однако, в первом случае речь идет об иностранных словах, еще не вполне усвоенных польским языком. Произношение этих слов уклоняется от действующих норм и не должно приниматься в расчет при определении закономерностей фонологической системы. Во втором случае произношение [i] после [t'], [d'], [s'], [z'], [c'] фонологически обусловлено тем, что эти согласные представляют собой в действительности варианты сочетаний [tj], [dj], [sj], [zj], [cj]. Что касается третьего случая, то здесь звуки [i] и [y] действительно противопоставляются один другому в одинаковом положении. Так, слово *posy* [posy] „носы“ и сочетание *pos i* [pos'i] „нос и“, например, в *pos i broda* различаются между собой в сущности только гласными [y] и [i]. Но подобные примеры вовсе не доказывают, что звуки [y] и [i] должны считаться разными фонемами. Суть противопоставления этих звуков сводится к тому, что [i] обозначает наличие стыка между словами или между префиксом и корнем, а [y] — отсутствие такого стыка. Так что в этом случае [i] и [y], оставаясь вариантами одной и той же фонемы, служат разграничительными сигналами. Звук [i] — это положительный разграничительный сигнал, а звук [y] — отрицательный разграничительный сигнал.

Сходный случай наблюдается в английском языке. Здесь звуки [l] и [ɫ], которые резко отличаются один от другого палатальной и веларной окраской, представляют собой варианты одной и той же фонемы, так как первый встречается только перед гласными, а второй — перед согласными. Однако перед гласными возможно не только [l], но и [ɫ]. Сравнивая *we lend* [wilend] „мы даем займы“ и *will end* [w'ɪlɛnd] „окончится“, мы убеждаемся, что звуки [l] и [ɫ] могут противопоставляться один другому в одном и том же положении. Но из подобных примеров еще не следует, что звуки [l] и [ɫ] представляют собой разные фонемы. Дело в том, что во всех таких случаях [ɫ] встречается только в конце слова и тем самым обозначает наличие стыка между словами, тогда как звук [l], никогда не стоящий в конце слова, указывает на отсутствие стыка между словами. Таким образом, в английском языке звуки [ɫ] и [l], являясь вариантами одной и той же фонемы, в то же время служат разграничительными сигналами. Звук [ɫ] — положи-

¹ K. Nitsch. Przyczynki do wymowy dzisiejszej polszczyzny literackiej. Materiały i prace komisji językowej Akademii Umiejętności w Krakowie, t. IV. Kraków, 1909.

тельный разграничительный сигнал, а звук [l] — отрицательный разграничительный сигнал. Итак, учение о разграничительных сигналах, которое, как известно, составляет один из важных разделов фонологии, дает ключ к объяснению фактов появления [i] и [y] в одном и том же положении.

Перейдем к носовым гласным. Рассмотрим прежде всего гласные [ã], [ĩ], [ỹ]. Эти носовые гласные встречаются перед щелевыми согласными [f], [v], [f'], [v'], [s], [z], [ś], [ź], [š], [ż] только в иностранных словах. Но многие из этих слов, как например, [trɔvaj] „трамвай“, [trɔsport] „транспорт“, [kuʂt] „мастерство“, [vjšovać] „поздравлять“, перестали уже восприниматься, как иностранные. Для обозначения носовых гласных [ã], [ĩ], [ỹ] в польском языке нет особых букв. Эти гласные обозначаются сочетаниями из двух букв следующим образом: [ã] = an, am, [ĩ] = in, im, [ỹ] = un, um. Например, орфографическое написание только что приведенных слов имеет такой вид: [trɔvaj] = tramwaj, [trɔsport] = transport, [kuʂt] = kunszt, [vjšovać] = winszować. Другие примеры: [awaʂ] = awans „аванс“, [mʊʂtuk] = munsztuk „мундштук“, [trjuf] = triumf „триумф“, [jʂpektor] = inspektor „инспектор“. Под влиянием орфографии некоторые поляки вместо [ã], [ĩ], [ỹ] произносят [an] или [am], [in] или [im], [un] или [um]. Но такое произношение считается книжным, оно чуждо фонологической системе разговорного польского языка. Стало быть, при решении вопроса, есть ли [ã], [ĩ], [ỹ] самостоятельные фонемы или нет, мы не вправе ссылаться на это книжное произношение.

Перед щелевыми [f], [f'], [v], [v'] возможны не только [ã], [ĩ], [ỹ], но и [an], [in], [un]. Сравни: tramwaj [trɔvaj] „трамвай“, triumf [trjuf] „триумф“, kamfora [kafora] „камфора“, amfibia [afibja] „амфибия“ и kanwa [kanwa] „канва“, inwitacja [inv'itacja] „приглашение“, Grunwald [grunval't] „Грюнвальд“. Зато в этом положении никогда не встречаются сочетания [am], [im], [um].

Перед щелевыми [s], [z], [ś], [ź], [š], [ż] наряду с [ã], [ĩ], [ỹ] возможно и [am], [im], [um]. Сравни: transport [trɔsport] „транспорт“, inspektor [jʂpektor] „инспектор“ и zamsz [zamś] „замша“, mamrzyć [mamrzyć] „бормотать“, Samson [samson] „Самсон“. Зато в этом положении не допускаются [an], [in], [un].

Остановимся на гласном [ã]. Его отношение к сочетаниям [an] и [am] можно представить следующей табличкой:

Перед [f], [v], [f'], [v']	Перед [s], [z], [ś], [ź], [š], [ż]
[ã]	[ã]
[an]	[am]

Достаточно беглого взгляда на эту табличку, чтобы убедиться, что [ã] в первом ряду не тождественно [ã] второго ряда. Речь идет, конечно, не о фонетическом, а о фонологическом тождестве. В самом деле, отношение [ã] к [an] не может быть тождественно отношению [ã] к [am], потому что [an] и [am] — разные сочетания. Иначе говоря, оба эти [ã], несмотря на полное фонетическое сходство, обладают неодинаковой различительной функцией.

Ни в первом, ни во втором ряду гласные [ã] не могут рассматриваться как самостоятельные фонемы, потому что в первом ряду отсутствует сочетание [am], а во втором — [an]. Следовательно, оба [ã]

должны считаться вариантами сочетаний [an] или [am]. Так как в первом ряду мы находим сочетание [an], то здесь [a] должно рассматриваться как вариант сочетания [am]. Во втором же ряду дело обстоит наоборот. Там допускается сочетание [am] и отсутствует [an]. Стало быть, там [a] служит вариантом [an].

Таким образом мы приходим к заключению, что перед [f], [v], [f'], [v'] гласный [a] служит вариантом сочетания [am], а перед [s], [z], [ś], [ź], [š], [ž] — вариантом сочетания [an]. Что касается носовых гласных [i] и [y], то на основании аналогичных соображений мы должны признать, что перед [f], [v], [f'], [v'] они служат вариантами сочетаний [im], [um], а перед [s], [z], [ś], [ź], [š], [ž] — вариантами сочетаний [in], [un].

Итак, [a], [i], [y] — не самостоятельные фонемы, а варианты сочетаний фонем [an], [in], [un] или [am], [im], [um]. Следует отметить, что встречается также носовой гласный [y], например, в слове *gunsztok* [gʏstok] „сток“. Так как [i] и [y] представляют собой варианты одной и той же фонемы, то и [y] должно считаться в функциональном отношении тождественным [i]. Поэтому все сказанное об [i] в равной степени относится и к [y].

Займемся теперь гласным [ɛ].

Чтобы правильно решить вопрос об этом гласном, мы прежде всего должны остерегаться, чтобы нас не сбивала с толку орфография. На письме носовой гласный [ɛ] обозначается буквой *ę* или в иностранных словах сочетаниями букв *en* и *em*. Примеры: *kęs* [kɛs] „кусок“, *sens* [sɛs] „смысл“, *emfaza* [ɛfaza] „напыщенность“. Носовой гласный [ɛ] возможен только перед щелевыми [f], [v], [f'], [v'], [s], [z], [ś], [ć], [š], [ź], [x]. В написании некоторых грамматических форм буква *ę* сохраняется по традиции в конце слова, хотя в этом положении современный польский литературный язык не терпит носового гласного [ɛ]. Примеры традиционных написаний: *idę* [ide] 1-ое лицо ед. ч. наст. вр. от *iść* „итти“; *wodę* [vode] вин. п. ед. ч. от *woda* „вода“. Отметим, что некоторые поляки под влиянием орфографии произносят в таких грамматических формах [ɛ] вместо [e], а в иностранных словах [en] или [em] вместо [ɛ]. Но такое произношение справедливо считается книжным и потому не должно приниматься в расчет при исследовании разговорного языка.

Итак, за основу анализа фонологической роли носового гласного [ɛ] следует принять положение, что этот носовой гласный возможен только перед щелевыми согласными. В сущности [ɛ] встречается в таких же условиях, как и [a], [i], [y]. Так, перед [s], [z], [ś], [ź], [š], [ž], [x] гласный [ɛ] противопоставляется только сочетанию [em], потому что сочетание [en] в этом положении невозможно. Сравни: *sens* [sɛs] „смысл“, *gęs* [gɛs] „гусь“, *węch* [wɛx] „обоняние“ и *gienia* [g'ɛnia] „дикая коза“, *bremza* [bremza] „вагонный тормоз“, *kremserwajs* [kremservajs] „цинковые белила“, *czereпча* [ɕeremxa] „черемуха“. Таким образом, подобно гласным [a], [i], [y], гласный [ɛ] не может считаться самостоятельной фонемой. Перед [f], [v], [f'], [v'] гласный [ɛ] служит вариантом [em], а перед [s], [z], [ś], [ź], [š], [ž], [x] — вариантом [en].

Перейдем к носовому гласному [ɔ]. На письме этот носовой гласный обозначается буквой *ą* или в иностранных словах сочетанием *on* или *om*. Примеры: *wąchać* [vɔxać] „нюхать“, *konsul* [kɔsul] „консул“, *komfort* [kɔfort]. Произношение [on] или [om] вместо [ɔ] имеет место под влиянием орфографии и должно считаться отклонением от фонологической нормы разговорного языка.

В отличие от носовых гласных [a], [i], [y], [ɛ], представляющих собой только варианты сочетаний гласных фонем [a], [i], [u], [ɛ] с фонемой [n] или [m], носовой гласный [ɔ] должен быть признан особой фонемой, потому что он встречается не только перед щелевыми согласными, но и в конце слова, где противопоставляется гласной фонеме [o] и сочетаниям фонем [on], [oŋ], [om]. Вот несколько примеров этих противопоставлений: sala [sal'ɔ] тв. п. ед. ч. от sala „зал“ — salom [sal'om] дат. п. мн. ч. от того же слова — salon [sal'on] „салон“; karta [kartɔ] тв. п. ед. ч. от karta „карта“ — kartom [kartom] дат. п. мн. ч. от того же слова — karton [karton] „картон“; mało [maɔ] „мало“ — mała [maɔ] вин. — тв. п. ед. ч. от mała „маленькая“; ta [tɔ] „этой“ — ton [ton] „тон“ — toń [toń] „тоня“ — tom [tom] „том“.

Фонема [ɔ] встречается не только перед щелевыми и в конце слова. Анализ дифференциальных признаков сочетаний [on], [om], [oŋ] перед смычными и аффрикатами приводит нас к заключению, что эти сочетания являются вариантами фонемы [ɔ]. Дело в том, что перед смычными и аффрикатами звуки [n], [m] и [ŋ] никогда не противопоставляются в одном и том же положении, и поэтому место образования не служит у них дифференциальным признаком. В силу этого сочетания [on], [om], [oŋ] оказываются в фонологическом отношении тождественными и их дифференциальные признаки сводятся к дифференциальным признакам фонемы [ɔ]. Таким образом, дифференциальные признаки сочетаний [on], [om], [oŋ] перед смычными и аффрикатами совпадают с дифференциальными признаками фонемы [ɔ], на основании чего эти сочетания и должны считаться вариантами данной фонемы. Рассмотрим эти варианты ближе.

1) Перед [t], [d], [c], [z], [č] вариантом носовой гласной фонемы [ɔ] служит [on]. На письме [on] обозначается буквой a или, в иностранных словах, сочетанием букв on. Примеры: porządek [poʒondek] „порядок“, płać [pl'ontać] „путать“, gorąco [goronco] „жарко“, pieniądze [p'eńonze] „деньги“, gorączka [gorončka] „лихорадка“, kontrakt [kontrakt] „контракт“, kondolencja [kondo'l'encja] „соболезнование“, koncert [koncert] „концерт“. 2) Перед [p] и [b] вариантом носовой гласной фонемы [ɔ] служит [om]. На письме [om] обозначается буквой a или, в иностранных словах, сочетанием букв om. Примеры: stapać [stompać] „ступать“, rąbać [rambać] „рубить“, kompot [kompot] „компот“, kombatant [kombatant] „участник войны“. 3) Перед [k] и [g] вариантом носовой гласной фонемы [ɔ] служит [oŋ], которое на письме обозначается буквой a или, в иностранных словах, сочетанием букв on. Примеры: mała [moŋka] „муха“, ściągać [ścoŋgać] „стягивать“, konkurs [koŋkurs] „конкурс“, kongres [koŋgres] „конгресс“. Следует прибавить, что если перед заднеязычными согласными проходит граница между морфемами, то в этом особом случае звуки [n] и [m] противопоставляются друг другу как самостоятельные фонемы. Поэтому в таких словах, как postronki [postronki] „шнуры“ (ср.: postronek [postronek] „шнур“) и domku [domku] „домика“ (ср.: domek [domek] „домик“) [on] и [om] должны рассматриваться не как варианты носовой фонемы [ɔ], а как сочетание гласной фонемы [o] с фонемами [n] и [m].

Итак, из всех носовых гласных самостоятельной фонемой может считаться только [ɔ]. Носовой гласный [ɛ] не есть особая фонема, а представляет собой сочетание фонемы [e] с фонемой [n] или [m].

Таким образом, инвентарь польских гласных фонем сводится к следующим шести фонемам: [a], [e], [o], [u], [i], [ɔ].¹

III

Рассмотрим теперь основные варианты каждой гласной фонемы. В польском языке неударные гласные по качеству почти не отличаются от ударных. Зато очень сильно выражено приспособление гласных к соседним согласным. Соседство мягких согласных сообщает палатальную окраску задним гласным и усиливает ее у передних гласных. В этом отношении для каждой гласной фонемы характерны три основных положения: 1) между твердыми согласными; 2) между твердым и мягким или между мягким и твердым согласным; 3) между двумя мягкими согласными. Между двумя мягкими согласными палатальная окраска фонем [u] и [o] настолько сильна, что они приближаются к немецким гласным [ü] и [ö]. Вот примеры на каждое из этих трех положений:

Фонема [a]: 1) pas „пояс“; 2) paść „пасти“, piana „пена“; 3) siać „сеять“. Фонема [o]: 1) most „мост“; 2) mościć „мостить“; siostra „сестра“; 3) ciocia „тетя“. Фонема [u]: 1) cud „чудо“; 2) puścić „пустить“, miód „мед“; 3) ludzie „люди“. Фонема [e]: 1) cena „цена“; 2) cenić „ценить“, pociesza „утешение“; 3) cień „тень“. Фонема [i]: 1) syn „сын“, 2) tysiąc „тысяча“, siła „сила“; 3) siwieć „седеть“. Фонема [ɔ]: 1) kąsać „кусать“; 2) gąsienica „гусеница“, wsiążyć „беспрерывно“; 3) siąść „сесть“.

Фонема [e] в сочетании [ej] после твердых согласных произносится двояко. Произношение фонемы [e] в окончаниях склонения прилагательных женского рода, например в tej „этой“, ładnej „красивой“, dobrej „хорошей“, отличается от произношения в именах Matejko, Jotejko, Ginejko более палатальным характером, несмотря на то, что в обоих случаях она находится в одинаковых фонетических условиях.² Большая палатальность фонемы [e] в первом случае объясняется тем, что на произношение [e] в tej, ładnej, dobrej повлияло произношение [e] в głupiej „глупой“, taniej „дешевой“, т. е. в аналогичных формах с мягкой основой, где [e] находится после мягких согласных. Подобным же образом произношению [e] в lżejszy „более легкий“, mądrzejszy „более умный“, свойствен более палатальный характер, нежели в Matejko, Ginejko, Jotejko, под влиянием аналогичных форм с мягкой основой mniejszy „более маленький“, śmieszniejszy „более смешной“.

Здесь мы сталкиваемся с любопытным случаем влияния морфологических факторов на замену одного варианта фонемы другим в одном и том же положении. Возможность употребления разных вариантов фонемы в одном и том же положении приводит к тому, что эти варианты получают разграничительную функцию. Так, мы видим, что более закрытый вариант фонемы [e] в словах tej, ładnej, dobrej, lżejszy, mądrzejszy по отношению к более открытому варианту этой

¹ Ср.: N. S. Trubetsky, Grundzüge der Phonologie. Prague, 1939, стр. 164. St. Szober. Gramatyka języka polskiego, 3 wyd. 1931; G. L. Trager. La systématique des phonèmes du polonais. Acta Linguistica, I, 1939; Z. Stieber. Dwa problemy z polskiej fonologii. Biuletyn polskiego towarzystwa językoznawczego, VIII, 1948.

² Ср.: T. Benni, Samogłoski polskie. Warszawa, 1912.

фонемы в словах *Matejko*, *Jotejko*, *Ginejko* должен рассматриваться в качестве положительного разграничительного сигнала, так как он находится на стыке морфем. Более открытое произношение фонемы [e] в *Matejko*, *Jotejko*, *Ginejko* воспринимается говорящими как показатель отсутствия стыка морфем в данном положении. Поэтому в этих словах более открытый вариант фонемы [e] следует считать отрицательным разграничительным сигналом.

На этом мы заканчиваем замечания об основных вариантах гласных фонем.

IV

Выяснив инвентарь гласных фонем и установив их основные варианты, переходим к исследованию самих дифференциальных признаков. Дифференциальными признаками гласных фонем могут служить: 1) место образования в полости рта; 2) положение губ; 3) подъем языка; 4) положение мягкого нёба; 5) отношение долготы и краткости. Мы должны выяснить, какие из этих возможных дифференциальных признаков и в какой мере свойственны гласным фонемам современного польского литературного языка.

Начнем с места образования в полости рта. Место образования полости рта не служит дифференциальным признаком в системе польских гласных фонем. В противопоставлениях [e—o] и [i—u] дифференциальным признаком является не переднее и заднее образование гласных, а наличие и отсутствие губного округления. Мы уже говорили, что фонемы [o], [u] между согласными звучат [ö], [ü], например в *ciocia* „тетя“, *ludzie* „люди“. С другой стороны, фонема [e] между твердыми согласными и фонема [i] после твердого согласного звучат [ɛ], [y], например в *sepa* „цена“, *syn* „сын“. Отсюда следует, что [ö], [ü] как варианты фонем [o], [u] в отношении положения языка почти не отличаются от [e], [y] как вариантов фонем [e], [i]. Единственным существенным различием между [ö] и [ɛ] и между [ü] и [y] является не место образования, а наличие или отсутствие губного округления. Это и дает нам право заключить, что в противопоставлениях [e—o] и [i—u] дифференциальным признаком служит отсутствие и наличие губного округления, а не переднее и заднее образование данных гласных фонем. Нам могут возразить, что фонемы [o] и [u], стоящие между мягкими согласными, находятся в зависимом положении и что будто только в этом зависимом положении место образования этих гласных утрачивает силу дифференциального признака, которая ему присуща в остальных случаях. На это мы ответим, что разделение фонетических положений на зависимые и независимые (или минимально зависимые) ошибочно. Все фонетические положения (за исключением, конечно, слабых) всегда одинаково зависимы. Активную роль играет не только соседство мягких согласных, заставляющее фонемы [o], [u] звучать [ö], [ü], но и соседство твердых согласных, заставляющее эти фонемы звучать [o], [u]. Поэтому мы не имеем никакого права считать положение между мягкими согласными более зависимым, чем положение между твердыми согласными, и на этом основании принимать звуки [o] и [u] за главные, а звуки [ö] и [ü] за побочные варианты фонем [o] и [u].

Откуда же взялся этот весьма распространенный взгляд, будто существуют зависимые и независимые (или, по мнению некоторых,

минимально зависимые) фонетические положения, а соответственно с этим — главные и побочные варианты фонемы? Дело в том, что фонемы в одних положениях встречаются чаще, чем в других. Так например, фонемы [o], [u] встречаются между мягкими согласными гораздо реже, чем в остальных положениях. В результате самый частый вариант наиболее ярко отражается в сознании говорящих, заслоняя собой остальные варианты. Поэтому говорящие обычно в состоянии произнести в изолированном виде только этот самый частый вариант. Таким образом, разделение на главные и побочные варианты фонемы вполне оправдано с психологической точки зрения. Но при лингвистическом подходе к данному вопросу совершенно непозволительно смешивать понятие частоты с понятием зависимости. Если фонема встречается в одних положениях чаще, чем в других, то это никоим образом не означает, что одни положения менее зависимы, нежели другие.

В связи с исследованием противопоставлений [e — o] и [i — u] мы подчеркиваем, что дифференциальные признаки фонемы должны быть совершенно независимы от комбинаторных условий. Губное округление потому является дифференциальным признаком фонем [o], [u], что оно, не завися от комбинаторных условий, свойственно всем вариантам этих фонем. Что же касается задней артикуляции языка, то она не может считаться дифференциальным признаком по той причине, что, находясь в зависимости от комбинаторных условий, принадлежит только части вариантов данных фонем.

Итак, место образования в полости рта не служит дифференциальным признаком в системе польских гласных фонем. По положению же губ мы получаем два ряда гласных: губной [o, u] и негубной [e, i]. Для [a] и [ɔ] положение губ не служит дифференциальным признаком, потому что [a] — единственная гласная нижнего подъема, а [ɔ] — единственная носовая гласная фонема.

Подъем языка дает три степени: 1) гласную фонему нижнего подъема [a], 2) гласные среднего подъема [o, e] и 3) гласные верхнего подъема [i, u]. Для [ɔ] как единственной носовой гласной фонемы подъем языка не имеет силы дифференциального признака.

По положению мягкого нёба имеем носовую гласную фонему [ɔ] и неносовую [o].

Отношение долготы и краткости как дифференциальный признак не имеет места в системе польских гласных фонем.

Перечислим теперь дифференциальные признаки каждой гласной фонемы в отдельности. Фонема [a]: нижний подъем языка. Фонема [e]: 1) отсутствие губного округления; 2) средний подъем языка. Фонема [i]: 1) отсутствие губного округления; 2) верхний подъем языка. Фонема [o]: 1) губное округление; 2) средний подъем языка; 3) поднятие мягкого нёба. Фонема [u]: 1) губное округление; 2) верхний подъем языка. Фонема [ɔ]: опущение мягкого нёба.

Таковы дифференциальные признаки польских гласных фонем.

В заключение укажем, что в польском языке противопоставления гласных фонем никогда не нейтрализуются, за исключением [o] — [ɔ]. Противопоставление [o] — [ɔ] нейтрализуется перед [l], [l'], [r].

**С О О Б Щ Е Н И Я
И П У Б Л И К А Ц И И**

В. Н. Кондратьева

К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ ПОЛЬСКИХ КРЕСТЬЯН НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ВОССТАНИЯ 1863 г.

1

С развитием фольварочного товарного хозяйства в Польше крестьяне постепенно сгонялись с земли, которую паны присоединяли к своим экономиям-фольваркам.

После восстания 1830--1831 гг. в Польше наблюдается процесс капитализации сельского хозяйства, вызывавший усиление процесса обезземеливания крестьянства. Лишившись земли, крестьяне переходили в разряд коморников, халупников, кутников и должны были работать на панском фольварке.

Паны продолжали сгонять крестьян с земли вплоть до реформы 1864 г.

Тот же процесс капитализации сельского хозяйства вызывал интенсификацию барщинного труда крестьян. Повинности польских крестьян были чрезвычайно обременительны: паны требовали с крестьян ежедневной барщины; на себя крестьяне могли работать только в воскресные дни или ночью. Кроме того, крестьяне должны были поставлять помещику яйца, каплунов, орехи, грибы, пряжу и пр. Крестьяне несли также строительную, подводную, денежную и другие повинности. Были установлены специальные, обязательные для всех крестьян летние сгонные дни на панской земле — так называемые „гвалты“.

С 1807 г., по конституции Наполеона, польские крестьяне считались лично свободными, т. е. они могли свободно переходить от одного владельца к другому, но никакого права на землю они не получили. Крестьяне находились в полной экономической зависимости от помещиков, которые за клочки земли налагали на них совершенно произвольные по характеру и размерам повинности.

Конституция Наполеона ничего не изменила в правовом положении польских крестьян. Попрежнему вся административная и судебная власть сосредоточивалась в руках помещиков: войтами гмины (т. е. старшинами сельской общины), как правило, были сами помещики. В круг обязанностей войта входил разбор конфликтов, происходивших между крестьянами и помещиками. Не удивительно, что польские помещики совершенно безнаказанно сгоняли крестьян с земли и присоединяли крестьянские земли к своим фольваркам.

После восстания 1830 г. царское правительство для привлечения польских крестьян на свою сторону решило провести ряд мероприятий. Заняться крестьянским вопросом заставили царское правительство и события в Галиции в 1846 г. Боязнь, что польские крестьяне повторят галицийскую резню в Польше и что волнения могут перекинуться и во внутренние губернии империи, форсировала уступки царского правительства в крестьянском вопросе. Все это вызвало появление указа 26 мая 1846 г.

В 1846 г. в Царстве Польском насчитывалось 2972 тыс. крестьян; из них 1804 тыс. крестьян имели земельные участки, 1168 тыс. были лишены земли. Наделы, размером в три морга¹ и выше, имелись только у 233 758 крестьян.² Безземельные и малоземельные крестьяне вынуждены были арендовать землю у помещика. Крестьянин-арендатор был лишен какой бы то ни было собственности: все строения на арендованной земле, инвентарь, рабочий скот, зерно на посев — принадлежали владельцу земли. Переходя к другому помещику, на другую землю, крестьянин-арендатор уходил с пустыми руками: все результаты его труда доставались помещику.

Указ 26 мая 1846 г. объявлял неприкосновенными крестьянские участки, площадью не менее трех моргов. Если крестьянин уходил к другому помещику, то прежний хозяин, по указу 1846 г., не имел права присоединить опустевший участок („пусток“) к своему фольварку. Он оставался крестьянским. На крестьян, имевших меньшие участки земли, этот закон не распространялся, и их попрежнему могли сгонять с земли. Помещики легко обходили указ 1846 г. и широко пользовались правом сгона с участка неисправного плательщика. Делалось это якобы для того, чтобы заменить его более надежным арендатором, а на самом же деле с целью присоединить крестьянский участок к своему фольварку.

По данным 1855 г. к панским землям было присоединено таких участков:

В Варшавской губ.	— 2173
» Радомской	— 687
» Люблинской	— 1367
» Плоцкой	— 185
» Августовской	— 154

Всего, по данным 1855 г., было присоединено 4566 участков.³

При составлении инвентарных правил помещики ухитрялись присоединять к своим владениям задним числом большое количество крестьянских земель и уменьшать размер крестьянских участков.

После указа 1846 г. польские помещики запрещали крестьянам пользоваться угодьями, не разрешали даже собирать в лесу валежник на топливо. При переводе на оброк (чинш) получалось так, будто бы крестьяне сами, добровольно, по контракту, лишали себя угодий.

Инвентарные крестьянские земли были самые худшие. Крестьянский участок был разбит на мелкие клочки. Попрежнему вотчинная власть оставалась в руках помещиков, и размеры повинностей находи-

¹ Морг равен $\frac{1}{2}$ га.

² Wł. Grab ski. *Historja wsi w Polsce*. Warszawa, 1929, s. 343.

³ ЛОЦИА. Главный комитет по крестьянским делам 1858—1859 гг., № 24, л. 348. (Выписка из отчета правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского за 1855 г.).

лись в полной от них зависимости. Добавочные повинности — „даремщины“ — в инвентарных списках механически были переведены в поземельные повинности. Принудительный найм для коморников, халупников и прочих категорий польских крестьян оставался без изменений.

Статья 5-я указа 1846 г. провозглашала „помощь и покровительство“ помещикам, желавшим перевести крестьян на оброк. Согласно отчетам гражданских губернаторов за 1856 г., в Царстве Польском было 146 869 очиншеванных крестьянских дворов (помещичьих и казенных) и 209 607 барщинных.¹

16 декабря 1858 г. состоялось постановление Совета управления о добровольном очиншевании. Устанавливался постоянный контроль правительства над заключением договоров по очиншеванию крестьян. Но добровольное очиншевание без наделения землей ничего не дало крестьянам.

Ко времени крестьянской реформы 1861 г. выяснилось, что польские помещики дальше аренды и очиншевания итти не хотят. „Земледельческое общество“ во главе с Замойским требовало только добровольного очиншевания и долгосрочной аренды.

Обнародование манифеста 19 февраля 1861 г. тотчас же нашло отклик у крестьян Царства Польского. Крестьяне решили, что паны скрывают от них волю. Начались крестьянские волнения, в которых приняло участие более 20 тыс. дворов.² Крестьяне отказывались нести барщину. Атмосфера накалялась.

Ограничиться переводом крестьян на чинш было уже невозможно. Польские помещики понимали это и решили опередить предполагаемое распространение реформы 19 февраля 1861 г. на Царство Польское. 20 марта 1861 г. „Земледельческое общество“ издало циркуляр, по которому польским крестьянам предоставлялось право выкупить свой надел через Кредитное общество.

Спровоцированные этим циркуляром крестьяне отказывались выполнять повинности, и польские помещики обратились за помощью к русским властям для проведения экзекуций и водворения порядка. В ноябре 1861 г. волнениями было охвачено 155 деревень Грубешевского уезда; волнения были усмирены войсками.³

Под влиянием этих событий начальник Гражданского управления Царства Польского, сторонник мирного сотрудничества с русским правительством, маркиз Велепольский, спешно принялся за проведение крестьянской реформы. Он разработал так называемый „закон об окупе“ (Положение 4/16 мая 1861 г. о денежном выкупе). По этому закону всем крестьянам-барщинникам разрешено было с 1 октября 1861 г., т. е. после окончания полевых работ, перейти на денежный оброк — окуп,⁴ даже не испрашивая на это согласия помещика. Этот

¹ ЛОЦИА Главный комитет по крестьянским делам 1858—1859 гг., № 24, лл. 1—3. Выписка из отчета правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского за 1855 г.).

² Евреинов. Крестьянское дело в губерниях Царства Польского. СПб., 1914, стр. 25.

³ Рукоп. отдел Гос. публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (в дальнейшем — ГПБ). Материалы для истории польского восстания 1863 г., т. XIX. Хроника событий.

⁴ Чинш исчислялся соответственно оценке земли, а окуп — соответственно размеру барщины, индивидуально в каждом имени.

денежный оброк крестьяне должны были уплачивать четыре раза в год, за три месяца вперед. Размер оброка устанавливался путем перевода барщинной повинности на деньги. Стоимость рабочего дня оценивалась произвольно и, разумеется, очень высоко. Окуп-оброк намного превышал ценность земли. Помещикам давалось право выкупать окуп с крестьян любым способом.

„В помещичьем имении Хойне, близ Лодзи, окуп доходил до 5 руб. с десятины, но так как это оказалось не по силам крестьянам, то помещики перевели их на поземельный чинш. С десятины уже пришлось по 1 р. 60 к. с лучшей земли и 1 р. 10 к. — с худшей... В имении Кшановского, Шенчице, приходилось окупа 4 р. 80 к. с десятины; крестьяне просили очиншевания, но помещик им отказал. Из города приезжал чиновник унимать крестьян“.¹

Помещики воспользовались законом об окупе, чтобы настроить крестьян против царского правительства. Они строго выискивали все виды повинностей, прибегая к экзекуциям, вызывали в имения воинские команды и т. д.

Велепольский сделал последнюю попытку предотвратить восстание введением закона 24 мая (5 июня) 1862 г. об обязательном очиншевании: крестьяне переводились с барщины на оброк. Земля предоставлялась крестьянам на началах аренды (Велепольский был против наделения крестьян землей).

Закон 24 мая (5 июня) 1862 г. не ограждал крестьян от повышения повинностей, не давал никаких льготных сроков по уплате чинша. После очиншевания крестьяне теряли право на угодья. Помещик мог по собственному усмотрению переселять крестьян с места на место, отбирать у них лучшие земли и переводить на худшие и дальние, присоединять пустующие крестьянские усадьбы к своим фольваркам.²

Сгон крестьян с удобной земли, расширение фольварочного хозяйства за счет крестьянской земли продолжались вплоть до восстания 1863 г. и во время него.

II

В период подготовки восстания 1863 г. польская эмиграция усиленно рекомендовала панам помягче обращаться с крестьянами, постепенно привлекать их на свою сторону, чтобы создать себе в крестьянской среде опору в предстоящем восстании. Начиная с 1861 г. пань стали проводить так называемое „сближение двора с хатой“, заниматься „культурничеством“ (открывали сельские и воскресные школы и проводили другие мероприятия по „сближению“ с крестьянами). Особенно энергичную деятельность развило в это время католическое духовенство. Ксендзы составляли воззвания, печатали плакаты с изображением гербов Польши и Литвы, знамен, кос, пик, пушек; в центре плаката изображался шляхтич, обнимающий крестьянина.

В сентябре 1861 г. представился удобный случай для демонстрации единения панов с крестьянами. Таким поводом были похороны архиепископа Фиалковского. Для участия в похоронах в окрестностях

¹ Ю. Самарин. Соч., т. I, стр. 365.

² Евреинов. Уж. соч., стр. 68.

Варшавы набрали 200 крестьян. „Для крестьян помещики, бывшие тогда в Варшаве, устроили обед в Европейской гостинице и сами прислуживали им“.¹ Эта демонстрация, как указывают документы, ввела в заблуждение тех, кто не верил в возможность хороших отношений между крестьянами и помещиками. После сентябрьской демонстрации надежды на помощь крестьян в борьбе шляхты за восстановление Польши в границах 1772 г. усилились.

„Сближение“ помещиков с хлопами не сопровождалось улучшением экономического положения польских крестьян. Так, в дневнике, дошедшем до нас от того времени, читаем (февраль 1862 г.), что в деревне Моржичка Калишского уезда крестьяне платят чинш по 20 руб. с десятины, а у графа Станислава Замойского с 4¹/₂ десятин земли — 25 руб. чинша, 10 дней даровой работы, 35 дней дорожной повинности. В записи за март 1862 г. говорится, что крестьяне деревни Теодоров Гостынинского уезда принуждены обрабатывать помещику по 2 дня с морга; кроме того, должны платить деньгами 1 р. 50 к., приносить 2 каплуна, 15 яиц, обрабатывать дорожную повинность и другие. От крестьян деревни Тромбек того же уезда поступило 13 жалоб на то, что их помещик с помощью солдат наносил каждому крестьянину, не желавшему платить по 2 р. 73 к. чинша с морга, 25 ударов.²

Отношения между помещиками и крестьянами обострялись. Шильдер писал о положении в Царстве Польском в 1861 и 1862 гг.: „Калишский военный начальник доносит от 30 ноября (12 декабря), что между крестьянами и помещиками беспрестанно бывают столкновения. С той и с другой стороны поступают жалобы и доносы: помещики жалуются на неисполнение крестьянами своих повинностей, а крестьяне — на притеснения и побои со стороны помещиков и их управляющих“.³

Крестьяне толпами ходили к наместнику жаловаться на издевательства панов. Нередко от жалоб крестьяне переходили и к более активным формам протеста против произвола помещиков. В упомянутом нами дневнике мы находим записи об отдельных выступлениях крестьян против помещиков в период подготовки восстания. В феврале 1862 г. в Гостынинском уезде крестьянами был убит помещик Кленевский. „В Родзыне арестован русин за тенденцию к вешанию помещиков“. В апреле 1862 г. „войт гмины Закжево Бибский в Пшаснышском уезде двумя неизвестными заколот“.⁴

В мае — июле 1862 г. не прекращаются жалобы крестьян на помещиков, уклоняющихся от очиншевания. Задержка очиншевания вызвала в июле 1862 г. новый взрыв протеста со стороны крестьян. А отказ крестьян в повиновении встречал в ответ крутые меры со стороны помещиков. Так, например, произошла экзекуция крестьян в Брацлавском уезде.⁵

Все это происходило одновременно с воззваниями к хлопам от варшавян, всевозможными обещаниями крестьянам и устройством

¹ ГПБ. Материалы... , т. XIII, стр. 320—321.

² Там же, ... , т. XIX. Хроника событий.

³ „Русская старина“, 1899, т. 100, стр. 463—464.

⁴ ГПБ. Материалы... , т. XIX. Хроника событий.

⁵ Там же.

воскресных школ. К концу 1862 г. атмосфера еще больше накалилась. В дневнике читаем, что в Плоцком воеводстве „мужики собираются по ночам“; „около Кутна крестьяне убили помещика, пришедшего в корчму“.¹

III

В процессе подготовки польского восстания 1863 г. у поляков сложились две партии — „белые“ и „красные“. Обе партии стремились к восстановлению независимой Польши в границах 1772 г., но различными средствами.

Партия „белых“ была партией крупных и средних польских помещиков; к партии „красных“ принадлежала мелкая шляхта, учащаяся молодежь, ремесленники, низшее духовенство.

„Белые“ желали сохранить феодальные отношения в Польше. Они боялись восстания с привлечением широких народных масс и надеялись добиться восстановления Польши с помощью иностранных держав.

„Красные“ же стремились добиться восстановления Польши внутренними силами, путем восстания, с привлечением к нему крестьянства. Но и для „красных“ крестьянство было только орудием, только средством к достижению главной цели — восстановлению Польши в границах 1772 г. Лозунг восстановления Польши в границах 1772 г. сблизил обе партии. Крестьянский вопрос в восстании 1863 г. оказался подчиненным вопросом.

Многие деятели партии „красных“ отдавали себе отчет в том, что движение без участия широких масс крестьянства обречено на поражение, что борьба поляков за национальную независимость должна сопровождаться аграрной реформой, иначе провал неизбежен. „Красные“ ставили вопрос о немедленном наделении крестьян землей. Марчевский в своем письме к военному начальнику Плоцкого воеводства Сигизмунду Падлевскому писал 11 февраля 1863 г.: „При помощи сильных отрядов переходить край от селения к селению и в каждой гмине вводить крестьян официально и торжественно в права собственности — в этом вся задача восстания“.² Декрет Центрального комитета от 22 января 1863 г. и должен был, по мнению руководителей восстания, привести крестьян в лагерь борьбы за восстановление независимой Польши.

Декрет гласил: „Центральный народный комитет в качестве временного народного правительства... решил и постановляет:

1. Всякий поземельный надел, которым каждый крестьянин-хозяин владел доньше на основании барщины, чинша или другим каким способом, вместе с принадлежащими наделу садами и огородами, постройками жилыми и хозяйственными, равно как и с правами и привилегиями с ними нераздельными, со времени издания нынешнего декрета составляет неотъемлемую наследственную собственность владевшего наделом доньше, без каких бы то ни было обязанностей, барщины или чинша, единственно с условием платить надлежащие подати и отбывать государственную службу.

¹ „Русская старина“, 1899, т. 100, стр. 463—464.

² ГПБ. Материалы... т. XIV, стр. 175.

2. Владельцы данных крестьянам-хозяевам земель получают соответствующие вознаграждения из народных фондов, посредством предполагаемого займа¹.

Далее в декрете указывается, что все распоряжения царского правительства по земельному вопросу аннулируются. Декрет этот, говорится в заключение, применяется ко всем видам имений Царства Польского — частным и государственным.

По декрету 22 января крестьяне получали только ту землю, которой они пользовались до издания декрета. Ни о каком дополнительном наделении крестьян землей в декрете не говорилось ни слова.

В дополнении к этому декрету, который мог удовлетворить только незначительную часть польского крестьянства, именно — зажиточную его часть, имеющую достаточные наделы, Центральный народный комитет издал второй декрет следующего содержания:

„Центральный народный комитет в качестве временного народного правительства, принимая во внимание, что свержение чужеземного ига требует весьма значительного числа сражающихся и что никто не может отговориться от военной службы, сверх того, принимая во внимание, что каждый гражданин, живущий трудом рук своих и отправившийся на войну, должен вместе со своим семейством иметь обеспеченное существование, — решил и постановляет: халупники, загородники, коморники, батраки (parobki) и вообще граждане, живущие единственно трудом рук своих, призванные сражаться за отечество в рядах народного войска, получают сами (а в случае их смерти — жены их и дети) в собственность из народных имений надел земли никак не менее трех моргов“².

Таким образом, безземельные крестьяне и батраки могли получить три морга земли только за участие в восстании, при этом — после его успешного окончания.

В 1859 г. в Царстве Польском было 36% безземельных крестьян.³ На этих крестьян декрет 22 января не распространялся. Естественно, что мелкий задолженный крестьянин, крестьянин-арендатор и крестьянин-батрак не могли быть удовлетворены декретом 22 января. Вопрос о наделении безземельных крестьян землей откладывался на время после восстания. Земельная собственность польских панов оставалась неприкосновенной. Руководители восстания тем самым лишили восстание поддержки наиболее революционной части крестьянства — батраков и малоземельных крестьян. Вожди восстания не решались посягнуть на интересы помещиков, стояли за сотрудничество со шляхтой, поэтому аграрная программа „красных“ носила половинчатый, компромиссный характер. Аграрная реформа, не затрагивающая помещичьего землевладения, не могла удовлетворить широкие крестьянские массы.

Обнародование декрета 22 января и проведение его в жизнь Центральный народный комитет возложил на военных и гражданских начальников воеводств. Приказано было „не допускать“ при объявлении декрета „малейших признаков социальной катастрофы“. „Гасить огонь тотчас же, хотя бы самыми строгими мерами. В случае открытой и грозной попытки этого рода (например, убийство помещика

¹ ГПБ. Материалы. . . , т. IV, л. 14.

² Там же, . . . , т. IV, л. 16.

³ Wl. Grabski. Op. cit., s. 351.

и т. д.), обязанностью начальника ближайшего отряда, безотлагательно рассмотрев дело, сжечь совершенно всю деревню и наиболее виновных наказать смертью“.¹

Мы говорили выше, что декрет 22 января 1863 г. брал под свою защиту крестьян, имеющих в своем пользовании достаточный участок земли. Эта часть крестьянства поддержала восстание (главным образом в Калишском и Подляском воеводствах). Участие крестьян в повстанческих отрядах находилось в прямой зависимости от реализации декрета 22 января. Там, где декрет 22 января вводили в жизнь, зажиточные крестьяне шли в отряды. Для привлечения широких масс польского крестьянства нужна была радикальная аграрная реформа, которая удовлетворила бы эти широкие массы. Крестьяне недоверчиво относились к постановлениям Временного Жонда и к речам агитаторов. Участник восстания Авейде говорит, что все старания привлечь крестьян на сторону восстания „разбивались вековыми грехами шляхты, рабством, недоверием и нерасположением народа“, что „история не позволила ему (польскому народу. — В. К.) полюбить отчизну“.²

Вооруженное восстание с участием крестьян пугало шляхту. Шляхта решила во что бы то ни стало не допустить аграрной революции. Польские помещики не хотели поступиться своими классовыми привилегиями и во имя этого они готовы были отказаться от идеи национальной свободы и пойти на примирение с Россией. До марта 1863 г. „белые“ противились восстанию. Деньги на восстание вырывались у помещиков угрозой. Однако, когда „белые“ увидели, что „красные“ продолжают борьбу, они постарались, следуя советам Чарторыйского, захватить руководство восстанием в свои руки. К середине апреля 1863 г. Временный Жонд „побелел“: во главе его стал Рупрехт — бывший член дирекции „белых“, который прямо заявил, что верит только в интервенцию, а не в народные силы. Как раз в это время произошло дипломатическое вмешательство европейских держав, оживившее надежды шляхты на восстановление Польши.

„Шляхта и европейская дипломатия опасались, чтобы участие крестьян в восстании не привело к социальной революции“.³ Естественно, что представители „белых“ в Центральном комитете всеми силами противились проведению в жизнь декрета 22 января. „Это наделение крестьян землей больше всего тревожило партию «белых», которые во все органы «красных» вталкивали своих агентов для расстраивания всех их предприятий“.⁴ Однако, опасаясь недовольства крестьян, Жонд Рупрехта издает декреты, подтверждающие декрет 22 января 1863 г. о наделении крестьян землей, на деле же замалчивает саботаж помещиками декрета 22 января. Помещики не только не вводили этого декрета в действие, но продолжали жестоко эксплуатировать крестьянство.

Комиссар Жонда Народового в Калишском воеводстве сообщал 27 июня 1863 г. начальнику Пиотровского уезда: „Дошло до сведения

¹ О. Авейде. Записки о польском восстании, т. III. Изд. Штаба Варшавского военного округа. Варшава, 1886, стр. 211.

² Там же, т. II, стр. 233.

³ „100 лет борьбы польского народа за свободу“. Под ред. Подвинского, стр. 174.

⁴ ГПБ. Материалы. . . , т. XIV, стр. 114.

моего, что в имении Масловец господина Сельшинского, а равно в имениях Малушин и Дворшавец господина Брониковского взят оброк с крестьян". 10 июля 1863 г. он писал тому же начальнику Пиотровского уезда: „Помещики Крушевский из Кремпы и Псарски из Длугего взяли оброки с крестьян“, и 11 июля 1863 г.: „Крестьянин Иосиф Возняк жалуется, что помещик Зелинский приказал его высечь за то, что он не был в состоянии выйти на работу и не заплатил за время служения, не дал причитавшегося количества зернового хлеба и забрал гусей и корец гречихи, а в результате выгнал его, грозя, что будет бить пока не убьет“.¹

Помещики во время восстания 1863 г. продолжали сгонять крестьян с земли. Самарин пишет: „В селении Рогове, Равского уезда, крестьяне владельца Пацера (он же и гминный войт), оставшись с нами наедине... единогласно заявили, что помещик в нынешнем году [в 1863] самовольно, без их согласия, разом перенес всю деревню с места очень удобного, вблизи водопоя, на дальнее расстояние, в совершенно бесплодное и безводное место. Единовременно был произведен обмен угодий; все расходы по переселению пали на крестьян, которые при этом лишились, без вознаграждения, лугов и разведенных ими на старом месте огородов“.²

Можно привести много примеров того, как в классовом эгоизме польской шляхты растворялись благие побуждения шляхетских демократов привлечь на сторону восстания польских крестьян. Представители помещиков произносили в Земледельческом обществе речи о необходимости наделения крестьян землей, но никто из них не принимал всерьез свои собственные слова. Тем менее собирались паны следовать декрету Жонда Народового от 22 января 1863 г.

8 марта 1863 г. Жонд издает декрет, подтверждающий январский декрет. За ним последовало подтверждение в июне и в июле, но паны продолжали игнорировать эти декреты Жонда. На помещичий произвол и насилия крестьяне отвечали вспышками протеста. Еще в январе 1863 г. люблинский губернатор жаловался на „своеволие“ крестьян. В феврале 1863 г. в Ополчинском уезде восстали крестьяне 56 деревень. Одновременно произошли волнения крестьян в Сандомирском и Стопницком уездах. Все эти волнения усмирал диктатор Лангевич, который выпустил воззвание к Сандомирской шляхте о недопущении „галициады“.³

Однако волнения не утихали: „6, 7 и 8 февраля крестьяне грабили Ойцов [Пржездецкого]“.⁴ „В деревне Осентинок во время ярмарки в магистрат вломилось 200 крестьян, разбили ворота, ругали шляхту“.⁵

Среди польской шляхты в апреле 1863 г. стали раздаваться голоса о необходимости применения террора против крестьян.⁶ „Шляхта садится на лошадь, предпочитая умереть от пули, нежели от крестьян“.⁷

¹ ГПБ. Материалы... , т. XIII, л. 19.

² Ю. Самарин. Соч., т. 1, стр. 359.

³ ГПБ. Материалы... , т. XIX. Хроника событий.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Таковы были отношения между польскими крестьянами и их панами во время восстания 1863 г. В мае 1863 г. Жонд Народовый обратился к крестьянам Радомской губернии с воззванием, в котором призывал крестьян не доносить о прохождении повстанческих отрядов. Если бы широкие массы польского крестьянства сочувствовали восстанию, не требовались бы подобные воззвания. В найденных бумагах начальника отряда Скшинского (за 6 июня 1863 г.) говорилось: „Вам известны дурные последствия нападения нескольких партизанов на деревню Сулков, с целью взять бессрочно-отпускного солдата. Обстоятельство это вызвало значительное неудовольствие между крестьянами. Необходимо поступать с ними весьма обдуманно; строгие меры должны быть употребляемы только в крайнем случае — при измене или шпионстве... Я полагал бы виновных партизан судить третейским судом и строго наказывать на самом месте преступления“.¹

Но шляхта и во время восстания давала понять крестьянам, что последние для них только рабочее быдло. Крестьяне знали, что если во время восстания некоторые помещики и не брали чинша и окупа, то рано или поздно они потребуют их. И действительно, в 1864 г. польские паны неоднократно обращались к русским властям с жалобами на неплатеж крестьянами оброков и на невыполнение ими повинностей.

IV

После того как в Литве, Белоруссии и Украине польское восстание потерпело поражение, в Царстве Польском произошла в конце 1863 г. последняя сильная вспышка восстания, охватившая Сандомирское и Краковское воеводства. К власти пришел Ромуальд Траугутт, объявивший себя 17 октября 1863 г. диктатором. Траугутт считал, что нужно организовать всенародное ополчение. Он говорил, что победить можно только вместе с народом, что восстание без народа — это только военная демонстрация. Траугутт понимал, что существует только одно средство вовлечь крестьянство в восстание — это принудить помещиков наделить крестьян землей.

Траугутт издает декрет, приказывающий помещикам, под страхом смертной казни, ввести в действие декрет 22 января. Декретом от 31 декабря 1863 г. Траугутт учредил административно-судебную власть, которая, состоя под начальством уполномоченных комиссаров воеводств, должна была заниматься исключительно делами, касающимися наделения крестьян землей. В каждом уезде уполномоченный комиссар избирал депутата для наблюдения за точным исполнением постановления от 22 января. Депутат, по соглашению с начальником уезда, в свою очередь поручал в каждой деревне одному из поселян наблюдать за исполнением постановления жителями деревни и в случае замеченных злоупотреблений доносить немедленно ему.

§ 2 декрета от 31 декабря 1863 г. предписывал „о всяком нарушении постановления, по проверке фактов, составить протокол и таковой препроводить начальнику уезда для подтверждения к судебному разбирательству“.

¹ Сб. „Деятельный век“. Поездка по некоторым местностям Царства Польского. М., 1872, стр. 302—303.

При обнаружении злоупотребления начальник уезда должен немедленно учредить так называемый сокращенный суд.

§ 5 декрета от 31 декабря гласил: „Сокращенные суды по крестьянским делам решаются большинством голосов; мнения должны быть подаваемы явно и таким порядком: начинают высказываться крестьяне, а оканчивает депутат...“.

Далее в декрете следовал перечень наказаний за нарушение декрета 22 января:

„Статья 2-я. Если кто-либо в счет чинша или оброка принимал деньги под предлогом займа, то он должен возвратить все взятое крестьянам и такое же количество внести в уездную кассу.“

Статья 3-я. Если кто-либо взял с крестьян добровольно внесенный окуп деньгами, в натуре или работой, то должен возвратить крестьянам взятые деньги и уплатить стоимость принятого предмета или работы и такое же количество денег внести в уездную кассу.

Статья 4-я. Если бы кто принуждал крестьян административным или судебным способом, военной силой или другим каким-либо образом к платежу или отработыванию чинша, окупа или барщины, то он должен быть казнен смертью¹.

Однако вера масс в руководителей восстания была потеряна, и когда Траугутт 27 января 1864 г. обратился к народу с манифестом, призывая его к всеобщему ополчению, народные массы не откликнулись на призыв Траугутта, тем более что угроза смертной казни не подействовала на польских помещиков — они и не собирались проводить в жизнь декрет 22 января.

Польские крестьяне видели, что классовые интересы шляхты всегда берут верх над национальными, а сражаться за привилегии шляхты они не желали. Хотя Траугутт был и дальновиднее и последовательнее других руководителей польского восстания, и понимал, что только немедленное наделение крестьян землей может привлечь их на сторону восстания и вызвать всенародное ополчение, но и он не решился посягнуть на помещичье землевладение.

Крестьянам нужно было дать землю, а не только освободить их от барщины. Аграрная реформа, оставляющая неприкосновенным помещичье землевладение, не могла удовлетворить польское крестьянство. Даже там, где декрет 22 января проводился в жизнь, это не влекло за собой включения в восстание широких масс польского крестьянства. Только действительное наделение крестьян землей, наделение, которое охватывало бы все слои польского крестьянства, могло бы обеспечить движению участие широких крестьянских масс, без которых „не бывает и не может быть мощного национального движения“ (Сталин). Нужна была аграрная революция, а не половинчатая реформа. Шляхта же стремилась придать восстанию умеренный характер и ни в коем случае не допустить аграрной революции.

Итак, вся подготовка польского восстания 1863 г. шла, как уже говорилось, не под лозунгом разрешения крестьянского вопроса, а под лозунгом восстановления Польши в границах 1772 г. Крестьянский вопрос с самого начала оказался подчиненным вопросом и остался таким до конца восстания. Крестьянство же могло участвовать только в таком восстании, которое сопровождалось бы аграрной революцией

¹ ГПБ. Материалы... т. VIII, л. 4—7.

и вылилось бы в антифеодалную войну против помещиков. Аграрная реформа, оставлявшая неприкосновенным помещичье землевладение, не могла удовлетворить польское крестьянство, и поэтому широкие крестьянские массы не поддержали восстания 1863 г.

Руководители восстания 1863 г. заняли половинчатую позицию в крестьянском вопросе. Когда шляхта поднимала знамя национальной независимости, она прежде всего думала о сохранении своих классовых привилегий и не хотела поступиться ими в пользу крестьян. Лозунг национальной независимости становился пустым звуком перед лицом социальной революции. Ни один из жондов, в том числе и последний — Жонд Траугутта, — не решался посягнуть на помещичье землевладение. Шляхта не желала дать землю крестьянам. Крестьяне видели это и отказались от участия в восстании. Лишенное поддержки широких слоев крестьянства, восстание 1863 г. было с самого начала обречено на провал.

Б. М. Руколь

ПИСЬМО ПОДЖИО БРАЧЧИОЛИНИ К ЛЕОНАРДО АРЕТИНСКОМУ И РАССКАЗ МЛАДЕНОВИЦА КАК ИСТОЧНИКИ ОБ ИЕРОНИМЕ ПРАЖСКОМ

Поджио Браччиолини (1380—1459), автор письма об Иерониме Пражском, — известный итальянский гуманист. Он был одним из первых собирателей древних рукописей, и ему принадлежит честь открытия некоторых произведений Цицерона, Квинтилиана, Лукреция, Марцеллина, Плавта, Петрония, Тертуллина. Поджио Браччиолини является также автором известных в свое время „Фатаций“ и „Epistolae“, которые представляют интерес и в настоящее время. Одно из его писем и будет предметом нашего исследования.

Обстоятельства написания интересующего нас письма следующие. С делом Иеронима Пражского Поджио Браччиолини познакомился в качестве секретаря папской курии.¹ Его письмо адресовано Леонардо Бруни из Аретцо (Аретинскому, 1369—1444), одному из знаменитых ученых того времени, переводчику Аристотеля, Демосфена, Плутарха и автору „Epistolae familiares“. Леонардо Аретинский проявлял особый интерес к происходящему на соборе, так как с 1405 г. был папским секретарем, а в 1415 г. сопровождал Иоанна XXIII в Констанц, который покинул после низложения папы собором.

Письмо Поджио Браччиолини об Иерониме Пражском — широко известный источник. Оно напечатано в подлиннике на латинском языке в актах Констанцского собора, изданных Гардом в сборнике „Historia et monumenta Magistris Hus et Hieronymi Pragensis, confessorum Christi“,² и в документах, изданных Палацким.³ В чешском переводе оно издано Палацким в „Archiv českém“⁴ и приведено им полностью в „Dějínách národa českého“.⁵ В чешском переводе оно издано также

¹ H. Hardt. Rerum Concilii oecumenici Constantiensis, t. III, p. 67—71.

² Historia et monumenta Magistris Johannis Hus et Hieronymi Pragensis, confessorum Christi. T. II. Norimbergae, 1558, p. CCLVIII—IX.

³ F. Palacký. Documenta Magistris Johannis Hus vitam, doctrinam causam in Constantiensi Consilio actam et controversias de religione in Bohemia annis 1403—1418 motas illustrantia. 1869, p. 624—629.

⁴ Archiv český, 1846, t. III, s. 198—203.

⁵ F. Palacký. Dějiny národa českého, t. III, 1850, v. I, s. 218—225.

Ярославом Голлом.¹ В русском переводе письмо Поджио Браччиолини помещено в работе Ламанского.²

Письмо Поджио Браччиолини упоминают и на него ссылаются все авторы, повествующие об Иерониме, начиная с Эней Сильвия Пиколломини до нашего времени. Это письмо высоко оценил Палацкий в „Dějinnách národa českého“, где отметил, что Поджио Браччиолини оставил живой образ, который служит чести описуемого не меньше, чем чести писателя.³

Наша задача — дать оценку интересному, увлекательному письму Поджио Браччиолини, являющемуся источником о Иерониме Пражском.

В самом письме содержатся прямые указания на то, что Поджио Браччиолини был очевидцем процесса Иеронима Пражского на Констанцском соборе. „Через несколько дней после того, как я вернулся в Констанц, началось дело Иеронима, которого называют публично еретиком“.⁴ Письмо написано под непосредственным впечатлением совершившейся казни Иеронима. „Я видел его кончину, следил за всем делом“⁵, — пишет Поджио Браччиолини и заканчивает письмо словами: „Писано в день казни Иеронима“.⁶

Чешский магистр произвел сильное впечатление на просвещенного итальянца. Поджио Браччиолини неоднократно выражает свое восхищение тем, как „прекрасно он говорил“,⁷ как искусно отвечал,⁸ характеризует голос Иеронима, как „приятный, полный, звучный, с особенным достоинством ораторских движений“.⁹ Поджио Браччиолини пишет: „То был муж великого ума“.¹⁰ Его поразила исключительная память Иеронима: „В подтверждение своих мыслей он привел столько мест из ученых и мудрейших мужей, из святых отцов, что было бы уже вполне достаточно, если бы он все это время, весь свой досуг провел в тишине и покое в подготовительных занятиях к такой речи“.¹¹ Поджио Браччиолини пишет Леонардо: „Поражен его [Иеронима] ученостью, образованностью, красноречием, остроумием ответов;“¹² он отмечает, что „Иероним приблизился к красноречию древних, которыми мы так восхищаемся“.¹³ В подтверждение Поджио Браччиолини приводит записанные им выступления Иеронима на соборе, из которых мы получаем ясное представление об учености, памяти, остроумии и находчивости Иеронима. Сравнение с описаниями Младеновица и актами собора доказывает точность записей Поджио Браччиолини. Очень образованный человек, Поджио Браччиолини мог лучше других оценить эрудицию Иеронима. В то время как Младеновиц совсем не приводит имен мучеников, названных Иеронимом, а в актах собора упомянуты только имена древних (Сократа, Боэция,

¹ J. Goll. Vypsání o Mistrovi Jeronymovi z Prahy. 1878, s. 21—33.

² Ламанский. О славянах в М. Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859, стр. 125—131.

³ F. Palacký. Dějiny..., t. III, v. I, s. 218.

⁴ F. Palacký. Documenta... p. 624.

⁵ Ibid., p. 629.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid. p. 625.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid., p. 628.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid. — Иероним же 340 дней до этого провел в тяжком заключении.

¹² Ibid. p. 628—629 и др.

¹³ Ibid., p. 624.

Маро, Сенеки, Платона), Поджио Браччиолини, передавая речь Иеронима, называет Сократа, Платона, Анаксагора, Зенона, Румелия, Боэция с изложением обстоятельств, жертвой которых они несправедливо стали. В актах собора приводятся только имена Иеронима, Элии, Даниила, Профеция, Сусанны и святого Стефана, названные Иеронимом; Поджио же в своем изложении речи Иеронима обстоятельно пишет о Моисее, Иосифе, пророках Исае и Даниеле, Сусанне, Иоанне Крестителе, Христе, святом Стефане. Таким образом, письмо Поджио Браччиолини из всех дошедших до нас источников дает наиболее полное представление об учености Иеронима Пражского.¹ Свидетельство Поджио Браччиолини о находчивости и остроумии Иеронима полностью подтверждается Младеновицем.² Это дает нам право сделать вывод, что Браччиолини точен в передаче того, что он сообщает. Свидетельство Поджио Браччиолини об Иерониме раскрывает нам образ Иеронима как одного из самых образованных людей своего времени, обладающего выдающимся красноречием. Но этим и исчерпывается ценность свидетельств Поджио Браччиолини об Иерониме.

Выдающегося гуманиста не интересовало существо дела, за которое осудили Иеронима. Он называет это дело уголовным.³ Он полагает, что не его дело судить о том, правильно ли осужден Иероним; он присоединяется к мнению тех, кого считает умнее себя (подразумевая под этими словами отцов собора),⁴ и не одобряет Иеронима, когда он выступает против устава церкви.⁵ Только один раз Поджио Браччиолини указывает, что „если он [Иероним] так мыслил в делах веры, как о том говорил, то не только не заслужил смерти, но и самой малой обиды“.⁶ Можно предположить, что Поджио Браччиолини, как секретарь папской курии, не мог более определенно писать о своих симпатиях к взглядам Иеронима, чтобы не навлечь на себя преследований. Самый факт написания такого панегирика учености и красноречию осужденного еретика требовал от автора большой смелости.

Вследствие этого вне сферы внимания Поджио Браччиолини остались такие существенные вопросы, как взгляды Иеронима и суть дела, за которое погиб чешский магистр. Поджио Браччиолини пишет только о последнем процессе Иеронима. Согласно рассказу итальянца, мужество Иеронима было беспримерно. Он пишет, что Иероним „был готов скорее твердо и спокойно подвергнуться какой угодно смерти, чем уступить своим врагам“.⁷ Браччиолини утверждает, что Иероним был „муж духа твердого и неустрашимого“⁸, который не ожидал и не искал жалости⁹, „был он неустрашим и смел, не только не боялся смерти, но даже искал ее. Сказал бы, что то был второй Катон“.¹⁰ С ясным челом и веселым улыбающимся лицом пошел он на смерть. Не боялся ни огня, ни мучений, ни смерти. Никто из стойков никогда не пере-

¹ См. прилож. № 1.

² См. прилож. № 2.

³ F. Palacký. Documenta..., p. 624.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid., p. 625.

⁶ Ibid., p. 627.

⁷ Ibid., p. 628.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

носил смерть с таким твердым духом, как он искал ее¹. „Муций с таким мужеством не держал одной руки своей на огне, как этот все тело. Сократ не так охотно принял яд, как он выдержал огонь“². Чтобы еще усилить впечатление о мужестве Иеронима, которое он считает подобным идеализированному им мужеству древних, Браччиолини приводит следующий эпизод: „Когда палач хотел зажечь сзади [Иероним] сказал: «Подойди сюда, зажги перед лицом моим, если бы я боялся твоего огня, никогда бы не явился сюда»“³. Так погиб этот необыкновенный человек. Этот эпизод мы встречаем только у Поджио Браччиолини. Ни один современник не приводит этих слов. Можно поэтому предположить, что эпизод вымышлен и вставлен Поджио Браччиолини в рассказ для усиления впечатления. Поджио Браччиолини не упоминает, что Иероним ушел из Констанца и был арестован на обратном пути в Чехию; он умалчивает о таком важном факте, как отречение Иеронима на соборе при первом слушании дела. Об этом факте много написано не только во враждебных Иерониму актах собора, но о нем упоминает и Младеновиц, поставивший своей целью защитить имя Иеронима от клеветы⁴. Поджио Браччиолини не мог не знать об отречении Иеронима, но этот факт противоречил созданному им образу Иеронима, и он умолчал о нем в ущерб истине.

Поджио Браччиолини создает надуманный, идеализированный образ, чтобы сравнить Иеронима с любимыми им деятелями древности. Поджио Браччиолини искажает действительность и приписывает Иерониму несвойственное ему непоколебимое мужество.

Ничего не пишет Браччиолини о борьбе чехов с немцами и о реформе университета, хотя об этом Иероним подробно и обстоятельно говорил в речи на соборе⁵. Мало говорит Браччиолини и о защите Иеронимом дела Яна Гуса, хотя это был самый главный вопрос на процессе. Ведь Иеронима судили именно как сторонника учения Яна Гуса. Известно, что ради спасения своего друга Иероним появился в Констанце. Страстная защита учения Яна Гуса составляла главное содержание его блестящих предсмертных речей. С именем Яна Гуса на устах погиб Иероним на костре. А Поджио Браччиолини, давший пространное описание выдающихся способностей Иеронима, ограничивается лишь несколькими словами о столь важном вопросе⁶.

Таким образом, Поджио Браччиолини в своем письме дает идеализированный образ Иеронима Пражского, не совсем похожий на действительный образ Иеронима. Поджио Браччиолини не останавливается на важнейших вопросах, связанных с деятельностью Иеронима. Много говоря о нем как о выдающемся человеке, Браччиолини мало внимания уделяет ему как сподвижнику Яна Гуса, что является самым важным в жизни Иеронима.

Прекрасная форма изложения, ссылки на письмо Поджио Браччиолини Энея Сильвия, книга которого оказала очень большое влияние на современных ему и последующих писателей, сделали письмо Поджио Браччиолини популярным в исторической литературе.

¹ Ibid., p. 629.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ См. прилож. № 5.

⁵ См. прилож. № 4.

⁶ См. прилож. № 3.

Историки от Энея Сильвия до современных нам считают письмо Поджио Браччиолини первоклассным источником об Иерониме Пражском.

Однако это не совсем так. Наряду с письмом Поджио Браччиолини о Иерониме Пражском большее значение имеет свидетельство другого очевидца, по всей видимости чеха, — Петра Младеновица.¹

Петр Младеновиц (ок. 1390—1451), родом из Моравии, учился в Праге. В бурный для Пражского университета 1409 год он получил ученую степень бакалавра свободных искусств. Наверно тогда он уже знал Иеронима, который в 1409 г. был в Праге. В 1416 г. Младеновиц получил степень магистра. Он занимал в университете выборные должности: в 1426 и 1441 гг. — декана философского факультета, в 1439 г. — ректора университета. В период гуситских войн он принадлежал к чашникам. На Констанцский собор Младеновиц прибыл в качестве секретаря Яна Хлума, сопровождавшего Яна Гуса. Младеновиц присутствовал на всех публичных допросах Яна Гуса. Как видно, у Младеновица с Яном Гусом были дружеские отношения, так как Гус завещал ему свои экземпляры книг Виклефа и простился с ним перед смертью.²

Младеновиц известен как автор обстоятельного подробного рассказа о процессе Яна Гуса, подкрепленного большим количеством документов. Рассказ его об Иерониме меньше по объему и лишен документации, но общим для того и другого рассказа является желание автора защитить имена Гуса и Иеронима от клеветы. „Ввиду многочисленных просьб, обращаемых ко мне [Младеновицу] со стороны правдолюбивых людей, — пишет Младеновиц, — я решился описать важнейшие события, касающиеся смерти магистра Яна Гуса, на память будущим поколениям“.³ Точно так же и рассказ об Иерониме, которого Младеновиц называет „человеком святой памяти“,⁴ написан с целью увековечить его имя среди чехов. „Так как по закону божьему о мудрости справедливых рассказывают народы и хвалу им признает собрание избранных, так и о магистре Иерониме, которого сожгли в Констанце без вины, который был искусным и верным рыцарем, за справедливость и веру твердо стоял до смерти, хорошо и пристойно будет написать правду для памяти о нем в будущем и для утешения верных любителей языка чешского“.⁵ Рассказ написан на латинском и чешском языках в популярной форме и невелик по объему, чтобы его легче было воспринять и запомнить.⁶

Младеновица интересует Иероним как защитник земли чешской. Он пишет, что Иероним был верен своему чешскому языку,⁷ что он прибыл в Констанц из-за „хитрой клеветы на королевство чешское“,⁸ скорбя о тяжелом несправедливом оскорблении его.⁹ У Hardt'a есть

¹ J. Goll. Op. cit.

² F. Palacký. Dokumenta..., p. 104.

³ Вознесенский. Послания магистра Иоанна Гуса. СПб., 1903, стр. 205.

⁴ J. Goll. Op. cit., s. 3.

⁵ Ibid.

⁶ „Хотя с добрыми намерениями раньше о его приключениях и суждениях писали, но то очень обширно было изложено, так что читать то все или слышать было тоскливо, поэтому чтобы охотнее можно было воспринять и легче запомнить, что о том магистре Иерониме достоверно собрано, то более кратко о нем изложено“ (Ibid., s. 3—4).

⁷ J. Goll. Op. cit., s. 4.

⁸ Ibid., s. 5

⁹ Ibid., s. 4—5

место, подтверждающее мысль Младеновица о преданности Иеронима своей родине и народу. 30 мая 1416 г. Иероним сказал, что „надеется, что то, о чем он дискуссировал и говорил в школах, на диспутах и в других местах, было сделано для блага и пользы королевства Чехии, как и честных его обитателей“.¹ Характеризуя Иеронима как защитника земли чешской, Младеновиц подробно рассказывает о борьбе Иеронима за права чехов в университете.² Однако Младеновиц не дает сложной исторической концепции, изложенной Иеронимом на соборе, очевидно, чтобы не усложнять свой рассказ.³ Младеновиц много пишет об отношении Иеронима к Яну Гусу, неразрывно связывая их имена. Он называет Иеронима любимым и постоянным товарищем Гуса,⁴ которого Иероним знал в молодости.⁵ Младеновиц пишет, что у них были общие враги. Осуждения Гуса добивались Михаил de Causis и Палеч, врагами Иеронима являлись те же лица: „Главные враги из Чехии в 1416 г., неверные и бродячие Михаил de Causis, доктор Палеч с монахами матери божьей Снежной из Праги с другими... дали на него новую жалобу“.⁶ Эта жалоба послужила причиной второго процесса, на котором Иероним был осужден. Для второго процесса были назначены другие судьи; „это были те, которые осудили на смерть Яна Гуса“.⁷ Гус и в заключении не забывал своего старого друга и часто упоминал его имя в своих письмах.⁸ Предсмертные слова Иеронима были о Гусе.⁹ Младеновиц пишет о Иерониме как о сподвижнике Гуса, и это свидетельство современника чешских магистров заслуживает внимания.

Младеновиц, как и Браччиолини, не свободен от идеализации Иеронима. Он пишет: „За справедливость и веру [Иероним] был тверд до смерти“;¹⁰ „его постоянство и верность должны помнить в будущем верные чехи“.¹¹ Здесь он грешит против истины, так как игнорирует факт отречения Иеронима на первом процессе. Вероятно, Младеновицу, учившемуся в университете, были известны и другие отречения Иеронима, например, отречение в Вене в 1410 г., вызвавшее много шума. Младеновиц пишет, что Иероним ободрял Гуса перед отъездом его в Констанц и сообщает следующий эпизод: „Когда магистр Ян Гус собирался в Констанц, магистр Иероним, его товарищ очень любимый и преданный, сказал ему в утешение и для ободрения его так: «Милый магистр, относительно того, что писал, проповедовал и учил по закону божьему, а особенно против роскоши и жадности и других несправедливостей священников, будь упорен и мужествен. А я, узнав, что будет тебе тяжело и будет потребность, приду свободно за тобой на помощь тебе»“.¹²

¹ H. Hardt. Op. cit., t. IV, p. 766.

² См. прилож. № 4.

³ См. прилож. № 4 — Акты собора о борьбе Иеронима с немцами и о реформе университета.

⁴ J. Goll. Op. cit., s. 4.

⁵ Ibid., s. 14.

⁶ Ibid., s. 15.

⁷ Ibid., s. 11.

⁸ F. Palacký. Documenta..., p. 90, 106, 108, 111, 116, 117, 140.

⁹ J. Goll. Op. cit., s. 19—20.

¹⁰ Ibid., s. 3.

¹¹ Ibid., s. 20.

¹² Ibid., s. 4. — Ср. с местом у Hardt'a: „Иероним последовал за Гусом в Констанц, как обещал“ (H. Hardt. Op. cit., t. IV., p. 760).

Иероним, действительно, последовал за Гусом в Констанц, чтобы помочь своему другу, и это стоило ему жизни. Но, с другой стороны, то, что мы знаем о мужестве Гуса из рассказа того же Младеновица и других свидетельств, позволяет думать, что в таком ободрении Гус не нуждался. Кроме того, это противоречит свидетельству самого Гуса. Находясь в заключении, Гус писал в одном из своих писем о словах Иеронима, сказанных ему перед отъездом в Констанц: „Если пойдешь на собор, то я чувствую, что ты уже не возвратишься“.¹ В этих словах нет призыва к мужеству и стойкости. Неправдоподобным представляется и следующий эпизод, приводимый Младеновицем. Когда в Констанце арестованного Иеронима увели в дом, то „к тому дому, узнав, подошел к окну один чех и сказал магистру Иерониму так: «Магистр милый, держись хорошо и будь упорен и не бойся за правду перенести смерть. Ведь о смерти говорил бы много, если бы был свободен». Ответил ему [Иероним]: «Милый брат, благодарю тебя за посещение и знай, что не боюсь смерти. Некогда о ней много говорил, ее стоит в действительности испытать...»“.² Если Иероним так и сказал, то так он не сделал: испугавшись коста, он отрекся. Младеновиц об этом знал и, приводя этот эпизод, изображает Иеронима более мужественным, чем он оказался в действительности. Но, хотя Младеновиц и идеализирует Иеронима, он сообщает горькую истину об отречении Иеронима от учения Гуса. О факте отречения он пишет подробно, но не повторяет это множество раз, как акты собора. Он более объективен, чем Поджио Браччиолини, который об этом совсем не упоминает.³

Младеновиц был очень хорошо осведомлен о всех обстоятельствах дела Иеронима. Изложение им обстоятельств процесса повторяется в актах собора.⁴

Рассказ Младеновица является обстоятельным источником об Иерониме Пражском. Ему по праву должно принадлежать первое место среди свидетельств современников о деятельности Иеронима Пражского. Рассказ Младеновица — авторитетное свидетельство современника-соотечественника чешских магистров, сочувствующего делу, за которое Ян Гус и Иероним отдали свою жизнь.

¹ F. Palacký. Documenta. . . , p. 111.

² J. Goll. Op. cit., s. 9.

³ См. прилож. № 5.

⁴ Ср. об уходе Иеронима из Констанца (J. Goll, s. 5; H. Hardt, t. IV, p. 760); о письмах Иеронима собору (J. Goll, s. 5; H. Hardt, t. IV, p. 760); о судьях Иеронима (J. Goll, s. 15; H. Hardt, t. IV, p. 766); о речи епископа Лауденского J. Goll, s. 16; H. Hardt, t. IV, p. 762). Сцена казни в передаче Младеновица так же изложена, как в актах собора (J. Goll, p. 8—20; H. Hardt, t. IV, p. 770—773).

ОБ УЧЕНОСТИ ИЕРОНИМА

Поджио Браччиолини

„Получив, после многих сопротивлений, право голоса, начал он с обращения к богу. Молил его подать ему такую мысль, такой дар слова, которые бы послужили на пользу и на спасение души его. Наконец, он сказал: „Знаю, учнейшие мужи, что много было превосходных людей, что терпели наказания, недостойные их добродетелей, падая под тяжестью ложных свидетельств, бесчестных доносов“. Напомнил Сократа, как тот несправедливо был осужден своими и как он, хотя и мог, не хотел, однако, бежать, для того, чтобы отнять у людей страх и боязнь самых ужасных для них вещей — смерти и заключения. Затем он упомянул о заключении Платона, бегстве Анаксагора и мучении Зенона, также и многих других несправедливых приговорах над разными язычниками, об изгнании Румилия, несчастной кончине Боэция и многих других, о которых говорил Боэций.

Потом перешел он к примерам евреев. Сперва указал на Моисея, освободителя своего народа и его законодателя, как часто клеветали на него свои же, словно на какого-нибудь обманщика или изменника народного, на Иосифа, из зависти проданного братьями, а потом по подозрению в блудодеянии брошенного в оковы, кроме того на Исая, Даниила и почти на всех пророков, которых подвергали несправедливым приговорам как ненавистников бога, как возмутителей народных. Тут указал он и на суд Сусанны и многих других, которые были безукоризненной святости и погибли из-за несправедливых приговоров. Наконец, перейдя к Иоанну Крестителю и к самому Спасителю, сказал он, что всем известно, как были они осуждены ложными свидетелями, ложными судьями; назвал и святого Стефана, убиенного советом жрецов; говорил, что все апостолы приговорены были к

Младеновиц

„Испросив себе спокойное слушание о различном искусстве и писании мудрецов и из писания закона божьего и докторов, и то весьма глубоко и пристойно, так что могли ему подивиться все, говорил перед ними и после полудня, приводя до того имена различных мудрецов, пророков, апостолов и мучеников, как они за правду безвинно были поруганы, опозорены, считались мятежниками, хулителями бога и поэтому были осуждаемы на смерть и различно замучены. И, конечно, это несправедливость, когда от чужих или от своих с людьми мирскими то делается, еще более, когда священник от священника терпит и наибольшая несправедливость, когда собором священническим из-за ненависти и злобы священник бывает выдан на смерть. О том о всем магистр Иероним говорил весьма твердо и мужественно“.

(J. Goll. Vypsáni. . . s. 13).

Акты собора

„Продолжая свое повествование, начал рассказывать о многих знаменитых мужах, без вины убиенных, подвергшихся изгнанию и заключенных в тюрьму. Далее сказал что Сократ, Боэций, Марк, Семека, Платон и многие другие выдающиеся и замечательные мужи были несправедливо погублены.

Также сказал о Иерониме — докторе церкви, Элии и Данииле, Профедии и Сусанне, которая была осуждена по фальшивому доносу двух священников и которую было разрешено освободить благодаря мудрости Даниила Пророка; также о святом Стефане, первомученике, который подобным образом из-за фальшивых свидетелей был вызван на суд и заключен в тюрьму и наконец побит камнями. И также о многих других“.

(H. Hardt. Rerum... t. IV, p. 757).

смерти не как добрые люди, а как мятежники и возмутители народов, ненавистники богов и злодеи. Несправедливо, когда служитель алтаря несправедливо осуждает такого же служителя. Но это, заметил он, бывало. Еще несправедливее, когда поступал так совет духовных; он и это подтвердил примерами. Но всего несправедливее, когда так действовали целые соборы; показал, что и это бывало. Обо всем этом говорил он красноречиво и увлекательно. . .

Ф. Рапалскý. Documenta. . . , р. 626—627.

Ламанский. О славянах. . . , стр. 127—128).

Приложение 2

ОБ ОСТРОУМИИ И НАХОДЧИВОСТИ ИЕРОНИМА

Поджио Браччиолини

„На вопрос, что думает о таинстве причащения, отвечал: «Прежде бывает хлеб, а потом при освящении и после истинным телом Христовым» и прочее, всё, как по закону. Тогда отозвался кто-то: «Говорят, что ты говорил, будто и по освящении остается хлеб». Он отвечал: «Да, у хлебопека». Кому-то из ордена проповедников, когда тот к нему сильно приставал, сказал он: «Молчи, лицемер». Другому, когда тот, поклялся своей совестью, он заметил: «Это самый лучший путь к обману». Какого-то из главных своих противников иначе не называл он, как псом или ослом“.

(Ф. Рапалскý. Documenta. . . , р. 626.

Ламанский. О славянах. . . , стр. 127).

Младеновиц

„Когда был спрошен одним, чего держится о святости алтарной, отвечал так: «Перед посвящением есть хлеб и вино, после посвящения—истинное тело Христа и кровь его святая», прибавив к тому и больше, что приличествует предписанию святой веры.

Тогда, встав, другой сказал: «Но Иероним, о тебе слишком велика молва, что держишься того, что должен быть хлеб на алтаре». Ответил ему: «Держусь, что хлеб есть только у пекаря, но не в святости алтарной». Против того один монах в белой одежде весьма упрямо сказал так: «Против этого споришь, но это вещь явная». Прикрикнул на него: «Помолчи ты, монах-лицемер».

Когда тот умолк, тотчас другой громким криком воззвал и сказал: «Присягай (клянись) своей совестью от чего отрекаешься, что это так». И тому ответил так: «Так клясться своей совестью—часто самый легкий из обманов“.

(J. Gol. Vypsáni. . . , s. 12—13.

ИЕРОНИМ О ЯНЕ ГУСЕ И ВИКЛЕФЕ

Поджио
Браччиолини

„Он... прямо начал хвалить Я. Гуса, недавно преданного сожжению, называя его мужем добрым, праведным и святым, вовсе не достойным такой смерти“.

(F. Palacký. Documenta..., p. 627. Ламанский. О славянах..., стр. 129).

„Хваля Яна Гуса говорил: «Ничего он не мыслит против церкви божьей, но против злоупотреблений духовенства, против гордости, тщеславия и роскоши прелатов, так как церковные имущества собственно должны идти на нищих и сирых, на храмы, то доброму мужу этому и казалось постыдной трата их на блудниц, на пиры, на содержание собак, лошадей, на наряды и прочие вещи, не достойные Христовой веры“.

(F. Palacký. Documenta..., p. 628. Ламанский. О славянах..., стр. 129).

Младеновиц

„Потом перешел к речи о магистре Яне Гусе, которого знал с молодости, что не был он ни блудник, ни корыстолюбец, ни пьяница, ни другими явными грехами испорченный, но был покорный, почтительный, трезвый, прилежный в учении и чтении, справедливый и верный проповедник и святой, а что проповедовал магистр Ян Гус и магистр И. Виклеф [редко упоминается] против мерзости роскоши, ненависти, ругательства и корыстолюбия священников, то того всего держится и держаться жаждет до смерти. Но в иных пунктах веры христианской держится всего и верит по предписанию общей святости церкви христианской, не призывая ни к какому заблуждению или ереси“.

(J. Goll. Vypsání..., s.14).

„В свидетели беру господа бога своего и пред вами свидетельствую, что ничего еретического или блудного не придерживаюсь, но придерживаюсь всех тезисов веры христианской и верю в то, чего святая церковь придерживается и верит. Но не желаю соглашаться с оскорблением вышеприведенных добрых магистров, которых вы неправильно и злобно опозорили, которые о вашей беспорядочности жизни учили и писали для вашего наказания и исправления, хотя вами за то ныне должен быть осужден на смерть, будь то воля божия, а я против своей совести не сделаю, ибо знаю, что когда писали против непорядков и несправедливости духовенства, правду изложили“.

(J. Goll. Vypsání..., s. 15—16).

„Не придерживался никакого тезиса неверного или ерети-

Акты собора

Яна Гуса „всегда, как сказал, почитал как твердого, справедливого и святого мужа“.

(H. Hardt. Rerum..., t. IV, p. 758).

„Какого магистра Я. Гуса назвал человеком справедливым, святым, прямым и мужем благочестивым, который не отклоняется от истины“.

(H. Hardt. Rerum..., t. IV, p. 758).

„И последовательно магистр Я. Гус проповедовал против духовенства, благосостояния духовных лиц, приводя в своих проповедях, как пресвитеры и церковный клир выступают в постыдных нарядах, непрерывно совершают пиршества, выдавая пиршества за благо для бедняков... и поглощены делами с блудницами и другими празднествами и обольстительной роскошью. Говорил, что бенефиции были установлены богом, чтобы кормить и давать приют беднякам и возводить церкви, и не должно доходы тратить в пирах, блудодеяниях, на наряды и другую роскошь.

Из-за этого, сказал, пражский клир поднялся против них и их преследовал. И сам пражский клир из-за ненависти, которую клир питал, поднялся против учения магистра Я. Гуса, послал Михаила из Брода Немецкого, какого Михаила не называл чехом, а немцем, в римскую курию для ускорения суда над самим Я. Гусом“.

(H. Hardt. Rerum..., t. IV, p. 759).

„Иероним посоветовал магистру Я. Гусу, что должно идти на Констанцкий собор, чтобы там публично и открыто могли изложить все и доказать свою невинность в присутствии

ческого против веры христианской и не думал и не шел против положения и порядка святой всеобщей христианской церкви, кроме того, что был против злого духовенства, пышного и непорядочного, и часто уговаривал и желал тех, которые так поступают вопреки посвящению и званию своему“.

(J. Goll. Vypsáni... , s. 17).

„Милые люди, заключите, что я так же верю, как сейчас пел. То же и о других тезисах веры, верю, как должен верить каждый христианин, но за то теперь так умираю, что с тем собором духовенства не захотел согласиться в осуждении и посрамлении магистра Яна Гуса, как правильном и справедливом, ибо я магистра знал с молодости; он был почтенный, благородный человек и проповедник веры закона божьего и чтения Господа Иисуса Христа“.

(J. Goll. Vypsáni... , s. 19—20).

всех мудрых и окончательно защититься от обманов“.

(H. Hardt. Rerum... t. IV, p. 759).

„Доктрина Я. Гуса свята и справедлива, как его жизнь, которой желал держаться и твердо ей следовать“.

(H. Hardt. Rerum... , t. IV, p. 761).

„Сказал о книгах Вилкефа и его учении, что никогда не видел человека, который столь хорошо и глубоко писал. Его писаный равным образом желал держаться и злом считал выступления против“.

(H. Hardt. Rerum... , t. IV, p. 761).

„Лишь только то, что сам Вилкеф и Я. Гус говорили относительно алтарной святыни против мнений докторов церкви, в этом не следовал им, не придерживался их мнения. Напротив, считал так, как четыре доктора церкви, а именно: Григорий, Амбросий, Августин и Иероним и другие, которые сегодня почитаются церковью“.

(H. Hardt. Rerum... , t. IV, p. 761).

„Также сказал, что тратится напрасно клир, а именно — на роскошь и праздники. Ибо клир обращает наследство Христа на праздники, роскошь, как-то: на красивых лошадей, дома, пиршества, одежды, не служа этим бедным, для нужд которых клир имеет больше, и использует добро или наследство Христа на распутство и другие дела, а именно — на блудодеяния“.

(H. Hardt. Rerum... , t. IV, p. 767).

„Ян Гус, как верит, был справедливым и святым человеком“.

(H. Hardt. Rerum... , t. IV, p. 768).

ИЕРОНИМ О БОРЬБЕ ЧЕХОВ С НЕМЦАМИ И РЕФОРМЕ УНИВЕРСИТЕТА

Младеновиц

„Был также верен языку своему чешскому, так как, когда немцы в университете Пражском чехов различно и несправедливо притесняли, тогда он с другими магистрами-чехами против них храбро выступил, за короля Вацлава, так что король Вацлав, видя зрелость и изобилие магистров чешских, поручил им управление и владение Пражским университетом. А немцы, того чехам не простя, в великом множестве ушли из Праги и направились в Германию“.

(J. Goll. Vypsání... s. 4).

„... с другими магистрами чешскими работал за короля Вацлава, чтобы в учении Пражском чехи над другими народами, особенно над немцами высшее право во всем имели и господствовали, как то упоминается выше“.

(J. Goll. Vypsání... s. 13—14).

Акты собора

„Для вида унижаясь, сказал, что ни кем другим не осужден, как своими из Богемии и немцами, которые питают к нему ненависть. И рассказывая о причине ненависти, говорил сначала, как создавалось королевство Богемии и чехи отделились от греков. И как возникла ненависть между греками и немцами и, наконец, достигла королевства Богемии в правлении императора Карла IV. Как Карл IV, бывший королем Богемии, видевший Богемию землей богатой, не лишенной ни средств пропитания, ни золота, ни серебра, кроме ученых людей, и чтобы ему помогли распространить в государстве использование наук, как в других местах, а именно — у парижан или у других, для получения имеющих степень магистров и докторов, желал, следовательно, сам господин Карл снабдить королевство Чехию и город Прагу и основал там и выстроил всеобщую школу. В этой школе было много немцев, распорядившихся церковными пребендами (читали в коллегиях), так что чехи в этом ничего не имели. И когда один чех получал степень искусств, и в другом месте не имел где жить, должен был идти через села, города, управлять частными школами, снискивая этим свое пропитание. И немцы управляли Пражской школой и всеми бенефициями и владели печатями с основания школы и всеми выгодами в названном Пражском университете. И имели в названной школе три голоса, а именно: баварский, саксонский и больше половины польский, так как, сказал, силезцы, которые принадлежали к польской нации, все были немцы, так что настоящие поляки составляли там меньшинство. И что ни совершали, ни делали немцы в этой школе, они действительно владели этим; чехи же поистине ничего не могли сделать. Подобное же сказал о светских людях. Так, в городе Пражском было в городском совете 18 чел., из которых 16 чел. были немцы и 2 чел. — чехи. И что все королевство управлялось немцами, и они имели все светские должности и миряне чехи ничем не пользовались. Поистине, сам Иероним, видя это, вместе с магистром Я. Гусом, которого всегда, как сказал, почитал как твердого справедливого и святого мужа, желая этому противиться, отправился к современному королю Чехии, изложив ему следующее с другими знатными чехами, заключив, что такие дела являются плохим примером и ведут к разрушению язык чешский. И убежден был магистром Я. Гусом, что должно в беседах чешских внушать чешскому народу, что не должно более так поддерживать то, что таким образом понимается немцами... И что, наконец, сами Иероним и магистр Я. Гус сделали вывод с помощью чехов знатных и других, что, где 16 немцев в городском совете Пражском, должны быть посажены 16 чехов, а на место двух чехов должно быть посажено два немца. И что печати Пражского университета, основания и привилегии или свободы этой школы должны быть взяты у немецких и отданы чешским магистрам. Поэтому, сказал он, немецкие магистры, негодующие против чехов, ушли из города и университета Пражского. Также сказал, что сам Иероним и магистр Я. Гус в один день содействовали тому, что многие немцы были убиты чехами“.

(H. Hardt. Rerum... t. IV, p. 757—759).

ОБ ОТРЕЧЕНИИ ИЕРОНИМА НА ПЕРВОМ ПРОЦЕССЕ

Младеновиц

„В конце рассказал и то, как, хотя виновен против милого пана бога, но нет у него более тяжкого греха на его совести, как тот грех, который допустил на той шельмовской и проклятой кафедре, на которой в своем отречении из-за боязни смерти хохвалил и согласился с неправильным осуждением магистра Я. Гуса, человека святого, говоря против него несправедливо для удовольствия их, что поэтому ему господь бог помог опять вступить на ту же кафедру, что то отречение нарушает и отказывается от него, говоря, что магистру Я. Гусу были неправда и беззаконие того собора, говоря так, что для удовольствия их говорил против магистра Я. Гуса, что говорил несправедливо, что то ему жаль сердечно“.

(J. Golli. Vypsání... s. 14—15).

Акты собора

„Надеялись, что он угодливо будет держаться перед собором. Ибо сам Иероним, как человек боящийся огня, об умерщвлении и жестоком жаре которого он говорил, внял убеждениям и отрекся и написал в Богемию свое отречение. И согласился с осуждением книг Я. Гуса и его доктрин“.

(H. Hardt. Rerum... t. IV, p. 760—761).

„Отказывается от письма, которое написал в Прагу, в котором отрекался от мнения и доктрин Я. Гуса“.

(H. Hardt. Rerum... t. IV, p. 761).

„Что касается отречения от мнения и учения Я. Гуса, не совершил, потому что желал оставить его учение и мнение, но совершил то отречение из-за болезни и страха, ибо испугался огня“.

(H. Hardt. Rerum... t. IV, p. 761).

„Также отказался от письма, которое им написано в Прагу о его отречении, и другого в публичном заседании, когда навязали ему отречение и проповедь против веры и заблуждений. Как сказал, не желает так нечестиво пользоваться случаем относительно того, что он согласен с осуждением Я. Гуса... Но сказал, что совершил такое отречение из-за боязни огня, жар которого, как сказал, жесток. И поэтому написал названное письмо в Прагу, в котором, сказал, наилучшим образом писал. Фальшивое то письмо немедленно было по приказу синода создано уважаемым отцом, господином Иоанном, патриархом Констанцским. Он согласился не на письмо, но на отречение, какое, как выше сказано, было прочитано тогда Иеронимом в публичном выше-сказанном заседании, а именно 23 сентября 1415 г... в центре зала“.

(H. Hardt. Rerum... t. IV. p. 768).

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Вопросы изучения славянских языков в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию	5 ✓
<i>Л. Б. Валев.</i> Народно-демократическая Болгария с 9 сентября 1944 г. до конца Второй мировой войны	39
<i>И. Н. Мельникова.</i> Как была включена Закарпатская Украина в состав Чехословакии в 1919 г.	104
<i>В. И. Пичета.</i> Россия и Пруссия в период польского восстания 1830—1831 гг.	136
<i>В. Д. Корольюк.</i> Избрание Августа II на польский престол и русская дипломатия	176
<i>И. С. Миллер.</i> Крестьянское движение в Великой Польше в 1651 г.	220
<i>А. И. Баранович.</i> Новый город Западной Украины XVI в. (Основание Староконстантинова)	236
<i>Д. Ф. Марков.</i> Людмил Стоянов. (Творческая эволюция Стоянова-поэта от сим олизма к реализму)	264
<i>С. Б. Бернштейн.</i> Об одном чехо-моравизме в памятниках старославянского языка	320
<i>Е. В. Чешко.</i> К истории славянских глагольных видов. (Основы глаголов движения в Зографском кодексе)	328
<i>В. В. Бородич.</i> К истории форм настоящего времени глаголов совершенного вида в древнеболгарском языке	345
<i>С. К. Шаумян.</i> Система гласных фонем современного польского литературного языка	394

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

<i>В. Н. Кондратьева.</i> К вопросу о положении польских крестьян накануне и во время восстания 1863 г.	409
<i>Б. М. Руксль.</i> Письмо Поджио Браччиолини к Леонардо Аретинскому и рассказ Младеновица, как источники об Иерониме Пражском	421

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редакторы издательства *Л. М. Роголин* и *В. И. Зуев*
Технический редактор *Н. П. Аузан*
Переплет художника *Б. Б. Титова*

*

РИСО АН СССР № 4433 Т-03096. Издат. № 2933.
Тип. заказ № 4. Подп. к печ. 9 VI 1951 г. Формат
бум. 70 X 108^{1/16}. Печ. л. 37,33. Бум. л. 13,625. Уч.-
издат. 36,75. Тираж 3000. Цена в переплете 32 руб.

1-я тип. Издательства Академии Наук СССР.
Ленинград, В. О. 9 л., д. 12.

УЧЕННЫЕ
ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНО-
ВЕДЕНИЯ

III

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ
НАУК
СССР

1951